

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РОМАН ГЛУШКОВ

ГРАНЬ БЕЗДНЫ

Роман Глушков
Грань бездны

Люди и до ада доберутся. И освоят там богатейшие залежи серы.
Станислав Ежи Лец

Часть первая
Сундуки мертвеца

Глава 1

Увидеть на горизонте черный всполох – откровенно плохая примета. А когда это вдобавок происходит в самом начале долгого и опасного путешествия, можно запросто разувериться в его благополучном исходе. Некоторые перевозчики после такого знамения Вседержителей либо сразу повернули бы вспять, либо вовсе отказались бы от работы, наплевав на все контрактные обязательства. Шкиперы атлантических бронекатов – сухогрузов, буксиров, водоналивных танкеров и прочих, – народ суеверный, и я в этом плане не исключение. Но сегодня – не тот случай, когда вера в приметы могла бы заставить меня нарушить контракт. Впервые за последние пару лет трейлер моего «Гольфстрима» был загружен доверху, а наниматель выплатил мне не торгуясь ту сумму, какую я с него затребовал. Редчайшая по нынешним временам удача.

Как, впрочем, и природное явление, замеченное нами в это погожее утро, также было довольно редким. Первое утро нашего очередного рейса через Атлантику омрачилось зловещим знамением, что изрядно подпортило мне настроение, приподнятое после заключения удачной сделки.

Этот черный всполох, или, как их обозначают в документах и на картах – «би-джи» («*black glow*»), – был самым грозным из всех, какие я наблюдал с моим нынешним экипажем, чей состав не менялся вот уже четыре года – тоже своеобразный рекорд в моей шкиперской практике. Солнце еще не показалось над возвышающимся на юго-востоке Гаитяньским плато, когда раскинувшийся пред нами алеющий горизонт вдруг померк. Молниеносно – так, будто кто-то из Вседержителей выплеснул на багряную полосу восхода ведро черной краски. А вместимостью то ведро могло сравниться, пожалуй, с самой пуэрториканской Бездной...

Огромные шипастые колеса «Гольфстрима» издавали при езде много шума. Но донесшийся до нас со стороны всполоха характерный раскатистый треск перекрыл

даже гроыхание движущегося по камням буксира с прицепом. Я в этот момент стоял у штурвала и смотрел прямо по курсу, оттого и не проморгал сей уникальный по размаху и мощи атмосферный катаклизм.

– Стоп колеса! – вздрогнув от испуга, крикнул я через плечо копошащемуся в моторном отсеке Гуго де Бодье. Толстяк-механик, он же – бывший сенатор одного из северо-восточных атлантических городов – Аркис-Капетинга, – кинулся к рычагу экстренной остановки. А затем навалился на него всем своим упитанным телом и застопорил трансмиссию, отсоединив ее от маховика Неутомимого Трудяги. «Гольфстрим» как раз штурмовал пологий подъем, и Гуго пришлось вдобавок опустить тормозные башмаки, что также приводились в действие соответствующей автоматикой. И лишь когда колеса бронеката и трейлера были надежно застопорены, де Бодье оставил в покое рычаги и, пыхтя, грузно вскарабкался ко мне на мостик, дабы уточнить, что стряслось. Сенатор – все мы его так и называли – был единственный из нас четверых, кто не успел заметить черный всполох, хотя вызванный им шум механик наверняка расслышал.

Объяснять ему ничего не потребовалось. Гуго хватило одного взгляда на горизонт, чтобы все понять без слов. Оставшееся после всполоха скопление метафламма – гигантского облака из миллиардов тонких, и острых как бритва волокон – исчезало, быстро растворяясь в воздухе. Через несколько минут на том месте, где только что бушевала смертоносная буря, не останется и следа. Стало быть, мощный выброс огня, который переродился в «би-джи», был кратковременным. А иначе беспросветно-черная туча все еще продолжала бы висеть над землей или того хуже – разрасталась бы вширь, если бы пламя усилилось.

– Святой Фидель Гаванский! Вот это шарахнуло! Да еще так близко от Аркис-Сантьяго! – воскликнула в воцарившейся тишине Долорес Малабонита – наш бортстрелок, впередсмотрящий и по совместительству моя последняя – пятая по счету – жена. Она, сенатор-изгнанник де Бодье плюс наш четвероногий друг – говорящий варан-броненосец Физз – вот и весь нынешний экипаж «Гольфстрима»...

В этом рейсе нас также сопровождал мой наниматель и хозяин груза, некий Томас Макферсон: сутулый, сухощавый, все время кашляющий старикан с дрожащими руками и морщинистым, покрытым пигментными пятнами лицом. «Дохлый, но щедрый» – так лаконично, не в бровь, а в глаз охарактеризовала его Малабонита. Точнее не скажешь: кем-кем, но скупердяем Томас и впрямь не был.

Только из-за его невероятной щедрости я раздобрился настолько, что разрешил ему взять с нами в рейс второго сопровождающего, хотя пассажирское место на «Гольфстриме» было оборудовано всего одно. Ладно, потеснимся, чего уж там.

Приятель клиента должен был присоединиться к нам не сразу, а спустя три дня, на равнине Нэrsa, у тамошнего Столпа. Макферсон не раскрыл нам личность этого человека, но заверил, что он – столь же добропорядочный джентльмен, как и сам Томас, и что его участие в нашем походе будет отнюдь не лишним.

Я пожал плечами: что ж, кто платит, тот и барин. А кто платит вперед, тот для меня – шкипера трансатлантического буксира Еремея Проныры Третьего – фактически святой. Причем гораздо более уважаемый святой, нежели для Малабониты – ее Фидель Гаванский. И подобным клиентам я готов во многом потакать – а вдруг судьба снова сведет нас на просторах подлунного мира? Работать с надежными, проверенными и платящими вперед клиентами для меня всегда сродни празднику.

Половину нашего гонорара Томас оплатил монетами, а половину – отборными иностальными листами, самый маленький из которых был размером с раскрытый шкиперский Атлас! При помощи этой иностали клепальщики Аркис-Сантьяго – города, где правит алькальд Сесар Железная Рука отец моей Долорес, и где старик Макферсон хранил доселе свои богатства, – могли бы провести капитальный ремонт корпуса «Гольфстрима». Но я планировал озадачить этой работой умельцев из другого города – далекой и загадочной крепости Гексатурм. Именно туда – в находящийся по ту сторону Срединного хребта Гексатурм – мы и направлялись. И щедро оплативший нашу поездку наниматель умолял меня поторопиться.

Какая нужда гнала его к склонам Великого Восточного плато, за шесть тысяч километров от Аркис-Сантьяго, я не спрашивал. Раз приспичило человеку перебраться на другой конец света вместе со всем своим богатством, значит, есть на то веская причина. Которая меня – перевозчика-наймита – касается постольку-поскольку. Равно как постольку-поскольку волнует меня и то, что хранится в громоздких герметичных контейнерах, коими забит наш трейлер.

Знатные, надо отметить, коробочки. Три десятка иностальных кубов, каждый – емкостью более восьми кубометров и весом от двух с половиной до трех тонн. Восемьдесят с лишним тонн непонятно чего, но там явно не черепаши панцири, не оружие и не иносталь. При погрузке я лично взвесил и обстучал все ящики: набиты очень плотно, до самого верха. А заперты так, что из них песчинка не просыплется. Похоже на сыпучий груз. Хорошо просушенная и упакованная для дальней транспортировки мука? Маловероятно. Во-первых, ее белый налет непременно остался бы на стенках контейнеров. А во-вторых, для перевозки какой муки наниматель будет сооружать столь дорогостоящую тару и отваливать не торгуясь гору превосходной листовой иностали?

И самое главное: на всех тридцати контейнерах я не обнаружил ни заклепки, ни болтика.

О чем это говорит? Правильно: ящички Макферсона собрали не люди, а Вседержители. Собрали по той же технологии, по какой был создан мой и прочие Неутомимые Трудяги – несколько тысяч существующих сегодня на Земле ДБВ – двигателей безостановочного вращения. Только тот, кто в силах повелевать огнем, может скреплять между собой железные детали без клепки и предшествующего ей муторного сверления. Человек давно так не может, ибо сегодня огонь – наш заклятый враг. Любой возникающий на планете источник горения мгновенно перерождается в метафламм и убивает окрест себя все живое на большом расстоянии. Как тот далекий черный всполох, что напугал нас при выезде из Аркис-Сантьяго. Как миллиарды других «би-джи», которые произошли до него и которые уродуют наш мир с тех самых пор, как Вседержители утыкали его своими гигантскими Столпами...

Соблюдение конфиденциальности клиента для нас – вопрос чести. Но выведать о нем кое-какую информацию у него за спиной не противоречит принципам Еремея Проныры Третьего. И тем паче грех не сделать это, когда алькальд, под чьей защитой Макферсон прожил долгое время, приходится мне родней. Точнее, тестем. Разумеется, я имею в виду алькальда Аркис-Сантьяго Сесара Железная Рука.

– Запутанная на самом деле эта история, мой друг, – отмахнулся он, когда я, выслушав деловое предложение Томаса, пришел к своему влиятельному тестю за мудрым советом. – Сеньор Макферсон появился у нас в городе три года назад вместе с таким же перевозчиком, как ты. Пьяница Хань – так вроде бы звали того шкипера...

– Как же, знаю его, – подтвердил я. – Правда, лично знаком не был. Старый китаец всегда причислялся к самым рискованным шкиперам Атлантики. И недаром. Поговаривают, ему доводилось проезжать по таким диким местам, где единственные ориентиры – это следы, оставленные змеями-колоссами и змеешорами. Жаль Ханя – гуляют слухи, что полтора года назад он пропал без вести, когда искал северный объездной путь вокруг Великого Западного плато.

– Воистину жаль, – согласился Сесар Железная Рука. – Хань, как и ты, тоже состоял у меня на особом счету. Однако не о Хане сейчас речь. В общем, привез он к нам Макферсона на своем буксире с севера, из долины Гаттераса. Ты бывал когда-нибудь у Столпа, что стоит на ее северной оконечности, сразу за Бермудскими горами?

– Проезжал пару раз неподалеку, и только, – признался я. – Поэтому с куратором тамошних Стервятников не знаком. Но слышал, что он – из молодых.

– Все верно, – кивнул алькальд. – Его зовут Пино Навахо, и он верховодит артелью совсем недавно. А до Пино там держал банк как раз Томас Макферсон. И, вполне вероятно, по сей день держал бы, кабы не юкатанская чахотка, что однажды серьезно его подкосила. Сеньор Томас начал терять силы и осознал, что вскоре так или иначе его власти придет конец. Но он не стал дожидаться, когда это произойдет, и сам передал бразды правления в руки молодого и горячего Навахо, пока тот не учинил в артели переворот. А Макферсон выбрал для себя добровольное изгнание и покинул долину Гаттераса. Пино это благородство так растрогало, что он одарил старика иносталью, дабы он ни в чем не нуждался до конца своих дней. Томас был премного наслышан обо мне как о справедливом правителе и решил осесть в Аркис-Сантьяго. В чем я, естественно, не мог ему отказать. Богатый и мудрый горожанин – честь для любого города. И потому обидно, что сеньор Томас все-таки надумал нас покинуть. Я очень огорчился, когда узнал об этом. Ну да гладкой ему дороги. Как, впрочем, и вам тоже.

– Так, значит, контейнеры, которые он хочет переправить в Гексатурм, – это часть той пенсии, какую назначил бывшему куратору Стервятников его преемник?

– Да, Макферсон так мне и сказал. Хотя я сразу заподозрил: он явно что-то недоговаривает. А спустя год при нашей последней встрече с Пьяницей Ханем тот проболтался, что прежде, чем взять курс на юг, им с сеньором Томасом пришлось заехать на Великое Западное плато. И проторчали они в Брошенном мире якобы аж целые сутки. «Надо было забрать попутно кое-какой груз», – сказал тогда Хань. Но потом, очевидно, спохватился, что выдает чужую тайну, и сразу же примолк. Впрочем, для меня и этих слов было достаточно, чтобы догадаться, о каком грузе толкует Пьяница.

– Прошу прощения, сеньор. – Я недоуменно вскинул брови. – Вы случаем не оговорились? Макферсон и Хань, они что, действительно поднимались на Великое плато? Или вы имели в виду лишь его склон?

– Да, Пьяница сказал именно так: они взобрались на само Великое Западное, а не на склон, – уточнил Сесар Железная Рука. – И произошло это не так уж далеко отсюда: на Флоридском Клине.

– Любопытно. И чем же они там дышали? Ведь на тех высотах нет воздуха!

– Как я понял, эти двое не удалялись в глубь Брошенного мира. А на самом краю плато, по словам Ханя, атмосфера не так разрежена. Долго находиться там,

безусловно, нельзя, но вытерпеть сутки лично ему было вполне по силам. Однако больному сеньору Томасу после того восхождения стало совсем худо. Правда, в Аркис-Сантьяго он, к счастью, оклемался и пошел на поправку. А теперь вот даже намерен дерзнуть пересечь Атлантику. Хочу, говорит, успеть на склоне лет повидать мир по ту сторону Срединного хребта, а то, дескать, за всю свою жизнь восточнее Столпа Пико и не выбирался...

Эх, лучше бы Макферсон и дальше сидел на своих сокровищах под защитой алькальда Сесара и его армии! Нет, понесла же нелегкая старого хрыча на другой конец света, и это в его-то возрасте и при его отвратительном здоровье!

Понесла, понесла, да не донесла... Не прошло и суток, как Томас оставил нашу компанию и отправился другой дорогой в совершенно другом направлении. Туда, куда суждено рано или поздно уйти всем нам и откуда уже нет и не будет возврата: в подземный рай Чистого Пламени. Туда, где горят миллионы костров, а на них духи великих поваров древности жарят, варят и коптят все те вкусности, о которых гласят легенды! Приготовленная на настоящем огне, а не в лучах полуденного солнца, восхитительная горячая пища Брошенного мира! Вся, какая только существовала во времена наших предков и о какой мы – их потомки – знаем лишь понаслышке. И каждый, кому из нас повезет попасть туда после смерти, будет ходить от костра к костру и вкушать старинные яства, пока не перепробует их все. То есть лет эдак через тысячу-другую. А потом отправится наслаждаться пищей Богов по второму кругу – райская жизнь, она ведь бесконечна.

А может, на совести Макферсона висели неведомые нам тяжкие грехи, и он не провалится в рай, а вознесется в небесный ад Иностали и Мрака. Там бедняге Томасу предстоит вечно блуждать по заросшему дегрями метафламма иностальному лабиринту, ища выход и не находя его. Тонкие волокна перерожденного огня изрежут тело страдальца до костей и несметное число раз пронзят его насквозь. А он, мучимый дикой болью, будет каяться и проклинать свою многогрешную жизнь, но так и не получит прощения от грозных Вседержителей...

Первый тревожный звонок, сигнализирующий о грядущей беде, прозвенел у меня в голове, когда мы остановились, потревоженные «би-джи», и уставились на восход. Зрелище было грандиозным, однако сидящий в пассажирском кресле Томас даже не приподнялся, чтобы взглянуть вместе с нами на далекий катаклизм. Нет, бывший куратор Стервятников не спал и смотрел сейчас туда же, куда мы. Вот только вид у него был при этом совершенно равнодушный, словно он наблюдал подобные явления ежедневно. Или же все его мысли были поглощены чем-то другим.

Например, собственным плохим самочувствием. Такая догадка казалась ближе к истине, пусть даже лицо старика не выглядело страдальческим.

Мы отделились от Аркис-Сантьяго всего на десяток километров, и мне не хотелось бы возвращаться назад из-за внезапно ухудшившегося здоровья нанимателя. Спустившись с мостика на палубу, я подошел к Томасу и обеспокоенно поинтересовался:

– Как себя чувствуете, мистер Макферсон? Что-то вы неважно выглядите.

– Со мной все в порядке, шкипер, – заверил меня старик, изобразив вялую и явно наигранную улыбку. – Просто давненько не путешествовал на бронекатах, вот и укачало с непривычки. Ничего, скоро освоюсь, и все пройдет.

– Может, хлебнете немного кактусидра? – предложил я. – Уверен, он поможет вам взбодриться.

– Нет, благодарю вас, – отказался Томас. – Но если вас не затруднит, дайте лучше обычной воды.

Я не стал перепоручать его просьбу Гуго и Малабоните и предпочел обслужить клиента собственноручно. Будь Еремей Проныра Третий богатым хозяином водоналивного танкера, он давно завел бы себе прислугу на все случаи жизни. Но пока мне приходится бороздить пустоши Атлантики на стареньком, отцовско-дедовском буксире, я не могу позволить себе подобную роскошь. Вот и приходится порой взваливать на себя не подходящие для шкипера обязанности. Ничего не попишешь – издержки мелкого бизнеса. К тому же из всей моей команды я был единственный, кто не страдал избытком гордости. Даже говорящий варан-броненосец Физз, доставшийся мне в наследство от отца вместе с «Гольфстримом», и тот в компании бывшего сенатора де Бодье и дочери алькальда Сесара стал поглядывать на меня с заносчивостью. Чего при прежних наших экипажах за Физзом точно не наблюдалось.

Пока я ходил к баку за водой для Макферсона, облако метафламма на горизонте окончательно рассеялось, а солнце наконец-то высунулось из-за Гаитянского плато.

– Как думаете, что это все-таки было? – спросил меня Томас, отхлебнув из поднесенной ему фляжки и указав рукой на восток.

– Херьмо по хурсу, шхипер! Поперекись! «Пи-тши!» «Пи-тши!» Хрус не састрахофан! – прошипел ему в ответ разлегшийся на крыше рубки Физз. Взьерошив все свои фосфоресцирующие по ночам чешуи, он грелся в первых солнечных лучах и походил сейчас на большой обломок кактуса-бритвенника.

Болтал ящер, как и всякая мало-мальски разумная говорящая живность, обо всем, что слышал и запоминал. Но сейчас замечание Физза пришлось весьма кстати, и Макферсон улыбнулся ему уже не вымученно, а вполне искренне.

– Очевидно, где-то между нами и Нэрским Столпом случилось извержение раскаленного газа, – предположил я. – И судя по количеству метафламма – довольно крупное извержение. Даже от грозových молний черные всполохи мельче и слабее. Но, думаю, выброс не затронул поселение Стервятников Сенегальца Фаруха и ждущего нас там вашего друга.

– Будем на это надеяться, – прокашлявшись в очередной раз, молвил старик. – И на то, что мы непременно доберемся дотуда за обещанные вами два дня.

– Осмелюсь спросить: мсье Макферсон чего-то опасается? – любопытствовал из рубки слышавший наш разговор механик. Подобно Томасу, он тоже пребывал с утра в скверном настроении, правда, по другой причине.

Услышав позавчера, как быстро наш наниматель согласился на заломленную мной цену, Гуго впал в ужас. Он, как и я, понял, что мы здорово продешевили и старик наверняка мог бы отстегнуть нам куда большую сумму. Редко, очень редко нам доводилось так оплошать. Но сказанного назад не воротишь. И если я уже успел смириться со своей промашкой, то де Бодье до сих пор мне ее не простил.

Чтобы восстановить свое честное имя, ему – пойманному некогда с поличным сенатору-взяточнику – требовалось выкупить у властей Аркис-Капетинга свое имущество. Все, какое он отдал в залог, дабы не угодить в тюрьму. Найти же иной, более благородный и доходный способ заработка, лишенный всего, кроме свободы и жизни, пятидесятилетний Сенатор не сумел. Он всегда был политиком, а не воином, но о политической карьере ему с подмоченной репутацией пришлось забыть. Второй страстью Гуго – неразрывной страстью – являлись вино и женщины, а третьей, как ни странно, – изобретательство. Когда он не пропадал в кабаках и борделях, то непременно разгадывал какую-нибудь техническую головоломку или собирал очередной механизм, пусть даже заведомо бесполезный. Пытливый ум де Бодье регулярно нуждался в подобной стимуляции, вот почему судьба и привела его в итоге на борт «Гольфстрима».

Изгнанник-сенатор мог бы переквалифицироваться в инженера и путешествовать по свету в качестве наемного работника. Но такой метод возврата арестованного имущества выглядел для него слишком уж ненадежным и хлопотным. Чего нельзя сказать о службе у трансатлантических перевозчиков. Она тоже была рискованной, зато приносила стабильный доход и позволяла откладывать сбережения на будущее. К тому же хорошие механики у нас всегда были востребованы, и здесь у Гуго

имелось куда больше шансов сколотить нужный ему капитал. Оттого и страдал несчастный де Бодье, когда позавчера я по глупости не позволил ему сделать еще один шаг к его заветной цели. И, вероятно, весьма существенный шаг, если прибросить, насколько мы продешевили...

– всю свою жизнь я чего-нибудь да опасуюсь, мсье де Бодье, – уклончиво ответил Макферсон на вопрос механика. – Как наверняка и все вы – при вашей-то опасной работе? Так что одним опасением больше, одним меньше...

И с кряхтением привстал из кресла, после чего в который раз за утро обернулся на далекие стены Аркис-Сантьяго, которые еще не скрылись из виду за скалами и дырчатыми «монументами» камнеила; из-за постоянного выветривания каждый из них обладал уникальной, причудливой формой, а вместе они образовывали целые окаменелые леса.

– Раз уж мы говорим об опасности, мистер Макферсон, то сейчас она, скорее, будет поджидать нас впереди, а не сзади. Разве только distinguished алькальд Сесар отправит за нами погоню, чтобы еще раз попробовать уговорить вас не покидать эти чудесные края, – заметил я. Суровая озабоченность, с какой Томас глядел на оставленный им город, выдавала, что пассажира снедает не только тоска по брошенному дому, но и некая тревога.

– Сеньор наниматель волнуется по иной причине, – заключила вдруг Долорес. Уверенность в ее голосе дала понять, что она догадывается о чем-то таком, о чем пока не догадываюсь я. Так и оказалось. – Возможно, сеньора беспокоит дон Балтазар Риего-и-Ордас, который должен со дня на день явиться в Аркис-Сантьяго со своей Кавалькадой? И не поэтому ли сеньор Томас так торопится убраться подальше отсюда?

– Неужто и впрямь сам дон Риего-и-Ордас? – Гуго от неожиданности выпрямился, как будто упомянутый Долорес человек вдруг материализовался собственной персоной прямо на шкиперском мостике.

– О чем это ты толкуешь, Моя Радость? – любопытствовал я у Малабониты, тоже впервые услышав эту прелюбопытную новость. – Алькальд Сесар ожидает посланника самой Владычицы Льдов, а я только сейчас об этом узнаю?!

– Потому что тебе и не положено было об этом знать! – отрезала Долорес, но до разъяснений все же снизошла: – В депеше от донна Риего-и-Ордаса, которую отец получил на прошлой неделе, имелась настоятельная просьба, чтобы известие о приезде Кавалькады оставалось в тайне и было доведено лишь до ближайшего

окружения алькальда. А ты, *Mio Sol*, есть всего-навсего муж его седьмой и отнюдь не самой любимой дочери!

Истинная и в чем-то даже горькая правда...

Три самые старшие сестры Долорес были выданы замуж за вожakov ближайших к Аркис-Сантьяго артелей Стервятников. Четвертая и пятая дочурки Железной Руки ублажали шкиперов водоналивных танкеров. Шестая умудрилась выскочить за градоначальника Аркис-Патагонии. И лишь предпоследняя – самая строптивая и неугомонная – изъявила желание стать супругой однажды игриво подмигнувшего ей мелкого частного перевозчика, то бишь меня. Чему, однако, измученный ее бунтарским нравом папаша вовсе не огорчился, а, напротив, был несказанно рад. Одним махом он разрешил сразу три задачи: дал непоседливой Малабоните шанс посмотреть мир, сплавил хулиганку из своего города и «прикормил» к нему известного шкипера.

Самой младшей – восьмой по счету – дочке алькальда было пока лишь пятнадцать. Как сложится ее судьба, неведомо, но вряд ли эта скромница пойдет по стопам вольнолюбивой Долорес. Не удивлюсь, если через пару-тройку лет в ряды многочисленной родни Железной Руки войдет старший сын Сенегальца Фаруха, который в будущем наверняка станет преемником отца – нынешнего вожакa Стервятников Нэрского Столпа.

Брак с Долорес здорово подорвал... да что там – практически свел на нет мои отношения с остальными четырьмя женами, живущими в разных городах Атлантики и, к счастью для меня, не питающими тяги к дальним странствиям. Что поделать, таковы они – горячие женщины этого края света. Они на дух не переносят соперниц и готовы перегрызть глотку даже древней старухе, если та вдруг одарит их избранника слишком недвусмысленной улыбкой. Впрочем, женившись на Малабоните, я больше выиграл, чем потерял, – все-таки достоинств у нее было больше, чем недостатков. Да и не молод я уже, честно признаться. В мои годы начинаешь иначе смотреть на мир и все больше проникаешься смыслом такого понятия, как постоянство...

– Но тебе-то отец про посланника Владычицы Льдов все же рассказал! – возмутился я, после чего гораздо миролюбивее добавил: – И о чем таком важном дон Балтазар собирается говорить с алькальдом?

– Об этом в послании умалчивается, – ответила Малабонита и, прищурившись, пристально уставилась на Томаса. – Однако вся эта секретность явно неспроста. И мне она не нравится. Очень! Вот я и подозреваю, а нет ли случайно связи между

спешным отъездом нашего сеньора нанимателя и загадочным появлением здесь дона Риго-и-Ордаса.

– Не понимаю, о чем вы, сеньора. Это просто совпадение, и только, – устало вымолвил наниматель и закашлялся, а затем отвел взгляд.

Губы моей милашки скривились в недоверчивой ухмылке. Малабонита была на полжизни моложе Макферсона, но вряд ли тому удалось бы ее обмануть. Даже мне – Проныре в третьем поколении – это не всегда удавалось, что же тогда говорить о больном, усталом и не склонном к лицемерию старике.

– Припафьте сخورость, лопотрясы! – вновь напомнил о себе млеющий на солнце Физз. – Полный фперет!

– Мсье Шипучка чертовски прав, – поддакнул де Бодье, брезгливо покосившись на варана. – Надо торопиться, если хотим нагнать тень от плато. Не знаю, как вы, а я был бы не прочь ехать в холодке.

– Едем! – поддержал я Гуго. – Все по местам и запаситесь терпением – до вечера остановок больше не предвидится.

Через полминуты «Гольфстрим» вновь загрохотал колесами по камням, а я, сверившись с Атласом, подкорректировал курс в сторону Гаитянского плато. Будет разумнее объехать место, где сверкал черный всполох, как можно дальше. Мало ли, а вдруг там разразится повторный катаклизм, да к тому же мощнее первого? Нет, уж лучше сделать крюк и потерять три-четыре часа, чем угодить сдуру под выброс метафламма и лишиться жизни.

В Атлантике есть много способов расстаться с ней, но этот – далеко не самый удачный, даром что моментальный. Уж поверьте на слово, если вам вдруг еще не доводилось видеть мертвецов, коих прикончил хренов «би-джи». Впрочем, смотреть там уже практически не на что. Во всех смыслах...

Наша погоня за убегающей на восток тенью от плато увенчалась успехом. Почти до самого заката мы двигались вдоль высоченных крутых склонов этой возвышенности, на вершине которой находилась малая толика ныне мертвого Брошенного мира. Равно как и на вершинах Кубинского плато – соседнего с Гаитянским, более крупного и имеющего форму гарпунного наконечника. У его восточного края – почти на самом острие этого «гарпуна» – и располагался Аркис-Сантьяго.

Выбранная мной дорога была проторена, естественно, не нами и существовала еще в эпоху моего героического деда – Еремея Проныры Первого. Вела она напрямиком к

берегам Пуэрто-Риканской бездны – самому зловещему и одновременно самому притягательному месту во всей Западной Атлантике. Гигантский желоб протянулся вдоль Антильского хребта более чем на тысячу километров и обладал почти стокилометровой шириной. Истинная же его глубина была неведома никому. Старинные карты утверждали, что она – порядка девяти километров. Только кто бы верил сегодня тем картам, на которых вся Атлантика закрашена голубым цветом, а недостижимые вершины современных плато и гор обозначены как острова и архипелаги. И чего в древних географических атласах нет в помине, так это Столпов. Оно и понятно: люди Брошенного мира слыхом не слыхивали о Вседержителях. А те, кого тогда называли этим именем, были всего-навсего богами – мифическими персонажами, в которых наши глупые предки, однако, истово верили. Что, впрочем, все равно не спасло их от вторжения настоящих Вседержителей.

Всяк уважающий себя перевозчик обязан хотя бы раз в жизни повидать Пуэрто-Риканский желоб. И бросить в него записку со своим именем, а также именами всех людей, кто ему дорог. Такова традиция. Согласно ей и вопреки заверениям ветхих карт дна у этого разлома нет и он ведет напрямиком в подземный рай Чистого Пламени. Где, как гласит все то же поверье, все имена с упавших туда записок будут тщательно переписаны духами великих поваров в специальный реестр. И когда отправитель сего послания или близкий ему человек отойдет в мир иной, у него окажется гораздо больше шансов угодить в рай, ведь для него там уже будет зарезервировано местечко.

Замечательный обычай, не правда ли? Поэтому неудивительно, что я нашвырял в этот желоб уже целый ворох записок. Так много, что даже начал побаиваться, как бы моя настырность не разозлила райских поваров.

– Бывали когда-нибудь у Пуэрто-Риканской бездны? – осведомился я у Макферсона, когда мы остановились на ночлег. Нас и титанический желоб разделяло теперь всего около сотни километров.

Вконец измотанный за день Томас лишь молча помотал головой. Я удивился: странно, возле Столпа Пико старик побывал, а до главного западного чуда света не добрался. Ну да ладно, не был и не был, а почему – не мое собачье дело.

– Значит, повезло вам, – заметил я по этому поводу. – Завтра нам так и так придется двигаться мимо разлома, а стало быть, еще успеете на него насмотреться. Кабы не сегодняшний «би-джи» и объезд, мы находились бы сейчас намного севернее, уже на краю равнины Нэрса. Но, как видите, во всем плохом есть что-то хорошее. «Гольфстрим» отстаёт от графика на три часа, зато теперь вы не уедете на восток, не

посетив напоследок нашу великую западную достопримечательность... Как, кстати, ваше самочувствие?

Томас приподнял трясущуюся руку и отмахнулся. Его жест, видимо, следовало толковать как «чувствую себя дерьмово, но терпимо». Хотя бледность на лице Макферсона была заметна даже в полумраке, а покашливание переросло в сиплый кашель.

– Знаю: в первый день пути всем с непривычки трудно, – кивнул я. – Грохот, пыль, качка и прочие «радости путешествия»... Но завтра, вот увидите, вы станете куда легче переносить все это.

Болтанка сегодня и впрямь выдалась сильная. Впрочем, это нормальное явление при езде у подножия любого плато. Постоянно сходящие с его склонов осыпи заваливают расщелины. Но они не бездонны, и со временем на месте прежних расщелин начинают мало-помалу расти пологие курганы. Езда по ним есть практически непрерывное чередование подъемов и спусков. И когда мы порой выбирались на мало-мальски ровный участок, внутри у меня все еще продолжало подниматься и опускаться до тех пор, пока мой вестибулярный аппарат не приходил в норму. Радоваться чему, однако, приходилось недолго. И вот уже «Гольфстрим» опять взбирается на высокий вал, чтобы через полминуты перемахнуть через него, а затем повторить это вновь и вновь на следующей череде подобных преград. И так вплоть до самого вечера.

Четыре широких, диаметром в три человеческих роста, и усеянных пирамидальными шипами колеса буксира могут вознести его вместе с трейлером и на более крутые склоны. Мощность двигателя позволяет. Найденный почти век назад моим прадедом у Канарского Столпа, Неутомимый Трудяга, конечно, не чета тем «монстрам», какие стоят на водоналивных танкерах и сухогрузах. Но он свое дело знает и делает его на совесть. Некрупный – величиной с тысячелитровую винную бочку, – наглухо закрытый иностальной цилиндр с торчащим у него из торца вращающимся валом и насаженным на него зубчатым маховиком – таково оно, главное и бесценное наследство, доставшееся мне от отца. Все остальное, кроме, естественно, Физза, я способен при необходимости продать или заменить на новое. И пока на моем Неутомимом Трудяге вращается маховик, я могу радоваться жизни, какие бы неприятности она мне порой ни подбрасывала.

Так или иначе, а отмахали мы в первый день пути ни много ни мало – почти четыре сотни километров. Отличный результат, поскольку чем ближе мы будем подъезжать к Срединному хребту, тем больше станем петлять и меньшее расстояние покрывать за день. Песок, каменное крошево и обломки хрупкого камнеила – более идеального

дорожного покрытия мы – шкиперы Атлантики – не можем себе пожелать. Для колес «Гольфстрима» оно все равно что для моих босых пяток – мягкая молодая травка. К сожалению, подобные скоростные перегоны попадают на нас далеко не каждый день.

Обеденных перерывов для перевозчиков не предусмотрено. Только плотный предрассветный завтрак и поздний, уже затемно, ужин. Пока светит солнце и позволяет погода, мы должны двигаться вперед, и точка. Еда и отдых – занятия для темного времени суток. Если невтерпеж перекусить днем, ешь прямо на посту и так, чтобы это не мешало твоей работе.

Из нас троих лишь Гуго не в силах вытерпеть четырнадцать часов без пищи, но при его комплекции это простительно. За полтора года службы на «Гольфстриме» де Бодье заметно похудел, но не настолько, чтобы перестать считаться толстяком. Поначалу я волновался, не вгонит ли он нас в разорение своим зверским аппетитом. Но когда Сенатор всего за час полностью перебрал на буксире раздаточный узел, который раньше в глаза не видел – работа, что у прежних моих механиков занимала как минимум день, – я простил Гуго перерасход продуктов авансом на год вперед. Пускай ест сколько влезет! При любой дорожной поломке он сполна окупит все наши лишние затраты на продовольствие.

По легендам, в Брошенном мире подобные нам путешественники ночевали у костров, жаря мясо, ведя душевные беседы или распевая под гитару песни – почти как в легендарном подземном раю. Красивое, поди, зрелище – чистое пламя в темной ночи. Конечно, мне трудно представить, как оно на самом деле выглядело, но я пытаюсь. И, видимо, небезуспешно. При мыслях о настоящем огне мне всегда становится тепло, а в душе просыпается светлая грусть. Самовнушение? Генетическая память? Да хрен их знает. Главное, во мне продолжает жить частица Брошенного мира и, значит, я еще могу считаться человеком. Обидно только, что теперь это звучит не так гордо, как в былые времена...

Если вы невзначай подумали, что Физз играет на «Гольфстриме» роль экзотической говорящей безделушки, то это – большая ошибка. Наш хвостатый товарищ вносит в общее дело не меньший вклад, чем любой из нас. Днем, да, от варана и впрямь нет никакой пользы, разве только он ляпнет впопад что-нибудь смешное и поднимет команде настроение. Зато ночью, когда мы – люди – уподобляемся в диких пустошах-хамадах слепым котяткам, Физз служит нашим светочем и стражем. Толстая фосфоресцирующая чешуя ящера вбирает в себя за день столько солнечных лучей, что прекращает сиять лишь к утру. Свет у нее, правда, голубой и холодный, но достаточно яркий для того, чтобы нам не приходилось устраиваться на ночлег во тьме.

В компании светящегося Физза я мог без проблем читать в темноте Атлас и прокладывать завтрашний курс, Гуго – проводить срочный ремонт, а Малабонита – охотиться на змей и искать в песке черепаший гнезда. Варан при этом послушно полз за тем, кто его подзывал, и, раззявив пасть, ловил время от времени слетающихся на свет неосторожных ночных бабочек и кактусовых колибри. Когда же мы не нуждались в его услугах, он разгуливал вокруг стоянки без привязи, благо потерять его в темноте было нельзя. Да он и сам никуда от нас не рвался. За десятки лет жизни бок о бок с человеком ящер накрепко усвоил одну истину: какой бы сладкой ни была свобода, на воле его никто не накормит вкуснейшим курадо – ломтиками вяленого мяса, в котором Физз просто души не чаял. Да и поговорить на человеческом языке в хамаде говорящему варану тоже ведь не с кем, о чем этот болтун, подозреваю, знает не хуже меня.

Вторым неоценимым качеством Физза было его феноменальное чутье. Он мог за двести шагов учуять подкрадывающегося к нам хищника или чужака-человека. После чего принимался агрессивно шипеть и скрести лапами землю, повернувшись мордой в сторону угрозы. Самому ящеру ночью угрожали разве что кондоры-костогрызы. Да и то неопытные – те, которые могли принять его в сумерках за обломок китовой кости. Но закованный в естественную броню варан был слишком тяжел для молодых кондоров, а взрослые их особи поднять его в воздух и не пытались. Мало того что клюв и когти обломаешь, так еще лапы можешь лишиться – челюсти-то у Физза хваткие и зубки хоть мелкие, но дюже острые...

Сегодняшней ночью его помощь в качестве светильника никому не потребовалась. Отужинав и оставив ящера разгуливать вокруг буксира, мы вернулись на палубу – самое безопасное место в кишашей змеями хамаде – и завалились спать.

Если судьба проявит к нам милость, завтра, послезавтра и в течение дальнейших тридцати дней – приблизительно время пути до Великого Восточного плато – каждый наш день будет заканчиваться столь же скучно, как этот. О, я многое бы отдал за то, чтобы такой порядок вещей сохранялся всегда. Лишь идиоты могут думать, что главная радость в нашей работе – это изобилие приключений. Скука и тихие спокойные вечера вроде нынешнего – вот истинное счастье для находящегося в рейсе перевозчика. И ничто так не греет наши души, как осознание того, что сегодня весь день дорога нам благоволила.

Одна лишь мысль не давала мне перед сном покоя: мчащаяся к Аркис-Сантьяго, а может, уже достигшая его Кавалькада дона Риего-и-Ордаса. Правая рука самого богатого и влиятельного человека в Атлантике, а то и на всей Земле – Владычицы Льдов, – дон Балтазар всегда путешествовал со своим отрядом вооруженных до

зубов кабальеро. Наверняка такие авторитетные гости заезжают к алькальду Сесару не каждый год. И почему нельзя было известить горожан об их скором визите? Неужели дон Балтазар боялся кого-то испугнуть? И неужели этот «кто-то» – наш наниматель Макферсон?

И ведь не надавишь на него, дабы он выложил нам всю правду. И не потому, что Томас – старый и больной. Просто не в моих это правилах – применять насилие к своим лучшим клиентам. А он определенно солгал насчет того, что не знает о приезде посланника Владычицы. Если это и впрямь так, почему Макферсон не выказал удивления, как я и Гуго, когда услышал от Долорес столь сногшибательную новость?

А может, у меня от усталости разыгралось воображение и мне попросту мерещится всякий вздор? Как там говаривал мой покойный папаша: утро вечера мудренее... так, вроде бы? Толковое замечание. Готов поспорить с самим собой, что утром я однозначно не буду таким мнительным. Только к чему этот спор, если я и так знаю, что Проньра Второй был прав, и завтра я еще посмеюсь над своими беспочвенными подозрениями...

Глава 2

Насколько в действительности это утро оказалось мудренее вчерашнего вечера, точно не скажу. Однако то, что назавтра мне и моей команде стало уже не до смеха, – горький и неоспоримый факт.

Продрав по привычке глаза за час до рассвета, я обнаружил, что взобравшийся ночью на палубу Физз стоит рядом со спящим Макферсоном. И не просто стоит, а буквально дышит ему в лицо, едва не царапая его своим колючим чешуйчатым носом.

– А ну кыш отсюда! – грозным шепотом забранился я на ящера. – Кыш, кому говорю, паскудник! Сгинь! Пшел-пшел! Где твое место?!

Не хватало еще, чтобы Томас проснулся и узрел перед собой поблекшую за ночь морду нашего «светоча»! От такой шутки и я могу с перепугу зайкой стать, а старику и вовсе недолго окочуриться. Что за странное любопытство вдруг нашло на варана? Раньше он к спящим пассажирам никогда не подкрадывался, разве что делал это, когда его никто не видел.

– Херьмо, шхипер! – просипел Физз не оборачиваясь.

Воистину – «херьмо»! Именно этого я больше всего опасался, ведь говорить шепотом он, ясное дело, не умел. И от его жуткого, с подсвистом, голоса, да еще раздавшегося прямо над ухом, не проснется только мертвец.

Я в отчаянии схватился за голову, будучи не в силах исправить ситуацию и предостеречь Макферсона, чтобы он не испугался. Но тот как лежал на матрасе, так и продолжал лежать, не пошевелившись и не открыв глаз. И вообще на лице Томаса не дрогнул ни один мускул, хотя сон терзаемого кашлем человека вряд ли мог быть крепким.

– О нет! – умоляюще пробормотал я, не желая верить вспыхнувшей в мыслях страшной догадке. – Все, что угодно, только не это!

Вскочив на ноги, я подбежал к старику и оттащил от него за хвост недовольно зашипевшего Физза. После чего окончательно убедился, что не подающий признаков жизни наниматель уже никогда их не подаст. У Макферсона отсутствовали и дыхание, и пульс, а кожа стала такая же холодная, как остывшие за ночь камни хамады. Томас был мертв. Очевиднее не бывает.

Вряд ли, конечно, он умер, испугавшись спросонок ящера. Так закоченеть покойник мог лишь за несколько часов – то есть где-то в районе полуночи, – а в это время у варана самый разгар ночной охоты. Крайне маловероятно, чтобы он вдруг оставил в покое своих бабочек и колибри, взобрался на борт, напугал до смерти старика, а затем простоял у его тела до самого утра. Скорее всего, Физз вернулся на «Гольфстрим» как обычно, к рассвету, и, учуяв специфический запах мертвеца, просто подошел проведать, отчего это наш пассажир так странно пахнет. А Макферсон скончался либо от сердечного приступа, либо от резкого обострения юкатанской чахотки, какой он давно страдал.

А может, от переутомления – и такое не исключено. Но я в этом не виноват, поэтому и покаяний от меня ждать не нужно. Прежде чем мы покинули Аркис-Сантьяго, я не единожды переспросил Томаса, уверен ли он в своих силах, и в красках расписал все тяготы, какие уготованы нам в дороге. Он не испугался и клятвенно пообещал, что выдержит. Однако на поверку старик оказался чересчур самоуверенным, а это, как известно, до добра не доводит. И вот закономерный итог: Макферсон лежит пред нами мертвый, а мы смотрим на него в полном замешательстве и гадаем, что же теперь делать.

– Ничего себе – «повезло»! – пробормотала Малабонита, намекая на мое вчерашнее обещание показать Томасу Пуэрто-Риканскую бездну.

– Это еще как посмотреть, мадам, – не согласился де Бодье. – Лично я тоже не отказался бы умереть вот так: во сне и без долгой агонии. В свое время, разумеется. И в своем фамильном особняке, а не здесь, посреди дикой хамады.

– Вы – чистоплюй, Сенатор, – фыркнула Долорес. – Чем вас не устраивает хамада? Или из вашего особняка прорыта прямая дорога к Райским Котлам?

– Не пристало благородному человеку пререкаться с дамами, – фыркнул ей в ответ механик, – а тем паче с женами своих работодателей. Однако вынужден вновь с прискорбием заметить, что сложившееся у вас обо мне мнение как было, так и осталось слишком предвзятым...

– Достаточно, мсье! – перебил я благородного носителя гаечных ключей и отверток. – Нашли время собачиться! Согласно Атласу мы сейчас аккурат на полпути между Аркис-Сантьяго и Нэрским Столпом. Поэтому надо решать, как поступить с покойником и его грузом. Ваши предложения?

– А что сказано по этому поводу в кодексе перевозчиков, мсье шкипер? – перво-наперво осведомился бывший политик с присущей ему осторожностью. – Нельзя ли, к примеру, счесть наш груз бесхозным и оформить его как находку? Все слышали, что наемдни сказал Томас: никакой родни у него нет, а в Гексатурме, куда он направлялся, его никто не ждет. Как бывший сенатор и человек, сведущий в законах, смею вас заверить: у нас есть все права объявить себя наследниками мсье Макферсона в связи с отсутствием иных претендентов на его имущество.

– По-моему, наш прожженный законник напрочь позабыл о приятеле Томаса, который ждет его у Сенегальца Фаруха, – ехидно напомнила Долорес.

– Отнюдь, мадам, как можно! – воскликнул Гуго, изобразив донельзя оскорбленную невинность. – Только кто он такой, этот приятель, и сколько у него прав на имущество нашего клиента, да согреет его душу Чистое Пламя? Он что, упомянут стариком в своем завещании? И существует ли оно вообще, это завещание?

– А если все-таки существует? – уперлась Малабонита. – Что тогда?

– В таком крайне маловероятном случае мы, как благородные люди, беспрекословно подчинимся последней воле покойного мсье Макферсона, – развел руками де Бодье, – и не возьмем себе ни толики чужого добра. Но в данный момент оно целиком и полностью принадлежит нам. И посему я предлагаю вернуться в Аркис-Сантьяго – город, где мы всегда найдем защиту, – и попробовать вскрыть контейнеры. Уверен, у почтенного алькальда Сесара найдутся клепальщики, которые справятся с этой задачей. И уже оттуда мы пошлем голубиной почтой весточку Сенегальцу Фаруху, чтобы он известил приятеля мсье Томаса о

случившемся несчастье... Как вам мое предложение, мсье шкипер? По-моему, вполне справедливо, не находите?

– Спрафетлифо, херьмо! – опередил меня с ответом Физз. Но Гуго не счел должным поблагодарить за поддержку того, чье мнение на подобных совещаниях никогда не учитывалось.

– Справедливо, да не совсем, – ответил я, покачав головой. – Мсье Сенатор не учел двух существенных нюансов. Во-первых, то, что после присвоения чужого груза, каким бы честным оно ни было, мы как пить дать навлечем на себя подозрение в убийстве...

– Да кто посмеет нас обвинить! – возмутился до глубины души де Бодье. – У вас же, мсье Проньра, репутация безусловно честного человека!

– ...Которая перестанет быть таковой, едва все вокруг прознают, чем закончился этот рейс, – огорченно закончил я. – Разбогатеет ли мы на сокровищах Макферсона или нет, еще неизвестно. Но вот отвратительную славу себе гарантированно наживем. Что случится дальше, догадайтесь сами.

– Тогда нам не то что товар – песок не доверят с места на место перевозить, – встала Долорес.

– ...И, во-вторых, – продолжал я, – вы, *mon ami*, запомнили о том, что, вероятно, прямо сейчас в Аркис-Сантьяго гостит дон Риго-и-Ордас. И, что опять же не исключено, его также может заинтересовать богатство покойного Томаса. А то, на что положит глаз Владычица Льдов, она, как правило, получает. Для женщины, которая прибрала к рукам весь антарктический лед и закабалила всех шкиперов-водовозов, отнять наши тридцать ящиков – сущий пустяк. То есть тьфу ты – ящики пока, разумеется, не наши. И вообще советую вам, мсье де Бодье, не слишком обольщаться насчет них. Чую, хлебом мы еще горя с этим проклятым грузом.

– А если взять и выбросить его от греха подальше в Пуэрто-Риканскую бездну? – внесла свое предложение Малабонита. И она не шутила. Кто из всех нас меньше всего стремился к обогащению, так это Долорес – любительница дальних странствий и вольного ветра. Чем она разительно отличалась от всех своих прагматичных сестер. Удивительное, ежели задуматься, качество для дочери богатого градоначальника. Вот уж и впрямь, как говорится, в семье не без... инакомыслящего.

– Какое чудовищное безрассудство, мадам Проньра! – всплеснув руками, ужаснулся Гуго. – Надеюсь, мсье шкипер с вами не согласится.

– Вы правы: я категорически против и такого выхода, – подтвердил я. – Но не потому, что имею виды на эти контейнеры. Просто сомневаюсь, что нам поверят, будто мы по доброй воле вышвырнули в пропасть восемьдесят тонн груза... Ладно, мадам и мсье, всем спасибо. Шкипер выслушал ваши мнения и благодарен вам за дельные советы. Однако придется мне все-таки поступить по-своему. Наш покойный наниматель, да поднесут ему райские повара самую большую ложку, оплатил рейс до Гексатурма. Значит, нам придется поступить не по справедливости, а по совести, уж извините, любезный мсье де Бодье. Мы – честные перевозчики и потому едем к Нэрскому Столпу на встречу с приятелем Макферсона. Это больше не обсуждается. Но сначала нам придется оказать покойному последние почести. Долорес, Радость Моя! Пошарь в трюме и найди кусок ткани, пригодный для савана. Мсье Сенатор! Извольте пройти в моторный отсек и приступить к своим обязанностям. Дружище Физз! Не мешайся под ногами, ползи на место! Вчера я пообещал Макферсону, что он увидит Пуэрто-Риканскую бездну. Я от своих слов не отказываюсь – сегодня он ее увидит. И, клянусь памятью моего дедушки, останется доволен... Вперед!..

Быть похороненным в Пуэрто-Риканской бездне – честь, которой удостаивались далеко не многие из умерших с тех пор, как на Земле по воле Вседержителей высохли океаны. Вряд ли Томас Макферсон – самый щедрый, но и самый невезучий из моих нанимателей – подозревал, что он будет упокоенным в лучшем могильнике Атлантики. Сталкивая в пропасть завернутое в саван тело, я, честное слово, искренне позавидовал старику. Сколько бы грехов ни скопилось на его совести, теперь он окончательно и бесповоротно угодит в рай. А вот попаду ли туда я – большой вопрос. Мои отец и дед оба скончались на борту «Гольфстрима» во время обычных рейсов и покоились ныне в бескрайней хамаде. Первый – у плоскогорья Рио-Гранде, второй – на севере, возле Исландского плато. Высока вероятность, что подобная судьба ожидает и меня. Неглубокая могила, над ней – курганчик камней, а в вместо надгробия – железный штырь с прикрепленной к нему шкиперской фуражкой... И куда я отправлюсь – в рай или ад, – не будет знать никто.

Сбрасывают мертвеца непосредственно с края Бездны лишь те, у кого нет возможности добраться до Антильского полумоста. Только оттуда мертвец имел все шансы достичь глубин желоба, а не зацепиться за склон и досадно застрять на полпути к раю. Мы – благородные люди, – естественно, не могли проявить подобное неуважение к покойному. Решив, что соблюдать сроки рейса для нас теперь не актуально, мы отклонились от запланированного маршрута еще на сотню километров и к обеду достигли нужного места.

Антильский полумост...

И не счесть, сколько еще разнообразного хлама кроме него Вседержители разбросали по миру при установке Столпов. Лежащий на краю Пуэрто-Риканского желоба иностальной артефакт весил не один миллиард тонн. Но по сравнению с прочими подобными ему артефактами он выглядел просто ничтожным.

Представляю, какой грандиозный всплеск учинила эта «болванка», когда упала в океан три сотни лет назад. По форме она походила на гигантский нож длиной около трех десятков километров. Его рукоять целиком зарылась при падении в океаническое дно, а двухсотметровой толщины лезвие нависло над разломом, будто собираясь перерезать тот пополам. Если смотреть с берега, неровный, обломанный конец этой жуткой хреновины маячил у самого горизонта и указывал на лежащий по ту сторону желоба Антильский хребет. Отчего полумост и получил некогда свое нынешнее название.

Раньше, бывая в этих краях, я нередко встречал паломников со всех концов света. Все они привозили сюда на лошадях умерших родственников, дабы спровадить их напрямик в рай. Сегодня здесь не наблюдалось ни души. Хотя отпечатки копыт у въезда на полумост говорили, что совсем недавно на нем кто-то побывал. Не останавливаясь, мы въехали по укатанной рукотворной насыпи на занесенное песком основание иностального гиганта, а затем и на него самого. Доселе он выдерживал и не таких тяжеловесов, как мы, так что вряд ли именно нам выпадет честь обрушить его в Пуэрто-Риканскую бездну. В сравнении с ним «Гольфстрим» казался сущей пылинкой, слишком мизерной и легкой для того, чтобы, угодив на нож, уронить его с края стола.

Иностальной путь под нами не был ровным, а мало-помалу уходил вверх. И когда мы доехали до края полумоста, то уже взирали на наш берег свысока. А на заметно расширившемся горизонте можно было даже рассмотреть вершину Нэрского Столпа. Однако противоположный склон желоба и его дно так и оставались вне досягаемости наших взоров. Первый был слишком далек и окутан туманной дымкой, а второе терялось в непроглядном зловещем мраке. И почему, скажите на милость, дорога в рай должна быть обязательно такой жуткой? Неужели это – финальное испытание для праведников перед тем, как они будут окончательно избавлены от земных мук?

Стараясь не глядеть лишней раз вниз, дабы не закружилась голова, я и Гуго стащили завернутое в саван тело Макферсона с буксира и положили его на край полумоста. Долорес спустилась следом за нами, держа в руке составленные ей в дороге списки для райских поваров. Родни у Малабониты было много, и потому ей пришлось исписать целый лист бумаги. Де Бодье, в отличие от нее, ограничился лишь маленьким клочком, и кого он помимо себя еще туда вписал, я понятия не

имел. Механик не любил распространяться насчет своих родственников, а если и поминал их, то исключительно в неприглядном свете. Они, надо полагать, питали к Гуго ответную неприязнь, поскольку иначе давно помогли бы ему вылезти из залоговой кабалы.

– Произнесите речь, Сенатор, – попросил я подкованного в этом вопросе бывшего участника парламентских прений. – Будьте другом, окажите последнее почтение нашему несчастному нанимателю.

Де Бодье наморщил лоб, собрался с мыслями, побряхтел, прочищая горло, после чего соорудил трагическую мину и молвил:

– Многоуважаемый мсье Макферсон! Простите, что, говоря о вас, я буду несправедливо краток. Слезы застилают глаза, а в горле стоит комок, ибо нельзя остаться равнодушным, когда тебя постигает столь безмерная утрата. Полагаю, вы прожили славную жизнь и все нажитое вами добро – результат долгого, упорного и, конечно же, честного труда. Весьма прискорбно, что вы так и не взрастили наследника, который мог бы приумножить ваши капиталы. Поэтому мы – все, кто пришел проводить вас в последний путь, – обещаем присмотреть за ними и передать их в руки достойнейшего из людей, какие только сыщутся на этой многогрешной земле. Если же нам не посчастливится отыскать такого человека – что, скорее всего, и произойдет...

– Закругляйтесь, мсье, – одернул я Гуго, чья дорожная панихида сменила уклон не туда, куда надо.

– В общем, не волнуйтесь ни о чем, многоуважаемый мсье Макферсон, – шустро подытожил Сенатор. – Грейтесь себе спокойно у котлов с яствами и отъедайтесь вволю. Только не забудьте, умоляем вас, проконтролировать, чтобы райские повара занесли наши имена в свой реестр. Прощайте, и да падет на вас свет и тепло Чистого Пламени на веки вечные. Аминь!

– Аминь, – повторили мы с Долорес, склонив головы. Потом подоткнули наши записки под саван, подняли втроем покойного на руки и сбросили его с полумоста. Обернутый пыльной дерюгой (другой подходящей для этого ткани в трюме не нашлось), мертвец помчался вниз и, уменьшившись до размеров муравьиной личинки, канул во мраке бездны. Мы отступили от ее края, постояли немного для приличия в скорбном молчании и потопали обратно на буксир. Де Бодье приукрасил: слез мы не лили и от горя не задыхались. Но настроение у всех и впрямь было скверным, словно над нами довлело тяжкое проклятье. Даже Физз и тот помалкивал, хотя долго безмолвствовать он, как правило, не любил.

– По местам! – скомандовал я, едва мы поднялись на борт. Мне хотелось поскорее убраться из этого мрачного места, даром что считающегося воротами в рай. – Идем на север, к Нэрскому Столпу. Надо поднажать, если завтра мы хотим испробовать хваленое пойло Сенегальца Фаруха. Надеюсь, он и его люди догадались оставить и нам по глотку виски, который они, если верить слухам, откопали год назад вместе с тем древним сухогрузом...

Попить виски трехсотлетней выдержки, коим вожак Нэрских Стервятников угощал сегодня всех своих почетных гостей, нам не удалось. Ни на следующий день, ни послезавтра, ни вообще. Смерть нанимателя оказалась лишь первой неприятностью в череде следовавших за ней злоключений.

«Все к одному!» – воскликнул бы по этому поводу мой папаша, будь он еще жив. А может, и не воскликнул – кто знает? Одно мне известно точно: Первый и Второй Проныры в подобное дерьмо никогда не встречали. В беды поменьше да, попадали, и не единожды. Но не в такие серьезные. Иначе рассказы об этом наверняка дошли бы до моих ушей; дедушку я помнил смутно, но папаша поболтать был горазд, особенно глотнув кактусидра.

Мы не отъехали от Антильского полумоста и сотни километров, как у «Гольфстрима» лопнула поворотная штанга. Авария, в принципе, не фатальная. В отличие от собранного Вседержителями Неутомимого Трудяги, который не нуждался в техническом обслуживании, а если ломался, то уже раз и навсегда, все остальные механизмы в нашем мире сооружались людьми. И как следствие этого, подлежали ремонту. У нас в трюме имелся запасной комплект всех ключевых штанг, а для Гуго их замена была и вовсе плевым делом. Но сегодня с этим возникли кое-какие трудности.

Штанга сломалась в момент, когда я вращал штурвал, а «Гольфстрим» менял направление. Поэтому буксир не вышел из поворота, а отклонился от курса еще больше. И пока мы с де Бодье останавливали машину, она успела зарыться передними колесами в песчаный бархан и увязла в нем. Вдобавок к нашей беде неожиданно-негаданно налетел Гаденыш – сухой порывистый ветер, дующий с Великого Западного плато. Чтобы отъехать назад и добраться до поврежденной штанги, нам нужно было перекидать целую гору песка. Но тот, как назло, беспрерывно сыпался на нас с вершины бархана и сводил на нет все наши старания.

Мы с Сенатором орудовали лопатами как угорелые. Но это был натуральный сизифов труд – изматывающий и бессмысленный одновременно. Пришлось оставить его до тех пор, пока буря не утихнет. Благо, по всем приметам, она не должна была затянуться надолго.

Не успели мы утереть пот, как Малабонита, которая во время аварийных остановок всегда несла вахту на марсовой вышке, вдруг проорала «Тревога!». Указывала она при этом куда-то за бархан. Мы не мешкая забросили лопаты на палубу, потом забрались туда сами и столь же поспешно подняли трап.

Физз тоже вел себя беспокойно: яростно шипел и скреб когтями палубный настил. Что напугало варана и Долорес, я уже понял. Выкрикнув единственное предупреждение, она сразу примолкла и больше не проронила ни слова. Это означало, что неподалеку от «Гольфстрима» появилась не стая камнеиловых гиен и не подозрительная группа всадников, которые заметили бы нас издали до того, как расслышали наши крики, а змей-колосс.

С этой тварью все обстояло с точностью до наоборот. Подслеповатая, она тем не менее обладала отменным слухом. Продолжай мы шуметь, исполинский змей учуял бы наши голоса и незамедлительно направился бы сюда. Когда трехтонная чешуйчатая рептилия двигалась, она слышала уже не так хорошо, потому что сама ползала далеко не беззвучно. Но если она замирала на месте, ее чутье резко обострялось.

Змей-колоссы частенько атакуют движущийся транспорт, принимая его сослепу за стадо бегущих рогачей или иных копытных обитателей пустошей. Впрочем, редко когда эти атаки заканчивались для рептилий успешно. Усиленные железные борта, огромные колеса с шипами и палубные орудия-баллестирады оберегали перевозчиков в пути. Однако при вынужденных остановках – как, например, сейчас – мы могли уповать только на последний способ обороны. И то без особой надежды. Проворства ползучему гиганту не занимать, и если у нас не выйдет поразить его первыми выстрелами, он успеет взобраться на палубу. После чего нам останется только сигануть в укрепленный трюм, задрать люк и скрываться там, пока змей не потеряет к обезлюдевшему буксиру интерес.

Под палубу монстр, конечно, не прорвется – это убежище оборудовано специально для подобных случаев. Однако, ползая по «Гольфстриму», змей-колосс мог натворить немало других бед, сорвать с пьедестала двигатель и раскурочить трансмиссию. На самостоятельное устранение этих поломок в полевых условиях у нас фактически не было шансов. Водрузить Неутомимого Трудягу обратно с помощью лебедки мы еще смогли бы. Но о выправлении и балансировке иностальных валов без бригады опытных клепальщиков нельзя было вести и речи.

Я объяснил знаками, чтобы Долорес слезла с мачты и становилась к носовой баллестираде «Плакса». До того, как заменить отца на посту шкипера, я не один год прослужил у него стрелком, так что в вопросах обороны разбирался не хуже своей

благоверной. Поэтому и пристроился возле «Сморкача» – менее скорострельного, зато более мощного орудия. Хорошо, что у нас поломалась рулевая штанга, а не раздаточный узел, от которого приводились в действие автозарядные устройства палубного вооружения. Если змей-колосс приблизится оттуда, откуда мы его ждем, я и Малабонита встретим его кинжальной стрельбой и нашьпигуем стрелами еще до того, как чудовище сползет с бархана. А дабы оно в последний момент не выкинуло какой-нибудь фокус, Гуго поднялся на мостик – вскарабкаться на марсовую площадку у него недоставало сноровки, – чтобы держать угрозу в поле зрения.

Заняв пост, новый наблюдатель сразу же указал гораздо западнее, нежели его предшественница. Пока мы суетились, рептилия изменила курс и, по-прежнему скрытая от нас барханом, двигалась теперь вдоль левого борта. Вытянутая рука де Бодье следовала за ней будто флюгер. И, судя по этой жестикуляции, змей к нам не приближался, а полз мимо.

Меня тактический расчет, Долорес перешла к кормовой баллестираде, где оставалась до той поры, пока Сенатор не подал знак, что упустил змея-колосса из виду. А тот, похоже, в свою очередь потерял нас – кружение вокруг жертвы не входило в привычку этого прямолинейного хищника. Остановись «Гольфстрим» чуть позже, наши пути непременно пересеклись бы, и мы бы так легко уже не отделались. Работающий на холостом ходу ДБВ издавал шума не больше, чем завывающий над хамадой Гаденыш, и на сей раз, кажется, все обошлось. Разве только поблизости не ползает второй змей-колосс, но это почти исключено. Парами они встречаются лишь в брачный сезон, а он наступит через полгода. В другое же время эти прожорливые рептилии свято чтут границы своих единоличных охотничьих угодий.

Просидев в боеготовности еще полчаса, но так и не дождавшись возвращения монстра, мы с Гуго вернулись к лопатам, а Долорес – на свой наблюдательный пост. Ветер мало-помалу стих, и откапывание колес пошло заметно веселее. Но когда мы высвободили их из-под песка и приступили к замене штанги, солнце уже зашло. Завершив кое-как с помощью Физза работу к полуночи, мы наскоро поужинали и отправились на боковую. Ночью змею-колоссу нас и подавно не расслышать, а коли он вдруг опять объявится, варан учует его еще издали.

Отвратительный выдался день. Хорошо хоть завтра, по всем предпосылкам, мы ляжем спать веселыми и пьяными. Я был почти уверен в этом, ибо ночевать в артели радушного Сенегальца трезвым и утрюмым мне на моей памяти еще не приходилось...

К полудню следующего дня громада Нэрского Столпа приблизилась настолько, что заслонила собой четверть горизонта и изрядный кусок небосвода. Над плоскими верхушками этой и прочих башен даже в ясную погоду виднелись синие всполохи. Причем, что характерно, они никогда не сопровождались выбросами метафламма. Еще в Брошенном мире было подсчитано, что высота каждого Столпа разная, но их вершины располагаются строго на одном уровне. И он находится значительно выше самых могучих горных пиков на Земле. Там и прежде воздух был сильно разрежен, а теперь его в тех высях нет и подавно. Так, по крайней мере, говорят сегодня знающие люди.

Общее количество воздвигнутых триста лет назад иносталльных монументов также давным-давно установлено: сто девяносто пять. Они разбросаны по поверхности планеты равномерно – на расстоянии около полутора тысяч километров друг от друга. Причем независимо от рельефа местности. Спущенные с небес в год Всемирного Затмения, Столпы вонзались строго вертикально и в равнины, и в океанское дно, и в горные склоны, и в толщу полярных льдов. А также в огромные города Брошенного мира, чьи руины я вижу, когда проезжаю мимо какого-нибудь плато. Явившись к нам неведомо откуда на космических кораблях, что заслоняли собой небо, Вседержители меньше чем за месяц утыкали Землю своими башнями, после чего жизнь на ней круто изменилась. И, увы, отнюдь не в лучшую сторону...

Огонь, превращающийся в смертоносный метафламм. Тотальное пересыхание рек и океанов. Отравленная чужеродными примесями и истончившаяся атмосфера. А также люди, которые в итоге ко всему этому приспособились, но по-прежнему неумолимо вымирали. И лишь антарктический лед продолжал поддерживать в нас жизнь, вот только для какой цели – неведомо.

За годы странствий мне довелось побывать у сорока с лишним Столпов. То есть почти у всех, что возвышаются в Атлантике, исключая лишь «ничейные» – те, которые торчат на вершинах плато или в глубине неприступных гор. Хотя гордиться тут особо нечем. Если вы видели вблизи хотя бы одну башню Вседержителей, можете считать, что повидали и остальные без малого двести.

Будучи разной высоты, все они обладали одинаковым диаметром – три с небольшим километра – и имели похожую структуру. А также неустанно видоизменялись. Опутанные снизу доверху разнообразными иносталльными конструкциями – и выступающими наружу, и закрытыми щитами, – Столпы периодически обрушивали вниз собственные фрагменты. На их месте тут же возникали другие, зачастую отличные от пришедших в негодность. По схожему принципу змеи сбрасывают с себя кожу и обрастают новой. Разве что она всегда бывает идентична прежней, а поверхность башен Вседержителей все время претерпевала метаморфозы...

И служила основой основ нашей современной экономики. О ней также будет уместно упомянуть, раз уж мы завели разговор о Столпах.

Инопланетная сталь: легкая и тяжелая, тонкая и толстая, пластичная и несгибаемая... Из какой бы ее разновидности ни состояли найденные у подножия башен обломки, каждый из них мог принести человеку пользу. В мире бесчинствующего метафламма иного источника добычи железа нет и не предвидится. К тому же иносталь поразительно износостойкая и не нагревается на солнце, оставаясь при любых условиях одинаково холодной, как утренняя роса. А также не проводит электричество. Это делает ее на порядок менее травмоопасной, чем земные металлы, при работе с которыми человек может ненароком получить электростатический разряд и, угодив в «би-джи», лишиться пальца или кисти. Поэтому наш «Гольфстрим» и прочая современная техника практически целиком сделаны из столбового металла.

Его обработка ведется таким же иностальным инструментом, а опилки и стружки тщательно собираются и затем тоже идут в дело. Практически весь хлам, который отваливается от Столпов, находит сегодня применение. Вот почему возле каждого из них сформировалась сплоченная артель Стервятников. Ее вожак распоряжается всей иносталью, какая оторвалась или еще только оторвется с поверхности башни. За счет этого ребята и кормятся, обменивая собранный и отсортированный по качеству металл на воду, продукты и прочие радости жизни.

Наиболее ценной добычей артельщиков считаются, разумеется, Неутомимые Трудяги. Падают они со Столпов чрезвычайно редко и непредсказуемо и еще реже выставляются на продажу. Поэтому почти вся колесящая по Атлантике техника является собственностью той или иной артели. Исключение составляют лишь гигантские танкеры-водовозы и прочие бронекаты Владычицы Льдов, а также маленькие буксиры наемников-одиночек вроде меня и ныне покойного Пьяницы Ханя.

Мой прадед Иван был караванный проводник и одновременно непревзойденный клепальщик в деревеньке, расположенной у подножия Срединного хребта. В молодости он умудрился почти задарма выкупить Неутомимого Трудягу у вингорцев, которые нашли его возле одной из «ничейных» башен в глубине Азорских гор. Переправив ДБВ к себе в поселок, родоначальник будущей династии шкиперов всю жизнь втайне собирал свой «Гольфстрим». Прокатиться на нем ему посчастливилось лишь под старость лет. После чего его сорвиголова-сын Еремей сразу же завязал и с караванами, и с клепанием, переключившись на более выгодный бизнес – трансатлантические грузоперевозки. С тех самых пор мы – Проныры – только этим и занимаемся...

Столп Сенегальца Фаруха продолжал приближаться, буксир шел полным ходом по Нэрской равнине, а в лица нам дул бодрящий северный ветерок. Вчерашние треволения остались в прошлом, и я уже предвкушал, как вскоре глотну старинного обжигающего виски. Воистину, райский напиток, ибо сделан он был еще в эпоху Чистого Пламени и при его же помощи. Отчего, видимо, и вобрал в себя силу древнего огня. Что ни говори, а тогда люди знали толк в горячительных напитках. Не то что нынешнее племя, пьющее по великим праздникам виноградное вино из теплиц Аркис-Капетинга, а в остальные дни – кислый фермерский кактусидр.

Мечты мечтами, однако не до конца унявшееся беспокойство изводило меня хуже надоедливой мухи. И потому я решил отправить Долорес в так называемый «птичий рейд», пока условия благоприятствовали. Да и она сама, сидя на марсовой площадке, мне об этом всячески намекала: слюнявила палец, следя за направлением ветра, и периодически поглядывала то на небо, то на раскладной дельтаплан, притороченный к передней стенке трейлера. Налетавшись в юности с сестрами на дельтаплане со склонов Кубинского плато, Малабонита так полюбила это развлечение, что сделала его своей неотъемлемой дозорной обязанностью. Естественно, когда я давал на полеты свое шкиперское добро.

Окликнув Мою Радость, я растопырил руки в стороны и указал на небо. В общем, дал понять, что не буду возражать, если она поднимется в воздух и глянёт, что творится на горизонте, у Столпа. Моя Радость просияла до ушей, после чего проворно соскочила с мачты, перебралась на прицеп и, разложив дельтаплан, вскоре уже парила над нами, пристегнутая к «Гольфстриму» крепким и легким шелковым тросом. Я понемногу сдерживал его, позволяя Долорес подняться повыше, и поглядывал за подаваемыми ею знаками. Она была рискованной девчонкой и порой увлекалась, уводя планер слишком высоко, но сегодня я не собирался препятствовать ей в этом. Пусть осмотрится хорошенько, может, и впрямь заметит что-нибудь любопытное.

Больше всего меня беспокоил крупный отряд всадников, с которым мы могли неожиданно пересечься. Кавалькада дона Риго-и-Ордаса передвигается на лучших скакунах в Атлантике – демерарских рапидо – и за двое суток может запросто нас нагнать. Коневоды Аркис-Парамарибо специально вывели эту неутомимую породу лошадей, дабы те преодолевали расстояние от Столпа до Столпа быстро и при любой погоде. К тому же благодаря феноменальному чутью и зрению рапидо могли скакать по хамаде даже безлунной ночью, обходя все встречные препятствия и самостоятельно отыскивая кратчайший путь к цели. Великолепная во всех отношениях лошадь, с какой стороны ни посмотреть.

Каждый кабальеро в Кавалькаде имел при себе, как правило, второго, сменного скакуна, да и сам отличался недюжинной выносливостью. Поэтому надумай дон Балтазар пуститься за нами в погоню, он нас неминуемо настигнет. Не здесь, так на подъезде к Срединному хребту. В узких каньонах и извилистых скальных лабиринтах резвые рапидо дадут неповоротливому бронекату с прицепом сто очков форы.

Через полчаса, когда нас и Столп разделяло не более трех километров, Малабонита отцепилась от троса и, взявшись рисовать в воздухе круги, плавно пошла на посадку. Я приказал Гуго немедленно остановиться. Нужно было подобрать нашу впередсмотрящую и выслушать, что интересного ей удалось разглядеть из поднебесья. Интуиция подсказывала мне: даже если у башни все в порядке, соваться к Сенегальцу наобум все равно не стоит. Мы понятия не имели, насколько покойный Макферсон доверял своему приятелю. Не исключено, что этот тип вдруг надумал предать Томаса и сейчас подкарауливает его где-нибудь неподалеку, намереваясь захватить груз силой. Будь мы в курсе, что таят в себе эти контейнеры, возможно, тоже не удержались бы перед искушением прибрать их к рукам. Так или иначе, а всему на свете есть предел. Даже моей хваленой принципиальности.

– Нет, Кавалькады поблизости не видать, – помотала головой Долорес, когда сошла с небес на грешную землю, сложила дельтаплан и возвратилась на «Гольфстрим». – Других перевозчиков – тоже. Однако посторонние в поселке есть. Возле дома Фаруха стоит шатер. Небольшой, но довольно роскошный. Такие только богатые купцы с собой возят. Однако лошадей в загоне Сенегальца вроде бы не прибавилось, а значит, у него гостят не караванчики.

– Раз это не они, стало быть, гость – друг мсье Макферсона. Кому еще, кроме него, сегодня там быть? – умозаключил Гуго.

– Согласен, – не стал возражать я. – Томас был человеком небедным, и его приятель наверняка ему под стать. Что ж, отлично – давайте поскорее встретимся с ним, расскажем, что стряслось, и снимем с себя все подозрения...

Однако моя тревога не ослабевала. Еще до того, как в поселке слышали громоханье колес «Гольфстрима», я остановил его за невысокой каменистой грядой – последнего разделяющего нас и Столп препятствия. После чего спустился на землю и покарабкался вверх по склону, дабы самому проверить, не упустила ли Малабонита из виду что-нибудь важное. Лично я с трудом представлял, как можно управлять дельтапланом – занятие, кажущееся легким только на первый взгляд, – и одновременно вести наблюдение за округой.

Обиженная моей недоверчивостью, Долорес поворчала, но последовала за мной на холм. Де Бодье зевнул и, вальяжно плюхнувшись в мое кресло, припал к фляжке с кактусидром. В наше отсутствие он фактически становился и шкипером, и бортстрелком, и опекуном Физза и потому мог позволить себе некоторое послабление в дисциплине.

Поселок Фаруха жил своей обычной жизнью. Наиболее рискованные Стервятники-собиратели суетились возле Столпа, растаскивая скопившийся за ночь хлам. Их безопасность обеспечивали так называемые «звездочеты». Они стояли, задрав головы, дабы вовремя заметить очередной летящий с небес обломок и предупредить товарищей об опасности. И те и другие занимались самым нервным и суевливым трудом, на который обычно отряжают молодежь или новичков.

Конные объездчики кружили по периметру башни на безопасном от нее расстоянии, высматривая торчащий из песка столповой металл и всех, кто мог помимо артельщиков на него посягнуть. Среди кочевников и бродяг иногда попадались мерзавцы, полагающие, будто они могут обокрасть Стервятников. Ну а те без разбирательств расстреливали воров на месте из луков и арбалетов, поскольку с иными намерениями близко к Столпу больше никто не подходил.

Клепальщики и сортировщики грохотали молотами, разбирая бесполезные обломки на части или, наоборот, собирая из готового материала нужные в хозяйстве вещи. Приготовленная на продажу иносталь складировалась в неприступном каменном здании без окон – артельном банке. Жены Стервятников вялили на солнце курадо, солили и нарезали овощи, месили из муки хлебную пасту, таскали из поселкового водохранилища воду, процеживали кактусидр, копались на огородах, нянчились с детьми и выполняли прочую бытовую работу...

Все как всегда. Кроме, разумеется, шатра, торчащего посреди поселка, рядом с домом Сенегальца. Кому принадлежало это временное обиталище, определить не удавалось. Возле него никого не было, а хозяева обходили шатер стороной. Его полог был опущен и закреплен: либо гости спали, либо куда-то отлучились.

Казалось бы, шатер как шатер. Однако кое-какая его деталь вмиг навела меня на нехорошие мысли. Увидеть ее издали казалось невозможно. Зато вблизи я и Малабонита заметили эту подозрительную хреновину почти одновременно.

– Посмотри на центральную шатровую стойку, *Mio Sol* ! – попросила Долорес, выглядывая вместе со мной из-за скалы, за которой мы прятались.

– Вижу, – отозвался я. – Слишком длинная. Очень похожа на флагшток для крупного флага. А под такими флагами сама знаешь кто по Атлантике путешествует.

– Шкиперы-водовозы и гвардейцы Владычицы Льдов, – безошибочно ответила Моя Радость. После чего резонно полюбопытствовала: – Но если у Фаруха остановились посланники с Юга, почему они не подняли флаг? Уж кому-кому, но им-то в наших краях бояться точно некого.

– Этому есть лишь два объяснения, – хмыкнул я. – Одно – глупое, а второе – правдивое. Первое: южане просто-напросто потеряли свой вымпел...

– И впрямь несусветная глупость, – согласилась Малабонита.

– ...И второе, – продолжал я. – Они вовсе не боятся – они хотят, чтобы *мы* не боялись. И потому воздержались от размахивания флагом раньше времени. Пускай те, кого они ждут, ни о чем не подозревая, сунутся в поселок, где и нарвутся на нежелательную встречу.

– Или вот еще: друг сеньора Томаса тоже ходит под чьим-нибудь флагом, но сейчас не хочет привлекать к себе лишнее внимание, – добавила Долорес.

– Об этом я как-то не подумал, – признался я. – Однако если у тебя, Моя Радость, тоже есть свои две гипотезы, то давай помимо глупой выкладывай и правдивую.

Малабонита сверкнула глазами и открыла было рот, намереваясь огрызнуться. Иную, более здравую версию она явно предложить не могла. Однако до пререканий дело так и не дошло – именно в этот момент до нас долетел окрик Гуго. И, судя по нешуточной тревоге в его голосе, Сенатор был изрядно напуган...

Глава 3

Всадников было шестеро. Все – в широкополых шляпах с загнутыми полями и легких, но прочных доспехах из дубленых шкур молодых змеев-колоссов. Притом каждый восседал на поджаром и холеном демерарском рапидо. Не нужно было обладать зрением кондора, чтобы определить, кто приближался к «Гольфстриму» с запада. Шесть кабальеро из Кавалькады дона Балтазара вели коней неторопливой рысцей вдоль каменистой гряды, и встречи с ними нам было никак не избежать.

Худшие прогнозы оправдались. Шатер действительно принадлежал посланникам Владычицы, которые не сидели в поселке, а разъезжали по окрестностям. И вовсе не

для праздной прогулки. Откуда конкретно они прибыли: из Аркис-Сантьяго или дон Риго-и-Ордас отправил их сюда заблаговременно, дабы выставить на нашем вероятном пути заслон? Даже если кабальеро прискакали к Нэрскому Столпу сегодня на рассвете, у них было время передохнуть, почиститься и помыться с дороги. А имея при себе сменных скакунов, они могли приступить к службе, не обременяя Фаруха просьбами выделить им для этого артельных лошадей вместо измотанных долгой скачкой рапидо.

Плохи наши дела. Теперь нам ни убежать, ни спрятаться, ни тем паче дать отпор. Мы с Долорес переглянулись, после чего оба выругались, обреченно вздохнули и, спустившись с холма, поспешили к буксиру. Гуго тем временем пристроился у носовой баллестирады и взял на прицел приближающихся всадников. Впрочем, вряд ли у него хватит мужества стрелять по ним, если они вздумают взойти на борт без разрешения. Де Бодье тоже легко отличит истинных кабальеро от обычных кочевников, с которыми мы также могли невзначай столкнуться в хамаде, и не осмелится покуситься на жизнь гвардейцев Владычицы Льдов.

Мы достигли «Гольфстрима» почти одновременно с всадниками. Дабы продемонстрировать наше дружелюбие, я не стал подниматься с Долорес на палубу и велел Сенатору отойти от орудия. В конце концов, у нас ведь нет прямых доказательств того, что Кавалькада за нами охотится, верно? А связь между ее появлением здесь и бегством Макферсона – всего лишь домысел. Вполне может случиться, что уже через пять минут мы чинно-мирно распрощаемся с благородными сеньорами, а потом дружно посмеемся над нашими давешними страхами. Ну и напьюсь же я тогда сегодня вечером! Грех не выпить, когда у тебя с души сваливается такой тяжелый камень...

– Рад приветствовать достопочтенных сеньоров, верных слуг самой Владычицы Льдов! – раскланялся я, стянув с головы фуражку. – Позвольте представиться: Еремей Проныра Третий, шкипер «Гольфстрима». А это остальной экипаж: моя жена Долорес и наш механик Гуго де Бодье. Чем можем вам служить, сеньоры?

Капитаном шестерки являлся пожилой гвардеец: круглолицый, осанистый и, подобно всем головорезам Кавалькады, включая самого дона Балтазара, носящий длинные, ухоженные усы. Говорят, будто они – столь же неременный атрибут кабальеро, как и его шпага. Неизвестно, так оно или нет, но среди этих парней я безусых не наблюдал. Выслушав мое приветствие, капитан и один из бойцов придержали коней возле трапа, а остальные четверо разделились поровну и, не останавливаясь, взялись объезжать буксир сразу с обоих бортов.

Круглолицый не удостоил меня в ответ даже скупым кивком головы, а окинул нас презрительным взглядом и лишь потом заговорил. И стоило ему задать первый вопрос, как я моментально сник, а надежда разойтись с кабльеро полюбовно растаяла бесследно, как метафламм после всполоха.

– Почему же вы не представили мне вашего пассажира, шкипер Проныра? – осведомился капитан. – Нам доподлинно известно, что у вас на борту находится некий Томас Макферсон, который едет с вами в Гексатурм вместе с тридцатью единицами крупногабаритного груза. Или вы будете это отрицать?

Глупо было винить алькальда Сесара в том, что он выдал нас с потрохами дону Риго-и-Ордасу. Не сделай Железная Рука этого, его ожидали бы крупные неприятности. Не война, нет. Гораздо хуже. Откажи отец Малабониты посланнику Владычицы в его просьбе, и вскоре все до единого водоналивные танкеры стали бы обходить Аркис-Сантьяго стороной. Именно так исчез однажды с лица Атлантики город Аркис-Фритаун, чьи жители повздорили с посланником Владычицы из-за цен на воду и в гневе забили его насмерть. С той поры ни один танкер к ним больше не приезжал. Те же из них, кто пережил дальнейшее безводье, ныне разбрелись по свету, кто – в другие города и поселки, а кто до сих пор так и кочует в хамаде. А их вымерший город давно стоит разрушенный и заметенный песком...

Железная Рука не мог допустить, чтобы его Аркис-Сантьяго постигла подобная участь. Поэтому алькальд так и поступил. И был абсолютно прав. А мне – поделом. Урок на будущее. И надо сделать все возможное, чтобы этот урок ограничился для нас лишь мелкими неприятностями.

– Вы говорите сущую правду, сеньор, – кивнул я, и в мыслях не собираясь перечить кабльеро. После чего обстоятельно рассказал ему все как на духу. И, естественно, особо заострил внимание на том, что мы вовсе не думали убегать и скрываться с чужим грузом.

– Так, значит, ты утверждаешь, будто Томас Макферсон умер?! – криво усмехнувшись, переспросил капитан. – Ну-ну! И ты готов дать голову на отсечение, что мы не найдем его спрятавшимся у тебя в трюме или среди ближайших скал?

Еще бы я не был готов ответить за свои слова своей же головой! Пускай эти псы перевернут в округе все скалы и разберут «Гольфстрим» по заклепкам, Томаса им уже никогда не сыскать. Да, такие скептики, как я, мало в чем бывают уверенными наверняка. Но смерть Макферсона для меня – факт более очевидный, чем даже завтрашний восход солнца.

Моя истовая убежденность в сохранности собственной головы явно поумерила недоверие капитана. Впрочем, он все равно приказал Гуго сойти на землю, а своим бойцам – подняться на буксир и перевернуть его трюм вверх тормашками. Учитывая, что в последний раз порядок там наводился, наверное, еще при моем отце (я, Гуго и Долорес были на редкость единодушными в своей нелюбви к генеральным уборкам), даже самый беспардонный обыск вряд ли причинил бы нам какой-то ущерб. Однако кабальеро взялись за дело с похвальной ретивостью. Было слышно, как содержимое утробы «Гольфстрима» перелетает с места на место и громыхает так, словно внутри у него проходит не поиск улики, а неслабый мордобой.

Сеньоры даже не побрезговали запачкать руки, перерыв сваленную в кормовой части трюма груды тяжелых промасленных запчастей. Услыхав, как что-то в очередной раз звякнуло по обшивке и с дребезжаньем раскатилось по полу, де Бодье удивленно вскинул брови и вполголоса заметил:

– О! Кажется, мсье кабальеро нашли ящик с заклепками! А я-то думал, что потерял его год назад, после той аварии на перевале Конкорда!

Судя по странным звукам, что продолжали долетать до нас из недр буксира, мсье кабальеро отрыли там еще много чего любопытного. Но человек, которого они разыскивали, как и ожидалось, не обнаружился. Отчего их капитан отнюдь не подобрел и приказал открыть трейлер.

Его осмотр отнял у гвардейцев немного времени, поскольку, кроме тридцати неподъемных ящичков и стопы иностальных листов, в прицепе больше ничего не было. Я уже смирился с мыслью, что нам придется отвезти под конвоем груз туда, куда прикажет круглолицый; возможно, даже в самую Антарктиду. Учитывая наше незавидное положение, подобный исход меня вполне устроит. Жаль, правда, если вместе с контейнерами мы лишимся и полученной от Томаса оплаты, ну да ладно, и это стерпим. Лишь бы только дон Риго-и-Ордас не озлобился на меня за непредумышленное сотрудничество с отщепенцем Макферсоном и не отобрал в отместку «Гольфстрим». А нас с экипажем не сослал в пожизненное рабство на холодные водохранилища Владычицы Льдов. Вот это будет действительно трагедия, которую я вряд ли переживу. И морально, и физически.

Все шло относительно спокойно до тех пор, пока круглолицего не осенила мысль, что наш якобы мертвый пассажир может скрываться в одном из контейнеров.

Час от часу не легче! И все же любопытный факт: кабальеро не знали, что представляют собой ящики Макферсона! Либо дон Балтазар не проинструктировал насчет них своих бойцов, либо он сам не ведал, в какой упаковке хранится интересующий его товар. Одно плохо: когда я решил закрасить в знаниях

гвардейцев этот пробел, они мне не поверили. А на предложение залезть в прицеп, взять монтировку и самим убедиться в моей правоте капитан и вовсе оскорбился, хотя я попросил его об этом с подчеркнутой любезностью.

У каждого гвардейца помимо шпаги имелся также длинноствольный и трехзарядный пневматический пистолет. Вспомогательное оружие кавалериста, пистолет этот – или же аналогичной системы винтовка – был не столь практичен, как боевые луки и арбалеты, из-за своей слишком долгой перезарядки, ненадежности, а также сложности и дороговизны починки. Зато он отличался лучшей компактностью и постоянной готовностью к стрельбе, поскольку его можно было держать при себе взведенным. Пистолет или винтовка позволяли всаднику при сближении с врагом сначала выпустить по нему подряд три шестимиллиметровых пули и только потом хвататься за шпагу...

И то и другое насилие в нашем общении кабальеро было совершенно излишним. Я всячески старался убедить их, что мы им не враги. Но едва круглолицый услышал, что я не могу исполнить его приказ, как тут же выхватил свой пистолет. После чего нашему и без того зыбкому взаимопониманию пришел конец.

– Не лги, шкипер! – угрожающе прорычал капитан, нацеливая оружие мне в лоб. – Думаешь, я поверю, будто у тебя – хозяина буксира – нет доступа к грузу? А ну живо вскрывай вон тот ящик!

И указал пистолетным стволом на крайний контейнер.

– Вы не понимаете, сеньор! – продолжал оправдываться я. – Если я везу ящики, это вовсе не значит, что мне позволено в них заглядывать! Да вы только посмотрите, как крепко они запечатаны! Ни щелей, ни замков! Ясно ведь, что это – дело рук не людей, а самих Вседержителей! Наверняка даже Макферсон не знал, как открываются его контейнеры! Поэтому-то он и вез их в Гексатурм, чьи мастера, поговаривают, режут столповой металл быстрее и аккуратнее всех клепальщиков в мире.

– Наглые лживые отговорки! – вскипел круглолицый, вновь наводя на меня оружие. – Что ж, зато теперь я точно знаю, где вы прячете своего пассажира! Уверен, ты живо вспомнишь, в каком ящике он сидит, если я прострелю тебе ногу! Или прикончу кого-нибудь из твоей команды. Итак, в последний раз приказываю: открывай!

Я судорожно сглотнул, взял монтировку и полез в прицеп, чтобы создать хотя бы видимость работы. На минуту-другую моя возня введет кабальеро в заблуждение, а мне за это время, возможно, придет в голову идея, как убедить их, что я говорю

истинную правду. Суровое испытание на смекалку, слов нет! И ведь ни слова не утаил, а выложил этим псам все, о чем только знал! Что за несправедливый мир, в котором правда убивает, а ложь спасает!

Я встал возле контейнера, суматошно выискивая на нем хотя бы мизерную щелочку, за которую можно было бы зацепиться монтировкой. При этом, само собой, не забывал краем глаза поглядывать на круглолицего. Тот, в свою очередь, пристально следил за мной, держа пистолет наготове. Время неумолимо уходило, а я никак не мог найти для своего инструмента точку приложения. Гуго и Долорес продолжали топтаться у трапа под присмотром двух гвардейцев. Остальные, завершив обыск, вновь расселись на рапидо и собрались позади капитана в ожидании дальнейших приказов.

Внезапно один из кабальеро отделился от группы, подъехал к круглолицему и, тронув его за плечо, указал на каменную гряду – туда, откуда мы с Малабонитой недавно наблюдали за поселком. Капитан недовольно обернулся. Однако увиденное заинтересовало его настолько, что он поспешно развернул коня к холму и оставил меня без надзора. Я утер со лба пот и, не выпуская из руки монтировку, выглянул из трейлера...

Все, кто находился у «Гольфстрима», уже задрали головы и пялились на вершину гряды. Хотя ничего такого, чему и впрямь стоило бы удивиться или испугаться, там не происходило. Все оставалось по-прежнему, разве что теперь с холма за нами наблюдал одинокий зритель. Он сидел на камнях, обхватив руками подтянутые к груди колени, и преспокойно взирал свысока на царящую внизу суету. И человек этот не принадлежал к здешним Стервятникам, что было заметно даже издали.

Невозмутимый незнакомец являлся северянином, причем настоящим, а не из числа тех, кого сегодня принято так называть. Ныне любой, кто живет выше равнины Кабо-Верде, автоматически причисляется к северянам. Тот же Гуго де Бодье, например, хотя отправь его на настоящий север, он околеет там от холода за считанные часы. А ведь еще во времена моего отца все было иначе. Попробуй-ка назови себя в приличном обществе северянином, если ты родился южнее каньона Чарли Гиббса! В лучшем случае засмеют, в худшем – намнут бока так, что навек отшибут охоту паясничать.

Теперь за каньоном Чарли Гиббса не осталось ни одного поселения. Когда растаяли гренландские льды, жители Аркис-Свальбарда, Аркис-Будира и еще полудюжины северных городов очутились перед дилеммой, идти им дальше на север – туда, где, вероятно, еще стекали с Великих плато ручьи последней талой воды, – или мигрировать южнее, поближе к гидромагистралям – наезженным маршрутам

антарктических водовозов. Выбор быстро решился в пользу второго варианта. Будь у этих стойких людей Чистое Пламя, возможно, они поступили бы иначе, но без огня выше Исландского плато выжить чертовски трудно...

Сидящий на холме незнакомец был потомком тех мигрантов, что полвека назад пересекли каньон Чарли Гиббса и расселились вдоль всего Срединного хребта. Только эти люди имели своеобразную моду разгуливать по центральной Атлантике в одних коротких, чуть ниже колен, широких штанах и босиком. Во-вторых, после переселения на юг прежде бледная, обветренная кожа северян густо покраснела от солнца и загрубела еще больше. Следящий за нами субъект мог бы, наверное, встать на фоне заката и полностью слиться с ним, как хамелеон на песке.

И в-третьих, прическа этого типа была характерной для истинного северянина: наголо бритая с двух сторон голова с оставленной посередине неширокой полосой зачесанных назад волос. Довольно густых и длинных, собранных на конце в тугой пучок. Вдобавок ко всему волосы незнакомца были ярко-рыжие, а сам он – низкорослым, но весьма широкоплечим и кряжистым. Наверняка в детстве его заставляли ежедневно таскать тяжести, что являлось у северян распространенной воспитательной практикой. Короче говоря, более типичного их представителя я не встречал уже очень давно.

Рядом с краснокожим крепышом стоял воткнутым в песок большой щит – прямоугольный, чуть выпуклый и, судя по всему, цельнометаллический. В самом его центре торчал тупоконечный набалдашник, а выше его имелась узкая смотровая щель. Поставь сидящий северянин щит перед собой, и он полностью скрыл бы от нас своего хозяина. Но тот и не думал таиться. Напротив, явно стремился попасться всем на глаза и добился своего. На его правом запястье была намотана длинная железная цепь, конец которой пришелец забросил за плечо. Присмотревшись, я отметил, что, несмотря на могучее телосложение, он уже не юн. Скорее всего, моложе пятидесятилетнего Гуго, но явно постарше меня. А по роду занятий – ищущий работу, наемный караванный охранник. И впрямь, кому еще, кроме наемника, взбретет в голову таскаться по хамаде с тяжелым боевым щитом?

Заметив рассеявшегося неподалеку зрителя, круглолицый кабальеро замешкался. Не испугался, нет – кого эти головорезы по-настоящему боялись, так только дона Балтазара и Владычицу Льдов. Просто капитан гвардейцев, как и я, так же внимательно разглядывал незнакомца. А разглядев, поинтересовался:

– Эй, бродяга, чего тебе надо?

– Пока ничего, – отозвался тот, не переменив позы. – Просто сижу и смотрю. Очень хочу узнать, чем закончится ваш разговор.

Им приходилось говорить громко, поскольку их разделяло около полусотни шагов. Голос у северянина был низкий и рокочущий, как урчание горного льва. И пусть тон незнакомца не был воинственным, в его словах слышалось не то предостережение, не то даже скрытая угроза. Кабальеро тоже это почувствовали и, последовав примеру капитана, извлекли из седельных кобур пистолеты.

– А ну проваливай отсюда! – сострожился круглолицый. – То, что здесь происходит, – не твое собачье дело! Пошел вон!

– Может, и не мое, – пожал плечами краснокожий. – А может, очень даже мое. Тебе-то откуда это известно?

– Попридержи язык, *profano bastardo* ! – рявкнул капитан, натянув поводья, поскольку от его гневного крика лошадь под ним обеспокоенно заходила. – Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?!

– Знаю, – как ни в чем не бывало подтвердил северянин. – Вы – те самые шестеро южан, которые прибыли в поселок на рассвете и выспрашивали насчет буксира «Гольфстрим». Видать, грозные вы шишки, раз Фарух при вашем появлении так перепугался, а эти ребята... – он указал на меня, замершего с монтировкой в руке у заднего борта трейлера, – позволяют вам хозяйничать у них на бронекате, как у себя дома. Судя по вашему гонору и резвым лошадам, вы – из Кавалькады. Однако, глядя на ваши гнусные рожи, я вижу, что имею дело с грязным отребьем, а не с кабальеро...

Вообще-то северяне – жизнелюбивые и не склонные к самоубийству люди. Но этот тип, похоже, слишком устал от жизни и решил распрощаться с ней по-геройски – пасть в бою с достойным врагом. Иную причину, по которой крепыш напрашивался на драку с превосходящим по силе противником, я назвать затруднялся.

Гвардейцы отреагировали на столь дерзкое оскорбление незамедлительно. Гнать коней на кручу и марать шпаги в крови проходимца они отказались и поступили практичнее: угостили его залпом из пистолетов.

– Кончай его! – выкрикнул круглолицый и первым выстрелил в обидчика. Клацнули спущенные с замков пистолетные пружины, стеганули по ушам хлопки выброшенного из стволов сжатого воздуха, и шесть молниеносных пуль полетели в наглого северянина...

...И непременно изрешетили бы его, кабы он по-прежнему сидел на камне. Однако выстрелы еще не утихли, а доселе неподвижный крепыш уже находился за своим огромным щитом. В момент залпа я невольно моргнул, но именно этого мига хватило незнакомцу, чтобы увернуться от пуль. Половина из них просвистела над

тем местом, где он только что был, а остальные звякнули о щит и отскочили от него, убедительно дав нам понять, из какого материала он склепан.

Истратив каждый по одной пуле, кабальеро могли сделать без перезарядки еще два таких залпа. И немедля их сделали, хотя с первого раза поняли, что пробить наемничье укрытие из пистолетов нереально. Однако что еще им оставалось, когда крепыш-коротыш подхватил щит и рванул с холма? И не на попятную, что выглядело бы в его случае разумнее, а напрямиком на гвардейцев!

– Хэйл, Эйнар, Бьорн и Родериг! – громогласно проревел из-за щита идущий в бой северянин, следуя традиции и знакомя врагов с именами своих отца, деда и прадеда, что наверняка были при жизни такими же отъявленными сорвиголовами, как он. После чего не преминул представиться сам: – Хэйл, Убби Сандаварг! Стой, где стоишь! Мое слово!

Да уж, краснокожие парни знают, как надо орать, чтобы нагнать на противника жути! Хотя из всех, кто услышал боевой клич Убби, по-настоящему испугались лишь те, кому он угрожал пока лишь гипотетически. То есть я, Долорес и Гуго. Гвардейцы же, расстреляв оставшиеся пули, обнажили шпаги и бросились перестраиваться в боевой порядок. Присматривающие за Малабонитой и де Бодье кабальеро оставили их и присоединились к собратьям по оружию. А неистовый Сандаварг (надеюсь, я правильно расслышал его героическую фамилию) несся на них вниз по склону, с каждой секундой разгоняясь все сильнее и сильнее.

Я находился за спинами всадников и видел в данный момент то же, что они: движущийся на нас широкий щит и мельтешащие под ним босые ноги его владельца. И теперь, когда черед стрелкового оружия миновал, противники готовились сойтись в благородной схватке... если, конечно, можно назвать таковой столкновение одного пешего воина с шестью конными. Но беря во внимание, кто из них являлся зачинщиком, этот бой являлся, на мой взгляд, достаточно честным.

Всадники решили дождаться, когда северянин сбежит к подножию. После чего им предстояло быстро расступиться и, пропустив разогнавшегося врага сквозь строй, исколоть его с двух сторон шпагами. Прыть, с которой несся под гору Убби, не позволила бы ему резко остановиться, да он, кажется, об этом и не помышлял. Что ж, прощай, сумасшедший храбрец! И вряд ли кабальеро запомнят выкрикнутые тобой имена, чтобы в память о тебе – павшем герое – назвать ими своих детей, как это принято в ваших краях...

У самого подножия путь Сандаваргу преграждал вросший в склон крупный валун. Дабы не споткнуться, Убби нужно было обежать его. Гвардейцы разъехались в стороны, когда враг был уже в шаге от препятствия. Однако он вопреки ожиданиям

не обогнул камень, а вскочил на него с разбегу, оттолкнулся, подпрыгнул, взмыл в воздух и, не опуская щита, полетел вперед. Прямо на троицу кабальеро, которая должна была атаковать его с правого фланга.

Я – не солдат и повидал на своем веку не так уж много битв. Но даже будь я матерым воякой, и то наверняка восхитился бы атаке, какую провел сейчас Убби против трех конных гвардейцев. Они, уступая ему дорогу, двигались рядом, стремя в стремя, что лишь усилило эффект от удара обрушившегося на них тарана. Массивный щит и несущий его воин врезались в крайнего всадника с такой сокрушительной яростью, что вмиг повергли его наземь вместе с лошадыю. Падая, тот налетел на соседа, чей рапидо хоть и устоял, но, дернувшись, выбросил хозяина из седла. Третьего кабальеро едва не постигла та же участь. Но он, рванув поводья, поставил коня на дыбы и отскочил с линии вражеской атаки.

Тяжелый удар, треск лошадиных ребер, сломанных набалдашником щита, хриплое ржание вперемешку с бранью и облако взметнувшейся в воздух пыли...

Такое ощущение, что на кабальеро налетел не один человек, а как минимум такой же по численности конный отряд. Однако, несмотря на впечатляющее начало, больше у Сандаварга подобный трюк не прокатит. Теперь сунувшемуся под шпаги матерых рубак северянину нужно быть крайне осмотрительным. И не забывать, что в этой битве судьба не одарила его напарником, готовым прикрыть ему спину.

Поднятая пыль ненадолго заслонила мне обзор, и потому я не сразу понял, каким оружием был сражен тот кабальеро, который удержался в седле при налете Убби на его товарищей. Я видел, как этот гвардеец развернул коня и занес для удара шпагу, но в следующий миг что-то стремительное обрушилось на него сверху, переломило клинок, вмяло шляпу и размозжило череп. Бедняга не успел даже вскрикнуть. Его окровавленная голова дернулась и безвольно откинулась на плечо, а сам он, всплеснув руками, грохнулся наземь. А прикончивший его Сандаварг выскочил из пылевого облака, издал гортанный вопль, от которого, наверное, даже у лошадей по коже побежали мурашки, и развернулся лицом к оставшимся в седлах противникам. В левой руке крепыш держал щит, а в правой – то самое оружие, смертоносность коего была нам только что наглядно продемонстрирована.

Им оказался лишенный рукоятки кистень. Да не обычный, а воистину устрашающих размеров. К намотанной на запястье северянина цепи крепилась большая и круглая пудовая гиря размером с голову трехлетнего ребенка. На ней имелось около дюжины тупоконечных шипов, похожих на набалдашник щита, только гораздо меньше. Судя по размеру цепи, Убби предпочитал регулировать ее длину, исходя из конкретной боевой обстановки. Надо отметить, что кистень в руках городского

стражника, наемника или кочевника – вообще большая редкость, а кистень такой величины – и подавно. Неизвестно, откуда взялся этот чокнутый задира, но дело он свое знал, это бесспорно. И нынешняя его работа, которой он сам себя озадачил, только-только входила в разгар...

Троица еще не сталкивавшихся со Сандаваргом кабальеро дружно пришпорила коней и ринулась на него с занесенными шпагами. Всадники сразу же разделились: капитан шел в лобовую атаку, а его товарищи охватывали противника с флангов. Каким бы крепким ни выглядел щит северянина, отразить сразу три нацеленных на него с разных сторон клинка – задача из разряда высшей боевой математики. И это не считая лошадиных копыт, для которых он тоже уязвим. Даже я – зритель – ощущал сейчас сильное нервное напряжение, а стоящий на пути трех рубак краснокожий крепыш не выказывал ни малейшего волнения. Какое, однако, выдающееся самообладание!

Первым на Убби грозил налететь гвардеец, который несся на него справа. Но поразить Сандаварга должен был не он, а тот всадник, что атаковал мгновением позже с противоположной стороны. Отразив щитом удар первого нападающего, северянин неминуемо откроется для второго, а круглолицему останется лишь добить окруженного противника. Ничего такого, с чем бы они – многоопытные бойцы – не справились. Кроме того, сзади к Убби уже подбирался выпавший из седла при первой его атаке кабальеро. Вместо того чтобы ловить отбежавшую лошадь, он решил накинуться на Убби, если тому вдруг повезет увернуться от конников. Главное, не прогадать момент, когда его ослепит пыль, и вонзить ему шпагу в открытую спину. Гвардеец, что был сбит наземь вместе с рапидо, все еще лежал, придавленный им, но изо всех сил пытался выползти из-под бьющегося в судорогах покалеченного скакуна.

Туда-то и метнулся Сандаварг, вовсе не собирающийся поддаваться на вражескую уловку. Он резко развернулся и, вращая кистенем, налетел на подкрадывающегося сзади пешего противника. Тот не растерялся, перебросил шпагу из правой руки в левую и вознамерился встретить врага финтом с последующей обводной контратакой в печень. И это гвардейцу непременно бы удалось, не ожидай Убби от него такой каверзы. Не закрытый щитом, правый бок Сандаварга казался уязвимым лишь на первый взгляд. Более того, он явно нарочно дразнил таким образом своих противников, дабы те, клонув на приманку, подставлялись затем под его удары.

Желая достать крепыша эффектным выпадом, кабальеро не учел, с какой виртуозностью тот орудует своим пудовым кистенем. Фехтовальщик был быстр, но раскрученный железный шар оказался быстрее. Он шибанул аккурат в то место,

откуда гвардеец собирался контратаковать, и поразил его, что называется, влет. Разве только угодил ему не в голову, а в плечо.

Хрустнула раздробленная кость. Кабальеро, выронив из сломанной руки шпагу, не устоял на ногах и упал. Не настигай Сандаварга всадники, он сразу добил бы противника. Но вместо этого северянин стрелой пронесся мимо него и, перепрыгнув через придавленного лошадей гвардейца, вновь повернулся лицом к преследователям. Кистень в его руке продолжал описывать круги, причем цепь его стала заметно длиннее, а ядро – стремительнее.

Разогнавшимся кабальеро пришлось спешно осаживать коней, дабы не затоптать раненых, за которыми спрятался Убби. Атака в три наскока, которой круглолицый со товарищи планировали его сокрушить, сорвалась. И даже хуже. Вынудив врага замешкаться, свирепый коротыш, не медля ни секунды, перешел в решительное контрнаступление.

Зловещее гудение кистеня, чьи шар и цепь чертили в воздухе один сплошной круг, было слышно даже сквозь брань, крики раненых и конское ржание. Которые стали еще громче после того, как Сандаварг обрушил свое оружие на оставшихся в седлах гвардейцев. Рапидо первого всадника получил по морде гирей и, рухнув на подкосившиеся передние ноги, перебросил седока через голову. Второй наездник нарвался на шипастый снаряд мгновением позже. Попытавшись уклониться, он припал к лошадиной гриве, но ядро все равно угодило ему точно в висок. При этом цепь захлестнула коню шею, и вращение кистеня прекратилось. Впрочем, длина цепи была не слишком велика, и она не опутала скакуна. Мотнув в испуге головой, он шарахнулся назад и сбросил с себя не успевшую сплестись железную петлю. Его мертвый хозяин, застряв ногой в стремях, мешком волочился за ним по земле. А Убби, прикрывшись щитом, сразу укоротил кистень, шустро намотав цепь обратно на предплечье.

Как сказал один древний поэт, описывая столь же древнюю битву: «Смешались в кучу кони, люди...». Скачущий последним, капитан наткнулся именно на такую кучу, разве что невеликую. И вместо того чтобы пустить в ход шпагу, был вынужден направить рапидо в объезд.

Северянин, однако, не спешил ему навстречу. Наоборот, предпочел держать круглолицего на дистанции и тоже припустил вокруг живой свалки, словно играя с ним в догонялки.

Сандаварг не просто убегал – попутно он добивал тех противников, какие еще подавали признаки жизни. Свалившийся с убитой лошади ему под ноги кабальеро успел подняться лишь на четвереньки, после чего получил по темечку кистенем и

бездыханный распластался в пыли. Гвардеец, что был придавлен агонизирующим рапидо, высвободил наконец из-под него ногу, которая, к счастью, оказалась даже не сломанной. Впрочем, счастье это было для уцелевшего в падении всадника мимолетным. Он еще лежал на спине, подтягивая сбившийся сапог, как нависший над ним крепыш опустил нижнюю кромку щита прямо бедолаге на горло и перерубил то до самого позвоночника. После чего оглянулся на скачущего следом капитана и с нарочито показным куражом разможил кистенем голову тому несчастному, кому до этого сломал руку.

За считанные секунды своей кровавой пробежки Убби уравнил с врагами свои шансы на победу. И когда круглолицый его настиг, северянин уже не опасался получить от гвардейцев удар в спину. Шпага капитана звякнула о вовремя подставленный щит, но не сломалась. А Сандаварг, отбив удар, выбросил реверсивным движением руку с кистенем и в последний момент шарахнул им по крестцу проскакавшего мимо рапидо.

Лошадь от такого коварного удара резко села на круп и остановилась. Круглолицый не удержался в седле и повалился назад, но умудрился все же не запутаться в стремях и ловко соскочил с жалобно заржавшего от боли скакуна. А, ступив на землю, сразу принял боевую стойку и набросился на противника.

Растерявший всех бойцов капитан был вне себя от злобы и накрыл северянина целой чередой перемешанных с бранью выпадов. Тот, закрывшись щитом, взялся шаг за шагом пятиться к каменной гряде. Я решил было, что Убби, не успевая размахнуться кистенем, ушел в глухую оборону и отступает. Но он, как выяснилось, опять хитрил и просто делал вид, что стушевался. Чем лишь раззадоривал круглолицего, заставляя его думать, что еще чуть-чуть, и он пробьет защиту противника. Для чего капитану надо лишь собраться с силами, удержать инициативу и не дать Сандаваргу ни секунды на контратаку...

Время шло, однако оборона северянина оставалась непрошибаемой. Кабальеро осознал свою ошибку, когда ощутил, что безостановочные атаки не принесли ему ничего, кроме усталости. Его удары становились все слабее и медлительнее, а сам он раскраснелся и уже не бранился, а лишь хрипел и брызгал слюной. В итоге капитан все же решил поумерить пыл и, пока у него еще не иссякли силы, тоже попробовать поймать северянина на хитрость.

Притворившись, что окончательно выдохся, гвардеец нанес последний, вялый удар и, отскочив назад, занял оборонительную позицию. По его замыслу, враг должен был воспользоваться моментом и без промедления контратаковать. А когда Убби замахнет кистенем, якобы измотанный кабальеро вдруг кинется ему навстречу и,

прыгнув на щит, ударит шпагой поверх него прямо Сандаваргу в лицо. Главное, чтобы тот попер напролом, – тогда у него будет меньше шансов уклониться.

Конечно, трудно сказать, что на самом деле думал круглолицый. Возможно, он замышлял вовсе не это, а иное коварство. В одном я был уверен наверняка: вряд ли столь опытный фехтовальщик позволил бы себе так быстро выдохнуться. Убби, надо полагать, тоже в это не верил. Отчего и предпочел очевидной в его ситуации тактике непредсказуемую.

Он и впрямь рванул поначалу в атаку, но не стал размахиваться кистенем, а, подбросив щит, внезапно выпустил его из руки. А затем с силой толкнул его ладонью в противника. Позиция северянина позволяла мне видеть все проделанные им манипуляции. Равно как и манипуляции круглолицего, пытающегося любой ценой не проморгать выпад противника.

Он и не проморгал. По крайней мере, формально. Завидев бросившегося на него врага (а в действительности – летящий по воздуху щит), капитан молниеносно прыгнул ему навстречу, занося клинок для решающего удара. Капитану надо было лишь уцепиться за край щита и ткнуть Убби шпагой в лицо, пока тот не сообразил, что к чему. А если повезет, то ткнуть несколько раз – так вернее. Прыжок и удар! Доля секунды, и неуязвимый краснокожий сразу перестанет быть таковым...

Но случилось непредсказуемое. Шпага, ударившая поверх щита, угодила в пустоту, а сам щит как-то чересчур легко и быстро полетел вниз. Вместо того чтобы повиснуть на нем, круглолицый грохнулся вместе с ним на землю. Прыть кабальеро обернулась сейчас против него. С равным успехом он мог бы просто взять и броситься ниц к ногам северянина. Обидное и более чем дурацкое поражение...

Через секунду Убби уже стоял над опростоволосившимся врагом, наступив своей грубой пяткой на его шпагу.

– Как твое имя, воин? – невозмутимо пробасил Сандаварг, медленно раскручивая кистень.

Распластавшийся перед победителем кабальеро в ответ лишь презрительно плюнул ему на ногу. Кистень в руке Убби сделал последний, самый стремительный оборот, после чего с отвратительным хрустом и чавканьем опустился капитану на голову.

– А тебя как звать, шкипер? – полубопытствовал затем северянин, повернувшись ко мне и наматывая на руку цепь. Болтающееся на ней ядро было обильно заляпано кровью и прилипшими к нему ошметками мозгов вкупе с костяными осколками.

Я глянул на свою монтировку и, торопливо отшвырнув ее прочь, капитулирующее поднял руки. При всем уважении к дону Риго-и-Ордасу, сейчас я боялся его значительно меньше, чем этого рыжеволосого краснокожего монстра с огромным кистенем. И интуиция подсказывала мне, что потомок отважных Эйнара, Бьорна и Родерига Сандаваргов уже так легко от нас не отвяжется...

Глава 4

Нечего было и думать о том, чтобы просить Фаруха помочь нам избавиться от трупов. Наоборот, после всего, что произошло сегодня у Нэрского Столпа, нам вообще не стоило заезжать к Стервятникам. Среди них наверняка скрывался осведомитель Владычицы Льдов, и Сенегалец об этом подозревал. И если сейчас ее соглядатай мог подтвердить непричастность Фаруха к случившейся здесь бойне, то после нашего появления в поселке у того останется единственный выход: арестовать «Гольфстрим» и нас до прибытия очередной делегации из Антарктиды.

И арестует, потому что иначе дон Балтазар спросит у него, почему он помогал грязным убийцам – сиречь нам – заматать следы преступления. А заодно осведомится, не отыскался ли ненароком на Нэрской равнине неиссякаемый источник воды, раз Сенегалец вздумал напрочь рассориться с хозяйкой водоналивных танкеров. В общем, дабы подобная проруха не сгубила старину Фаруха, о дегустации его хваленого виски нам пришлось категорически забыть.

Хоронить останки шестерых гвардейцев и трех лошадей (двух покалеченных животных Убби тоже из жалости добил) своими силами у нас попросту не было времени. Выжившие рапидо разбежались по округе, и даже успей мы избавиться от улик, вскоре беспризорные скакуны так или иначе прискачут в поселок, к поилке. Поэтому нам пришлось спешно бросить все и рвать когти на восток до того, как весть о случившемся достигнет Стервятников.

Само собой, я никогда не поступил бы так без крайней нужды. Добраться до Сенегальца, все ему объяснить, дождаться дона Балтазара, отдать ему эти треклятые контейнеры и доказать тем самым, что мы непричастны к гибели его людей... Вот что я намеревался предпринять после резни, учиненной этим кровожадным чокнутым северянином. В отличие от него я не псих и вовсе не горю желанием затевать войну с Владычицей Льдов...

Однако все опять обернулось крайне невыгодным для нас образом. Не успели мы прийти в себя, как Сандаварг тут же объявил, что отныне мой буксир принадлежит

ему вместе с экипажем и грузом. Всего на один рейс, уточнил при этом Убби, но для меня это было весьма сомнительным утешением. Видеть «Гольфстрим» во власти такого чудовища, даром что временной, я не мог даже в самых страшных своих кошмарах.

На первый вопрос Сандаварга – как меня зовут? – я, в отличие от капитана гвардейцев, ответил без черепно-мозговых последствий. А вот на более щекотливый второй вопрос – куда, загрызи нас пес, подевался наш наниматель Макферсон? – дать ответ было уже не так-то легко. К счастью, пока я подбирал нужные слова, мне на помощь пришел Гуго. Будучи тоже в некотором роде северянином, он счел своим долгом выручить меня на переговорах со своим «земляком». О котором Сенатор – какое удачное совпадение! – был вдобавок мало-мальски наслышан.

– Имеем ли мы честь говорить с тем самым мсье Сандаваргом, чей отец некогда входил в совет старейшин Аркис-Свальбарда? – полюбопытствовал де Бодье, выступив вперед и отпустив крепышу-коротышу учтивый полупоклон.

– Твой слух в порядке, толстяк, – подтвердил тот, протирая кистень ветошью, найденной в седельной сумке одного из своих мертвых врагов. – Я – Убби Сандаварг, сын Эйнара, внук Бьорна и потомок Родерига Сандаваргов. А ты, я вижу, уроженец Аркис-Капетинга – дыры, где пьют самое кислое пойло и дрючат самых дорогих шлюх в мире?

Сенатор, конечно же, не оскорбился. Напротив – представился со всей присущей ему галантностью и отметил, что еще не слышал более лаконичного и емкого описания своей горячо любимой родины.

– Если вы и есть тот человек, с кем мсье Макферсон планировал здесь встретиться, – продолжал Гуго, – боюсь, мы вынуждены сообщить вам пренеприятное известие. Крепитесь, мсье: сломленный неизлечимым недугом, ваш друг покинул бранный мир вчера на рассвете и был погребен в Пуэрто-Риканской бездне, как и подобает, со всеми почестями...

– Не думаю, что эта новость станет для сеньора Убби чересчур тяжким потрясением, – фыркнула Малабонита, окинув взором поле отгремевшего побоища. Я незаметно толкнул ее локтем в бок, дабы помалкивала. Сандаварг не производил впечатление человека, способного терпеть в свой адрес усмешки, даже самые безобидные.

– То-то я гляжу, старика с вами нет, а вы стоите передо мной, словно в дерьмо опущенные, – хмыкнул просветленный северянин. – Однако я рад, что вы не задали

деру и мне не пришлось гоняться за вами по Атлантике, дабы познакомить вас с братом Ярнклотом.

– С кем познакомить, прошу прощения? – переспросил де Бодье, расплывшись в вежливой улыбке. Которая вмиг слетела у него с лица, когда крепыш уточнил, кого или, вернее, что он имеет в виду.

– Брат Ярнклот, – пояснил Убби, ткнув пальцем в лежащее у него на ладони шипастое ядро. После чего указал на прислоненный к колесу буксира щит: – А это – брат Ярнскид. Советую также относиться к ним с почтением. Дороже и ближе их у меня сегодня никого нет.

– Как трогательно! – проворчала Долорес, проигнорировав мое давешнее предостережение. – Только вот семейное сходство в упор не прослеживается.

– Мистер Сандаварг! – возмутился я, отеснив плечом невоздержанную на язык Малабониту. – Присваивать себе чужой товар не входит в наши правила, поэтому не наводите на нас напраслину! Мы, как и вы, тоже, знаете ли, соблюдаем свой кодекс чести! Однако бойня, которую вы здесь учинили, нам категорически не нравится. В цивилизованном мире спорные вопросы так не решаются. Согласен, кабальеро тоже перегнули палку и угрожали нам, но вряд ли они привели бы свои угрозы в исполнение. Если у вас есть документы на этот груз, вам следовало предъявить их гвардейцам. Если нет, но вы все равно считаете себя его владельцем, вы могли бы обратиться лично к дону Балтазару и оспорить этот вопрос с ним. Но убивать посланников Владычицы из-за имущественных разногласий – дело в высшей степени неосмотрительное!

– Да мне плевать, что ты обо всем этом думаешь, Проньра! – ответил северянин. – Во-первых, мертвый старик никакой мне не друг. Я – такой же, как вы, наемник, только нанял меня не Макферсон, а кое-кто другой. Во-вторых, меня послали сюда проследить, чтобы вещи старика доехали до места назначения. И, пока я жив, я в лепешку расшибусь, чтобы они туда доехали, с хозяином или без. И третье: если, загрызи вас пес, вы намерены мне в этом помешать, с вами буду говорить уже не я, а брат Ярнклот. Он, конечно, не так любезен, как этот ваш толстый болтун, но доводы у него всегда железные. Все ясно? Еще вопросы есть?

– Да. – Я немного оклемался от пережитого потрясения и решил, что каким бы скорым на расправу ни был Сандаварг, прогибаться и лебезить перед ним мы не станем. В конце концов, у нас тоже есть гордость, пусть и живущая в извечном конфликте с инстинктом самосохранения. – А ваши братья Ярнклот и Ярнскид умеют управлять буксиром и читать шкиперский Атлас? Это я к чему: ведь если они вдруг обидят кого-то из моего экипажа...

– Этого не случится, если вы выполните все условия вашего договора с Макферсоном, – перебил меня Убби.

– Но ты – не Макферсон, чтобы нами распоряжаться! – выкрикнула у меня из-за спины Долорес. Гуго вжал голову в плечи и отступил от нас на два шага. Видимо, затем, чтобы брат Ярнклот не забрызгал его нашими мозгами.

– Кто эта женщина, которая имеет наглость вступать в мужской разговор? – прищурившись, взглянул в Малабониту Сандаварг. Такое впечатление, что он лишь сейчас ее заметил. Мне даже стало за нее обидно, ведь Моя Радость всегда казалась мне такой очаровашкой. Да и не только мне. Везде, где бы она ни появилась, всегда невольно притягивала к себе взгляды мужчин.

– Это моя жена Долорес. Она – полноправный член нашей команды, поэтому ей тоже разрешено принимать участие в переговорах, – поспешил я объясниться.

– Давать слово глупой женщине?! О, как же я ненавижу ваши распущенные южные нравы! – признался северянин. – Но раз у вас так заведено, значит, традицию нужно уважать. Как, впрочем, и чужих жен – это уже священная традиция наших краев... Да, женщина, ты абсолютно права: я не Макферсон и не ваш наниматель. Но я – человек, который отвечает за этот груз гораздо больше, чем вы! Поэтому ваши колебания и нерешительность вынуждают меня объявить, что отныне «Гольфстрим» переходит под мое командование, а его шкипер будет выполнять мои приказы всю дорогу отсюда до Гексатурма. Что вам грозит за неподчинение, я уже сказал и не намерен повторяться. А теперь, Проныра, поднимайся со своей командой на борт и приступайте к выполнению ваших прямых обязанностей! И без разговоров, загрызи вас пес! Здесь нам задерживаться не только глупо, но и опасно...

Нэрский Столп скрылся за горизонтом вечером, примерно за полчаса до ночной остановки. Впрочем, его исчезновение не придало мне ни покоя, ни уверенности в завтрашнем дне. У посланных на наш перехват гвардейцев наверняка имелись при себе почтовые голуби. Так что когда Сенегалец отыщет трупы кабальеро, он обязательно отправит дону Балтазару тревожную весточку, где бы тот ни находился. После чего Кавалькада ринется за нами в погоню и будет скакать без отдыха и сна до тех пор, пока нас не настигнет. Демерарские рапидо несут всадников по хамаде сутки напролет, а вот наш тяжелый, неповоротливый «Гольфстрим» может уповать лишь на глаза впередсмотрящего. Какой бы зоркой ни была Малабонита, пронизать взором ночь она, увы, не умела.

Настроение у всех, кроме ублюдка Сандаварга, было подавленное. Появлению на борту нового пассажира – или, точнее, захватчика – обрадовался один Физз. Завидев его, вальяжно разлегшегося на крыше рубки, Убби неожиданно подошел к варану и,

почтительно склонив перед ним голову, проговорил что-то на непонятном языке, в котором преобладали шипящие и свистящие звуки. Нас это, однако, не слишком удивило. Вся Атлантика наслышана о культовом поклонении северян животным, обладающим способностью фосфоресцировать. Но мы все равно затаили дыхание, предвкушая, что ответит ящер на почтительность Сандаварга. «Херьмо!» – вот как старина Физз без обиняков ее оценит. То-то, поди, после таких слов у краснокожего рожа от злобы вытянется...

Херьмо не херьмо, а рожи в итоге повытягивались у нас. И не от злобы, а от изумления. Варан и впрямь ответил Убби! И не по-человечески, а на том же самом тарабарском языке, на каком обращался к нему захватчик!

И ладно бы этим их коротким разговором священнодействие завершилось! Нет, ящерицу этого показалось мало! Прошипев приветствие (или что он там сейчас произнес), он спустился с рубки, подковылял к северянину и, взъерошив чешую, позволил тому почесать ему шею. Что, между прочим, всегда считалось исключительно моей привилегией! Вид у Физза при этом был настолько довольный, как будто раньше, когда я оказывал ему подобную любезность, он лишь из вежливости притворялся, что млеет. И вот в кои-то веки отыскался в Атлантике человек, доставивший ему истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение!

– Предатель! – сжав кулаки, процедил я и демонстративно отвернулся, не желая смотреть на это безобразие. – Ну погоди, старый лежебока, ты еще поклянчишь у меня курадо! До самого Гексатурма будешь одними мотыльками питаться!..

Пристроив неразлучных братьев Ярнклота и Ярнскида в пассажирском кресле, сам захватчик расположился возле них прямо на палубе, подстелив себе под зад лишь тонкое одеяло. Убби достал его и прочие бытовые мелочи из своего вещмешка, что во время стычки с кабальеро дожидался хозяина на вершине холма.

Пожалуй, единственный плюс в ситуации, когда ваш бронекат захватывают северяне, это их хваленая неприхотливость. Они никогда не потребуют от вас обслуживать их по высшему разряду и вообще не станут докучать вам ни просьбами, ни придирками. Я также не сомневался, что несмотря на свое пренебрежение к нам, Сандаварг не побрезгует взять в руки лопату или другой инструмент, когда в его помощи может возникнуть нужда. Ну и, разумеется, за ним еще оставалась охрана груза. Хотя в нашем безысходном положении рассчитывать на кулаки Убби – все равно что отбиваться полотенцем от стаи кактусовых ос. При мысли о доне Балтазаре, перед которым нам вскоре придется держать ответ, мне хотелось подойти к брату Ярнклоту и от отчаяния самому разбить себе голову о его шипастый бок.

Ступив на палубу, разложив вещи и отобрав у нас все оружие вплоть до отверток, наймит отправился изучать наши палубные баллестирады – кормовой и носовой «Сморкачи» и две бортовые «Плаксы». Не сказать, чтобы они привели Сандаварга в восторг, но функция их автоматической перезарядки ему очень понравилась.

Этот механизм представлял собой отходящую от раздаточного узла ДБВ целую систему валов. Они были проведены внутри орудийных стоек и заканчивались храповиками, которые в ходе боя непрерывно вращались. Чтобы натянуть толстые тетивы баллестирад, стрелку стоило лишь нажать на специальную педаль. После чего орудие чуть опускалось на стойке, его червячно-рычажное взводное устройство входило в сцепление с храповиком и выполняло свою работу. После взведения срабатывала автоматика, «Сморкач» либо «Плакса» возвращались посредством пружины на место и отсоединялись от заряжающей системы. А после выстрела все повторялось заново. Такая вот в целом немудреная схема. Однако судя по реакции ознакомившегося с ней северянина, прежде ему не доводилось сталкиваться с подобного рода механизмами.

Пока захватчик вникал в принцип перезарядки баллестирад, Гуго позвал меня к себе якобы для консультации по «одному техническому вопросу». Я застопорил штурвал – впереди по курсу был как раз ровный и прямой участок пути – и спустился в моторный отсек. Взяв для отвода глаз из ящика с запчастями какую-то шестерню, Сенатор сделал вид, будто демонстрирует мне на ней некий дефект, а сам при этом повел речь совсем о другом.

– Неужто вы, мсье шкипер, собираетесь мириться с таким положением дел? – спросил он, нахмурившись и указав глазами на палубу, где по-хозяйски расхаживал Сандаварг. – А если, перемахнув через Срединный хребет, этот тип прикажет нам двигаться не в Гексатурм, а на север? Например, к Исландскому плато, где, по слухам, еще живут остатки таких отморожков, как Убби. Это же как минимум пять тысяч лишних километров туда и столько же назад! И ладно бы оплаченных километров! От Сандаварга мы, ясное дело, награды не дождемся, но ведь и в обратный рейс придется порожняком идти! Или вы считаете, мы найдем себе на безлюдном севере подходящего клиента?

– Я бы на вашем месте, Сенатор, переживал сейчас совсем не об этом, – заметил я, укоризненно покачав головой. – Сомневаюсь, что мы вообще доберемся до Хребта. Уже послезавтра мы будем делать в лучшем случае полторы сотни километров в день – расстояние, которое Кавалькада покроет намного быстрее. Плюс она может передвигаться ночью, а мы – нет. Дон Балтазар настигнет нас еще до каньона Зеленого Мыса. Так что давайте подумаем, как нам отбрехаться от всего этого,

когда гвардейцы прикончат северянина. Живым-то он им точно не сдастся, тут и спорить нечего.

– Вот я и думаю, мсье Проныра, а не лучше ли нам самим, как бы это правильное выразиться... – Де Бодье смутился и уставился на шестерню, словно она могла помочь ему сформулировать мысль. – Хм... ускорить, так сказать, естественный ход событий. Ведь северянин так и так не жилец, вы согласны? Поэтому нет ничего зазорного в том, если мы его... э-э-э... Ну, вы, надеюсь, меня понимаете.

– Безусловно, *mon ami*, – кивнул я, многозначительно прищурившись. – И каким же образом, по-вашему, мы его э-э-э?..

– Да мало ли есть на свете способов ссадить с палубы неудобного пассажира! – Гуго патологически ненавидел называть вещи своими именами, если они – вещи – имели отношение к умышленному им беззаконию. Когда Сенатор начинал говорить со мной в такой манере, я тоже невольно заражался ею и брался отвечать ему подобными туманными намеками. – Вам что, никогда не доводилось раньше этим заниматься?

– Вы будете смеяться: нет! – честно признался я. – Все прежние пассажиры «Гольфстрима» были, как правило, честными и добропорядочными людьми. Так что прошу вас: не сочтите за труд и просветите меня в этом малознакомом вопросе.

– У нас на борту есть какая-нибудь... э-э-э... вредная для здоровья химия?

– Кроме машинного масла – ничего, – почесав макушку, ответил я.

– Нет, боюсь ложка этой доисторической гадости нашему здоровяку не повредит, – засомневался механик. – Разве только нам удастся каким-нибудь образом заставить его выпить целое ведро. К примеру, на спор. О, а это отличная идея! Как вы считаете, Убби – азартный человек?

– Скорее всего, да, как и все наемники. Только вы запомнили, что по правилам подобных состязаний первому пить масло придется зачинщику спора. Мне рисковать нельзя – я как-никак шкипер. Долорес – женщина, а с женщинами северяне в состязания принципиально не вступают. Остаются вы, поскольку больше некому. Да и кто еще из нас троих способен теоретически выдуть залпом полведра жидкости?

– Полведра?! – Лицо Сенатора перекошилось от отвращения, словно я уже поднес ему чашу с ядом.

– Никак не меньше, – подчеркнул я. – Но и не больше, ведь вам непременно нужно проиграть, не забыли?

– Знаете, мсье шкипер, кажется, я предложил вам необдуманый план, – сразу сник и пошел на попятную де Бодье. – Интуиция подсказывает мне, что я даже со стакана масла отойду к праотцам, а Убби вылакает ведро и еще добавки потребует. Нет, забудьте, эта затея откровенно глупая... А вот несчастный случай – то, что надо. Падение на ходу за борт. Прямо под колеса. Никто не застрахован в пути от такой трагической участи.

– Только не на «Гольфстриме»! – категорически отрезал я. – Мой прадед, да поднесут ему райские повара самую большую ложку, затем и соорудил здесь высокие борта, чтобы не встречаться раньше времени в Раю со своими потомками. Да и как вы заставите Сандаварга споткнуться? Даже накинься мы на него скопом, скорее всего, это нам потом не повезет споткнуться и полететь под колеса, нежели наоборот. Нет, *mon ami*, исключено.

– Тогда, может быть, вам понравится *de nuit asphyxie* ?

– А если по-простому?

– Я имею в виду ночную асфиксию... Знаете, иногда люди ложатся спать и не просыпаются. Задыхаются во сне по множеству различных причин.

– Или кто-то им в этом помогает, – договорил я. – Я вас правильно понимаю?

Гуго вновь с опаской покосился на палубу и кивком молча подтвердил мою правоту.

– Убби явно не первый год путешествует в одиночку по хамаде, – недовольно поморщился я, – поэтому можете представить, какой у него чуткий сон. Вы полагаете, нам удастся застать врасплох профессионального наемника? Да он зубами отгрызет руки своим душителям еще до того, как начнет задыхаться! Если вообще даст подкрасться к себе под покровом темноты. У него всегда ушки на макушке и глаза на затылке. Хотите, проверим? Но, чур, проверяете вы. А я, так уж и быть, попробую отвлечь от вас внимание Сандаварга. Только делать это я буду издали, договорились? Просто не хочу оказаться рядом, когда он начнет разрывать вас на части.

Де Бодье подбросил на ладони шестерню и крепко призадумался. Всем нам не раз приходилось убивать нападавших на нас хищников и бандитов-кочевников. Последние являлись, как правило, неопытными налетчиками, которые, ограбив один-два мелких каравана, нагтели и пытались покушаться на бронированные и хорошо вооруженные бронекаты перевозчиков. Захватив «Гольфстрим» и отобрав у нас оружие, Убби стал, по сути, тем же бандитом, пускай он и принуждал нас выполнять обязательства перед покойным Макферсоном. Непростая дилемма: следовать букве контракта и погибнуть с честью, или нарушить его, отдать

злополучный груз дону Риего-и-Ордасу и, возможно, получить от него прощение. Во втором случае нам требовалось найти способ избавиться от захватчика. Любой способ, вплоть до его убийства. В моральном плане мы были к этому почти готовы. Однако одной такой готовности для устранения Сандаварга явно не хватало.

– Он не может постоянно следить за нами, – сказал Гуго после минутного раздумья. – Сутки, двое, но не неделю же! Нам надо хорошенько усыпить его внимание. И когда он зазевается, сразу, не мешкая, вернуть вам «Гольфстрим».

– Что ж, разумно. – Не имея возражений, я лишь пожал плечами. – Ничто так не притупляет бдительность тюремщика, как примерное поведение заключенного. Как ни крути, а придется нам три-четыре дня побыть паиньками. И уже потом думать, как поступить: познакомить спящего Убби с нашей сестрой Монтировкой или тянуть до последнего, надеясь на помощь всемогущей богини Авось... – И вдруг спохватился, осененный свежей идеей: – Кстати, Сенатор, а почему, скажите на милость, мы с вами так заикнулись на греховных мыслях? Неужели я и вы настолько жестоки, что нам прямо не терпится пустить кому-нибудь кровь? К Убби трудно подкрасться с оружием, но ведь можно поступить иначе. Вы заметили, с каким интересом он изучает наши баллестирады?

– Гениально придумано, мсье шкипер! – сверкнул глазами де Бодье. – Добраться до орудия, навести его на северянина, спустить тетиву и – вуаля!.. Хотя постойте-ка: вы же сказали, что намерены обойтись без крови?

– Верно, я имел в виду гораздо более гуманный метод, – подтвердил я. – Но чтобы воплотить его в жизнь, нам все равно придется несколько дней беспрекословно выполнять приказы Сандаварга. А теперь, *mon ami*, слушайте и запоминайте, какая мне потребуется от вас помощь...

Разумеется, захватчик «Гольфстрима» подозревал, что мы вполне способны нанести ему коварный удар в спину. Осмотрев орудия, он наотрез запретил нам приближаться к ним без его ведома, а также наотрез отказался есть нашу пищу, ограничившись запасами курадо и сушеных овощей из своего вещмешка. Кактусидр северянин тоже не жаловал, обозвав его протухшей собачьей мочой; острая на язык Долорес заметила потом, что Сандаваргу, видимо, приходилось пить и то и другое, раз он так уверенно сравнивает. Водой, впрочем, Убби не побрезговал. Правда, зачерпнул ее сам из главного резервуара, не рискнув окунать свою кружку в палубную флягу.

Я тайне злорадствовал над предателем Физзом, предвкушая, как он приползет ко мне за ужином клянчить мясо и нарвется на решительный отказ. Но ящер даже не стал проверять, насколько я на него обижен, а обратился со своей ежевечерней

просьбой сразу напрямую к Убби. Тот, разумеется, не мог не уважить пожелание священного животного и поделился с ним своими харчами, которые также пришлись варану по вкусу.

Отведав наемничье угощение, Физз затем до самой ночной охоты не отходил от своего нового лучшего друга. Глядя на их милое общение, я мысленно пожелал им обоим несварения желудка, а на завтрак – непременно подавиться и издохнуть в жутких судорогах... Ну ладно, проявлю милосердие: чешуйчатому предателю можно обойтись без судорог. В награду, так сказать, за все хорошее, что он успел сделать для династии Проныр.

– Какой дорогой вы намерены ехать дальше? – поинтересовался Сандаварг, продолжая подкармливать Физза и набивать собственное брюхо.

– Сначала доберемся до Столпа «Перекресток Ветров», – обрисовал я маршрут, которым собирался двигаться на восток. – Оттуда – в каньон Зеленого Мыса. По выезду из него сразу возьмем курс на Гамбийскую равнину и Счастливый Столп. Затем объедем с запада пик Крылова, а там рукой подать до равнины Кабо-Верде. Пересечем ее дней за пять и прибудем Гексатурм... Только весь этот план будет иметь смысл, если нам повезет улизнуть от Кавалькады. В противном случае, сам понимаешь, наш рейс закончится гораздо раньше.

– Никаких Столпов, шкипер! – отрезал Убби. – И забудь о каньоне Зеленого Мыса! Завтра, когда мы покинем равнину Нэrsa, ты повернешь на северо-восток и, не подъезжая к Столпам, поведешь свою развалюху к каньону Дельгадо.

– Да ты в своем уме?! – От столь неожиданного заявления я едва не вскочил на ноги. Но вмиг спохватился, что веду себя дерзко, и уже спокойнее повторил: – Ты предлагаешь совершенно нереальный маршрут! Тебе что, неизвестно, почему мы и караванчики никогда им не пользуемся?

– Известно, – невозмутимо ответил северянин, никак не отреагировав на мое возмущение. – Дельгадо слишком узок, да вдобавок перекрыт громадным кораблем. «Оазис морей» – так, кажется, у него на борту написано? Эта махина лежит поперек каньона и полностью его перегораживает. Пешие кочевники еще могут там протиснуться, но бронекатам и всадникам путь через Дельгадо закрыт.

Совершенно правильный ответ. Каньон Дельгадо и впрямь был непроходим для бронекатов, лошадей и верблюдов из-за лежащего у него на дне древнего морского судна. Когда-то на одном таком плавучем исполине тысячи людей могли зараз пересечь океан. В наши дни эти разбросанные повсюду останки Брошенного мира смотрелись в Атлантике столь же чужеродно, как инопланетные Столпы. «Оазис

морей» затонул в год Всемирного Затмения, поскольку носил на себе следы погубившего его метафламма. Гигант пролежал под водой всего пару десятилетий, и катастрофически мелеющий океан не успел его разрушить. Гораздо больше судно пострадало от мародеров, что разграбили его в последующие века.

Ныне поживиться там было уже нечем. У судна остались неразобранными на части лишь корпус, двигатели да многопалубные постройки – иными словами, все то, что нельзя было разобрать вручную. Большинство снятых оттуда деталей ушло на постройку города Аркис-Грандбоула – самого знаменитого места сбора идущих на запад перевозчиков и гужевых караванов накануне их перехода через Срединный хребет. Но несмотря на это даже в нынешнем потрепанном виде «Оазис морей» вызывал восхищение. Трудно поверить, что его создали люди, а не Вседержители, да к тому же он еще и путешествовал когда-то по всему свету!

Будь каньон Дельгадо единственной в северной половине Хребта сквозной магистралью, его, безусловно, давно бы расчистили. Но кому хотелось заниматься этой трудоемкой и неблагодарной работой, если южнее и севернее имелись другие каньоны – куда более широкие и ничем не загроможденные? А Дельгадо интересовал сегодня разве что тех кочевников, кто еще надеялся поживиться хоть чем-нибудь на давно обобраных останках «Оазиса морей».

– Отлично! – похвалил я знакомого с путевой географией Убби. – Но каким образом, скажи на милость, все только что сказанное тобой соотносится с твоим же приказом гнать «Гольфстрим» к Дельгадо?

– У меня есть проверенные сведения, что за последние пару лет дно каньона сильно опустилось, – пояснил Сандаварг, – и заклинивший меж его стен «Оазис морей» попросту переломился пополам. Говорят, теперь в его корпусе есть настолько широкая брешь, что в нее пролезет даже танкер-водовоз.

– «Говорят»? – хмыкнув, переспросил я. – Значит, сам ты там не бывал и попросту пересказываешь чьи-то сплетни?

– Я же сказал, загрызи тебя пес: эти сведения проверены, – повторил северянин. – А дон Риго-и-Ордас наверняка уже отослал почтовые приказы на восток, чтобы его люди контролировали все ведущие с запада пути. О том, что Дельгадо открыт, знают пока лишь немногие. Стало быть, по нему нам и ехать. И это больше не обсуждается!

Я благоразумно примолк. Что толку спорить, если мы все равно не доберемся до того каньона? А наутро сделал все, как сказал новый хозяин «Гольфстрима»: повернул на северо-восток и повел буксир к предгорьям Срединного хребта. Еще

пару дней мы сможем держаться относительно прямого курса. А потом начнутся такие каменные лабиринты, что мне придется на каждой развилке сверяться с Атласом, дабы не заплутать или не угодить в тупик.

Все было бы сто крат проще, двигайся мы как все нормальные перевозчики – от Столпа к Столпу, по накатанным тропам. Однако приказ Сандаварга вынуждал меня прокладывать маршрут через те районы, куда ни один перевозчик не совался без крайней необходимости. Это означало, что имеющиеся у меня карты тамошних территорий могли давно устареть. И резко опустившееся дно каньона Дельгадо, если, конечно, Убби не врал, являлось тому ярким подтверждением.

Я не стал откладывать в долгий ящик идею по возврату на «Гольфстрим» законной власти. Сама революция должна была состояться через пять дней, когда мы уже станем петлять по предгорьям Хребта. А пока ровная и прямая дорога позволяла ненадолго отлучаться от штурвала, мне следовало заняться кое-какой подготовкой. Затем, чтобы грядущий переворот прошел как по маслу и без жертв...

– Извини, что отвлекаю тебя от работы, но мне нужно попасть в трюм, – обратился я наутро следующего дня к Сандаваргу. Убби сидел, прислонившись спиной к борту, и педантично оттирал от грязи щит. Физз теперь постоянно вертелся возле своего почитателя, а не восседал на своем обычном посту – на крыше рубки. Оба выглядели вполне живыми и здоровыми. В том смысле, что никто из них за завтраком не подавился и не издох, как я пожелал им прошлым вечером.

– Какого шелудивого пса тебе там понадобилось? – насторожился северянин, подняв глаза и отложив ветошь. Беспокоился он неспроста. В трюме было сложено все отобранное у нас оружие, и входить туда без спроса нам запрещалось.

– Ты заставил нас выбрать не самый удачный путь, – пояснил я. – На такой дороге в любой момент может случиться поломка. И чтобы быть к ней готовым, мне нужно заранее найти и отобрать все запчасти, какие, вероятно, нам понадобятся. А они после вчерашнего обыска разбросаны по всему трюму в полном беспорядке.

– Ага, я заметил, – понимающе кивнул Сандаварг, после чего поднялся, подошел трюмному люку и, подняв его, указал вниз: – Что ж, давай, полезай, раз надо. Но если притронешься к ящику с оружием – пеняй на себя.

– Физз, ко мне! Быстрее, лежебока, нас ждет работа! – окликнул я варана, чья помощь в темном трюме была мне позарез необходима.

– Херьмо рапота, шхипер! – отозвался тот, не трогаясь с места. – Фисс спать! Ношью рапота! Тай мяса!

– Какое такое мясо среди бела дня?! А ну ко мне, кому говорят! И живо марш в трюм! – сострожился я.

– Фисс – сфященный сферь! – просветила меня старая шипучка. – Рапота – херьмо! Шхипер, тай мяса!

– Это что – бунт?! Да как ты смеешь ослушаться своего хозяина! Хочешь, чтобы я вышвырнул тебя за борт посреди хамады?! Хочешь или нет, змеиный сын?! – Я аж побагровел от злобы. А может, даже позеленел. Определить это наверняка мог лишь Убби, но я, естественно, не стал у него это уточнять.

– Поосторожней с угрозами, Проныра, – не грозно, но настоятельно порекомендовал Сандаварг. – Не советую в моем присутствии оскорблять священного хранителя Чистого Пламени. Тем более который преданно служит тебе всем своим маленьким, но воистину благородным сердцем!

– Хорош служака! – малость остыв, но все еще негодуя заметил я. – Я ж его по-человечески прошу помочь, а он уперся и ни в какую!

– Это все из-за меня, – признался северянин в том, о чем я и без него догадывался. – Хранитель – существо гордое. Один на один с тобой он, возможно, и позволяет понукать собой, как какой-нибудь собачонкой. Но в присутствии владеющего забытым языком Пламени, потомка великих воинов многоуважаемый Физз никогда не потерпит к себе подобное отношение.

– Ах во-о-от оно что! – вытаращив глаза, искренне удивился я. – И впрямь, век живи – век учись! Даже мой отец с дедом, поди, об этом не подозревали! Ну и как теперь прикажешь мне общаться с господином хранителем? Ведь, кроме человеческого языка, другому-то я не обучен.

Убби подошел к разлегшемуся на палубе Физзу, вновь учтиво ему поклонился, а затем, как и вчера, заговорил с ним, так сказать, по-вараньи. Тот ответил Сандаваргу коротким шипением, после чего – нет, вы только гляньте! – вальяжно подполз к открытому люку и полез в трюм. На меня ящер даже не посмотрел – очевидно, дал понять, что сделал одолжение не мне, а своему почитателю.

– Я сказал господину Физзу, что ты осознал свою ошибку и впредь будешь уважительно относиться к нему при посторонних, – вкратце перевел мне Убби свой диалог с вараном и уточнил: – *Всех* посторонних, шкипер, а не только тех, кто понимает забытый язык Пламени и чтит его хранителей. Усвой это хорошенько, потому что их великодушие отнюдь не безгранично.

Задумавшись над этой, бесспорно, поучительной историей, я чуть было не запамятовал, зачем на самом деле иду в трюм. А спускался я туда, как вы уже поняли, не только ради наведения порядка. Именно в трюме и должна была зародиться наша грядущая революция. Впрочем, одно другому отнюдь не мешало. И в какой-то степени я был даже рад, что мне наконец-то представился шанс провести ревизию содержимого утробы моего буксира...

В течение последующих двух дней я нырял в трюм, едва выдавалась свободная минутка, доставал наружу те или иные запчасти и складывал их на палубе. Прочее железо я, однако, не рассортировывал, а сваливал в общую кучу. Со скрытым умыслом, разумеется, а вовсе не потому, что уборка мне осточертела.

К некоторым железякам из этой груды я привязывал ярлыки с пометками. Они предназначались для де Бодье, которому предстояло копаться в трюме после меня. Тогда, когда я уже не смогу отлучаться от штурвала, но у Сенатора, напротив, появится больше свободного времени. Ползущий на малой скорости по лабиринтам предгорья «Гольфстрим» не нуждался в частом торможении и ускорении. И потому неусыпное дежурство механика у рычагов там не требовалось. В случае же экстренной остановки я мог попросту соскочить в моторный отсек и сам остановить буксир.

Когда я едва приступил к разбору завала, Убби частенько спускался в трюм вместе со мной, окидывал взором медленно упорядочивающийся хаос, проверял сохранность ящика с оружием и, довольный результатом инспекции, вылезал обратно. На следующий день захватчик посещал трюм уже гораздо реже. И когда начатую мной работу продолжил Сенатор, Сандаварг стал лишь поглядывать за ним время от времени в люк, не сходя с палубы. Мы же с де Бодье вели себя как ни в чем не бывало и не давали ни малейшего повода усомниться в нашей покладистости.

Малабонита была посвящена в наш замысел вечером того же дня, когда Сандаварг взошел на борт «Гольфстрима». Как кстати, что чужая личная жизнь являлась для северян священным табу. Поэтому я мог быть уверен: Убби не станет подслушивать, о чем я шепчусь ночью в постели со своей женой. Даже если наше интимное перешептывание окажется вовсе не любовным воркованием, а совещанием двух заговорщиков. Вот почему утром Долорес не сочла меня сумасшедшим, когда я отправился наводить уборку в трюме – единственном на «Гольфстриме» месте, где бардак переходил по наследству от Проныры-отца к Проныре-сыну.

Физз и впрямь больше со мной не пререкался и приползал в трюм по первому же требованию. Поклоны хранителю Чистого Пламени я при этом, естественно, не отвечивал, но совет Сандаварга принял к сведению.

– Не возражаешь, если я тебя побеспокою? – спрашивал я у варана всякий раз, когда собирался привлечь его к работе. – Знаю, что я тебе уже надоел, но не будешь ли ты так любезен сойти со мной в трюм еще разок? Не в службу, а в дружбу. Ведь кто еще, кроме тебя, мне там поможет?

– Фисс – сфященный! – напоминал мне обладатель маленького, но благородного сердца. – Шхипер таст сферу мясо. Фисс – рапотать.

– Как пожелаешь, – обреченно вздыхал я и доставал из кармана загодя припасенный ломтик курадо...

Описывать путешествие по отрогам Срединного хребта, конечно, не так скучно, как путь по прямому тысячекилометровому каньону с достающими до небес стенами. Несмотря на плохой обзор и безостановочное петляние меж скальных гряд, странствия по здешним краям обладали своеобразным азартом. Тем самым щекочущим нервы азартом, какой поколесившие по миру и много чего повидавшие на своем веку перевозчики вроде меня с годами утрачивают.

Это в молодости каждый рейс, да еще в неизведанные мной земли, заставлял меня трепетать от радости в предвкушении новых открытий. Теперь все по-другому. И даже в незнакомых местах Атлантики я ощущаю себя так, будто бывал там не раз и не два. И лишь в извилистом лабиринте Хребтовых предгорий, когда понятия не имеешь, на что ты наткнешься за ближайшим поворотом, во мне еще просыпался прежний исследователь. А вместе с ним и ностальгия по ушедшей молодости.

Во что выльется для всех нас очередной поворот штурвала?

Увижу ли я вон за той скалой девственный камнеиловый лес, по которому еще не проехали колеса чьего-нибудь бронеката?

А может, там окажется издолбленный кондорами-костогрызами гигантский скелет кита?

Или того хуже – свернувшийся в клубок, готовый к броску змей-колосс?

Не вылетит ли на нас из-за камней стадо перепуганных рогачей или стая гиен?

А вдруг Атлас солжет и путь нам преградит недавно образовавшийся разлом либо завал?

Также у нас есть вероятность наткнуться на лагерь каких-нибудь бандитов-кочевников, хотя те вряд ли станут отходить так далеко от караванных троп. Лишь имеющие в запасе много воды перевозчики могут порой рискнуть углубиться в эти каменные дебри, где нет ни городов, ни поселков, а вероятность повстречать водоналивной танкер равна нулю.

Вся суровая красота этих мест открывалась нам, когда «Гольфстрим» взбирался на очередную возвышенность. Вот он, истинный лик не только Атлантики, но и, пожалуй, всего остального нынешнего мира: пыльный, серый и растрескавшийся, как лицо иссохшего на солнцепеке трупа. Скальные гряды и разломы изрезали эти земли так, что забреди в них какие-нибудь мифические великаны, они уже через десять шагов переломали бы себе ноги.

Всякий раз, когда мне представлялась возможность окинуть с высоты взором впередилежащий путь, я бросался к карте и поспешно проверял, насколько отображенный на ней ландшафт соответствует реальности. И если вдруг обнаруживал какую-либо неточность, вносил в Атлас отметку. О которой, следуя кодексу перевозчиков, мне нужно сообщать каждому встреченному мной собрату; на нашем языке это называлось сверкой Атласов. И когда собранные мной данные дойдут таким образом до коллегии картографов в Аркис-Грандбоуле, те занесут их официально в очередное, обновленное издание Атласа.

Шкиперские карты – не истина в последней инстанции. Они чертились еще нашими прадедами и продолжают исправляться и дополняться нами по сей день. И раз уж судьба силком затащила меня сюда, значит, я просто обязан обновить информацию об этом участке предгорий, занесенную в Атлас кем-то из моих предшественников почти полвека назад.

Главной проблемой при бегстве от врагов на бронекате являются, разумеется, его следы, всегда заметные с довольно приличного расстояния. Оставленные на песке, они порой не стираются даже многочасовой бурей. А выщербленные дыры в камнях и просеки в камнеиловых дебрях вообще могут сохраняться годами.

Опытные следопыты – а иные в Кавалькаде не служат – запросто определяют по характерному рисунку шипов, ширине колес и глубине колеи, какому из буксиров принадлежит тот или иной след. И потому я не надеялся на то, что дон Риго-и-Ордас нас потеряет. Впрочем, раз уж мы планировали ему сдать, беспокоиться насчет нашего следа и вовсе нет резона. Все равно кабальеро уже давно известно, кто мы такие и на каком транспорте от них убегаем.

Наутро четвертого дня нашего бегства от Кавалькады Гуго вновь спустился в трюм, а когда вернулся на палубу, подошел ко мне и доложил:

– Уборка закончена, мсье шкипер. Все разложено по местам, кроме ящика мсье Сандаварга, к которому я, согласно вашему приказу, не прикасался. Запчасти с бирками перепроверены дважды. Вы зря беспокоились: бракованных нет.

– Отличная работа, Сенатор, – похвалил я механика. – За ужином можете выделить себе двойную порцию кактусидра.

– Премного благодарен, – кивнул де Бодье и полюбопытствовал: – Будут ли на сегодня еще какие-нибудь дополнительные распоряжения?

– Нет, больше никаких, – ответил я. – Работаем по обычному распорядку. Завтра, если не случится ничего непредвиденного, – тоже.

– Вас понял, – снова кивнул Гуго и пристально посмотрел мне в глаза. Еще бы он меня не понял! Нет в Атлантике такого самоуверенного шкипера, который планировал бы завтрашний распорядок сегодняшним утром. На завтра у нас было намечено пока только одно-единственное дело. И если его вдруг постигнет фиаско, до послезавтра мы можем и не дожить.

Однако попытать счастья все равно стоит. Сколько бы страху ни наводил на нас краснокожий крепыш-коротыш, справиться с ним будет, безусловно, проще, чем с целой Кавалькадой. А уж там как карта ляжет. Надеюсь, утомленный многодневной погоней дон Балтазар сохранит трезвость ума и рассудит по совести, кто из нас ему действительно враг, а кто – лишь невинная жертва трагического стечения обстоятельств...

Глава 5

Денек пообещал выдаться беспокойным с первой же минуты, как только мы позавтракали и тронулись в дальнейший путь.

Взобравшаяся на марсовую площадку Долорес тут же окликнула нас и, указав на юго-запад, сообщила, что надвигается буря. И впрямь, даже с палубы было заметно, что краешек горизонта в той стороне затянут пылью.

Убби довольно хохотнул: буря – хорошо! Если она накроет наших преследователей, это их задержит или вынудит искать убежище в артели Стервятников у Столпа Кейна. Он возвышался у западных ворот одноименного каньона, наезженный путь к которому мы пересекли позавчера в обед. Нуждающаяся в воде и отдыхе Кавалькада не могла пропустить этот поселок и, по нашим расчетам, находилась сейчас либо там, либо поблизости от него.

Мы с Гуго переглянулись. Буря срывала наш план, вынуждая отсрочить грядущий бунт. Даже окажись она не слишком свирепой, двигаться в непогоду по предгорьям Хребта все равно опасно. Заплутать в тучах пыли в скальных лабиринтах проще простого. А стало быть, всем нам так или иначе предстоит спускаться в трюм и пережить стихию.

Вот только нагрянет ли она? Ни одна из примет не указывала на перемену погоды, и это меня озадачило. Поднявшись к Малабоните на марс, я взгляделся в горизонт и вскоре убедился, что сомнения меня не обманули. Пылевое облако не разрасталось – или же делало это очень медленно, – а следовательно, ветер тут был ни при чем. Да и тучи по небу в том краю не ходили. Оно выглядело таким же чистым, как и над нами.

– Больше похоже не на бурю, – уверенно заявил я, спустившись с мачты, – а на то, чего мы давно боимся. И ближайшей ночью, будьте уверены, эта напасть нас настигнет.

– Кавалькада... – мрачно констатировал общеизвестный факт де Бодье. – Но почему так скоро?

– Наверное, не стали задерживаться у Сенегальца, а к Столпу Кейна и вовсе не подъезжали, – предположил я. – Ты осознаешь, Сандаварг, какова теперь наша главная проблема?

– Да, Проныра, – ответил тот и пояснил: – Если помчимся от дона Балтазара во весь опор, встретимся с его армией ночью. Если не будем торопиться, примем бой вечером. Ну а останемся здесь, умоем брата Ярнклота кровью мерзких южан уже в обед. Хотя я предпочел бы подыскать более удачное поле для битвы, уж коли нам ее никак не избежать. Поэтому трогайся в путь, шкипер, а я буду внимательно посматривать по сторонам. И как только найду подходящее место, сразу дам тебе знать. И не вздумай завести бронекат в тупик!

Я забеспокоился: более подходящего момента для революции, чем этот, нам может уже не представиться. И, собравшись с духом, предложил:

– Раз уж ты втягиваешь нас в войну, Убби, тогда, наверное, будет нелишне установить на палубе наше главное орудие, пока на это есть время. «Сморкачи» и «Плаксы», конечно, хорошие штуковины, но с «Блевуном» им не сравниться. Верно я говорю, мсье де Бодье?

– Истинная правда, мсье шкипер, – поддержал меня Гуго, энергично закивав головой. – Как кстати, что те кабальеро откопали нашего «Блевуна» из-под завалов. Кабы не обыск, боюсь, мы про него и не вспомнили бы.

– Что за «Блевуна»? – оживился северянин.

– Большая баллестирада, которую я однажды выиграл в кости и с тех пор вожу в трюме среди прочего хлама, – пояснил я. – Держать ее постоянно на палубе нельзя – слишком много места занимает. А продавать – жалко. Штука авторитетная, может когда и пригодиться.

– Вот и пригодилась! – торжествующе пробасил Убби. – Тащите сюда этот стреляющий кусок дерьма!

– Как прикажешь, – пожал я плечами и махнул Сенатору рукой, приглашая его в помощники. Тот пробормотал многозначительно: «Ну вот, дождались!» – и потрусил следом за мной в трюм.

Никакого «Блевуна» там, естественно, и в помине не валялось. Конструкция, которую я так обозвал, являлась всего-навсего имитацией тяжелого орудия, нужной нам для нашей авантюры. Этот грубый макет был сварганен Гуго из предварительно отобранных мной и промаркированных бирками запчастей и лишь отдаленно походил на баллестираду. Окажись она вытащенной на палубу, наш блеф моментально раскроется. Однако его смысл как раз и состоял в том, что мнимый «Блевуна» не должен был покинуть утробы буксира.

– Кряхтите громче, *top ami*, – шепотом наказал я механику, прежде чем мы с ним взяли за громоздкую конструкцию. – Убби обязан поверить, что нам действительно тяжело.

– Не знаю, как вам, мсье Проныра, а мне притворяться не нужно, – также вполголоса отозвался де Бодье. – Эта дрянь и впрямь получилась весьма неподъемной. Я даже боюсь, как бы сам мсье захватчик перед ней не спасовал.

И верно, наше стремление к правдоподобию едва не обернулось против нас же самих. Во мраке трюма отличить бутафорию от оригинала было почти невозможно, но перетаскивание с места на место настоящего «Блевуна» вряд ли отняло бы у нас столько сил.

Мы с Сенатором вцепились с обоих краев в псевдоорудие и начали кантовать его к лестнице с отнюдь не наигранными пыхтением и бранью. Впрочем, спешить нам было некуда. Наоборот, чем дольше мы возились, тем больше иссякало терпение северянина. На что, собственно говоря, мы и уповали.

– Вы что, загрызи вас пес, там уснули? – недовольно любопытствовал Убби, заглянув в трюмный люк спустя пять минут.

– Почти дотащили! – отозвался я дрожащим от натуги голосом. – Еще один рывок, и все! Или, в крайнем случае, два рывка.

– Ну и хилый же вы народ, перевозчики! Гонору полно, а силенок-то чуть! – раздосадованно сплюнул крепыш, когда присмотрелся и понял, что ни одним, ни даже пятью рывками наша работа явно не ограничится. – И как вы собираетесь поднимать своего «Блевуна» по лестнице?

– Думал, ты нам подсобишь, – признался я. – Но если не хочешь, тогда сами как-нибудь справимся.

– Ну да, как же! – снисходительно хохотнул захватчик. – К завтрашнему утру справитесь, если к тому времени пупки не надорвете! Какого пса сразу не сказали, что в этой баллестираде два центнера весу? Уже давно все дружно ее оттуда достали бы!

После чего спрыгнул в трюм, отогнал нас с Гуго от конструкции и, ухватив ту посередке, в один присест подтащил ее к лестнице.

– Какая-то она у вас неправильная, – засомневался Сандаварг, приглядевшись к странному «Блевуну» в рассеянных лучах падающего из люка света.

– Уникальная модель, – беззастенчиво солгал я. – Собрана в Гексатурме полвека назад. Согласен, малость старовата. Зато полностью боеспособна и тоже может заряжаться автоматически. Когда в последний раз мы стреляли из нее ради забавы по скелету кита, снаряд пробил навывлет китовый череп и на добрых полметра вонзился в торчащую за ним скалу.

– Уверен, мсье, вы в жизни не видывали прежде подобной мощи! – поддакнул де Бодье.

– Ну-ну, – скептически хмыкнул Убби, но оспаривать наши слова не стал.

Столь кропотливо подготавливаемая нами операция вошла в ключевую фазу. Если бы северянин вдруг решил, что вынесет баллестираду на палубу в одиночку и, хуже того, сделал бы это, вся наша революция вмиг отправилась бы псу под хвост. К счастью, захватчик трезво оценил свои силы и не стал даже пытаться строить из себя Геркулеса. Он отыскал среди трюмного хлама широкий ремень из толстой кожи, сплел из него для себя упряжь и зацепил ее за край тяжеловесного орудия. А затем впрягся в нее и, велев нам подталкивать конструкцию сзади, потянул ту вверх по лестнице.

Такой поворот нас тоже не устраивал. Но мы предвидели подобное развитие событий и, украдкой переглянувшись, начали действовать, как загодя условились.

Или, если быть точным, стали натурально валять дурака, но так, чтобы это не выглядело наигранно.

Мы налегали на баллестираду невпопад, кряхтели, спотыкались и толкали не столько ее, сколько друг друга. В итоге я сделал вид, что отдал на руке палец и, заохав, крикнул, что вынужден бросить груз. Сандаварг и де Бодье не рискнули удерживать его на крутой лестнице вдвоем и тоже вместе со мной отпустили «Блевуна». Тот с грохотом скатился вниз, но поскольку мы подняли его всего на три ступеньки, он не развалился и не погнулся.

– Неуклюжие криворукие болваны! – вознегодовал Убби, грохнув в сердцах кулаком по стенке трюма. – И какой идиот назвал вас лучшими перевозчиками Атлантики?! Ни силы, ни сноровки! Только и умеете за свои рычаги дергать! У, чтоб вас!..

– Вообще-то, монтаж тяжелого палубного вооружения принято делать не в дороге, а в городских мастерских, где есть мощные лебедки! – заметил я в свое оправдание. Не от обиды, а исключительно ради пущего правдоподобия.

– Ладно, некогда языками трепать! – рявкнул Сандаварг. И – вот он, момент истины! – наконец предложил то, что нам от него и требовалось: – А ну-ка живо впрягайтесь в ремень, раз не можете удержать «Блевуна» в руках! И если у кого-то из вас вдруг подкосятся ноги, пеняйте на себя!

Поменявшись местами, мы перехватились поудобнее и вновь двинули на штурм лестницы. Петля на ремне была просторной, и я без труда влез в нее на пару с Сенатором. Тащить двухсоткилограммовую конструкцию таким способом стало заметно легче. А для северянина, кажется, вообще не было разницы, толкать ее снизу или буксировать за собой. И та и другая работа оказалась ему одинаково по плечу.

Теперь восхождение пошло плавно и без задержек. Убби сразу подобрел и даже начал напевать себе под нос какой-то боевой гимн. Из всех слов в нем я мог разобрать лишь ругательства, без которых не обходится ни одна песня северян. Сандаварг явно настраивал себя на битву с Кавалькадой. У нас еще имелся мизерный шанс запутать следы, но наемник не шибко на него уповал.

Убби был реалистом, но мы смотрели на жизнь реалистичнее его. Он подверг нас смертельной угрозе ради достижения своей цели, а мы намеревались использовать его, чтобы спасти собственные жизни. Око за око – древнейший принцип справедливости. Так что пусть Сандаварг не обижается на нас, когда дон Балтазар приговорит его к мучительной смерти за убийство своих кабальеро.

Нервы мои были натянуты до предела. А пульс отдавался в висках с такой силой, что возмись кто-нибудь колотить меня сейчас по голове молотком, я, наверное, этого даже не почувствовал бы.

Гуго переживал не меньшее напряжение, но, стиснув зубы, стойко дожидался моей команды. Вот мы, взмокшие и раскрасневшиеся, мало-помалу подходим к верхнему краю лестницы и по пояс высовываемся из люка. Оглядываться нам ни к чему. И так ясно, что краснокожий ублюдок движется позади, налегая со всей мочи на баллестираду и не имея возможности дотянуться до нас своими ручищами. Не хочется радоваться раньше времени, но, судя по всему, революция, которую мы так педантично готовили, и впрямь вот-вот свершится. Нам остается преодолеть лишь пять ступенек... четыре... три...

– Пора! – отдаю я механику судьбоносную команду. Негромко, практически шепотом. Так, словно боюсь, что если гаркну ее во все горло, то непременно спугну нашу и без того робкую удачу.

Де Бодье прекрасно меня слышит, и мы, ухватившись вдвоем за ремень, рывком сбрасываем с себя нашу упряжь. Одно решительное движение, и буксируемый нами груз срывается с наших плеч, а затем падает вниз, прямо на северянина...

Я оказываюсь на палубе раньше толстяка-механика и, протянув ему руку, вытаскиваю его с лестницы. Мы оба не удерживаемся на ногах и валимся на палубу. Умница Долорес тоже пребывает наготове и, едва мы с Гуго выскакиваем наверх, тут же захлопывает за нами люк. Последнее, что доносится до нас из трюма, это гроыханье падающего по ступеням «Блевуна» и свирепая брань очутившегося у него на пути Сандаварга.

– Запирай! – Только теперь я позволяю себе перейти на крик. – Запирай быстрее, Моя Радость!

Малабонита запрыгивает на крышку и хватается за колесо, с помощью которого приводится в действие запорный механизм. Однако не успевает Долорес повернуть маховик, как из трюма на люк обрушивается чудовищный удар. Сила его такова, что сеньора Проныра подсакивает на массивной крышке, как будто сидит не на ней, а на спине необъезженного жеребца. Благо Малабонита крепко держится за запорное колесо, а иначе она отлетела бы в сторону, люк бы распахнулся, и тогда...

– Святой Фидель Гаванский! – в ужасе вопит Долорес, которая вполне осознает, какая ответственность на ней лежит. – Да помогите же мне кто-нибудь! Я его долго не удержу!.. *Hijo de puta!*

Повторный удар оказывается еще страшнее. Я даже успеваю заметить нанесшую его могучую длань, что мелькнула в ненадолго приоткрывшемся проеме люка. Малабонита, демонстрируя чудеса эквилибристики, сумела и на сей раз не слететь со взбесившейся крышки. Которую требовалось срочно запереть и заблокировать, потому что следующий удар может запросто переломить исход этой борьбы не в нашу пользу.

Трудно поверить, но северянину повезло перепрыгнуть через падающую на него конструкцию и, судя по всему, избежать увечий. По крайней мере, тяжких. И теперь он был на нас очень разгневан. При виде того, с каким неистовством краснокожий зверь рвется на свободу, волосы у меня на голове зашевелились, а сбившееся дыхание едва окончательно не перехватило от страха. Непонятно, как мне удалось встать и запрыгнуть на люк, но когда на него обрушился третий удар, мы сдержали и его.

Ухватившись за запорное колесо вдвоем, мы пытаемся его вращать, однако не тут-то было! Несмотря на то что крышка придавлена, ригели замка не попадают в пазы. Странно. Повредить замок голыми руками Сандаварг не мог при всем старании. Тогда в чем же дело?

Все становится ясно, когда я замечаю, как люк медленно, но неумолимо открывается. Проклятый Убби! Вместо того чтобы и дальше отбивать себе кулаки, он взошел на пару ступенек выше, подлез спиной под крышку и, распрямляя ноги, начал ее поднимать. Причем вместе со мной и Малабонитой!

Истинный монстр, честное слово!

– Гуго!!! – в один голос зовем мы разлегшегося на палубе Сенатора. Похоже, он ошибочно подумал, что угроза миновала, и не торопился вставать, решив сначала перевести дух.

Наш крик живо вернул де Бодье в реальность, дав понять, что праздновать победу еще рано. Вмиг позабыв об усталости, механик засуетился, засопел, поднялся на ноги и бросился нам на подмогу.

– Потеснитесь, мадам и мсье! – прокричал он и с разбегу плюхнулся на поспешно освобожденный для него участок люка.

Удержать на горбу возросший вдвое вес Убби уже не сумел. Ноги его подкосились, и все отвоеванное им преимущество моментально сошло на нет. Крышка с лязгом улеглась на место, но северянин все еще стоял на лестнице и не прекращал борьбу.

Ухватившись за другое колесо с внутренней стороны люка, крепыш стал мешать нам его заблокировать. Хотя, конечно, назвать это полноценной борьбой было нельзя. Сандаварг просто-напросто удерживал маховик, а мы не могли повернуть его ни на градус.

Насаженные на одну ось, оба запорных колеса не вращались по отдельности. А их фиксатор имелся лишь изнутри – как раз на случай, чтобы кто-нибудь не запечатал нас в трюме, когда мы прячемся там от опасности. Впрочем, эта проблема решалась уже не грубой силой – или, применительно к нашей ситуации, массой, – а хитростью.

Как гласит одна из поговорок династии Проныр: «Против лома и законов Архимеда нет приема, если у вас нет другого лома и минимальных познаний в теоретической механике». Как раз для этого случая Долорес, пока мы возились с «Блевуном», и подтащила к люку одну из запасных иностальных штанг. Все, что мне нужно было сделать, это лишь протянуть руку, подобрать ломик, вставить его между спиц маховика и подналечь на импровизированный рычаг.

Именно так я и поступил, ухватившись для пущего усилия за самый его конец.

Что-что, а против принципов Архимеда силища Убби оказалась бесполезна. Я сломил его сопротивление буквально за один оборот колеса. И как бы захватчик его ни дергал, остановить вращение запора было уже нельзя. Стоило замочным ригелям войти в пазы, как помощь сидящих на крышке Малабониты и де Бодье стала мне не нужна. Напротив, теперь они лишь мешались под ногами, и я согнал их с люка, дабы не прерывать работу.

Когда же маховик был завернут до упора, я еще дальше затолкал ему в спицы лом, а Гуго надел на него толстую цепь. Другой ее конец Долорес накрепко привязала к мачте, и отныне Сандаварг мог надрываться хоть до посинения – отпереть замок ему было не по зубам. Придуманый нами внешний блокиратор получился громоздким, зато не менее надежным, чем внутренний.

Раздавшийся из-под крышки рев бессильной злобы слился с нашим победным ликованием, которое мы устроили над люком, запертым ценою героических усилий. С этой минуты власть на «Гольфстриме» опять перешла ко мне. И пускай нас и Кавалькаду разделяло всего полдня пути, это не омрачало нашей радости. Мы обзавелись неопровержимым доказательством того, что не имеем ничего общего с врагами Владычицы Льдов. И теперь готовились сдаться Кавалькаде без боя, ибо на войну с ней героизма у нас уже не хватало...

Как и ожидалось, в запертом трюме разразилась настоящая буря. Казалось, еще немного, и под ее напором стотонный буксир начнет раскачиваться из стороны в сторону. Остервенелый Убби разносил все, что подворачивалось ему в темноте под руку. Наведенный нами там порядок не продержался и суток. Обидно, если вспомнить, каких трудов мне стоило рассортировать прежнюю грудку хлама. Новая же, судя по грохоту, должна была стать еще больше – помимо запчастей, северянин, кажется, крушил и полки, на которых они лежали.

А мы в это время культурно отдыхали, устроив в ожидании Кавалькады небольшой пир. Идею провести его подкинула Долорес. Отплясав победный танец на запертом люке, она заметила, что если нам все же не посчастливится угодить в рабство Владычицы Льдов, то было бы неплохо напоследок гульнуть. Не до потери пульса, ведь нам еще предстояли сегодня важные переговоры, а чисто символически.

Предложение Малабониты было встречено с воодушевлением. И впрямь, кто знает, доведется ли нам еще погулять на этом свете. И потому оставшиеся до встречи с доном Балтазаром часы мы решили посвятить вкушению кактусидра. Бочонок с ним, к счастью, был заблаговременно вынесен из трюма вместе с остальными продуктами и самыми необходимыми запчастями.

Пока мы праздновали и произносили тосты за скорейший и благополучный исход этого рейса, Убби продолжал упорно напоминать о себе, проверяя на прочность стены трюма и наши нервы.

– Зря стараешься, северянин! – попытался я образумить буяна, обратившись к нему через проделанную в палубе узкую отдушину. – Самому тебе оттуда ни в жизнь не выбраться. Корпус «Гольфстрима» рассчитан на атаку взрослого змея-колосса, так что угомонись и побереги кулаки!

В ответ Сандаварг прорычал все, что он думает обо мне, моем экипаже и всех наших родственниках, вместе взятых. Досталось даже моему прадедушке, о котором я рассказывал вчера за ужином. Бедный Иван Проныра, создатель «Гольфстрима»! Он, поди, и не подозревал, что спустя шестьдесят лет после его смерти кто-то будет склонять его имя в такой унижительной форме.

– Ну это ты явно хватил через край! – возмутился я, слушая непрекращающиеся под палубой брань и грохот. – Будь мы и впрямь такими негодьями, разве я оставил бы тебе в трюме воду и припасы? Можешь найти их на полке, как раз над ящиком с оружием... если, конечно, ты ее не разгромил. И вот еще что: будь добр, не долби по люку изнутри чем попало. Замок так все равно не взломать, а вот заклинить его можно. И никто его потом не откроет, пока мы не доберемся до ближайшего клепального цеха. Не думаю, что тебе захочется неделю сидеть во мраке, когда уже

через пару часов у тебя появится шанс умереть славной смертью... Что-что? Извини, не расслышал?.. Куда-куда нам пойти?.. Туда, где темно и полно дерьма? Нет уж, дудки: спускаться к тебе в трюм мы не хотим. Но выпить за то, чтобы тебя казнили быстро и без мучений, не откажемся. Мсье Сенатор! Разливайте, прошу вас, не ждите приказа...

Потоптавшись у входа в темницу северянина, огорченный его отсутствием Физз не придумал ничего лучше, как присоединиться к нашему столу. Однако я все равно приглядывал за вараном – мало ли что? А вдруг Убби попросит его на языке Чистого Пламени открыть тайком заблокированный люк? У самого-то ящера ума на это не хватит, но проделать такое с подсказки северянина он теоретически сможет. Что ж, вот и проверим скомпрометировавшего себя товарища на благонадежность.

Однако часы тикали, а Физз продолжал неотлучно сидеть рядом с нами, хрустеть курадо да вставляя в разговор свои бестолковые потешные реплики. Иными словами, вел себя так, словно между нами не было никакой размолвки. Долорес периодически поднималась на мачту отметить, где находится Кавалькада. С каждым часом пылевое облако становилось все ближе, и к полудню уже не осталось сомнений, что кабальеро движутся по нашим следам и прибудут сюда сразу после обеда.

Но как же медленно тянется время! И это мучительное ожидание губило все удовольствие от нашего пира. Победная эйфория улетучилась, и хоть бочонок с кактусидром помаленьку пустел, никто из нас больше не пьянел. Постепенно все разговоры как-то сами собой стихли, и на «Гольфстриме» воцарилась гнетущая тишина. Даже Убби, и тот притих: либо смирился со своей участью, либо замышлял ответное коварство.

Впрочем, что бы он ни задумал, я ни под каким предлогом не собирался открывать трюм до прибытия дона Балтазара. Да и по прибытии кабальеро я не подойду к люку ближе чем на дюжину шагов. Мы свою задачу выполнили и исчерпали наш лимит риска, пожалуй, на месяц вперед. Так что пусть гвардейцы сами выводят северянина из темницы, а наше общение с ним так или иначе подошло к концу.

– У меня дурное предчувствие, *Mio Sol*, – молвила Долорес спустя четверть часа после того, как умолкла беседа и был допит кактусидр. – А ты меня знаешь: если я говорю «быть беде», значит, так оно и будет.

– Очень справедливое замечание, мсье шкипер, – подал голос Гуго. От нечего делать он изучал брошенную северянином амуницию, примериваясь то к брату Ярнклоту, то к Ярнскиду. Однако мысли Сенатора были сосредоточены сейчас явно не на наших трофеях: – Если мадам Проньра в чем-то и ошибается, то только в своем

предвзятом отношении ко мне. В остальном же интуиция ее редко подводит. Да и мне, сказать по правде, тоже с утра как-то не по себе.

– Прекрасно вас понимаю, – ответил я, хмуро взирая на пыльный юго-запад. – Поди, не каждый день с доном Балтазаром сталкиваемся. Да еще когда он не в духе. Но отступить слишком поздно, так что ничего не поделаешь... Хотя кое-какие меры предосторожности принять не помешает. Уповать на милосердие Владычицы – дело не безнадежное, но не более того. Поэтому давайте-ка поступим так: ты, Моя Радость, возьми простыню почище и вывеси на мачте белый флаг. Пускай гвардейцы видят, что мы не собираемся оказывать сопротивление. А мы с Сенатором пока отгоним «Гольфстрим» на пару километров севернее. Судя по карте, там начинается длинный, пологий спуск. В случае чего он нам поможет. Ну а тебе, дружище Физз, обижайся не обижайся, придется сесть на цепь. И умоляю: помалкивай, ладно? Дон Балтазар, конечно, великодушен, но если ты вдруг обзовешь его дерьмом, боюсь, он не оценит твое изысканное чувство юмора...

Говорят, что если вся Кавалькада выстроится в одну шеренгу, она не размыкая строй запросто окружит Столп. Причем между ним и кольцом оцепления останется еще довольно приличное расстояние. Так оно на самом деле или нет, мы не выяснили. Как оказалось, конная гвардия Владычицы преследовала нас не в полном составе. Кабальеро двигались по предгорьям Хребта группами примерно по полсотни всадников каждая. Расстояние между отрядами сохранялось такое, чтобы пыль от впереди идущих групп не застилала глаза скачущим за ними товарищам. Сколько же всего таких отрядов гналось за нами, мы могли только догадываться. Но их было явно не меньше четырех.

Вывесив белый флаг и установив буксир на склоне носом вниз, мы все же зарядили баллестирады, но при этом демонстративно нацелили их в небо и отошли от орудий. Опускать раньше времени трап тоже не рискнули. Так что если гвардейцы атакуют нас без предупреждения, с ходу им на борт не прорваться.

Приготовившись, мы встали у борта и замерли в ожидании, прислушиваясь к далекому конскому топоту. Поднятая всадниками пыль вздымалась над юго-западным горизонтом грязной, рваной пеленой. Самих кабальеро отделяли от нас скальные гряды, и увидеть авангард Кавалькады мы сможем лишь за минуту-другую до того, как он доберется до «Гольфстрима».

Нарастающий с каждой минутой топот сотен рапидо повергал в смятение и заставлял ежиться от ощущения собственной ничтожности и незащитности. Встречаться с доном Балтазаром не любили даже те, у кого отродясь не возникало разногласий с Владычицей. Бургомистры, поселковые старосты и вожаки

Стервятников в ужасе хватались за головы, когда им докладывали о появлении в их краях Кавалькады. И неважно, что приютившему гвардейцев городу или поселку полагалась затем значительная «водная» компенсация всех издержек; их по предъявлении специального ордера погашал шкипер первого же пришедшего с Юга танкера. Кавалькаду боялись, потому что кабльеро не считались ни с чьей властью, кроме той, какой они сами подчинялись. Это давало им право вершить суд где угодно и над кем угодно, руководствуясь лишь собственными понятиями о справедливости.

Во времена, когда на обезвоженной Вседержителями Земле из всех водных запасов остались лишь гренландский и антарктический льды, баланс политических сил в Атлантике определился довольно быстро. Всего за несколько лет весь полярный лед перешел под власть крупных вооруженных группировок. Их могущество лишь укрепилось, когда высохли последние реки, стекающие с обоих Великих плато. Холод и исчезновение Чистого Пламени не позволяли северянам и южанам вести полноценное сельское хозяйство, в то время как в теплой экваториальной зоне земля не могла плодоносить из-за тотального дефицита влаги. Однако настоящего взаимовыгодного сотрудничества Центра с Севером и Югом все равно не получилось. Условия в этом альянсе закономерно диктовал тот, кто сидел на ледяных горах и контролировал все подходы к ним.

Именно труднодоступность льда и суровый для жителей тропического пояса климат мешали им в массовом порядке переселиться поближе к воде. Выгоднее всего в этом плане устроились южане. Их защищает гигантский Фолклендский разлом, что протянулся вдоль южной пятидесятой параллели через всю Атлантику от Западного Великого плато до Восточного. Он служит естественной и непреодолимой преградой на пути всех желающих отвоевать себе хотя бы кусочек водоносной Антарктиды у ее нынешних хозяев. Проходы, по которым можно попасть в те холодные земли, охраняют дивизионы боевых бронекатов Владычицы. Они же пропускают и сопровождают все идущие на север и обратно танкеры.

В те годы интересы водяных королей сталкивались лишь на экваторе. Но по мере таяния северной ледовой шапки, что оказалась многократно тоньше, нежели антарктическая, южане планомерно отвоевывали у конкурентов подконтрольные им территории. Чем в итоге все закончилось, ныне известно каждому жителю Атлантики. И теперь она пьет и орошает поля одними лишь талыми водами Антарктиды. Ее тысячелетние ледяные толщи, как заверяли их хозяева, неиссякаемы и тают не так быстро, как богатства канувших в Лету повелителей Арктики. Хотя так оно на самом деле или нет, не ведает никто из простых смертных.

Как не ведаем мы доподлинно и то, принадлежат ли последние льды мира одной лишь Владычице или кто-то еще, столь же ушлый, грызет их с противоположной стороны. Все пути на запад и восток лежат за Фолклендским разломом. Они достигаемы только для перевозчиков, имеющих туда доступ. По доходящим до нас скудным сведениям, на просторах Пацифики и Индианы живут такие же люди, как мы, и дюжина танкеров регулярно наведывается туда через проход Дрейка и по равнине Агульяс. Однако, учитывая, что только по одной Атлантике курсирует более двухсот водовозов, напрашивается вывод: власть нашего водного монополиста распространяется на те земли отнюдь не безгранично. Впрочем, это еще не означает, что там нет своих Владычиц и прислуживающих им Кавалькад...

Второй раз за день Долорес помянула святого Фиделя Гаванского, когда из-за ближайших скал показался первый отряд гвардейцев. Даже в таком малом количестве они могли бы обратить в бегство армию любого местечкового правителя, столкнись кабальеро с ней в чистом поле. Полсотни отборных, хорошо вооруженных вояк на быстрых рапидо окружили «Гольфстрим», словно песчаный оползень – торчащий у него на пути валун. И не успели они осадить коней, как нашим взорам предстал следующий отряд, нарисовавшийся из соседнего ущелья. Он сразу же смешался с авангардом, после чего вокруг буксира стало и вовсе не протолкнуться от запыленных, хмурых всадников в черных шляпах и легких кожаных доспехах. И почти каждый из них вел за собой в поводу второго скакуна, груженного нехитрым солдатским скарбом.

Сколько всего отрядов предстало пред наши очи, мы не выяснили. Едва я высмотрел среди кабальеро дон Риего-и-Ордаса, как моментально забросил все подсчеты и стал следить только за ним. Он прибыл со второй группой, и если бы не пыль, облепившая и кабальеро и лошадей с ног до головы, я заметил бы его гораздо раньше. А так мы обнаружили его лишь тогда, когда его ординарцы начали кричать, приказывая всадникам расступиться и дать дорогу своему команданте.

Мельтешащая серая масса, какой являлась сейчас запыленная Кавалькада, раздалась в стороны, образовав живой коридор. На одном его конце восседал на коне дон Балтазар, другой конец выходил прямым к «Гольфстриму». Было шумно, поскольку гвардейцы все еще подтягивались к бронекату. Но с каждой минутой топот, крики и конское ржание понемногу стихали. Возле команданте махом собралось полдесятка офицеров, и после короткого совещания один из них выдвинулся в нашу сторону.

Я отметил, что сеньор Риего-и-Ордас и впрямь так отважен, как о нем толкуют. Будь сейчас в руках Малабониты ее дальнобойный лук, она могла бы без труда попасть из него в посланника Владычицы. Но тот, похоже, не опасался с нашей стороны

подобного злодейства и не прятался за спинами кабальеро, когда враг размахивал перед ним белым флагом.

Первым делом я вкратце объяснил парламентару, как нас угораздило во все это ввязаться и почему мы рассчитываем на милосердие его сеньора. После чего попросил передать ему наши глубочайшие извинения и заверение, что отныне я и мой экипаж находимся всецело в его распоряжении.

Посыльный молча выслушал наши оправдания, затем так же молча развернул коня и поскакал обратно. Я утер со лба пот и облегченно выдохнул. Нас не расстреляли из пистолетов и дали высказаться. Добрый знак, и лично меня такое начало переговоров вполне устраивало.

Пока я отрешивался от злодеяний Убби и рассыпался в извинениях, дон Балтазар стряхнул со шляпы пыль, обмел щеткой доспехи и умылся из горлышка подставленной ординарцем фляги. И когда вернувшийся парламентар приступил к докладу, команданте слушал его, вытирая платком лицо, шею и руки. Потом он взялся молча сверлить нас своим суровым взором и через полминуты отправил к нам офицера с новым распоряжением.

– Опустите трап! – приказал тот, осаживая коня у колеса бронеката. – И готовьтесь принять на борт полномочного посланника королевы Юга, первого кавалера ордена Закона и Порядка, дона Балтазара Риего-и-Ордаса!

– Почтем за великую честь! – раскланялся я и поспешил к управляющей трапом лебедке.

Первыми на «Гольфстрим» поднялись не команданте с офицерами, а десять спешившихся гвардейцев. Все – с обнаженными шпагами и взведенными пистолетами в руках. Мы выстроились перед трапом для встречи высокого гостя, но нам было велено отступить и встать у борта, подальше от орудий и лицом к солнцу, дабы оно слепило нам глаза.

Кабальеро шустро обежали палубу, заглянули в рубку и моторный отсек, где был посажен на цепь Физз, осмотрели запертый вход в тюрьму Сандаварга, а также сунули носы во все подозрительные ящики и ниши, не поленившись залезть даже на марсовую площадку. Баллестирады были сразу же разряжены, а братья Ярнклот и Ярнскид убраны в контейнер с запчастями. Вряд ли, конечно, инспектора всерьез опасались, что я или Гуго бросимся на дона Балтазара с пудовым кистенем. Но мнительные кабальеро все равно решили оградить нас от такого искушения.

Да, недолго довелось мне снова похозяйничать на «Гольфстриме». И хоть взошедший на него важный гость пока не проронил ни слова, он вел себя так,

словно это мы были здесь гостями, причем незваными. Командующий инспекторами капрал наказал нам, чтобы при встрече с доном Риего-и-Ордасом мы стояли смиренно и помалкивали, пока он сам к нам не обратится. А когда обратится – не юлили и отвечали только по существу. Что, в общем-то, я намеревался делать и без подсказки. Обманывать кавалера ордена Закона и Порядка у меня и в мыслях не было.

Дон Балтазар был еще отнюдь не стар, и на глаз я бы дал ему не больше пятидесяти. Однако, в отличие от его ровесника Гуго, это были именно те «пятьдесят», какие хотел бы пожелать себе каждый не утративший любви к жизни мужчина. Чуток полноватый, но осанистый, крепко сбитый и полный сил команданте смотрел на нас так, что у меня невольно возник вопрос: зачем человеку с таким стальным и пронизывающим насквозь взором носить с собой еще и шпагу? Которая, если верить ходящим по свету о ее хозяйине байкам, спровадила в загробный мир немало народу.

На морщинистом и обветренном лице главного кабальеро не отражалось даже тени эмоций. Я и не ожидал, что он обрадуется нашей встрече, но и признаков гнева у сеньора Риего-и-Ордаса тоже не замечалось. Хорошо это для нас или плохо? Поди-ка разберись. Я вон тоже могу сохранять невозмутимость, перерезая глотку подстреленному на охоте рогачу. А чем еще, как не охотой, занимался всю последнюю неделю дон Балтазар?

– Выкладывайте все, что мне необходимо знать, – молвил он, важно встав напротив нас и положив руку на эфес шпаги. – Итак, я весь внимание.

Памятуя наказ капрала и древнюю истину о том, что повинную голову меч не сечет, я как на духу поведал команданте все, о чем собирался. Не забыв, разумеется, рассказать и о поимке нами убийцы шестерых благородных кабальеро, который держал нас потом в заложниках почти пять дней. В течение моего рассказа притихший пару часов назад Убби смекнул, что творится на палубе, и снова разбушевался. Чем, сам того не желая, мне подыграл, подтвердив правоту моих слов.

«Давай-давай, краснокожий! – мысленно подбодрил я нашего свирепого узника. – Порезвись напоследок. Сделай приятное и себе, и нам. И если мы выберемся-таки отсюда живыми, клянусь непременно выпить за упокой твоей неутомной души!»

– Как любопытно, – разгладив пальцами усы, заметил дон Риего-и-Ордас, когда я наконец примолк. – Давненько не слышал подобных занимательных баек. И ведь, действительно, все настолько складно, что не придерешься. Разве лишь одна деталь в твоей истории, шкипер, не укладывается у меня в голове. Посланные мной к Нэрскому Столпу дон Торрес и его кабальеро были слишком опытными бойцами,

чтобы дать себя прикончить какому-то варвару-одиночке. С которым затем – вот так оказия! – запросто расправилась команда обычного буксира! Занятно: северянин не оплошал в бою против шестерых гвардейцев, но попал впросак, клюнув на уловку простых перевозчиков. Ответь, неужели в нашем мире и впрямь возможны такие немислимые чудеса?

Я как чуял, что сделанная мной повторная ставка на правду опять окажется проигрышной! И что за недоверчивый народ служит в Кавалькаде! А вот соври я, к примеру, что напавших на дона Торреса варваров было видимо-невидимо и что только один из них в том бою выжил, как пить дать команданте мне поверил бы! Мало ли что он не нашел на месте того побоища ни одного вражеского трупа! Главное, эта махровая ложь не противоречила бы представлениям дона Балтазара о доблести его кабальеро.

– Этот варвар... Убби Сандаварг... он налетел на ваших бойцов из засады словно бешеный зверь и не дал им ни малейшего шанса. – Мне предоставили последнюю попытку оправдаться, и я не мог ею не воспользоваться. – Преклоняюсь перед отвагой дона Торреса, но он и его люди просто-напросто стали жертвами чудовищного коварства. Северянин сразу же навязал им бесчестный бой, а уж он-то, поверьте, в этом большой мастер. Да вы и сами убедитесь, насколько он дик и безрассуден, когда вытащите его из трюма.

– Безусловно, шкипер, именно так я сейчас и поступлю, – согласился дон Риго-и-Ордас, однако изменившийся тон его голоса мне очень не понравился. – Но сначала выслушайте мою правду о том, что произошло пять дней назад на Нэрской равнине. И хоть я не присутствовал при убийстве дона Торреса, могу поспорить: в моей короткой истории будет гораздо больше реализма, нежели в вашей, пространной и чересчур удивительной...

Я ощутил, как внутри у меня все холодеет, а ноги становятся ватными. Стоящего рядом Гуго прошиб крупный пот, но бьющее нам в глаза солнце было здесь явно ни при чем. Малабонита нахохлилась, настороженно прищурилась и прикусила губу. История дона Балтазара еще не началась, но каждый из нас фактически уже знал, какой она будет. И, что самое страшное, – кем будем в ней мы – трое бедолаг, невольно втянутых в совершенно чужую войну.

– Так вот, слушайте, как на самом деле погиб храбрый дон Торрес и его люди, – продолжал команданте. – Бесспорно, их прикончил варвар. Однако прикончил не в одиночку, а в компании со своими приятелями. Точнее, теперь уже бывшими приятелями. Разумеется, я имею в виду вас – жалких и алчных трусов, которые до этого прикончили Томаса Макферсона, узнав, каким бесценным сокровищем он

обладает. И когда ваша гнусная банда столкнулась с кабальеро дона Торреса, вам повезло отвлечь их внимание, и они, на свою беду, проморгали выскочившего из засады убийцу. Хотя, уверен, вы тоже успели нанести удар в спину кому-нибудь из наших товарищей. Однако вы не учли одного – того, что не пройдет и недели, как мы найдем ублюдков, совершивших это дерзкое преступление. И когда сегодня утром вы увидели на горизонте настигающее вас возмездие, ваша троица перепугалась и задумала свалить всю вину на варвара, сделав его своим козлом отпущения, а сама остаться не при делах. Поэтому неудивительно, что преданный вами подельник впал в такую безумную ярость.

И дон Балтазар указал на содрогающийся под могучими ударами Убби трюмный люк.

Наверное, мне стоило изобразить сейчас донельзя оскорбленную невинность. И, рванув на груди рубаху, поклясться самыми страшными клятвами, что мы не лжецы и все рассказанное нами – сущая правда до последнего слова. Или я должен был пасть на колени и лобызать команданте сапоги, слезно умоляя смиловаться над нами и не отнимать наши жизни? А может, надо было выпросить у него шанс искупить наши грехи любой повинностью, какую только возложит на нас сеньор Балтазар?

Не знаю, не знаю... Возможно, какой-нибудь из этих способов и впрямь помог бы вымолить прощение у посланника Владычицы. Но мы как застыли от ужаса после всего сказанного им, так и стояли истуканами, будучи не в силах вымолвить ни слова.

– Вы заблуждаетесь, сеньор, – наконец заговорил я, совершенно не узнавая собственного голоса. Вылетающие из моего пересохшего горла звуки больше походили на предсмертные хрипы висельника, чем на речь пока еще живого человека. – Из всех беззаконий, какими вы нас попрекаете, мы виновны только в бегстве с места преступления. Но ведь мы бежали не по своей воле, а под угрозой насилия! Иной вины за нами нет, а тем более вины в чьей-либо смерти. Я всегда был наслышан о вас как о справедливом человеке, но сегодня, обвиняя нас в пособничестве вашим врагам, вы допускаете чудовищную ошибку. Именно ошибку, уверяю вас, сеньор...

Однако мои слова канули в пустоту. Дон Балтазар не дослушал, а с демонстративным равнодушием отвернулся и, оставив нас, подошел ко входу в трюм.

– Принесите сеть, – вполголоса, дабы не услышал пленник, приказал он, не сводя глаз с опутанной цепью крышки. – И пришлите сюда еще людей. Надо непременно

взять варвара живым. Прежде чем он издохнет, хочу задать ему несколько вопросов. Любопытно, откуда прибыл этот краснокожий монстр и кто его сюда послал.

Ординарцы, придерживая шляпы, бросились не мешкая выполнять распоряжение. Команданте постоял еще немного возле люка и неторопливо зашагал к трапу. На лице главного кабальеро лежала печать глубокой, усталой задумчивости. Но раздумывал он явно не о нашей участи, которая, судя по всему, была им уже решена.

– Прошу прощения, сеньор! – окликнул его капрал, оставшийся на палубе вместе с тремя гвардейцами – одними из тех, кто обыскивал «Гольфстрим» перед приходом вершителя наших судеб.

Сошедший с трапа дон Балтазар встрепенулся и обернулся.

– Разрешите осведомиться, сеньор? – обратился к нему капрал. Команданте молча кивнул. – Вы не оставили распоряжений, поэтому хотелось бы узнать, как нам поступить с командой бронеката.

– Ах да, эти трусливые псы... – словно бы нехотя вспомнил дон Риего-и-Ордас. – К счастью, у нас есть, кем их заменить, и мне они больше не нужны. Убейте их, Уртадо, и выбросьте тела за борт. Пусть кости шакалов обглаживают другие шакалы. Это единственная справедливость, какую они могут у меня выклянчить...

Глава 6

Как говаривал некогда известный на всю Атлантику неуловимый грабитель караванов Халил Ибн Рази, если тебя приговорили к смерти, это вовсе не значит, что ты уже мертв. Что он блестяще и доказал на собственном примере. Получив заочные смертные приговоры от властей двадцати городов, Ибн Рази еще добрый десяток лет преспокойно творил свои бесчинства, пока не погиб нелепой смертью, отравившись прокисшим кактусидром.

Нам, конечно, старушка-смерть не собиралась давать такую солидную фору. Едва дон Балтазар решил нашу участь, как капрал Уртадо подал знак трем своим бойцам, и все четверо разом схватились за шпаги, не желая, видимо, стрелять в нас из слишком долго перезаряжающихся пистолетов. После чего привычный мир Еремее Проныры Третьего рухнул до основания и больше никогда не возродился в прежнее состояние...

Именно зловещее «вз-з-зынь!» выхваченных из ножен клинков и блеснувшее на них солнце вывели меня из ступора. А паническая мысль о том, что через три секунды всем нам выпустят кишки, подтолкнула к действиям. Вытаращившись расширенными от ужаса глазами на обнаженные шпаги гвардейцев, я резко вдохнул полной грудью и что есть духу проорал:

– Физз, ко мне!!! Ко мне-е-е-е!!!

И Физз, мой старый друг, которого я совершенно несправедливо заподозрил в измене, бросился на мой отчаянный призыв так быстро, как только смог. Бросился невзирая на то, что был посажен на цепь и наверняка знал – сорваться с нее ему не удастся. А если и удастся, что мог сделать некрупный ящер, даже обладающий толстой чешуей и острыми зубами, против четырех гвардейцев со шпагами?

Я не сомневался: храбрости ему не занимать и, если нужно, он без колебаний пожертвует ради нас своей жизнью. Впрочем, сейчас мне требовалось от варана нечто менее возвышенное и более практичное, чем героическое самопожертвование. А конкретно: всего один сильный рывок. Примерно такой, какой неоднократно проделывал на моих глазах Физз, ловя пастью бабочек и колибри. Ради этого рывка он и был привязан в моторном отсеке, а не где-то еще. И привязан не к чему попало, а за стартовый рычаг Неутомимого Трудяги.

Это и была моя подстраховка на случай, если наша встреча с Кавалькадой обернется провалом. Остановленный на уклоне «Гольфстрим» не мог вызвать у дона Балтазара подозрения. Все без исключения перевозчики предпочитали ставить груженные бронекаты именно так, поскольку это ускоряло последующий старт. Однако ни один наш брат не стал бы трогаться с места сразу на второй передаче без крайней нужды. Конечно, со стороны это смотрелось эффектно, когда стальной монстр бросался вперед, выбрасывая из-под колес фонтаны земли. Но ничего хорошего любовь к подобному куражу не сулила. Велика была вероятность повредить трансмиссию, нарушить укладку груза и просто расшибить себе лоб, не устояв на ногах при таком рывке.

Вот только боялся ли я в настоящий момент всех этих бед? Мы топтались безоружными напротив четырех кабальеро, и жить нам оставались считанные секунды. Однако ни Физз, ни «Гольфстрим» нас не подвели. Варан прекрасно справился со своей задачей, а поставленные заблаговременно на вторую передачу, шестерни коробки скоростей не рассыпались при резком старте, хотя для нашего старичка-буксира такие выкрутасы были давно противопоказаны.

Я не видел отсюда привязанного в моторном отсеке ящера. Но раздавшийся под брюхом бронеката скрежет и удар сцепившихся между собой огромных шестерней

подтвердил, что Физз меня расслышал. А все, что последовало вслед за ударом, стало для наших врагов неприятным сюрпризом. Вместо того чтобы пустить нам кровь, гвардейцы попадали с ног и с воплями покатались кубарем по палубе мимо нас, трюмного люка и мачты.

То же самое, по идее, должно было случиться с нами. Но, во-первых, мы были готовы к толчку и успели ухватиться за борт, а во-вторых, годы жизни на шаткой палубе бронеката – это о чем-то да говорит. И опыт наездников, способных сутки напролет проводить в седле галопирующего рапидо, здесь был для кабальеро не помощник. А рванувший с места «Гольфстрим» взметнул из-под колес шквал пыли и камней, щедро обдал ими окруживших нас гвардейцев и помчался вниз по склону, разгоняясь все быстрее и быстрее.

И это было только начало разразившегося затем вокруг нас кровавого хаоса...

Гвардейцы не сомневались, что мы схвачены, и потому без опаски разъезжали перед бронекатом, даже не подозревая, что он может внезапно взять и покатиться с горы. Сколько всадников вместе с лошадьми угодило под колеса, пока кабальеро не сообразили, что стряслось, и не пришпорили рапидо, убираясь с нашего пути? Если судить по испуганному конскому ржанию, жутким воплям и хрустяще-чавкающим звукам, жертв оказалось не меньше десятка. Мне было недосуг пялиться по сторонам, но я не мог не заметить, как колесные шипы моментально окрасились кровью и покрылись ошметками человеческой и конской плоти. Несколько секунд, и по количеству отнятых гвардейских душ я сравнялся, а может, даже превзошел Убби Сандаварга. Какая, право слово, чудовищная гримаса фортуны! Но куда деваться? Выбор невелик: или мы – их, или они – нас.

Носиться по наклонной палубе нам тоже было не впервой. Пока свалившиеся на нос буксира кабальеро подбирали оброненные шпаги и пистолеты, нам предстояло сделать кое-что важное, раз уж мы твердо решили не дать себя прикончить. Склон, по которому катился буксир, не изобиловал поворотами и серьезными препятствиями, поэтому неотлучное мое присутствие у штурвала не требовалось. Крикнув Гуго, чтобы он бежал к себе в отсек – боец из де Бодье был аховый, а вот переключить надсадно воющую коробку скоростей на повышенную передачу сейчас не помешало бы, – мы с Малабонитой метнулись к лебедке. Поднять трап следовало во что бы то ни стало. У кабальеро хватит ловкости вскочить по нему на борт даже верхом на лошадях. Что эти ублюдки и собирались вот-вот предпринять. Из учиненного нами хаоса и толкотни уже выделилось несколько всадников, чьи намерения прорваться на «Гольфстрим» были более чем очевидны.

Подъем сходней занимал примерно полминуты, и за это время один сноровистый гвардеец решил показать нам свое мастерство джигитовки. Когда трап закрылся всего на треть, этот кабальеро подвел под него своего рапидо, затем быстро взобрался на седло с ногами и, балансируя на галопирующем коне, ухватился за лебедочную цепь. После чего повис на ней, а конь помчался дальше без седока.

Ему оставалось лишь прошмыгнуть в сужающуюся щель между трапом и бортом и, выхватив шпагу, атаковать ближайшего противника. То есть меня. Однако не успел прыгун выпустить из пальцев цепь, как ему в лицо со всего маху врезался конец длинной штанги, лежащей доселе поблизости в штабеле запчастей. Вовремя завидев угрозу, Долорес схватила первое подвернувшееся ей под руку оружие и одним ударом вышибла кабальеро половину зубов. Тот сорвался с цепи и, кувыркаясь, полетел наземь. Где удача в последний миг все же улыбнулась акробату, чудом не дав ему угодить под колесо бронеката.

Трап поднялся, отрезав врагам путь на «Гольфстрим» и оставив нас наедине с четырьмя разъяренными гвардейцами. Они уже стояли на ногах и, стараясь удержать равновесие, начали взбираться вверх по наклонной палубе. Дотянуться до нас шпагами они еще не могли, а вот пристрелить из пистолетов – запросто. Так что даже неприцельные выстрелы кабальеро представляли для нас большую угрозу.

– Прячься, дура! – крикнул я Малабоните. Войдя в раж, она метнула в гвардейцев свое импровизированное копьё и, ни в кого не попав, кинулась было к штабелю запчастей за новым. Однако я грубо схватил Долорес за руку и потянул в противоположную сторону – к мачте. Только за ней мы могли худо-бедно укрыться от выстрелов.

Я ожидал, что они посыплются на нас дождем, но в мачту ударила всего пара пуль, после чего Уртадо велел своим бойцам прекратить стрельбу.

– Бить только по цели! – криком предупредил он их, пока те не израсходовали впустую оставшиеся пули, коих у них в запасе было не так уж много. – Вперед, *contraceros*, прикончим этих мерзавцев, как приказал команданте!

– Вот паскудство! – выругался я, осторожно выглядывая из-за укрытия. Гвардейцы, попрятав пока шпаги в ножны и взяв пистолеты на изготовку, осторожно, шаг за шагом, шли в наступление. – Не подстрелят, так зарубят! Не эти, так те!

Я указал на скачущих за «Гольфстримом» всадников. Судя по грозному конскому топоту и вздымающемуся за нами шлейфу пыли, дон Риго-и-Ордас бросил в погоню всю свою армию. Хороший переполюх мы учинили, слов нет.

– Надо открыть люк! – предложила Малабонита. – Глупо держать взаперти такое оружие, когда оно нам позарез необходимо.

– Да ты в своем уме, женщина?! – ужаснулся я. – Мы четыре дня заманивали это чудовище в трюм и едва не погибли, запирая его там! Как думаешь, кого оно сожрет первым, когда вырвется наружу: нас – предателей – или вон тех ни в чем не повинных перед ним парней?

– Тогда иди и бейся с гвардейцами сам, голыми руками, как истинный герой! – оскорбилась Долорес. – Раз брезгуешь советами женщины, значит, защищай ее и погибни, чтобы она тобой гордилась!

– Ишь чего удумала! Где ты тут, скажи на милость, нашла героя, а? Не было отродясь среди Проныр таких дураков и не будет!.. Ну ладно-ладно, твоя взяла! – сдался я под напором непреодолимых обстоятельств. – Только не говори потом, что я тебя не предупреждал! – И, сложив ладони рупором, прокричал: – Сенатор! Как меня слышите?!

– Отлично слышу, мсье шкипер! – откликнулся тот из недосягаемого для стрелков моторного отсека. – Я на месте! Жду дальнейших приказов!

– Дайте схему «Три-четыре-три»! – распорядился я. – И поскорее, прошу вас!

– Будет исполнено, мсье! – заверил меня Гуго. – Схема «Три-четыре-три»! Один момент! Приготовьтесь!

Кабальеро тоже услышали это предупреждение и замерли на месте, пытаюсь сообразить, что сейчас произойдет. Болваны! Им бы не торчать посреди палубы, хлопая глазами, а хвататься поскорее за борта, пока не поздно. Вот что значит не иметь опыта путешествий с перевозчиками! Любой, кто прошел с нами по хамадам хотя бы один рейс, накрепко усваивает, что обычно следует за подобными командами.

В данный момент бронекат слишком сильно разогнался на третьей скорости и не мог резко перейти на вторую. Вот почему я приказал механику дать ненадолго четвертую, чтобы последующее кратковременное торможение не повредило трансмиссию. Ну а зачем я решил так поступить, надеюсь, объяснять не надо.

Уртадо и его бойцы еще толком не оправились после первого падения, как Гуго устроил им второе, столь же малоприятное. Стотонный «Гольфстрим» дернулся, и четверка кабальеро, задрав ноги, снова покатила туда, откуда только что пришла. А мы с Долорес выиграли несколько секунд, в течение которых могли делать свои дела, не опасаясь нарваться на пули.

Времени было крайне мало, и мы предпочли распорядиться им разумно. Поэтому рванули не к люку, а к ящику с запчастями. Долго копаться в нем не потребовалось – спрятанное туда капралом оружие северянина лежало сверху. Подняв щит, тоже весивший не меньше пуда, я закрыл им одновременно и себя и Долорес. Именно ей предстояло освободить пленника, пока мы с братом Ярнскидом будем оберегать ее от выстрелов. А дабы Сандаваргу не пришлось потом бежать за кистенем, Малабонита прихватила его с собой и, намотав на руку цепь, с грохотом поволокла шипастое ядро по палубе.

Обремененные увесистой ношей, мы дотащились до входа в трюм, когда кабальеро вновь вскинули пистолеты и начали проверять наш щит на прочность. Я не особо переживал на сей счет, поскольку уже знал, что брат Ярнскид непроницаем для пуль. Они загремели по его выпуклой поверхности и отскочили рикошетом куда попало, не оставив на ней ни дыр, ни вмятин. Судя по количеству ударов, кабальеро истратили на нас все заряды и теперь могли полагаться только на свои шпаги. Я глянул в смотровую щель: так и есть. Уртадо со товарищи отбросили разряженные пистолеты и, разделившись по двое, шли в атаку вдоль бортов с явным нежеланием больше падать на палубу.

– Скорее, Моя Радость! – поторопил я Долорес. Она уже освободила люк от цепи и лома и сейчас вращала колесо запорного механизма. У меня в голове мелькнула мысль, что если Убби вдруг надумает помешать нам открыть крышку, мы окажемся в совершенно дурацком положении. А я, чего греха таить, на месте северянина так и поступил бы. Затем, чтобы жестоко наказать гнусных предателей, какими бы благими мотивами они там ни руководствовались.

На нашу удачу, Сандаварг не намеревался отсиживаться в трюме, поскольку давно рвался в драку. Едва замок, щелкнув, открылся, как крышка моментально распахнулась, причем уже без вмешательства Малабониты. Не успев отскочить, она была отброшена в сторону с легкостью, с какой я согнал бы со стола кошку. Я в этот момент следил за гвардейцами и когда, заслышав шум, обернулся, крепыш-коротыш уже стоял передо мной с такой свирепой физиономией, что наложи я при виде нее в штаны, даже для меня это было бы вполне простительно.

К счастью, наша новая встреча с Убби обошлась без подобных конфузов. Его и без того жуткий облик усугубляла свежая ссадина на лбу, которую он получил, вероятно, при резком старте «Гольфстрима». Кровь заливала северянину лицо и попадала в рот, но ему хотелось испытать явно не своей крови, а моей. И он наверняка пустил бы ее, продлись наше противостояние чуть дольше. Но я быстро пришел в себя и, пока покинувший темницу узник шурился от яркого солнца, всучил ему в

одну руку щит, а в другую – цепь, к которой был привязан брат Ярнклот. А затем бросился к Долорес, чтобы помочь ей подняться.

– Позже потолкуем! – не оборачиваясь, крикнул я Сандаваргу, слегка ошалелому от внезапной встречи со своими иностальными братьями. – А ты пока иди очисти палубу! Да поаккуратней маши гирей – здесь полным-полно сложных механизмов!..

– Хэйл, Эйнар, Бьорн и Родериг! Хэйл, Убби Сандаварг! Стой, где стоишь! Мое слово!..

Вот уж не думал, что обрадуюсь, когда снова слышу этот безумный боевой клич. И хоть, по большому счету, радоваться нам пока было рано – или, что вероятнее, уже безнадежно поздно, – появление на палубе воюющего за нас профессионального головореза меня воодушевило. Да и появился он весьма своевременно. Спуск, по которому катился «Гольфстрим», заканчивался, и мне нужно было срочно бежать в рубку, к штурвалу. Только в постоянном движении заключалось сейчас наше спасение. Врежься неуправляемый бронекат во что-нибудь и остановись, Кавалькада накинется на нас, как стая гиен на охромевшего рогача.

Кабальеро разрядили наши баллестирады, но тяжелые ящики со снарядами так и остались лежать возле орудий. И теперь им тоже предстояло вступить в дело. Долорес неплохо обращалась и с «Плаксой», и со «Сморкачом», поэтому я мог отправить ее на любую боевую позицию. В настоящий момент место стрелка было на корме. Лишь оттуда, со стороны прицепа, мы продолжали оставаться уязвимыми.

Кавалькада неслась за нами лавой – кажется, так называется кавалерийский порядок, когда всадники пытаются охватить противника с флангов? – но, наученная горьким опытом, не приближалась вплотную к буксиру. Гвардейцы опасались угодить под колеса, если я внезапно крутану штурвал влево или вправо. И хоть у «Гольфстрима» вряд ли это получится – разогнавшаяся стотонная махина попросту не способна на такие виражи, – дон Риего-и-Ордас предпочитал не рисковать жизнями своих *compañeros*. Он и без того, поди, скрежетал сейчас зубами от ярости. Мыслимое ли дело: какие-то жалкие, трусливые перевозчики умудрились прикончить дюжину матерых солдат, в буквальном смысле перемолов их в фарш!

Высокие борта и огромные колеса надежно защищали нас от попыток вторжения, подобного тому, какое предпринял неудачливый акробат-кабальеро. Впрочем, эти лихие ребята могли запросто взобраться на трейлер прямо на скаку. А с трейлера по сцепке можно было перелезть и на бронекат. Обычно так поступали те глупые и самоуверенные грабители, о которых я недавно упоминал. Это же наверняка планировали сделать и гвардейцы, приблизившиеся к заднему борту прицепа.

Однако не верилось, что кабальеро способны угодить впросак, словно неопытные любители легкой наживы. Судя по их уверенности, они знали, как им защититься от наших баллестирад. Я разгадать их хитрость пока не мог, и это меня здорово тревожило.

Нажав на взводную педаль, Малабонита отработанным движением натянула тетиву на кормовой «Плаксе», зарядила ее и разложила еще пару десятков болтов на лотке их автоматической подачи. После чего, нервно поджав губы, стала ждать, когда на крыше трейлера появится первая цель. Расстреливать скачущих по обе стороны буксира всадников было непрактично, пусть они и находились в пределах досягаемости «Плаксы». Тратить снаряды следовало лишь на тех кабальеро, которые представляли для нас явную угрозу и приближались на расстояние прямого выстрела. Конечно, мы не забыли пополнить в Аркис-Сантьяго комплект болтов, но кабы я знал, что спустя неделю за нами будет гнаться Кавалькада, то закупил бы столько боеприпасов, что на бронекате не осталось бы свободного места.

Между тем вновь вдохнувший воздух свободы Убби взялся за очистку «Гольфстрима» от кабальеро со всем присущим ему энтузиазмом. В отличие от Гуго и Долорес, со шкиперского мостика я превосходно видел все, что творится на носу буксира. Склон, по которому мы мчались, становился положе, и палуба начала понемногу выравниваться. И чем больше она выравнивалась, тем все увереннее ощущали себя гвардейцы. Вдобавок к шпагам в свободных руках у них появились кинжалы-даги – трехгранные, с мощной крестовиной и пригодные как для защиты, так и для внезапной контратаки. С помощью даг фехтовальщики увеличивали свои шансы нанести противнику смертельный удар, когда северянин повернется к ним незащищенным боком. В качестве же защиты от кистеня у них имелись их быстрые ноги и отменная реакция. Хватит ли им этого для победы? Что ж, поживем – увидим. Или, вернее, подеремся – оценим.

Я подумал, что Сандаварг вступит в бой так же, как у Нэрского Столпа: накинется на кабальеро и, ошеломив их своим натиском, начнет гонять их от борта к борту, не позволяя скоординировать атаку. Но на сей раз северянин повел себя не в пример сдержаннее. Он прикрылся щитом и укоротил цепь кистеня так, что теперь он едва доставал до палубы. Вряд ли Убби внял моей просьбе побереечь от брата Ярнклота бортовое оборудование. Скорее всего, крепыш-коротыш избрал для боя в замкнутом пространстве иную, более осторожную и расчетливую тактику. В тесноте количественное превосходство противников было для Сандаварга на порядок опаснее, нежели столкнись он с ними на открытой пустоши.

Впрочем, уже после их первого столкновения численность гвардейцев сократилась наполовину. Я поглядывал на замершего в ожидании северянина и гадал, почему он

не раскручивает свое ядро. Ведь для нанесения удара кистенем даже такому мастеру, как Убби, нужно некоторое время. Вот и кабальеро не зевали, решив взять инициативу и напасть на осторожничающего противника. Сначала по одному бойцу из каждой пары выступили на середину палубы, отрезая Сандаваргу пути для маневров. И когда его внимание переключилось на движущихся врагов, Уртадо и оставшийся у противоположного борта гвардеец накинулись на Убби сразу с двух сторон.

Однако не успели они сделать и шагу, как тот тоже сорвался с места и метнулся влево, навстречу капралу. Оба нацеленных в бок северянину клинка Уртадо скользнули по щиту, которым Сандаварг затем толкнул его в плечо и отбросил назад. Удар был сильным, и все же капрал устоял на ногах, но благодаря не собственной ловкости, а борту, в какой он врезался спиной.

Чтобы настичь Сандаварга, второму атакующему его кабальеро пришлось сделать несколько лишних шагов. Он спешил, поскольку теперь вместо вражеского бока видел открытую, прямо-таки подставленную под удар спину. Зациклившись на ней, он упустил из виду кистень, свободно висящий у противника на запястье и вроде бы не представляющий в данный момент угрозы. Но думать так было очень ошибочно. Полуобернувшись, Убби резко дернул за цепь, а потом пихнул подлетевшее в воздух ядро ладонью в направлении бегущего на него гвардейца. Ни дать ни взять большой ребенок, забавляющийся пудовым йо-йо!

Не будь на кабальеро доспехов, стукнувший его шипастый шар точно проломил бы ему грудину. Кираса из шкуры змея-колосса спасла гвардейца от увечья, что было, в общем-то, последним везением в его жизни. Ошарашенный внезапным выпадом Сандаварга, он отшатнулся и хотел было кинуться в повторную атаку. Но опоздал: отскочивший от его панциря кистень без остановки описал в воздухе окружность и, набрав разгон, заехал кабальеро по голове. Усиленная изнутри иностальными вставками, его шляпа могла выдержать рубящий удар саблей, но для защиты от такого оружия прочности ей, увы, не доставало.

Хруп!..

Интересно, сколько раз в жизни Сандаваргу доводилось слышать этот омерзительный звук? Звук проломленных им черепов и свернутых шей...

Прикончивший гвардейца кистень вновь взмыл вверх и, направленный тяжелой дланью Убби, обрушился на капрала. Отброшенный к борту, он уже вновь твердо встал на ноги и, увидев опасность, попытался увернуться. Что ему почти удалось, и кабы не кинувшиеся на подмогу Уртадо *compaceros*, он наверняка избежал бы встречи с братом Ярнклотом.

Оказать медвежью услугу – так мой покойный папаша называл подобную «помощь», хотя он, как и я, смутно представлял себе вымершего зверя, о котором наши предки сложили эту присказку. Двое еще не ввязавшихся в бой кабальеро ринулись на Сандаварга, едва поняли, что их отвлекающая уловка не сработала. Однако в этот момент уклоняющийся капрал метнулся им навстречу и с ходу натолкнулся на ближайшего соратника. Чтобы уйти из-под удара кистеня, Уртадо оставалось сделать всего шаг. Но этого не произошло, и брат Ярнклот долбанул замешкавшегося гвардейца вскользь по затылку. Учитывая вес ядра и силу, с которой оно летело, даже такого касательного удара хватило, чтобы вышибить из капрала дух...

Многокилометровый уклон наконец-то закончился, и мы вновь очутились в хитросплетении скальных лабиринтов. «Гольфстрим» набрал рискованную скорость, поэтому мне потребовалась максимальная концентрация, чтобы успевать и сверяться с картой, и крутить штурвал. Кавалькада не отставала, разве что из-за узких ущелий всадникам пришлось перестроиться, и теперь они двигались позади нас. Гнаться за нами по параллельным ущельям кабальеро не хотели. Знали, мерзавцы, что я буду из кожи вон лезть, дабы не заехать в тупик, а значит, выбранный мной курс однозначно окажется лучше, нежели любой другой.

– Лезут! – прокричала мне с кормы Долорес. – Святой Фидель Гаванский, да сколько же их там?!

Я обернулся и убедился, что мои худшие прогнозы оправдались. Да, помощь святого Фиделя Гаванского или богини всех перевозчиков Авось нам сейчас и впрямь не помешает. Десятка два соскочивших с коней гвардейцев облепили задний борт прицепа как личинки мух – дохлую змею. Несколько кабальеро с пистолетами и винтовками в руках уже выползали на крышу, опасаясь подниматься в полный рост, поскольку видели нацеленную на них баллестираду.

Что они удумали, хотелось бы знать? Обстрелять нас пулями? Но Долорес надежно укрыта щитком «Плаксы», а попасть в меня из пневматического оружия, находясь на болтающемся из стороны в сторону трейлере, крайне сложно. Скорее Малабонита хорошенько прицелится и перебьет этих горе-стрелков, прежде чем они прикроют своих прорывающихся к сцепке товарищей.

Хотя погодите-ка! Если слухи не лгут, духовое оружие Кавалькады способно стрелять не только пулями, но и адскими дротиками, которые в мире изготавливают от силы два или три умельца. Те самые бесшабашные умельцы, кто еще не лишился рук, рискуя работать с оружейными технологиями Старого Мира...

– Уходи оттуда! – весь исполненный дурных предчувствий, крикнул я припавшей к прицелу «Плаксы» Долорес. – Прыгай в моторный отсек! Быстро! Это приказ!..

Прежде чем жениться на своенравной дочурке алькальда Сесара и впустить ее на борт «Гольфстрима», я провел с ней воспитательную беседу насчет того, чем будут отличаться обычные просьбы ее мужа от его же шкиперских приказов. К моему удивлению, второго, более сурового разговора на эту тему у нас со строптивицей не состоялось. Она раз и навсегда усвоила доселе чуждые для нее принципы субординации. Единственное, что позволяла себе Долорес, получая от меня приказы, это ворчание или язвительный комментарий. Но только не задержку или, того хуже, невыполнение команд своего шкипера.

Вот и сейчас она прокричала мне в ответ какую-то грубость, однако спустя пять секунд уже находилась там, куда я ее отправил, – в моторном отсеке. Да, возможно, я преувеличивал и оружие осаждающих прицеп кабальеро не стреляло метафламмом. Но каждая собака в Атлантике знает: когда есть даже малейшая опасность «би-джи», лучше трижды перестраховаться.

Опасаясь, в свою очередь, угодить под наши снаряды, гвардейцы не стали мешкать и открыли стрельбу сразу, как только выбрались на крышу трейлера. После чего я в который раз за сегодня удостоверился: перешедшая мне по наследству хваленая интуиция Проныр – штука крайне полезная и незаменимая. Одно плохо – она неспособна предугадывать беды далеко наперед. Вот тогда ей действительно цены бы не было, а так...

Пожалуй, впервые в истории «Гольфстрима» по нему стреляли огнем. Я подозревал, что заряженные «би-джи» дротики обладают малым радиусом поражения; кабальеро, безусловно, отважные ребята, но не до такой степени, чтобы превращать себя в потенциальных смертников. Впрочем, беря во внимание, сколько врагов засело на прицепе, даже один их залп мог причинить нам уйму проблем. Поэтому можете себе представить, как екнуло у меня сердце, когда я расслышал хлопки первых выстрелов.

Вначале, как и ожидалось, гвардейцы обстреляли дротиками кормовую баллестираду. И она, и щиток были целиком сделаны из столбового металла, так что разрушить орудие метафламм был не в состоянии. Даже порвать на «Плаксе» тетиву, и ту не мог. Я не скупился, когда речь шла о модернизации палубного вооружения, и потому использовал в качестве тетивы только дорогие иностранные тросы, а не дешевую ненадежную пеньку. А вот находишь сейчас Малабонита на своем боевом посту, боюсь, ей сильно не поздоровилось бы. И это в лучшем случае.

Сразу три или четыре черных всполоха слились в один перед щитком баллестирады и прорвались в смотровую щель тысячами смертоносных нитей метафламма. Они же проникли и в прочие, не столь крупные щели и отверстия, какие еще имелись в зоне их поражения. Пара дротиков перелетела через борт и ударилась о палубу рядом с ведущей на мостик лестницей. Эти снаряды упали вдали друг от друга, что позволило мне оценить, насколько опасны они по отдельности. Два «би-джи» клубка диаметром около метра мгновенно распустились и тут же взялись медленно таять, оставляя после себя в деревянной настиле палубы усыпанные щепой бреши.

Что ж, теперь все понятно. Начиненного в дротики, воспламеняющегося от удара вещества было всего ничего – ровно столько, чтобы при случайном его взрыве пострадало по возможности меньше солдат. Мне доводилось видеть, как загорается порой в хамаде пересохший на жарком солнце, разный мелкий мусор. Черный всполох от гвардейского дротика был подобен тому, какой образуется вокруг вспыхнувшего клочка бумаги величиной с ноготь. Это было не столь серьезно, как я боялся, но и не настолько безопасно, чтобы сохранять при такой «би-джи»-атаке невозмутимость.

Убедившись, что обстрелянная метафламмом баллестирада молчит, гвардейцы приободрились, поднялись на ноги и, пригнувшись, двинули к сцепке. Предугадать их следующую цель было легко. С переднего края трейлерной крыши они смогут достать своими дротиками до рубки, которая вовсе не имела защиты от «би-джи». Залети парочка таких снарядов в окна, и мне конец. А слиняй я с мостика, конец придет всем нам. Узкие извилистые проходы, по каким мы мчимся, не позволяют отойти от штурвала даже на несколько секунд. И как бы ни дорожил я собственной шкурой, мне требовалось собрать в кулак волю и оставаться на посту.

Уповать на то, что стрелки дружно промахнутся, было бы верхом оптимизма... или, вернее, банального идиотизма. Мне предстояло спасаться самому, и при помощи моего единственного на данный момент оружия – штурвала.

– Хэйл, Иван и оба Еремея! – злорадно процедил я сквозь зубы, подражая ублюдку Убби. Жаль, что мои предки не удосужились выдумать для себя и потомков боевой клич, а иначе мне не пришлось бы обращаться сейчас к творческому наследию клана Сандаваргов. – Хэйл, Проныра Третий! Стой, где стоишь! Мое слово!

И, вывернув штурвал вправо, подвел «Гольфстрим» вплотную к стене ущелья. Веками откалывающиеся от нее куски породы лежали у подножия отвесных склонов окаймляющей их осыпью. Этаким естественным плинтусом, состоящим в основном из раскрошившихся от ветра и солнца камней. Но зачастую здесь попадались и довольно крупные обломки скал, способные выдержать даже удар колеса бронеката.

В обычные дни я не наезжал на них и на подобные осыпи, дабы не подвергать буксир излишней встряске и крену. Однако сегодня выдался совершенно особенный день, и уж коли все у нас с утра пошло наперекосяк, значит, придется и дальше идти вразрез с собственными принципами. В том числе с теми, которые раньше казались мне незыблемыми.

В отличие от боевого клича Сандаварга мой приказ гвардейцам стоять там, где они стоят, прозвучал не как угроза, а как издевательство. А вы устояли бы на ногах, когда пол под вами сначала внезапно накренился, а потом подпрыгнул вверх на полметра? Именно это и случилось с трейлером, который я загнал на глыбистую осыпь. Почти все штурмующие прицеп кабальеро уже взобрались на крышу, а особо ретивые подбегали к ее переднему краю с пистолетами на изготовку. Многие гвардейцы смекнули, что вот-вот произойдет, когда я направил «Гольфстрим» к стене ущелья. Однако мало кто из них успел подготовиться к моему контрудару и удержался на трейлере. Остальные же посыпались с него будто шелуха от арахиса, которую каждый вечер стряхивает со своего одеяла Гуго – большой любитель полакомиться перед сном орехами.

Несколько противников все же успели разрядить по мне свое оружие, правда, меткостью при этом никто из них уже не блеснул. Большинство дротиков вообще не попало в бронекат, распылив метафламмом камни на склонах. Остальные выстрелы вновь ударили в задний борт, и лишь один из них угодил в палубу, аккуратно между уже пробитыми в настиле брешами. Просто удивительно, как при этом гвардейцы не перестреляли друг друга, чем они, несомненно, доставили бы мне немало радости.

Долго ехать в таком наклонном положении было нельзя. Буксир терял скорость, да и я с трудом управлял им, раскорячившись на накренившейся палубе. И потому после устроенной мной встряски я вывернул штурвал обратно, съехал с осыпи и вернулся на прежний курс. И лишь когда мои ноги вновь уверенно встали на мостик, я оглянулся и оценил нанесенный врагу урон.

Он был не слишком сокрушительным, но проблема «би-джи», к счастью, больше нам не угрожала. Не упавшим с трейлера восьми кабальеро пришлось побросать пистолеты, чтобы срочно ухватиться за низкий поручень, идущий по краю крыши. Насколько повезло гвардейцам, которые этого не сделали, неизвестно. Но падение на камни вниз головой, трейлерные колеса и копыта скачущей следом за нами Кавалькады оставляли мало шансов уцелеть. Пожалуй, даже еще меньше, чем этих же шансов было сейчас у нас...

Наскоро пересчитав зацепившихся за крышу прицепа «везунчиков», я глянул на северянина, все еще бьющегося с группой капрала Уртадо. Глянул и увидел, что

своими виражами я круто изменил течение их жаркой схватки. Каким бы проворным ни был Убби, а удержаться на ногах при резком крене бронеката и последующей встряске он не сумел. Как, впрочем, и двое его противников, коим еще не довелось познакомиться с братом Ярнклотом. Приемы, которыми Сандаварг и кабальеро хотели друг друга сразить, закончились тем, что все трое попросту скатились к левому борту. После чего их фехтование переросло в обычную потасовку, в которой уже не было прежней красоты и виртуозности.

Увлекаемый своим тяжелым вооружением, крепыш-коротыш очутился у борта раньше кабальеро. Которые, однако, в отличие от Убби, уже имели кое-какой опыт, поскольку кувыркались по палубе не в первый раз. Это позволило им еще в падении развернуться так, что, когда они подкатились к Сандаваргу, шпага каждого из них была выставлена вперед, словно рог антилопы-единорога.

Убби стукнулся затылком об обшивку, но это не выбило его из равновесия. Он не пролежал у борта ни секунды. Стукнулся и тут же вскочил, стремясь оказаться на ногах раньше врагов и напасть на них первым. Но северянин просчитался. Клинки гвардейцев уже были нацелены на него, а он еще не подобрал щит.

Сандаварг едва успел отразить цепью кистеня один удар и почти увернулся от второго, но нанесший его гвардеец все-таки достал шпагой отшатнувшегося противника. Правда, укол пришелся ему не в бок, куда изначально метился кабальеро, а в то место, на каком ни один уважающий себя воин не желает заполучить шрам. И немудрено: ведь гордиться им придется разве что перед самим собой и втайне ото всех.

Убби, конечно, подфартило. Пропущенный им удар мог угодить выше и запросто его прикончить. Однако крепыш-коротыш все равно не обрадовался своему везению. Его и без того красное лицо побагровело еще больше, когда он ощутил у себя в правой ягодице острие вражьего клинка. Взревев не столько от боли, сколько от обиды, Убби, похоже, напрочь позабыл и о щите и о кистене и набросился на обидчика словно раненый лев. Унизивший его гвардеец выдернул шпагу, но для повторного, более точного удара времени ему уже не хватило. Северянин развернулся к лежащему у борта противнику и, перехватив ему предплечье, сначала заехал кабальеро босой пяткой по лицу, а потом резко вывернул тому руку.

За грохотом колес и конским топотом я не расслышал хруст сломанной кости. Но увидел, как рука гвардейца согнулась под таким углом, под каким человеческие руки не способны сгибаться в принципе. Крик боли, который издал кабальеро, тоже не достиг моих ушей – ему было не под силу перекрыть рев разъяренного Сандаварга. А он, обезоружив калеку, не стал сразу добивать его, пусть даже Убби

не терпелось с ним расквитаться. Вместо этого северянин предпочел разобраться с более опасным врагом, который, выставив перед собой шпагу и дагу, поспешно поднимался с палубы.

Он успел встать лишь на одно колено, когда Убби, молниеносно скинув с запястья намотанную на него цепь, одним броском захлестнул ею противнику сразу обе руки. Ее звенья тут же зацепились за крестовины шпаги и даги. Гвардеец рванулся, сию секунду высвободить оружие, но, пока он дергался, Сандаварг крутанул цепь еще дважды и еще крепче опутал ею врага.

Кабальеро угодил впросак и бросился на Убби, стараясь не дать тому укоротить свой «поводок». Но было слишком поздно. Припадающий на раненую ногу северянин уже держал пленника под контролем. И держал столь же надежно, как до этого он контролировал брата Ярнклота, который находился сейчас на противоположном конце цепи.

Чтобы отразить оба клинка, Сандаваргу стоило лишь стегануть цепью вбок и сбить таким образом вражескую атаку. После чего изловить споткнувшегося гвардейца за шею и свернуть ее одним мощным рывком. А напоследок проделать то же самое с последним живым гвардейцем. Которому, правда, пришлось перед этим сломать и вторую руку, потому что зажатая в ней дага мешала краснокожему дотянуться до горла своего обидчика...

Не считая полученного Убби легкого, но досадного ранения, тот вновь показал себя на высоте. Чему он не преминул громогласно порадоваться. Мне же радоваться было еще рановато: восемь удержавшихся на трейлере кабальеро не оставляли решимости перебраться по сцепке на буксир. Поэтому я крикнул прячущейся в моторном отсеке Малабоните, чтобы она вернулась к «Плаксе» и поскорее предотвратила это вторжение.

Когда гвардейцы узрели вновь нацеленную на них баллестираду, отступить им было слишком поздно. Трое из восьми захватчиков уже перебрались на сцепное устройство и теперь пытались устоять на его распорках, дабы не навернуться под колеса. Еще один смельчак спускался к товарищам по передней стенке трейлера. Четверо сидящих на крыше кабальеро первыми заметили возвращение Долорес и тут же предупредительно загалдели. Предупредительно и испуганно: еще бы, ведь они полагали, что наш бортстрелок угодил под «би-джи» и давно мертв!

«Воскресшая» Малабонита вмиг развеяла это их фатальное заблуждение. Дорвавшись до орудия, она выплеснула всю свою накопившуюся за день ярость на этих отважных, но ненавистных нам парней. Первым делом дочь алькальда Сесара выпустила пару болтов по тем врагам, которые еще не покинули прицеп. И когда

половина из этой четверки была перебита, а оставшиеся захватчики попадали ниц и отползли от края крыши, Долорес переключилась на тех врагов, которым скрыться от ее гнева было намного сложнее.

В свое время я истратил уйму снарядов, чтобы научить Малабониту стрелять из палубных орудий. И не зря. В том, как она управлялась с баллестирадами, было нечто поэтичное или даже эротичное. Вот она уверенно наводит «Плаксу» на цель, ненадолго припадает к прицелу и плавно отжимает спусковую скобу. Затем, проследив, насколько удачным выдалось попадание, быстро давит на зарядную педаль и проверяет, ровно ли ложится болт под натягивающуюся тетиву. А когда процесс завершен – отсоединяет натяжитель от храповика, чтобы повторить весь этот цикл сначала. Повторить четко, быстро, но без суеты. Ни единого лишнего движения, никаких сомнений...

Глядя в такие моменты на упоенную охотой Долорес, я чувствовал, что попросту начинаю ревновать ее к «Плаксе» или «Сморкачу». Слишком уж много страсти моя малышка отдавала своим смертоносным игрушкам. И пусть мне тоже было грех жаловаться на недостаток ее любви, все равно меня это немного корбило.

Впрочем, сегодня я был далек от подобных мыслей. Лишь отметил, что рука Малабониты не дрогнула и она отлично справилась с нетипичной для себя задачей: расстрелом прислужников Владычицы Льдов.

Пока они не прорвались в мертвую зону кормового орудия, наша Богиня Смерти сначала прикончила того кабальера, который шел по сцепке первым. Кожаный панцирь не смог защитить его от выпущенного с короткого расстояния метрового болта «Плаксы». Тот пробил гвардейца навывлет и угодил в бедро идущему следом *comrasero*, практически оторвав ему ногу. Оба захватчика, обливаясь кровью, тут же упали со своей переправы в просвет между буксиром и трейлером. А Долорес хладнокровно перезарядила баллестираду и без колебаний выстрелила в следующего противника.

Он также не ушел от верной гибели и повис мертвым на одной из распорок. Зато его оставшийся в одиночестве товарищ не стал дожидаться, когда его тоже продырявят насквозь, и сумел-таки отыскать выход из, казалось бы, безнадежного положения.

Последний захватчик не придумал ничего лучше, как сигануть в тот же просвет, куда только что упали два пронзенных одним болтом кабальера. При хорошей сноровке и наличии везения выжить после такого прыжка было можно. Конечно, не без травм и кучи ушибов, но тем не менее. Дорожный просвет трейлера был большим, как у бронеката. И если гвардеец подожмет в падении ноги и приземлится сразу на корточки, прицеп проедет над ним, не задев его ни днищем, ни мостами.

Сам я, правда, таким трюкачеством не занимался и наяву его не наблюдал. Но, судя по шкиперским байкам, кое-кому из получивших отпор бандитов удавалось удрать с буксиров этим рискованным способом.

Спрыгнувший со сцепки кабальеро не догадался поджать ноги. О том, что случилось с ним дальше, думаю, можно не рассказывать...

Двоим уцелевшим под обстрелом гвардейцам пришлось отступить и уползть обратно по крыше несолоно хлебавши. Они покинули трейлер тем же путем, каким на него попали, и вернулись в седла своих рапидо, придержанных скачущими следом *compraceros*. Вошедшая в азарт Малабонита выпустила по ним оставшиеся на лотке болты, но больше ни в кого не попала. Удревшие кабальеро сразу сбавили скорость и растворились в окутанной пылью массе прочих всадников, благоразумно предпочитающих преследовать нас на расстоянии.

Предпринятая доном Риго-и-Ордасом попытка захватить «Гольфстрим» не увенчалась успехом. Вот только нас это слабо утешало. Возможно, атаковать бронекаты на ходу гончие псы Владычицы и не горазды, зато в многодневной изнурительной травле им в Атлантике равных нет. Скорость, с которой двигался буксир, была для стремительной Кавалькады почти что прогулочной. Это означало одно: пока я, обливаясь потом и изнывая от усталости, маневрирую на предельной скорости в скальных лабиринтах, сидящие у нас на хвосте кабальеро будут позевывать от скуки и даже смогут позволить себе кратковременные передышки. И когда я свалюсь от изнеможения, поскольку заменить меня у штурвала некому, бодрые и полные сил гвардейцы вновь накинутся на нас, словно хищники. И тогда-то они, будьте уверены, уж нипочем не опростоволосятся.

Не хотелось себе в этом признаваться, но наша победа была, увы, не сладостной, а горькой. Мы не спасли свои жизни, а лишь продлили собственную предсмертную агонию, которая грозила растянуться еще как минимум на сутки. И то если мне невероятно повезет провести «Гольфстрим» ночью по отрогам Хребта, в чем я очень и очень сомневался.

Однако все эти беды грозили обрушиться на нас позже. А в данную минуту мне следовало бояться иной напасти. Той самой, которая, помахивая окровавленным кистенем, хромала сейчас к мостику и тарацилась на меня откровенно недружелюбным взором. И что хуже всего – эта ненависть была справедливо заслужена мной до последней капли...

Глава 7

– Эй ты, краснокожая ошибка природы! Да-да, ты, камнегрыз недоделанный, я тебе говорю! А ну убери свои грязные лапы от шкипера! Быстрее, *idiot*, пока я твои кишки по палубе не раскидала!..

Держащий меня за горло Сандаварг недоуменно вскинул брови и, не разжимая хватки, обернулся. Я тоже скосил глаза туда, откуда прозвучала эта угроза, хотя сейчас мне было, мягко говоря, не слишком удобно глядеть по сторонам. И тем не менее я рассмотрел, отчего Малабонита вдруг расхрабрилась настолько, что посмела в открытую угрожать потомку легендарных воинов Севера.

Аргумент у Долорес был в прямом смысле иностальной и сногшибательный. Завидев, что Убби решил не оттягивать нашу с ним неллицеприятную беседу, Малабонита поспешила намекнуть ему о том, чтобы он не слишком горячился. И сделала это так, что северянин понял намек с первого раза. Стремглав перебежав к бортовой баллестираде, Долорес развернула ее и нацелила на Сандаварга, который стоял посреди рубки, приперев меня к стене, и являл собой довольно легкую мишень. Вот только что будет, если он вдруг надумает прикрыться мной как живым щитом? А такое вполне могло произойти, восприми Убби обращенную к нему угрозу со всей серьезностью.

– Успокойся, женщина, – прорычал он в ответ Малабоните, раздраженно поморщившись и не переменив позы. – Никто здесь никого не убивает. По крайней мере, пока. Я с твоим мужем всего лишь разговариваю. А почему так грубо, ты прекрасно понимаешь, не маленькая. Ведь так, Проныра?

В принципе, он не лгал. За ту минуту, что мы с ним толковали по душам – вернее, толковал северянин, а я ему лишь внимал, – он наговорил мне уйму грубостей, но шею мне так и не свернул. Это могло означать, что я проживу на белом свете еще какое-то время. Сандаварг, конечно, был свиреп, но отнюдь не глуп. И он осознавал, чем обернется для него моя смерть, каким бы лютым врагом он меня при этом ни считал.

– Ты в порядке, *Mio Sol*? – усомнившись, полюбопытствовала Долорес. Она подозревала, что если бы меня убивали по-настоящему, я не позволил бы себя так легко придушить. Однако мое молчание также казалось сеньоре Проныра очень уж неестественным, и это ее сильно тревожило.

Поскольку в моем подвешенном состоянии я не мог ни говорить, ни вращать головой, мне пришлось вытянуть руку и показать Малабоните большой палец: дескать, не нервничай, все в норме.

– Тогда пусть краснокожий не выпендривается и отпускает тебя к штурвалу! – не унималась Моя Радость. – Или пусть рулит сам, потому что через полминуты мы врежемся вон в ту скалу!

Сандаварг выглянул в окно, после чего озабоченно нахмурился, отпустил мое горло и подзатыльником вернул меня на законное место: к штурвалу и раскрытому Атласу. Долорес оказалась права насчет скалы, и лишь поэтому я был избавлен Убби от дальнейшей... как там, бишь, это называют в Аркис-Капетинге? *Asphyxie* ? И что, разумеется, вовсе не означало, что наше выяснение отношений с Сандаваргом завершено.

Да пропади пропадом этот краснокожий болван! Оторвав меня от штурвала, он, похоже, решил устроить нам досрочную встречу с дном Балтазаром! Которая вот-вот состоится, если я не впишусь в очередной поворот. Ну да ладно, все еще поправимо. Дерзнем проделать это не сбрасывая скорости. После всех выкрутасов, какие мы сегодня вытворяли, я убедился, что «Гольфстрим» вполне способен потряхнуть стариной, когда нужда подопрет.

– Держитесь крепче! – прокричал я так, чтобы меня слышали и Долорес, и Гуго, который с опаской выглядывал из своего отсека, но не спешил ввязываться в нашу разборку. Что было с его стороны, в общем-то, здраво. Если от кровавой расправы над шкипером Убби наверняка воздержится, то мой подельник-механик уже не мог поручиться за собственную безопасность.

Сверяться с картой было некогда. Пришлось опять призвать на помощь покровительницу всех Проныр – богиню Авось – и свернуть туда, куда это было удобнее всего сделать. Крутанув штурвал вправо, я ощутил, с какой откровенной неохотой вписывается в поворот разогнавшийся тяжелогруженный бронекат. Пришлось снова заставить его въехать на осыпь у подножия скальной гряды, а затем вытерпеть короткую, но энергичную болтанку. К счастью, экипаж и Сандаварг вняли моему предостережению и ухватились за поручни, поэтому не попадали на палубу и не расшибли себе лбы.

Вопреки ожиданию, северянин не стал возвращаться к нашему прерванному диалогу... или, точнее, своему грозному монологу, и позволил мне вернуться к исполнению шкиперских обязанностей.

– Ты и твоя команда – самое гнусное отребье, какое только колесит по Атлантике, загрызи вас пес! Будь проклят тот день, когда твоя злосчастная развалюха впервые выехала в хамаду! – угрюмо пробасил Убби, как бы подытоживая все высказанные им оскорбления. Он стоял, прислонившись к стене и заткнув колотую рану на

ягодице обрывком одежды мертвого гвардейца, но кровь все равно текла у северянина по ноге и пачкала пол.

– А чего ты от меня добивался? – возразил я, не отвлекаясь от работы. – Вы с Макферсоном втянули меня в это гнусное дело и натравили на нас Кавалькаду! Все, что мы хотели, это выйти из вашей игры и оправдаться в глазах Владычицы! Но теперь, как видишь, падать ей в ноги и каяться уже поздно. Так что хочешь не хочешь, а придется нам отныне бегать по Атлантике вместе. Жаль, совсем недолго, поэтому вряд ли мы с тобой успеем подружиться. Единственное, что могу пообещать: ты можешь больше не опасаться поворачиваться к нам спиной. С тобой у нас есть хотя бы мизерный шанс отбиться от кабальеро, а без тебя мы были бы уже трупами... И вообще, занялся бы ты лучше своей раной. А то какой с тебя, обескровленного, будет толк?

Заметив, что страсти в рубке улеглись, Долорес отошла от «Сморкача» и тоже поднялась на мостик. Убби было и ей что сказать, но он решил промолчать и демонстративно отвернулся, хотя Малабонита продолжала буравить его взором, исполненным неприкрытой ненависти. Гуго, не покидая моторного отсека, так и следил за тем, что творится на палубе, но тревоги в его глазах поубавилось.

Пару минут все мы пребывали в гнетущем молчании, слушая, как трещат под колесами камни и стучат позади копыта не отстающей от нас Кавалькады. За это время я успел изучить карту и был повергнут в замешательство. Преграда, обнаруженная мной в сорока с лишним километрах впереди, вынуждала меня срочно искать объездной путь. Но с другой стороны, во мне вдруг ни с того ни с сего забрезжила надежда. Слабенькая, словно прохладный ветерок в полуденное пекло, который не дарует облегчение, а лишь дразнит. И все же я не стал отмахиваться от этой мысли как от откровенно самоубийственной, поскольку до темноты я вряд ли изобрету иной, менее рискованный способ отделаться от погони.

– Твоя женщина умеет врачевать, шкипер? – осведомился Сандаварг, кивнув в сторону озлобленной Малабониты.

– В Аркис-Сантьяго, откуда она родом, все женщины с малолетства обучаются искусству врачевания. Долорес – не исключение, – ответил я, не отрываясь от размышлений, нужно ли идти на поводу осенившей меня идеи или продолжать следовать прежним курсом.

– Уж не хочешь ли ты, чтобы я заштопала тебе задницу? – возмутилась гордая дочь алькальда Сесара. В отличие от погруженного в раздумья меня, она быстро уловила смысл вопроса северянина.

– Я бы мог подлатать себя и сам, но при такой качке это очень неудобно, – как ни в чем не бывало пожал плечами Убби. – Однако если моя просьба кажется твоему мужу оскорбительной, я готов заключить с ним сделку: ты помогаешь мне, а я в ответ забываю о том, какой ценой вы хотели купить себе милость дона Балтазара. По рукам?

И выжидающе уставился на меня.

– А по чьей вообще милости мы пытались выпросить у него эту милость? – презрительно парировала Малабонита и тоже повернулась ко мне, ожидая, что меня до глубины души возмутят условия такого джентльменского соглашения.

Но я рассудил иначе. Вряд ли от Сандаварга последует второе предложение о перемирии, и потому нужно соглашаться на это. Тем более если взглянуть на вещи трезво, а не через призму взаимных обид, северянин не требовал от Долорес чего-то для нее невозможного или постыдного.

– Сделай, как он хочет, Моя Радость, – попросил, а не приказал я, хоть и осознавал, что она мне это все равно припомнит. – В конце концов, мы ведь сами впустили на борт гвардейцев, от которых пострадал Убби и от которых он затем нас спас. Так неужели мы откажем ему после этого в медицинской помощи?

– Ага, вот, значит, как ты теперь себе это представляешь! – насупившись и сверкнув очами, фыркнула Малабонита, но затем чуть отходчивее добавила: – А, ладно, пес с ним! Что я, в самом деле, голых мужских задниц не видела? Или бычьей шкуры не сшивала? Давай, грубиян, топай на палубу, ложись и спускай штаны. Заделаем твою прореху, так тому и быть. Может, после этого ты хоть немного к нам подобреешь...

Спустя час все оставалось по-прежнему. Кавалькада упорно двигалась за нами, больше не пытаясь атаковать «Гольфстрим» и явно собираясь взять нас на измор. Наверное, дон Риго-и-Ордас уже пожалел, что не поступил так сразу, когда мы пустились от него наутек, и в горячке отправил на смерть несколько своих бойцов. И теперь наученный горьким опытом команданте дожидался темноты, которая рано или поздно вынудит меня допустить ошибку и остановиться.

Я остерегался делать какие-либо прогнозы, поскольку на хорошие практически не надеялся, а забивать голову плохими не было ни малейшего желания. Я просто гнал бронекат к обширному участку, являющему собой классическое белое пятно, которых полным-полно на картах отрогов Срединного хребта. Вскорости мне предстояло совершить очередное безумство, сравнимое по дерзости с теми, какими я уже сегодня отличился. И какое, можете быть уверенными, до меня еще не совершал ни один из перевозчиков Атлантики.

– Коралловая «терка»? – удивленно переспросил Убби, увидев на карте место, куда мы направляемся. Он не пожелал отлеживаться после операции, заверив Малабониту, что наложенные ему швы достаточно крепкие и не разойдутся. – Видел пару раз это дерьмо, но не слышал, чтобы кто-то заходил, а тем более заезжал на него дальше чем на сотню шагов. Говорят, эти окаменелые кораллы такие же хрупкие, как камнеил, а внутри «терок» попадаются пустоты глубиной по полкилометра и больше. Ты уверен, что мы не влетим в такую яму и не загремим прямиком в рай вместе с буксиром?

– Нет, не уверен, – честно признался я. – Зато точно знаю, что Кавалькаде по «терке» не проехать при всем старании. Чтобы рапидо не переломали ноги, дону Балтазару придется огибать ее с запада, а это лишних километров двести пятьдесят – триста.

– Ха! Ну и что мы при этом выиграем? – усмехнулся Сандаварг. – Когда... или, вернее, если мы переедем через эту дырчатую дрянь, гвардейцы уже будут ждать нас на противоположном ее конце, причем совершенно не запыхавшиеся.

– Ты прав, – согласился я. – Все именно так и случится. А чтобы мы не прорвались где-нибудь в другом месте, команданте расставит дозоры не только на северном краю «терки», но и по всему ее периметру. Кабальеро обложат нас со всех сторон и станут ждать, когда мы появимся. День прождут, второй, третий, а «Гольфстрима» все нет и нет...

– А потом у них кончится вода! – перебил меня северянин. – Однако если ты думаешь, что после этого они решат, что мы погибли, снимут дозоры и все как один поскачут к Столпу Кейна или в Аркис-Нью-Инглэнд...

– Я так не думаю, – в свою очередь перебил я его. – Дон Риего-и-Ордас далеко не наивен. У него хватит терпения искать вокруг «терки» наши следы и два, и три месяца напролет. Конечно, мы тоже можем тянуть до последнего – запасов воды и провизии у нас примерно на полгода. Но ведь «терка» – не хамада. Она – это абсолютно голое и безжизненное пространство. Вряд ли мы высидим слишком долго на солнцепеке, дыша раскаленным воздухом и глядя на окружающую нас ослепительную белизну. Вот почему нам придется выгадать момент и убраться оттуда через три или четыре дня.

– То есть когда часть Кавалькады отбудет за водой, – понимающе кивнул Сандаварг.

– Именно, – подтвердил я. – В этом случае оставшиеся кабальеро станут патрулировать лишь те сектора периметра, на которых наше появление наиболее вероятно. И вряд ли они будут думать, что мы сунемся в каньон Дельгадо – ведь мы

не идиоты, чтобы загонять себя в тупик, верно? Но если вдруг дону Балтазару тоже стало известно, что сегодня Дельгадо проходим для бронекатов...

– Насчет этого не переживай, – заверил меня Убби. – Люди, которые открыли этот путь, не выболтали бы о нем даже под пытками. И если ты сумеешь переправить свою развалюху через коралловую «терку», у нас в распоряжении будет не просто дорога, а своя собственная дорога! Это я тебе, шкипер, обещаю совершенно точно, загрызи меня пес!..

Чем хороша коралловая «терка», так это тем, что ее очень легко описать человеку, ни разу в жизни ее не видевшему.

Представьте себе, что вы стоите на раскинувшемся до горизонта пространстве, похожем на остекленевшую, густую и блестящую на солнце пену. Самые крупные пузырьки, из которых состоит эта пена, величиной со зрелую тыкву. Из-за того, что их верхний слой веками выгорает на солнце, они постоянно крошатся и лопаются, отчего поверхность «терки» и впрямь выглядит шершавой. Вот, в общем-то, и все, что можно сказать об этой уникальной, но скудной на детали и краски пустыне.

Само собой, что ходить по ней пешком или ездить на лошадях невозможно в принципе. Хрупкая как кварц и пористая структура этого окаменелого образования не является препятствием только для широких колес бронеката. И то – лишь гипотетически. До нынешнего дня среди перевозчиков не находилось идиотов, готовых рисковать своей техникой ради прокладки дороги по сомнительной местности. Было гораздо практичнее объехать ее стороной, тем более что это, как правило, не отнимало много времени.

Отец рассказывал, что подобные скопления кораллов появились в Атлантике после Всемирного Затмения, когда Столпы Вседержителей начали делать свое гиблое дело. Именно тогда в катастрофически мелеющем океане вокруг вырастающего из волн Срединного хребта возникло множество мелких разрозненных водоемов. Большинство скопившихся в них морских обитателей вымерло, а те, что остались, видоизменились почти до неузнаваемости. К таким мутантам относился и один из видов кораллов, который в новой среде вдруг разросся настолько, что стал заполнять собой целиком впадины, где он сохранился. А с окончательным их высыханием окаменел и превратился в ту «терку», какой мы ее сегодня знаем.

Словами не описать, что мы испытали, когда «Гольфстрим» съехал с камней на хрустящий коралловый слой. Я даже не знал, как глубоко утонут в нем колеса, и уповал лишь на свое чутье и кое-какие знания, полученные при прошлых моих знакомствах с подобными «терками». Раньше, проезжая мимо них, я не упускал возможности опробовать их на крепость ломом и кувалдой – исключительно в целях

любопытства. И вот теперь пришла пора перейти от досужих исследований к практическим экспериментам. Которые, без преувеличения сказать, имели шанс войти в историю, а я – стать первооткрывателем новых маршрутов!

Или, что более вероятно, – очередным сгинувшим без вести перевозчиком, наподобие Пьяницы Ханя, о многих из которых ныне не осталось даже воспоминаний...

Дон Риего-и-Ордас наверняка тоже сверялся с картой. И потому по мере нашего приближения к «терке» начал выказывать беспокойство. Последовала еще одна попытка штурма, на сей раз, правда, обошедшаяся без жертв. Малабонита не зевала и при помощи «Плаксы» согнала гвардейцев с прицепа, едва они вновь взобрались на него.

Команданте явно не желал, чтобы мы – самоубийцы – похоронили вместе с собой нужный ему груз Макферсона. Но, увы, дон Балтазар ничего не мог с нами поделать и был вынужден отпустить нас в коралловую пустыню, приказав Кавалькаде остановиться на самом ее краю. А мы двинулись дальше, навстречу неизвестности и, вполне вероятно, ужасной гибели...

Однако Смерть проявила к нам снисхождение и не настигла нас сразу, как только мы въехали на зыбкую безжизненную поверхность. Я знал о том, как трещат антарктические ледники, лишь понаслышке, поэтому не мог сказать, походил хруст ломающихся под колесами кораллов на треск льда или нет. Но страху он на нас нагнал будь здоров.

Поначалу мне почудилось, будто эти звуки издает не «терка», а разваливающийся на части буксир. Вдобавок при этом он сильно просел, словно у него отлетели одновременно все колеса. Трудно сказать, от чего на самом деле подогнулись мои колени: от этого нырка или от леденящего ужаса, что охватил меня подобно порыву северного ветра.

К счастью, колеса «Гольфстрима» остались на месте, а сам он прекратил тонуть и, круша хрупкие окаменелости, ринулся вперед, через пустыню. Скорость его тут же упала больше чем наполовину. Но я ожидал этого и сразу приказал Гуго переключить коробку скоростей на малую передачу.

– Просвет! – выкрикнул я команду, которую прежде отдавал Долорес, когда мы выезжали на песчаные участки хамады. Малабонита высунулась по пояс из бортового люка, глянула вниз и, выяснив, что требовалось, доложила:

– Просвет минус два метра! Стабильный!

Бронекат утоп ниже уровня, на какой я рассчитывал, но это терпимо. Проломив верхний, иссохший под солнцем слой «терки», колеса уперлись в более крепкий, слежавшийся пласт. А подминаемые ими под себя обломки сыграли роль амортизационной подушки, удерживающей «Гольфстрим» на ломкой пористой поверхности.

Если дальше ничего не изменится, при скорости десять-двенадцать километров в час мы преодолеем пустыню уже завтра к вечеру. Так, по крайней мере, должен думать дон Риего-и-Ордас, провожая нас взглядом с высокого утеса, нависающего над «теркой». Команданте заехал туда верхом и теперь торчал на скале, будто памятник из Брошенного мира, что в хорошую погоду бывают видны на краях многих плато. Остальные всадники выстроились вдоль границы непроходимой для них территории и тоже глядели нам вслед, не выказывая ни раздражения, ни злобы. Хотя каждого гвардейца наверняка распирало желание поквитаться с нами за павших этим утром *compaceros*.

– Кажется, получилось, загрызи нас пес, – неуверенно пробормотал Сандаварг, озираясь по сторонам.

– Рано еще судить об этом, – поморщился я. – Однако начало положено и мало-мальски обнадеживает. А теперь давайте побережем глаза и наденем солнцезащитные очки. Если эта сверкающая белизна не разверзнется под нами, то зрение испортит однозначно...

Удивительно, но к вечеру мы были все еще живы и продолжали двигаться на север. Теперь со всех сторон от нас простиралась блистающая под солнцем и испещренная дырами, бескрайняя пустыня. Скалы, у которых мы расстались с Кавалькадой, давно скрылись за горизонтом. Лишь на западе его линия нарушала унылое однообразие. Там вздымался в небеса могучий Срединный хребет – промежуточная цель нашего проклятого путешествия. Мы отчетливо видели ее, но почти не верили, что нам повезет преодолеть эту преграду и достичь западной Атлантики, не говоря уже о крепости Гексатурм.

Не сказать, что «терка» была щедра на сюрпризы, но без неприятностей не обошлось. Больше всего мы боялись гигантских пустот, какие могли скрываться под внешним слоем коралловых окаменелостей. Такие опасные «пузыри» нам на пути пока не попадались, хотя на более мелкие мы периодически натыкались. Частенько «Гольфстрим» то клевал носом, то резко кренился на борт, то с грохотом оседал на корму, проваливаясь колесами глубже обычного. Сколько я ни таращился вперед, так и не научился предугадывать по изменению рельефа, когда ожидать следующую

рытвину. Поэтому приказал команде, в которую волей-неволей пришлось теперь включить и Убби, быть постоянно начеку и закрепиться на палубе.

Пустыня позволяла вести бронекат по прямой, однако трижды я отклонялся от курса, объезжая подозрительные места. Они представляли собой неглубокие, но хорошо заметные, крупные вмятины на ровной поверхности пустыни. В них не было заметно трещин, которые могли бы косвенно указать на сокрытый под ними провал. И все-таки я поостерегся пересекать эти впадины и обогнул их по краю от греха подальше.

Никаких каменных островков, где можно было бы устроиться на ночлег, нам так и не встретилось. Пришлось остановить буксир прямо на «терке», которая вновь продемонстрировала нам свой коварный нрав, когда мы улеглись спать. Около полуночи «Гольфстрим» сотрясся от внезапного толчка. Не слишком сильного, но вмиг заставившего нас проснуться и броситься к борту, дабы выяснить, что стряслось.

Днем у нас не было возможности расслышать из-за шума, так сказать, голос этой пустыни. Однако за ужином я обратил внимание на доносящееся со всех сторон зловещее потрескивание. Если бы оно раздавалось только из-под бронеката, я бы сразу встревожился. Но поскольку эти звуки шли отовсюду, мы решили, что их издает нагретая за день солнцем и теперь остывающая «терка». Скорее всего, так на самом деле и было. И тем не менее наш незапланированный ночной подъем дал понять, что здесь нельзя расслабляться даже на минуту.

Тревога разразилась из-за трейлера, чьи оба левых колеса внезапно провалились в коралловую «пену» вплоть до самых осей. Провалились, хотя последние четыре часа мы стояли на месте и не двигались! Это означало, что к утру не только прицеп, но и буксир могли улечься на брюхо. Или, говоря языком перевозчиков, заполучить дорожный просвет с критической отметкой «минус четыре». Чтобы вытащить бронекат из этой западни, его придется снова ставить на колеса – только так и не иначе. Что с учетом здешней зыбкой почвы попросту нереально: он станет утопать гораздо быстрее, чем мы будем успевать его откапывать.

Бранясь как последний базарный грузчик, я разогнал команду по местам и, пока трейлер окончательно не увяз, перегнал «Гольфстрим» на пару сотен метров севернее. А затем взялся делать так каждый час, ибо накрепко усвоил истину: торча подолгу на одном месте, буксир неминуемо продавливают под собой «терку». Дабы это предотвратить, он должен постоянно передвигаться. Так что вряд ли у нас получится здесь как следует выспаться.

Утро преподнесло нам очередное открытие. Да такое, какое я совершенно не ожидал тут совершить.

Согласно моей стратегии, к обеду мы должны были пройти примерно три четверти пути. Потом – остановка и выжидание, пока, предположительно, у ищущей нас Кавалькады не иссякнет вода. А по прошествии трех суток нам предстояло взять курс на северо-восток, к каньону Дельгадо, где, по словам Сандаварга, шанс столкнуться с кабальеро будет почти нулевым. История с трейлером дала понять: на праздное времяпрепровождение в ближайшие дни уповать не стоит. Других отклонений от плана вроде бы не намечалось, и с рассветом мы, зевая после беспокойной ночи, отправились дальше.

А спустя час нашим глазам предстала странная и одновременно пугающая картина. Метрах в двухстах левее нашего курса громоздился невысокий, с человеческий рост, курган из коралловых обломков. Откуда он мог взяться, было решительно непонятно. Однако вскарабкавшаяся на мачту Долорес быстро внесла ясность: оказывается, мы видим вовсе не курган, а подковообразную насыпь, набросанную вокруг пробитого в «терке» отверстия диаметром около полудюжины метров.

– Метеорит? – спросил я у Малабониты, пристально вглядывающейся с мачты в обнаруженную нами диковину. – Или обломок корабля Вседержителей?

– Вряд ли, *Mio Sol*, – откликнулась Моя Радость. – Я не вижу воронку. Похоже, дыру пробили не снаружи, а изнутри. А потом тот, кто это сделал, выбрался на поверхность и уполз. Вал потому и похож на подкову, так как разрыв в ней – это начало идущего на запад следа.

– Что за след? – оживился Убби, собравшийся было заняться сменой пластыря на своей заштопанной заднице. Хромоногого северянина, как и меня, тоже не тянуло сходить с «Гольфстрима» и ковылять по «терке» к аномалии, чтобы изучить ее поближе. Какой бы зверь или катаклизм ни пробил ту дыру, нам в любом случае лучше держаться от нее подальше.

– Это явно не змей-колосс, – уверенно помотала головой впередсмотрящая. – И не змеежор. Странные отпечатки, ни на чьи не похожие. Разве только немного напоминают следы Физза, если бы он был величиной с бронекат и имел на хвосте метровые шипы.

– Все ясно. Я так и думал, загрызи меня пес, – пробормотал удовлетворенный ответом Сандаварг и как ни чем не бывало приступил к обработке раны, опустившись для пущего удобства на колени.

– Что именно тебе ясно? – не выдержал я. – Раз знаешь, что за дрянь живет в этой пустыне, так поделись с нами своим секретом!

– Вижу, тебе еще не доводилось сталкиваться с вактами – псами Вседержителей, которые стерегут северный Полярный Столп и, вероятно, южный тоже, – заметил Убби, не отвлекаясь от своего деликатного и щепетильного дела. – У северян есть поверье, что тот, кто сумеет убить вакта и испить его крови, станет неуязвимым в бою и абсолютно невосприимчивым к холоду. Эйнар, Бьорн и Родериг Сандаварги верили в эту легенду. Я – тоже.

– Я слышал про псов Вседержителей, – сказал я. – И о том, что многие ваши храбрецы безуспешно пытаются совершить паломничество к Полярному Столпу, чтобы сразиться с его стражами. Отец рассказывал мне подобные сказки на ночь, вперемешку с историями о древних рыцарях и драконах. Не спорю, возможно, все это и правда. Однако не припоминаю, чтобы в тех легендах говорилось о вактах, забредающих южнее каньона Чарли Гиббса и роющих норы не во льду, а в коралловых «терках».

– Псы Вседержителей могут не только стеречь Полярные Столпы, – просветил меня крепыш-коротыш. – Эти твари, что сошли на землю из самого небесного ада, шпионят на своих хозяев и рыщут по всей планете везде, где для них есть еда. На наше счастье, они не жрут мясо и другую земную пищу, а иначе всем нам давно пришел бы конец. У них вообще нет пищеварительной системы – лишь одно гигантское легкое. Все, что нужно вактам для жизни, – жидкий иногаз, которым они заполняют это легкое и который постепенно всасывается им в кровь вместе с обычным земным воздухом. Тот самый иногаз, что скапливается в кратерах древних вулканов и на дне некоторых разломов. И который якобы не дает раскаленной лаве вырваться наружу и покрыть планету сплошной тучей метафламма. У нас этот газ называют Слезами Фрейи.

– А у нас – Плевком Вседержителя, – добавил я, после чего высказал догадку: – Значит, по-твоему, на дне этой впадины, под «теркой», есть иногазовое скопление, которое и приманивает к себе шастающих в округе псов, так?

– Судя по всему, да, – не стал отрицать Убби. – И я хорошенько запомню это место на случай, если доживу до того дня, когда у меня возникнет непреодолимое желание поохотиться на вактов.

– А у них случайно не может возникнуть желания поохотиться на нас? – любопытствовала спустившаяся с мачты Долорес.

– Скорее всего, нет. Если, конечно, ты не пальнешь в него с перепугу из баллестирады, – ответил северянин. – Вакты избегают людей и прячутся от них в расщелинах или пещерах. Больше всего о повадках псов Вседержителей известно вингорцам. Они часто летают над кратерами и наблюдают с высоты за вактами. Так что если у вас есть друзья среди крылатого народа, они расскажут вам о псах намного больше, чем я.

Я посмотрел на Физза. Он, прикрыв веки, как обычно грелся на солнцепеке и не выказывал беспокойства, которое сигнализировало бы о близкой опасности. Что ж, может, Убби и прав: местным вактам действительно нет до нас никакого интереса. Хорошо, если так, потому что на «терке» и без них хватает поводов для волнения...

Часть вторая

Когти и крылья

Глава 8

Следующие двое суток стали для нас сродни самоистязанию. Днем воздух раскалялся столь нещадно, что, казалось, вся выпитая мной вода успевала впитаться и испариться через кожу, не достигнув желудка. Смотреть на ослепительно-белую поверхность пустыни было больно даже сквозь темные очки, отчего возникало ощущение, будто мы перенеслись с Земли напрямиком на Солнце. Я и Гуго растянули над палубой тент, под которым мы и спасались от жары, отвлекаясь лишь на короткие переезды с места на место. Все свободное время я старался дремать, дабы ночью было не так мучительно вставать каждый час к штурвалу. Однако неуголимая жажда и постоянный треск окаменелых кораллов мешали мне как следует расслабиться и забыться сном.

После заката жара спадала и на озаренную луной «терку» можно было смотреть без рези в глазах. Но с приходом темноты треск усиливался, а вместе с ним возрастала и тревога. Она принесла с собой бессонницу, которая, будучи помноженной на усталость, превратила меня в натуральную сомнамбулу.

Я выливал себе на голову кружку воды, чтобы взбодриться перед тем, как проехать очередную двухсотметровку, после чего ложился и старался заснуть. Сон упорно не приходил, но бодрствованием это назвать тоже было нельзя. Я лежал с закрытыми глазами, но когда открывал их, мог вдруг обнаружить себя не на матрасе, а стоящим

у борта или сидящим на ступеньках мостика. Причем я мог поклясться, что не засыпал ни на миг! Мысль о том, что я расхаживаю по бронекату как лунатик, пугала и слегка отрезвляла меня, но через час все повторялось опять. Чертовщина, одним словом!

А утром всходило солнце и начинался новый цикл наших круглосуточных мучений...

Я не следил за остальными, но, судя по их осунувшимся лицам, они испытывали те же проблемы. Только переживали их по-разному да по палубе во сне не бродили. Убби вообще почти не вставал – видимо, решил воспользоваться выпавшей на нашу долю передышкой, чтобы подлечить рану. Мающийся от жары и безделья Гуго поднимался каждый час вместе со мной, чтобы на минуту дать бронекату малый ход, а потом вновь с кряхтением укладывался на матрац.

Легче всего сносили всю эту тягомотину Малабонита и Физз. Про последнего и говорить нечего. Ящер как пролежал доселе семьдесят лет на крыше рубки, так и продолжал там лежать и млеть на солнце, невозмутимый, словно камень. Разве что на ночную охоту не выходил, поскольку охотиться здесь ему было не на кого. Долорес же наши с де Бодье регулярные подъемы не касались. Она успевала выспаться ночью, поэтому днем чувствовала себя относительно бодро и занималась разной мелкой работой вроде починки обуви, одежды или оружия.

Не знаю, выдержал бы мой рассудок еще один круг этого ада, если бы к полудню третьего дня не случилось происшествие, которое вмиг привело меня в чувство и встряхнуло не хуже крепкой пощечины.

Все началось с внезапно забеспокоившегося Физза. Повернувшись мордой к прицепу, варан взъерошил чешую, заскреб лапами по палубе, замотал хвостом, раззявил пасть и зашипел так, как обычно предупреждал нас о приближении опасности. Мы с Гуго лишь пять минут назад перегнали «Гольфстрим» на новое место и еще не успели задремать, поэтому сразу расслышали знакомые тревожные звуки.

– Тфарь! Супастая полсущая тфарь! – негодовал Физз, чередуя шипение с противными свистящими выкриками, от которых у меня всегда по коже пробегали мурашки. – Хоманта, потьем! Орутия х пою! Сенатор, полный фперет!

То же самое я скомандовал механику полминуты спустя, когда вбежал на мостик, а Гуго – в моторный отсек. Кого бы ни учуял ящер, нельзя, чтобы враг атаковал нас стоящими без движения. Ведь тогда наше главное оружие против угрозы извне – шипастые многотонные колеса – не причинит ему вреда.

Едва «Гольфстрим» тронулся и начал набирать скорость, как рядом с тем местом, где он только что стоял, взялся быстро расти курган из коралловых обломков. И еще до того, как он вымахал выше человеческого роста, до меня дошло, что за тварь учуял Физз. Если, конечно, Сандаварг не обознался и подобные следы оставляют вакты, а не другое исполинское животное. Окончательно подтвердить или опровергнуть это мог лишь сам Убби, который уже спешил ко мне, хлопая спросонок глазами и растирая на ходу затекшую ногу.

– О великие Эйнар, Бьорн и Родериг! – воскликнул он, когда узрел вырвавшееся из огромной свежевырытой норы существо. – Мне выпала честь увидеть могучего вакта! И как не вовремя! Разрази метафламм эту проклятую дырявую землю, которая не даст Убби Сандаваргу сойтись со стражем Полярного Столпа в честном поединке!

Не знаю, что подразумевал северянин под честным боем, но лично я вряд ли счел его честным, даже сразись Убби и пес Вседержителей на арене амфитеатра. Мне хватило одного взгляда, чтобы определить: все виденные мной прежде изображения легендарного чудовища были далеки от истины. Во-первых, он оказался не таким огромным, каким я его представлял, но и не маленьким. Треть длины его десятиметрового тела составлял хвост. Да, что-то общее с вараном у вакта и впрямь имелось. Равно как и с собакой, но не обычной, а скорее бойцовой, наподобие азорского вардога.

С первым вакта роднили могучий хвост и четыре кривые мускулистые лапы, каждая из которых имела по три изогнутых толстых когтя. Малабонита правильно угадала: конец песьего хвоста был усеян метровыми шипами и, волочась по «терке», оставлял на ней глубокие борозды. Шипы имелись у монстра и на спине: почти такие же, только покороче, и расположенные в три ряда от головы до хвоста. Выставленные торчком, они, очевидно, вкупе с хвостом и когтями помогали тяжеловесному псу удерживаться в вертикальных норах, какие он прорывал во льдах и окаменелых кораллах.

От собаки вакту досталось поджарое тело, широкая грудная клетка, тупоносая морда и внушительная пасть, в которой я усмотрел добрых полсотни одинаковых и устрашающих зубов. Глаза у твари были мутные, маленькие и едва различимые, вместо ушных раковин торчали два шишковидных нароста, а нос являл собой лишь пару открытых продолговатых отверстий. А вот что усеивало черную шкуру монстра – густая, крупная щетина или покров из тонких игл, – я издали не рассмотрел. Однако вовсе этому не расстроился, ибо дотошное изучение экзотической фауны никогда не входило в круг моих интересов.

Несмотря на мерзкий вид вакта, я его не слишком испугался. Ну выскочил он из-под земли неподалеку от нас – что тут такого? Ведь Убби уверял, что стражи Полярных Столпов не нападают на людей первыми. Да и отсутствие достоверных подтверждений этому тоже являлось веским аргументом в пользу слов северянина. Наверное, мы просто-напросто спугнули пса, пьющего на дне впадины иногаз, когда проехали прямо над ним, и он, решив, что это обвал, поспешил выбраться на поверхность. И теперь, когда все прояснилось, вакт разве что обиженно прорычит нам вслед, после чего мы мирно разойдемся с ним и больше никогда не встретимся...

Вылезший из норы монстр раздраженно ударил по «терке» хвостом и вперил в нас свои тупые, невыразительные глазки. При появлении виновника этого переполоха Физз взбесился настолько, что, вздумай я сейчас погладить его, он мог бы сгоряча оттяпать мне запястье. Ящер буквально места себе не находил, мечась по палубе и яростно шипя. Почти как моя живущая в Аркис-Патагонии третья супруга в тот день, когда она случайно прознала, что, называя ее «моей единственной», я, мягко говоря, лукавил. Расстояние между нами и вактом мало-помалу увеличивалось, и я смел надеяться, что еще немного, и он про нас благополучно забудет.

Не забыл! Напротив, весьма живо нами заинтересовался и припустил вслед за «Гольфстримом»!

Бегал страж Полярного Столпа, несмотря на свои габариты, довольно резво и напоминал при этом уже не собаку или варана, а кошку. Задрав вверх шипастый хвост, дабы тот не бороздил землю, тварь в несколько скачков настигла буксир и пристроилась к заднему борту трейлера, будто бы что-то там вынюхивая.

Памятуя о том, что не стоит злить вакта, стреляя по нему из баллестирады, я замешкался. А когда глянул в растерянности на северянина, обнаружил, что он тоже смотрит на пса Вседержителей, недоуменно наморщив лоб.

– Что твоя зверюга задумала? – спросил я у Убби, хотя по его оторопелому виду было ясно, что вряд ли у него есть на это ответ.

– Понятия не имею, – честно признался он. – Никогда не слышал, чтобы вактов интересовали бронекаты.

– Этого вакта скорее заинтересовал наш груз, нежели мы, – уточнил я. Было плохо видно, но, кажется, бегущее за трейлером любопытное чудовище уже засунуло в него голову. Почти как бродячая собака, пытающаяся втихаря стянуть кусок мяса с лотка у торговца.

– Хм, а ведь твоя правда, загрызи тебя пес, – согласился Сандаварг. – Нужно было еще в Гексатурме догадаться, что ящики Вседержителей могут приманить к нам их верного пса... Меня не предупредили, что в дороге мы можем угодить в подобную передрагу. Кавалькада – это да, в порядке вещей, но чтобы вакт! Знай я об этом, требовал бы себе куда большую плату.

– Есть идеи, как нам его отогнать? – без особой надежды спросил я.

– Откуда? – пожал плечами Убби. – Это же не простая собачонка, на которую можно прикрикнуть или шугануть ее пинком.

– И что, теперь он так и будет бежать за нами, пока ему не надоест?

– Ясное дело, нет, – ответил северянин, а потом, гордо расправив плечи и выпятив грудь, заявил: – Когда мы выберемся с «терки», я брошу вакту вызов! Потомку великих воинов нельзя упускать такой шанс. Кто знает, может быть, он мне больше не представится.

– Но если вакт тебя одолеет, получится, что ты подвел своего нанимателя и не доставил груз до места назначения, – с укоризной заметил я.

– Не тебе, шкипер, упрекать меня в нарушении контракта, – резонно возразил Сандаварг. – Есть в мире вещи, ради которых даже я готов иногда поступиться принципами. К тому же еще неизвестно, чья из нас возьмет. Так что никакое это не нарушение, а неизбежный для наемника риск в работе. За который, впрочем, мне не мешает потом потребовать надбавку...

В отличие от Физза, я не возражал, чтобы пес Вседержителей нас преследовал. Пускай себе бежит и обнюхивает контейнеры, сколько ему хочется. На таких условиях я готов дружить даже со змеями-колоссами, если те когда-нибудь научатся отличать гроыхание бронеката от топота стада рогачей. Однако наша очередная проблема усугубилась тем, что вакт перешел от безобидного обнюхивания трейлера к более дерзким действиям. Что, разумеется, нас уже откровенно не обрадовало.

Я не столько видел, сколько слышал, чем он там занимается. Скрежет, который вдруг донесся до моих ушей, трудно с чем-то спутать. Такой звук могли издавать лишь тяжелые ящики Макферсона, когда их двигали по иностальному полу. Заслоненный от нас прицепом, монстр подобрался к нему вплотную, вытянул шею и, ухватив зубами крайний контейнер, потащил его к заднему борту.

Более странного нападения я на своей памяти еще не видывал. Обычно все посягавшие на «Гольфстрим» хищники стремились первым делом добраться до нас, а уже потом, когда им это не удавалось, вымещали злобу на бронекате. Питающийся

не мясом, а жидким иногазом, страж Полярного Столпа придерживался другой, совершенно непонятной мне тактики.

Как бы ни стремился я избавиться от злосчастного груза, столь наглый его отъем меня здорово взбесил. И ладно бы явился за контейнерами сами Вседержители! В таком случае нам оставалось бы лишь безропотно им подчиниться. Но стоять и смотреть, как нас грабит пробежавшая мимо инопланетная шавка, было уже выше моих сил.

Сандаварг придерживался такой же точки зрения. Прорывав в сердцах какое-то ругательство, он бросился к лежащему на палубе кистеню, собираясь помешать вакту стянуть у нас контейнер. Поддерживая его отважный порыв, я тем временем перекинул с буксира на трейлер специальный трап и велел Гуго заменить меня у штурвала. Для езды по прямой на малом ходу особый талант не нужен. Самое сложное, что требовалось от де Бодье, это в случае появления по курсу опасной впадины обогнуть ее по краю. А я решил отправиться вместе с северянином и помочь ему отстоять груз. Само собой, вместе с Малабонитой – куда же в таком деле без хорошего стрелка?

После всех пережитых нами стычек с Кавалькадой наш арсенал пополнился целым десятком трофейных пистолетов. За прошедшие пару дней у Долорес была уйма времени вычистить и перебрать их, а также оприходовать снятые с трупов кабальеро боеприпасы. Распределив между собой все стрелковое оружие, мы похватили его и бросились по трапу вслед за Убби, уже перебравшемуся на прицеп вместе с братом Ярнклотом. На всякий случай Малабонита прихватила и свой лук, с которым она не расставалась с тех пор, как получила его в подарок на свой десятый день рождения.

Как ни не хотел Сандаварг связываться с псом посреди коралловой «терки», судьба распорядилась иначе. Чему он, судя по его азартному настрою, отнюдь не огорчился. Да и вообще трудно было представить огорченного Убби, когда ему выпадала возможность помахать кистенем. Вот и сейчас, перечислив вакту по традиции имена своих предков, северянин затем с размаху огрел его по голове пудовым ядром – надо думать, для того, чтобы зверюга хорошенько их запомнила. Мы с Долорес только сошли с трапа, когда до нас донесся бухающий звук тяжелого удара. Неплохой почин – кистень явно угодил туда, куда нужно. Было бы просто здорово, оказался этот удар заодно и победным! Все-таки Сандаварг – матерый воин и у него наверняка есть опыт войны не только с кочевниками и гвардейцами, но и с врагами покрупнее.

Вакт до сих пор не сбросил контейнер на землю не потому, что ему не хватило на это сил, а из-за заднего борта. В него уперся подтянутый к краю прицепа

трехтонный куб, и теперь, чтобы довести дело до конца, псу нужно было устранить эту досадную помеху. Убби подоспел как раз вовремя. Чудовище уже отпустило ящик и переключилось на иностальную перегородку. Вцепившись в нее зубами, оно мощными рывками выгнуло борт наружу, и лишь удерживающие его замки не позволяли тому оторваться.

Заехав распоясавшейся твари кистенем промеж ушей, северянин быстро оценил свое тактическое преимущество над ней. Но едва брат Ярнклот тюкнул вакта по башке, как тот вмиг позабыл про контейнеры и прицеп. Разжав зубы, страж Полярного Столпа издал хриплый клокочущий звук – нечто среднее между рыком и бульканьем. После чего, подскочив, уцепился за погнутый борт передними лапами, продолжая бежать на задних, благо наша невысокая скорость не отнимала у пса при этом почти никаких сил.

Следующий прыжок монстра не замедлил себя ждать. И когда мы с Долорес присоединились к Убби, передние лапы вакта уже скребли когтями край крыши, а задние опирались туда, где до этого находились передние. Длинный хвост чудовища волочился по «терке», взрывая шипами посреди колеи «Гольфстрима» глубокие борозды. Трейлер содрогался при каждом движении повисшего на нем пса, чья усеянная зубами пасть уже маячила в опасной близости от нас. Чтобы взобраться на крышу, тому оставалось проделать всего один прыжок, после чего согнать его со бронеката станет невозможно. Хуже того – тварь сама сгонит нас с прицепа одним мановением своей лапы.

Прицеливаться как следует, дабы попасть вакту в глаза, было некогда. Поэтому мы с Долорес навскидку разрядили по пистолету прямо в оскаленную клокочущую пасть. Все пули исчезли в ней со странным звуком, который больше напоминал треск все тех же окаменелых кораллов, нежели пробивание живой плоти. Да и вакт повел себя как ни в чем не бывало. Отведав нашего угощения, он лишь хрюкнул и мотнул головой, словно поперхнулся проглоченной на бегу мухой. Или, применительно к его широкой глотке, – средних размеров птицей.

Неэффективность наших пистолетов частично компенсировал Убби, повторно огрев вакта кистенем. На сей раз не по макушке, поскольку северянин уже убедился в ее твердости. Крутанув брата Ярнклота над головой, Сандаварг шибанул им по торчащему на черепе у монстра полукруглому наросту – одной из тех шишек, которые я счел ушами. Крепыш-коротыш уже заметил пришедшую к нему подмогу и потому вряд ли мог нечаянно задеть нас своим оружием. Но мы с Долорес все равно пригнулись, когда над нашими головами просвистела цепь с привязанной к ней гирей. Незабываемое ощущение, что и говорить. Из разряда тех, что способны вмиг отрезвить пьяницу или наградить разрывом сердца слабонервного.

Северянин оказался удачливее нас и нащупал у вакта уязвимое место. Получив по уху, тварь издала еще более мерзкий звук, похожий на визг затупленной камнерезки. А затем дернулась всем телом, сорвалась с прицепа и, кроша хрупкую «терку», покатила по ней многотонной тушей.

Не верилось, что Убби уложил легендарного пса со второго удара, и потому мы не удивились, когда зверюга снова вскочила на лапы и пустилась за нами вдогонку. На левом ухе у нее красовалась внушительная вмятина. Что выглядело довольно странно – так, будто в том месте под шкурой у вакта была вшита жестяная полусфера. Сама же шкура оказалась столь прочной, что шипы брата Ярнклота не оставили на ней ни заметных шрамов, ни припухлостей. Но последним своим ударом Сандаварг доказал, что вакт все-таки боится нашего оружия, и это нас мало-мальски воодушевило.

– Не лезьте! – рыкнул на нас северянин, раскручивая кистень в преддверии новой атаки монстра, что должна была вот-вот последовать. – Проваливайте отсюда, загрызи вас пес! Я всю жизнь готовился ко встрече с этой тварью! Она – моя!

– Твоя, твоя! – поспешил заверить я соратника, отбрасывая разряженный пистолет и вынимая из-за пояса следующий. Жаль, среди трофеев не оказалось ни одной пули с начинкой из метафламма – вот что нам сейчас по-настоящему пригодилось бы. – Можешь в одиночку выпить у вакта всю кровь до капли – нам все равно! Мы уважаем твои традиции, но и ты должен уважать наши! И защита «Гольфстрима» – наша первейшая обязанность! Так что хочешь не хочешь, а придется тебе...

Я не договорил, потому что в этот злополучный момент правое переднее колесо трейлера провалилось в очередную яму, сокрытую под верхним слоем «терки». В этот раз устоять на ногах изловчился лишь Сандаварг. А мы с Малабонитой попадали навзничь и покатались вдоль по крыше к ее правому краю.

Бортов на ней не было, а был лишь окаймляющий ее низенький поручень, за которым позарившиеся на наш груз грабители не могли укрыться от снарядов кормовой баллестирады. И который, как выяснилось, не мешало бы сделать чуток повыше. Катившаяся впереди меня Долорес разогналась так сильно, что попросту перелетела через ограждение. И если бы не я, успевший ухватиться одной рукой Малабоните за шиворот, а другой – за поручень, через мгновение ее размазало бы по колесу трейлера.

Конечно, я не сумел бы долго удерживать ее на весу, пусть и весила она всего ничего. И Долорес знала об этом не хуже меня. Едва поняв, что ее падение остановлено, она сразу же вцепилась обеими руками в поручень, чем и упростила собственное спасение.

Я втянул растерявшую все свое оружие, кроме висевшего за спиной лука, дочь алькальда Сесара обратно на прицеп минуту спустя. Однако наши испытания не шли ни в какое сравнение с теми, что выпали на долю Сандаварга. В это время он, как и хотел, сошелся один на один с вактом. Возможно, нам даже повезло, что мы остались при этом не у дел, ибо бывают схватки, в которые перевозчикам лучше не ввязываться. Да и наемникам, честно говоря, тоже. Если, конечно, они, подобно Убби, не грезят войти в легенды, пусть даже посмертно.

Познакомившийся с братом Ярнклотом вакт учился на собственных ошибках. И потому решил больше не подставлять противнику голову, а воздать ему той же монетой. Ради чего псу пришлось в буквальном смысле подставить северянину свой зад.

Вот только ничего смешного в этом не было. Вновь повиснув на заднем борту, тварь растопырила лапы и развернулась вниз головой так, что ее хвост уже не волочился по «терке», а колотил по трейлерной крыше. Не по всей, а лишь по краю, но Сандаварг все равно был вынужден отступить, дабы не быть нанизанным на шипы, что усеивали естественный «кистень» вакта.

Он размахивал своим оружием наобум, не подпуская северянина к себе и долбя по прицепу словно одержимый. И все бы ничего, но при этом монстр мог продолжать терзать зубами борт, чем, судя по раздававшемуся скрежету, немедля и занялся.

Рвущийся в битву Убби попал в затруднительное положение. Однако стоять и глядеть, как враг подбирается к контейнерам, будущая легенда Севера не собиралась. Чтобы переломить ход поединка в свою пользу, наемнику требовалось совершить воистину героический поступок, и он его совершил. Проверив, легко ли вынимается из ножен нож, Убби отцепил от брата Ярнклота цепь, намотал ее на оба кулака, будто собираясь кого-то придушить (что не толстокожего вакта, это яснее ясного), после чего принял боевую стойку и замер в готовности. Высчитав ритм, с каким вакт размахивает своим оружием, северянин выгадал момент, проскочил под взметнувшимся вверх хвостом, а затем спрыгнул с крыши прямо на спину повисшего на прицепе чудовища.

Мы понятия не имели, совершал ли Сандаварг доселе более рискованные поступки. Но это его безрассудство могло бы по праву войти в историю, чем бы оно в итоге ни закончилось. Когда Убби скрылся из виду, я ничуть не сомневался, что больше не увижу его живым. Однако спустя считанные секунды он вновь появился нам на глаза. И не в виде распростертого на «терке» трупа, а сидя верхом на вакте – пожалуй, самом достойном скакуне для этого сумасшедшего вояки.

А пес, похоже, был ошарашен выходкой северянина не меньше нашего. И уж точно не собирался превращаться в ездовое животное для захомотавшего его человечешки. Конечно, Сандаварг вовсе не собирался объезжать монстра, а опутал ему шею цепью лишь затем, чтобы не свалиться у него со спины. Для расправы же над вактом у Убби имелся нож, который он планировал вонзить врагу в глаз или иное уязвимое место, до которого мог дотянуться.

Твари пришлось опять оставить в покое прицеп и отвлечься на досаждающего ей хабреца. Стряхнуть его с загривка хвостом не удалось – самому грозному оружию пса не доставало гибкости. Тогда он бросился на землю и взялся кататься по ней, извиваясь, будто его терзал не человек, а блохи. Тут бы и настал для Убби конец, не расти у вакта на спине и боках огромные шипы. Они помогали ему ползать по вертикальным норам, но сейчас только вредили. Стоило Убби припасть к шее чудовища и спрятаться под его колючим покровом, и оно уже не могло расплющить своего наездника о «терку», как ни старалось.

Увы, но на этом везение северянина иссякло, и приумножить свои достижения ему было не суждено. Виной тому стала неприятность, с которой убивший на своем веку немало крупных хищников Сандаварг вряд ли когда-либо сталкивался. Привязав себя цепью к шее зверя, он без промедления начал орудовать клинком, но первые же удары дали понять, что шкура вакта гораздо прочнее гвардейского доспеха и пронзить ее не получится даже у Убби.

Однако еще более тяжелое разочарование он испытал, когда добрался до глаз пса. Своим ножом, что скорее напоминал короткий меч, наемник мог без труда достать твари до мозга и остановить эту бешеную скачку. Загвоздка оказалась в том, что клинок просто-напросто отскочил от роговицы вакта, как будто угодил не в глаз, а в натуральный алмаз. И с какой бы силой ни наносил удары северянин, их результат оставался неизменным – нулевым.

«Гольфстрим» постепенно удалялся от кувыркающегося пса и намертво вцепившегося ему в загривок Сандаварга. Мы видели, как Убби остервенело бьет ножом, и бьет точно, но у него даже не получается пустить вакту кровь, не говоря о том, чтобы его прикончить. Их впечатляющий поначалу поединок вылился в какой-то дурацкий фарс, и близко не похожий на те легендарные битвы воинов с чудовищами, о которых рассказывал мне в детстве отец.

Казалось, эта шумная возня никогда не закончится. Но, поелозив шипами по «терке», пес решил доконать противника не мытьем, так катаньем и устроил ему форменное родео. Такое, от которого у меня уже через пять секунд оторвалась бы голова. Уподобившись необъезженному скакуну, тварь взялась подпрыгивать на

месте, мотать головой и крутиться из стороны в сторону, норовя сбросить надоедливую человека, пусть он и не мог причинить ей вреда.

Ее шея выглядела толще лошадиного крупа, а Сандаварг на свою беду был коротконог и, по его давешнему признанию, ездил верхом всего пару раз в жизни. Поэтому неудивительно, что вскоре он уже не сидел на загривке у монстра, а болтался, держась за цепь, в опасной близости от его разъявленной пасти. То, что Убби проиграл схватку, было теперь очевиднее некуда.

Хорошо, что он вовремя сообразил соскочить с вакта, пока тот не шмякнул его оземь и не растоптал. Северянин выпустил из рук цепь, когда чудовище припало на лапы перед новым прыжком, и потому не переломал себе ноги о «терку» и даже не упал. Спешившись, он тут же кинулся бежать прочь так быстро, как только смог. Пес заметил это и, крутанувшись, хотел пришлепнуть его хвостом, но за миг до этого Убби успел-таки нырнуть в глубокую колею бронеката. Шипастый конец хвоста пролетел у Сандаварга над головой и, вероятно, обрушился бы на него повторно, кабы в этот момент вакт не развернулся мордой к нам.

Какие мысли пронеслись у него в голове при взгляде на удаляющийся «Гольфстрим», нам неизвестно. Но зверюга вмиг позабыла о северянине и опять припустила за нами вдогонку гигантскими скачками.

Я глянул на свой жалкий пистолет, на лук Долорес, потом на сиротливо лежащего у наших ног, «бесхвостого» брата Ярнклота и понял, что без Убби мы для пса не противники. Хорошо, если он не тронет нас и набросится на контейнеры. Вот только маленькие мутные глазки монстра смотрели сейчас явно не на них, а на меня и Долорес.

– Назад, к «Плаксе»! – крикнул я вскинувшей было лук Малабоните, которая, видимо, еще не потеряла надежду отстоять груз. Наивная девочка! Какой там груз, самим бы выжить, и то ладно!

Интуиция меня не подвела. Прежде чем в третий раз накинуться на прицеп, вакт решил избавиться от всех, кто еще мог ему в этом помешать. Я полагал, что у нас еще есть в запасе время, чтобы удрать на бронекат, но здесь мое чутье дало сбой. Мы не добежали и до середины крыши, как она закачалась у нас под ногами, а сзади донеслось гроыхание и скрежет когтей по иностали. Здравым умом я осознавал, что надо бежать без оглядки, однако страх все равно пересилил и заставил меня обернуться.

Болтают, будто у страха глаза велики. И все же вряд ли я преувеличивал нависшую над нами угрозу. Куда еще, спрашивается, преувеличивать габариты торчащей

позади меня твари, что таращилась на нас с высоты своего пятиметрового роста, разинув пасть шириною с трюмный люк? Чтобы устоять на трейлере, вакту приходилось опираться лапами на края крыши. А его мотающийся из стороны в сторону хвост, опустился он чуть пониже и виляй почаще, мог бы заметать за буксиром следы.

В общем, зря я оглядывался. Смотрел бы себе под ноги, глядишь, добежал бы вместе с Долорес до трапа и не споткнулся за брошенный Убби кистень, так некстати подвернувшийся мне на пути.

Поразительно, как меня не парализовало от страха и я сумел вскочить и продолжить бегство. Пожалуй, самое короткое бегство в моей жизни – всего каких-то два шага! А затем мне промеж лопаток будто шарахнули с размаху тяжелым клепальным молотом. Дыхание вмиг перехватило, и не успел я ничего понять, как уже снова валялся ниц, корчась от боли и не чувствуя ни рук, ни ног. Возле моей головы с грохотом опустилась на крышу трехпалая когтистая лапища – судя по всему, это она меня и стукнула, – солнечный свет заслонила огромная тень, а сверху раздалось все то же хрипкое клокотанье. Даже будь у меня силы обернуться, я не сделал бы этого, ибо отлично знал, что там увижу. Раскрытая пасть, полная острых зубов, – совсем не то, чем хочется любоваться в последние мгновения жизни.

Клокотанье резко усилилось. Вакт не собирался тянуть с расправой и, нависнув надо мной, очевидно, примеривался, где удобнее перекусить меня пополам. Дыхание у него было ледяным и на удивление вовсе не омерзительным. Я распознал знакомый горьковатый аромат – тот самый, каким пахнет ветер, дующий со стороны потухших вулканов. Стало быть, легенды не лгут и псы Вседержителей действительно питаются жидким иногазом. Любопытное открытие, сколь несвоевременное, столь же и бесполезное...

Пронзительный свист долетел до меня со стороны трапа. Этот сигнал могла подать только Долорес, всегда подзывающая так Физза, когда он чересчур увлекался ночной охотой и опаздывал к завтраку. Но сейчас она свистела не ящеру, а вакту, дабы отвлечь его от расправы надо мной. И ей это удалось. Клокотание тут же стихло, а ледяное дыхание прекратило холодить мне затылок – пес явно перевел взгляд с меня на Малабониту.

Что это она задумала, хотелось бы знать? Я приподнял голову: вместо того чтобы бежать к баллестираде, Долорес балансировала, расставив ноги, на шатком трапе и целилась из лука в монстра, который, привлеченный свистом, пялился, в свою очередь, на нее. Какой отважный, но, к сожалению, глупый поступок! За те

мгновения, какие отыграла для меня Малабонита, я и на ноги-то не встану, не говоря о бегстве...

И все-таки я рискнул. Почему бы и нет? Терять мне нечего, и хуже, чем теперь, однозначно не будет. Превозмогая мешающую дышать боль в спине, я насколько мог шустро поднялся и метнулся к трапу. Лапа, что едва не расплющила мне голову, дернулась было, чтобы меня задержать, но удара не последовало. Именно в этот момент Долорес пустила стрелу в морду псу и не только сбила ему атаку, но и достигла того, чего не удалось достичь Сандаваргу.

Расстояние между лучницей и вактом было небольшим. Вдобавок ее свист заставил цель на миг замереть и увеличил таким образом шансы Малабониты на меткий выстрел. Который был направлен зверю не в глотку и не в глаз – места, чья уязвимость оказалась обманчивой, – а в ноздрю. Если Убби не врал насчет анатомии стражей Полярного Столпа, через эти продолговатые отверстия пес и должен был всасывать иногаз к себе в желудок-легкое. А его пасть, вероятно, являлась всего-навсего хватательным органом и вообще не участвовала в процессах питания и дыхания. Вот почему проглоченные вактом полдюжины пуль не причинили ему вреда. В то время как угодившая в нос одна-единственная стрела моментально уложила монстра наповал.

Она влетела ему в ноздрю и исчезла, вонзившись неизвестно куда – может, в горло, а может, и в само наполненное иногазом легкое. Вакт опять издал короткий душераздирающий взвизг, а затем содрогнулся всем телом и чихнул. Только кричать ему «Будь здоров!» было поздно. Из ушей, пасти и носа вакта вырвались фонтаны брызг вперемешку с ошметками внутренностей. Они разлетелись по крыше в таком количестве, словно пес сначала разжевал, а потом выплюнул заразу парочку рогачей. Хорошо, что я успел отбежать от него, а иначе был бы обрызган всей этой мерзостью с ног до головы, или того хуже – сброшен чудовищным чихом с прицепа.

Не веря своим глазам, мы таращились на то, как ноги монстра подкашиваются, а сам он, обмякнув, грузно валится с трейлера на окаменелые кораллы. И лишь спустя почти минуту я прихожу в себя и кричу Гуго, чтобы он остановил бронекат. Но не потому, что мне не терпится взглянуть на поверженного дракона, а из-за отставшего северянина, бросать которого на «терке» мы, естественно, не намеревались...

Глядеть на Сандаварга без сострадания было невозможно. Нет, он не получил тяжелых ран – так, пара неглубоких рассечений да уйма ссадин и синяков. И вообще для человека, бывшего в рукопашную с вактом, Убби выглядел на диво целым и невредимым. Но чем была для него сейчас физическая боль в сравнении с душевной

травмой, какую он получил, когда узрел поверженного пса и узнал, кто нанес ему смертельный удар.

– Я навек обещен, загрызи меня пес! – угрюмо твердил он, стоя на коленях перед телом вакта и обхватив в отчаянии голову. – Страж Полярного Столпа пал от руки женщины! Женщина сразила пса после того, как я бежал от него, признав свое бессилие! Как теперь мне смотреть в глаза Эйнару, Бьорну и Родеригу, когда я встречусь с ними в Великих Подземных Чертогах? Какой несмываемый позор на меня и на весь мой род!

– Да будет тебе терзаться из-за пустяка! – сжалилась наконец над несостоявшейся легендой Малабонита. – Говоришь так, будто я билась с вактом вместе с тобой на равных! Тоже мне подвиг: попасть из лука в дырку диаметром с ведро! Ясно ведь, что все случайно получилось. Я ж понятия не имела, насколько эти твари боятся щекотки и что им противопоказано чихать. И чем тут, по-твоему, гордиться?.. Ладно, краснокожий, не грусти – хватит еще на твой век и вактов, и прочих зубастых тварей...

Долорес явно лукавила. На самом деле ей очень льстило то, что она пусть и впрямь ненароком, но все-таки утерла нос Сандаваргу. И не обыграв того в карты или домино, а на поле боя, где Убби, казалось, имел перед Малабонитой многократное превосходство.

Она, конечно, не подавала виду, что в глубине души злорадствует над опростоволосившимся наемником. Правда, получалось это у нее не слишком умело. Ее победоносный настрой выдавали искрящиеся глаза и снисходительные нотки в голосе. Да и я, чего греха таить, был не только благодарен Долорес за мое спасение, но и горд тем, что она не посрамила нашего брата-перевозчика, которого все северяне считали прежде всего меркантильным трусоватым торгашом, но никак не воином.

Сандаварг оставался безутешен. Уничтожить новорожденную легенду – прикончить всех нас, а славу присвоить себе – северянин не мог, о чем он, не исключено, в глубине души сильно жалел. А может, и не сожалел – кто его на самом деле знает. Но так или иначе, а подобные грязные мысли наверняка приходили ему на ум, пусть даже невольно.

И все-таки он не стал угрожать нам под страхом смерти, чтобы мы держали языки за зубами и не вздумали болтать о том, что здесь произошло. Убби мог бы запросто поступить так. Однако вместо этого он, наоборот, проявил невиданное для наемника благородство. Скрепя сердце он поклялся нам, что каждый, кто отныне усомнится в

правдивости легенды о женщине, сокрушившей вакта, рискует познать на себе гнев брата Ярнклота.

– Мое слово! – добавил при этом северянин, стукнув себя кулаком в грудь.

Неподдельно смущенная – что бывало с ней крайне редко, – Малабонита, в свою очередь, пообещала ему, что если ей и впрямь доведется поведать миру о своем подвиге, люди услышат много хороших слов и о Сандаварге. Непременно услышат, подчеркнула она. Ведь без Убби и его иностальных братьев женщина-легенда и ее муж вряд ли дожили бы до сегодняшнего знаменательного дня.

Я внимал их клятвам и диву давался, вспоминая, как еще совсем недавно Убби презирал Малабониту, а та в гневе едва не пригвоздила его к мостику болтом «Сморкача». Что ни говори, забавные коленца порой выкидывает жизнь. Этак завтра эти двое и вовсе договорятся до того, что любительница приключений Долорес переметнется из перевозчиков в наемники. А что? При своем теперешнем статусе легенды – запросто. Да еще находясь под покровительством крутого парня, которому оседлать вакта – все равно что размяться перед завтраком. Неспроста же Сандаварг взялся делать Долорес комплименты. Сам не смог одолеть чудовище, так теперь хочет, мерзавец, примазаться к чужой славе!..

Погодите-ка! Уж не начинаю ли я испытывать чуждые мне прежде уколы ревности? И это в мои-то годы, да еще к пятой жене! Какой абсурд! Наверное, это во мне еще не перебродил адреналин, вот и взбредает в голову всякая ерунда. Нет-нет, надо гнать подобные мысли прочь поганой метлой, пока они не выродились в болезненное наваждение...

Тем временем любопытствующий Гуго, пыхтя и неуклюже переставляя по «терке» ноги, обошел вокруг тела вакта. После чего набрался смелости, приблизился к нему и, заглянув мертвому зверю в пасть, поинтересовался:

– Не сочтите меня бестактным, мсье Сандаварг, но, кажется, сочинители ваших легенд непростительно ошиблись. Либо они никогда не видели настоящих вактов, либо, простите великодушно, были большими фантазерами.

– Ты говори, да не заговаривайся, толстяк! – возмутился Убби, и без того пребывающий не в лучшем настроении. – Каждый из тех скальдов, кого ты назвал фантазером, удостоился в свое время чести испить вина из рога, преподнесенного им самим королем Аркис-Свальбарда! Подобной награды не получали даже мои предки, а они, ты ведь знаешь, тоже пользовались у короля этого города почетом и уважением.

– Я вовсе не стремился оскорбить кого-то из ваших почтенных скальдов, мсье Сандаварг, – поспешил оправдаться де Бодье. – Я просто хочу заметить, что ни в одной их истории не уточняется, что вакты – механические существа. И, стало быть, у них в принципе не может быть крови, которую, согласно традиции, надлежит испить их победителю. Это утверждаю я – человек, который неплохо разбирается в технике, что подтвердит вам мсье шкипер.

– Механические существа?! – переспросил наемник и, выхватив нож, направился к телу монстра. Сенатор не на шутку всполошился и попятился, решив, вероятно, что опять невзначай оскорбил Убби и тот идет к нему поквитаться. Но обнажившего клинок Сандаварга интересовал не Гуго, а вакт. Точнее – его кровь, которую мы и впрямь до сих пор так и не видели.

Анатомическое исследование вакта – естественно, лишь поверхностное – стало для всех нас очередным откровением, а для северянина – еще и неприятным.

Я уже упоминал, что не сумел определить издали, чем помимо шипов покрыта шкура пса: шерстью или тонкими иглами. Выяснилось, что все-таки щетиной, но больно уж странной. Вырвать черные волоски длиной и толщиной с карандаш было нельзя – их пришлось срезать. При этом оказалось, что сердцевинкой каждой щетинки является иностальная проволока, с которой Сандаварг вроде как сдирал гибкую оболочку. Легкая иносталь обнаружилась также внутри зубов, когтей и шипов чудовища. Все они были покрыты сверху бурой пленкой, похожей на роговую, только гораздо прочнее. Не будь нож Убби тоже сделан из столбового металла, вряд ли мы чем-либо еще соскоблили бы защитное покрытие с оружия вакта.

Особенно нам не терпелось изучить глаза пса. Впрочем, после того как мы обнаружили вживленную в него иносталь, нас уже не удивили вставленные ему в глазницы яйцеобразные кристаллы. Оба они растрескались после предсмертного чиха чудовища, но когда северянин попробовал их выколупать, это ему не удалось. На самом деле глазные яблоки вакта были прозрачные, а их мутный вид объяснялся тем, что внутри у них находились мелкие металлические вкрапления, соединенные между собой тончайшими серебристыми жилками. И четкий геометрический порядок, в котором все они располагались, также подтверждал правоту нашего механика. Чем больше рассматривали мы мертвую тварь, тем сильнее убеждались, что относить ее к животным, даже к самым экзотическим, явно не следует.

– Система искусственного зрения, – пояснил де Бодье, глядя на Убби, усердно пытающегося вырезать вакту глаза. – Отдаленно напоминает ту, какой наши предки наделяли изобретаемых ими механических созданий – роботов. Круглые кристаллы

– это, судя по всему, оптические приборы, а металлические крапинки и прожилки в них – устройство сбора и обработки зрительных образов. Будьте поосторожнее с линзами, мсье Сандаварг! Солнце здесь яркое, поэтому не устройте ненароком черный всполох! А когда закончите с глазами, присмотритесь внимательнее к песьей шкуре. Она тоже далеко не такая простая, как кажется.

– Уже заметил, – пробубнил северянин. – Железная шерсть – об этом наши скальды и впрямь не писали.

– Я бы сказал, что это не шерсть, а скорее антенны, – поправил его Сенатор.

– Не умничай, – огрызнулся Убби. – Не все здесь понимают язык любителей кислого вина.

– О, пардон, увлекся, – спохватился Гуго. – Я лишь имел в виду, что если искусственные глаза и уши пса являются устройствами сбора информации, то иностальная щетина, скорее всего, есть часть системы для ее передачи Вседержителям. Иными словами, что видит и слышит вакт, то могут видеть и слышать его хозяева, сидящие на огромном расстоянии от него.

– Примерно так, как связывались между собой люди Брошенного мира? – спросил я.

– Примерно так, только без участия электричества, – кивнул де Бодье. – И связь пса со своим господином тоже наверняка двусторонняя. То есть если Вседержитель отдаст ему приказ, страж Полярного Столпа получит его за считанные секунды.

– Значит, теоретически хозяева вакта могут столь же быстро узнать и о его гибели? – предположил я.

– С очень высокой вероятностью, – подтвердил механик. – Другой вопрос, как они отреагируют на эту неординарную ситуацию: просто спишут потерю и забудут о ней или же пришлют за трупом пса корабль.

– Корабли Вседержителей не опускаются ниже уровня Столпов, – напомнила Малабонита.

– Ха! А вакты никогда не нападают на людей! – бросил ей Убби, посмеявшись над своим же недавним утверждением. – Что-то подсказывает мне: и здесь толстяк может быть прав! Только адского корабля нам сейчас не хватало, загрызи его пес!..

Все мы невольно задрали головы и с опаской посмотрели в небо. Но нет, ничто, кроме дюжины бледных полуденных звезд, на нем пока не наблюдалось. Только спокойствие это было очень зыбким. Скорость, с которой летают Вседержители,

позволит их кораблю очутиться здесь уже через полминуты после того, как он покажется на горизонте.

Дошел черед и до шкуры вакта. Ее эластичная структура оказалась волокнистой, а сами волокна прилегали друг к другу так плотно, что между ними не удалось просунуть даже кончик ножа. Разрезать их было сложно, но в принципе можно. Однако я, глядя на мучения Сандаварга, сходил на «Гольфстрим» и принес оттуда пилу по иностали. С ней у Убби дело пошло гораздо шибче. Через четверть часа он сумел дважды надрезать лапу монстра по окружности и содрать с нее толстый кожаный ремень шириной в две ладони. А его длины вполне бы хватило на то, чтобы им мог без натуги подпоясаться даже пузатый Гуго.

Дабы не маячить все это время у северянина над душой, я, Долорес и де Бодье тоже провели кое-какие исследования. Сначала замерили глубину пасти вакта запасной рулевой штангой и выяснили, что глотка у него далеко не бездонная. Скорее даже наоборот – для такого монстра она была постыдно мелкой, да к тому же напрочь сросшейся примерно в середине шеи. Как, в общем-то, и предполагалось. Здесь легенды подтвердились: похоже, вакт действительно питался исключительно Слезам Фрейи.

Совать штангу в нос мертвого подопытного мы не рискнули – побоялись вызвать конвульсивный чих. Вместо этого взяли зеркальце и просто посветили солнечным зайчиком в ноздрю. И сразу поняли, что именно прикончило стража Полярного Столпа. Стрела не вылетела из носоглотки пса при чихании, поскольку по самое оперение застряла в обрывках того, что прежде являлось не то носовой перегородкой, не то каким-то фильтром или клапаном. Пробив этот орган (или все-таки деталь?) насквозь, Малабонита, видимо, слишком резко изменила перепад давления между атмосферным и тем, которое поддерживалось в легком-желудке вакта. Второе, как нетрудно догадаться, было разительно выше первого и сдерживалось за счет поврежденного Долорес органа-детали. Такую версию выдвинул наш механик, и у нас не нашлось доводов, чтобы ее оспорить.

Затем Гуго осенила идея, что неплохо бы для полноты картины вывести, кто за нами гнался: мальчик или девочка. Впрочем, здесь хватило и беглого осмотра, чтобы понять: ни тот, ни другая. Лежащее перед нами существо было бесполом и к тому же не имело анального отверстия. И пусть последнее обстоятельство стало очевидным уже по изучении закупоренной глотки вакта, Сенатор все равно не поленился проверить, что находится у того под хвостом. Что ни говори, педантичность, достойная истинного исследователя.

– Эй, хватит ковыряться в песьей заднице! – окликнул нас Сандаварг, закончив пилить чудовищу лапу. – Идите сюда, кое-что покажу. Уверен, такое толстяку точно понравится.

И не только де Бодье, но и все мы взялись с немалым интересом рассматривать то, что скрывалось под шкурой у монстра. После такого открытия у Убби наверняка исчезло последнее недоверие к Гуго. Зато появилась масса претензий к почтенным скальдам, которых северянин так рьяно перед ним выгораживал. Если внешне ваكت походил пусть на уникальное, но вполне земное животное, то его ободранная лапа сразу выдала, кого именно он собой представляет. Или, правильнее сказать, «что именно», поскольку души у механических созданий, как учит церковь Шестой Чаши, быть попросту не может.

Как и крови, так что и здесь Сенатор оказался прав. Мы взирали на хитросплетение собранных воедино серебристых иностальных деталей, но никак не на мертвую плоть или хотя бы на имитирующий ее искусственный материал. И все эти детали, от мелких – меньше ногтя – до крупных – размером с берцовую кость человека – были совершенно уникальны. По крайней мере, сколько я ни выискивал среди них одинаковые, так и не нашел ни одной пары. А весь этот металлический винегрет до боли напоминал мне...

– Поверхность Столпа! – воскликнула Долорес, слово в слово угадав мои мысли. И немудрено. Ей тоже не составило труда обнаружить поразительное сходство между оболочкой Столпов и анатомией... виноват – механическим устройством ваكتов. – Это серебряное «мясо» выглядит точь-в-точь как покрытие башен Вседержителей!

– Только в миниатюре, – добавил Гуго, после чего счел нужным пояснить: – Мне довелось изучить вблизи не один десяток Столпов, поэтому смею вас заверить: сейчас мы смотрим на совершенно идентичное им техническое устройство. Которое, готов поспорить, работает на той же энергии, что и иссушающие Землю башни. А также все Неутомимые Трудяги, хотя насчет них я все-таки до конца не уверен.

– Ты толкуешь о Слезах Фрейи? – спросил Убби.

– Нет, мсье Сандаварг, – помотал головой Сенатор. – Вещество, которое мы зовем жидким иногазом, служит лишь одним из множества компонентов, участвующих в выработке энергии, за счет которой неустанно обновляются Столпы и функционируют механизмы пса. Слезы Фрейи – мощнейший ингибитор... еще раз пardon – замедлитель горения, способный нейтрализовать даже вулканический выброс. Поэтому сам по себе иногаз вряд ли оживит вакта и заставит вращаться маховик Неутомимого Трудяги. Инопланетная техника работает на другой подпитке. Так думаю не только я, но и большинство ученых Атлантики. Но где

расположен и, главное, как выглядит энергетический источник, наделяющий эту грудку металла жизнью, есть тайна за семью печатями. И сейчас мы с вами стоим буквально в двух шагах от грандиозного научного открытия. О, если бы у нас была уйма времени, мы могли бы разобрать вакта на части и покопаться в его внутренностях! Однако, полагаю, мсье шкипер и мсье Сандаварг не согласятся задержаться на «терке» еще на неделю. Хотя, боюсь, и ее нам вряд ли хватит...

– Верно полагаете, *mon ami*. – Похоже, из нас четверых я был один, кто не претендовал сегодня на лавры человека-легенды. Хотя нет, вру – меня эта болезнь заразила раньше всех. Вспомните: разве не мечтал я о славе первопроходца, когда вознамерился пересечь «терку», даром что пошел на это не от хорошей жизни? – В настоящий момент меня больше волнует не поиск энергетического источника, а присутствие поблизости других вактов и слишком зыбкая почва под ногами. Велика ли нам радость от того, что мы унесем наше открытие с собой на дно «терки»? Весьма сожалею, Сенатор, что лишаю вас шанса раскрыть тайну Вседержителей, но давайте сначала разберемся с нашими насущными проблемами. Могу лишь пообещать, что отмечу это место на карте и, если нам повезет дожить до лучших времен, мы непременно сюда вернемся и хорошенько выпотрошим вакта, благо его туша не подвержена гниению, да и коррозии наверняка тоже. Или вы думаете, я заинтересован в поисках этой истины меньше вашего?

– А может, нам посчастливится прикончить еще парочку псов, раз теперь они к нам равнодушны. Не расстраивайтесь, сеньор Гуго: в мире еще полным-полно этих тварей, и они рано или поздно снова до нас доберутся, – язвительно заметила лучшая в Атлантике специалистка по умерщвлению вактов.

Правда, от ее слов де Бодье не воодушевился, а, напротив, еще больше скис.

– Нет, никогда мне не привыкнуть к вашему чувству юмора, мадам Проныра, – уныло вздохнул он и, утерев взмокшее лицо платком, добавил: – Пойду-ка я лучше посижу в теньке. А то что-то совсем жарко стало, прямо не вмоготу.

Упомянув про жару, огорченный Сенатор вовсе не выдумал повод, чтобы оставить нашу компанию и побыть в одиночестве. Я тоже чувствовал, как воздух над «теркой» раскаляется все сильнее, но не придал поначалу этому значения. А зря, поскольку солнце тут было совершенно не виновато. Не успел еще Гуго вернуться на бронекат, как Убби выяснил, отчего механику вдруг стало нехорошо.

– Загрызи тебя пес! – воскликнул Сандаварг, отдернув руку от ободранной лапы вакта, когда в очередной раз попытался выломать оттуда на память деталь. – Горячая! Только потрогайте!

Я и Долорес коснулись на миг серебристой поверхности, которая до этого была холодной, как любая другая иносталь. И впрямь не на шутку нагрелась! Причем намного горячее, чем она могла бы раскалиться на солнце, будь вакт сделан из обычного земного металла.

– Все на борт! – недолго думая скомандовал я, отлично представляя себе, что случится, когда этот жар усилится еще больше. – На борт и в трюм! «Би-джи»! Убби, хватай Физза и тащи его туда же! Долорес, задраивай все отдушины! Сенатор! Буксиру – полный вперед и – бегом к нам!..

Раздав приказы, сам я бросился в рубку за Атласом – единственной ценной вещью на борту, которая могла быть полностью уничтожена черным всполохом.

Угроза «би-джи» – это вам не атака змея-колосса, а бедствие совершенно иного порядка. Не прошло и минуты, как «Гольфстрим» вновь крушил колесами «терку», а все мы, включая ящера, прятались в трюме, держась подальше от стен.

Как бы надежно ни были заделаны в них щели, всегда могла отыскаться такая, через которую сюда мог прорваться метафламм. Накрепко задраив герметичные люки на входе и отдушинах, мы все равно не могли чувствовать себя в безопасности. Черный всполох – штука крайне непредсказуемая. Все зависело от его силы. И если при самоликвидации вакта случится вспышка даже вполтину меньше той, какую мы наблюдали по выезде из Аркис-Сантьяго, нам несдобровать. Она разрушит «терку», пробив в ней глубокую воронку, из которой «Гольфстриму» будет уже не выбраться.

И это далеко не самое страшное, что нам грозило. Нити «би-джи» не пробьют бортовую иносталь, но их напор способен оказаться столь мощным, что они просто-напросто сомнут бронекат в комок. Подобная трагедия постигла однажды танкер «Король Ричард», угодивший в большой черный всполох, разразившийся по неизвестной причине неподалеку от восточной гидромагистральной. Мне довелось видеть обломки того водовоза. От него осталась лишь донельзя смятая груда столбового металла, за разборку которой согласилась бы взяться не каждая артель клепальщиков.

Мы сидели в трюме, озаренном бледно-голубым светом «священного животного», и внимательно прислушивались к тому, что творится снаружи. Все ожидали взрыв и молились, чтобы он погремел как можно позже, позволив нам убраться подальше от эпицентра. Через три минуты бронекат содрогнулся, заставив нас подскочить с ящичков, на которых мы примостились, но тревога оказалась ложной – «Гольфстрим» всего лишь угодил колесом в очередную впадину. Угодил и, хвала Авось, благополучно из нее выкарабкался. Нам оставалось только порадоваться, что

это была безобидная ямка, а не прорытая вактом нора, где мы неминуемо увязли бы по самое днище.

«Неужели пронесло?» – подумал я спустя еще пару минут, но тут Малабонита ткнула пальцем вверх и затараторила:

– Глядите, глядите! Вон там, в самом углу, где носовая распорка! Видите?

– И внизу, у поддона коробки скоростей! – встрепенулся вслед за ней Гуго, указав в сторону коробки передач.

Оба встревожились неспроста. Там, куда они показывали, действительно торчали тонкие полуметровые снопы шевелящихся черных нитей, просочившиеся из почти незаметных глазу щелей. Нити не выглядели опасными, но приближаться к ним было крайне рискованно. Они быстро исчезали, а на их месте вырастали новые, не меньше и не больше прежних.

Третий, замеченный чуть погодя, прорыв «би-джи» обнаружился на выходе из трюма; вероятно, это Убби малость перекошил люк, когда, плененный нами здесь, остервенело долбил по крышке. Торчащая из зазора между ней и горловиной, черная движущаяся бахрома выглядела зловеще и служила недвусмысленным предупреждением о том, что случится, если приоткрыть люк на ширину хотя бы пальца. Этой щели вполне хватит, чтобы метафламм заполнил собой все убежище, не оставив в нем шанса выжить даже мыши.

Да, лучшего испытания корпуса бронеката на герметичность было не придумать. И результат проверки меня вполне обнадежил. За пять лет, что миновали с последнего капитального ремонта, – всего три небольшие протечки! Надо непременно отметить эти щели мелом, дабы заделать их при первой же возможности.

За треском «терки» я не расслышал, как на буксир обрушился шквал «би-джи». Но это было скорее хорошо, нежели плохо, поскольку означало, что тело вакта воспламенилось без взрыва. Очаг аномалии накрыл большую территорию – километра три-четыре в диаметре, но сила черного всполоха была не слишком велика. Это сказалось и на глубине пробитой им воронки. Начавший проваливаться в коралловое крошево «Гольфстрим» довольно быстро встал на относительно твердый слой. Скорость буксира при этом значительно упала, но он продолжал упорно скрести колесами, подминая ими обломки разрушенных метафламмом окаменелостей.

Когда буря прекратилась и мы осмелились подняться на палубу, бронекат уже буксовал, двигаясь вперед медленнее полусонного Физза. Де Бодье сразу кинулся в моторный отсек и переключил коробку скоростей на пониженную передачу, пока

«Гольфстрим» окончательно не застрял. Мы находились на краю широкой впадины с пологими склонами, устланными рыхлым слоем мелкой крошки, которую и перемалывали наши колеса. В центре воронки еще висела уменьшающаяся на глазах черная клякса. Это таяли в воздухе остатки метафламма, взрывшего «терку» подобно тысяче бронекатов, если бы те раскатывали вокруг тела вакта все последние пять минут.

Случись с нами подобное в обычной хамаде, мы успели бы удрать из-под удара стихии. Лишь проклятая «терка» была виновата в том, что буксиру не хватило всего минуты, чтобы вырваться из зоны поражения черного всполоха. И вот я глядел на искромсанные в щепки палубный настил и резной шкиперский стол, на растерзанную обивку кресел, превращенные в локуты одеяла и тент, разбитое сигнальное зеркало и прочие уничтоженные предметы роскоши, которыми прежде я так гордился, и не знал теперь, печалиться мне или радоваться. Мы выжили и не увязли в воронке, но «Гольфстрим» претерпел такой разгром, что впору было кусать себе локти. И кто теперь, спрашивается, возместит мне понесенные убытки?

И почему я, болван, не вернулся в Аркис-Сантьяго сразу, как только увидел на горизонте тот гигантский черный всполох? Э-хе-хе... Дорогую цену пришлось заплатить Еремею Проныре Третьему за урок, научивший его понимать божественные намеки с первого раза!

– Очень надеюсь на то, что дон Балтазар тоже видел вспышку и решил, что мы погибли, – невесело заметила Долорес, вороша носком ботинка рассыпанные по всей палубе щепки.

– Теперь уже все равно, – уныло пробормотал я. – Торчат рядом с кормушкой вактов – такое же гиблое дело, как играть в догонялки с Кавалькадой. Поэтому сметаем обломки за борт и вперед – к каньону Дельгадо. Не знаю, что нас там ждет, но в нем, по крайней мере, нет этой распроклятой жары!..

Глава 9

Если рассматривать Срединный хребет в виде огромного уродливого шрама, рассекшего лик Атлантики с севера на юг, то все каньоны-«сквозняки» будут смотреться на нем глубокими поперечными порезами, нанесенными уже после того, как шрам зажил. Наиболее крупные из них наподобие Кейна, Атлантис или Зеленого Мыса достигали в ширину более десятка километров и давно служили наезженными караванными тропами и гидромагистральями. Самые узкие, как правило безымянные,

были перекрыты обвалами и интересовали разве что вингорцев – коренных обитателей Хребта, в языке коих вообще отсутствовали такие слова, как «неприступный» или «непроходимый».

Дельгадо принадлежал к тому типу «сквозняков», которые являлись достаточно широкими для того, чтобы обвалившаяся стена не смогла их полностью перегородить. Но тем не менее встретить в них путешественников было большой редкостью. Даже не застрянь поперек этого каньона древний океанский лайнер, сомневаюсь, что Дельгадо пользовался бы популярностью у караванщиков и перевозчиков. Шкиперы танкеров и сухогрузов не совались туда, где их громоздкий транспорт не имел возможности маневрировать. Это поневоле отваживало от подобных каньонов и купцов. Лишь самые отчаянные из них могли рискнуть пересечь Хребет, зная, что в пути им не встретится ни один водовоз. И это была не единственная превратность, поджидающая их в узких тысячекилометровых коридорах с высоченными стенами.

Главным здешним неудобством была не давящая на психику атмосфера гигантской могилы, а ветер. Никогда не утихающий, он дул из жаркой западной Атлантики в восточную, где всегда царил более умеренный климат. Позволяющие путешествовать буквально сквозь Хребет, «сквозняки» полностью оправдывали свое второе название. Сквозило в них действительно не на шутку. В широких каньонах тоже было ветрено, но там это не доставляло таких неудобств, как в Дельгадо и ему подобных. Ветер несясь по их глубоким желобам, натывался на осыпи, порождая сонмы вихрей, завывал в расщелинах и гнал по дну каньонов мелкие песчаные барханы. Последние не создавали проблем бронекатам, но сильно досаждали конным и верблюжьим караванам.

Страшно представить, насколько бы усложнились путешествия по «сквознякам», протянись они не с запада на восток, а с севера на юг. Солнце озаряло бы их лишь в полдень, и то ненадолго, тогда как в нашем случае оно благоволило нам в течение почти всего дня. Самыми удобными в этом плане являлись, безусловно, каньоны экваториальной Атлантики. В некоторых из них удавалось даже наблюдать восходы и закаты. При нашем нынешнем курсе солнце было заслонено от нас правым склоном Дельгадо, а его лучи достигали каньонного дна, отражаясь от левого откоса. Достигали в изрядно рассеянном виде, поэтому ночь наступала здесь на полтора часа раньше, а рассвет – примерно на столько же позже. Но поскольку «Гольфстрим» двигался по твердому, ровному пути, да еще при сильном попутном ветре, за день мы отмеривали не меньшее расстояние, чем по хамаде. А при сравнении с ездой по лабиринтам предгорий или окаменелым кораллам результат был и вовсе не в пользу последних.

Итак, наш потрепанный метафламмом бронекат пересек с грехом пополам «терку» и спустя сутки въехал в западные ворота Дельгадо. Сомневаясь поначалу в своей стратегии, я, однако, не без удовольствия признал, что она сработала. По дороге к каньону нам не попадались ни дозоры Кавалькады, ни даже ее следы, которые пристально высматривала с мачты Долорес. Либо дон Риего-и-Ордас и впрямь не стал распылять силы, сосредоточив их на самых вероятных маршрутах нашего бегства, либо существовала иная, неведомая нам причина, почему кабальеро не появились в этих краях. Так или иначе, но я не верил, что команданте считает нас мертвыми и свернул поиски.

Оставалось молиться, чтобы преследователи дали нам еще хотя бы трое суток форы. Именно за столько времени я намеревался добраться до восточных ворот «сквозняка». Неподалеку оттуда находился Столп Трех Галеонов, артелью при котором верховодил Федор Оплеуха – дюжий не по годам старик и давний друг моего покойного отца, знавший меня еще сопливым мальчишкой. Вряд ли до Оплеухи и до скрывающегося среди его людей осведомителя Владычицы дошли известия о нашей вражде с Кавалькадой. Живущие вдали от наезженных путей, обитатели того поселка узнавали новости редко – от водовозов и забредающих туда раз в полгода купцов. И уж коли кабальеро не стерегли нас у въезда в Дельгадо, на той его стороне их подавно не окажется. А значит, я был обязан заглянуть к старому приятелю и лично ввести его в курс последних событий. Тем более что это так и так нам по пути.

В молодости Оплеуха пять лет прослужил на «Гольфстриме» механиком, пока однажды не вляпался в одну неприятную историю. Как-то раз, будучи проездом в Аркис-Грандбоуле, тогда еще молодой и горячий Федор совратил дочку не абы кого, а самого первосвященника церкви Шестой Чаши Феоктиста. За что был пойман, нещадно бит и клеймен как растлитель малолетних. Хотя, по словам отца, на якобы обещанной его механиком девице самой негде было пробу ставить, а Оплеуха всего лишь имел неосторожность стать первым из ее любовников, кто не успел вовремя дать деру. Но как бы то ни было, а странствовать по Атлантике с позорными клеймами на щеках ему отныне было заказано. Он был вынужден оставить службу перевозчика и нашел пристанище в глухой, оторванной от цивилизации артели, где даже подобных Федору изгоев принимали без вопросов. Особенно если помимо тяжких грехов за душой у них имелся опыт работы с иностастью.

С той поры миновало более тридцати лет. И последние десять из них Оплеуха – самый пожилой и матерый Стервятник Столпа Трех Галеонов – занимал пост артельного старосты. Говорят, будто этот суровый старик все еще мог подтвердить,

что не зря носит свое красноречивое прозвище, и уложить любого обидчика одной затрепачкой. Правда, к старости Федор, как и все клепальщики, стал туговат на ухо, зато умудрился сохранить отменную память. Разве только все, что он рассказывал мне о своих молодецких похождениях, не являлось выдумками – воспоминаниями о том, чего никогда не происходило. Но даже в этом случае оставалось лишь подивиться живости стариковского ума, способного порождать такие замысловатые небылицы...

Изнемогая на «терке» от жары, я мечтал о ветрах Дельгадо как о живительной панацее. Однако уже через час езды по «сквозняку» пресытился вожденной прохладой настолько, что был бы вновь не прочь погреться на солнышке. Врывающийся в западные ворота каньона горячий воздух остывал в полутемном желобе быстро, и, дабы не подхватить простуду, мы достали из трюма теплые вещи. И без того малоподвижный днем Физз стал совсем сонным, как бывало с ним всегда, когда мы забирались слишком далеко на север или юг. Здесь, конечно, было не так холодно, чтобы ящер впал в анабиоз, но болтать и ползать ему уже не хотелось. Закрыв веки и игнорируя всех и вся, он продолжал лежать на крыше рубки в ожидании солнца, поскольку жизненный опыт подсказывал Физзу – оно никуда не делось и вскоре непременно вернется.

В отличие от варана, на Убби резкое похолодание оказало совершенно противоположный эффект. Проспав беспробудно почти все наше сидение на «терке», в каньоне северянин стряхнул с себя леность и даже перестал хромать. Теперь увидеть его праздно отлеживающимся было невозможно. Отдраив до блеска братьев Ярнклота и Ярнскида, он подолгу упражнялся с ними на палубе, приводя себя в прежнюю форму, слегка утраченную из-за ранения. Глядеть на то, как Сандаварг вертит пудовым ядром, было довольно занятно. Тренировочные приемы наемника значительно превосходили по сложности боевые и больше напоминали цирковые номера. Их виртуозность лишь возрастала, когда Убби отставлял щит в сторону. Без него кистень в руках краснокожего жонглера начинал и вовсе порхать, разгоняясь до умопомрачительной скорости и рисуя в воздухе устрашающего размера окружности. Гудение натянутой как струна цепи было слышно даже сквозь вой ветра, а сам летающий брат Ярнклот становился практически невидимым.

Помимо тренировок северянин также любил подолгу торчать на носу «Гольфстрима» и, скрестив руки на груди, предаваться размышлениям. Угадать его мысли по его невозмутимому лицу было нельзя. Возможно, он думал о чем-нибудь оптимистичном, а возможно, о том, что мы напрасно поверили в историю об открытом для проезда Дельгадо. Подобно мне, Убби смотрел по сторонам и не мог не заметить, что для каньона, в котором совсем недавно произошел тектонический

сдвиг, здесь слишком мало завалов. Жаль, прежде мне не доводилось бывать в этом «сквозняке», и я не мог уверенно сказать, опустилось его дно или все-таки нет.

Одно было ясно точно: если информатор Сандаварга солгал, у нас не оставалось ни малейшего шанса перебраться через Срединный хребет. На западе, где рыскала Кавалькада, наша мрачная слава давно нас опередила. И лишь на востоке, как хотелось верить, мы еще могли ее обогнать, успеть сбагрить проклятый груз нанимателям Убби и попытаться скрыться на малолюдном севере. Где я надеялся отсидеться пару-тройку лет, перебиваясь мелкими заработками у сородичей Сандаварга. Которые – можно было не сомневаться – не откажутся продавать воду и пищу моей жене – победительнице вакта – и уж тем более не выдадут ее и меня остервенелым южанам. Нас ожидали суровые времена, разве что Гуго еще мог попробовать подыскать себе новую, более прибыльную работенку. Правда, я на его месте не слишком уповал бы на то, что дон Балтазар не запомнил личность механика, служившего на бронекате отщепенца Проныры Третьего...

Впрочем, строить далеко идущие планы было еще рано. Первым делом нужно добраться до «Оазиса морей» и убедиться, что он не является больше для нас преградой. Но это случится где-то на рассвете третьих суток нашего пути по каньону. А в ближайшие два дня «Гольфстриму» предстояло двигаться по полукилометровой ширины желобу, лавируя между сорвавшихся с его склонов скал и осыпей. И все это – в полумраке и на пронизывающем ветру, дующем нам в спины. Иными словами, ничего такого, с чем бы мы не справились.

Почти как в старые добрые времена, которые закончились для нас десять дней назад. И если они когда-нибудь вернуться, то очень и очень не скоро...

Убби первым обнаружил, что, кроме нас, в каньоне есть кто-то еще. Случилось это в первый же день, сразу после ужина, когда в Дельгадо сгустилась тьма. Да такая плотная, что стало трудно разглядеть даже вытянутую вперед собственную пятерню. Лишь узкая, шириной в три пальца, полоска звездного неба над головой позволяла худо-бедно ориентироваться в кромешном мраке. Глядя на нее, я ощущал себя зажатой промеж ладоней мухой, чье будущее целиком зависело от поймавшего ее человека. Захочет он испачкать руки, чтобы раздавить мерзкое насекомое, или отпустит его на свободу? Все зависело от мимолетного каприза вершителя мушиной судьбы и его брезгливости...

По вине непрекращающегося ветра ужинать и ночевать пришлось в трюме. Там еще остались запасы кое-какой одежды, которую можно было использовать в качестве постели. Учув запах курадо, полусонный Физз немного оживился и поел, но проситься на ночную прогулку и не подумал. Сияние от него сегодня исходило

тусклое, едва брезжущее. Варан отдавал нам остатки того света, коим он зарядился еще на «терке», а восполнить энергию в сумрачном Дельгадо его фосфоресцирующая чешуя не могла. Так что завтра, по всем признакам, нас ожидал куда более неуютный отход ко сну.

Из-за преждевременной остановки я, выбитый из распорядка, не смог уснуть сразу после ужина. Мне не хотелось лежать, таращась во мрак и слушая вой ветра за бортом, и я вышел на палубу, где околачивался в одиночестве северянин.

– Я здесь! – отозвался он из темноты, когда я его окликнул. Его голос доносился с носовой палубы, и я побрел туда, спотыкаясь за головки заклепок, что раньше были скрыты под содранным метафламмом деревянным настилом. Мне хотелось поинтересоваться у Сандаварга, знаком ли он с Федором Оплеухой, однако едва я открыл рот, как Убби меня предостерег:

– Потихе, шкипер! Топашь так, что тебя, наверное, слышно аж на вершине Хребта.

– Похоже, ты что-то учуял, – предположил я, смекнув, что сам по себе мой топот вряд ли вызвал бы у северянина раздражение.

– Не только учуял, но и увидел, – уточнил Сандаварг и попросил: – Взгляни на небо, и ты тоже сможешь это заметить.

Я задрал голову и молча уставился на усеянную звездами и озаренную луной полоску неба. Вполне обычное ночное небо, только заслоненное с севера и юга гигантскими стенами каньона. Ничего на первый взгляд примечательного. И когда мое терпение готово было вот-вот иссякнуть, обрезок небосклона перечеркнула стремительная крылатая тень. А навстречу ей промчались еще две, примерно такого же размера.

Однако я лишь пожал плечами: и что тут удивительного? Это могли быть и летучие мыши, кружащие у верхушки мачты, и пронесшиеся над «сквозняком» огромные кондоры. И те и другие не представляли для нас опасность. Разве что первые изредка посасывали по ночам кровь не только у спящих лошадей, но и у их хозяев, а вторые, бывало, роняли им на головы куски помета величиной с кулак. Но все это нам сейчас явно не грозило.

Или Убби считает иначе?

– Вон оно что! Значит, ты вышел птичками полюбоваться! А я-то грешным делом подумал, будто... – равнодушно зевнув, заговорил было я, но Убби грубо меня оборвал:

– Какие птицы, загрызи тебя пес?! Ты что, ослеп и не можешь отличить кондора от вингорца?

– Почему не могу? Могу. Но лишь при свете солнца и когда они не мельтешат у меня перед глазами, – ответил я и лишь потом спохватился: – Ага, так, значит, по-твоему, это вингорцы над нами расшалились?

– А кто еще, кроме них, носит крылатые комбинезоны и способен перелетать с горы на гору? – задал северянин встречный вопрос. – Само собой, я заметил там вингорцев, а не кабальеро. А также то, что они сегодня не в меру любопытны. Такое впечатление, будто бронекат ни разу в жизни не видели. Я засек их сразу, как только поднялся на палубу, а значит, они крутятся над нами уже около получаса.

– Может, им просто нечем заняться или они хотят с нами поторговать, но пока не решаются, – заметил я. – Им ведь неизвестно, кто мы такие и зачем сунулись в непроходимый Дельгадо, да еще на бронекате.

– Ты плохо знаешь вингорцев, – хмыкнул Сандаварг. – Когда они хотят с тобой торговать, то подлетают и торгуют. А когда опасаются, можно ли тебе доверять, то улетают и больше не показываются тебе на глаза. Ну а если у них появляется свободное время, они снимают свои крылья и даже не смотрят на небо, а сидят у себя в поселках, глушат кактусидр, поют песни и режутся в кости. Тебе же, шкипер, не приходит в голову отдыхать между рейсами, раскатывая на бронекате туда-сюда по округе, верно? А у вингорца и подавно нет желания носиться от нечего делать по горам и рисковать почему зря собственной жизнью. Но если он надумал отправиться в полет, значит, будь уверен: у него появилось конкретное дело. Не обязательно важное, но такое, какое он не желает откладывать на потом.

– Уверен, эти ребята просто решили разведать, что мы тут забыли, – вновь предположил я. – Поди не каждый день в Дельгадо навещаются посторонние. Наверное, где-то поблизости есть вингорский поселок или посадочная точка, откуда нас и засекли. Или ты думаешь, это грабители? Расслабься: крылатый народ давно усвоил, что торговать иностранью, собранной у высокогорных Столпов, намного выгоднее и безопаснее, чем грабить караваны и перевозчиков.

– Возможно, – не стал спорить Убби. – И все-таки я, пожалуй, посижу до утра на палубе и понаблюдаю. Не нравится мне, когда за мной следят, а особенно по ночам. Может, это и правда всего лишь не в меру любопытная молодежь, но после истории с вактом нам надо быть готовыми к чему угодно...

Сандаварг и впрямь не сомкнул глаз до рассвета. Когда утром мы поднялись на палубу, он так и стоял, обдуваемый ветром, на носу бронеката, будто скульптура,

какие многие шкиперы приделывали себе на бутафорские форштевни, – кичливые и громоздкие украшения, что некогда были популярны среди перевозчиков. Глянув на розовеющую полосу неба, я не заметил на его фоне мельтешения крылатых силуэтов, и это меня малость успокоило. Я продолжал считать, что, опасаясь вингорцев, Убби перегибает палку, но брошенные им вчера мне в душу зерна сомнений дали-таки всходы. И отныне я не мог думать о здешних обитателях исключительно как о друзьях или, на худой конец, безразличных к нам людях.

– Исчезли, – доложил северянин, кивнув на небо. – Часа три назад. Но они еще вернуться, будь уверен. Вингорцы, как и мы, привыкли по ночам спать, а эти крутились здесь чуть ли не до утра. А один, загрызи его пес, даже не побоялся спуститься вон на тот выступ.

И наемник указал на левую стену «сквозняка» – туда, где на высоте около полусотни метров располагался скальный карниз. Неширокий, но вполне пригодный для того, чтобы на него мог приземлиться в темноте зоркий вингорец. Который, выяснив все, что ему необходимо, затем расправил крылья и вновь прыгнул в стремительный поток ветра, после чего поймал восходящее течение и воспарил к товарищам, на край каньона. Или, в противном случае, спикировал бы на палубу буксира, если бы решил напасть на Сандаварга...

Предчувствия Убби не обманули. Уже через час над нами собралось столько летунов, что я, пожелав их сосчитать, быстро сбился и бросил эту бестолковую затею. По приблизительным оценкам, преследователей было десятка два, не меньше. Они по-прежнему не снижались, а двигались зигзагами вслед за «Гольфстримом», перемахивая на крыльях с одного склона каньона на другой и обратно.

Теперь мы видели вингорцев не время от времени, как ночью, а постоянно. То, чем они занимались, меня, в принципе, не нервировало. Это была их земля, где они могли творить все, что им угодно, кроме, разумеется, откровенного беззакония. А нервировала меня непривычно большая орава слетевшихся к Дельгадо аборигенов и их странные намерения, не слишком напоминающие дружелюбные.

Цель летунов не прояснилась и к вечеру. Их стая сопровождала нас весь день без передышек, упорно игнорируя все попытки Долорес докричаться до них с марсовой площадки. С наступлением темноты, когда мы остановились на очередной ночлег, вингорцы еще немного покружили в вышине и пропали, оставив нас теряться в догадках, что сулит нам грядущая ночь. Вряд ли она выдастся спокойнее вчерашней, поэтому успевший подремать днем Убби после ужина опять заступил на охрану бронеката.

Физз, как и ожидалось, больше не радовал нас сиянием своей чешуи. Но мы еще засветло разложили продукты так, чтобы в темноте все они были под рукой. Как и оружие, с которым приходилось спать почти в обнимку. Засыпая, я утешал себя мыслью о том, что, кроме странного поведения вингорцев, все пока идет по плану и две трети каньона уже позади. И если завтрашний день будет похож на сегодняшний, послезавтра вечером мы доберемся до Столпа Трех Галеонов, где позволим себе короткую передышку. Знал дон Риго-и-Ордас о конечной цели нашего рейса или нет, но если он все еще ищет нас на востоке, мы достигнем Гексатурма раньше кабальеро. Ну а там будь что будет. Главное, успеть свалить из крепости до того, как Кавалькада появится в ее окрестностях, а налегке «Гольфстрим» носится не в пример резвее, чем доверху груженный...

Утро третьего, предположительно последнего дня нашего путешествия по Дельгадо началось вполне обнадеживающе. Преследовавшие нас вчера вингорцы, кажется, решили-таки лечь спать, как все нормальные люди. Исчезнув после заката, они больше не объявились ни ночью, ни на рассвете, когда мы тронулись в дальнейший путь. Я с тревогой поглядывал на небо, но на его светящейся полосе не промелькнула ни одна тень. Что ж, отрадно. Узнать бы еще, что означал вчерашний спектакль, ведь, по словам Сандаварга, у крылатого народа нет привычки тратить время на бесцельные полеты.

Главную местную достопримечательность – «Оазис морей» – Малабонита заметила с марса ближе к полудню и известила нас об этом дрожащим от волнения криком. А вскоре пришел и наш черед убедиться, что после всего пережитого мы еще сохранили способность удивляться. Созданная в Брошенном мире, некогда плавучая громадина производила неизгладимое впечатление. И чем ближе мы к ней подъезжали, тем все больше «Гольфстрим» напоминал мне жука, что полз к лежащему у него на пути обломку китового ребра.

Северянин нас не обманул. Действительно, лайнер был не таким, каким его описывали скитальцы, побывавшие тут пару лет назад. Что заставило его треснуть посередине – опустившееся дно «сквозняка» или иная напасть, – определить сложно, но раскололся он как нельзя удачно. Заваленные камнями, нос и корма «Оазиса морей» вросли в осыпи, а половины переломившегося надвое корпуса располагались друг к другу под углом, что и стрелки хронометра, показывающего без десяти два. Образовавшийся между ними разрыв имел форму почти равнобедренного треугольника. Его острый верхний угол находился на уровне многоэтажных палубных построек, а основанием служило каньонное дно.

И дыра эта – хвала богине Авось! – была сквозной!

Подъехав поближе, я обратил внимание, что обломки, которые должны были загромождать прореху, оказались уже кем-то убраны и растасканы так, чтобы не мешать движению ни караванов, ни бронекатов. Ветер успел наместить у западного борта судна кучи песка, но его скопилось не так много, чтобы он засыпал брешь. Единственное, в чем солгали Сандаваргу: танкер в нее явно не пролез бы. Но «Гольфстрим» мог запросто проскочить в эту дыру, не сбавляя скорости. И все же я приказал Гуго переключиться на малый ход. Просто захотелось дать себе и команде время на то, чтобы осмотреть «Оазис морей» и снаружи, и, насколько это позволял разлом, изнутри.

Даже сегодня, претерпев бесчисленные бури, разграбления и повреждения корпуса, лайнер вызывал восхищение могуществом людей Брошенного мира. В Атлантике есть несколько поселков, жители которых обустроились в кораблях, затонувших в год Всемирного Затмения. Но что это были за корабли по сравнению с нашим исполином! Опустись он в свое время на дно океана где-нибудь западнее или восточнее Хребта, ныне в «Оазисе морей» обитал бы целый город. И у тех поселенцев, кто решил бы обосноваться в лайнере-гиганте, хватило бы терпения выкопать у него под днищем котлован и выровнять судно так, чтобы в нем можно было жить с полным удобством. Что ни говори, а до слез обидно за нас – нынешних землян, лишенных даже толики тех благ, какими владели наши высокоразвитые предки...

Но что за чертовщина? Стоило нам подкатить к «Оазису морей» совсем близко, как его буквально за считанные мгновения заполонили люди. Они десятками высыпали на накренившиеся палубы из перекошенных дверей кают, выглядывали из-за бортов на носу и корме, появлялись на мостиках, трапах и балконах. Толпа невидимых доселе незнакомцев нарисовалась и в проломе, к которому мы направлялись. Они выстроились у нас на пути с явным намерением помешать нашему проезду, и их тоже было довольно много.

Мираж? Хотелось бы, конечно, чтобы это оказалось так. Но увы – все возникшие перед нами люди были настоящими, из плоти и крови. За спиной у каждого из них виднелся большой и плоский, но легкий ранец, из дна которого торчали два направленных вниз и назад иностальных штыря. Эти штыри доходили носителю ранца до голеней и соединялись между собой на концах ременной перемычкой.

Только по этим характерным ранцам мы и опознали, что на «Оазисе морей» нас встречают не кочевники, а вингорцы. Их заплечная поклажа являлась не чем иным, как раскладными крыльями. А странное приспособление под ней – опорной рамкой, на которую находящийся в воздухе летун клал ноги, дабы те не болтались и не нарушали равновесие.

Все вингорцы имели при себе длинные обоюдоострые кинжалы. Но бояться нам следовало не их, а другого, куда более смертоносного вингорского оружия. Исторически сложилось так, что врукопашную худосочные обитатели Хребта дрались плохо и в ближнем бою зачастую проигрывали даже неуклюжим купцам, размахивающим саблей, словно мухобойкой. Зато во владении всяческими метательными приспособлениями – ножами, сюрикенами, бумерангами, болас и прочими – крылатому народу нет равных во всей Атлантике. Поэтому легковооруженные вингорцы испокон веков предпочитали дистанционный бой. И никогда не ввязывались в него, если как минимум втрое не превосходили противника числом.

Поскольку в полете руки у метателей заняты, те атаковали свои цели, лишь когда приземлялись на близлежащую к ней возвышенность: склон, скалу, каменный выступ, крышу караванного фургона или мачту бронеката. После чего, сделав несколько молниеносных бросков, они перепрыгивали на другую позицию или, если это было невозможно, убегали, сложив крылья, под прикрытие скал, по которым аборигены карабкались с невероятной ловкостью и быстротой. Их женщины воевали наравне с мужчинами. А воспитанием молодежи у них занимались, как правило, старики и калеки, которые уже не могли совершать долгие перелеты по горным кручам.

Метни каждый из засевших на лайнере вингорцев по ножу или сюрикену, и на бронекат обрушился бы целый ливень смертоносной, остро заточенной стали. Однако вставшие у нас на пути хозяева гор не торопились пускать в ход оружие, хотя их поведение явно указывало на то, что они не собираются с нами торговать и взялись за старое. Зачем еще, спрашивается, настырно следить за нами два дня, а потом выводить навстречу «Гольфстриму» целую армию?

– Стоп колеса! – скомандовал я механику, вовсе не собираясь прокладывать путь по телам вингорцев. Что бы они ни замыслили, я не хотел учинять бойню, не выяснив, чем мы так переполошили аборигенов. Вполне вероятно, здесь имеет место какое-то недоразумение, которое можно урегулировать, не прибегая к насилию. Вон и летуны, кажется, думают похожим образом, а иначе они не стали бы мешкать и напали на нас еще позавчера.

Буксир остановился, не доехав до «Оазиса морей» совсем немного. Трап я, разумеется, опускать не стал. Разговаривать с вингорцами можно и так, а вздумай они захватить «Гольфстрим», то сделают это и без трапа, просто-напросто спланировав к нам на крыльях. И ладно, если захватчиков окажется десяток или полтора – столько противников Убби с нашей помощью теоретически еще уложит. Но аборигенов, что взирали на нас с палуб лайнера, было не меньше двух сотен. И

еще примерно полсотни их торчало в проломе. Более чем внушительный перевес. И без математических подсчетов ясно, чья возьмет в этом неравном бою.

Сандаварг подобрал свое оружие и потопал за мной на носовую палубу, откуда я намеревался вести переговоры с хозяевами гор. Малабонита спустилась с мачты и тоже присоединилась к нам. Лишь Сенатор остался на посту, зная, что вслед за командой «Стоп колеса!» может раздаться «Полный вперед!», и тогда очень многое – а возможно, даже все – будет зависеть от расторопности механика. Я, конечно, надеялся, что мне не придется давить вингорцев. Но если они подобно кабальеро не оставят нам выбора, я пойду на прорыв, пусть даже нам навстречу выгонят стариков и детей. Уж кому-кому, а крылатому народу хорошо известно, что в этих краях кару разбойникам назначает не суд, а тот, у кого хватит сил привести ее в исполнение.

Едва мы показали на носу «Гольфстрима», как от перегородившей проход группы отделилась и направилась к нам дюжина аборигенов. Впереди их горделиво вышагивал морщинистый сухопарый старец с растрепанными седыми волосами, стянутыми золотым обручем со множеством драгоценных камней.

Я сразу узнал эту диковинную побрякушку, за обладание которой люди Брошенного мира могли перегрызть друг другу глотки, а в нашем за нее не дали бы и пригоршни монет. Подобного барахла было полно у Федора Оплеухи, нашедшего однажды неподалеку от своего поселка три галеона с золотом, в честь которых и был впоследствии назван его Столп. Федор раздарил падким на все блестящее вингорцам половину своих бесполезных сокровищ, но еще ни разу не слышал, чтобы хоть один из них погиб от статического электроразряда. Вот и седовласый вождь летунов не боялся носить опасное украшение, способное снести ему голову метафламмом от одной случайной искры. При этом старик вовсе не походил на безрассудного глупца. Видимо, таким образом он выказывал свое презрение к смерти, свойственное детям гор не меньше, чем воинственным северянам.

– Загрызи меня пес, если это не сам Шомбудаг – глава совета вингорских кланов! – ошарашенно присвистнул Убби, узнав идущего к нам со свитой старца. – А рядом с ним – вы только гляньте! – почти половина того самого совета! Двинь мне кулаком в ухо, шкипер, если ты думаешь, что эта встреча случайная!

Я, само собой, так не думал. Но если бы и думал, лупить Сандаварга по ушам и другим частям тела не дерзнул бы, даже умоляй он меня об этом, стоя на коленях. Про совет вингорских кланов мне было известно очень мало, и именами его членов я отродясь не интересовался. Но взглянув на взбудораженного Убби, сразу сообразил: парни, желающие иметь с нами беседу, достаивают такой чести не каждого, кто совался в каньон Дельгадо.

Вот только хороший это знак или дурной? Один мудрец эпохи Чистого Пламени с диковинным именем Эзоп однажды изрек: с власть имущими надо вести себя как с огнем – держаться от них на таком расстоянии, чтобы ненароком не сгореть и в то же время не замерзнуть. Эта стратегия, которой я по мере сил следовал всю жизнь, до недавних пор верой и правдой меня выручала. И то, что сегодня злой рок свел нас не абы с кем, а с самими властителями этих гор, вряд ли могло мне понравиться.

Шомбудаг и его сопровождающие подошли к «Гольфстриму» без опаски и остановились так близко, что я мог бы при желании не целясь продырять их из баллестирады. Мне даже стало неловко от того, что я взираю на вингорских вождей сверху вниз. Их, уверен, это тоже сильно раздражало. И тем не менее тон, которым заговорил с нами носитель опасного украшения, оказался на диво дружелюбным, чтобы не сказать заискивающим.

– Премного известный шкипер Проныра, славный воитель Сандаварг и прочие, кто находится внутри этой железной машины! – обратился к нам старец, как выяснилось отлично знающий, с кем имеет дело. Я также отметил, что таких хитрющих глаз, как у него, не было даже у моей второй жены – самой известной интриганки во всем Аркис-Грандбоуле. – Меня зовут Шомбудаг Светлогривый Грифон, и я уполномочен говорить с вами от имени совета наших кланов. Слушайте меня внимательно и не перебивайте! Разговор у нас будет серьезный, а выбор, который вам предстоит затем совершить, станет для вас воистину судьбоносным...

– Нашел, чем удивить! – пробормотала под нос Малабонита. – Да у нас в последнюю неделю по пять выборов на дню бывает. Считаю, каждую сотню километров выбираем, во что нырять: в дерьмо или в помой!

Я бросил на ворчунью недовольный взгляд, и она примолкла. А Светлогривый Грифон как ни в чем не бывало продолжал:

– ...Прежде всего позвольте уточнить, что лично против вас мы ничего не имеем. И более того, наслышаны о вас как о достойных представителях Бескрылого народа, с которым мы с давних пор живем в нерушимой дружбе. Однако непростое положение, в которое мы были поставлены три дня назад, вынуждает нас вмешаться в дела Бескрылых и пренебречь нашими принципами ради блага и процветания всех вингорцев. Я искренне сожалею, что в ниспосланном нам Солнцем испытании вам пришлось стать нашими врагами. Сожалею и прошу у вас за это прощения.

Шомбудаг склонил голову и обреченно развел руками, подчеркивая, насколько он ощущает себя виноватым. Наверное, я должен был чувствовать себя польщенным. Вот только произнесенное главой совета слово «враги» вмиг вызвало у меня неприязнь к этому велеречивому старикану. «Кончай разглагольствовать! Давай

ближе к делу!» – так и хотелось выкрикнуть мне. Но армия готовых к бою летунов одним своим видом остужала мое нетерпение.

– Не всем Бескрылым известно, что нынешний год для вингорцев – особый, – выдержав драматическую паузу, вновь заговорил седовласый. – Через десять месяцев исполнится сто лет со дня, как наш великий пророк Наранир Серебряный Луч отправился в свой полет к Солнцу, дабы выпросить у него прощение грехов для своего народа. Этот знаменательный для нас год – год полного очищения и покаяния. Мы освящаем воду солнечным светом и каждый день моем ею свои жилища, моемся сами и купаем в ней наших детей. Для этого нам нужно много воды. Очень много. Многократно больше, чем мы тратим в обычное время. Но, хвала Солнцу, Владычица Льдов согласилась нам в этом помочь и сделать так, чтобы до конца года наши бассейны стояли наполненными до краев. И за это – можете в такое поверить? – мы не должны ей ни грамма иностали! Воистину, более щедрого подарка на столетие вознесения Серебряного Луча вингорцам преподнести просто нельзя!..

– Так-так, – вновь подала голос Долорес. – Кажется, я начинаю понимать, какую сделку заключил команданте с вингорцами. Двинь мне по уху, Убби, если они не потребуют выдать им наши контейнеры!..

Ее догадка подтвердилась буквально сей же момент.

– ...Единственное условие, какое поставил нам почтенный дон Риего-и-Ордас в обмен на бесплатную воду, было таким: он обязал нас следить за всеми каньонами, и, как только в каком-либо из них объявится железная машина по имени «Гольфстрим», немедленно ее перехватить, – признался Шомбудаг, вновь перейдя на извиняющийся тон. – А его экипаж, да простите мне мою прямоту, подвергнуть самой мучительной казни, какая только существует у вингорцев...

– А ну попробуйте сделать это, псовое племя! – взорвался Сандаварг, громыхнув в ярости о щит намотанной на запястье цепью кистеня. – Попробуйте и узнайте, кто здесь на самом деле палач, а кто – жертвы! Хэйл, Эйнар, Бьорн и Родериг!..

Облепившие лайнер летуны в едином порыве встрепенулись, а в руке каждого из них засверкало оружие. Однако Шомбудаг вскинул ладонь вверх и вмиг унял прокатившуюся по войску волну негодования. Ни один нож или сюрикен не полетел в нашу сторону, как, впрочем, и в ножны тоже не вернулся.

– Прошу тебя, воин, поумерь свой пыл и дай мне договорить! – потребовал Светлогривый Грифон. Перекричать ревущего северянина было сложно, но главе совета это каким-то чудом удалось. Убби с явной неохотой примолк, и вингорец

продолжил: – Прежде чем кидаться в бой, задумайся, почему вместо того, чтобы просто вас убить, я стою здесь и рассказываю вам о наших позавчерашних переговорах с доном Риго-и-Ордасом.

– И почему же? – набычившись, полюбопытствовал северянин.

– Все очень просто, – ответил глава совета кланов. – Мы не собираемся вас убивать. Да, нам очень нужна вода. Но заполучать ее ценою чьей-то крови – грех, который нам не смыть ни до конца священного года, ни через сто лет. Мы заберем вашу железную машину и то, что она везет, а вас отпустим. Вы можете взять с собой столько вещей, продуктов и оружия, сколько унесете, и идите, куда пожелаете. Все, кроме одного из вас. Того, кто умеет управлять машиной, потому что нам эта наука, к сожалению, неведома. Таковы наши условия, и вам придется на них согласиться. В противном же случае, если вы не оставите нам выбора...

Светлогривый Грифон вновь поднял руку и звонко щелкнул пальцами. В тот же миг нам в глаза сверкнули десятки солнечных бликов, а унылый вой ветра прорезал зловещий свист. Или, точнее, множество звучащих на все лады свистов, слившихся в один стремительно нарастающий гул.

Из нас троих лишь Убби успел смекнуть, что происходит. Шагнув вперед, он быстро воздел над головой щит и заслонил им не только себя, но также меня и Долорес. А еще через мгновение на «Гольфстрим» обрушился иностальной дождь, каждая «капля» которого могла с легкостью прикончить человека. Ножи, сюрикены и прочая остроконечная дрянь со звяканьем раскатилась по палубе, но ни один снаряд вингорцев не задел брата Ярнскида.

Последнее свидетельствовало вовсе не о повальном косоглазии метателей, а, наоборот, об их исключительном глазомере. Шомбудаг приказал своим воинам не убить нас, а всего лишь продемонстрировал, чего мы избежали благодаря его безграничному великодушию. А также то, что могло нас вскорости ожидать, если мы отклоним ультиматум вингорцев.

Что ж, впечатляет... Я смотрел на рассыпанный под ногами столповой металл и усиленно раздумывал над словами Светлогривого Грифона. Счесть его предложение по-настоящему великодушным мог лишь полный идиот, но никак не Еремей Проньра Третий. О чем я без обиняков и заявил вингорцу, когда Убби выпустил нас из-под щита:

– Прошу, мистер Шомбудаг, не обижайтесь, но больно уж двоякое у вас милосердие. Вы даруете нам жизнь, но при этом бросаете посреди безлюдного каньона, без карты, за сотни километров от ближайшего поселка да еще с

минимальным запасом воды и пищи. Возможно, у вас это и впрямь считается великодушием, но у Бескрылых подобный поступок ничем не отличается от убийства. На таких условиях еще можно выжить в хамаде, но не в предгорьях, а уж тем более – в «сквозняке», по которому не проложена караванная тропа. Мы – не вингорцы, мистер Шомбудаг! Скалы Хребта убьют нас столь же быстро, как вас – холодные земли по ту сторону каньона Чарли Гиббса. И если вы действительно не желаете нашей смерти, позвольте нам добраться под вашей охраной хотя бы до окрестностей Столпа Трех Галеонов. Ну а потом я отгоню бронекат туда, куда вы прикажете. Даю слово.

– Нет, не позволю, – не задумавшись ни на секунду, помотал головой старец. – Решение совета кланов, которое я до вас довел, окончательное и больше не обсуждается. Последнее одолжение, на какое мы готовы пойти, это дать вам срок, чтобы вы обдумали наши условия. Полагаю, пятнадцати минут на это вам хватит...

Глава 10

Времени нам выделили мало, но вполне достаточно для того, чтобы предпочесть отсроченную смерть сиюминутной. Однако почти две трети этого срока мы не обсуждали нашу участь, а настойчиво убеждали Сандаварга, что час его последней битвы еще не пришел. Задача эта была нелегкая, но все же посильная. Сам факт, что Убби взялся с нами спорить, а не ринулся, осерчав, в бой, говорил, что северянину претило погибать там, где о его славной смерти никто никогда не узнает. Чувство долга отчаянно боролось в наемнике со здравым смыслом, и мне пришлось изрядно попотеть, чтобы притупить первое и докричаться до второго.

– Не ори, а послушай меня внимательно! – упрямо талдычил я, пропуская мимо ушей очередные обвинения в трусости и утрате достоинства, какими швырял в меня Сандаварг. – Издохнуть здесь и сейчас – это не геройство, а несусветная глупость и самый легкий выход из положения. Если мы погибнем, то так или иначе потеряем все. И в чем смысл такого самопожертвования, скажи на милость? Но если мы выживем, нам еще представится случай отвоевать то, чего нас лишили. Ты и я окажемся в одинаковом положении: у тебя отобрали контейнеры, у меня – «Гольфстрим». И я, загрызи тебя пес, не намерен уступать его без борьбы никому в Атлантике! Однако бороться, будучи мертвым, я не умею. Так же как и ты, готов поспорить. Элементарная логика, не находишь? И тем не менее тебе почему-то не терпится расстаться с жизнью и вот так, запросто, отдать дону Балтазару контейнеры Макферсона. Одумайся, северянин, ведь, кидаясь в драку, ты

противоречишь сам себе! Я же предлагаю тебе уступить врагу всего лишь пару позиций, зато остаться в игре, а не вылететь из нее без единого шанса на реванш. Ну что, доходит до тебя или еще понятнее разжевать?

Медленно, со скрипом, но все-таки дошло! Чему, похоже, обрадовался не только я, но и сам краснокожий упрямец, сразу начавший рассуждать трезво и по существу.

– Шомбудаг сказал, что ты останешься на бронекате и погонишь его, куда прикажут вингорцы, – напомнил Убби после того, как пожал мне руку в знак примирения. – Разумеется, они не разрешат тебе оставить нам Атлас. Но каким образом мы преодолеем каньон и восточные предгорья вслепую и без воды? Отсюда до Столпа Трех Галеонов почти полтысячи километров, и то если идти по карте самым прямым путем. Но соваться без Атласа в отроги Хребта – самоубийство. Это в хамаде я могу ориентироваться по звездам, а какой прок от них в скальном лабиринте, где три из четырех ущелий заканчиваются тупиками?

– Да, времени мало, а вопросов слишком много, поэтому придется обсудить лишь самые главные, – ответил я. – Во-первых, на бронекате останусь не я, а мсье де Бодье. Именно так, а не иначе... Не спорьте, *mon ami* ! Вы же прекрасно понимаете, что с вашими больными коленями вам не добраться пешком даже до конца каньона, не говоря о предгорьях. Ничего страшного, поедете на малой скорости, а где не сможете сориентироваться по карте, отправите в дозор вингорцев. Не думаю, что, прибыв на место, они сдадут вас дону Балтазару, ведь он моментально пустит вам кровь, а Шомбудаг не желает стать виновником ее пролития. Скорее всего, вы тоже окажетесь высаженным где-нибудь посреди хамады. Но на востоке вам будет гораздо проще выжить и добраться до какого-нибудь поселка или караванного пути. Ну а мы все-таки попытаемся дотянуть до Столпа Трех Галеонов. А пока ты, Долорес, будешь вместе с Гуго собирать вещи, я попробую скопировать из Атласа в блокнот несколько карт, чтобы иметь хотя бы примерное представление, куда нам идти. Вот такая стратегия. Помимо мсье Сенатора еще возражающие есть?

– Есть, – неожиданно заявила Малабонита. Я уставился на нее в недоумении: а ей-то что может прийтись не по нраву? Никаких поблажек она от меня не получила. И вообще неприхотливая и выносливая, словно антилопа, Малабонита была вторая после северянина, у кого имелся шанс добраться до поселка Федора Оплеухи. Я же, как любой перевозчик, мог сутки напролет вращать штурвал, читать карты и балансировать на шаткой палубе, но сильно сомневался, что выдержу многодневный пеший поход, да еще с ограниченным запасом воды.

Вместо того чтобы объяснить, чем она недовольна, Долорес достала из кармана платок, оторвала от него половину и подбросила ту вверх. Мы в молчании

наблюдали за странными действиями Малабониты и проводили глазами обрывок, который моментально был подхвачен ветром и помчался к «Оазису морей». Однако вскоре полет лоскута круто изменился. Не достигнув лайнера, тряпица резко взмыла ввысь и, стремительно уменьшаясь, понеслась в небеса. Где и скрылась спустя считанные секунды. А Долорес, удовлетворенно хмыкнув, спрятала испорченный платок назад в карман и уверенно заключила:

– Возможно, не все так плохо, как кажется, *Mio Sol*. Вспомни, что говорили моряки эпохи Чистого Пламени: грешно отчаиваться, пока дует попутный ветер.

– У тебя осталась всего пара минут, чтобы объяснить, что означают эти игры с тряпками, – поторопил я ее.

– Успею, – пообещала Малабонита. – Только очень прошу: давай обойдемся без ругани и отговоров. Вряд ли тебе понравится, о чем я сейчас скажу, но будь уверен: на самом деле это не так опасно, как может показаться со стороны. По крайней мере, не намного рискованнее твоего плана. Зато, если мне повезет, нам не придется умирать от жажды в предгорьях, ручаюсь...

А если Долорес не повезет, я и алькальд Сесар никогда и не узнаем, где покоятся ее бренные косточки... Но как бы ни протестовал я против ее затеи, целеустремленность Малабониты поборолла половину моих сомнений. С теми же, которые побороть не удалось, пришлось попросту смириться. Я отпускал Долорес с тяжелым грузом на сердце, которое и без того разрывалось от утраты «Гольфстрима» и беспокойства за судьбу Гуго де Бодье. Пускай на его долю выпадали не такие суровые испытания, как наши, даже они могли стать непреодолимыми для никогда не скитавшегося в одиночку по хамаде аристократа.

Взошедший на «Гольфстрим» со своей свитой, Светлогривый Грифон не сказал ни слова против, когда я взялся перерисовывать на скорую руку в блокнот карты восточных предгорий. Не стал он возражать и насчет выбранной нами кандидатуры нового шкипера. Шомбудаг заверил нас, что если Гуго будет вести себя покладисто и не попытается сбежать, вингорцы непременно отпустят его еще до их встречи с доном Балтазаром.

Не знаю, как Сенатор, а лично я им поверил. Пока что они держали данное нам обещание. Заполонившие буксир захватчики вели себя на нем как хозяева и бесцеремонно совали повсюду свои носы, но никто не мешал Долорес и Убби паковать вещи. Также никто не отбирал у нас оружие, даже несмотря на то, что на борту присутствовал глава совета вингорских кланов, а северянин косился на него с откровенной злобой. Нам лишь настоятельно велели поторапливаться, да и то без угроз и понуканий. И вообще наше изгнание протекало на удивление спокойно. Так,

будто это был вовсе не грабеж, а мирная передача проданного бронеката покупателям.

Вингорцев позабавило, когда Сандаварг приторочил ремнями к спине Физза десятилитровую канистру с водой и тот, вертя хвостом, потащил ее по трапу на землю. Перед тем как заставить священное животное сделать это, Убби потолковал с ним на забытом языке Пламени и, надо полагать, примирил варана с нашей общей судьбиной.

Бросать его на буксире я не намеревался, даже пообещай Гуго позаботиться о нем. Физз был полноправным членом семьи Проныр, поэтому ему предстояло и дальше делить тяготы со мной, а не с будущим шкипером «Гольфстрима». Возможно, с моей стороны такое отношение к старому товарищу выглядело эгоистичным, но ведь никто и никогда не удерживал его в нашей команде силком. Вот и сейчас, узнав от Убби горькую правду, варан безропотно принял ее и, покинув крышу рубки, подставил свою чешуйчатую спину под тяжелую канистру.

Поскольку нам позволили взять лишь столько вещей, сколько мы унесем, сборы продлились недолго. Правда, вингорцы были слегка озадачены, когда увидели, что Сандаварг не пожелал расстаться со своим увесистым арсеналом, а Долорес взвалила на плечи большой рюкзак, наполненный непонятно чем, но точно не водой и продуктами.

– Это – палатка! – недовольно буркнула Малабонита, когда несколько любопытных вингорцев стали придирчиво ощупывать ее поклажу. – Не ночевать же нам в каньоне на таком ветру? Может, для вас это и не проблема, но мы – Бескрылые – привыкли спать в комфорте. Тем более когда нас заставляют топтать пешком через половину Атлантики!

Захватчики презрительно скривились и оставили Долорес в покое. Задавать вопросы Убби они уже не стали. Всем было хорошо известно о привязанности северян к своему оружию и их убеждению, будто бы оно, подобно людям, также обладает душой. Да и мы не обиделись на Сандаварга за то, что вместо кистеня и щита он не взял равное им по весу количество воды. Во-первых, мы и так прихватили с собой все три имеющиеся на борту переносные канистры. А во-вторых, помимо Ярнклота и Ярнскида, наемник нес на себе столько поклажи, сколько я, Долорес и Физз, вместе взятые. Нес и при этом шагал куда бодрее нас, хотя не далее как неделю назад был ранен в задницу гвардейской шпагой.

Впрочем, никуда мы пока не шли, а лишь спустились с трапа и встали возле «Гольфстрима», ожидая, когда он снова тронется в путь. На сей раз без нас и неизвестно, в каком направлении. Наверное, я выглядел сейчас воистину жалко,

потому что когда Убби смотрел на меня, даже в его суровом взоре прослеживалось сострадание. А Долорес и вовсе стояла, понутив голову и угрюмо сопя, словно присутствовала на погребении кого-то из близких родственников.

Не менее мрачный и подавленный Гуго сошел с буксира, чтобы проводить нас и попрощаться. Заполонившие палубу вингорцы молча наблюдали за нами и всем своим видом давали понять, что мы начинаем испытывать их терпение. Опасаясь вызвать их гнев, де Бодье торопливо обнял каждого изгнанника, включая и Сандаварга, которого, возможно, лишь теперь перестал побаиваться. Не забыл он и про Физза, погладив того по голове. Покончив с этим, подневольный шкипер растерянно развел руками и виновато молвил:

– Что ж... Очень надеюсь, скоро свидимся... С каждым из вас... Спасибо вам, мсье Проныра, за доверие, какое вы мне всегда оказывали. До самой смерти не забуду вашу беспредельную доброту. Не волнуйтесь: я присмотрю за «Гольфстримом» до тех пор, пока эти мерзкие типы не перестанут во мне нуждаться. А когда это случится, обещаю, что, если выживу, первым же делом доберусь до Столпа Трех Галеонов и проведу, что с вами случилось. И если вы вдруг там не задержитесь, то не забудьте оставить весточку, где я смогу вас потом отыскать... В общем, прощайте, и да не оставит вас удача. А особенно вас, мадам Проныра, чьей отвагой я не перестаю восхищаться!

– И вас, *mon ami*. Вам удача понадобится не меньше, чем нам, – ответил я за всех изгнанников и, покосившись на хмурого Шомбудага, вполголоса добавил: – И не рискуйте понапрасну. Как только представится выгодный шанс – сразу же бегите. Для полетов по равнинам крылья вингорцев слишком слабы, а бегать по земле эти ребята ненавидят еще больше нас с вами. Надо лишь оторваться от них хотя бы на пару километров, и можете считать, что они вас уже не настигнут... Ну все, возвращайтесь на борт, а то Грифон того и гляди разозлится!..

Раньше мне и в кошмарных снах не снилось, что настанет день, когда я буду стоять и смотреть вслед своему уезжающему бронекату, который, судя по всему, мне никогда не увидит вновь. Я рассуждал просто: даже если однажды кому-то повезет его захватить, это случится лишь через мой труп. А он, будучи выброшенным за борт, уже не сможет наблюдать, как «Гольфстрим» под командованием шкипера-самозванца удаляется прочь.

Святая наивность! В который раз жизнь заставила меня убедиться, насколько мои представления о ней однобоки и смехотворны.

Гуго переключил коробку скоростей на малый ход и поспешил к штурвалу, пока буксир не врезался в борт лайнера. Прежде чем «Гольфстрим» въехал в пролом,

Сенатор обернулся и помахал нам напоследок рукой, повергнув меня в еще большую тоску, беспросветную, как здешние ночи. Вмиг обессилев, я уселся на песок и пригорюнился. Убби и Долорес не придумали ничего лучше, как последовать моему примеру, и расположились рядом. Все угрюмо помалкивали, поскольку говорить нам было совершенно не о чем. Лишь водонос Физз изредка разевал пасть, явно порываясь что-то сказать, но потом передумывал и тактично оставлял свои замечания при себе.

Так мы и сидели, не проронив ни слова и наблюдая, как бронекат преодолевает преграду и постепенно растворяется в желтой пыли, что без усталости гнал по каньону ветер. Шомбудаг и его свита остались на буксире – видимо, им и предстояло конвоировать «Гольфстрим» к месту их встречи с доном Риго-и-Ордасом. Вингорская же армия двинула на восток своим ходом. Взобравшись на самые высокие части «Оазиса морей», летуны расправили крылья и один за другим бесстрашно попрыгали в ветряной поток. Который, как мы определили с помощью того лоскута, натыкался на корабль и трамплином восходил в небо, чем здорово облегчал вингорцам взлет. Две их крылатые стаи, стартовавшие с носа и кормы, лихо взмыли в воздух и, слившись в одну, последовали за бронекатом, перелетая, как и вчера, с одного каньонного склона на другой.

Я вконец приуныл: удрать от такой своры Гуго мог, только превратившись в невидимку. Впрочем, рановато еще ему думать о бегстве. Оно станет возможно, когда «Гольфстрим» покинет предгорья, а к тому времени надзирателей вокруг него значительно поубавится. Вингорская армия не сунется на равнины, где от ее крыльев не будет никакого толку. Там Сенатору придется иметь дело лишь с теми захватчиками, какие останутся на борту буксира. Не сказать, чтобы это облегчало ему задачу, но тем не менее...

– Отлично! – проговорила Долорес, нарушая наше затянувшееся молчание. Взор ее был устремлен на взлетающих с «Оазиса морей» аборигенов. И глаза Малабониты, прежде потухшие, вновь заискрились оптимизмом. – Эти болваны и не подозревают, какую услугу они мне оказали! Я уже отсюда прекрасно вижу, где в восходящем потоке самое мощное течение. А без вингорцев мне пришлось бы весь корабль облазить, чтобы это выяснить.

– И откуда ты планируешь прыгнуть? – поинтересовался я.

– С кормы, – заключила Моя Радость. – Ты только глянь: тем вингорцам, которые взлетают с носа, приходится так или иначе отклоняться к северной стене. Возле южной поток быстро слабеет и теряет половину своей подъемной силы, потому что его тормозят завихрения, что возникают вон из-за того большого скального выступа.

С другой же стороны восходящее течение уверенное настолько, что оно выносит вингорцев аж на самый верх склона. Причем – обрати-ка внимание! – они приземляются на его край не сразу, а лишь заложив крутой вираж. Как думаешь, почему?

– Издеваешься? Откуда мне знать? – кисло усмехнулся я. – Я ведь уже говорил тебе, что летал на крыльях лишь в детстве, да и то во сне.

– Вираж нужен летунам для того, чтобы сбросить скорость перед посадкой, – просветила меня Долорес. – А это означает, что течение, которое выносит их наверх, на той высоте еще не утрачивает силу. Теперь смекаешь, что к чему?

– А, ну да, все ясно! – подал голос Убби. – Если дующий в небо ветер не иссякнет, стало быть, он вынесет женщину-шкипера из каньона и поднимет ее на такую высоту, где ей никакие вингорцы будут не страшны.

– Видишь, как все просто. Даже краснокожий, и тот сообразил, а тебе все по кусочкам разжевывать надо, – укоризненно заметила Малабонита, кивнув на Сандаварга.

– Нет у меня сейчас настроения загадки отгадывать, – проворчал я. – И как ты ни старайся, я твою затею все равно не одобряю. Твой отец взял с меня клятву приглядывать за тобой и наказал, чтобы я не позволял тебе слишком часто расчехлять дельтаплан. Вот увидишь: ничем хорошим твои игры не закончатся. А сегодня это даже и не игра, а натуральное безумство. До Столпа Трех Галеонов почти пятьсот километров по прямой! И ты хочешь пролететь это расстояние на своих легоньких тряпичных крылышках?

– Опять ты за свое! Ну мы же вроде бы закрыли эту тему, разве нет? – Долорес всплеснула руками и, поднявшись с земли, раздраженно заходила взад-вперед. – И когда ты наконец уяснишь, что есть на свете вещи, в которых я разбираюсь намного лучше тебя! Да, мне не доводилось раньше совершать такие длинные перелеты, и что с того? Для меня вон управление твоей железной машиной тоже кажется ужасно рискованным и сложным. Но ведь и ты однажды вышел на бронекате в свой первый самостоятельный рейс! И тоже наверняка боялся, что не довезешь доверенный тебе груз до места назначения...

– Пожалуйста, не наступай на больную мозоль, – попросил я, с тоской глядя на еще не заметенные ветром следы «Гольфстрима».

– Прости, это был неудачный пример, – спохватилась Долорес, но оставлять затронутую мной тему и не подумала: – Ладно, давай рассуждать здраво. Для начала

усвой раз и навсегда: это у вингорцев – жалкие крылышки, а у меня – один из лучших дельтапланов в Атлантике, который мой отец сумел мне раздобыть...

– Ага, я в курсе. Сеньор Сесар при каждой нашей встрече напоминает мне об этом и укоряет себя за содеянную тогда глупость, – пробормотал я.

– ...Да вингорские «прыгунки» по сравнению с моим летательным аппаратом выглядят просто смешно! – Малабонита не обратила на мое брюзжание никакого внимания. – Все, на что способны вингорцы, это лишь сигать с горы на гору, не поднимаясь при этом слишком высоко. Они боятся, как бы первый же ураганный порыв ветра не изорвал их легкие крылья в клочья. А у моих размах и прочность таковы, что я могу летать и выше, и быстрее, и, главное, дальше любого здешнего аборигена. Пускай над предгорьями не дуют сильные ветры, зато там солнце отлично нагревает скалы, и теплый воздух не позволит мне потерять высоту. Ну а если вдруг я захочу сесть, то опущусь на вершину какой-нибудь гряды, с которой потом смогу стартовать и продолжить полет. И никакие, даже самые запутанные лабиринты не собьют меня с курса. Да ты только представь: в идеале уже через восемь-девять часов я могу быть у сеньора Оплеухи!..

– В идеале я должен был стоять сейчас на своем мостике, вращать штурвал и радоваться, что завтра снова буду греться на солнышке, – вздохнул я и чуть погодя добавил: – Согласен, пора бы и правда прекратить эти бессмысленные пререкания. Все равно ничего путного из них не выйдет. Ты убедишь меня в своей правоте, лишь когда сделаешь то, что задумала. И я буду каждый час молиться твоему Фиделю Гаванскому и своей Авось, чтобы они объединили усилия и помогли тебе выиграть наш спор. Однако у тебя еще есть время поразмыслить, не переоцениваешь ли ты свои силы. А сейчас пойдем придумаем способ, как нам забраться на этот проклятый корабль. Да и каюту для ночлега нелишне подыскать, пока не стемнело, а то теперь наш Физз только канистры таскать и горазд...

Мы не планировали отправлять Долорес в полет сегодня, ибо понятия не имели, сколько времени займет у нас подъем на корму лайнера. Вдобавок следовало дать «Гольфстриму» хорошую фору – затем, чтобы армия Шомбудага убралась подальше и не заметила парящий в небе дельтаплан. По этой же причине Малабонита не хотела лететь над «сквозняком», используя его в качестве ориентира. Она собиралась сразу взять курс на юго-восток, к Столпу Трех Галеонов, дабы с каждой минутой все больше отдаляться от Дельгадо и вероломных вингорцев.

Задняя отколовшаяся часть «Оазиса морей» была заметно длиннее передней. Чтобы добраться до задранной вверх кормы, нам нужно было карабкаться по накренившимся палубам около двухсот метров. Угол их наклона к каньонному дну

составлял градусов сорок. Плюс к этому у судна имелся поперечный крен на правый борт – не такой крутой, как продольный, но тоже причинивший нам массу неудобств.

Войдя в пролом по следам буксира, мы задрали головы вверх и с ужасом обнаружили над собой множество свисающих отовсюду обломков. После чего поспешили в ближайшее трюмное помещение, пока какая-нибудь болтающаяся на честном слове балка не рухнула на нас с верхотуры.

Следующие два с лишним часа мы потратили на то, чтобы отыскать дорогу из машинного отделения – именно туда мы первым делом сунулись – на главную палубу лайнера. Задача эта оказалась под стать мудреной пространственной головоломке. Вместо ожидаемой познавательной экскурсии мы истрепали себе все нервы, блуждая по гулким темным недрам стального реликта. Перекошенные лестницы зловеще скрипели у нас под ногами, а проржавелые поручни, за которые приходилось хвататься на каждом шагу, шатались и дребезжали, того и гляди норовя оторваться. Подошвы предательски скользили по наклонным полам, делая ходьбу по ним сродни пытке. Часто коридоры, по которым мы карабкались, заканчивались тупиками, поскольку многие двери оказывались либо заклинившими, либо открытыми, но загроможденными горами хлама.

Поначалу мы старались не соваться в глубь трюмного пространства и держались поближе к бортам. В нижней части судна – той, что прежде скрывала вода, – иллюминаторы отсутствовали. Зато в ней было полно дыр, пропускающих внутрь лайнерной утробы крохи дневного света. Однако завалы и неприступные двери не позволили нам следовать этим наиболее простым маршрутом. Наш путь пролегал не строго вдоль борта, а являл собой хаотичное перемещение практически во всех направлениях. Порой даже в тех, что уводили нас в противоположную сторону. Часто приходилось и вовсе идти на ощупь, рискуя сорваться с лестниц или провалиться в открытые палубные люки. А день неумолимо клонился к закату, угрожая вскоре оставить нас во мраке без единственного ориентира – пробивающихся в трюм тут и там солнечных лучей.

И вот, когда уже я начал опасаться, что мы заблудились и ходим по кругу, над нашими головами забрезжил свет. Настолько бледный, что, увидев его, я даже не зажмурился, хотя мы проплутали в темноте довольно долго. Зато света было по-настоящему много. Вдобавок его источник имел правильную геометрическую форму, поскольку представлял собой конец коридора, куда минуту назад вывел нас Убби.

Хвала Авось! Еще бы чуть-чуть, и мы ни за что не отыскали бы отсюда выход в окутавшем Дельгадо сумраке.

Преодолев очередной, неведь какой по счету подъем, мы оказались там, куда и стремились, – на главной палубе. Точнее, внутри ее уникальной центральной части, о наличии которой никто из нас даже не подозревал. А все потому, что ее нельзя было обнаружить, взирая на «Оазис морей» со дна каньона. Огороженная со всех сторон, кроме кормы, палубными надстройками, она являлась чем-то вроде внутреннего двора или бульвара, где в свое время прогуливались пассажиры лайнера. Разгромленные витрины и странные, давно выцветшие вывески указывали, что когда-то здесь было множество магазинов, без коих не может обойтись ни один город, в том числе плавучий. Все неразбитые стекла и прочие нужные в хозяйстве материалы давным-давно растащили мародеры, оставившие после себя голые стены, лишенные перил балконы и зияющие дверные и оконные проемы.

Мне попался на глаза чудом сохранившийся обрывок рекламного плаката, на котором был изображен этот же бульвар, но в свои лучшие годы. Глянув на картинку, я по ошибке подумал, что на ней запечатлена... главная площадь Аркис-Грандбоула! Однако присмотревшись повнимательнее, я сразу понял, что вызвало у меня эту иллюзию.

Фигурные фонарные столбы! Точно такие же, какие стоят в священном городе перед храмом Семи Ангелов. Так вот, значит, откуда они там взялись! И пусть сегодня вместо электрических ламп на них висят клетки с фосфоресцирующими нетопырями, эти столбы, в отличие от прочих атрибутов «Оазиса морей», до сих пор используются по их прямому назначению.

Последний этап нашего восхождения был самым легким. Мы достигли кормы на закате и неожиданно для себя очутились на относительно ровной площадке. Откуда она взялась на «Оазисе», чьи палубы сегодня приходилось покорять словно горные склоны? Ничего удивительного: миновав бульвар, мы вышли к полукруглому амфитеатру, занимающему собой всю кормовую часть этого судового яруса. На самом его краю виднелись остатки каркаса разобранной мародерами сцены. Из-за сильного крена лайнера она и оказалась почти на одном уровне с последним рядом зрительной трибуны. Ныне ходить по ее ступеням было не намного приятнее, чем по коралловой «терке». Но после оставленных нами позади наклонных коридоров, расшатанных поручней и кривых лестниц это уже не считалось серьезной неприятностью.

Если бы не ветер, дующий на этой высоте с удвоенной силой, мы наверняка остались бы ночевать на ступенях покосившегося амфитеатра. Вместо этого

пришлось возвращаться на бульвар и подыскивать себе в палубных надстройках непродуваемое убежище. Благо там было из чего выбирать. Особо не привередничая, мы побросали вещи в первой же приглянувшейся каюте, отвязали от бедного Физза осточертевшую ему канистру и, наскоро отужинав, завалились спать.

У вас, вероятно, возник резонный вопрос – куда именно завалились: на пол или на стену? Ни на то, ни на другое, а в буквальном смысле на плитус. Только в нижнем углу каюты еще можно было улечься с комфортом. Да и то, разве это был комфорт по сравнению с роскошью, в какой жили когда-то пассажиры плавучей громадины? Они, наверное, вообще не ощущали качки и даже в сильный шторм спали, не боясь скатиться с кровати.

Я же боялся, что после всего пережитого сегодня буду мучиться без сна до самого рассвета. Однако стоило мне расслабиться и закрыть глаза, как через минуту я уже крепко спал. Впрочем, благодарить за это следовало не мои крепкие нервы, которые за минувшие две недели здорово поистрепались, а долгое и трудное восхождение на «Оазис морей». Это оно отняло у меня остаток сил и наградило такой усталостью, что ей никакая бессонница была нипочем. И никакие кошмары не тревожили меня этой ночью, хотя более подходящего для них места, чем погруженный во мрак мертвый древний корабль, было поблизости не сыскать.

Проклятый корабль, проклятый каньон, проклятые вингорцы, проклятый дон Балтазар!.. Целая череда обрушившихся на нас проклятий, которые с каждым днем лишь множились и усугублялись. А шансов на выживание у нас, напротив, становится все меньше и меньше. И о чем, спрашивается, думал мой прадедушка Иван, когда дарил своему сыну бронекат? Явно не о том, что в один прекрасный день их потомок сдаст «Гольфстрим» без боя Владычице Льдов, а сам сгинет без вести в каньонах Срединного хребта. Хорошую судьбу они мне предопределили, ничего не скажешь. Еще, поди, и попрекать меня будут, когда я в скором времени к ним присоединюсь. Если, конечно, мне уготован Подземный Рай, а не Небесный Ад.

Впрочем, ожидающая меня не сегодня завтра мученическая смерть послужит надежной гарантией того, что я не вознесусь на небеса. Какое-никакое, а утешение...

Глава 11

Медлить с отправкой нашей спасительницы было нельзя. Предстоящий ей перелет даже без учета задержек должен был занять весь день. А без задержек явно не

обойдется. Все-таки Долорес – не машина и нуждается в регулярном отдыхе. Чтобы дотянуть до Столпа Трех Галеонов, ей требовалось экономно расходовать силы, а не выжимать из себя все соки. Ведь усталость напрямую влияла на скорость ее реакции, которая при управлении дельтапланом играла первостепенную роль.

Мы покинули убежище, едва стены каньона стали различимы в утренних сумерках. Оставив в каюте все вещи, кроме упрятанного в рюкзак дельтаплана, мы вышли на бульвар, где планировали задержаться и распаковать летательный аппарат. Место для этого здесь было очень удачное. Многоэтажные надстройки, что окружали центральную часть палубы, хорошо защищали ее от ветра. Пускай он и считался лучшим другом искусственных крыльев Малабониты, но во время их сборки ветер бы нам только вредил.

Не успели мы расшнуровать рюкзак, как вдруг Убби насторожился и указал на корму. Там на уступах амфитеатра сидели рядом полдюжину вингорцев. И сидели, по-видимому, давно, потому что при нашем появлении четверо из них встрепенулись, разбуженные пятым товарищем, который стерег их дремлющую компанию.

Пробудившись, они тем не менее не спешили что-либо предпринимать. И вообще не выказали удивления, лишь перекинулись между собой негромкими фразами. Однако глаз с нас упорно не сводили. И хоть летуны не проявляли к нам агрессии, я все равно ощутил, как по спине у меня пробежал неприятный холодок.

Если они из тех ублюдков, что отобрали у нас «Гольфстрим», то почему не отправились на восток с остальной армией? А если нам встретились обычные, летящие по своим делам аборигены, почему они не выбрали для отдыха более удобное и теплое местечко? Корма «Оазиса морей» – идеальная площадка для взлета. Но ночевать на ней, когда поблизости полным-полно закрытых от ветра кают, не стали бы даже самые неприхотливые вингорцы. А эти парни вдобавок ко всему не отстегнули крылья, что тоже было крайне подозрительно.

– Это не залетные бродяги, – сказал Сандаварг, приглядевшись к физиономиям неожиданных гостей. – Кое-кого из них я припоминаю. Тот, который всех разбудил, был среди бойцов, кидавших в нас сверху ножи. А вон тот, что сидит крайним слева, поднимался на бронекат и о чем-то говорил с Шомбудагом. Вернее, это Шомбудаг с ним говорил, а он всего лишь кивал и поддакивал. Стало быть, с этим вингорцем нам и надо толковать, поскольку, уверен, он тут вожак.

– О чем толковать? – не врубился я.

– Пока не знаю, – пожал плечами северянин. – Но без душевной беседы вряд ли обойдется. Шибко уж не нравятся мне их рожи. Поверь моему опыту, шкипер: когда кто-то на меня так смотрит, я всегда говорю брату Ярнклоту: крепче держись за цепь, братец, потому что сегодня я отпущу тебя порезвиться... Нет, схожу-ка я за оружием, а то что-то мы совсем страх потеряли – разгуливаем здесь, будто у себя дома. И ваши пукалки прихватчу: прикроете меня, ежели что.

И Убби подался обратно в каюту, к оставленным нами вещам, благо до тех было рукой подать.

Появление на палубе странной компании, чьи намерения были пока не ясны, вынудило Долорес замешкаться. Она топталась возле нерасчехленного дельтаплана и все никак не осмеливалась приступить к его сборке. Я тоже не мог предсказать, как поведут себя летуны, когда поймут, что мы задумали. Бывали случаи, когда они сильно оскорблялись и сбрасывали в пропасть Бескрылых, которые, будучи у них в гостях, шутки ради цепляли на себя вингорские крылья. Правда, про нападения вингорцев на дельтапланеристов никто никогда не слышал. Но это лишь потому, что последних в Атлантике было раз-два и обчелся и они предпочитали не соваться туда, где их могли обвинить в святотатстве.

– Смотрят, словно кондоры – на хромую антилопу! – буркнула Малабонита. – И не убивают, и жить спокойно не дадут! Ну чего им еще от нас понадобилось?

– Ясное дело чего, – ответил я, начиная мало-помалу догадываться, зачем Светлогривый Грифон приставил к нам своих наблюдателей. – Просто взять и прикончить нас для вингорцев – табу. Но обезглавить наши трупы – это по их меркам уже не грех. Они просто сидят и ждут, когда мы умрем от истощения и жажды, чтобы с чистой совестью отрезать нам головы. Ведь дон Риего-и-Ордас наверняка потребовал от Шомбудага доказательства того, что мы мертвы. А почему вингорцы не предоставили их сразу, он объяснит тем, что наша мучительная казнь длилась много дней. Именно так, как и пожелал команданте.

– Загрызи тебя пес, если ты не прав! – воскликнул вернувшийся во всеоружии Убби. – Но, как я уже говорил, ты плохо знаешь крылатых людей! Они способны и не на такую подлость. Их религия настолько запутана, что в ней сам вахт ногу сломит. Один башковитый человек, на которого я однажды работал, сказал, что вингорец при желании может нарушить любую из сорока заповедей своего пророка Наранира и остаться безгрешным. Вы уже убедились, как ловко эти мерзавцы сумели угодить и Владычице, и своим святошам – последователям Серебряного Луча. И если бы нас вчера все-таки прикончили, вингорцы все равно оправдались бы перед Солнцем, будь уверен. Согласившись на их ультиматум, мы сильно

упростили им поиск такого оправдания. И сейчас все может обернуться так, что наши головы окажутся на столе у команданте уже послезавтра.

– Проклятье, каким образом? – напрягся я. – Ведь вингорцам запрещено нападать на нас!

– Но не запрещено защищаться, если мы нападём на них, – добавил Сандаварг. – Провести всевидящее Солнце сложно, но можно. Четверо атакующих против двухсот обороняющихся – это, ясное дело, выглядело бы чем угодно, но только не самозащитой. Но трое против пяти – неплохой расклад, чтобы пустить Солнцу пыль в глаза. Особенно учитывая то, что я – знаменитый на всю Атлантику забияка.

– Стало быть, пятеро летунов нарочно отбились от стаи, чтобы устроить такую провокацию? – поинтересовался я. – Но почему это не может быть обычной слежкой?

– Не веришь, давай проверим. Раз вингорцы замышляют злодейство, значит, они рано или поздно на него пойдут. Если же нет, то нам и бояться нечего, согласен? – предложил Убби, азартно блеснув глазами, и обернулся к Долорес. – Собирай свои крылья, женщина, победившая вакта! А мы с твоим мужем пойдем пока побеседуем с гостями. И не забудь пукалки, шкипер. Может статься, что к нашему разговору захочет присоединиться брат Ярнклот, и сегодня он не откажется от твоей помощи...

Все время, пока мы шли к амфитеатру, меня не покидало желание спрятаться за могучую спину северянина и не высовываться. Но я, разумеется, не поддался этому малодушному порыву – вот еще! Более того, пытался даже бравировать: взял в каждую руку по пистолету и старался шагать непринужденно, будто заправский вояка. Я сомневался, что изловчусь подстрелить вингорца, и потому уповал лишь на брата Ярнскида, который прикроет меня, когда я израсходую боеприпасы. А также на то, что брат Ярнклот, как обычно, покажет себя с наилучшей стороны.

Суровое спокойствие Убби было отнюдь не бравированием, а естественным состоянием северянина накануне схватки. Чтобы впасть в раж, ему требовалась всего секунда, о чем было трудно догадаться по его теперешней нарочитой медлительности. Готовый к бою кистень покачивался у Сандаварга возле колена и негромко позвякивал цепью. Которая уже через миг могла взвыть, раскрученная, так, что ее пение заглушит вой ветра. Надранный и еще не испачканный ни в чьей крови щит отливал в рассветных сумерках тусклым матовым светом. Я косился на шагающую рядом со мной машину смерти и недоумевал, зачем вообще Убби пригласил меня на эти переговоры. Затем, чтобы вингорцы увидели нас рядом и дружно очоурились от смеха, не дожидаясь, когда за них возьмется брат Ярнклот?..

Впрочем, я все еще надеялся, что они – лишь наблюдатели, не помышляющие ни о каких провокациях. Да, в плане надежд на лучшее я был совершенно неисправим. Неисправим настолько, насколько и Сандаварг – в своих надеждах на славную драку. И, что обиднее всего, его мечты сбывались значительно чаще моих.

Вингорцы, завидев меня и Убби, не вскочили, а повели себя с подчеркнутым достоинством: дождались, пока мы подойдем ближе, и лишь затем неспешно поднялись и выступили нам навстречу. Дабы не стоять на неудобной наклонной палубе, мы взошли на край амфитеатра, чему летуны вовсе не возражали. Не возразили они и тогда, когда северянин указал пальцем на их предполагаемого главаря и, не проронив ни слова, поманил его к нам.

Вингорец – тощий дылда со впалыми щеками и колючим пронзительным взглядом – так же молча приблизился и остановился напротив наемника. Тот не стал испытывать его терпение, лишь смерил летуна надменным взглядом и заявил:

– Я – Убби Сандаварг, потомок Эйнара, Бьорна и Родерига Сандаваргов! – Надо отметить, что северянин говорил довольно сдержанно, без откровенного вызова. – Возможно, твое имя мне тоже известно, раз тебе дозволено общаться лично с главой совета ваших кланов.

– Я – Ханбир Прыгающий Камень, сын Великих Гор, – представился в свою очередь вингорец так, как это было у них принято. После чего указал на своих товарищей. – А это – мои братья по клану Красного Пера.

– Красное Перо?! – удивился наемник. – В какую же даль вас занесло! Я редко бываю в ваших краях, и потому неудивительно, что имя Прыгающий Камень мне ни о чем не говорит. Впрочем, я все равно могу рассказать кое-что о тебе. Ты – не вождь и не приближенный к своему вождю, поскольку они не отправились бы шпионить за Бескрылыми сами. Однако тебе дарована привилегия говорить напрямую со Светлогривым Грифоном, а это значит, ты не простой воин. Думаю, ты и твои братья – покаянцы. Раскаявшиеся преступники, которых вожди кланов отправляют в совет, чтобы он дал вам шанс искупить грехи, поручив какую-нибудь опасную работенку. Например, разозлить Убби Сандаварга. А затем призвать в свидетели Солнце, что у вас не было иного выхода, кроме как, защищаясь, прикончить меня и моих друзей. Все правильно, вингорец?

– У тебя слишком богатое воображение, северянин, – ответил Ханбир, ничуть не изменившись в лице. – Завидую тебе: будь у меня такая фантазия, я бы не присматривал сейчас за вами, а писал поэмы, услаждая ими уши прекрасных дев. Ты правильно догадался: я и мои братья – покаянцы. Но мы находимся здесь, чтобы охранять вас от диких зверей, и только. Светлогривый Грифон, да не ослабеют его

могучие крылья, не желает, чтобы какая-нибудь плотоядная тварь усложнила ваше и без того непростое путешествие.

– Ну, что я тебе говорил, шкипер! – осклабившись, довольно пророкотал Убби. – Нет, ты слышал: этот покаянец обозвал меня дешевым фантазером! И что это, по-твоему, такое, как не вызов на драку?

– Разве Прыгающий Камень сказал именно так? – робко возразил я. – По-моему, тебе послышалось: он был просто сама учтивость. Более того, он даже высоко оценил твою проницательность.

– Да, конечно – оценил! – хохотнул Сандаварг. – Скажи еще, что насчет зверей ты ему тоже поверил!.. Ты отличный шкипер, Проныра, но тебе недостает опыта, чтобы отличать истинную вежливость от издевок. Будь Ханбир и впрямь вежлив, он предложил бы мне сойтись с ним в честном поединке, а не юлил бы перед нами, будто мы застукали его на воровстве.

Приятели Прыгающего Камня зароптали, но сам он и бровью не повел, лишь заметил:

– В другое время и в другом месте я с превеликим удовольствием сразился бы с тобой, Убби Сандаварг. Но сейчас я следую повелению главы совета кланов и вынужден обуздывать свои желания. А особенно те, какие могут помешать исполнению возложенной на меня миссии. Думаю, нам больше не о чем говорить. Поэтому давай прекратим эту беседу, от которой нет и не будет никакого толку.

И, отпустив скупой кивок, подчеркнуто демонстративно повернулся к нам спиной. После чего направился было к братьям, но, пройдя три шага, замер на месте. Так, словно хотел что-то сказать, но запамятовал, что именно. Наблюдая за ним, я ненадолго оставил прочих покаянцев без внимания. А когда снова глянул на них, их руки уже лежали на рукоятках метательных ножей, рассованных в многоячеистые перевязи, что были надеты крест-накрест на плечи каждого вингорца. А Прыгающий Камень так и продолжал стоять, не оборачиваясь и напрягшись, словно взведенная пружина, готовая вот-вот соскочить со стопора.

Смекнув, что все это не к добру, я нацелил пистолеты на летунов, стараясь, однако, не делать резких движений. Покаянцы столь же осторожно расступились в стороны, дабы не угодить скопом под пули, если я выпущу их залпом. И что это вдруг нашло на вингорцев? По мне, Ханбир и на сей раз не сказал ничего такого, что могло бы разъярить Убби.

Он и не разъярился. И вообще северянин выглядел сейчас самым спокойным из всех участников этих переговоров. Настолько спокойным, что даже позволял себе скалиться, в то время как мне и остальным было совсем не до улыбок.

– Что случилось, сын Великих Гор? – посмеиваясь, с издевкой бросил Сандаварг в спину Прыгающему Камню. – Я сумел тебя удивить? Да и, похоже, немало! «Как же так, – думаешь ты, – я отказался разговаривать с северянином и повернулся к нему спиной, и он при этом меня пощадил?! В чем же дело? Неужто он не чувствует себя оскорбленным?» Чувствую, вингорец! Я оскорблен, и еще как! Поступи ты со мной так в другое время и в другом месте, я не задумываясь оторвал бы тебе голову. Но здесь и сейчас мне тоже приходится обуздывать свои желания, как бы ни чесались у меня руки с тобой поквитаться! – И, не сводя глаз с вингорцев, добавил уже для меня: – Вот видишь, шкипер, каковы они на словах и на деле. Говорят одно, а творят совсем иное. Или ты думаешь, покаянец понятия не имел, что он наносит мне оскорбление? Тогда почему он вдруг остановился? Уж не потому ли, что ожидал моего удара?.. Эй, Ханбир, признайся: ты ведь нарочно пытался меня раззадорить, да?

– Как я уже сказал: наш разговор окончен, – не оборачиваясь, громко повторил Прыгающий Камень и зашагал дальше. Возникшее между нами напряжение вроде бы спало, но я решил, что убирать пистолеты еще рано. Глядя на меня, противники тоже не спешили отпускать рукояти метательных ножей. И стояли так до тех пор, пока вернувшийся к братьям Ханбир не махнул рукой и не отправил их обратно на насиженные места. Повинуясь вожаку, вингорцы как ни в чем не бывало снова расселись на уступе, всем своим видом давая понять, что наша компания их больше не интересует.

– Даже не знаю, во благо или во вред мне идет общение с тобой, шкипер, – проронил Убби, непонятно, то ли в шутку, то ли всерьез. – Мерзкие крылатые твари и впрямь меня здорово взбесили. И вряд ли я стерпел бы обиду, кабы вдруг не припомнил наш вчерашний разговор. И твои слова о том, что, воюя с вингорцами, мы тем самым играем на руку не себе, а Владычице. Не скажу, что это была плохая мысль, нет. Просто она... не моя. Ты, загрызи тебя пес, мне ее навязал! И если отныне подобные мысли станут посещать меня всякий раз, когда я захочу подраться, дело дрянь.

– Что плохого, если прежде, чем начать махать кистенем, ты станешь задумываться, к чему это может привести? – спросил я.

– В нашем деле, Проныра, тот, кто много сомневается, всегда плохо кончает. А тот, кто спускает обиды, быстро теряет уважение. Минуту назад я допустил сразу две

непростительные ошибки, и обе – по твоей вине. Проблема в том, что ты на меня дурно влияешь. И я от этого не в восторге, пусть мы и стали теперь в некотором роде друзьями.

– Твоя настоящая проблема в том, что тебя очень легко вывести из себя, – не согласился я. – Чем враг и пользуется, а ты ему в этом потакаешь. И раз уж ты сам признался, что я способен на тебя влиять, задумайся, кто помог тебе сегодня не поддаться на вражескую уловку. И кто вчера отговорил тебя от заведомого самоубийства. Ты отличный воин, Убби, но порой ведешь себя, извини за прямоту, словно безмозглый, задиристый юнец. И это в твои-то без пяти минут почтенные годы! Просто удивительно, как при твоей вспыльчивости ты до сих пор жив и разгуливаешь по Атлантике.

– Но-но, Проныра, попридержи коней! – пригрозил мне наемник. – Хорошенько подумай, прежде чем продолжать. Последний из тех, кто пытался учить меня жизни и после этого выжил сам, был мой отец. Так что если желаешь давать мне советы, пускай сначала твой авторитет дорастет в моих глазах до авторитета Эйнара Сандаварга!.. Хм, вот опять то же дерьмо: ты назвал меня безмозглым, а я даже не двинул тебе по шее. Нет, с этой болезнью надо срочно что-то делать, а иначе она меня скоро доконает... Как там, кстати, дела у твоей женщины? Что-то она мешкает. Пойдем-ка проведем, может, ей нужна помощь...

Наша помощь потребовалась Долорес лишь тогда, когда пришел черед тащить собранный ею дельтаплан на стартовую площадку. Делать это на сбивающем с ног ветру было мучительно и неудобно. Едва мы вышли из-под защиты палубных надстроек, как ветер накинулся на нас с такой яростью, будто давно выгадывал момент, чтобы отобрать нашу единственную надежду на спасение. Ничего у него, само собой, не вышло – мы крепко держали летательный аппарат за крылья. И сколько стихия ни надрывалась, справиться с нами троими ей оказалось не под силу.

Однако сейчас нам следовало беспокоиться не о ветре, а о Прыгающем Камне и его братьях. За время, пока мы несли дельтаплан, с них слетело их наигранное равнодушие, и когда мы вновь подошли к амфитеатру – на сей раз все вместе, включая Физза, – они уже поджидали нас, хмурые и сосредоточенные. За оружие, правда, не хваталось, но по их лицам сразу становилось понятно: дело до драки может дойти в любой момент.

– В чем проблема, Ханбир? – осведомился Убби, отпуская крыло, за которое он нес дельтаплан, и снимая висевший на плече кистень. – Или ты спросонок перепутал хранителя Чистого Пламени, господина Физза, с одним из тех диких зверей, которые якобы нам тут угрожают?

Идея захватить с собой оставленного на страже наших вещей ящера принадлежала Сандаваргу. Он слышал, что у крылатого народа фосфоресцирующие животные возведены в не меньший культ, чем у северян. Это означало, что покаянцы, надумай они метать в нас ножи и сюрикены, будут бояться попасть в священного зверя, что давало нам пусть незначительное, но преимущество. Знающий о своей особой роли, варан-броненосец вышагивал впереди нас с гордо задранной мордой, а вингорцев встретил громким угрожающим шипением. Которое, впрочем, все равно не заставило их уступить нам дорогу.

– Мы выражаем почтение господину хранителю Чистого Пламени и очень сожалеем, что он участвует в вашем святотатстве, – ответил Прыгающий Камень, решительно сверкнув глазами. – Разве тебе неведомо, Сандаварг, что согласно обычаю этих гор летать на крыльях, не освященных в храме Солнца, здесь дозволено одним лишь птицам?

– Никогда не слышал о подобной традиции, – молвил Убби. – Но даже если ты не врешь, полагаю, для нас, как и для птиц, тоже можно сделать исключение. Их крылья не похожи на ваши, наши – тоже. Вот и пускай Солнце само рассудит, достойна ли эта Бескрылая женщина летать. И само покарает ее за дерзость, если его это оскорбит. А теперь уйди, не мешай. Как встретим змея-колосса или стаю гиен, так сразу вам свистнем.

– Солнце уже все решило! – Хладнокровие начало изменять Ханбиру, а на его прежде непроницаемом лице заиграли желваки. – Иначе оно не поставило бы нас – своих преданных слуг – на пути святотатцев! Вам не осквернить чистоту ветра этими уродливыми крыльями! Выбирайте: или вы сами уничтожите их, или за вас это сделаем мы! И, видит Солнце, будем совершенно правы!..

Что ни говори, а эти ребята и впрямь не одну собаку съели на провокациях. Вингорцы ничуть не сомневались, что мы откажемся разрушить собственными руками нашу единственную надежду и все как один встанем на ее защиту. Или, согласно их логике, воспрепятствуем свершению солнцеугодного дела. За что нас должна немедля постигнуть суровая и неотвратимая кара. Прыгающему Камню не удалось спровоцировать Сандаварга пустить в ход оружие обычным оскорблением. Но покаянец быстро нашел новый, более действенный способ, загоняющий нас в безвыходное положение. Как и вчера, мы опять подчинились воле хозяев гор, только на сей раз они заставляли нас не отступать, а, наоборот, ввязываться в драку.

Наше преимущество состояло в том, что мы оказались к ней готовы. И морально, и тактически. Пока Долорес доделывала дельтаплан, мы успели обсудить, как нам лучше всего нанести удар первыми, если без схватки все-таки не обойдется. То, что

вингорцы вынудят нас на них напасть, было очевидно. И раз уж мы не могли изменить это условие, значит, следовало поразмыслить, какую нам извлечь из него выгоду. То есть уподобиться тому древнему царю, который, узнав, что залп стрел наступающей на него вражеской армии может затмить солнце, лишь пожал плечами и ответил: «Ну и что? Зато мы будем драться в тени».

– О, мы и в мыслях не держали, что наши крылья могут вас оскорбить! – воскликнул я, всплеснув руками. – Не беспокойтесь, мы не собираемся ссориться с вами из-за сущего пустяка! Дайте нам пять минут на то, чтобы разобрать эту штуковину, и, клянусь, вы ее больше никогда не увидите.

– Это надругательство над нашей верой должно быть не разобрано, а полностью уничтожено! – Ханбир оставался непреклонен, но мне было наплевать, как он воспримет мои слова. Потому что в действительности они предназначались не ему, а Убби, у которого в грядущем спектакле имелась своя роль.

– Что ты мелешь, трус?! – обернувшись ко мне, зарычал северянин. – Я сказал, что твоя женщина полетит на восток, и, значит, она полетит! И никто не посмеет ей в этом помешать! Даже ты!

– Черта с два! – взвился я, потрясая пистолетом. – Ты не смеешь приказывать моей жене, что ей делать и куда лететь! И дельтаплан этот – тоже мой! Хочу – собираю его, хочу – разбираю! А захочу уничтожить – уничтожу без твоего спроса! Или, думаешь, я тебя боюсь?! Как бы не так!

– Что?! – еще больше взбеленился Сандаварг. – Мне – перечить?! Да я вас обоих в порошок сотру!..

– Давай, сотри! – распалялся я в свою очередь. – Ну!.. Ну!.. И чего стоишь? Вспомнил, что из нас двоих лишь я знаю дорогу через предгорья? То-то же, ублюдок! Не ты здесь отдаешь приказы, а я! Я – старший, а ты мне подчиняешься, усек? И я приказываю тебе сделать так, как требует Ханбир! Это его земля, и нам по ней идти еще очень и очень долго. А значит, мы обязаны считаться с местными традициями и не нарушать их! Поэтому живо хватай кистень и ломай дельтаплан!

– Убью гада!!!

– Ага, размечтался! Убей, а потом заблудись в предгорьях и окочурься там, как бродячая собака!.. Ломай, кому говорят! Или хочешь, чтобы я сам это сделал? Ладно, почему бы нет? Раз надо, значит, надо.

Сказав это, я повернулся к покаянцам спиной, переброшил пистолет в левую руку, а правой выхватил нож и занес его над крылом летательного аппарата, делая вид, что намерен располосовать его на лоскуты.

– Издохни! – проревел мне в спину Сандаварг и, утратив последнюю выдержку, замахнулся кистенем...

Разыгрываемая нами перепалка не требовала от нас большого актерского мастерства, поскольку оба мы фактически изображали в ней самих себя. Разве что я огрызнулся смелее, чем обычно, да Малабонита не надрывала глотку вместе с нами, а старательно делала вид, что боится вступить в мужской разговор.

Но вингорцам было невдомек, как мы взаправду собачимся с Сандаваргом, поэтому они не усомнились в нашей искренности. И чем жарче мы распалялись, тем сильнее Ханбир со товарищи верили в то, что мы вот-вот начнем убивать друг друга. Чему они, безусловно, никоим образом не собирались мешать, а были этому только рады.

Никто из покаянцев не усомнился, что после всего сказанного мной Убби и впрямь размажет меня по палубе. Я наговорил северянину при свидетелях столько дерзостей, что, когда он схватился за кистень, летунам оставалось лишь пожелать мне мысленно: «Прощай, придурок!», а потом засвидетельствовать, как брат Ярнклот превращает мою голову в фарш. Однако финал нашей ссоры выдался для зрителей полной неожиданностью. А для некоторых из них и вовсе последней неожиданностью в их жизни.

Вингорцы восприняли выкрик Сандаварга как мой смертный приговор. Но для меня и Долорес это служило условным сигналом, по которому мы должны были вступить в бой. Лишь такой упреждающий удар – дружный и внезапный – позволял нам уравнивать силы с противником, обладающим молниеносной реакцией и хорошей меткостью. Все, на что мы рассчитывали, пудря ему мозги, это отыграть у него секунду-другую. Для боя с вингорцами – неплохая фора, ведь при обычном его начале у нас не было бы в запасе даже этого мизерного времени.

Пудровый кистень в руках Убби мог выписывать такие умопомрачительные петли, от которых натуральным образом захватывало дух. Вот и сейчас брат Ярнклот продемонстрировал нам один из своих лучших пируэтов. Просвистев в опасной близости от меня, ядро прочертило над палубой дугу и, набрав ускорение, пошло на второй круг. В момент же, когда оно разминулось со мной, северянин отшагнул назад – ровно настолько, чтобы дотянуться до ближайшего летуна. Идущий на взлет кистень с хрустом шибанул его снизу в челюсть, да так, что снес ее напроочь. Когда я обернулся, она уже улетала в брызгах крови ввысь, а лишившийся ее вингорец – назад, причем без помощи крыльев.

Но глазеть на кровавый танец брата Ярнклота было некогда. Отбросив нож, который, естественно, не проткнул в дельтаплане ни дырочки, я вскинул пистолет и, упав на одно колено, выпустил с разворота все три заряда по противникам, какие первыми угодили на мушку. Над головой у меня пронеслись еще три пули. Это Малабонита разрядила свое оружие, которое держала наготове с той минуты, как мы с Убби оскалили друг на друга зубы.

Гвардейский пистолет – удобная штука, но, чтобы стрелять из него по движущимся мишеням, нужен хороший навык. Лишь первая моя пуля уложила врага наповал, и то лишь потому, что тот еще не успел среагировать на наш выпад. Она впилась крайнему слева вингорцу в солнечное сплетение, но когда я навел оружие на следующего, он и его приятели уже кинулись врассыпную, извлекая на бегу из перевязей свои метательные хреновины. Поэтому остальные два заряда я, увы, истратил впустую.

Долорес немного исправила мою оплошность. Ей, правда, не удалось пришить ни одного покаянца, зато по количеству пораженных целей она превзошла меня вдвое. Одна из удачно выпущенных Малабонитой пуль угодила в ногу увернувшемуся от моего выстрела вингорцу, а вторая пробилась Ханбиру навывлет обе щеки, когда он, подобно остальным братьям, шарахнулся прочь от Сандаварга. Все они при этом моментально швырнули в нас ножи. Но с меткостью у раненых врагов не задалось, и их суматошная контратака не нанесла нам никакого урона.

Вингорец, которого Убби избрал своей второй жертвой, проявил завидную прыть и выскользнул из-под удара кистеня за миг до того, как он снес бы ему голову. Не исключено, что ловкач увернулся бы и от последующих ударов, которыми северянин сыпал направо и налево, стараясь не дать врагу прийти в себя. Этот единственный не пострадавший покаянец грозил оказать нам достойное сопротивление, но его подвела собственная доверчивость, выказанная в самый неподходящий момент.

Перескочив через оказавшегося у него на пути Физза, летун, не обращая на того внимания, сразу же отвернулся от ящера и хотел отпрыгнуть еще дальше, да не тут-то было! Это вингорцы боготворили священных животных, а наш хранитель Чистого Пламени не испытывал симпатии к своим крылатым почитателям. Загодя науськанный Убби на аборигенов, варан только и ждал случая, чтобы внести свою лепту в расправу над ними. И едва один из них очутился рядом с Физзом, он тут же прекратил шипеть и атаковал врага со всей присущей ему отвагой.

Проведя вслед покаянцу свой коронный охотничий бросок, Физз изловил его за торчащую из ранца ременную подставку, на которую летун пристраивал в полете

ноги. Что отнюдь не придало ему резвости, ибо весу в варане было немало – больше чем полцентнера. От внезапного рывка вингорец взмахнул руками и плюхнулся задницей на палубу. Где и пал мгновением позже от кистеня северянина, так, наверное, и не поняв, кого нужно благодарить за эту подлянку.

Ханбир, из пробитых щек которого ручьем лилась кровь, и его раненный в ногу собрат метнули в нас еще несколько ножей и бросились к восточному борту – туда, куда ветер старался все время утянуть дельтаплан. Отразив щитом вингорские снаряды, Убби велел мне и Долорес держать строптивый аппарат, а сам погнался за покаянцами, намереваясь пришибить их до того, как они расправят крылья и сиганут с лайнера.

Наемник опоздал всего на секунду, почти дотянувшись кистенем до прыгавшего последним хромоногого летуна. Но те успели-таки удрать от северянина и, раскрыв уже в падении крылья, поймали восходящий ветровой поток, взмыли вверх и устремились к краю каньона.

– У, загрызи пес вас и ваших детей! – выругался Сандаварг, пнув в сердцах босой пяткой бортовое ограждение. После чего обернулся к Долорес и прокричал: – Эй, женщина, если ты готова лететь – лети, не жди! Не думаю, что вингорцы отправились догонять своих! Покаянцы возвращаются только с победой или не возвращаются вовсе!

– Он прав, – согласилась Малабонита. – Надо спешить, пока эти двое не подыскали наверху место, откуда им удастся атаковать меня при взлете. Хватай «птичку», потащили ее на край! Вон туда, где борт пониже.

Пока мы, спотыкаясь на уступах, волокли дельтаплан по амфитеатру, Ханбир с собратом покинули каньон и, резко повернув на север, скрылись с наших глаз. Предугадать тактику вингорцев было легко. Прежде чем напасть повторно, они переместятся немного западнее, чтобы каньонный ветер опять вынес их или на палубные надстройки «Оазиса морей», или на какой-нибудь близлежащий скальный уступ, с которого летуны смогут нас обстреливать. У Долорес и впрямь осталось в запасе очень мало времени, и мы спешили изо всех сил.

– Я когда-нибудь говорил тебе о том, что люблю тебя? – Меня вдруг неприятно осенило, что я совершенно не помню, признавался ли в чем-то подобном своей пятой жене. Она мне определенно раза три что-то такое говорила, это да, а вот я... Любопытно: только сейчас, когда мы, возможно, видели друг друга в последний раз, я ощутил, насколько все же странными были наши отношения. И еще более странным выглядело то, что нас обоих они вполне устраивали.

– Да, было однажды, – грустно ухмыльнувшись, ответила Малабонита. – В Аркис-Гайане, года два назад. В тот день ты крепко перепил на приеме у тамошнего бургомистра, и мне пришлось через весь город тащить тебя, невменяемого, обратно на «Гольфстрим». Тогда-то ты, *Mio Sol*, и признался мне впервые в любви. Даже на колени, помнится, вставал. Правда, сам подняться с них уже не мог, но я все равно была очень тронута, спасибо.

– Хм... Вот как? – Я замялся. Мы дотащили дельтаплан до борта, а это означало, что время, отпущенное нам судьбой на прощание, истекло. – Что ж, ладно, раз говорил, значит, можно не повторяться, да?

– Конечно, – пожала плечами Долорес, проверяя, надежно ли закреплены у нее на поясе нож и фляжка, а на спине – лук и колчан со стрелами. – Зачем лишний раз твердить друг другу то, о чем мы с тобой и так прекрасно знаем? По-моему, никто из нас не жалуется на плохую память. Правда, Физз?

– Шхипер люпит сфою хоспошу! – прошипел притопавший следом за нами ящер. – Фисс люпит сфою хоспошу! Фисс и шхипер путут ее штать! Сфятой Фитель Хафанский!..

Глава 12

Размах искусственных крыльев Малабониты был раза в полтора шире вингорских, и весили они, соответственно, тоже больше. Я знал об этом и все равно изрядно струхнул, когда ведомый ею дельтаплан опасно клюнул носом, едва отлетев от борта, с которого она стартовала. За те мгновения, что Долорес выравнивала полет и ловила ветер, я пережил столько страхов и сомнений, сколько их, наверное, не посещало меня за весь этот проклятый рейс. Но как только планер встал на крыло и начал уверенно подниматься вверх, как ко мне вновь вернулась уверенность. И чем выше поднималась Малабонита, тем сильнее я надеялся, что у нее теперь все получится.

Однако это было лишь начало испытаний, какие предстояло пройти моей вере в нашу спасительницу.

– Вон они! – прорычал Убби, первым заметив отделившиеся от северного склона две крылатые тени. – Эх, высоко, загрызи их пес! Слишком высоко! Не достану!

Теперь в руке у северянина вместо кистеня был зажат длинный кожаный ремень, который до этого Сандаварг носил обмотанным вокруг пояса. В размотанном же

виде эта традиционная деталь одежды северян являла собой мощную пращу. Она применялась ими, как правило, лишь для охоты, поскольку была сделана не из иностали и потому считалась недостойным для благородного боя оружием.

Надо отметить, что праща Убби была заметно больше всех когда-либо виденных мной ранее пращей. Судя по расширению, в какое укладывался снаряд, Сандаварг мог метать булыжники величиной со страусиное яйцо. Камни, которые он подобрал в том месте, где корма лайнера вросла в осыпь, были помельче. Но попади они под руку любому другому пращнику, он все равно отбросил бы их как слишком крупные и тяжелые.

Крепыш-коротыш приготовил пращу, собираясь прикрыть Малабониту, если вингорцы нападут на нее сразу, как только она взлетит с палубы. Но они вновь напомнили о себе лишь тогда, когда мы уже ничем не могли помочь Долорес. Не обращая внимание на раны, Ханбир и его собрат прыгнули с края каньона и взялись снижаться по крутой спирали, будто нацелившиеся на добычу кондоры. Траектории их спуска и полета дельтаплана должны были пересечься в течение ближайшей минуты.

Долорес не могла не видеть приближающихся врагов, но ничего пока не предпринимала. Ветер увлекал ее все выше, прямо навстречу покаянцам. То, что они не могли высвободить в полете руки из подкрыльных ремней и метать ножи, вовсе не умаляло нависшую над Малабонитой угрозу. Заостренные, обитые железом носки и пяточные шпоры вингорских ботинок как раз и предназначались для схваток в воздухе. Коротких и яростных схваток, в которых вингорцы выясняли отношения во время своих междоусобиц. Все, что требовалось подраненным пулями ублюдкам, это распороть ткань на крыльях планера Долорес. После чего Прыгающему Камню останется лишь спуститься на дно каньона и забрать причитающийся дону Балтазару трофей – одну из четырех голов, обещанных ему Шомбудагом.

Стихия, в которой назревала битва между аборигенами Хребта и дочерью алькальда Сесара, была для нас с Убби абсолютно чуждой. И потому нам оставалось лишь топтаться внизу и гадать, кому сегодня благоволит всевидящее Солнце: хозяевам гор или нам – обиженным ими проходимцам. Сковавшее нас напряжение передалось даже Физзу, стоящему рядом с нами, задрав морду в небеса, и возбужденно колотящему по палубе хвостом.

За две секунды до нападения, когда каждый из покаянцев уже снял с подставки одну ногу для удара, Малабонита прекратила трепать наши нервы и показала, что она готова к встрече с врагом. Потянув рулевую перекладину на себя, она направила

дельтаплан вниз и заставила его сделать глубокий нырок. Начало его было плавным, но завершился он довольно крутым взлетом. Последовавшие было за Долорес вингорцы не успели среагировать на этот финт и остались внизу. Площадь их крыльев не позволяла так же резко изменить высоту полета. И пока они переходили от снижения к подъему, их жертва вернулась на прежний курс и продолжила бегство из «сквозняка».

Но Ханбир и его приятель не сдавались. Пристроившись дельтаплану в хвост, они последовали за ним как привязанные, в точности повторяя все его маневры. Обладатели более легких крыльев, покаянцы быстро набрали взлетную скорость и взялись мало-помалу настигать Долорес, чей планер был устойчивее, но тяжелее.

Чтобы отделаться от погони, ей требовалось подняться ввысь – туда, где бесчинствовали непокорные для вингорцев ветры. Однако путь, который Малабоните еще предстояло преодолеть до тех высот, сокращался медленнее, нежели расстояние, что отделяло ее от преследователей. И чем дольше тянулась погоня, тем все яснее становилось, что нашей спасительнице не избежать очередного воздушного боя.

Когда же она наконец покинула каньон и, взлетев над ним, сразу повернула на юго-восток, вингорцы подобрались к ней настолько близко, что она могла бы при желании до них доплюнуть. Так они и скрылись с наших глаз: пронеслись черными точками на фоне рассветного небосклона и улетели за край южной стены Дельгадо, словно обычная стайка птиц.

Прошло пять минут, а я, Убби и Физз все еще стояли на корме «Оазиса морей» и тарасились на восток, старясь высмотреть, не мелькнет ли над «сквозняком» кто-либо из трех исчезнувших летунов.

Никого... Небо оставалось чистым, а склоны каньона по-прежнему заслоняли от нас все, что творилось за его пределами.

Спустя еще минуту этого тревожного ожидания у Сандаварга попросту иссякло терпение.

– Ладно, шкипер, хватит торчать здесь, как двум истуканам, – проронил, отходя от борта. – Все равно ничего мы отсюда не высмотрим, хоть до вечера в небо пялься. Так что бросай это дело, и пойдем дальше. Но сначала давай спрячем трупы и затрем кровь. А то сам понимаешь: кроме нас, других виновников гибели этих ублюдков вингорцы в Дельгадо не найдут...

Задерживаться у «Оазиса морей» и впрямь было глупо. Нам, как и Долорес, также дул в спину попутный ветер, и за три, максимум четыре дня мы могли дойти до

выхода из Дельгадо. А уже там можно будет располагаться на привал и тешить себя надеждой, что наша помощь уже в пути.

Идти дальше не имело смысла. Отдалившись от восточных ворот каньона в предгорье Хребта, мы могли запросто разминуться с Федором Оплеухой. Оставшись же у лайнера или внутри его, мы рисковали столкнуться с вингорцами, которые могли разыскивать группу Ханбира. То же самое угрожало нам и в пути на восток. Но так мы были хотя бы избавлены от множества неудобных вопросов и могли врать, что понятия не имеем, куда запропастились наши крылатые «опекуны». А на вопрос, почему с нами нет Долорес, соврать будет и того проще. Причем неизвестно, окажется ли на самом деле это враньем, ведь, возможно, мы и впрямь ее уже потеряли...

Шли в угрюмом молчании, поскольку берегли силы, да и не было у меня сейчас желания трепать языком. Дойдя до места, где Малабонита, предположительно, повернула на юго-восток, осмотрелись, не видны ли на осыпях ее останки. Ни их, ни обломков дельтаплана не обнаружилось. Впрочем, я и не рассчитывал, что они здесь найдутся. Мы видели, как наша спасительница улетела за край «сквозняка». И даже получи ее планер повреждения, она не стала бы усложнять себе задачу, снижаясь на дно Дельгадо, а подыскала бы себе место для посадки за его пределами.

Вторую ночь нашего пешего путешествия (и первую – без Долорес) мы провели, забившись в узкую расселину, загороженную от ветра скальным выступом. И пусть сегодня мне не пришлось штурмовать крутые склоны – разве что редкие невысокие барханы, – я все равно порядком выдохся. И с непривычки, и потому, что толком не отдохнул после вчерашнего восхождения на «Оазис».

Сандаварг запомнил маршрут, которым мы взбирались на корму лайнера, и вывел нас с Физзом из его утробы всего за четверть часа. Шагать же по дну каньона, да при попутном ветре, оказалось не в пример легче. Я был благодарен ему за то, что он замел следы «Гольфстрима» – совершенно не нужное напоминание обо всех моих недавних утратах. Настроение у меня и так было отвратительным. И если бы мне пришлось еще глядеть на знакомые до боли отпечатки колес, это окончательно подорвало бы мой и так почти сломленный дух.

Этой ночью, как и прошлой, я опять спал на удивление спокойно. Зато утром накопившаяся за двое суток усталость сделала мои конечности неподъемными, словно на них за ночь выросло по тяжелой тыкве. Правда, когда мы выступили в путь, затекшие мышцы разогрелись, и вскоре шагать стало полегче. Да и жара нас здесь не донимала – какая-никакая, а радость. Но, так или иначе, это не избавляло

меня от предчувствия, что сегодня я паду от усталости задолго до того, как Убби объявит вечерний привал.

Погнавшиеся за Долорес вингорцы так и не объявились. Но я не верил в то, что ей посчастливилось их прикончить. Сумела бы убежать, и то ладно. Поймали ее враги или нет, им в любом случае требовалось время, чтобы зализать свои раны. Тем более что нам с Убби так и так было некуда деваться из «сквозняка».

На месте Прыгающего Камня я напал бы на нас ближайшей, а еще лучше послезавтрашней ночью. Тогда и мы устанем сильнее, и покаянцы малость оклемаются от полученных ранений. Знаток вингорских повадок Сандаварг, кстати, считал так же. И тоже не сомневался, что мы еще столкнемся с Ханбиром и его хромоногим товарищем.

Однако меня и северянина ожидал неприятный сюрприз. Наши двуличные «защитники» объявились гораздо раньше. И что было вдвойне неожиданно – прямо среди бела дня. Это их вероломство едва не стоило нам жизнью, поскольку предупредить нас о своем внезапном возвращении они, разумеется, и не подумали...

Порядок, которым мы шли на восток, сохранялся неизменным со вчерашнего утра. Первым топал нагруженный оружием и водой Убби. По его неизменно бодрому самочувствию вообще нельзя было определить, сколько времени он находится в дороге: двое суток или всего-навсего два часа. За крепышом-коротышом плелся, шаркая ногами, я. Мне было доверено нести рюкзак с провизией, и мой угрюмый и измотанный вид более соответствовал пройденному нами пути. А уже за мной полз водонос Физз. Жалея его и как старика, и как священное животное, мы еще позавчера договорились пить воду только из его канистры. И потому сегодня ноша варана тяготила его уже не так сильно, нежели три дня назад.

Скорость нашего продвижения ограничивал тоже он, но ненамного. По крайней мере, оглядываясь и проверяя, не отстал ли ящер, я всегда видел его неподалеку. Будь здесь пожарче, не любящий прохладу Физз, конечно, шевелил бы лапами веселее. Но тогда в арьергард переместился бы я, и неизвестно, сколько раз за день товарищам пришлось бы меня дожидаться.

Все шло своим чередом, когда шагавший в ритме метронома Сандаварг вдруг остановился, а затем пригнул голову и резко повернулся спиной вперед. Вернее, не спиной, а щитом, который северянин на ней тащил. И в следующий миг от брата Ярнскида, звякнув, отскочило что-то блестящее и прилетевшее явно с востока.

Я вздрогнул и от неожиданности застыл на месте. Состояние полудремы, в котором я последнюю пару часов тупо переставлял ноги, как ветром сдуло.

– Бегом сюда! – отбросив кистень и канистры, крикнул мне Убби. После чего присел и, поставив щит на землю, быстро выпростал руки из лямок, на которых тот висел у него на плечах.

Пригнувшись, я бросился к наемнику, спрятавшемуся за щитом, словно черепаха – в панцире. Если я пристроюсь позади него так, как мы с Долорес делали это на «Оазисе морей», брат Ярнскид без труда защитит и меня.

Что-то с гулом рассекло воздух у меня над головой и врезалось в рюкзак прямо за затылком. Я от страха плюхнулся на колени и оставшееся до Убби расстояние неуклюже прополз на четвереньках, будто передразнивая Физза.

– Бросай все и хватай щит! – повелел северянин, выдергивая из моего рюкзака здоровенный четырехзубый сюрикен. Беги я в полный рост, он точно угодил бы мне в глаз или горло. – Шевелись! Будешь меня прикрывать!

– Как? – спросил я, поспешно стаскивая с плеч ношу.

– Очень просто, – пояснил Сандаварг. – Возьмешь брата Ярнскида и станешь держать его передо мной. И посматривай, чтобы твои ноги были постоянно заслонены каким-нибудь камнем. Вингорец, если захочет, попадет тебе ножом в пятку даже с вершины Хребта... Готов? Тогда меняемся местами.

Я переполз на место Убби и, продев руки в держатели, приподнял щит от земли. Мне уже доводилось пользоваться им, прикрывая Долорес, когда она освобождала северянина из трюма, так что навык общения с братом Ярнскидом у меня был. Подтащив его к ближайшему валуну, я упер в него нижний край щита и глянул в смотровую щель, стараясь определить, где засел враг. Убби не отходил от меня ни на шаг, озираясь по сторонам и торопливо отматывая с пояса пращу.

Изучать мир сквозь прорезь в щите было не намного удобнее, чем подсматривать в замочную скважину. Впрочем, от меня не ускользнуло, как с уступа на северном склоне спрыгнула крылатая фигура, которая затем, совершив короткий перелет, приземлилась на осыпь и скрылась за обломком скалы. Кто это был – Ханбир или его товарищ, – выяснить не удалось. Но если они устроили нам засаду по всем правилам, значит, очередной их обстрел должен ударить либо с другого фланга, либо, что еще хуже, – сзади.

Суматошно оглянувшись, я едва не проморгал, как вингорец опять расправил крылья и сменил позицию, перелетев гораздо дальше – через каньон, на противоположный склон. Перелетел и немедля пульнул в нас еще двумя сюрикенами. Первый из них просвистел аккуратно над рыжей макушкой Убби, едва не сбрав ему волосы. Второй ударился в щит, причем настолько близко от смотровой

щели, что я успел заметить, куда именно. Не знаю, как насчет попадания в пятку, а если так дальше дело пойдет, проклятый метатель достанет меня даже за братом Ярнскидом. Однако куда запропастился второй покаянец? Говоря начистоту, ему давно пора бы присоединиться к охоте.

– Заметил, откуда бросали? – спросил Сандаварг. Я кивнул. – Тогда поднимай щит и топай к левому склону. И не забывай про камни – береги ноги!

Да уж, поверьте, не забыл! Стараясь семенить как можно шустрее, я, от валуна к валуну, попятился в указанную сторону. Убби молча в точности повторял все мои маневры, и лишь когда мы почти приблизились к северной осыпи, он велел мне остановиться и замереть.

– Похоже, вингорец всего один, – заметил я, изучая противоположный склон в смотровую щель.

– Похоже, что да, – подтвердил наемник. – Какой смысл, спрашивается, второму отсиживаться без дела? Вдвоем они бы не мешкали, а заставили бы нас бегать так, что нам с тобой было бы уже не до разговоров.

Тем временем вингорец, утратив фактор внезапности, решил, что можно больше не прятаться. Перелетев на торчащую неподалеку от нас высокую скалу, он сложил крылья, взял в каждую руку по сюрикену и без опаски встал во весь рост.

– Ханбир! – выкрикнул из-за щита Убби, который, как и я, сразу узнал нашего вчерашнего главного врага. – Живой, загрызи тебя пес! А где же твой трусливый приятель? Забился в какую-нибудь нору и до сих пор дрожит, вспоминая, как вчера мой кистень едва не расплющил ему задницу?

– Зубоскаль, Сандаварг, зубоскаль! – отозвался Прыгающий Камень. – Посмотрим, как ты засмеешься, когда я тебе кое-что покажу! Готов поспорить, это тебе понравится! Держи!..

Голос покаянца звучал так, словно рот у него был набит паклей, через которую он мучительно проталкивал каждое слово. К примеру, «Сандаварг» Ханбир произносил сегодня как «Аттафарк», а большинство звуков превращалось у него в шипящие, почти как у Физза. Но понять, о чем говорит вингорец, было можно. Присмотревшись, я заметил, что шея и нижняя часть лица у него и впрямь туго обмотаны тряпкой, а разговаривает он через прорезанную в ней щель. Тряпка была пропитана кровью. Она текла у летуна из щек, разорванных вчера пулей, которая помимо этого наверняка вышибла ему часть зубов. Для человека, получившего такую рану и потерявшего много крови, Прыгающий Камень держался довольно бодро, хотя его наверняка терзала постоянная боль.

Сунув один из сюрикенов обратно в ячею перевязи, Ханбир отцепил от пояса кинжал и швырнул его в нас. Я инстинктивно отпрянул от смотровой щели, но на сей раз метатель промазал, не попав даже в щит. Брошенный им нож упал на камни рядом с нами, и поскольку прежде меткий вингорец не промахивался, значит, это и была та самая вещь, какую он обещал нам показать.

Лежащий в шаге от нас кинжал не являлся метательным и вообще не принадлежал к вингорскому оружию. Почему я – человек, почти не знакомый с крылатым народом, – был в этом так уверен? Да потому, что отлично знал, на чей именно нож сейчас смотрю. Не далее как вчера утром он вместе со своей хозяйкой улетел от нас на дельтаплане к Столпу Трех Галеонов. Вернее, это мы так думали. На самом же деле никуда он не улетел, а остался здесь. А вот куда подевалась Малабонита, страшно было даже представить.

– Загрызи тебя пес! – пробормотал Убби. Я стиснул зубы и промолчал. А у Ханбира, как выяснилось, имелось еще кое-что, чем ему не терпелось похвастаться. Теперь он снял с себя пояс целиком и, раскрутив, отправил его к нам вместе с пустыми ножнами и прицепленной к нему фляжкой.

И она, и ножны, и пояс также принадлежали Долорес. И самое ужасное заключалось в том, что пряжка на нем оказалась совершенно не поврежденной. То есть его не сорвали с Малабониты в разгар схватки, как еще можно было бы объяснить появление у покаянца вещей моей жены. Нет, пояс явно был снят с нее без борьбы, и все носимые на нем предметы находились на месте. И даже запас воды во фляжке, судя по тому, как тяжело она упала на песок, оставался нетронутым. Долорес наполнила ее до краев перед тем, как отправиться в полет, но так и не успела отхлебнуть оттуда ни глотка...

– Спокойно, шкипер! – сказал Сандаварг, заметив, как затряслись мои держащие щит руки. – Сейчас не время впадать в отчаяние! Ханбир только этого от тебя и добивается! Не вздумай ему поддаться!

– Я полностью спокоен! – процедил я сквозь зубы. И почти не соврал. Гнев, который зарождался во мне, был холодным, как антарктический ветер, и благодаря этому мой рассудок оставался почти незамутненным. Меня колотила дрожь, но вместе с тем я ощущал поразительное спокойствие и желание немедленно действовать. Разве что сделать мне хотелось лишь одно: взять булыжник и размозжить Ханбиру голову. Прочие дела и заботы в эту минуту меня абсолютно не интересовали.

– Вот и молодец, – похвалил меня Убби. – Потерпи чуть-чуть: скоро мы до этой твари доберемся. Она сюда не бахвалиться своими подвигами прилетела, так что у тебя будет возможность обломать ей крылья.

– Ну что притихли, Бескрылые?! – злорадно окликнул нас Прыгающий Камень. После чего передразнил Убби почти его же словами, которыми тот вчера хотел разозлить вингорцев: – Я тоже сумел вас удивить? И тоже, кажется, немало! «Как же так, – думаете вы, – неужели наша летающая шлюха не приведет нам помощь?» Совершенно верно, Бескрылые: не приведет! И все потому, что в этот момент ее голова уже летит вместе с братом Кирисотом к великому Шомбудагу! А скоро туда же полетят и ваши головы, ведь именно за ними я сюда вернулся!

– Что же ты не дождался ночи, Ханбир? – поинтересовался Убби, внимательно разглядывая лежащие у нас под ногами камни. – Так торопишься догнать своего трусливого братца, что даже не досидел до темноты? Или, может быть, ты осмелел настолько, что решил в одиночку сразиться со мной при дневном свете? Ну так доставай нож и выходи – сразимся.

– Я – сын Великих Гор! – провозгласил Ханбир. Неизвестно, чего было больше в его голосе: пафоса или раздражения. – Я не дерусь с Бескрылыми по грязным правилам Бескрылых! В здешних краях воюют по нашим законам, и если вы на это не способны, пеняйте на себя!

– Он не напал на нас ночью, поскольку, возможно, у него повреждено одно из крыльев, – высказал предположение Сандаварг. Он подобрал увесистый камень, подбросил его на ладони и, недовольно поморщившись, отшвырнул в сторону. – Или его просто лихорадит и он боится, что в темноте чутье его подведет. Так или иначе, сегодня Поющий Камень уже не тот вояка, каким был вчера. Хотя, конечно, недооценивать его не стоит.

Брошенный Ханбиром сюрикен пролетел над нами, едва не чиркнув по верхней кромке щита. Еще один подобный снаряд, запущенный вслед первому, вновь звякнул в опасной близости от смотровой щели.

– Не стоит недооценивать, – повторил северянин, подбирая камень поменьше. – Но и переоценивать – тоже.

– Ты сможешь отсюда попасть в него из пращи? – спросил я, дрожа от невыплеснутой злобы.

– Отсюда – нет, – мотнул головой Убби. – Далековато. Даже для легкого камня. Вот если подойти поближе...

– Разве Ханбир похож на идиота? Так он и даст нам к себе подойти!

– Готов спорить, что даст, – возразил Убби со странной уверенностью в голосе. – Но только если мы подойдем с правильного направления.

– Как это? – не понял я.

– Вокруг полно скал. Но тех, на которые вингорец сможет перелететь, здесь раз-два и обчелся, – пояснил Сандаварг. – И одна из них торчит прямо позади нас. Все, что нам надо, это сделать так, чтобы Прыгающий Камень очутился на ней, когда я буду готов выстрелить из пращи. Промедлим секунду-другую, и он либо улетит куда-то еще, либо нас убьет.

– Ладно, просто скажи, что я должен делать, и все! – потребовал я, мало что поняв из объяснений наемника. – И пошли охотиться на этого выродка! Долорес порвала ему вчера пасть, а мне нужна его голова! На меньшее не согласен!

Суть хитрости Убби состояла в том, чтобы искусственно создать Ханбиру выгодный момент для нашего убийства. Который на самом деле станет нашим выгодным моментом для убийства Ханбира, о чем он, само собой, не должен был подозревать. Его, как и нас, тоже не устраивала слишком долгая охота. Запас ножей и сюрикенов у покаянца мало-помалу иссякал, а результат оставался нулевым. Вот почему Сандаварг был уверен: едва Прыгающий Камень заметит слабинку в нашей защите, он незамедлительно по ней ударит. И мы только что начали ему в этом подыгрывать.

Наше продвижение вперед под прикрытием щита ничем не напоминало коварную уловку. Я нес брата Ярнскада, Сандаварг за моей спиной раскручивал пращу – все говорило о том, что мы подбираемся поближе к противнику для точного выстрела. Ужасал ли противника размер нашего метательного орудия? Скорее нет, чем да. Тяжелые камни хороши для швыряния их в толпу, но не для стрельбы по подвижной одиночной цели, которая могла запросто от них увернуться.

Однако покаянец не улетал. Он мог бы сделать это сразу, как только мы двинули к нему, но предпочел повременить. И не потому, что не страшился пращи северянина. Ханбир выжидал, когда мы отойдем от скалы, возле которой прежде стояли, чтобы стремительно перелететь на нее, очутиться у нас за спиной и, пока мы не развернули щит, истыкать меня и Убби сюрикенами. В помощь Ханбиру был попутный ветер. Благодаря ему матерый летун мог исполнить свой финт за две-три секунды. Нам – обреченным ползать по земле Бескрылым – о такой молниеносности не приходилось и мечтать.

Идущий позади меня Сандаварг пока не видел цель, и потому следить за ней было поручено мне. Следить и подать команду, как только вингорец прыгнет на новую позицию. А потом все зависело лишь от северянина и его умения владеть пращей. Учитывая ее близкое родство с кистенем, я полагал, что Убби достаточно искушен и в этой науке.

Я припал к смотровой щели и сосредоточился на противнике. Это было одновременно и легко, и трудно. Легко, поскольку он все время маячил у меня перед глазами, а трудно, потому что при этом я не мог не думать о Малабоните. Вполне естественные мысли, но при охоте на ее убийцу они сильно мешали и сбивали с толку. Зато гудение пращи, наоборот, действовало на меня отрезвляюще. Я слушал ее пение, глядел на того, кому оно предназначалось, и трепетал в предвкушении последнего аккорда, который должен был определить финал этой заунывной трагической арии...

Ханбир не собирается ждать, когда мы подберемся к нему на расстояние прицельного выстрела, – боится, что, сделав его, мы сразу уйдем в глухую оборону и расстроим его замысел. Покаянец лишь позволяет нам отдалиться от нужной ему скалы на пару десятков шагов и решает, что пора действовать. Резко, с хлопком расправив крылья, он прыгает в ветряной поток, что домчит его до цели, не успеем мы и глазом моргнуть.

– Летит! – ору я в тот момент, когда Прыгающий Камень бросается со скалы. После чего сам тут же бросаюсь на землю вместе со щитом. Так, как и было уговорено. Я выполнил свою часть плана и схожу со сцены, дабы не вертеться под рукой у Сандаварга.

Заслышав мой окрик, северянин моментально разворачивается назад, лицом к скале, от которой мы удалились. Праща в его руке не останавливается ни на миг. Прочертив ею в воздухе сложный зигзаг, Убби быстро меняет ей плоскость вращения, которое теперь направлено в противоположную сторону. Возможно, для опытного пращника такой маневр в порядке вещей, но мне он кажется не менее виртуозным, чем выкрутасы Сандаварга с кистенем.

Убби наводит пращу на новую цель и стреляет, когда ее – цели – еще нет на месте. Но она там вот-вот будет. Пролетев у нас над головами неуловимой тенью, Ханбир лихо приземляется на узкую скальную вершину, а затем, не тратя время на складывание крыльев, высвобождает руки, выхватывает сюрикены и метает их в нас. В исполнении вингорца все это выглядит как единое, непрерывное движение. Столь же быстрое и сложное, как и то, что в этот миг изобразил у подножия скалы наемник.

Битва двух мастеров смертельного ремесла достигла своей кульминации. И теперь даже они сами не ведали, что произойдет в следующую секунду.

Сандаварг не был до конца уверен в своей меткости, поэтому, не мудрствуя лукаво, зарядил оружие не одним булыжником, а дюжиной мелких, уложив их в расширение ремня поплотнее друг к другу, чтобы они не разлетелись при вращении. Камни

вырвались из пращи, едва вингорец ступил на скалу, и понеслись к нему неудержимым роем. Который с каждым мгновением разлетался все шире и шире.

Метнувшему в нас сюрикены Ханбиру было уже не суждено увидеть, как они попадут в цель. Руки метателя все еще тянулись вслед выпущенным снарядам, когда его накрыл каменный град, увернуться от которого летун не мог при всей своей сноровке.

Треть камней пролетела мимо, но и тех, что угодили в покаянца, хватило, чтобы счесть наш выстрел удачным. Рваные дыры в крыльях – это было наименьшее из зол, причиненных нами врагу. Два булыжникашибанули ему в грудь и живот, один – в левую руку, а тот, чье попадание выдалось самым безупречным, – в лицо. Ошарашенный вингорец взмахнул руками и отшатнулся назад. Но верхушка скалы, на которой он находился, имела в ширину не более двух шагов, и устоять на ней Ханбиру не удалось. Очевидно, он понял это, когда уже летел вниз, поэтому и не успел закричать, грохнувшись на камни словно мешок с картофелем.

Зато Убби орал за двоих, огласив каньон своими боевыми выкриками. Один из сюрикенов был сбит встречным булыжником, но второй прорвался через каменный рой и рассек северянину плечо. На что он, победоносно ликуя, кажется, даже не обратил внимания. Я, в отличие от него, разразился обычной бранью, вскочил с земли и припустил к поверженному врагу, не забыв, однако, вынуть по пути из кармана брошенного рюкзака пистолет...

Падение с отвесной десятиметровой скалы убьет кого угодно, будь он хоть Бескрылый, хоть презирающий высоту вингорец. Однако, к моему удивлению, Прыгающий Камень не разбился насмерть. Судя по тому, что обе его лодыжки были сломаны, а голова цела (не считая расквашенного еще до падения носа), он кувыркнулся в воздухе и приземлился на ноги, упав затем набок и вывихнув правое плечо. При виде меня Ханбир захрипел и заерзал, пытаясь нашарить здоровой рукой в перевязи нож или сюрикен. Чтобы уgomонить калеку, мне пришлось прострелить ему боеспособную руку в локте. Уразумев, что его минуты и впрямь сочтены, покаянец прекратил дергаться, обмяк и обессиленно уронил голову на песок.

Только что желание отрезать эту самую голову терзало меня сильнее, чем желание вернуть назад «Гольфстрим». Но теперь, когда наш враг стал беспомощнее младенца, у меня почему-то пропал интерес к чрезмерно кровавым экзекуциям. Голова Прыгающего Камня и так полностью перешла в наше распоряжение, независимо от того, находилась она у него на плечах или валялась отрезанная рядом. Наоборот, пускай он поживет еще чуть-чуть, дабы осознать перед смертью, что

Убби сразил его – сына Великих Гор – оружием Бескрылых. Да не благородным оружием, а тем, пасть от которого у северян считается позором.

– Как погибла Долорес? – спросил я Ханбира, чей взгляд уже потух, но был еще вполне осмысленным.

– Так вот как, значит, звали вашу шлюху! – прохрипел вингорец сквозь прорезь в намотанных у него на лице окровавленных тряпках. Он по-прежнему старался изо всех сил держаться заносчиво, хотя в его немощем состоянии это выглядело лишь никчемной дурацкой бравадой. – Тебе что, правда охота услышать ответ на свой вопрос?

– Говори! – потребовал я, нацеливая пистолет ему в лицо.

– Твоя Долорес не разбилась, когда мы с Кирисотом порвали ей крылья, – не стал ерепениться Ханбир, покосившись на подошедшего к нам Убби. – Лежала на камнях так же, как я сейчас, и скулила от боли. А потом стала визжать, когда Кирисот раздвинул ей ноги и проверил, правда ли то, что Бескрылые женщины гораздо «вкуснее» вингорок. «Ерунда. Наши лучше, – сказал он потом. – Проверь сам, если не веришь». Конечно, я проверил, раз выпал такой шанс. И правда – никакого сравнения. Даже близкого. А уж как она старалась нам угодить, ведь мы пообещали, что не станем ее убивать...

– Ложь, – севшим голосом сказал я. Ханбир прямо из кожи лез, чтобы вогнать меня в неистовое бешенство, однако странное дело – все его старания пропадали впустую. – Обыкновенная вингорская ложь. Какая была срочность тащить Шомбудагу всего одну трофейную голову? Вдвоем с Кирисотом вы собрали бы все наши головы в один мешок гораздо быстрее и легче, чем ты справился бы с этим в одиночку.

– Я сам отрезал Долорес голову! – Кажется, Прыгающий Камень меня уже не слышал и разговаривал с сам с собой. – Сам, вот этими руками! А тело мы так и оставили на камнях. Пускай кондоры полакомятся – их там полно. От вашей шлюхи, наверное, уже и костей не осталось. И на ваших телах тоже скоро падальщики попируют. Или вы, глупые Бескрылые, всерьез решили, что мои горы вас отпустят?

Вопрос ублюдка так и повис в воздухе. Вместо ответа я приставил пистолет к разорванному рту вингорца и нажал на спусковой крючок. Пуля прострелила Ханбиру горло и с хрустом увязла в перебитом позвоночнике. Выстрел получился неаккуратным и не прикончил летуна сразу, но добивать его я не стал. Просто отвернулся и зашагал прочь, оставив его корчиться в агонии на залитом кровью песке.

Достаточно на сегодня милосердия. И если вдруг выродок доживет до той минуты, когда его начнут клевать падальщики, что ж – он это заслужил. Я – не благородный воин и не склонен проявлять великодушие к тем, кто лишил меня в жизни всего самого дорогого...

Прошел час, как Убби сокрушил Ханбира, но мы все еще оставались возле его тела, по которому то и дело продолжали пробегать короткие судороги. Я сидел в прострации, прислонившись спиной к скале, и глядел на разложенный передо мной пояс Малабониты, когда тактично оставивший меня наедине с моим горем Сандаварг начал выказывать нетерпение.

– Женщина, победившая вакта и покорившая ветер, была самой отважной из всех женщин, которых я когда-либо знал, – заметил он, усаживаясь рядом со мной. Надо полагать, его слова следовало считать утешением, которое воин Севера мог проявить к обычному бродяге вроде меня. Да, я не оговорился: обычному бродяге. А кем еще, по-вашему, я мог сегодня называться?

– Мою жену звали Долорес, – угрюмо уточнил я.

– Ну да... Долорес... Именно так я и хотел сказать, – поправился Убби. И, немного помолчав, продолжил: – Я, конечно, понимаю, что ты не в себе, разуверился в успехе, зол на весь мир, не хочешь ни с кем разговаривать и все такое... Однако все же позволь спросить: ты намерен остаться здесь или идти дальше? Потому что если идешь, значит, давай выдвигаться. Горевать на ходу гораздо легче, поверь моему опыту. Шагаешь, мыслями мрачными терзаешься, а потом спохватишься, глядь – и не заметил, как полпути отмахал. А то и больше. И сразу легче становится, и жизнь не такой поганой кажется. Я, когда у меня на душе муторно, либо в драку лезу, либо срываюсь с места и иду куда-нибудь. Завсегда помогает... Ну так что? Остаешься или будем выбираться из этой дыры?

– Остаться здесь?! – переспросил я. – Я что, по-твоему, рехнулся? Не было в роду у Проныр тех, кто похоронил бы себя заживо в горах, да еще имея при себе недельный запас воды! Ты прав: нечего рассиживаться – на востоке нас ждут незаконченные дела. И будет просто глупо бросать их сейчас, когда нас там никто не ищет.

– Вот! Именно это, загрызи нас пес, мне и хотелось услышать! – приободрился Сандаварг. – А то, глядя на тебя, я подумал было, что ты сдался.

– Не дождетесь! – огрызнулся я и погрозил кулаком небесам. – Еще посмотрим, за кем останется последнее слово! Особенно теперь, когда я по-настоящему разозлился!..

Часть третья Буря в Великой Чаше

Глава 13

Аркис-Грандбоул стал крупнейшим городом северной Атлантики по двум причинам. Главная из них – это, разумеется, его географическое расположение. Фактически отсюда начинались три крупнейших западных караванных пути, что были проложены по каньонам Атлантик, Кейна и Зеленого Мыса. Сюда же тянулось большинство всех караванов, идущих по ним в обратном направлении. Тут сходилась половина восточных гидромагистралей, и каждый третий прибывший в город танкер сливался в местные водохранилища. Благодаря бесперебойным поставкам воды и разветвленной оросительной системе Аркис-Грандбоул был окружен гигантским кольцом полей, садов и фруктовых рощ. А в самом городе имелась даже такая немислимая роскошь, как парк с фонтанами. Ну и как можно не упомянуть о знаменитом Сердце Мира – пригородном рынке, где можно раздобыть все, что угодно – хватило бы только терпения объехать километры развалов, лотков и торговых палаток.

Второй причиной, по которой Аркис-Грандбоул превосходил по количеству населения своего собрата по западную сторону Хребта – Аркис-Гамильтона, – был священный статус, коим обладала столица восточной Атлантики. Наши историки так и не пришли к единому мнению, что возникло раньше – Аркис-Грандбоул или церковь Шестой Чаши. Но одно известно точно: вначале появилась сама Чаша. Без нее ни тот, ни другая либо не зародились бы вообще, либо зародились, но существовали ныне в другом облике и под другими названиями.

Великая Чаша, она же Сосуд Ангела и Колыбель Новой Веры!

Как любой из перевозчиков, я могу говорить о ней совершенно беспристрастно. Среди нашего брата принято поклоняться не Чаше, а богине Авось, вера в которую сводится к соблюдению лишь одной заповеди: молись, когда тебе действительно хреново, а в остальное время не докучай покровительнице своим нытьем. Отсюда, соответственно, и вывод: чем реже мы возносим молитвы и отвлекаем ими Авось, тем больше шансов, что она расслышит голос того перевозчика, кто действительно нуждается в ее помощи. Очень практичная, необременительная религия, согласитесь.

В церкви Шестой Чаши все иначе, ведь недаром она величает себя единственной законной дочерью всех церквей Брошенного мира. Уйма заповедей, ритуалов, непременно посещение служб, регулярные пожертвования, целый свод молитв на все случаи жизни... И – вечная надежда, что Септет Ангелов расслышит твой голос среди тысяч обращенных к нему других голосов. Неудивительно, что прагматичные Проныры предпочли в свое время культ Авось. Вероятность выпросить у нее помощь была не ниже и не выше, зато хлопот и затрат в связи с этим возникало не в пример меньше...

Однако стоп: раз я пообещал говорить о Церкви беспристрастно, значит, придется оставить эти предвзятые сравнения и перейти к голым фактам. Пусть они отвечают сами за себя, тем более что спорных среди них практически нет.

Итак, вначале была Чаша...

Или нет, как ни крути, а придется начать рассказ об Аркис-Грандбоуле с более давних времен. А именно – с года Всемирного Затмения. Бесспорно, самого тяжелого года в долгой истории Человечества.

Каким был мир в эпоху Чистого Пламени, можно узнать, если подняться к его рубежу, на край любого крупного атлантического плато, не обязательно Великого. Также не обязательно при этом рисковать: пересекать рубеж и подниматься выше – туда, где воздух сильно разрежен, а небо даже днем остается черным и звездным. Все, что вы захотите выяснить, найдется в избытке у края плато.

Не обращайтесь внимание на следы метафламма. Сделайте вид, что их нет, и просто включите вашу фантазию. И тогда, уверяю, вам не составит труда увидеть в выжженных солнцем руинах прежние величественные строения, в ржавых, измятых островах – изящные скоростные автомобили, а под горами рассыпанного повсюду мусора – шоссе и улицы, по которым те автомобили ездили. И, конечно, вы сможете представить хозяев Брошенного мира, что обитали в этих домах, водили эти машины и ходили по этим улицам, понятия не имея, где и в каких условиях придется жить их немногочисленным потомкам.

Попробуйте, напрягите воображение, и все у вас получится. Не так уж давно мы стали теми, кто мы есть сегодня, чтобы наша генетическая память не помогла нам воскресить картины безвозвратно исчезнувшего прошлого.

Год, по прошествии которого Ад и Рай в представлении человека поменялись между собой местами, был неспроста назван годом Всемирного Затмения. Первыми признаками надвигающейся беды стали круглые черные пятна, что возникли из ниоткуда и были видны на ночном небосклоне по всей Земле. В течение двух суток

они непрерывно росли и сначала закрыли собой три четверти звезд, а затем, буквально в один день, – Солнце и Луну.

Планету окутала тьма. Но не крошечная, поскольку заслоняющие свет пятна не соединились между собой, и в эти разрывы наши светила продолжали изливать на Землю свои скупые лучи. Днем небо над ней напоминало куполообразную сияющую клетку с круглыми отверстиями, которая ночью чернела и покрывалась блестками звезд. Во всем этом, безусловно, присутствовала своеобразная и грандиозная красота. Вот только столкнувшиеся с неведомым космическим ужасом земляне вряд ли могли оценить ее по достоинству.

Тьма принесла за собой холод, страх и панику. На фоне разгоревшихся повсюду беспорядков мало кого удивило известие о том, что покрывшая планету «скорлупа» располагается от ее поверхности на высоте восьмидесяти тысяч километров и является искусственным металлическим сооружением. И без официального заявления ученых мир уже готовился к встрече с инопланетными братьями по разуму. Правда, было все еще неясно, чем именно их встречать: цветами или ядерными ракетами.

Заклучившая планету в панцирь, эскадра из ста девяносто пяти летающих тарелок недолго пребывала в бездействии. На посылаемые им сигналы все они спустя неделю ответили дружным запуском ста девяносто пяти грибовидных объектов. Каждый из них вылетел из центра своей «тарелки» и устремился к Земле шляпкой вперед по строго вертикальной траектории. Синхронность вылета объектов и равномерный разброс предполагаемых мест их приземления указывали на то, что нас подвергли орбитальной бомбардировке, после которой с поверхности планеты исчезнет все живое. Или же, что более вероятно, сама она будет обращена в пыль – размеры бомб и их количество указывали именно на это.

«За что?!» – очевидно, этим вопросом были озадачены земляне в последние, как они тогда думали, минуты жизни человеческой цивилизации. Вопрос, на который мы до сих пор продолжаем строить догадки и, вероятно, никогда не получим конкретный ответ.

Цивилизация выжила, хотя приземление Столпов и впрямь было сродни массивной всепланетной бомбардировке. По мере приближения к Земле их наконечники разгорались белым пламенем и распадались на куски. Вместе с этим замедлилось и снижение объектов, скорость которых плавно уменьшилась примерно в пять раз. Это, однако, не касалось их отработавших тормозных устройств. Они посыпались с небес градом разновеликих обломков, чей вес варьировался от нескольких десятков до миллиардов тонн. Последних – таких, как, например,

будущий Антильский полумост, – было немного, и грохнулись они по большей части в океан, что также смягчило последствия их падения. Которое, впрочем, стало лишь короткой прелюдией к посадке Столпов, вызвавшей куда более глобальную катастрофу.

Если сравнить размеры любого из них с размерами Великой Чаши, становится очевидно, что она являлась не обломком, а цельной деталью тормозной системы Столпа – судя по всему, ее корпусом. На это также указывает форма инопланетного артефакта, похожего и на чашу, и на перевернутую грибную шляпку. Плюхнувшись в Атлантический океан западнее островов Зеленого Мыса, он ушел на дно, где и пролежал до тех пор, пока океанские воды не высохли и не открыли миру это внеземное чудо.

Разумеется, церковь Шестой Чаши имеет свою, более поэтичную версию тех стародавних событий. Опираясь на древнейшие библейские трактаты, предвещавшие Конец Света, адепты новой веры – септиане – видят в инопланетном вторжении Апокалипсис, и он, по их мнению, еще не закончился. Дабы не вдаваться в дебри чуждого мне учения, замечу лишь вкратце, что нынешняя Церковь молится Септету Ангелов, которые пролили на землю шесть чаш гнева господнего и готовы вылить последнюю. Ее уже занес над миром глава Септета Метатрон, но обращенные к нему истовые молитвы септиан удерживают его руку от совершения финальной кары. И если у него все-таки иссякнут сомнения и он выплеснет на нас содержимое своего сосуда, раздастся глас с небес, а мир охватит целая череда чудовищных напастей. После чего он стремительно покатится в тартарары, куда ему, и так стоящему одной ногой в могиле, давно пора бы провалиться.

Где разбросаны другие пять опорожненных ангельских чаш, Церковь умалчивает. Но шестая – та, от которой якобы пересохли океаны – нами давно обнаружена. И более того – приспособлена для жизни. Однако случилось это лишь полвека спустя после того, как на планету рухнули без малого две сотни стальных башен и жизнь на ней, казалось, была полностью уничтожена.

Несмотря на то что перед входом в атмосферу падение Столпов замедлилось, они все равно столкнулись с Землей достаточно жестко. Порожденные ими сейсмические толчки привели к свирепому землетрясению, всколыхнувшему весь мир, от полюсов до экватора. Взбудораженные океаны выплеснулись на берег исполинскими волнами, а вздыбленная земная кора взметнулась в воздух миллиардами тонн пыли. С ней смешался дым, пар и удушливый газы от миллионов пожаров и взрывов, что неминуемо охватили планету вслед за прочими катаклизмами. И без того заслоненная от солнца эскадрой летающих тарелок, она за

считанные минуты утонула в крошечном мраке и хаосе, в котором напропалую хозяйничала смерть, выкашивающая людей целыми многомиллионными городами.

Как долго длилось Всемирное Затмение, никто сегодня толком не знает. Я слышал разное: от двух недель до восьми месяцев. Известно лишь, что однажды непроглядная тьма превратилась в приемлемые для жизни сумерки, а впоследствии рассеялись и они. И когда небо над миром худо-бедно прояснилось, его облетели две новости: хорошая и плохая. Первая обнадеживала тем, что панцирь вокруг Земли исчез бесследно и ничто опять не мешает солнцу согревать ее своими лучами. Вторая новость, однако, не позволяла в полной мере радоваться вернувшемуся теплу и свету, поскольку все сброшенные с орбиты стальные башни остались здесь. И, похоже, остались надолго.

Они изуродовали планету так, как уродуют лицо высыпавшие на нем прыщи. За время Затмения Столпы глубоко вгрызлись в землю и океаническое дно, да к тому же раздались ввысь и вширь. Внутри и наверху этих циклопических сооружений днем и ночью кипела непонятная жизнь, стальная поверхность башен постоянно видоизменялась, а между их вершинами сновали загадочные летательные аппараты, едва различимые с земли невооруженным глазом. Ниже пришельцы не спускались и на контакт по-прежнему не шли. Впрочем, истосковавшимся по солнцу, ввергнутым в разруху и изрядно поредевшим землянам было тогда не до поиска общения с инопланетным разумом. Свыкшись с его присутствием, они начали мало-помалу восстанавливать привычный мир, с опаской косясь на зловецкие монументы и гадая, чего еще от них можно ожидать.

Странное это было вторжение.

Братья по разуму, о встрече с которыми мы грезил с незапамятных времен, наконец-то добрались до Земли. Судя по их технике, они заметно опережали нас в развитии. Но сам факт использования ими механических устройств говорил о том, что развиваемся мы примерно одинаковым курсом и, стало быть, установление между нами контакта теоретически возможно.

На практике же выходило то, что гости напрочь игнорировали нас, хозяев третьей планеты от Солнца, будто мы были для них пустым местом. Они не искали с нами дружбы и не истребляли целенаправленно (надо полагать, стремились они к этому, человечество вообще не дожило бы до окончания Затмения), а попросту не замечали людей, прилетев на Землю с одними им ведомыми целями и взявшись устанавливать на ней свои порядки. Ну а нам, дабы выжить, оставалось лишь приспособливаться к ним ценою новых жертв и лишений.

Самую значительную утрату мы понесли на исходе года Великого Затмения, когда над Столпами загорелось видимое и поныне синее свечение. Спустя сутки, как оно было обнаружено, люди во всех концах мира почувствовали: воздух изменился – обрел ощутимую сухость и странный запах. Не то чтобы неприятный, скорее – чужеродный. И дышать им вроде бы тоже стало полегче.

А еще через сутки он начал уничтожать то, что не смогли уничтожить Столпы. Также повсеместно и в огромных масштабах. И, естественно, убивать. Вновь напропалую и тысячами. В лучших традициях начатого год назад Конца Света...

Человечеству потребовалось не одно тысячелетие, чтобы приручить огонь. Чтобы полностью отказаться от него, нам хватило считанных дней. Пронесшаяся по миру буря смертоносных черных всполохов быстро отвадила людей от огня и электричества. Последнее перерождалось в метафламмы режущего действия, но зато последствия каждого такого перерождения всегда были ужасающими. Искорка, проскочившая между контактами электрического устройства, разрушала его изнутри, порождая при этом множество новых искр и еще более катастрофических разрушений.

Люди лишились последних электростанций еще до того, как сумели понять, что их уничтожило. Люди не могли зажечь спичку, потому что она убивала вокруг себя все живое в радиусе трех метров. Люди боялись дотрагиваться до металла и были вынуждены отказаться от шерстяной и прочей одежды, которая при контакте с телом билась статическими разрядами, способными теперь пробить в нем дыру величиной с кулак. Люди, что пережили вторую инопланетную напасть, поголовно заболели тяжелой формой пиррофобии, передавшейся затем по наследству нам – их потомкам. Однако тот факт, что мы все же появились на свет, убедительно доказывает: психическая болезнь наших предков являлась не злом, а исключительным благом. И тот, кто ею не заразился, был в новом мире не жилец.

Дальнейшие постигшие Землю метаморфозы происходили уже не так стремительно.

На протяжении полувека Вседержители планомерно уродовали планету, пока она не обрела нынешний, более-менее устойчивый облик. С каждым годом уровень Мирового океана опускался все ниже, запасы пресной воды иссякали, а дышать в горах и вдали от морских побережий становилось все труднее и труднее. Люди мигрировали вслед за уходящим океаном, постепенно обживая пригодные для обитания участки обнажающегося дна. Поначалу – вблизи устьев крупных рек, что продолжали течь еще несколько лет после того, как Атлантику стало возможно пересечь пешком. Затем, когда из всех источников пресной воды в мире остались лишь антарктические и гренландские льды, люди потянулись на север и юг, но холод и невозможность развести огонь остановили их. Впрочем, выход из

положения был вскоре найден, ведь к тому времени человечество уже всю пользовалось дарами Столпов, щедро разбрасывающих окрест себя всевозможную иносталь. И редко, но все-таки регулярно – двигатели безостановочного вращения, Неутомимых Трудяг. А уж заставить отходы внеземных технологий послужить на благо людям было проще простого – умельцев в народе всегда хватало. Особенно во времена, когда от их смекалки зависело, без преувеличения сказать, выживание целого мира.

Земля менялась, и мы менялись вместе с ней. Не хочется говорить «медленно вымирили», хотя даже самому недалекому обитателю Атлантики ясно: южные льды столь же не вечны, как и исчезнувшие полвека назад северные. Мы завидовали предкам, жившим в эпоху, когда гибель нашей цивилизации казалась чем-то туманным, далеким и совершенно нереальным. Их будущее виделось им воистину светлым и желанным. Наше было predetermined, как падение на скалы – для сорвавшегося в пропасть человека. Короткий свободный полет и неизбежная гибель – вот и все перспективы.

И все-таки мы продолжали существовать, забыв об огне, дыша переработанным Вседержителями воздухом, ходя по дну осушенных ими океанов и грызя антарктический лед, утешаясь, что на наш-то век его точно хватит. Мы были неистребимы, а также упрямы и донельзя наивны в своей надежде остаться на этой планете, которая давно нам не принадлежала. Наш мир исчезал вместе с нами, словно песок, сдуваемый ветром с камня. Но мы – песчинки – все еще цеплялись за его поверхность, поскольку такими уж «шершавыми» устроила нас природа, с чьими законами нам по-прежнему приходилось считаться...

Но вернемся к Аркис-Грандбоулу, пройти мимо которого у нас, как и у идущего на запад каравана, при всем желании не получится.

История зарождения крупнейшего города восточной Атлантики неразрывно связана с историей последних дней Брошенного мира. Рухнувшая в океан и уцелевшая при падении деталь тормозной системы Столпа была найдена спустя полвека одним из крупных кланов, мигрирующих по Атлантике в поисках нового пристанища. Найдена и сей же час захвачена, потому что лучшего места для основания города в современном мире было попросту не сыскать.

Дабы представить, что открылось взору первооткрывателей Великой Чаши, возьмите круглый, без ручек таз, заройте тот на три четверти в песок – причем не ровно, а чуть наискось, – а затем насыпьте и в посудину столько песка, чтобы его уровень снаружи и внутри сравнялся. Ну и в довершение вообразите себя букашкой, которая ползет и вдруг натывается на торчащий из земли железный обод таза –

высокую неприступную стену, замкнутую в идеальное кольцо. Само собой, что и те кочевники никак не прошли мимо возвышающегося посреди пустыни монументального артефакта.

Крен Чаши на юг позволил скитальцам заглянуть ей внутрь с окрестных возвышенностей. Выяснилось, что в ней нет ничего, кроме толстого слоя песка и камнеила. Однако перелезть через барьер вот так запросто не представлялось возможным. Его высота в самом низком месте составляла больше десяти метров, а на приподнятой северной стороне – все полста. Брешей в стене опять-таки не было. Вдобавок она имела заметный уклон наружу, который лишь усложнял штурм иностаального периметра; за счет этого уклона и возникла подтвержденная позже гипотеза, что артефакт являет собой сегмент сферы, а не утопленное в земле широкое кольцо.

Но кочевники не отчаялись. Перед ними раскинулась идеальная площадка для постройки города: обнесенная уже готовой крепостной стеной территория диаметром порядка четырех километров. И не беда, что в ней нельзя было пробить ворота. Обрадованные находкой скитальцы спешно призвали на подмогу дюжину дружественных кланов – места для жизни в Чаше всем им хватило бы в избытке – и взялись возводить у южной части периметра насыпь. Такую, чтобы по ней можно было войти в будущий город поверх стены. А в случае нападения – быстро перекрыть врагам путь внутрь. За это отвечал длинный подъемный мост, сооруженный на вершине наклонной насыпи и соединяющий ее с барьером. Ради пущей неприступности она не подходила вплотную к периметру, отстоя от него аккурат на длину моста.

Впоследствии низкий участок обода Чаши был наращен иностаальными плитами, в которых были проделаны полноценные ворота, а насыпь и мост – расширены и укреплены для проезда бронекатов и танкеров-водовозов. Также вокруг городской стены появился оборонительный ров, чье дно загромождали оцетинившиеся шпангоутами остовы древних кораблей. Стремительно отстраивающийся город быстро снискал широкую известность. И к нему со всей восточной Атлантики начали стягиваться кочевники, которые еще не отыскивали на ее просторах подходящего места для жизни. Те из них, кому по той или иной причине запрещали селиться внутри крепости, не отчаивались и оседали за ее пределами, пополняя ряды крестьян, что уже размечали пригородные земли для будущих ферм, садов и полей. А когда были открыты караванные пути на запад, Аркис-Грандбоул начал и вовсе жить припеваючи за счет стягивающихся к нему купцов и перевозчиков. И это не считая религиозных паломников, которых здесь также собиралось немало.

Храм Семи Ангелов был построен в городе наряду с первыми зданиями и сразу стал крупнейшим в Атлантике культовым сооружением. Основавшие Аркис-Грандбоул дружественные кланы были весьма религиозны и не пожалели сил и средств на возведение святилища. Еще бы, ведь ему надлежало стоять не где бы то ни было, а внутри самого Ангельского Сосуда! Когда именно внеземной артефакт был признан Шестой Чашей – до строительства насыпи или во время него, – точно неизвестно. Но сравнение получилось настолько удачным, что новая вера распространилась по миру всего за пару лет. А ее неопиты взялись стекаться в город еще до того, как храм был завершен.

Объявив Вседержителей пособниками злейшего врага правоверных – Багряного Зверя, а Столпы – сваями, на которых зиждется его престол, отцы-основатели Церкви сделали, однако, оговорку: пользование иносталями есть дело ангелоугодное, ибо бороться с врагами их же оружием отнюдь не возбраняется. Поэтому и символ над святилищем – двукрылая чаша – был тоже изготовлен из столбового металла. Увенчанный ею храмовый шпиль гордо возвышался над Аркис-Грандбоулом, красноречиво подчеркивая святость сего места, коему было суждено стать Колыбелью Новой Веры...

И именно сюда три с лишним столетия спустя прислужник Владычицы Льдов, дон Риго-и-Ордас, пригнал мой бронекат, который преподнесли ему вингорцы в обмен на двадцать танкеров воды! Отсюда же «Гольфстриму» вскоре предстояло отправиться напрямиком на Юг. Сразу после того, как здешние мастера-клепальщики вскрыют контейнеры Макферсона и заодно – о ужас! – переделают мой трудягу-буксир в истребитель. Иными словами, превратят его в один из множества иносталяных монстров, что патрулируют подступы к Антарктиде и отпугивают от нее всех, кто еще помимо Владычицы хочет наложить лапу на тамошние сокровища.

Бедный, бедный «Гольфстрим»! Даже тебе, машине, приходится расплачиваться за мои ошибки! Воистину, нет и не будет прощения Еремею Проныре Третьему на этой многострадальной земле!..

– ...Сведения насчет «Гольфстрима» верные. Савва Мизгирь собственными глазами видел, во что эти сволочи его превратили, – молвил я дрожащим от бессильного негодования голосом, переступив порог гостиничной комнаты. После чего налил себе из жбана полную кружку кактусидра, залпом осушил ее и, утерев рукавом рот, добавил: – Похоже, это конец! Раз нашего буксира больше нет, значит, и контейнеры нам тоже не вернуть.

– Что-то я, шкипер, плохо тебя понимаю, – нахмурился развалившийся на койке Убби. – Твоя развалюха цела и стоит в мастерской этого... как его... Синклера. Контейнеры лежат там же. Мы торчим уже не в тысяче километров, а всего в пяти кварталах от них. И вдруг сегодня ты приходишь и заявляешь, что все пропало и ничего у нас не выйдет. Какого пса, спрашивается?! Если ты надумал меня разыграть, то знай: я подобные шутки с детства не перевариваю.

– Что тут может быть непонятного? – Я уселся на стул и, откинувшись на спинку, скрестил руки на груди. – Дон Балтазар надавил на бургомистра Аркис-Грандбоула, и тот передал ему в подчинение Вика Синклера и всю его артель. Если тебе неизвестно, кто такой Синклер, то знай: он – лучший механик по эту сторону Хребта, собравший для Владычицы половину ее боевых бронекатов. И раз ему приказали взяться за «Гольфстрим», значит, теперь это уже не наш буксир, а совершенно другая машина. Смекаешь, что к чему?

– Нет. По мне, что одна четырехколесная развалюха, что другая – невелика разница. – Сандаварг потянулся и зевнул. В маленькой трактирной гостинице, где мы сегодня жили, он откровенно скучал. Здесь было так тесно и многолюдно, что наемник даже не имел возможности поупражняться с кистенем. Не говоря уже о том, чтобы пустить его в дело. Околачивающийся в трактире сброд шарахался от свирепого северянина как от чумного, а ищущие приключений рубаки не робкого десятка в эту дыру не забредали. И кабы не владелица таверны – веселая толстوشка-вдова Бригитта, – у которой Убби пропадал едва ли не каждую ночь, он бы, наверное, и вовсе загнулся тут от тоски.

– Хорошо, представь себе, что кто-то украл у тебя братьев Ярнклота и Ярнскида и переделал первого в булаву, а из второго склепал для себя доспехи. – Я решил донести до Сандаварга свою мысль наиболее понятным ему способом. – Ты, конечно, нашел вора и свернул ему шею, но станешь ли ты после этого снова пользоваться отобранными у него вещами? Тем более что они окажутся тебе совершенно не по размеру.

– А что, управлять другой развалюхой для тебя так же трудно, как мне – драться в тесных доспехах? – ответил вопросом на вопрос северянин.

– Трудно – не то слово, – покачал я головой. – Знаешь, что Синклер сделал с «Гольфстримом»? Пока бронекат Мизгирия стоял под разгрузкой, Савва успел поболтать со знакомым клепальщиком. И тот, бахвалясь, сам показал ему, во что их артель может всего за месяц превратить обычный буксир. Вик оставил нетронутыми лишь Неутомимого Трудягу и колеса. Все остальное – от рамы до марсовой мачты – было заменено. Ходовая часть расширена в полтора раза и примерно во столько же

увеличена база. Корпус, соответственно, тоже. Добавилась еще одна палуба – орудийная. На ней установлены не какие-то «Сморкачи» и «Плаксы», а, ты не поверишь, пара автоматических систем залповой стрельбы «Сембрадор», на которых Синклер просто помешан! Каждый из этих палубных комплексов может делать по два залпа в минуту, выпуская зараз дюжину тяжелых двухметровых гарпунов. Ради этого Синклеру пришлось усовершенствовать шасси, сделав поворотными не только передние, но и задние колеса. Отныне «Гольфстрим» может крутиться на месте, как гоняющаяся за своим хвостом шавка, ведя непрерывный обстрел цели попеременно с двух бортов! А также отклоняется от прямого курса, не меняя положения корпуса! Я уже не говорю про усложненную на порядок раздаточную систему двигателя, обычные легкие баллестирады, носовой таран и кормовую роторную катапульту-сепиллу! Целый месяц артельщики Вика работают в три смены не покладая рук. И если бы мы заранее не сказали Мизгирию, что они переделывают наш «Гольфстрим», сам Савва его ни за что бы не опознал.

– Эй-эй, шкипер, полегче! Осади, а то у меня сейчас голова расколется от твоих роторов и сепилл! – взмолился Сандаварг, закрыв уши ладонями. – Короче, ты просто испугался, что не совладаешь с крутым норовом этой новой развалюхи... или как ее там?

– Истребитель, – подсказал я. – Теперь это чудовище называется истребителем. И чтобы управлять им, нужна команда как минимум из восьми человек. Это во-первых. Во-вторых, мне потребуется время, чтобы разобраться в новом управлении и приноровиться к возросшей маневренности. В противном случае я даже не проведу истребитель по городским улицам и не перееду по насыпи через стену. Времени на тренировку у меня явно не будет, а за пределами Аркис-Грандбоула, когда «Гольфстрим» возьмет курс на Юг, нам его не захватить. Как видишь, и здесь все хуже некуда. В-третьих, угон боевого бронеката – это преступление уже иного толка. Сбагрив контейнеры, я планировал сбежать на Север, подальше от этих многолюдных мест, и поработать пару лет на твоих земляков. Однако угнав теперешний «Гольфстрим», мне не скрыться на нем от Кавалькады даже за каньоном Чарли Гиббса. С потерей обычного буксира Владычица еще смирилась бы. С угоном крепости на колесах – никогда. И в-четвертых, у нас до сих пор нет механика. А без него я на таком серьезном бронекате – как без обеих рук.

– Вот незадача! – проворчал Убби, почесывая живот. – А какое хорошее было утро, загрызи тебя пес! Моя женщина накормила меня завтраком, я принял ванну, побрился и начал подумывать, а не вздремнуть ли мне до обеда. Но тут пришел Проныра и отбил весь сон... Знаешь, шкипер, какая из твоих дурных привычек

самая опасная? Всегда, как только ты заводишь со мной речь о трудностях, у меня прям рука чешется разmozжить тебе голову. Даже не знаю почему. То ли ты все время не под настроение пристаешь ко мне с подобными разговорами, то ли паниковать раньше времени начинаешь, а я от этого бешусь, то ли талант у тебя такой – превращать любую проблему в стихийное бедствие.

– Есть и хорошие новости, – поспешил добавить я. – Синклер так и не сумел вскрыть контейнеры. Мизгирь сказал, они разложены на полу в том же цеху, где стоит «Гольфстрим». Все вроде бы на месте, ни один не взломан. Спрашивать, что это такое, Савва не стал – побоялся вызвать к себе подозрение. Впрочем, сомневаюсь, чтобы и артельщикам Вика сообщили раньше времени, что они найдут в тех ящиках.

– Ну ладно, хоть это радует, – слегка подобрел северянин. – А как насчет дона Балтазара? Мизгирь выяснил, когда он вернется за грузом и развалюхой?

– Артельщик обмолвился, что главный цех, где они находятся, должен освободиться через неделю. Синклер нервничает, боится, что не успеет ко сроку с регулировкой ходовой части истребителя. Возле него, само собой, постоянно дежурят десятка полтора-два кабальеро. И еще с полсотни гвардейцев околачивается в городе на случай, если кто-то покусится на их трофеи.

– Не забывают, песьи дети, что прибрали к рукам чужое! – злорадно осклабился Убби. – Боятся справедливого возмездия. Чуют, что хозяева вот-вот вернутся за своим добром!.. Значит, говоришь, неделя? Ладно, время еще есть. Не придумаем ничего получше, будем действовать так, как я сказал: устроим засаду прямо на подъемном мосту. Запрыгнем на «Гольфстрим» с воротной арки, дадим брату Ярнклоту прогуляться по палубам, а затем рванем от Кавалькады как тогда, в западных предгорьях Хребта...

– Команда. Незнакомое управление. Попытка угона боевого бронеката. И главное: механик! – загибая поочередно пальцы, напомнил я Сандаваргу о наших проблемах, нуждающихся в срочном решении.

– О команде забудь, – отрезал тот. – Если я найду тебе помощников в Холодном квартале, а кто-нибудь из них в драке с кабальеро погибнет или попадет под арест, нашу местную общину ждут крупные неприятности. А у нас и без того их здесь хватает – жандармерия давно ищет повод изгнать из города неугомонных северян. Искать помощь в другом месте слишком опасно. В Аркис-Грандбоуле слухи разносятся быстрее метафламма. Могу лишь пообещать, что я сам готов вступить в твою команду и выполнять на борту развалюхи все твои приказы. Даже могу стать механиком, если понадобится. В незнакомом управлении ты, полагаю, разберешься

на ходу – поди не первый год за штурвалом стоишь. Про угон вообще молчу. Нас так и так приговорили к смерти, поэтому не о чем переживать: одним беззаконием больше, одним меньше. Ну а в остальном...

В дверь номера негромко постучали. Я вздрогнул, но Убби даже не пошевелился, лишь снова зевнул и, махнув рукой, сказал:

– Все в порядке, можешь открыть. Если бы *она* притащила за собой кабальеро или жандармов, те уже топали бы вокруг трактира своими сапогами. Эти псы тут хозяева и не привыкли ходить по городу на цыпочках.

Я отпер дверь и впустил вернувшуюся с рынка Малабониту. Она прошмыгнула в номер и сразу припала к жбану с кактусидром. По ее растрепанному виду было заметно, что она торопилась. Ей явно удалось разузнать в Сердце Мира кое-что любопытное и не терпелось с нами этим поделиться. Однако первым делом Долорес все же исполнила поручение, данное ей, похоже, минуту назад у трактирной стойки.

– Твоя толстуха велела передать, что ждет тебя через полтора часа после ужина, – отставив жбан, обратилась Долорес к северянину. – И еще попросила, чтобы ты оказал ей услугу и подстриг ногти на ногах. А иначе она высчитает с тебя за все простыни, какие ты у нее порвал.

– «Толстуха»! – передразнил Убби Малабониту, подтянув колени к груди и критически ощупав то, что могло ввергнуть его в нежелательные расходы. Затем проверил пальцем остроту своего ножа и вмиг приуныл. Грядущая стрижка наемничьих ногтей, похоже, грозила затянуться до самого вечера. – Сколько презрения я слышу в твоем голосе, женщина, победившая вакта! Пойми, что истинная красота должна быть практичной, а не только ласкать глаз. Да будет тебе известно, что чем пышнее женское тело, тем лучше оно согревает мужчину. Вот почему у нас, северян, испокон веков не любят худышек и боготворят толстушек. И тебе, южанке, которую муж собирается увезти на Север, надо бы завидовать роскошным фигурам наших женщин, а не смеяться над ними.

– И что бы вы делали со мной в каньоне Дельгадо, будь я такой северной раскрасавицей? – фыркнула Долорес. – Грелись бы на мне по очереди, пока от жажды не передохли?

Вместо ответа Сандаварг лишь хохотнул и капитулирующе поднял ладони. Возразить на столь сокрушительный контраргумент ему было нечем.

– Ладно, любитель толстушек, хватит трепаться о всякой ерунде. Я не затем сюда с рынка как пришпоренная неслась, чтобы твои дурацкие советы насчет моей фигуры выслушивать, – подытожила Малабонита их с Сандаваргом пустопорожний спор,

после чего перешла к делу: – Есть новости насчет де Бодье. И, боюсь, не слишком веселые...

...Я, Убби, и Физз доплелись до восточных ворот Дельгадо спустя два дня после того, как выиграла битву с Ханбиром – Прыгающим Камнем. Ударившее нам в глаза солнце оказалось таким желанным, что, купаясь в его лучах, я даже ненадолго забыл обо всех наших горестях и бедах. И о том, что вскоре это же солнце грозило прикончить нас в предгорьях, которые нам предстояло пересекать, сверяясь со срисованной мной из Атласа картой.

Наивысшая солнечная благодать снизошла, разумеется, на ящера. Финальная стадия пути по «сквозняку» далась ему непросто, даже несмотря на то, что все последние сутки он шагал налегке. Вода, которую он волок, была вчера допита, а канистра из-под нее выброшена. Но едва на Физза упал первый солнечный луч, как тот моментально воспрянул духом, взъерошил поблекшую чешую и заурчал от удовольствия, будто мурлычущий кот. Да что там – я и сам был готов сейчас мурлыкать, вкушая истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Кто знает, возможно, последнее наслаждение, которое я получаю от жизни.

Прежде чем углубляться в скальные лабиринты, мы решили дать себе сутки на отдых. Пускай Убби все еще держался молодцом, было заметно, что и он подрастерял былую прыть. Во время привалов северянин начал подолгу смотреть в задумчивости на брата Ярнскида, очевидно решая, а не оставить ли его здесь и тем самым увеличить свои шансы дойти до поселка Стервятников. Да и брат Ярнклот был явно не застрахован от подобной участи. Если Сандаварг вконец ослабнет, махать кистенем, как раньше, ему будет тяжело. Гораздо проще припрятать оружие в тайник, сэкономить силы и затем при первом удобном случае вернуться за ним, нежели пасть под тяжестью собственного арсенала на полпути к спасению.

Спасение пришло к нам на рассвете следующего дня, еще с вечера возвестив о своем приближении далеким ревом горна. Мы уже улеглись спать, но, заслышав его, вмиг оба очутились на ногах. После чего по одинаковой реакции друг друга отметили, что долетевший до нас сигнал – не галлюцинация. Ветер тут завывал гораздо тише, чем в «сквозняке». И стоило нам наострить уши, как мы различили не только трубные звуки, которые раз за разом повторялись, но и коротенькую мелодию, в какую они складывались. Убби она ни о чем не говорила. Зато я, разобрав ее, воодушевился настолько, что на радостях даже хлопнул северянина по плечу. На что он вовсе не обиделся и, прекрасно понимая мое состояние, простил мне это панибратство.

Играемая далеким горнистом мелодия являлась побудкой, которая каждое утро поднимала на работу артель Федора Оплеухи. Долететь досюда от Столпа Трех Галеонов эти бодрые звуки не могли, тем паче после захода солнца. Значит, трубящий в горн Стервятник находился не далее чем в дюжине километров от нас и пытался привлечь внимание тех, кто мог оказаться поблизости. Очень хотелось верить, что сигнал предназначался именно нам, а не кому-то еще. Ведь это означало, что Ханбир соврал: Долорес не погибла, а добралась до цели и сейчас спешила обратно вместе с артельщиками за мной и Сандаваргом.

Велико было искушение броситься на звук горна, но я не утратил рассудок, помня, что ничего, кроме неприятностей, мы больше в темноте не сыщем. Известившие о себе Стервятники тоже вряд ли отправятся куда-либо на ночь глядя, так что утром мы еще наверняка их услышим. И увидим, ибо что еще делать в этой глуши артельщикам, как не следовать к Дельгадо?

Так и оказалось. Нам даже не пришлось никуда идти. На рассвете рев горна донесся откуда-то совсем неподалеку, и Сандаварг, набрав в грудь воздуха, ответил на него своим боевым кличем. После чего трубач проиграл задорный пассаж, дав понять, что нас слышит, а через четверть часа к каньонным воротам выехала группа всадников во главе с Оплеухой. Рядом с которым – хвала всемилостивым Авось и Фиделю Гаванскому! – скакала целая и невредимая Малабонита.

Опустим подробности нашей горячей встречи и дальнейшего трехдневного путешествия к Столпу Трех Галеонов. Замечу лишь, что все это время нам пришлось трястись в седлах лошадей и для не привычных к верховой езде меня и Убби это вылилось в сущий кошмар (для Физза у Федора была припасена маленькая тележка, в которой ящер претерпел не меньше мучений, чем мы). Впрочем, натертые задницы и взболтанные внутренности были ерундой в сравнении с тем, что нас бы ожидало, не доберись Долорес до Оплеухи и не поведай ему нашу душераздирающую историю. И едва Федор прознал, в какое дерьмо мы вляпались, как тут же велел седлать коней и лично отправился со своими людьми на наши поиски...

Воздушные приключения победительницы вакта, о которых она нам поведала на обратном пути, оказались куда более насыщенными, нежели наши.

Увернувшись от Ханбира и Кирисота в каньоне, Долорес тут же попыталась поскорее вырваться из него, чтобы взмыть на недостижимую для врагов высоту. Это ей почти удалось, и не замешкайся она с поисками нужного воздушного потока, отставшие вингорцы ее ни за что не настигли бы. Однако те лучше знали особенности дующих над «сквозняком» ветров. Не успела Малабонита и глазом

моргнуть, как покаянцы снова летели прямо над ней, угрожая распороть крылья дельтаплана.

Делать было нечего. Пришлось ей снова срываться в пике, на сей раз более крутое и затяжное, чем первое. К чести вингорцев, повторно на эту уловку они не клюнули. Вместо того чтобы броситься за беглянкой, Ханбир и Кирисот, не снижая высоты, устремились туда, где Долорес должна была оказаться по завершении маневра.

Предугадать-то они предугадали, но не учли, что, обуздав воздушный поток, их жертва сама захочет поохотиться на них. Вместо того чтобы по выходе из пике возобновить взлет, она, сделав крен на левое крыло, позволила ветру резко отнести планер вбок. Кинувшиеся к ней охотники запоздали всего на миг. И были вынуждены последовать за Малабонитой, дабы не дать той уйти от них в отрыв.

Но теперь, когда вингорцы не маячили над дельтапланом, а летели с ним на одной высоте, Долорес ощущала себя более свободной и решила на контратаку. Увлекаемая в сторону, она увеличила крен и завершила маневр уклонения лихо выписанной в воздухе горизонтальной окружностью. Из-за меньшей площади крыл покаянцам не удалось воспроизвести точно такую же петлю и удержаться на хвосте у жертвы. Наоборот, из-за более короткой траектории разворота Малабонита сама села им на хвост, в считанные секунды очутившись над все еще не вышедшими из виража врагами.

Второе ее преимущество состояло в том, что она могла недолго управлять летательным аппаратом одной рукой, а вингорцы – нет. Буквально рухнув на голову Кирисоту, Долорес выхватила нож и одним взмахом распорола ему напополам правое крыло. К сожалению, ей не удалось рассчитать ни силу, ни направление удара. Ее оружие угодило противнику под мышку и намертво застряло у того между ребер. И чтобы камнем рухнувший с небес Кирисот не утянул Малабониту за собой, ей пришлось выпустить рукоять ножа и вернуться к управлению планером.

Лишившийся напарника Ханбир занервничал. Но Долорес продолжала лететь прямо над ним, вне досягаемости его обитых иносталью ботинок, и не собиралась упускать с таким трудом отвоеванное преимущество. И не беда, что нож был утерян, а лягнуть врага она не могла – крепление для ног на дельтаплане этого не позволяло. У Долорес еще оставалось в запасе оружие, которое она, не задумываясь, пустила в ход.

Конечно, поясной ремень с прикрепленным к нему грузом был не чета кистеню Сандаварга. Но огретому по темечку фляжкой с водой Ханбиру и такого удара оказалось достаточно. Многострадальный вингорец, чей рот уже был разорван пулей, завилжал вправо-влево, пытаясь не сорваться на скалы вслед за товарищем.

Вошедшая в раж Малабонита попробовала стегануть противника ремнем еще разок, но Прыгающий Камень увернулся и не был повторно задет фляжкой. И вообще, дезориентированный и наполовину оглушенный вожак покаянцев предпочел отвязаться от своей несостоявшейся жертвы и пошел на снижение.

Впрочем, кое-какой урон он ей все же причинил. Во время второго, неудачного удара ремень выскользнул у Долорес из пальцев и полетел вслед за удирающим врагом вместе с фляжкой. Садиться на склоны Хребта и искать ее Моя Радость уже не стала – побоялась столкнуться на земле с разъяренным Ханбиром. И пусть лететь через предгорья без глотка воды было не менее опасной затеей, Малабонита решила все же дерзнуть. Как-никак, а повадки ее старого противника-ветра она знала намного лучше, чем коварство местных аборигенов.

И ветер ее не подвел. Несмотря на его крутой нрав, укрощение этой стихии отнимало у Долорес не так много нервов, как воздушные бои с вингорцами. Чего нельзя было сказать о силах. Длившаяся до самой ночи затяжная битва с ветром вымотала Малабониту до предела. Стараясь поспеть к Столпу Трех Галеонов до темноты, она совершила за день лишь одну посадку, выделив себе на отдых всего четверть часа. Но даже это жесткое самоограничение не помогло – вечерние сумерки все равно застали летунью в воздухе. Благо цель ее пути уже маячила на горизонте и не позволила Долорес заблудиться.

Лететь при свете звезд она еще могла, но приземляться наугад уже не рискнула. Пока сумерки позволяли рассмотреть землю, Малабонита посадила дельтаплан, не дотянув до поселка Оплеухи около двадцати километров. После чего рухнула от усталости на песок и моментально уснула, а утром отправилась спозаранку на восток. На сей раз пешком. За время, какое потратила бы Долорес, ища подходящую для взлета возвышенность и взбираясь на нее, можно было запросто достичь Столпа по земле. Причем ценой гораздо меньших усилий.

Как ни мечтала Малабонита эффектно свалиться с неба прямо на голову Оплеухе, пришлось хулиганке в итоге войти в поселок на своих двоих. Что, в общем-то, и так безмерно удивило Федора, когда он вдруг обнаружил у себя на пороге изнывающую от жажды дочь алькальда Сесара. И при одном взгляде на нее сразу становилось ясно: принесенные ею новости вряд ли будут радостными...

Сидя у Столпа Трех Галеонов, нельзя было разузнать, где именно вингорцы передали «Гольфстрим» дону Риго-и-Ордасу. Их встреча могла состояться где угодно в радиусе тысячи километров от восточных ворот Дельгадо. Впрочем, искать это место нам и не понадобилось. Гораздо проще было разнюхать, куда кабальеро отправились затем.

Кавалькада – это вам не горстка кочевников, чье перемещение по хамаде может остаться незамеченным. В какой бы район Атлантики ни направились гвардейцы, весть о них разносилась быстро, зачастую опережая их на пару дней. Демерарские рапидо скакали резво, но тягаться в скорости с почтовыми голубями они не могли.

Как и в любой другой столповой артели, у Оплеухи также имелась голубятня. Она помогала ему поддерживать связь с другими Стервятниками и быть в курсе мировых новостей. Мы разослали пернатых почтарей во все вероятные места, куда дон Балгазар мог отогнать «Гольфстрим», и спустя неделю выяснили, что Кавалькаду со дня на день ожидают в Аркис-Грандбоуле.

Это было вполне логично, учитывая высокую репутацию проживающих там мастеров по работе с иносталью. Прежде чем везти трофейный груз Владычице, команданте должен убедиться наверняка, что мы не вскрыли контейнеры раньше его и не заменили их содержимое песком. Подобная проверка требовала времени. И потому у нас не оставалось иного выхода, кроме как тоже отправиться в Колыбель Новой Веры.

Федору показываться в Аркис-Грандбоуле – городе, где его клеймили как растлителя малолетних, – было опасно, и он проводил нас лишь до его окрестностей. Пожелав нам на прощание удачи и предложив, ежели что, возвращаться к Столпу Трех Галеонов (разумеется, при условии, что мы хорошо заметем за собой следы), Федор оставил нам трех лошадей и отбыл домой. А мы двинули дальше, ломая головы над тем, как пройти незаметно в ворота Великой Чаши. Каждый из нас напялил балахон паломника, а притороченный к лошади арсенал Убби был упакован в дерюжные чехлы. И все-таки этих мер было явно недостаточно, чтобы мы могли слиться с толпой.

Безопаснее всего было бы прибиться к какому-нибудь каравану, поскольку на приезжающих из хамады одиночек жандармы всегда смотрели с подозрением. Вдобавок не стоило исключать, что кабальеро, не доверяя вингорцам, снабдили на всякий случай привратников нашим подробным описанием. Цена риска могла стать для нас слишком высокой. И потому мы решили не суетиться и пошататься денек по Сердцу Мира. На пригородном рынке всегда можно встретить знакомых купцов или шкиперов, которые согласятся помочь нашему горю и при этом будут держать язык за зубами.

Для ускорения поиска на обширной рыночной территории нам пришлось делиться. Мы договорились встречаться каждый час в условленном месте и разъехались в разные стороны, благо проходы между торговыми рядами были предназначены не только для всадников, но и для бронекатов. К стоянке последних

я напрямиком и направился, хотя ошиваться в том углу Сердца Мира мне ныне следовало с оглядкой.

Дон Риго-и-Ордас не мог загнать «Гольфстрим» в город незаметно. И то, что на «Гольфстриме» теперь хозяйничает не шкипер Проныра, также могли выведать многие. Так оно и было. Голубиная почта донесла до Оплеухи новости о том, что находящиеся в Великой Чаше перевозчики уже в курсе, что я угодил в немилость к Владычице. Об этом знали и мои ближайшие друзья – независимые шкиперы, – и работающие на «ледяную королеву» служаки. А поскольку и первые, и вторые общались между собой невзирая на то, кто кому служит, я должен был держать ухо остро со всеми ними без исключения.

Возле бронекатов всегда вертелось множество зевак: и детей, и взрослых; право слово, где еще в Атлантике можно увидеть сразу столько гигантских машин? Это, безусловно, играло мне на руку. Изображая из себя паломника, везущего за собой тележку с покупками (в которой, как нетрудно догадаться, лежали вовсе не покупки, а спрятанный под брезентом Физз), я натянул капюшон балахона на глаза и, пустив лошадь шагом, двинул вдоль выстроенной в ряд техники. В сезон сбора урожая здесь, бывало, собирались зараз не меньше сорока сухогрузов и буксиров. Нынче я насчитал их всего полтора десятка. М-да, негусто... Но их могло бы быть еще меньше – все-таки сейчас не самые горячие торговые месяцы.

Миновав без остановки бронекаты, на чьих бортах красовался герб Владычицы – синий щит, пересекаемый справа налево белой волнистой линией, – я пригляделся к остальному транспорту и обнаружил среди него «Багаму-маму» – сухогруз знакомого мне сталевоза Саввы Мизгиря. Это можно было счесть удачей. Несколько лет назад я, Мизгирь и еще трое перевозчиков ходили в многорейсовом конвое, переправляя на юг разобранные северянами строения покинутого ими города Аркис-Будира. Ну и намерзлись же мы тогда за каньоном Чарли Гиббса! Хуже, чем в аду! Из пятерых участников нашего конвоя лишь я да Савва добросовестно отходили все оговоренные контрактом рейсы. Прочие же шкиперы не выдержали и, предпочтя забрать неполный расчет, рванули на Юг. Там за работу платили не так щедро, зато при этом не приходилось денно и ночью стучать зубами от холода.

Каждый из прибывающих на торговлю в Аркис-Грандбоул сталевозов сначала заезжает в Сердце Мира. Там он пытается продать отборные экземпляры своего товара поштучно, а нераспроданные остатки сбавливает потом городским клепальщикам, скупающим все подряд на вес. Сегодня дела у Мизгиря шли скверно, и он с тоской поглядывал на свой не пользующийся спросом груз – пластины высокопрочной иностали, доставленные сюда аж из-за экватора. Теперь их предстоит развозить по всем мастерским города в поисках покупателя, который

предложит наибольшую цену. Муторное, но необходимое занятие, поскольку отдавать такой отменный товар совсем уж задарма было сродни преступлению. И перед собой, и перед своей командой, ожидающей вознаграждения независимо от успеха торговли.

Признав в вертевшемся возле «Багамы-мамы» паломнике меня, Мизгирь, конечно, удивился. Но не обрадовался, чему не удивился я, ибо с недавних пор изгой Проныра – не самый желанный гость даже для старых друзей, не говоря об остальных. Впрочем, приглашение подняться на борт и пропустить по стаканчику кактусидра я все-таки получил. И был убежден, что Савва никому не проболтается о том, что он со мной встречался. Все-таки за время нашей совместной работы на северян я неплохо изучил этого человека, чтобы делать в отношении него столь уверенные выводы.

Мизгирь сильно рисковал, якаясь со мной, поэтому я счел своим долгом быть с ним предельно откровенным и ничего от него не утаил. Помочь моему горю, кроме как провезя меня с товарищами в Аркис-Грандбоул, шкипер «Багамы-мамы» не мог. И если бы он нам отказал, я бы, клянусь, на него не обиделся. Однако он не только согласился, но еще и поблагодарил меня за поданную ему весьма своевременную идею.

– Сколько, ты говоришь, там было этих проклятых контейнеров? – переспросил Савва, схватив карандаш и взявшись делать в блокноте какие-то подсчеты.

– Тридцать штук, – уточнил я. – Тридцать заделанных намертво, иностальных контейнеров весом под три тонны каждый. Надо быть чертовски упорным резчиком, чтобы вскрыть эти ящики, точно тебе говорю.

– Ты прав, Ерема. Ты абсолютно прав, – пробормотал Мизгирь, сосредоточенный на своих записях. – И дон Балтазар, могу поспорить, раздобыл себе лучшего из них! И я даже знаю кого. Кое-кто из наших трепался, что артель Синклера недавно получила очень важный внеочередной заказ. Настолько важный, что Вик даже выгнал из главного цеха недоделанный сухогруз кого-то вон из тех гербоносцев. – Он указал карандашом на стоящие неподалеку бронекаты Владычицы. После чего высунулся из окна рубки и прокричал стерегущему товар помощнику: – Эй, Ахмед, гони сюда грузчиков, и тащите все железо обратно на борт. Через полчаса отправляемся в город!

– Что стряслось? – спросил я, недоумевая по поводу внезапно охватившего Мизгирия волнения.

– Ты видел мой товар? – спросил в свою очередь он. Я с пониманием кивнул: мол, да, товар что надо. – Это оружейная иносталь от Столпа Святой Елены! Из нее выходят не только превосходные мечи и шпаги, но и пилы по металлу. А кому сегодня в городе больше всего нужны такие пилы, а? Много пил для очень срочного заказа! Смекаешь, что к чему, Ерема? Да не будь я Савва Мизгирь, если твоя наводка насчет ящиков не даст мне толкнуть Синклеру эти заготовки по двойной цене!.. Давай, свищи сюда свою банду. На ближайшие два часа зачисляю вас к себе в экипаж. Только попроси северянина поумерить гонор, если ему вдруг придется разговаривать с привратниками. В этом городе краснокожих не шибко жалуют...

Никаких вопросов к нам при въезде в Аркис-Грандбоул не возникло. Заглянувшие в полутемный трюм жандармы смерили нас и еще полдюжины грузчиков равнодушными взглядами и ничего не сказали; многие стремящиеся в Великую Чашу паломники нанимаются чернорабочими на попутные бронекаты или в караванную охрану. Наши лошади, которых мы предусмотрительно распрягли, также не вызвали подозрений. Едущий с рынка шкипер мог везти на борту любой купленный там товар. Все выглядело вполне пристойно. И потому даже если пропускной режим в городе был ужесточен, то на самых желанных здесь гостей – торговцев – эти ограничения не распространялись.

Соваться вместе с Мизгирем к Синклеру мы побоялись, пусть мне и не терпелось повидать загнанный к нему в мастерские «Гольфстрим». Обосновавшись в трактире у толстушки Бригитты, мы загнали лошадей в ее конюшню и принялись мало-помалу изучать обстановку. А также ждать, какие новости добудет для нас Савва.

Он напомнил о себе лишь через неделю, в течение которой ему пришлось вести трудные переговоры с Виком, упрямо не соглашавшимся выкупать иносталь по заломленной Саввой цене. Однако неуступчивость шкипера, владеющего коммерческой тайной Синклера, принесла-таки свои плоды. Сломав о контейнеры Макферсона последние пилы, поджимаемый сроками Вик был вынужден сдаться и выплатил продавцу требуемую им сумму. А пока «Багама-мама» разгружалась, Мизгирь разнюхал кое-что о контейнерах и о «Гольфстриме». Вдобавок Савва счел необходимым одарить меня за подброшенную ему выгодную наводку небольшой премией. От которой я в сложившихся обстоятельствах не стал отказываться, поскольку мешочек одолженных нам Оплеухой монет был, увы, не бездонным.

И вот сегодня благодаря чутким ушам Малабониты, ежедневно рыскающей по Сердцу Мира в поисках нужных нам сведений, нежданно-негаданно прояснилась судьба де Бодье.

Новости о нем вогнали нас в замешательство. До сей поры мы были твердо уверены, что Гуго нет в Аркис-Грандбоуле. Мизгирь сказал, что видел отирающегося у «Гольфстрима» шкипера-гербоносца Чеслава Бобровски и членов его команды, а знакомый клепальщик Саввы уточнил, что именно они и пригнали в город мой бронекат. Поэтому мы полагали, что перед встречей с доном Балтазаром вингорцы, как и обещали, отпустили Сенатора в хамаде. В действительности же он сидел сейчас в казематах храма Семи Ангелов, готовясь со дня на день принять мученическую смерть за вероотступничество.

Просто абсурд какой-то!

Воистину, более глупой кончины для де Бодье – человека, всю жизнь верившего не в богов и ангелов, а в непреложные законы техники, – представить было нельзя! И чтобы выволить его на свободу, требовалось пожертвовать Церкви большие деньги. Настолько большие, что и в прежние времена мне пришлось бы собирать их не одну неделю, а теперь раздобыть подобную сумму нам не светило подавно.

И тем не менее бросать Гуго на растерзание церковникам мы не собирались. Во-первых, он являлся нашим другом. А во-вторых, у нас попросту не было иного способа отыскать за считанные дни в Аркис-Грандбоуле надежного и толкового механика, готового бросить вместе с нами вызов Владычице Льдов...

Глава 14

Патриция по-прежнему цвела и благоухала, как те розы, которые она обожала выращивать у себя в домашнем цветнике. За те несколько лет, что мы с ней не виделись, она ничуть не изменилась. И сегодня это был для нее, пожалуй, лучший комплимент, потому что прекраснее ей, к сожалению, было уже не стать. А вот коварнее – запросто. Эта женщина еще в молодости прослыла неисправимой городской интриганкой. В ее же нынешнем возрасте это давно перестало выглядеть обычной светской блажью и переросло в своего рода хроническую манию. И отнюдь не безобидную, если учесть, сколько жертв ее интриг в итоге разорилось, угодило в тюрьму или наложило на себя руки.

Короче говоря, разрешите представить вам Патрицию Зигельмейер – единственную из моих бывших жен, которая не претендовала на право называться единственной женой шкипера Проныры и с которой у нас были предельно честные отношения. Она никогда не скрывала, что делит со мной постель ради того, чтобы использовать меня в своих закулисных играх. Я, в свою очередь, частенько захватывал с собой в

рейсы секретные письма и посылки Патриции и передавал их нужным людям, если таковые попадались мне на пути. Дважды перевозил, не задавая вопросов, каких-то ее друзей, которым нужно было проникнуть в Великую Чашу, не попадаясь на глаза жандармам. А один раз помог незаметно сбежать из города самой госпоже Зигельмейер, когда ей зачем-то понадобилось инсценировать собственное убийство.

Да, нам было о чем с ней вспомнить!.. Однако стоило мне подумать о том, со сколькими любовниками ее связывали куда более яркие ностальгические воспоминания, как мое самомнение сразу же скукоживалось, словно пересушенный урюк.

Впрочем, сегодня у меня появилась возможность оставить моей бывшей жене о себе действительно хорошую память. Впервые за время нашего с Патрицией знакомства я не вызывался помогать ей, а был вынужден просить ее оказать мне услугу. Само собой, незаконную, но разве матерой интриганке впервой заниматься чем-то подобным? Единственное, что меня пугало – я слишком отстал от местной политической жизни и потому понятия не имел, кому госпожа Зигельмейер сегодня друг, а кому – враг. Могло статься, что, явившись к ней в гости, я допускал фатальную ошибку и губил на корню наш и без того ненадежный замысел...

– Еремей, душа моя, не верю своим глазам: ты ли это? Вот уж кого не чаяла больше увидеть! Ну проходи, проходи, нечего топтаться перед моими окнами в такой дурацкой одежде, – защебетала Патриция, узрев нас с Малабонитой на пороге своего особняка.

Удивительно, как эта вечно занятая женщина не позабыла своего давнего приятеля. О ее сменившейся с тех пор прислуге и говорить нечего. Прежняя впускала меня в этот дом без вопросов. Новый же дворецкий госпожи Зигельмейер поначалу едва не сбросил нас с крыльца, приняв за попрошаек. И потом, когда я пригрозил ему, что этим он наживет себе от хозяйки крупные неприятности, нас заставили проторчать у нее под дверью почти полчаса, дожидаясь, пока она сможет уделить нам минутку своего драгоценного времени. К счастью, по ее радушной реакции стало понятно, что нас не вытурят отсюда так скоро и мы успеем обсудить то, зачем к ней пожаловали.

– А это с тобой, я так понимаю, госпожа Проныра собственной персоной! – вновь удивилась Патриция, когда Долорес, как и я, сбросила с головы капюшон паломнического балахона. – Рада видеть тебя в моем доме, девочка. Знаешь, у тебя и впрямь глаза твоего отца, которого я имею честь немного знать.

– Я тоже кое-что слышала о вас, госпожа Зигельмейер. Это правда, что, когда вы были молоды, из-за вас дрались на дуэли бургомистры двух восточных городов? –

Малабониту нервировало, когда с ней начинали говорить в покровительственном тоне, но сегодня она предпочла обойтись без ответных колкостей. Ну, или почти без них, если быть честным.

– О да! На самом деле это было не так уж давно. Впрочем, тебе это трудно понять, ведь для тебя десять лет – фактически половина жизни, – моментально парировала Патриция. – И примите мои запоздалые поздравления по поводу вашего бракосочетания! Из всех хорошеньких провинциалок, на которых ты, Еремей, всегда был падок, тебе повезло выбрать самую лучшую... Однако до меня дошли тревожные слухи, что дон Риго-и-Ордас вздумал помешать вашему семейному счастью и даже пытался вас убить! Какой кошмар!

– Судя по твоему удивлению, Патриция, твои шептуны известили тебя о том, что дон Балтазар нас все-таки прикончил, – отметил я.

– Не буду отрицать: ты прав, – призналась госпожа Зигельмейер, изобразив смущение, которого в действительности она не ведала, наверное, с рождения. – Я уже месяц места себе не нахожу, все никак не могу поверить, что с вами стряслось такое несчастье... – И, сокрушенно покачав головой, обратилась к топчущемуся позади нас дворецкому: – Кто бы еще сегодня ни пришел, Карл, говори: мне нездоровится, и я никого не принимаю. Наши гости, полагаю, не откажутся со мной отужинать, поэтому накроешь стол на три персоны.

– На три? – переспросил дворецкий. – Следует ли это понимать, госпожа, что лейтенант Руффини не останется сегодня у нас на ужин?

– Ах да, совсем запамятовала: этот Руффини!.. – спохватилась Патриция. – Нет, Карл, он не останется. Поднимись в спальню, извинись перед ним, скажи, что меня внезапно почтил визитом полковник Ульман, и проводи лейтенанта на улицу через заднюю дверь. Сам понимаешь, не нужно, чтобы он видел у нас в доме воскресших мертвецов. А вы, мои любезные Проныры, пройдемте в гостиную. Страсть как не терпится услышать вашу историю...

– Люди новые, порядки все те же, – вкратце обрисовала госпожа Зигельмейер нынешнее положение дел в Аркис-Грандбоуле. – Бургомистр Рейли ведет подковерную грызню с Церковью, решая, у кого из них здесь больше полномочий. Но все они расстилаются в подобострастии перед посланниками с Юга, когда те заезжают в наши пенаты. А «ледяная королева» в последние годы все больше симпатизирует ангелопоклонникам, чья вера, поговаривают, сильно распространилась среди рабов-водосборщиков. Еще говорят, что ради укрепления своей власти Владычица готова сама принять причастие и наколоть на руке «крылатую чашу». Вот наша светская верхушка и боится, что когда это произойдет,

дон Балтазар просто-напросто разгонит ее и установит в городе церковную диктатуру. Ручаюсь, первосвященник Нуньес сегодня только этим и грезит. Вы бы слышали, как в своей вчерашней проповеди он истолковал недавние слухи о замеченных вблизи Великой Чаши псах Вседержителей. Знамение! Слуги Багряного Зверя подбираются к священному городу, ибо греховность его нынешней власти превзошла все мыслимые пределы! Еще немного, и из места, осененного ангельской десницей, Аркис-Грандбоул превратится в мерзкий Вавилон – оплот пороков и скверны.

– Сегодня утром на рынке только и болтали о стражах Полярного Столпа и последней проповеди Нуньеса, – добавила Долорес, продолжая коситься на Патрицию с плохо скрываемым презрением. – Уже по меньшей мере дюжина человек из разных концов пригорода поклялись, что видели рыскающих по полям и пастбищам ваков. Пускай они не жрут скот, но фермеры все равно сильно напуганы. Отродясь, твердят, такой напасти не было. А первосвященник своей проповедью лишь еще больше людей взбаламутил.

– Да, есть у него такая привычка: чуть что, сразу кричать и на градоначальство собак спускать, – согласилась хозяйка. – Отвратительный тип. Прежний – Феоктист – тоже был не подарок, но тот хотя бы в открытую бургомистра и жандармов грязью не поливал. А Нуньесу на местных шишек откровенно начхать. Однако он вовсе не дурак, как может показаться, и прекрасно осознает, что делает. У народа ведь кто испокон веков становился любимчиками? Правильно: те, кто не боялся в открытую против власти выступать. И Нуньес старательно готовится ко дню, когда Владычица всучит ему бразды правления Аркис-Грандбоулом. По этой же причине в последнее время участились и казни за вероотступничество. Раз паства обожает подобные зрелища, значит, надо ей в этом всячески потакать. Церковь имеет полное право судить тех преступников, чьи злодеяния очерняют веру или ее официальных слуг. Отсюда и столько юридических казусов. Застукает, к примеру, один из храмовых псалмопевцев соседа на краже своей курицы, и того уже судят не за воровство, а за покушение на имущество служителя Церкви – читай, вероотступничество. И там, где обычный вор отделался бы десятком плетей, отступника ждет мученическая смерть от когтей и клыков священных нетопырей. Видела я, что это за казнь, и потому очень не завидую вашему товарищу, в чем бы он ни провинился.

– Наш товарищ – бывший сенатор Аркис-Капетинга, мсье Гуго де Бодье, – напомнил я госпоже Зигельмейер то, о чем уже говорил ей накануне. – Он скорее умрет с голоду, чем пойдет воровать. К счастью, с его талантами инженера и механика голодная смерть ему не грозит. А уж обвинить его в богохульстве не сможет даже самый яркий знаток Священного Писания. Прежде чем открыть рот,

мсье Гуго взвешивает каждое свое слово и никогда не станет оскорблять чувства верующих. Негодяй, который швырнул его в церковные застенки, допустил чудовищную ошибку и обрек на смерть невинного. Это сущая правда, поверь мне, Патриция.

– Что ж, теперь я понимаю, зачем вы пришли ко мне, – кивнула она. – Однако вынуждена вас огорчить: у меня нет ни денег, ни связей, которые поспособствовали бы вам вызволить вашего друга. Ты меня знаешь: я – светская женщина и в сегодняшней грызне стараюсь поддерживать Рейли, а не Нуньеса, пусть даже последний грозитя вот-вот подмять под себя этот город. Мне очень жаль, но те члены церковного синода, с какими у меня еще сохранились мало-мальски хорошие отношения, не сумеют убедить первосвященника помиловать де Бодье. Тем более, если, как ты подозреваешь, к его аресту причастен сам дон Риго-и-Ордас.

– Но эти святоши могут хотя бы позволить их узнику последнее свидание с дочерью? – полюбопытствовал я. – Дочерью, которая приехала издалека и желала бы проститься с отцом, прежде чем он примет мученическую смерть. Уж в этой-то малости, полагаю, Церковь Сенатору не откажет?

– Какой такой дочерью? – нахмурилась интриганка, почуяв неладное.

– Той самой, которая сидит сейчас перед тобой и слезно умоляет тебя помочь ей увидаться с многогрешным папочкой, – пояснил я, сохраняя серьезную мину. – Пусть даже ненадолго: на час, полчаса... В принципе и пятнадцати минут нам будет вполне достаточно.

– Достаточно для чего?! – вмиг посуровела госпожа Зигельмейер. – Учтите: если вы, отщепенцы, решили устроить де Бодье побег, то даже не пытайтесь втягивать меня в вашу авантюру!

– Полноте, Патриция! – всплеснул руками я. – Мы что, похожи на конченных безумцев, которым не терпится напасть на храм Семи Ангелов? Речь идет всего-навсего об обычном свидании, и только! Дочь обнимет напоследок отца, поплачет у него на груди, попрощается и уйдет. А он останется в камере проклинать судьбину и дожидаться казни. Как видишь, совершенно ничего предосудительного.

– Тогда в чем подвох? – хитро прищурилась светская львица. – Только не говори, что его там нет.

– Там – нет, – признался я. – А вот на церемонии скармливания Гуго священным нетопырям может разразиться большой скандал. И если тебе вздумается посетить эту казнь, мы сделаем все возможное, чтобы наше представление тебя не разочаровало.

– О, да неужто первосвященнику предстоит умереть? – насторожилась Патриция.

– Ну зачем так плохо о нас думать! – притворно возмутился я. – Разве кто-то здесь заикался об убийстве? В свое время я достаточно долго общался с тобой, Патриция, и успел кое-чему у тебя научиться... – И, перехватив гневный взгляд Малабониты, поспешил уточнить: – В смысле научился разбираться в политических тонкостях, а не только... в каком-то одном вопросе. Что мы выиграем от убийства Нуньеса? Ничего. Наоборот, останемся в полном проигрыше. Публичная насильственная смерть любимца паствы ополчит ее против нас и увеличит количество наших врагов на несколько порядков. Не говоря уже о том, что сделает первосвященника популярным великомучеником и ангелоподобным. Нет, Патриция, у нас для него припасено кое-что похлеще смерти. Намного хуже и в то же время гуманнее. И если наша затея удастся, клянусь, ты будешь гордиться мной как одним из лучших твоих учеников.

– И что, по-твоему, может быть для Нуньеса страшнее смерти? – оживилась госпожа Зигельмейер.

Я ответил.

Она задумалась.

Мы с ней молча смотрели друг на друга, и чем дольше тянулась эта пауза, тем сильнее разгорался интерес в глазах Патриции. Я давно знал о ее неприязни к церковникам и о том, что она не упускает случая досадить им. Все, что госпожа Зигельмейер рассказала нам о местных политических войнах, не являлось вымыслом. Ее – ярую приверженку светских и любовных утех – действительно страшила перспектива установления в Аркис-Грандбоуле тотального религиозного диктата. Однако она была слишком хитра и пуглива, чтобы в открытую выступать против ангелопоклонников. И потому, заявись мы к ней и напрямую предложи поучаствовать в нашем беззаконии, она, скорее всего, сочла бы это провокацией и наотрез отказалась бы.

Зная мнительную натуру Патриции, мне следовало действовать исподволь и играть не на ее презрении к Церкви, а на безобидном женском любопытстве – одной из редких слабостей госпожи Зигельмейер. Приоткрывая ей карту за картой, я планомерно добивался своего и даже не погнушался прибегнуть к банальной лести. Хотя использовать этот прием в игре с тертой интриганкой было все равно что пытаться рассмешить клоуна его же ужимками.

В конце концов хозяйка перестала пытаться скрыть свое нетерпение и, вновь взяв покровительственный тон, вымолвила:

– А ты и впрямь многому от меня нахватался, Еремей. И не подозревала, что я такая хорошая наставница. Конечно, для игры в наших кругах у тебя маловато изящества, но из уважения к твоему старанию я, так и быть, готова выслушать, как ты намерен освободить своего товарища. И если твой план хотя бы наполовину соответствует твоим наглým амбициям, можешь рассчитывать на мою поддержку. Любую, кроме денежной – тут уж, извини, выкручивайся как знаешь. Помочь советом и связями начинающему авантюристу я еще могу, но финансировать его выходки – увольте! Как-никак, а почтенной даме не пристало на склоне лет заниматься подобными глупостями...

– Знай я заранее, что наш Сенатор – такой идиот, черта с два согласилась бы его спасти! – в сердцах брякнула «дочь» томимого в неволе узника после того, как встретила с ним в казематах храма и вернулась назад в трактир. – Нет, вы только подумайте: умудриться уйти от вингорцев и от Кавалькады, а потом из-за сущего пустяка угодить в руки толстых и ленивых жандармов Аркис-Грандбоула!

– Ага, значит, надо думать, самочувствие у мсье де Бодье в порядке! – радостно заключил я из ее слов. Уж коли Долорес с порога обозвала Гуго идиотом, стало быть, на свое физическое и душевное здоровье он ей не жаловался. В противном случае эта новость была бы наверняка озвучена первой.

– По мне, так его надо бы вообще для профилактики раз в полгода в тесной камере запирать и баландой кормить, – сказала Малабонита. – Да вдобавок смертной казнью стращать – чтобы волновался, потел и худел побыстрее... Нормально он себя чувствует, разве что осунулся и побледнел без света. Не знаю, чем твоя сучка Патриция того святошу из синода ублажала, но он распорядился выделить нам для свидания отдельную комнату – что-то вроде кабинета для допросов. Как только Сенатора туда ввели, я к нему сразу на шею бросилась и всхлипывать начала, а сама при этом ему на ухо шепчу: мол, чего вылупился, дурак, давай, делай то же самое и доченькой меня называй. Молодец, не растерялся. Быстро все понял и в игру включился. В общем, поплакали мы с ним на пару минут пять, пока охранники на нас тарасились, а когда им это надоело и они вышли, нам и о деле поболтать удалось.

– Вас могли подслушивать, – заметил Убби.

– А то я не догадывалась! – фыркнула Долорес. – Да, скорее всего, не только подслушивали, но и наблюдали исподтишка – уж больно комнатка странная была. Только ничего подозрительного церковники в моей болтовне не нашли, ручаюсь. Все, что Гуго нужно было знать, я ему в открытую сообщила. Дескать, что бы ни говорил тебе Нуньес, о чем бы ни спрашивал, талдычь во всеуслышание «Я

невиновен!» и моли Септет Ангелов подтвердить это, явив чудо. До самого конца упорно молись и надейся, ведь раз на тебе и впрямь нет никакой вины, значит, чудо непременно произойдет. Более того – оно уже началось! Неужели не чудо, что я – безутешная дочь – сумела добиться встречи с отцом в этих застенках? Ведь ты молился, папочка, чтобы мы снова встретились, спросила я. Ежеминутно и всем сердцем, ответил он. И сказал, что продолжит это делать до самой своей смерти... Было так трогательно. Сенатор даже заплакал, хотя я ему больше никаких знаков не подавала.

– Ты точно уверена, что де Бодье понял твой намек? – усомнился я. – Боюсь, без его отчаянной мольбы о чуде мы не сорвем шквал оваций. А они нам будут ой как необходимы, особенно если придется прорываться сквозь толпу.

– В вопросе понимания намеков Гуго точно не идиот, – уверенно кивнула Долорес. – Да и в остальном тоже вроде бы нет. Но бродяжничать в одиночку ему категорически противопоказано. От страха, голода и усталости у него начинает ум за разум заходить, и Сенатор может такого напортчить, что сам будет потом диву даваться. Это ж как надо постараться, чтобы тебя – умудренного жизнью человека – взяли и объявили гнусным еретиком!..

История превращения бывшего сенатора и механика в бродягу, а затем – в ангелопротивного вероотступника и впрямь выглядела анекдотичной. Если бы Малабонита услышала ее не из уст самого де Бодье, я сроду не поверил бы, что он стал жертвой не направленного против него заговора, а собственной глупости. Тем не менее так оно и было. И даже подозреваемый мной в этом злодействе дон Риго-и-Ордас не имел к нему, как оказалось, ни малейшего отношения.

Путь от «Оазиса морей» до места, где вингорцы должны были встретиться с Кавалькадой, вedomый Гуго «Гольфстрим» отмахал за четыре дня. Однако все это время Сенатор не просто стоял у штурвала и молился, чтобы его не прикончили. Желая повысить свои гарантии на спасение, бывший политик воскресил в памяти все свои прежние профессиональные уловки, решив для начала попробовать подружиться и найти общий язык с малознакомым ему крылатым народом.

Дело это было нелегкое, беря во внимание, как неохотно хозяева гор вступали в разговор с Бескрылыми. Но болтун де Бодье владел искусством ведения переговоров и умел располагать к себе людей. Проявив всю свою изворотливость, он в конце концов втерся в доверие сначала к охранникам, а затем и к Светлогривому Грифону. На исходе второго дня пути тот уже без опаски поднимался на мостик и подолгу рассказывал Гуго о вере и традициях вингорцев, к которым тот вдруг проникся немалым интересом.

Интерес этот был для де Бодье всего лишь затравкой, которую он подкинул врагам, намереваясь добиться их благосклонности. Покопавшись в памяти, он очень кстати припомнил одну из заповедей вингорского пророка Наранира, тезисы основополагающих трудов которого Гуго, будучи еще сенатором, прочел накануне каких-то международных переговоров. Отложившаяся у него в голове заповедь предписывала вингорцам проповедовать учение Серебряного Луча каждому, кто изъявляет желание к нему приобщиться. В особенности – Бескрылым. Донесение до них сих нетленных истин считалось наиболее сложным и почетным делом, и за каждого чужака, ознакомленного с ними, проповедника-вингорца ожидала в раю воистину щедрая награда.

И потому неудивительно, что просвещать возжелавшего припасть к источнику мудрости Гуго взялся сам Светлогривый Грифон. Хитрому же Сенатору оставалось лишь внимательно его слушать, быстро анализировать услышанное и на основе этого придумывать для учителя вопросы. По возможности – неординарные, поскольку они убедительнее всего выказывали прилежание ученика и тешили самолюбие наставника. А Шомбудаг, кто бы сомневался, был в восторге от того, что в святой для вингорцев год он пролил свет божественного учения на дремучего Бескрылого, буквально в считанные дни окрылив того бессмертными знаниями. Чем, разумеется, сумел угодить всевидящему Солнцу, искупив перед ним многие свои грехи.

Что ни говори, а де Бодье провел просто гениальный дипломатический финт. Возможно, самый виртуозный в своей жизни. И когда настал час вингорцам исполнять обещание и гнать заложника взащей, они спровадили его пусть не с оркестром, но один черт куда почтительнее, чем нас. В награду за примерное поведение они даже одарили Сенатора кошельком монет и указали, в какой стороне расположен ближайший город; им, как легко догадаться, был Аркис-Грандбоул. А восхищенный успехами ученика Шомбудаг в знак благодарности снял свой бриллиантовый обруч, после чего прилюдно водрузил его на голову Гуго. И неважно, что в современном мире эта старинная драгоценность стоила втрое меньше, чем равный ей по весу кусок иностали. Важен был сам факт признания крылатым народом заслуг Бескрылого в постижении еще недавно чуждых ему священных истин.

И нам бы следовало восхититься изяществом, с каким наш товарищ выкрутился из заведомо проигрышной для него ситуации. Вот оно, казалось бы, наглядное опровержение слов древнего пророка Екклесиаста, изрекшего, что многие знания несут человеку многие печали. Ан нет, не выйдет у нас поспорить с ветхозаветным мудрецом. И для хитрого Гуго Екклесиаст не сделал исключения, так что рано

радовался Сенатор, шагая по хамаде в сторону Аркис-Грандбоула и позвякивая оттягивающим карман кошельком. Обретенная де Бодье через знания свобода оказалась палкой о двух концах. И один из них вскоре пребольно огрел его по увенчанной вингорским обручем голове.

Последним разумным поступком Гуго, перед тем как он скатился на путь фатальных ошибок, был уход от гвардейцев, что после переговоров с вингорцами тоже рванули к Великой Чаше. Завидев позади себя на горизонте пылевою тучу, толстяк не мешкая достиг ближайшего нагромождения скал и спрятался среди них, боясь пошевелиться и лишний раз вздохнуть. Де Бодье пролежал там до тех пор, пока за пронесшимися мимо Кавалькадой и «Гольфстримом» не улеглась пыль. После чего, никем не замеченный, выбрался на свет и, вопя от радости, исполнил нечто среднее между канканом и пляской святого Витта. Да и как было не радоваться горемыке, который, словно тот безногий сказочный карлик Коул О'бок, умудрился уйти от стольких неминуемых смертей и находился уже в считанных километрах от Аркис-Грандбоула...

Колыбель Новой Веры встретила давненько не бывавшего здесь Гуго на удивление приветливо. До одури опьяненный свободой, он даже не задумался над тем, что его, одинокого и подозрительного бродягу, могут задержать жандармы. Однако верно говорят, что дуракам везет. Сенатор прошел через ворота с блаженной улыбкой на лице, а привратники не только не остановили его, но еще и заботливо предостерегли, чтобы он вел себя пристойно, потому что в городе гостит посланник Владычицы Льдов. Приговоренный давеча этим самым посланником к мучительной смерти, де Бодье пожелал мсье привратникам в ответ удачи и, продолжая улыбаться, ступил на улицы Великой Чаши.

Что перво-наперво делает человек, выпутавшийся невредимым из стольких передрыг и оказавшийся наконец-то предоставленным самому себе? Правильно: идет развлечься и промочить горло туда, где ему будут рады. Для Гуго таким местом в Аркис-Грандбоуле был кафешантан «Веселый Бонапарт», находящийся в Маленьком Париже – квартале, где селились выходцы из Аркис-Капетинга. И где уж точно не появились бы кабальеры, поскольку гостящие здесь южане, как правило, редко покидают центральную, наиболее благопристойную часть города. В «Веселый Бонапарт» наш друг и направился, желая сначала хорошенько расслабиться, а уже потом озаботиться тем, как ему добраться до Столпа Трех Галеонов.

Загодя отложив на грядущее путешествие половину имеющейся при нем наличности, прочие свои деньги Сенатор решил с чистой совестью прокутить. Истосковавшись по хорошей выпивке и жаждущим приласкать его красоткам, Гуго

ввалился в кафешантан, быстро нашел там старых знакомых и, ни в чем себе не отказывая, с головой окунулся в веселье. На вопросы, откуда он здесь взялся, гуляка отвечал просто: уволился от шкипера Проныры, получил расчет и теперь занят поисками новой прибыльной работенки. И поскольку уже наслышанные о плачевной судьбе «Гольфстрима» перевозчики в «Веселый Бонапарт» не зааживали (в Чаше у нас имелся свой излюбленный бар – «Под колесом»), никто не мог поймать де Бодье на лжи и донести на него гвардейцам.

Все шло чинно-мирно – или, вернее, беззаботно и весело – до тех пор, пока кто-то в собравшейся вокруг Гуго компании не заговорил о политике. А она в священном городе была извечно связана с религией, и потому вскоре спорщики уже перетирали кости и синоду, и первосвященнику Нуньесу. Неизвестно, как сурово пресекались бы подобные разговоры, воцарись в Аркис-Грандбоуле церковный диктат, но сегодня они еще не являлись поводом для обвинения в вероотступничестве. Тем более что до откровенной хулы на Церковь и Септет Ангелов любители трактирных споров скатывались редко – боялись, что им намнут бока вездесущие паломники. Нарваться здесь на их гнев было гораздо вероятнее, нежели угодить к жандармам по обвинению в публичной ереси.

Тем вечером в «Веселом Бонапарте» тоже вроде бы не случилось никаких эксцессов. Однако, несмотря на это, следующее утро Гуго встретил уже в камере для вероотступников, а не на кровати гостиничного номера в обнимку с пьяной шлюхой, хотя именно в таком антураже он и уснул далеко за полночь.

Что же такого жуткого натворил наш безобидный друг в кафешантане, если им вдруг заинтересовались жандармы, а вслед за ними и церковный суд?

Слово за слово, и вот уже пьяные спорщики углубились в дебри экзотических в Чаше верований кочевников-бедуинов, северян и вингорцев. Само собой, что когда речь зашла о последних, де Бодье не смог удержаться, чтобы не блеснуть перед собутыльниками недавно полученными знаниями об учении Серебряного Луча. Устроенная Сенатором лекция была столь красочной и пространной, что вызвала резонный вопрос, откуда ему известны подробности всего того, о чем он сейчас тут наплел. На что изрядно захмелевший эксперт без ложной скромности заявил: мол, в отличие от вас, болтунов, я изучал заповеди пророка Наранира не по сплетням, а у самого Шомбудага Светлогривый Грифон, коему волею судьбы мне пришлось оказать недавно одну важную услугу. Так что хотите верьте, хотите нет, а все сказанное мной есть истина в последней инстанции, и потому дальнейшие споры насчет вингорской религии можно считать закрытыми.

Иного бахвала на его месте в «Веселом Бонапарте» вмиг освистали бы или обозвали бы лжецом. Но здешняя публика знала, кто такой де Бодье и кем он был до того, как стал механиком. Поэтому ему всего лишь прозрачно намекнули, что даже само его знакомство с Шомбудагом кажется очень уж фантастичным. Не говоря о том, что глава совета вингорских кланов еще и вел с Гуго беседы о высоком и вечном. Возможно, мсье Сенатор просто малость перебрал и, утратив связь с реальностью, начал выдавать желаемое за действительное?

Претензии к де Бодье были высказаны довольно тактично. Но он все равно побагровел от злобы, сжал кулаки и собрался было ринуться на защиту собственной чести. И ринулся бы, кабы кто-то из собутыльников вдруг не заикнулся об одном давнишнем случае, который сразу же припомнили еще несколько человек за столом. Точно, поддакнули они, было такое много лет назад – во времена, когда вингорцы еще только постигали простую истину, что торговать иноσταлью намного выгоднее, чем разбойничать. В тот год власти Аркис-Грандбоула снарядили к ним дипломатического представителя, и тот, тоже будучи приобщенным к учению пророка Наранира, получил от совета вингорских кланов почетный дар: древнюю золотую корону. Которая ныне хранится в местной ратуше наряду с прочими памятными подарками, преподнесенными правителям Великой Чаши послами дружественных городов.

Совсем запамятававшему в пьяном угаре о припрятанном на дне сумки подарке Шомбудага, Гуго оставалось лишь воскликнуть «Вуаля!» и с гордостью продемонстрировать скептикам бриллиантовый обруч. Тут уж им крыть стало нечем. Наслышанным о пристрастии вингорских вождей носить подобные украшения собутыльникам де Бодье пришлось признать его безоговорочную правоту. Тем паче что это они сами надоумили Сенатора вспомнить об имеющемся у него неопровержимом доказательстве.

Однако не всех посетителей кафешантана блестящий в полном смысле слова аргумент гостя заставил уgomониться. Кое-кто сделал из этого совсем другие выводы и обернул победу Гуго против него самого. Да так, что вскоре он вообще пожалел, что послушался вингорцев и пошел в Великую Чашу, а не куда-то еще. Кто именно донес на него жандармам – один из собутыльников или шлюха, что весь вечер просидела у Сенатора на коленях, – ему не сообщили. Зато обвинение сфабриковали на диво споро. И когда де Бодье продрал глаза и оторвал похмельную голову от тюремного матраца, у церковников уже имелись ответы на все вопросы, какими засыпал их изумленный арестант.

Навесить на Гуго шпионаж в пользу иноземцев жандармам явно не удалось бы. Они смекнули об этом сразу, как только разобрались, что к чему, и потому, убоявшись

выставить себя на посмешище, не стали выдвигать такое обвинение. Ну какой, скажите на милость, вингорский шпион потащился бы к Бескрылым с подарком Светлогривого Грифона в сумке, а потом, напившись вдрызг, начал бы бить себя в грудь и кричать на весь трактир, что Шомбудаг – его друг и наставник? Впрочем, жандармерия Аркис-Грандбоула редко признавала свои ошибки и в случае с де Бодье также не собиралась делать исключение.

Сохраняя показной нейтралитет в политической борьбе между бургомистром Рейли и первосвященником Нуньесом, блюстители порядка тем не менее частенько оказывали последнему услуги в поимке рьяных ангелоненавистников. Если жандармам не удавалось призвать к ответу какого-либо подозреваемого в обычном преступлении, того почти всегда можно было сплавить синоду как предполагаемого вероотступника. Главное, чтобы он состоял в рядах Церкви. И пускай затем она сама ищет улики и разбирается, виновен подозреваемый или нет, – церковное правосудие находилось уже вне жандармской компетенции.

На беду нашего знатока вингорской религии, формально он числился септианином. Это неоспоримо подтверждала вытатуированная у него на руке «крылатая чаша». И неважно, что Гуго принял причастие в детстве по воле своих родителей, а в последний раз посещал молебен, находясь на сенатской службе. Дознавателей из синода интересовало одно: как правоверный мог опуститься до того, что стал ярым солнцепоклонником? Да еще посмел явиться в священный город, чтобы проповедовать в его стенах гнусную языческую ересь?

Как и в тот раз, когда его поймали за руку на взятке, де Бодье вновь угодил в безвыходное положение. Что бы он ни сказал церковникам, все играло против него. Выболтать им без утайки всю правду? Но тогда они посчитают нужным передать заключенного дону Риего-и-Ордасу, а тот учинит Гуго куда более мучительную казнь, чем растерзание священными нетопырями. Придумать правдоподобную отговорку? Но как объяснить наличие у себя украшения Шомбудага и еретических знаний, коими Сенатор бахвалился перед столькими свидетелями?

Что же остается? Врать напрапую, надеясь, что суд поверит, будто обвиняемый нашел бриллиантовый обруч в предгорьях случайно, а все сказанное им в кафешантане – всего лишь выдуманный спьяну бред?

Опять-таки не вариант. Во-первых, члены церковного синода не дураки и умеют отличать ложь от правды. А во-вторых, даже если они в это поверят и согласятся простить де Бодье, ему все равно придется пройти испытание на верность Септету.

Испытание простое и безошибочное. Каждый примерный септианин регулярно принимает в храме помазанье «ангельской кровью». Ее традиционно заменяет едкая

кровь приближенных к ангелам созданий – фосфоресцирующих нетопырей. Отмеченных ею людей эти выращиваемые в неволе крылатые хищники-людоеды брезгают кусать примерно пару месяцев (в случае, когда вина вероотступника доказана, а тот был недавно помазан, священные пятнышки-стигмы срезаются у него с запястий вместе с кожей). Испытуемому септианину, чья преданность Церкви подлежит сомнению, сажают на руку голодного нетопыря. И если тот не впивается в нее зубами, значит, все в порядке – этот человек посещал храмовую службу совсем недавно. Чего, естественно, нельзя сказать о Гуго, чьи стигмы давным-давно стерлись от времени.

Что Сенатору оставалось делать? Врать и всячески выкручиваться. Каких только небылиц он не наплел в свое оправдание, но, как и ожидалось, судьи вновь и вновь разносили их в пух и прах. Зыбкие шансы де Бодье разжалобить дознавателей таяли с каждым днем, пока наконец у бедолаги не осталась одна-единственная надежда. Едва трепещущая, зато самая живучая из всех – надежда на чудо...

Глава 15

Страсть придавать собственным церемониям театральность и драматизм была унаследована ангелопоклонниками от своих предтеч из Брошенного мира. Однако при всем богатстве воображения септиан им никогда не достичь того размаха, с каким подобные действия проводились до года Всемирного Затмения. Священникам церкви Шестой Чаши приходилось обходиться без огня и электричества, чье отсутствие сильно понижало зрелищность нынешних церковных обрядов и явно не способствовало притоку в храмы новых верующих. Земные слуги Септета выкручивались как могли. Вплоть до того, что не гнушались публично скармливать вероотступников нетопырям-людоедам, фосфоресцирующая шкура, когти и зубы которых заменяли очистительное пламя древних инквизиционных костров.

Ради пущего эффекта кара еретиков проводилась с наступлением сумерек. По той же причине фонари на храмовой площади в такие вечера не зажигали. Ничто не должно было отвлекать пришедших на казнь зевак от созерцания Душечистителя – стоящего на помосте большого – в полтора человеческого роста – стеклянного куба. Верхняя плоскость у него отсутствовала, а на ее место устанавливалась имеющая раздвижное дно большая клетка с нетопырями. Во избежание накладок перед экзекуцией их нарочно морили голодом пару суток. За это крылатые кровопийцы готовы были растерзать любого, являйся он хоть отъявленным грешником, хоть образцово-показательным праведником.

В вечер казни де Бодье напротив храма Семи Ангелов собралось много народу. Видимо, все еще давал о себе знать ажиотаж, вызванный последней проповедью Нуньеса и неумолкающими слухами о шастающих в пригороде вактах; последних якобы уже видели у самых стен Чаши. Пока мы с Сандаваргом проталкивались поближе к помосту, я прислушивался к тому, о чем болтают в толпе. Оказывается, эта расправа над вероотступником была приурочена Нуньесом к завтрашнему грандиозному молебну, целью которого станет духовное единение всех септиан города и изгнание от него силой общей молитвы слуг Багряного Зверя. По этой же причине сюда сегодня съехались почти все члены городского совета во главе с самим бургомистром Рейли. Дрязги дрязгами, а не почтить визитом столь важное церковное мероприятие власти Аркис-Грандбоула не могли. Окруженные кольцом жандармов, кареты важных персон были выстроены в ряд справа от сцены. Сами власть имущие собрались вокруг бургомистра и степенно беседовали, коротая время в ожидании представления.

Кареты чиновников рангом пониже и городской знати стояли вдали от Душечистителя прямо среди толпы, что была по краям не такой плотной, как у помоста. Маленький крытый экипаж госпожи Зигельмейер успел пробраться почти на середину площади, ради чего Патриции пришлось приехать на полчаса раньше всех своих не терпящих спешки почтенных знакомых. Возле кареты нашей покровительницы отиралась Малабонита. Разумеется, она была не простой зрительницей и даже не возницей, которую сейчас из себя изображала. В грядущем «божественном чуде» у нее, как и у нас с северянином, также имелась своя роль, которую ей надлежало сыграть в строго урочное время.

Без настырного Убби я вряд ли пробился бы так близко к сцене. Достигнув первых рядов, он вытянул шею, высмотрел среди зевак нескольких своих знакомых из Холодного квартала и помахал им рукой. Наряженные, как и мы, в паломнические балахоны, натянувшие капюшоны северяне разошлись по площади, ничем не выделяясь в сумерках из толпы. Сандаварг заручился их поддержкой вчера, пускай поначалу и не хотел втравливать сородичей в нашу авантюру. Впрочем, ничего сложного, а тем более противозаконного от них не требовалось, что и объясняло, почему Убби передумал.

Вероотступника и клеть с парой сотен верещащих нетопырей выволокли на помост, когда закатное солнце скрылось за западным краем Великой Чаши. Гуго был связан по рукам и ногам – опять же, чтобы не допустить накладки. Без пут приговоренный мог изловчиться откусить голову одному из крылатых палачей и, обрызгав себя его кровью, отсрочить тем самым исполнение приговора. Клирики-эксекюторы открыли люк в задней части Душечистителя, без суеты ввели де Бодье внутрь и подвесили

его за связанные запястья к иностальной перекладине так, что жертва при этом едва касалась ногами пола.

За месяц с лишним, что мы не виделись, Сенатор заметно исхудал. И, естественно, подрастерял свой аристократический вид, который раньше умудрялся сохранять даже тогда, когда, весь испачканный в грязи и смазке, перебирал механизмы бронеката. Пока экзекуторы возились с Гуго, он помалкивал. Но как только клирики заперли за ним люк и начали пристраивать над Душечистителем клеть с летучими мышами, вероотступник сразу осмелел и во всеуслышание провозгласил:

– Клянусь вам, почтенные люди: я ни в чем не виноват! Ангелы – свидетели: меня осудили несправедливо! О великий Метатрон, вразуми же своих слуг, ибо они не ведают, что сейчас творят!..

Зычный голос бывшего политика перекрыл верещание голодных нетопырей и разлетелся над толпой, без труда достигнув ее задних рядов. Не подозревавшие о наличии у преступника ораторского таланта, зеваки вострепнулись. Бургомистр со свитой оставили беседу и тоже повернулись к сцене. А де Бодье тем временем обвел взглядом площадь, явно ища глазами нас, и, не высмотрев среди тысяч лиц ни одного «чудотворца», продолжил:

– О всемогущий Метатрон, скажи: за что ты ниспослал мне такое суровое наказание? Всю свою жизнь я истово почитал тебя как своего единственного покровителя! И вот теперь твои слуги объявили меня еретиком и желают предать позорной смерти на глазах стольких благородных людей! О всемилостивые ангелы, умоляю: если вы меня слышите, пошлите знак и не дайте свершиться этому чудовищному беззаконию!..

Толпа загалдела. В сторону велеречивого вероотступника стали показывать пальцами, послышались свист и улюлюканье, задние ряды зевак начали напирать на передние. Дабы пресечь давку, жандармам пришлось осадить некоторых особо возбужденных зрителей дубинками. Защищенные двойным кольцом жандармского оцепления, Рейли и его чиновники в нетерпении поглядывали на ворота храма, откуда с минуты на минуту должен был выйти первосвященник Нуньес. Занятые доделкой Душечистителя клирики прикрикнули на разошедшегося Сенатора, но их голоса потонули в охватившем площадь гуле.

– Я знаю, великие ангелы, что вы меня слышите! – Исполняющий наш наказ Гуго не обратил на угрозы экзекуторов ни малейшего внимания. – Не можете не слышать, ибо не бывает такого, чтобы хотя бы один из вас не осенял своим взором Великую Чашу! Меня приравнили к язычнику и солнцепоклоннику, однако разве это правда? Возможно, я и впрямь в чем-то пред вами провинился, но если это так, пусть меня

судят за мои истинные, а не надуманные грехи! Я обращаюсь к вам, всемилостивые высшие судьи: явите своим слугам чудо! Дайте им понять, что я прав, а они заблуждаются, ибо времени мало и сейчас только в ваших силах восстановить справедливость!..

Народ на площади оживился еще больше. Зрители обожали сюрпризы и были явно довольны столь необычным вступлением. И немудрено: вместо трясущейся от страха, сломленной жертвы на помосте стоял артистичный и сохранивший присутствие духа септианин, который вдобавок не боялся призывать себе в свидетели ангелов. Толпе было любопытно, что ответит на эту дерзость первосвященник Нуньес, чей суд был только что прилюдно назван несправедливым.

Страсти мало-помалу накалялись, и мы с Убби тоже внесли посильную лепту в общий шум и гам, взявшись свистеть и вторить Сенатору вместе со всеми: «Чудо! Хотим чудо! Явите нам чудо!»

Нуньес вышел из храма на пять минут раньше объявленного времени начала казни. Его лицо сохраняло бесстрастность, но дерганая, торопливая походка первосвященника выдавала его истинные чувства. Он был явно взбешен тем, что раззадорившие зевак эскапады подсудимого вынудили Нуньеса отступить от протокола церемонии.

Взобравшись на помост, Нуньес обратил свой взор и воздел руки к небу, после чего людской гул стал стремительно сходиться на нет. Несколько секунд, и над площадью воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием одежд, шарканьем ног, шмыганьем носов да сдержанным покашливанием. Что ни говори, а авторитет духовного пастыря септиан был и оставался в народе непререкаем. Члены городского совета, включая Рейли, и те, поумерив гордыню, все как один приняли подчеркнута смиренные позы. Даже Гуго, само того не желая, проникся важностью момента и прикусил язык, хоть мы и наказывали ему молиться не переставая.

– Дорогие мои братья и сестры! – изрек первосвященник, опустив очи долу и убедившись, что умолкшая площадь внимает каждому его слову. – Нерадивые, но возлюбленные чада семи ангелов! Все вы, чьи неустанные молитвы вселяют в Метатрона сомнения и не дают ему выплеснуть на нас седьмую чашу гнева господнего! Мы с вами собрались здесь с одной и воистину благородной целью – спасти душу заблудшего во мраке единоверца и не дать ей влиться в проклятое полчище Багряного Зверя! Завтра на общем молебне мы попросим Септет, чтобы он препроводил очищенную от скверны душу нашего брата Гуго к Райским Котлам. А сегодня ему предстоит пройти суровое испытание, ибо только таким путем попадают в рай те, кто посягает на святость и чистоту нашей веры!..

– Я никогда не посягал на нашу веру! – вновь возопил де Бодье, стряхнув с себя предательское оцепенение. – Я чист пред ней и в помыслах, и деяниях! Да, каюсь: волею судьбы у меня не было шанса регулярно совершать помазания! Но когда три дня назад я со слезами на глазах молил вас, ваше ангелоподобие, одарить меня новыми стигмами, вы мне отказали! Да, я мало кому здесь знаком, поэтому на меня так легко и возвели поклеп! Вот почему я призываю в свидетели моей правоты ангелов – тех, от кого при всем желании нельзя утаить правду! О Метатрон, пошли же наконец нам знак, что ты видишь, насколько я пред тобой искренен!

– О мой заблудший брат, сколь же велико твое грехопадение! – вместо Метатрона отвечал вероотступнику Нуньес. – Отказываясь от чистосердечного раскаяния, ты продолжаешь упрямо стоять на своем, да еще гневаешь Септет! В последний раз призываю тебя: одумайся, открой свою душу, вознеси молитву и впусти в сердце ангельскую благодать! Ведь если мы – твои братья по вере – не простим тебя, ангелам сделать это будет не менее трудно!

– Братья и сестры! Единоверцы! К вам обращаюсь, ибо вам я доверяю больше, чем тем, кто устроил надо мной несправедное судилище! – Отвернувшись от первосвященника, Сенатор предпочел говорить с народом. Что было весьма хитро. Если Нуньес не питал к Гуго ни грамма симпатии, то толпу де Бодье однозначно не оставил равнодушной. – Нет на мне греха вероотступничества, клянусь пред ликами взирающих на нас ангелов! Пока не поздно, помолитесь вместе со мной о чуде, которое убедило бы всех вас в моей невинности! И вас, ваше ангелоподобие, я призываю присоединиться к нашей братской молитве, ибо, как честный септианин, я не держу на вас зла за допущенную вами ошибку! Начнем же прямо сейчас! О превеликий Септет Ангелов! Услышь мольбу раба твоего Гуго, который был несправедливо осужден на смерть и возносит тебе свою последнюю молитву!..

От столь невыносимой наглости Нуньес оторопел. Наверняка в его судейской практике встречались вероотступники, которые наотрез отказывались признавать свою вину. Но будучи помещенными в Душечиститель, все они либо немели от ужаса и замыкались в себе, либо истово молились, не реагируя ни на что, либо напрочь утрачивали рассудок и начинали биться в истерике. Подобные же экстравагантные еретики, которые в полушаге от жуткой смерти начинали бы заигрывать с толпой – исключительное право, которое было дозволено здесь лишь самому Нуньесу! – первосвященнику явно еще не попадались.

Заткнуть вероотступнику рот кляпом он не мог. Согласно протоколу церемонии Гуго еще предстояло ответить на ряд протокольных вопросов. Приказать клирикам бить связанную жертву тоже нельзя. Единственная пытка, которую разрешалось применять дознавателям синода – изматывающие круглосуточные допросы вкупе с

мрачной обстановкой и скудной тюремной пищей. А рукоприкладство церковь Шестой Чаши категорически отвергала – чай, не в дремучие века живем, и чрезмерная строгость к заблудшим единоверцам не делала чести служителям Септета.

Прежде чем с первосвященника сошла оторопь и он вновь заговорил, де Бодье успел прочесть половину своей отчаянной молитвы. Словами не описать, как он старался, – такое следовало видеть и слышать самому. В этом, по сути, и был весь Гуго. Ежели он брался за работу, то делал ее на совесть, будь она хоть ремонтом бронеката, хоть мольбой к ангелам о даровании чуда. И когда я увидел, как стоящий справа от меня горожанин – прилично одетый господин средних лет – взялся шепотом повторять вслед за Сенатором слова его проникновенной речи, мне тоже невольно захотелось к нему присоединиться.

Впрочем, на площади набралось немного откровенно сочувствующих де Бодье септиан. И все же их было гораздо больше, нежели я рассчитывал увидеть. Все молитвы в толпе сейчас читались вполголоса, чего нельзя сказать о выкрикиваемых еретику проклятьях. Но даже проклиная его в эту минуту хор из полутысячи человек, подавляющая часть зрителей все равно хранила молчание.

Подчеркиваю: они молчали, а не выступили решительно в поддержку первосвященника. Это значит, что брошенные Сенатором в народ зерна сомнений все же проклюнулись. Нам с Убби и прочими заговорщиками требовалось лишь вовремя удобрить эти семена, чтобы они в итоге дали всходы. Чем мы и должны были заняться уже очень скоро.

– Коварный еретик! – вскричал наконец Нуньес, ответивший на выходку смутьяна-вероотступника взрывом праведного гнева. – Не смей своими хитрыми речами затуманивать разум благочестивых братьев-септиан! О да, воистину, это тебя я видел сегодня в знамении, осенившем меня во время утренней молитвы! И было в нем сказано: «И извергнут уста посланника Багряного Зверя хулу на ангелов, и будет та хула неотличима от правды, и станут ему внимать даже те, кто непорочен и сердцем чист!» Признавайся, отступник: ведь ты – не кто иной, как рядящийся в одежды язычника прислужник самого Багряного Зверя! И это твои мерзостные собратья вот уже целую неделю будоражат покой жителей Великой Чаши! Признавайся или сгинь сей же час в очистительном свете священных нетопырей!..

– О всемилостивый Метатрон, разве ты не видишь, какую жестокую боль причиняют мне – невинному агнцу – огульные обвинения твоих слуг! – Гуго уже не молился, а практически рыдал и, кажется, был готов вот-вот утратить рассудок. – Ну когда же?! Когда ты явишь нам чудо и отведешь от меня все эти ужасные

подозрения? Неужто мои мольбы кажутся всемогущим ангелам недостаточно искренними? Неужто такова она, высшая справедливость, в которую я веровал всю свою жизнь?..

Напряжение вокруг Душечистителя продолжало нарастать. А тем временем солнце полностью скрылось за горизонтом и Аркис-Грандбоул окутала ночь. Единственным источником света на площади осталась лишь клеть с нетопырями. Поодиночке эти мелкие зверьки фосфоресцировали не слишком ярко, но в количестве двух сотен тварей уверенно озаряли помост и первые ряды зевак. В мертвенном голубом свечении перекошенные физиономии Нуньеса и Гуго, а также суровые лица клириков выглядели жуткими масками. Это делало разыгранную пред нами драму похожей на кошмарный сон, где в любой миг могло свершиться все, что угодно.

Разумеется, такой переход от реальности к мистике был тщательно спланированным элементом спектакля. И прием этот работал как надо. Нуньес был асом в устройтельстве подобных зрелищ и умел манипулировать толпой, задавая ей любое нужное настроение. В данный момент, судя по сгустившемуся мраку и нарастающему гневу первосвященника, дело шло к развязке. Поэтому и публика притихла, затаив дыхание и замерев в ожидании финала. Вернее, кровавой резни, за какой она, собственно говоря, сюда и пожаловала.

Де Бодье продолжал усиленно молиться и выпрашивать у ангелов чудо. С первосвященником он больше не разговаривал и вообще на него не смотрел. Возможно, Сенатор уже в нас разуверился, но тем не менее все еще выполнял наш наказ, демонстрируя воистину героическое самообладание.

– Что ж, раз прислужник Багряного Зверя упорствует и не желает ступить на путь покаяния, значит, так тому и быть! – с сожалением подытожил Нуньес, разведя руками. – Должен с прискорбием сообщить вам, дорогие братья и сестры, что душа этого человека отяжелела от грехов настолько, что уже не может самостоятельно вернуться к свету из того мрака, в котором она ныне погрязла. Это есть горькая и непреложная правда. И да простят нас ангелы за то, что мы оказались бессильны спасти нашего насквозь пропитанного ересью брата!

Молвив это, Нуньес приблизился к Душечистителю, повернулся к Гуго и, склонив голову, взялся читать отходную молитву. Как сказала видевшая ранее подобные казни Патриция, эта часть церемонии отнимала у первосвященника около трех минут. После чего он отдавал приказ клирикам и те, открыв клетку с нетопырями, выпускали их в стеклянный куб на расправу с жертвой.

Мы сильно рисковали, оттягивая исполнение нашего плана вплоть до этого кульминационного момента. Но риск того стоил. Напряженное ожидание толпы достигло апогея, что грозило придать нашей выходке должный взрывной эффект. К тому же лишь сейчас над площадью повисла натуральная гробовая тишина. Такая, которую прямо не терпится нарушить зычным, протяжным криком.

И он, конечно же, не замедлил разразиться. О, вы бы только слышали, что это был за вопль: резкий, пронзительный и по-настоящему душераздирающий! Даже зная о том, что сейчас произойдет, мы с Убби вздрогнули от неожиданности вместе с толпой, а у меня по коже пробежали мурашки. Что же тогда говорить о тех зеваках, кто был к этому не готов?

Молящийся Нуньес обернулся на крик так резко, что наступил на полу собственной сутаны и, кабы не подхватившие его под локти клирики, точно загремел бы на помост. Однако мало кто из зрителей заметил эту досадную оплошность первосвященника. Все они повернули головы и уставились туда, откуда доносился шум. Его вмиг подхватило несколько испуганных голосов, а затем еще и еще. За считанные секунды их стало столько, что крик, с которого все началось, попросту утонул в них, будто стук катящегося с горы камня в грохоте порожденного им камнепада.

Что ни говори, а Малабонита, как и де Бодье, тоже сработала на совесть. А я в ней еще сомневался! Когда она заверила нас, что способна в урочный час поднять такой визг, от которого у всех заложит уши, я ей не поверил. И спросил, доводилось ли ей вообще хоть раз в жизни так блажить. Алькальд Сесар рассказывал мне, что Долорес уже в трехлетнем возрасте без боязни возилась с пауками и уродливыми гекконами. А в пять лет ее едва не ставшая зайкой мать вытащила непоседу-дочь из вольера с еще не прирученными гепардами, с которыми ей вдруг вздумалось поиграть; забавно – те настолько ошалели от ее наглости, что даже позволяли шалунье теребить себя за шерсть и таскать за хвосты.

Моя Радость презрительно фыркнула и просветила меня, что дар визжать заложен с рождения в каждую женщину. И ради общего дела Малабонита готова не только напугать толпу визгом, но и, если понадобится, прилюдно станцевать перед ней нагишом. Последнее, к счастью, наш план не предусматривал, и мне пришлось поверить Долорес на слово, что она справится.

Она справилась не только с этой, но и с прочими обязанностями, которые помимо визга мы еще на нее возложили. И когда наблюдающие за казнью зрители, жандармы и градоначальство обратили взоры на центр площади, они узрели там

именно то, что мы собирались показать им, а также Нуньесу и Гуго. Короче говоря всем, кто сомневался в силе молитвы Сенатора, включая его самого.

Чудо!

Возникшее из ниоткуда прямо посреди толпы, оно моментально приковало к себе все до единого взгляды. Не увидеть его и не разинуть от удивления рот мог разве что слепой. Причем это касалось и нас – устроителей сего чуда, намного более мистического, чем световые фокусы первосвященника. Даже мы невольно восхитились результатом своей работы, ибо он и впрямь был достоин похвалы.

Наш фокус тоже был световым, поскольку любой другой остался бы в темноте незамеченным. Церковники, их жертва и все, кто стоял по краям площади, видели сноп струящегося с земли света, медленно движущийся в сторону помоста. Свечение имело такой же голубой цвет, каким сияла клетка с нетопырями, правда по яркости заметно ей уступало. И несмотря на это, внезапно вспыхнувший второй источник «священного огня» вызывал куда больший трепет, нежели первый. Что ни говори, а мистика в сочетании с эффектом неожиданности – могучая сила.

Для тех зевак, которые стояли вблизи нового светоча, загадкой было лишь его появление, но не он сам. Да, фосфоресцирующие вараны-броненосцы считались в Аркис-Грандбоуле, как и везде, большой экзотикой, и не всякому здешнему обывателю доводилось прежде их видеть. Однако вряд ли кто-то из зрителей не признал в ползущей сквозь толпу рептилии эту редкую крупную ящерицу. Другой вопрос, откуда она тут взялась? Если бы варан был приведен сюда кем-то из зевак или выпущен из чьей-нибудь кареты, это явно не осталось бы без внимания. Но он вдруг возник прямо среди толпящихся в центре площади людей и мгновенно озарил темноту светом своей дивной чешуи.

Вызвавший немалый переполох, чудотворец Физз шествовал по брусчатке, а изумленный народ расступался перед ним, как воды того древнего моря – перед пророком Моисеем. Кое-где возникла толкотня. Заинтригованные зрители с краев площади наседали на впередистоящих сограждан, которые, уступая дорогу ящеру, пятились в обратную сторону. Жандармы на это реагировали вяло. Их внимание также было всецело поглощено чудом, а не толкающимися зеваками.

Терзаемые любопытством, Рейли со свитой в давку, само собой, не полезли. Вместо этого они, отринув чопорность, взобрались на козлы и крыши своих карет, откуда и следили теперь за перемещением священного животного.

В отличие от них я точно знал, кого оно собой представляет, поэтому наблюдал не за Физзом, а за Нуньесом. Для меня это было во сто крат интереснее светящейся

рептилии. Все еще поддерживаемый под локти, первосвященник смотрел на движущийся к помосту свет так, как я, наверное, пялился вслед угоняемому вингорцами «Гольфстриму». Рот его ангелоподобия открывался и закрывался, словно тот хотел что-то сказать, но напрочь позабыл все известные ему слова. Клирики в испуге переводили взгляды с нашего чуда на этот рот, боясь не расслышать приказ, который, учитывая шок Нуньеса, требовалось еще и правильно истолковать. Его вытаращенные глаза совершенно не мигали. И если бы не дрожание его нижней челюсти и кистей рук, можно было бы подумать, что экзекуторы держат не живого человека, а окоченевший труп.

Рот умолкшего и ошарашенного Гуго также был открыт, но сейчас Сенатор выглядел не в пример живее своего палача. Де Бодье еще толком не видел, чтостряслось, но уже осознавал: мы – здесь и делаем все возможное, чтобы избавить его от уготованной ему смерти. Глаза его блестели от слез. Похоже, он уже отчаялся нас увидеть, и вот теперь в нем снова забрезжила надежда.

А сопровождаемый криками удивления и страха Физз подступал к эшафоту все ближе и ближе. Неуклюжая, вразвалочку, походка ящера, его кривые лапы и болтающийся из стороны в сторону хвост плохо вписывались в образ ангельского посланника. Зато решимость, с какой он рассекал толпу, и выбранный им курс явственно указывали на то, что священное животное нарисовалось здесь не с бухты-баракты, а имело четкую цель. И с каждым пройденным Физзом шагом цель эта становилась все очевиднее как для Нуньеса, так и для вытягивающих шеи, взволнованных зевак...

Самое время, полагаю, раскрыть секрет нашего фокуса, хотя вы наверняка уже сделали это и без подсказок. Анатомия нашей аферы была не такой сложной, как многоходовые политические интриги госпожи Зигельмейер. Но благодаря тому, что мы нанесли противнику удар в нужное – с точностью до минуты – время и в нужном месте, эта незамысловатая схема великолепно сработала. И кабы не одно форсмажорное обстоятельство, которое под самый занавес нарушило ход нашего спектакля, можно было бы сказать, что освобождение Гуго прошло идеально.

Патриция явилась на казнь в числе первых зрителей не потому, что ей не терпелось занять для себя лучшее местечко. Оно было нужно не ей, а нашему «чуду», которое, укутанное в светонепроницаемое покрывало, прикатило на площадь вместе с интриганкой (Патриция обрадовалась как ребенок, узнав, что «очаровашка Физзи» до сих пор жив и здоров – во времена нашего с ней близкого знакомства она души не чаяла в моем «говорящем дракончике»).

В днище кареты госпожи Зигельмейер находился потайной люк, предназначенный для того, чтобы она и ее попутчики, если что, имели бы шанс незаметно ускользнуть от соглядатаев. Через это отверстие и выбрался на площадь Физз перед тем, как настал его час вступить в игру.

Само собой, что варан не мог просто взять и выползти из-под повозки. Такой трюк был бы чересчур примитивным и похерил бы на корню всю нашу иллюзию. За то, чтобы явление чудотворца народу не вызвало кривотолков и выглядело истинным чудом, отвечала Долорес. Изображая возницу, она прохаживалась вокруг запряженного парой лошадей экипажа Патриции, делая вид, что подтягивает упряжь, проверяет колеса и смазывает оси. Толпа в центре площади была не такой плотной, как у помоста, поэтому Малабонита могла без труда перемещаться вокруг кареты, не толкаясь и не привлекая к себе лишнее внимание.

Когда же сгустилась тьма и взоры всех зевак были направлены только на освещенный эшафот, заговорщицы спустили замотанного в покрывало Физза на землю, поскольку самостоятельно ползать он пока не мог. После чего Долорес аккуратно проволокла его сначала под днищем кареты, затем между лошадьми и пристроила ящера перед экипажем, а сама встала над тряпичным коконом, дабы никто случайно о него не запнулся. Все узлы на нем были загодя распутаны. Малабоните оставалось лишь дожидаться, когда первосвященник примется за отходную молитву, и довести до конца свою работу.

Во время молитвы, когда зрители затаили дыхание в предвкушении казни, никто и вовсе не заметил, каким образом варан избавился от своей светомаскировки.

Одним движением сдернув с него покрывало и накинув то себе на плечи, будто плащ, Долорес набрала в легкие побольше воздуха и, как только взоры окружающих зевак устремились на Физза, сдержала данное нам насчет визга обещание. Чем попутно открыла мне еще один свой ранее не востребованный талант.

На этом ее миссия была исчерпана, а наша только начиналась.

Следующую часть плана разработал Сандаварг. Чтобы очутившийся среди шумной толпы ящер не растерялся и направился куда нужно, между каретой и помостом рассредоточились соотечественники Убби, подобно ему знающие язык хранителей Чистого Пламени. Стоило ближайшему к Физзу северянину окликнуть его «по-свойски», как чуткие уши варана вмиг распознали в гвалте знакомое шипение, и чудотворец потопал в ту сторону. Вызвать к себе подозрение говорящий на странном наречии паломник не мог. Эти резкие звуки можно было легко замаскировать под обычное чихание, поэтому издающий их северянин нарочно изображал из себя простуженного.

Последним «чихающим паломником» в этой путеводной цепочке был сам Сандаварг. Так что священное животное попросту не могло пройти мимо нас. Насколько бы оно ни было разумным, объяснить варану его сложную задачу заблаговременно не сумел бы никто. Вот почему, прежде чем взойти на помост, Физз должен был непременно получить от Убби последний наказ...

– О посланник ангелов, позволь их страждущему недугом рабу прикоснуться к твоей священной чешуе! – возопил Убби, упав на колени, и, симулируя кашель, пополз навстречу идущему к нему варану. До сего момента уже нашлось несколько смельчаков, которые попытались проделать то же самое. Кое-кому из них Физз разрешал себя потрогать, на других же он угрожающе шипел и клацал зубами. По какому признаку он выделял для себя этих любимчиков, было известно лишь ему одному.

Убби – кто бы сомневался! – был встречен ящером благосклонно. Пав ниц и продолжая кашлять, он положил руку Физзу на спину и на несколько секунд замер в этой позе. Поскольку Сандаварг был первым коленапреклоненным паломником, перед кем священное животное соизволило остановиться, толпа разразилась восхищенными возгласами. «Откашляв» положенное и выдав чудотворцу все необходимые инструкции, северянин выпрямился, а затем, изобразив восторженное изумление, провозгласил:

– Чудо! Братья и сестры, это чудо! Хвала ангелам – мой вечный кашель... он пропал! И грудь не болит! Моя чахотка исчезла! Я... я исцелен! Исцелен! Чудо!

Пока Убби ликовал, варан подошел к эшафоту и задрал голову вверх, прозрачно намекая, куда он желает попасть. Опасаясь, как бы вдохновленная чудесным исцелением толпа не набросилась на Физза, Сандаварг вскричал: «Помогите же посланнику!», после чего подскочил к нему и взялся подсаживать ящера на помост.

– Иду к тебе, брат! – откликнулся я и, подхватив нашего хвостатого товарища с другого бока, подсобил северянину поднять варана и положить его на край сцены, прямо перед Душечистителем.

Сделали мы это крайне своевременно. Едва Физз очутился наверху, как нахлынувшая на нас толпа приперла меня и Убби к помосту так, что я едва не перестал дышать. К варану потянулись десятки рук. Многим зрителям не терпелось тоже прикоснуться к чудотворцу и ощутить на себе его целительную благодать.

К счастью, задохнуться я не успел. Меня спас первосвященник, чей грозный, повелительный жест заставил людскую лавину в столь же едином порыве отпрянуть назад. Нуньес взял-таки взял себя в руки и поспешил урезонить взбудораженную

паству, пока она не перевернула эшафот. Дабы не выделяться из общей массы, мы с северянином также поспешили за остальными и очутились после всех этих пертурбаций в первом ряду зевак.

– Спокойствие, братья и сестры! – отмахнувшись от помощи клириков, призвал к порядку Нуньес и сцепил руки на груди в замок. Но не ради молитвы, а просто желая скрыть ото всех бьющую его неумную дрожь. – Прошу тишины! Не волнуйтесь, сейчас все выясним! Если здесь действительно имеет место чудо, значит, у этого священного животного наверняка есть для нас послание! Возможно, ангельское письмо или начертанный на теле знак!

Вновь над площадью воцарилась тишина, но уже не гробовая. Взбудораженные зрители повсюду переговаривались между собой, обсуждая этот невероятный даже по меркам священного города случай. Гуго при виде Физза тоже ошалел, но, естественно, по другой причине. Я всерьез забеспокоился, как бы Сенатор не начал на радостях выкрикивать имя своего спасителя и не сорвал нашу авантюру в самый ответственный момент. К счастью, у де Бодье хватало ума держать рот на замке. Он, как и Малабонита, тоже выполнил свою задачу и теперь превратился из игрока в пассивного наблюдателя.

– Подойди ко мне, удивительное создание! – с елейной улыбкой обратился Нуньес к чешуйчатому посланнику. – Подойди и покажи, какую весть ты нам принес!

Ящер покорно тронулся с места и неспешно пополз к его ангелоподобию. Однако не успел тот снова открыть рот, как Физз его опередил.

– На колени! – громко прошипел он, надвигаясь на первосвященника. – Фссе на колени!

– Он сказал... на колени?! Как?! Прямо так и сказал: на колени?! Да, точно: на колени!.. На колени!.. На колени!.. Колени!.. – волной покатило по толпе от первых рядов к последним.

– Ч-что? – переспросил заикающийся Нуньес, ошарашенно заморгал и отступив на шаг назад. Улыбку у него с лица как ветром сдуло. – Б-б-боюсь, я не п-п-понимаю!

– На колени! – повторил Физз и добавил то, о чем Убби его точно не просил: – Херьмо!..

До меня только сейчас окончательно дошло, какие чудовищные дерзости мы вытворяем. Физз, обзывающий «дерьмом» первосвященника церкви Шестой Чаши перед многотысячной толпой!.. Да, бывает, от переутомления я вижу по ночам кошмары, но подобный абсурд мне отродясь не снился.

При мысли о том, что все это происходит наяву, меня пробил холодный пот. Голова моя закружилась, ноги стали ватными, дыхание сперло, а перед глазами поплыли оранжевые круги. Это были явные признаки паники, охватившей меня в самый неподходящий момент. Я сделал несколько глубоких вдохов и попытался утешить себя тем, что даже если наш блеф рассыплется и мы погибнем, то теперь о нас наверняка будут слагать легенды. Не сказать, чтобы это воодушевляло, но от осознания собственной исторической значимости мне тем не менее сразу полегчало.

Хорошо, что рядом со мной находился Убби, у которого не было привычки паниковать и сомневаться в разгар сражения, пусть мы пока и не схватились с врагом в открытую.

– Посланник ангелов велит нам преклонить колени! – взревел северянин, обращаясь к народу, после чего подал всем пример, первым подчинившись приказу чудотворца.

– ...Велит преклонить колени! – эхом отозвались в толпе громкие голоса, которые в большинстве своем явно принадлежали сородичам Убби. – Преклонить колени!.. На колени!..

Так же, начиная от помоста, зрители последовали примеру Сандаварга и прочими толкователей воли посланника. Считанные секунды, и вот уже вся площадь заполнена коленопреклоненными людьми. При взгляде на них чудилось, будто это не они стали ниже ростом, а помост вырос в высоту еще на полметра. Последними к ним присоединились жандармы. Они предпочли дождаться приказа своего комиссара, а тот не отдал его, пока не получил соответствующее распоряжение от бургомистра. Рейли и его свита, немного поколебавшись, решили во избежание ропота все же поддержать народ. Хотя их озаренные бледным светом, лоснящиеся физиономии не выражали по этому поводу особой радости.

– На колени, херьмо! – в третий раз повелел Физз, подползая к Нуньесу, и для пущей убедительности клацнул зубами в опасной близости от его промежности.

Первосвященник бросил растерянный взгляд на уже повиновавшуюся ангельской воле толпу и, не размыкая молитвенно сцепленных рук, принял требуемую позу. Клирики без лишних напоминаний проделали то же самое. И теперь, не считая Физза, из всех собравшихся на площади людей лишь один де Бодье стоял в полный рост. Впрочем, даже пожелай он исполнить приказ «мсье Шипучки», ему бы это не удалось, поскольку Гуго был подвешен за руки к перекладине.

– Прости меня за мою непомерную гордыню, посланник, – потупив взор, виновато рек Нуньес. – Я должен был сразу догадаться, кто ты и кем послан! Прости всех нас,

нерадивых, если мы чем-то тебя оскорбили! Просто твое появление... такая неожиданность... такая честь!..

– Сфопоту прату Куко тэ Потье! – открыв пасть, прошипел Физз в лицо первосвященнику. – Сфопоту прату Куко, херьмо!..

– Свободу брату Гуго! – пронеслось по толпе. Она пока не требовала этого, а лишь повторяла за вараном его слова. – Он просит выпустить Гуго! Метатрон его услышал! Ангельский знак! Великое чудо!..

– Как прикажешь, посланник! Да святится воля Септета! Сию же минуту будет исполнено! – Нуньес повернулся к клирикам и отдал им приказ. Лаконичный, но столь грозный, будто именно эти двое несчастных прислужников были виноваты в допущенной Церковью промашке. Экзекуторы поспешно вытащили несостоявшуюся жертву из Душечистителя, сняли с нее путы и, склонив головы, вернулись на свое место.

Стоящий посреди эшафота Сенатор едва держался на подгибающихся от волнения ногах. И, не зная, как ему дальше быть, растерянно поглядывал то на первосвященника, то на Физза. Ящер тоже исполнил все, о чем попросил его Убби, и теперь покорно ожидал дальнейших распоряжений. Он мог бы простоять перед склонившим голову Нуньесом хоть до утра, пока у того не затекли бы спина и ноги. Но как бы ни хотелось нам еще поизмываться над его ангелоподобием, время для шуток закончилось. Финальная стадия спасения Гуго была не менее сложной и ответственной, чем все остальные.

Никто в коленопреклоненной толпе не обратил внимания на «чихающего» Сандаварга, хотя он, казалось бы, только что излечился от всех недугов. Даже я с трудом расслышал чих северянина в не стихающем вокруг нас гомоне. Впрочем, тот, кому предназначался наш сигнал, его получил. Не сказав больше ни слова, Физз отвернулся от Нуньеса и потопал к краю эшафота.

Соскочить с двухметрового возвышения обладателю крепкой чешуи и сильных лап не составило проблем. Когда же он плюхнулся на брусчатку аккуратно перед северянином, следящий за вараном Гуго наконец-то распознал нас среди паломников.

Я подмигнул Сенатору и кивком указал ему на правый край площади, противоположный тому, где расположились городские шишки. Продираться обратно сквозь толпу спасителю и спасенному было хлопотно и небезопасно. Куда практичнее им было пройти вдоль помоста до ближайшей выходящей на площадь

улочки. Тем более что перед этим Нуньес сам отогнал от сцены зевак, чем поневоле освободил проход для наших героев.

Не дожидаясь от первосвященника извинений, которые все равно вряд ли последовали бы без приказа «свыше», Сенатор грузно сполз с эшафота вслед за Физзом, который уже потопал на чих одного из стоящих по правую руку от нас северян. Гул толпы усилился, но с колен она пока не вставала. Первосвященник – тоже. Не поднимая головы, он взирал исподлобья на удаляющихся победителей и, похоже, молился про себя, чтобы они, распроклятые, поскорее убралась с глаз долой.

Можно было не сомневаться: оконфузившийся палач уже придумал, как ему выпутаться из этой истории, не запятив чести своей сутаны. Все, что Нуньесу требовалось, это открыто признать свою неправоту, ведь народу льстит честность его вождей. А затем непременно подчеркнуть: вот, мол, глядите, братья и сестры, какая я могущественная персона, раз даже мои ошибки вызывают потрясение в высших сферах и заставляют их явить нам великое чудо. По крайней мере, я бы на месте Нуньеса именно так и оправдался.

Однако ничего подобного Нуньес сделать не успел. Избегая тянувшихся к ним отовсюду рук, Физз и Гуго едва отошли от помоста, когда на краю площади началось непонятное оживление. Я и Убби обеспокоенно заерзали и вытянули шеи. Неужели у зрителей лопнуло терпение и они, забыв о приказе посланника, кинулись к нему в религиозном экстазе?..

Нет, не кинулись. Толпа хоть и была взволнована, но в экстаз не впадала. И вообще, новый шум исходил не от нее. Такое впечатление, что на казнь прибыла сильно запоздавшая большая группа зевак. Которые, будучи не в курсе, что тут творится, ошалели от увиденного и засуетились, пытаюсь разобраться, как им себя вести.

Впрочем, и эта догадка в итоге оказалась ложной. Едва я разглядел, что оживление охватило площадь по всему периметру, как над ней прогремел суровый, громовой голос. Но подал его не Нуньес, и не кто-либо из горлопанов-северян, а тот, кого мы продолжали бояться больше всего на свете.

Верный слуга Владычицы Льдов, команданте Кавалькады, дон Риего-и-Ордас...

Глава 16

– Ваше ангелоподобие! Граждане священного города! К вам обращается посланник королевы Юга, первый кавалер ордена Закона и Порядка, дон Балтазар Риго-и-Ордас! – возвестил во всеуслышание невидимый нам пока команданте. Он говорил, а тем временем его гвардейцы продолжали в спешном порядке окружать толпу. – Вас жестоко обманули! Этот светящийся говорящий ящер – дрессированное животное гнусных мошенников, которые скрываются здесь, среди вас! Они явились сюда затем, чтобы устроить побег от правосудия своему подельнику Гуго де Бодье! Немедленно остановите его, граждане Аркис-Грандбоула! Не дайте преступнику заморочить вам головы и уйти безнаказанным!..

– Загрызи тебя пес! – прорычал взбешенный Сандаварг, вскакивая с колен и суматошно озираясь вместе со мной. Половина услышавших этот призыв зевак поступила так же, поэтому мы не могли выдать себя своим беспокойством. Бургомистр и его приближенные вмиг смекнули, откуда дует ветер, и уже отдавали соответствующие распоряжения жандармам. Прозревший Нуньес также тыкал дрожащим перстом вслед Гуго, намереваясь приказать пастве поймать мошенника. Однако сделать это первосвященнику мешал приступ кашля, что охватил задохнувшуюся от негодования главную жертву нашего наглого обмана. Едва воспрянувший духом Сенатор вздрогнул как от пощечины, после чего застыл будто вкопанный, открыв рот и испуганно хлопая глазами. Во всей этой кутерьме лишь Физз сохранял спокойствие, продолжая шагать к позвавшему его северянину.

– Беги к толстяку, – пихнув меня локтем, наказал Убби, – хватай его под руку и тащи к выходу! За господина Физза не волнуйся – я о нем позабочусь. Но сначала устрою тут маленькое веселье, пока гвардейцы не испортили нам весь праздник!.. Посторонись!

И, подобрав полы балахона, вскочил с короткого разбега на эшафот.

Оставив в подвале особняка Патриции все свое оружие (из трактира нам пришлось съехать во избежание жандармской облавы, что могла развернуться в городе после нашей выходки), Сандаварг прихватил с собой лишь короткий иностальной штырь. Такой, какой можно было носить незаметно в рукаве паломнического одеяния. С этим оружием Убби и предстал перед первосвященником и его паствой, вызвав у первого нешуточный испуг, а у второй – очередной взрыв возбуждения.

При появлении на сцене вооруженного паломника Нуньес аж поперхнулся криком, которым он хотел натравить на Гуго зрителей, и, недолго думая, метнулся за спины клириков. Служа у его ангелоподобия не только помощниками, но и

телохранителями, они преградили злоумышленнику путь и, выхватив из-под ряса короткие мечи, накиннулись на Сандаварга.

Каждый из экзекуторов отличался завидной крепостью и был на голову выше коренастого наемника. Но у церковных прислужников катастрофически недоставало опыта для схватки с матерым потомственным воином. И даже несмотря на отвагу, с какой они вступились за своего господина, и их более серьезное оружие, победа в этой стычке клирикам не светила. Все, что они могли предпринять, это попытаться задержать врага до тех пор, пока им на подмогу не придут уже бегущие к помосту жандармы.

К несчастью для клириков, их враг задерживаться здесь не планировал и в считанные секунды смел их со своего пути, дабы не мешались. И все же им повезло. Сандаварг не считал церковников достойными противниками и не стал их убивать, пускай они и хотели пустить ему кровь. Парировав сразу оба нацеленных в него клинка, северянин ткнул тупым концом штыря под дых одному врагу, затем двинул по лбу другому, после чего пинками сбросил ошеломленных экзекуторов в толпу. Та ахнула: какой невысказанный ужас! Жандармы еще только подбегали к ведущей на помост лестнице, и никто не мог защитить сейчас Нуньеса от распоясавшегося дебошира.

Но Убби влез на сцену не за тем, чтобы развлекать зевак, лущуя его ангелоподобие и его слуг, и даже не посмотрел на испуганно сжавшегося первосвященника. Северянина интересовал Душечиститель. А конкретно – установленная на нем клеть с нетопырями. Они, как и Нуньес, также были огорчены бескровным финалом нынешней церемонии. Причем, пожалуй, переживали его гораздо сильнее двуногих палачей. Летучих мышей не волновали творящиеся на площади чудеса. Хищных зверьков жестоко обманули: сначала долго морили голодом, затем раздражили лакомой пищей, и в конце концов вероломно увели ее прямо у них из-под носа! Само собой, им было с чего впасть в неистовство и кидаться на стенки своей клетки.

Однако для нетопырей не все еще было потеряно. Их тоже сегодня ожидало чудо, ибо нашелся-таки человек, который исполнил их самое сокровенное на этот час желание.

Сандаварг ухватил клеть за ручку, уронил ее с Душечистителя на помост и распахнул на ней дверцу. Жандармы как раз взбежали на сцену и моментально были атакованы вырвавшейся на волю верещащей и хлопающей крыльями стаей. Вместо того чтобы хватать хулигана, они были вынуждены с криками отбиваться от налетевших на них кровопийц. Которые – вот ведь неблагодарные твари! – накиннулись и на своего освободителя. Но Убби не стал бестолково размахивать

руками, а быстро соскочил со сцены и, уводя за собой половину нетопырьей стаи, нырнул в толпу...

Каких только потрясений не пережила эта площадь за сегодняшний вечер! Сколько раз зеваки балансировали на грани паники и сколько раз здравомыслие все-таки удерживало их от беспорядков. Но только не сейчас! Когда алчущие крови нетопыри учуяли многочисленных жертв, они рванули во все стороны и начали утолять голод единственным знакомым им способом. Вмиг разлетевшись над первыми рядами зрителей, мелкие хищники вцеплялись им в волосы, впивались в лица жертв когтями и зубами и остервенело их кромсали. И стигмы, что имелись на руках каждого септианина, не останавливали оголтелую стаю. Той капли священной крови, что могла защитить верующего при стандартной проверке на верность Септету, для прохождения этого испытания было явно недостаточно. Слишком уж оголодали эти «проверяющие», чтобы они могли отделять сейчас правоверных от иноверцев.

Люди вопили, отбивались от нетопырей руками и отмахивались сорванной с себя верхней одеждой. Но избавиться от летучих мышей было не так-то легко. Вкусив крови, они еще больше взбесились и готовы были терпеть побои ради того, чтобы не прерывать пиршество. А поскольку мало кто из паникующих септиан догадывался поймать одну из тварей и, оторвав ей голову, окропить себя свежей священной кровью, число пострадавших множилось с каждой секундой.

В разразившейся суматохе мне, честно признаться, тоже не пришла в голову такая мысль. Когда я, следуя наказу Убби, бросился к де Бодье, капюшон моего балахона драл когтями вцепившийся в него нетопырь. Беснующийся кровопийца того и гляди норовил добраться до моего лица, а я лишь лупил паскудника рукой, что его мало беспокоило.

А вот Гуго, в отличие от меня, не растерялся и уже устроил себе «помазанье» сторицей за все те годы, что он не посещал храм, плюс с запасом лет на пять вперед.

– Замрите, мсье шкипер! – крикнул де Бодье, не дав мне и рта раскрыть. После чего сорвал с моего капюшона нетопыря, без тени брезгливости откусил ему голову и, стиснув в кулаке мохнатое трепещущее тельце, выдавил на меня струйку теплой крови. И вовремя. Спикировавшая было мне на голову новая тварь сразу же шарханулась в сторону, словно лошадь от шипящей змеи, и полетела искать себе другую, более глупую жертву.

– Вы в порядке? Сами идти сможете? – осведомился я у выплюнувшего нетопырью голову Сенатора.

– О да! Еще как могу! Я буду служить вам бесплатно десять лет, мсье шкипер, только вытащите меня отсюда! – пообещал он осипшим от усердных молитв голосом. Губы, подбородок и щеки у него были заляпаны мышьиной кровью, которая также темными струйками стекала у Гуго с макушки. Накинь на него сейчас кто-нибудь черный плащ, и де Бодье мог бы запросто сойти за мифического предводителя кружащих над нами кровопийц. Того самого вампира Драка Графулу, о котором дети рассказывают друг другу на ночь страшные сказки.

Между тем окрест нас творился уже сущий ад. От хулиганства Сандаварга пострадали в основном те зеваки, кто находился в непосредственной близости от эшафота. Но их истошные вопли вызвали такую панику, что зрители шарахнулись врассыпную, как будто их атаквали не две сотни нетопырей, а по крайней мере несколько тысяч.

Какую бы западню ни готовил нам дон Балтазар, обезумевшие от страха люди прорвали его оцепление за считанные мгновения. Было слышно, как во мраке ржут и храпят испуганные кони: и те, на которых съехалась сюда городская знать, и гвардейские рапидо, чье характерное ржание нельзя было спутать со ржанием обычных лошадей. И те и другие давили копытами напуганных на них паникеров, которые в свою очередь затаптывали спотыкающихся и падающих собратьев по несчастью. Теперь свет исходил не от помоста, как прежде, а был рассеян над площадью множеством тусклых голубых пятен. Все они беспрерывно метались по воздуху, что лишь усиливало общую неразбериху.

Лишь одно фосфоресцирующее пятно неподалеку от нас почти не двигалось – то, что было самым крупным и светилось у самой брусчатки. К нему я и потянул де Бодье, поскольку Физз двигался с нами одним курсом. Получалось это у него не слишком удачно. За варана часто запинались, и он был вынужден постоянно поджимать лапы, дабы паникеры их не переломали. Жаль, он не мог поджать под себя свой внушительный хвост. И потому ящеру приходилось безостановочно лупить им направо и налево, нанося превентивные удары по ногам тех зевак, которые грозили оттоптать Физзу его звериное достоинство.

Однако не успели мы с Гуго настичь нашего хвостатого друга, как тот вдруг взял и сгинул. В мгновение ока – так, словно ящер и впрямь был чудотворцем и исчез тем же мистическим образом, каким здесь нарисовался.

Впрочем, не успел я растеряться, как загадка эта уже прояснилась. Обещавший позаботиться о хранителе Чистого Пламени Убби сдержал свое слово. И когда он присоединился к нам, Физз находился у него под мышкой, укутанный балахоном, из-под которого торчал только нервно хлещущий по сторонам хвост. Вся наша

банда, кроме действующих самостоятельно от нас Долорес и Патриции, была теперь в сборе. Что дальше?

Главные страсти разыгрались сейчас на краях площади. Там же носились по воздуху кровопийцы. А мы стояли среди корчащихся от боли или валяющихся без сознания зевак, озаренных меркнувшим светом разбросанных повсюду нетопырьих трупиков. Я не мог видеть, как обстоят дела у наших женщин. Надо полагать, они догадались укрыться в карете и выждать, когда спадет волнение, а не прорывались к выходу вместе с ошалелыми паникерами.

– Не топчемся на месте, двигаемся! – скомандовал Сандаварг, перепоручив мне и Гуго нести на пару Физза, поскольку своим кулакам северянин доверял больше, чем нашим. – Нельзя отставать от толпы! Пока она теснит гвардейцев, надо успеть вырваться с площади! Вперед!..

Пожертвовав балахоном, чтобы укрыть хранителя Чистого Пламени, самому Убби пришлось оголить свой приметный череп, по которому кабальеро также могли выследить северянина в толпе. И хотя он почти сразу же нахлобучил на голову оброненную кем-то в суматохе шляпу, нам все равно не повезло прошмыгнуть незамеченными мимо врагов. Оттесненные и припертые живой лавиной к зданиям, всадники на рапидо, однако, упорно не покидали свои посты. Оцепление изобиловало прорехами, но за каждой из них гвардейцы вели пристальное наблюдение.

Возникшие тут и там толчеи мешали людскому потоку беспрепятственно схлынуть на прилегающие к площади улицы. Давки быстро перерастали в заторы, а они почти всегда приводили к потасовкам. Такая же разразилась и на нашем пути. Не желая вступать в нее, мы были вынуждены сначала замедлить шаг, а потом и вовсе остановиться.

Драка впереди нас напоминала масло в маслобойке: чем дольше дерущиеся мутузили друг друга, тем больше разбухал этот комок орущих и размахивающих руками паникеров. Примерно два десятка нетопырей все еще носилось над ними, но на них, кажется, уже никто не обращал внимания.

Тут-то и заметили нас следящие за этой улочкой гвардейцы. Они палец о палец не ударили, чтобы разогнать дебоширов, но без раздумий направили в толпу коней, когда заподозрили, что в ней скрывается мы. Нельзя доподлинно сказать, что нас выдало: плохо замаскированная внешность северянина или ноша, которую мы несли. По мне, так наша компания ничем не отличалась от сотен других, покидающих в эту минуту площадь. Многие тащили на себе пострадавших в давке родственников, друзей и просто сограждан. Разве только ни у кого из них не торчал

из-под одежды светящийся хвост. Сколько ни прикрывал я полой балахона эту компрометирующую нас улику, она все равно то и дело выбивалась наружу.

Отступить, чтобы попытаться удрать по другой улице, было поздно. На площади почти не осталось уцелевших зевак, и ее уже заполнили жандармы, приступившие к эвакуации раненых. Последних оказалось много, и для доставки их в госпиталь трех медицинских карет, что дежурили здесь с начала церемонии, было явно недостаточно. У блюстителей порядка хватало сейчас работы, но вряд ли они проморгали бы нашу компанию, сплошь состоящую из звезд только что отгремевшего здесь представления.

– Проклятье! – выругался Убби, заметив проталкивающихся в нашу сторону пятерых кабальеро. Вокруг было полным-полно народу, но мы не усомнились в том, что всадники движутся к нам. – Если эти песьи дети поймут, что мы – это мы, они половину народа здесь порубят и потопчут, лишь бы до нас добраться! Не то чтобы я жалел этих городских придурков, но среди них – мои братья, за которых я скорее умру, чем подставлю их под удар... А ну, чудотворцы, давайте-ка за мной и не отставайте! Эх, зарекался я не бить больше сегодня морды! Но что ж поделать, раз иначе никак!

И, энергично работая локтями, двинул в самую гущу идущего перед нами побоища. У нас не оставалось выхода, как последовать за северянином и надеяться на то, что он проложит путь через это скопище озверелых безумцев...

У сцепившихся посреди улицы дебоширов не было оружия – по крайней мере, почти все они воевали голыми руками, – но это не прибавляло мне оптимизма. Можно было бы счесть наше новое приключение познавательным, ведь мне сроду не доводилось попадать в подобное общество человекообразного зверья. Вытаращенные глаза, брызжущая изо ртов пена, разбитые в кровь лица, выдранные ключья волос, а также дикий рев, визг, хрипы и треск рвущейся одежды... Какая, оказывается, тонкая грань пролегает между добропорядочными гражданами и теми же нетопырями, от которых эти дебоширы отличались лишь размерами и анатомией, но не кровожадными повадками.

А впрочем, шло бы оно куда подальше, такое естествоведение! Кабы не безвыходное положение, черта с два я взялся бы когда-нибудь расширять свои знания о людях таким извращенным способом.

Дабы хоть немного уравнять свои и наши шансы выжить, Убби в последний момент передал мне иностальной штырь, сопроводив подарок коротким инструктажем:

– Не размахивай им, а просто тычь ублюдкам в зубы или глаза и сразу отскакивай. Главное, все время держитесь у меня за спиной и почаще смотрите под ноги. Отстанете или упадете – вам конец!

Подбодрил, одним словом. А затем бросил последний взгляд на пробиравшихся через толпу кабальеро и, утробно зарывав, врезался в гущу потасовки...

Следующие несколько минут слились для меня в мешанину из перекошенных лиц, мелькания кулаков и нескончаемой, как тогда казалось, череды вспышек боли во всем теле. Света, что испускали вьющиеся над нами нетопыри, было достаточно, чтобы видеть весь этот дьявольский калейдоскоп, а также маячащую впереди широкую спину Убби. Благодаря ему мы не задерживались на одном месте, раз от разу вступая в короткие стычки с постоянно меняющимися противниками. Это не позволяло нам увязнуть в драке, а нашим врагам – как следует разозлиться на нас и пуститься в погоню. Не выпуская из рук Физза, которого мы с Сенатором по-прежнему несли вдвоем, я и Гуго сталкивались с врагами, обменивались с ними парой-тройкой быстрых ударов и расходились, не успев даже обложить друг друга бранью.

Предупреждение Сандаварга о том, чтобы мы посматривали под ноги, было самым важным из всех его предбоевых советов. И все потому, что идти нам большей частью приходилось не по брусчатке, а по оглушенным противникам северянина. Он оставлял их за собой вповалку чуть ли не на каждом шагу. Жаль, некогда было полюбоваться, как напористый крепыш-коротыш устилает себе путь вражескими телами. И ни один отведавший кулаков Убби забияка даже не попытался схватить меня или де Бодье за ногу. Что ни говори, а подобную работу наш краснокожий товарищ делал всегда с полной гарантией и самоотдачей.

Будучи не склонным к насилию, я травмировал противников лишь тогда, когда они хватали нас с Гуго за одежду и мешали поспевать за проводником. Глаз я вроде бы никому не выбил, но сломал штырем полдюжины предплечий, пару челюстей и вышиб десятка три зубов. Нам тоже крепко досталось, особенно менее проворному толстяку де Бодье. Ему расквасили нос, подбили оба глаза, надавали по ушам и столько раз врезали по корпусу, сколько Сенатор не претерпел ударов, наверное, за всю свою жизнь. Мне ушибли бедро и наотмашь съездили по голове тяжелой ременной пряжкой. Которая, хвала Авось, угодила в темечко плашмя, а не ребром. Поэтому я отделался лишь большой шишкой и рассечением, хотя мог бы легко заполучить и дырку в черепе. Меня также нещадно лупили по лицу, спине и плечам, но это были не те ушибы, на какие в такой буче стоило обращать внимание.

Завернутый в балахон Физз в драке не участвовал, но стойко терпел побои наравне со всеми нами. Правда, в отличие от нас, его это не шибко беспокоило. А те, кто желал причинить ему вред, сами с криками хватались за собственные отбитые кулаки и вывихнутые запястья. И поделом! Покрытое чешуйчатой броней тело ящера было прочнее гвардейской кирасы. Такое не всякий топор разрубит с одного удара, а дубасить варана-броненосца голыми руками – затея вовсе глупая и травмоопасная. Многие наши сегодняшние противники усвоили это, если, конечно, они успели понять, о чьи бока покалечили руки.

И все бы ничего, но чем плотнее окружала нас давка, тем больше мы получали тумачков, выдыхались и теряли прыть. Не пройдя и половины этого адского пути, Сенатор начал опасно пошатываться и спотыкаться. И я ничем не мог ему помочь, поскольку сам едва стоял на ногах, отражая одной рукой удары, а другой неся Физза. С каждым пройденным нами шагом становилось все очевиднее, что Убби переоценил наши возможности. А одного лишь желания спасти свои шкуры было уже недостаточно, чтобы оно наделило нас необходимой для этого силой.

Впрочем, нам все-таки повезло пережить этот кошмар. Как оказалось, в этом бою Убби уповал не только на нашу и свою выдержку, но и на помощь сородичей, которых он обнаружил в толпе еще до того, как гвардейцы нас заметили. Ну а северяне, в свою очередь, не могли не заметить продирающегося к ним с шумом Сандаварга.

Мне и Гуго было уже совсем невмоготу, когда плечом к плечу с наемником встали два таких же крепыша, которые заработали кулаками с не меньшим усердием, чем он. Краснокожие вояки действовали быстро и слаженно. Протоптаный Убби коридор моментально расширился, а шарахнувшиеся от северян в испуге противники к нам больше не приближались. По этой же причине и бесчувственных тел под ногами заметно поубавилось, поскольку желающих бросить вызов сразу трем головорезам находилось гораздо меньше.

Мы вздохнули посвободнее, но расслабляться было еще рано. На нас то и дело нападали сзади, и мне приходилось осаживать этих негодяев штырем, дабы меня и де Бодье ненароком не утянули в толпу. А она после нашего яростного прорыва разбушевалась и вовсе не на шутку. Помимо гвалта я слышал также конское ржание и непрекращающийся свист плеток. Кабальеро тоже пробирались через давку, но, видимо, не были до конца уверены, что гонятся именно за нами. А иначе они без колебаний расшвыряли и затоптали бы рапидо всех, кто стоял у них на пути.

Несколько минут, за которые мы, казалось, пронеслись галопом по всем лабиринтам Небесного Ада... И когда беснующаяся живая масса с проклятьями исторгла из себя

нашу потрепанную компанию, я был готов вопить от радости даже несмотря на то, что в полусотне шагов от нас находились пятеро гвардейцев. Но вместо этого мне пришлось стиснуть зубы и бежать, припадая на хроющую ногу, за северянами дальше по улице. Она была заполонена пострадавшими в давке людьми, но мы их уже совершенно не интересовали. Они либо ковыляли прочь от побоища, либо, изможденные и помятые, сидели прямо на брусчатке, утирали с лиц кровь, сплевывали выбитые зубы и бранились охрипшими от крика голосами.

Один такой попавшийся нам навстречу избитый бедолага был настолько слаб, что никак не мог отогнать привязавшегося к нему нетопыря. Крылатая тварь чуяла кровь, текущую из рассеченной брови своей жертвы, и с верещанием набрасывалась на нее, невзирая на ее вялое сопротивление и жалобные крики. Пробегавший мимо Сандаварг помог беспомощному горожанину: изловил кровопийцу за крылья, однако не убил священное животное, а прихватил его с собой. Затем подозвал сородичей и, всучив одному из них пойманный живьем трофей, что-то поспешно им наказал. После чего оба они согласно кивнули и, отколовшись от нашей компании, припустили к ближайшему переулку, что-то оживленно обсуждая между собой на бегу. А Убби бросил нам через плечо: «Не отставайте!» – и поспешил к зданию, что располагалось на другой стороне улицы.

Здание это представляло собой двухэтажный особняк, похожий на тот, в котором жила госпожа Зигельмейер, только поскромнее, и наверняка принадлежало какому-нибудь местному купцу или чиновнику средней руки. Я подумал, что наемник знаком с этим человеком и хочет попросить у него убежища. Но, оказалось, Сандаварга интересовал не дом, а лишь живая изгородь перед ним. За ней было трудно спрятаться днем, но в темноте она могла дать нам мало-мальски надежное укрытие.

Этот невысокий – мне по пояс, – облагороженный терновник с мелкими листьями и густыми колючими ветками рос перед многими особняками в центральном районе Аркис-Грандбоула. Продраться напролом сквозь такой кустарник было практически нереально, но перепрыгнуть через него при необходимости – можно. Особенно при такой необходимости, как наша.

Соваться в калитку мы не стали – и так было понятно, что она заперта. Первым колючий барьер преодолел Убби. Он с разбега нырком сиганул поверх кустов, даже не оцарапав живот, приземлился на руки и, кувыркнувшись, сразу очутился на ногах. Следующим за укрытие отправился Физз, чье чешуйчатое брюхо было нечувствительно к терновым колючкам. А вот наши с Гуго шкуры – увы, нет. Мне пришлось встать на четвереньки и подставить Сенатору спину, поскольку с его комплекцией о выкрутасах северянина можно было только мечтать. Де Бодье

оттолкнулся от моей спины и попытался перескочить изгородь, но зацепился ногами за ее верхушку и грохнулся прямо на страхующего его с той стороны Сандаварга. Послышалась сдержанная брань вперемежку с многословными извинениями – похоже, и у того, и у другого только что добавилось на теле по несколько болезненных ушибов.

Последним прыгать через препятствие выпало мне. Решив, что у меня получится повторить трюк Убби, я тоже разбежался, но отбитая в бою нога не позволила мне развить нужную скорость. Времени на повторный разбег не осталось – всадники только что прорвались через давку и их пущенные в галоп рапидо уже цокали копытами по брусчатке. Поэтому вместо нырка я изобразил неуклюжий переворот: упал спиной прямо на подстриженную кромку терновника и, задрав ноги, перекатился через него к товарищам. Как минимум дюжина колючек проткнула мой разодранный в драке балахон и впились в тело. Я закричал от боли, но дело было сделано. Мне удалось смыться с улицы до того, как кабальеро поравнялись с нашим укрытием и проулком, куда побежали сородичи Сандаварга.

Едва я плюхнулся на землю по другую сторону изгороди, как северянин грозным шепотом велел мне затаиться и помалкивать. Хорошо, что не стихающий на улице ор заглушал наши с Гуго шумные одышки, унять которые после такой пробежки было не так-то просто.

Сквозь кусты было почти не видать того, что творится за ними. Но распознать по звуку быстрое приближение нескольких всадников сумел бы и слепой. Я понадеялся, что они проскачут мимо, однако гвардейцы были не дураки. Они понимали, что, выбравшись из давки, мы вряд ли побежим вдоль по улице, где нас можно будет легко настичь. Дружно осадив коней, преследователи остановились и начали громко совещаться, куда им двигаться дальше.

Происходило это всего в десяти шагах от нас. Я был уверен, что вот-вот какой-нибудь кабальеро подъедет к терновнику и осмотрит дворик перед особняком. И пускай Физз был закутан в балахон, не разглядеть в темноте со столь близкого расстояния нашу банду можно было лишь в том случае, если ты не задался целью нас отыскать.

– Эй! – вдруг воскликнул кто-то из всадников. – Гляньте, вон там, в проулке! Вроде бы свет!

Гвардейцы встrepенулись и поспешно развернули коней в указанном направлении.

– Так и есть! – согласился с более зорким приятелем другой кабальеро – очевидно, старший этой группы. – Непохоже на летучую мышь – движется медленно, почти

над самой землей. И удаляется! Уверен, это наши *bastardos* со своей ящерицей! За мной!

И, пришпорив рапидо, пятерка всадников рванула за источником обнаруженного ими света...

– Братья сказали, что отлично знают в этом районе все подворотни, – проговорил Убби, когда гвардейцы скрылись в темноте. Высовываться из укрытия было еще рановато, и мы продолжали лежать за кустами, прислушиваясь к удаляющемуся стуку копыт. – Всадникам придется здорово поплутать, гоняясь за Юханом, Свеном и их нетопырем, ха-ха! Точно вам говорю – сам блудил тут однажды, причем не ночью, а среди белого дня. К тому же ездить по задворкам – это вам не скакать с ветерком по пустоши. Некоторые закоулки настолько узкие, что в них даже лошадь не развернется. Так что пока эти песьи дети не смекнули, что их обдурили, надо уматывать отсюда в наш подвальчик и сидеть там, пока твоя вторая женщина, шкипер, не скажет, что бедлам угомонился. А потом решать, как быть дальше. Раз уж дон Балтазар вернулся в город, значит, загрызи его пес, недолго осталось стоять твоей развалюхе в цеху у Синклера...

Что верно, то верно. Несмотря на царившую вокруг свистопляску, я тоже успел подумать об этом. Однако сейчас, когда мы метались по городу в поисках спасения, мне и в голову не приходило, что все пережитое нами этим вечером – лишь прелюдия к тому ужасу, который обрушится на Аркис-Грандбоул сегодня ночью. И что нам, едва вырвавшимся из одной беды, придется с ходу встречать в другую. Причем куда более опасную, нежели публичное измывательство над первосвященником...

– И жандармы, и гвардейцы, и церковные дружинники – все там рыщут, – известила нас об обстановке снаружи Патриция, спустившись к нам в подвал. – Последних вы особенно разозлили. Прихлебалы церковников носятся по улицам целыми толпами и хором вас без умолку проклинаят. Похоже, теперь до утра не угомонятся. Что, в общем-то, и следовало ожидать. С тех пор как полвека назад на новогоднем молебне в храме рухнул потолок и придавил двадцать с лишним паломников, больше, считай, ничего интересного на сборищах ангелопоклонников и не случалось. А от вашего хулиганства шум однозначно громче, чем от той обвалившейся штукатурки. Будьте уверены: если через пару столетий мир еще не разлетится на куски, эта история станет у наших потомков гораздо популярнее, чем все септианские притчи, вместе взятые. Что ни говори, а нынешний религиозный спектакль впервые в жизни доставил мне настоящий, ни с чем не сравнимый восторг...

Прошло три часа, как наша банда собралась дома у госпожи Зигельмейер, а вызванная нами в городе суматоха все не утихала. Через подвальные отдушины до нас все время долетали то конский топот, то жандармские команды, то надрывные причитания, декламирующие строки из Библии – в основном те, где шла речь о неотвратимой каре, уготованной нечестивцам вроде нас.

В Аркис-Грандбоуле выдалась та еще ночка! Наверняка все трактиры, гостиницы и значные места уже подверглись обыскам, а в кварталах бедноты шли облава за облавой. К Патриции дважды стучались в дверь сначала жандармы, а потом гвардейцы. И те и другие, правда, вели себя вполне пристойно. Поинтересовавшись, все ли у госпожи в порядке и не заметила ли она вблизи своего дома подозрительных людей, сыщики извинялись за причиненное беспокойство и откланивались. Хорошо, что мы убрались с улицы до того, как паника в центральном районе улеглась и наши поиски стали организованными и массовыми. Замешкайся мы хотя бы на полчаса, точно напоролись бы на облаву или патруль. И трудно сказать, кто бы обрадовался встрече с нами больше всех: кабальеро, жандармы или размахивающие палками оскорбленные и негодующие септиане.

– Ты можешь сделать для нас последнее одолжение и разузнать, через сколько дней Кавалькада покинет город? – спросил я у Патриции и поморщился, когда Долорес выдернула у меня из спины очередной терновый шип. Выковыривать их при бледном свете потускневшего Физза Малабоните не доставляло радости. Но откладывать эту процедуру до утра было нельзя – к тому времени ранки могли загноиться. На голове у меня красовался компресс, наложенный поверх шишки, заработанной мной при бегстве с площади. Гуго, коему тоже крепко досталось в той давке, лежал в углу на матрасе, весь облепленный компрессами, и дремал, страдальчески постанывая на каждом выдохе. Убби обработал дезинфицирующим раствором лишь самые крупные свои ссадины да сбитые в драке кулаки. А на синяки и кровоподтеки, которых он тоже не избежал, небрежно махнул рукой. Переводить дорогостоящее лекарство на подобные мелочи северянин принципиально отказывался.

– Разве это одолжение? – снисходительно усмехнулась госпожа Зигельмейер. – Завтра к обеду я так и так проведу о доне Балтазаре все последние новости. Моя подруга Фатима ублажает его всегда, когда он гостит у нас в городе. И всякий раз после этого прибегает ко мне, чтобы похвастаться каким-нибудь дорогим подарком, который команданте ей привез. Проявите немного терпения, и через двенадцать часов вы, как и я, тоже будете в курсе ближайших планов вашего главного врага.

– Вряд ли сейчас дону Балтазару захочется женской ласки, – резонно заметил Убби. – Он, поди, не только занят охотой на нас, но еще и устал с дороги как собака.

– О, ты плохо знаешь привычки этого любвеобильного южанина! – бросила ему в ответ Патриция. – Он может не пригласить к себе Фатиму в любой другой день или перед своим отъездом, но не сегодня ночью. К тому же не много ли вам чести, чтобы команданте лично носился за вами по темному городу, обнюхивая подвалы и подворотни?

– Теперь дон Балтазар знает, что вингорцы его обманули. И догадывается, что мы неспроста отираемся поблизости от «Гольфстрима», – ответил я. – Он уже дважды воочию убедился, как далеко мы можем зайти, если чего-то захотим. Это заставляет его сильно нервничать и ожидать от нас новой гадости. Не знаю, может, команданте и претит самому гоняться за нами по улицам, но я точно уверен: мой бронекат и груз Макферсона покинут город не сегодня завтра. Команданте потратил слишком много сил и средств на то, чтобы заполучить эти трофеи, и не станет рисковать потерять их снова. А тем более когда Синклер переклепал мой бронекат в истребитель. Вот я и боюсь, что, пока идет облава и мы боимся высунуться на улицу, «Гольфстрим» под шумок выедет из Великой Чаши и мы останемся с носом. Если уже не остались – и такое не исключено. Кто бы знал, чем на самом деле занят сейчас дон Риго-и-Ордас: ублажает свою Фатиму или устраивает нам ответную подлянку, ломая наши планы своим внезапным отбытием.

– Но даже если так, вам не выяснить этого, когда полгорода бежит по улицам и ловит мошенников со светящимся вараном, – пожалала плечами госпожа Зигельмейер. – Поэтому пользуйтесь моей добротой: сидите тут, где вас никто никогда не найдет, и не дергайтесь, пока снаружи не утихнет беготня. Сказано же: завтра я выясню все, что смогу. А что не смогу, пойдете узнавать сами. Хотя я настоятельно советовала бы вам смириться с вашей потерей, удирать из города и не показываться здесь следующие три-четыре года. Однако чует мое сердце: плевать вы хотели на мои советы и еще успеете набедокурить в Аркис-Грандбоуле... А это еще что за фокусы?

Патрицию прервал громкий протяжный гул, не похожий ни на один из доносившихся сюда ранее шумов. И был он настолько резок и невыносим, что подскочил даже спящий де Бодье.

Гул проник к нам через отдушины и являл собой волнообразный, то нарастающий, то вновь затихающий вой. Надо думать, он был слышен не только в Великой Чаше, но и за ее пределами. Впрочем, я быстро сообразил, что именно в городе способно издавать такой звук. И не успел я озвучить свою догадку, как за меня это сделала госпожа Зигельмейер. Ей и догадываться ни о чем не потребовалось. Будучи местной горожанкой, она, в отличие от нас, слышала этот шум далеко не впервые.

– Грозовая сирена?! – удивленно молвила она. – Интересно, с какой стати?

Аркис-Грандбоул был единственным городом к востоку от Хребта, где храмовые колокола использовались исключительно по их прямому назначению – созыв септиан на молебны. Роль тревожной сигнализации здесь играли механические ревуны – подвешенные на высоких мачтах ветряные шумогенераторы. Грозы в Атлантике случались нечасто. Рождающиеся несколько раз в год над южным полюсом, холодные воздушные циклоны отправлялись на север, неся с собой помимо желанных ливней ураганные ветры и смертоносные молнии. Не все эти атмосферные фронты достигали священного города. Некоторые из них растрачивали свои силы еще на пути к экватору. Но когда на южном горизонте начинали сгущаться тучи, рокотать громовые раскаты и мерцать черные всполохи, наблюдатели на стенах города сразу бежали к ревунам.

Чтобы запустить их, нужно было лишь дернуть за пусковой трос. Его рывок расправлял на шумогенераторе складные лопасти, которые начинали раскручиваться ветром и приводили в движение механизм шумового устройства. Их было установлено по периметру Чаши всего полдюжины, но вместе они поднимали такой вой, что даже фермеры дальнего пригорода сразу понимали – пора прятаться в ближайшем грозовом бункере. Или, если до него было слишком далеко, – запираться в погребе и молиться, чтобы в случае попадания молнии в него не проник метафламм.

Последний антарктический циклон бушевал над северо-востоком Атлантики не слишком давно. И потому нынешнее включение тревожной сирены вряд ли было связано с надвигающейся грозой. Но если причина не в ней, тогда в чем? Неужто к стенам священного города подступали враги? Чушь! В сравнении с этой догадкой внезапная гроза, и та могла разразиться с куда большей вероятностью. В мире существовала лишь одна сила, способная осмелиться напасть на Аркис-Грандбоул, – армия Владычицы Льдов. Но, во-первых, у нее не было на то ни малейшей причины, а во-вторых, летучий отряд ее армии – Кавалькада – и так находился сейчас внутри Великой Чаши.

Так что же за напасть вынудила дозорных поднять среди ночи тревогу, перепугав и без того всполошенный с вечера город?

– Наверное, из-за облав где-то начались крупные беспорядки, и Рейли решил, что так ему удастся прогнать людей с улиц, – предположила Патриция, как и я тоже усомнившаяся в приближении бури. – Отлично придумано, между прочим. Большинство погромщиков точно по бункерам разбежится, а тех, что не попадутся на уловку бургомистра, жандармы угомонят.

Гипотеза хозяйки выглядела вполне здоровой. Ни я, ни остальные не придумали ничего лучше, и потому всем нам оставалось лишь согласиться с Патрицией. Которая решила все же подняться наверх и разобраться, в чем дело. Догадки догадками, но мало ли? А вдруг наша сегодняшняя мистификация и впрямь оскорбила Септет, после чего он в ярости наслал на город гром и молнии. Ангелы – они ведь не такие бесхитростные и дружелюбные, как Авось, у которой и в мыслях нет желания учинять страшные суды и концы света. Эти белокрылые парни со сверкающими мечами давно ищут повод нас уничтожить. Даже их поклонники в этом свято убеждены. Поэтому септиане и молятся по нескольку раз на дню, дабы умиловить Метатрона и его вспыльчивую компанию.

Однако не успела госпожа Зигельмейер покинуть убежище, как вдруг невозмутимый доселе ящер взъерошил чешую и, яростно зашипев, начал метаться по подвалу. Патриция, которая и не подозревала, что мой «говорящий дракончик» способен на такие дикие выходки, аж подпрыгнула от неожиданности и едва не скатилась с лестницы. Мы тоже вскочили с мест, поскольку поведение варана напугало нас куда сильнее, чем грянувшая среди ночи сирена. Включившие ее дозорные могли ошибиться и подать ложную тревогу. Физз – никогда.

– Фахты! Фахты! – продолжая бегать по полу, прошипел он. Из нас пятерых лишь хозяйка могла подумать, что ящер твердит о каких-то фактах. Мне же и прочим членам моей команды, побывавшей однажды перед лицом такого «факта», все было предельно понятно.

– Вакты! – почти в один голос проговорили Долорес и Убби, доведя до ошарашенной Патриции подлинный смысл предостережения Физза.

– Вакты! – повторил за ними я. – Черт возьми! Неужели те самые твари, которых якобы видели в пригороде?

– Мерские супастые тфари! – подтвердил разволновавшийся не на шутку варан. – Сфистать фсех на палупу! Орутия х пою! Херьмо!

– Э-хе-хе, дорогой вы мой мсье Физз, где теперь наша палуба и наши орудия! – горестно вздохнул Гуго, снимая компрессы с распухшего лица и аккуратно ощупывая свой чудом не сломанный нос. После своего чудесного во всех смыслах спасения Сенатор стал обращаться к «мсье Шипучке» гораздо почтительнее. – Сядьте, угомонитесь, а то последний свет на шипенье израсходуется, а до утра еще далеко. Если на город и впрямь напали псы Вседержителей, будем надеяться, здесь они нас не достанут.

– Вы... серьезно думаете... что Физзи... говорит правду? – дрожащим голосом спросила госпожа Зигельмейер, усаживаясь на нижнюю ступеньку лестницы. Идти наверх и высовываться на улицу ей вмиг расхотелось.

– Наш хвостатый друг чертовски сообразителен для варана, но лгать или разыгрывать нас ему совесть не позволяет, – заверил я Патрицию. – И раз Физз сказал, что в городе вакты, значит, так оно и есть. Но разве кого-то еще, кроме тебя, Патриция, это удивляет?

– После того, что мы видели на коралловой «терке», – ничуть, – ответила Долорес, снисходительно посмотрев на хозяйку. Рядом с напуганной госпожой Зигельмейер Малабонита старалась держаться подчеркнуто невозмутимо. Еще бы – ведь сейчас ей выпал шанс поквитаться с Патрицией за то, что она все время называла ее девочкой.

– Вакты равнодушны к контейнерам Макферсона, – продолжил я. – Нет сомнений в том, что эти твари идут по их следу. Иначе зачем им вдруг ни с того ни с сего соваться в город, да еще целой стаей? Как считаете, псам известно, где сейчас находится наш груз?

– Это легко проверить. Если да, стало быть, с минуты на минуту в мастерской Синклера разразится неслабая драка, – заметила Долорес. – Если же нет, значит, вакты просто сужают круг поисков и доберутся до «Гольфстрима» лишь через какое-то время.

– Женщина, покорившая ветер, говорит мудро, – согласился Убби. – И загрызи меня пес, если я не догадываюсь, к чему ты клонишь, шкипер! Думаешь, как нам воспользоваться этой неразберихой, чтобы попытаться украсть нашу развалюху и ящики?

– Совершенно верно, – кивнул я. – Не забывайте: теперь у нас есть механик. Да не простой механик, а лучший специалист по ДБВ во всей Атлантике! И пускай мсье Гуго пока не в лучшей форме, его присутствие вселяет в меня уверенность, что с управлением истребителя мы как-нибудь справимся. Осталось лишь добраться до того управления и взять его на себя. Как видите, все складывается так, что теперь главным врагом дона Балтазара становимся не мы, а более грозная сила. Трудно сказать, кто победит в этой схватке. У нас получилось прикончить вакта, а значит, теоретически кабальеро на это тоже способны. Другой вопрос, сколько именно монстров перелезло через городскую стену. Если стая – дело дрянь. Одно могу сказать точно: раз мы твердо решили доставить в Гексатурм наследство Макферсона, нам нельзя сидеть в этом подвале, гадая, что творится наверху. Сейчас мы – словно птицы-падальщики, которые кружат над полем боя, надеясь ухватить

свою часть добычи. А утащим мы ее в когтях или нет – время покажет. Сначала выясним, каковы вообще наши шансы на удачную охоту. Итак, кто из вас что по этому поводу думает?

– Твой боевой дух, Проныра, заметно окреп с того дня, как вы пытались выкупить у команданте свои жизни в обмен на мою, – довольно осклабился северянин. – Отрадно видеть, как дружба со мной способна изменить человека, а особенно южанина, в лучшую сторону. Теперь не я зову тебя пойти помахать кулаками, а ты оказываешь мне такую честь. Ладно, закрою глаза на то, что ты назвал меня падальщиком, потому что твое предложение мне по душе и отвергать его я не вправе. Так что давай начнем охоту! Мое слово!

– Осточертело ходить пешком и торчать в этой «священной дыре», – призналась Малабонита. – Скорей бы снова на колеса – и в хамаду. И если для этого нужно побегать – что ж, я готова. В первый раз, что ли?

– Мсье де Бодье? – поторопил я с ответом вмиг посуровевшего механика.

– После всего того, что вы для меня сделали, мадам и мсье, с моей стороны было бы верхом неблагодарности бросить вас в эту тяжкую минуту, – угрюмо потупившись, молвил Гуго. – Не обращайтесь внимания на мой непрезентабельный вид – это все пустяки, временные трудности. Я вполне могу за себя постоять, а вы – всецело на меня рассчитывать. Да и куда еще податься бедному мсье в ополчившемся против него городе? Не век же, право слово, таиться от людских глаз по подвалам и подворотням.

– А как же вакты? – спросила Патриция, взирая удивленными глазами на нашу исполненную решимости компанию. Кажется, госпожа Зигельмейер была уверена, что нас охватило массовое помешательство. – Вас что, совсем не пугают бегающие по городу чудовища?

– Вакты?! Вот еще! – презрительно скривила личико Долорес, продолжая злорадствовать над пугливой хозяйкой. – Тоже мне, проблема! Били мы стражей Полярного Столпа и даже ошкуривали. Пусть дон Риго-и-Ордас боится этих зверюшек, а нам они пока ничем не угрожают. В отличие от людей. Они в Аркис-Грандбоуле куда страшнее любых монстров, уж поверьте, госпожа Зигельмейер, девочке, повидавшей воочию всех чудовищ Атлантики...

Глава 17

Распрощавшись с Патрицией, я наказал ей не выходить из подвала как минимум сутки. Ей, как и нам, следовало опасаться не живых вактов, а мертвых; я до сих пор с содроганием вспоминал тот черный всполох, от которого мы едва спаслись на коралловой «терке». Переправленные из трактира Бригитты, наши лошади дожидались нас в конюшне госпожи Зигельмейер вместе с тележкой Физза. И спустя полчаса после того, как взревела грозная сирена, мы уже находились в седлах и пробирались темными улицами к мастерским Вика Синклера.

Ревуны продолжали надрываться, оглашая город своей режущей слух нескончаемой песней. Но нам она была только на руку. Разогнав по домам почти всех церковных дружинников, тревога также оторвала от наших поисков жандармов и гвардейцев. Облавы прекратились, и теперь блюстители закона сновали по улицам, криками призывая горожан не покидать домов, пока не утихнет сирена.

Глашатаев было немного, а патрульных в тех местах, где мы проезжали, – по одному на квартал. Большая часть их собратьев подчинялась тревожному распорядку и усиливала охрану всех ключевых объектов города. Я отметил, что жандармы не сгоняют людей в бункеры, что происходило бы повсеместно, надвигаясь на Аркис-Грандбоул гроза. Значит, его власти были в курсе, с какой опасностью они на самом деле столкнулись.

Кабальеро, надо полагать, тоже. Однако эти типы все как один куда-то запропастились, оставив жандармов поддерживать в городе порядок собственными силами. Я почти не сомневался, что мы обнаружим гвардейцев у Синклера, – где еще им сейчас быть? Наверняка туда была стянута вся Кавалькада, поскольку дону Балтазару не могли не доложить, что послужило причиной ночной тревоги.

Вероятно, команданте не знал, зачем псы Вседержителей проникли в Великую Чашу. Но у него вполне хватит ума заподозрить, что между инопланетными ящичками и вторжением вактов есть связь. Тем более что на крайнем контейнере и заднем борту нашего трейлера сохранились следы огромных когтей и клыков. Если гвардейцы, которые осматривали «Гольфстрим» при первой нашей встрече с Кавалькадой и после его захвата, были внимательны, они обнаружили, что подобные отметины появились на бронекате и грузе в период между этими двумя событиями. И вряд ли кабальеро приняли бы отпечаток челюстей вакта за чей-либо еще. Слишком нехарактерными для зубов земных хищников были оставленные на иностали те глубокие частые борозды.

Кое-как уgomонив Физза, мы посадили его в тележку, где уже лежало оружие Убби, и накрыли ее тентом. А сами переоделись из паломнических балахонов в мешковатую крестьянскую одежду, которой предусмотрительно запаслись еще

позавчера. После чего, оседлав коней, стали походить на семейку пригородных фермеров, что привезла на рынок немного товара и заплутала среди городских улочек. Чересчур приметному Сенатору пришлось наклеить накладные усы и густую бороду, взятые из богатого шпионского реквизита Патриции. Оттуда же был позаимствован парик для северянина, опознать лицо которого под лохматой гривой нечесаных волос я не сумел бы даже днем, не то что ночью.

Объясняться при встрече с патрулями разрешалось лишь мне и Долорес. Остальные члены нашей «семьи» из-за их специфической манеры речи были не способны подражать простоватому говору местных земледельцев.

Впрочем, все наши разговоры с жандармами сводились лишь к обмену двумя-тремя фразами, да и то издалека. Завидев нас, глашатаи и патрульные орали нам, чтобы мы, тупые деревенщины, живо проваливали с улицы в ближайшую гостиницу или трактир. Я заверял их, что, поскольку нас не выпустили из городских ворот, мы и возвращаемся назад, в нашу гостиницу «Под Зеленым Змеем». И если бы нас не останавливал каждый встречный жандарм, мы уже давно туда добрались бы. Быстро припомнив, где располагается названное нами заведение (а находилось оно, разумеется, в двух шагах от мастерских Синклера), блюститель порядка понимал, что мы едем правильным курсом. И, не желая больше отвлекаться на всяких идиотов, махал рукой, отпуская нас восвояси.

Первого вакта мы заметили примерно на полпути между домом Патриции и нашей целью. Страж Полярного Столпа перебежал нам дорогу на очередном перекрестке и скрылся во мраке, умчавшись в направлении храма Семи Ангелов. Я, как глава «семейства», ехал впереди, поэтому и испугался сильнее остальных. Шаги монстра были не слышны из-за воя сирены, и когда он черной, утыканной шипами горой пронесся всего в дюжине шагов от меня, я отшатнулся назад и, натянув поводья, поставил коня на дыбы.

Вряд ли эта высокотехнологичная иностальная машина нас не увидела. А раз увидела и не напала, значит, пока наши догадки подтверждались: вакты не атаковали людей первыми. Даже тех, кто не так давно прикончил их собрата; до сего момента мы опасались, что умирающий пес успел переслать о нас информацию другим стражам.

Также подтвердилось, что вторгшиеся в Аркис-Грандбоул ищейки Вседержителей еще не разнюхали, где лежат контейнеры Макферсона. Со стороны мастерских Вика не доносилось отзвуков боя, хотя начнись он там, я уверен, ревуны его уже не заглушили бы. А вот шум, что должны были издавать съехавшиеся туда всадники, был за сиреной не слышен. И сколько я ни напрягал слух, пытаюсь разобрать в

истощном вое шумогенераторов лошадиное ржание и топот копыт, все было тщетно.

Беспокоясь, как бы сирена вновь не сыграла с нами злую шутку, только на сей раз столкнув нас не с вактом, а с кабальеро, мы посовещались и решили не рисковать. Лучше всего было остановиться в квартале от мастерских, спрятаться в подворотне и послать Убби, дабы он разведал, что творится возле артели Синклера.

Идея всем понравилась, и вскоре мы уже спешивались в каком-то загроможденном строительным хламом переулке рядом с гостиницей «Под Зеленым Змеем». Сандаварг, недолго думая, скинул жмущие ему «маскировочные» башмаки и растворился в темноте. А мы привязали лошадей и расселись вдоль стен дожидаться его возвращения.

До рассвета оставалось еще два часа. Я не сомневался в том, что вакты рано или поздно доберутся до наших контейнеров и в мастерских Вика разразится битва. Я сомневался, представится ли нам тогда хотя бы маленькая возможность попасть на борт истребителя. С тех пор как мы прибыли в Аркис-Грандбоул, я впервые очутился в такой близости от моего отнятого бронеката. Однако это меня вовсе не воодушевило, а, напротив, повергло в уныние. Нас отделял от цели всего шаг, но на этом коротком пути между мной и «Гольфстримом» стоял неприступный барьер высотой со Срединный хребет. И как нам его разрушить, чтобы самим при этом не погибнуть под его обломками, я не имел ни малейшего понятия...

Убби вернулся довольно скоро – примерно через четверть часа. Сделал он это очень своевременно. Я как раз балансировал на грани отчаяния и всерьез подумывал отговорить товарищей от самоубийственной авантюры, когда появился северянин и подбодрил нас хорошими новостями. В смысле настолько хорошими, насколько приговоренного к повешению может обрадовать известие о том, что перед казнью его веревку смажут жиром.

– Все как мы и предвидели: Кавалькада окружила мастерские и готова к бою, – начал Сандаварг, как и положено, не с самой обнадеживающей новости. – В цехах горит свет. Причем такой яркий, что туда, похоже, переехала вся храмовая ферма по разведению нетопырей. Изнутри слышится шум – работа там явно идет полным ходом. Что именно за работа, разглядеть нельзя, но клепальщики и резчики сегодня остались не у дел. Молоты не грохочут, пилы не визжат. Может, это еще ни о чем не говорит, но, по-моему, нашу развалюху действительно снаряжают к отъезду.

– Вы были там совсем недолго, мсье Сандаварг, – заметил Гуго. – Возможно, у клепальщиков и резчиков в это время выдался перерыв, который скоро закончится, и они возобновят работу.

– Да псу под хвост этих тупых молотобойцев! – отмахнулся Убби. – Я вам о другом спешил рассказать, поэтому так быстро вернулся. Эта новость вам понравится куда больше, ручаюсь. Рядом с мастерскими стоят два одинаковых дома. Высокие, по три этажа каждый...

– Знаю, – перебил я северянина. – Это общежития. Они тоже принадлежат Синклеру. В них живут семьи тех артельщиков, которых он приглашает к себе на работу из других городов.

– Неважно, кто там живет, Проныра, – ответил Сандаварг. – Важно то, что сейчас двери этих зданий заперты на всякие замки, а значит, оба дома пустуют.

– Наверное, это из-за тревоги, – предположила Долорес. – Тут неподалеку на соседней улице есть грозовой бункер. Вот жены артельщиков и решили от греха подальше увести туда детей.

– Я тоже так подумал, – кивнул Убби. – И пока жильцы тех домов не вернулись, нам надо проникнуть в ближайшее к мастерским общежитие и с его крыши перепрыгнуть на крышу крайнего цеха. Цеха выстроены вплотную друг к другу, а значит, в случае удачи мы окажемся прямо над «Гольфстримом». И, чем пес не шутит, может быть, даже сумеем проникнуть на него... Если, конечно, пока меня не было, вы не передумали и не решили вернуться в подвальчик к той храброй и гостеприимной женщине.

– К той хитрой и заносчивой старухе?! – взвилась Малабонита. – Да ни за что! По мне, лучше и впрямь по крышам на виду у Кавалькады прыгать!

– В том-то и дело, что не на виду, – поправил ее северянин. – Иначе бы я и не предлагал. Окна в цехах расположены высоко, а бьющий из них свет, как я сказал, довольно ярок. Торчащим внизу гвардейцам будет трудно заметить нас, даже выйди мы на край крыши, поскольку они находятся на свету, а мы – в тени. К тому же сейчас им некогда таращиться в небо. Вакты, которых они ждут, слишком тяжелы, чтобы прыгать по крышам, и передвигаются по земле.

– Прошу прощения, мсье Убби, – вновь подал голос Сенатор, – но среди нас есть и те, кто в силу ряда обстоятельств не способен к подобным акробатическим экзерсисам.

– Вижу, мой башковитый друг, ты окончательно пришел в себя, раз опять начал говорить со мной на своем мудреном языке, – огрызнулся северянин. Но без злобы, а скорее по привычке. – Скажи проще: ты слишком толст и неуклюж для таких прыжков. И боишься, что можешь шмякнуться прямо на голову дона Балтазара, так?

– Вы абсолютно правы: именно эту мысль я пытался до вас донести, – поспешил согласиться Гуго. – И, заметьте, я имел в виду не только себя. Мсье шкипер все еще сильно хромает, а тело мсье Физза вообще не приспособлено природой для прыжков через пропасти. Да и при всем моем почтении к мадам Проньре вряд ли она сможет тягаться с вами на равных в этой атлетической дисциплине.

– Не буду отрицать – все так и есть, – развела руками Долорес, не найдя, чем возразить де Бодье. – Как видишь, северянин, в твоем гениальном плане обнаружилась серьезная прореха. Но в целом он был неплох и, возможно, мог бы даже сработать...

– Стойте, загрызи вас пес! – разозлился Убби. – Заткнитесь, болтливые южане, хватит сбивать меня с толку! С чего вы вообще взяли, что я заставляю вас, слабаков, прыгать по крышам?

– Ты сам только что это сказал, – ответил я. Прочие «слабаки» мне хором поддакнули. Все еще сидящий в тележке Физз промолчал, хотя слышал все, о чем мы толковали.

– Неужели? – удивился Убби, но оспаривать наше единодушное утверждение не стал. – Что ж, видимо, просто неточно выразился. Прыгать с крыши общежития на мастерскую придется мне. А вас, рожденных ползать, я проведу по другому пути. И не вздумайте заявить, что вам даже это простенькое упражнение окажется не под силу!..

Бросив лошадей и пустую тележку в переулке, мы крадучись двинулись за Сандаваргом к черному ходу в соседнее с мастерскими общежитие. Истративший к этому часу всю свою световую энергию, Физз больше не нуждался в светомаскировке и потому плелся за нами своим ходом. Каждый из нас оставил в том переулке не только лошадь, но и все терзающие его сомнения. И смирился с тем, что, как только мы переберемся на крышу мастерских, все пути к отступлению будут для нас отрезаны.

Мы сильно рисковали, поддержав план Убби, однако иного, менее опасного выхода не было. Для нас – наглецов, вознамерившихся вновь бросить вызов Кавалькаде, – наступил переломный момент. Теперь успех нашей авантюры целиком и полностью зависел от того, отважимся мы на смертельный риск или нет. Все, включая, возможно, и Физза, осознавали: вряд ли дальнейшее выжидание приведет к чему-то хорошему. Скорее всего, мы не только не получим шанс на победу, но и растеряем все предпосылки на получение такого шанса.

Стратегия Сандаварга пахивала откровенным самоубийством. Но она была единственной более-менее законченной стратегией, которая у нас сейчас имелась. Что и объясняло решимость, с которой я и мои товарищи отправились на это сражение. Второе наше судьбоносное сражение за последние двенадцать часов...

Убби сшиб кистенем замок, и мы проникли в пустующее общежитие словно обычная шайка воров, и близко не похожих на борцов за свободу и справедливость, коими все мы по праву себя считали. Нигде не задерживаясь, мы взбежали на третий этаж, отыскивали в потолке верхней лестничной площадки лаз и выбрались через него на крышу.

Будучи плоской, подобно крышам большинства зданий в городе, она была приспособлена жильцами общежития для всяческих бытовых нужд. Мы рассчитывали, что среди разбросанного тут хлама найдется что-нибудь подходящее для сооружения переправы и это облегчит задачу не только нам, но и Сандаваргу. К сожалению, не нашлось. Пришлось оставить в силе первоначальный план. И уповать на то, что северянин трезво оценил свои силы, поскольку прыгать ему предстояло довольно далеко.

При пропасти, которая разделяет общежитие и крайний цех, а также на собравшихся внизу кабальеро моя нервозность усилилась. Озаренные светом окон, всадники мелкими и крупными группами рассредоточились у главных ворот, готовые взять в клещи и уничтожить любого появившегося из темноты врага. Пространство между зданиями, над которым нам предстояло перебираться, было перекрыто со стороны улицы высоким забором и, являясь территорией мастерских, использовалось для складирования металлолома. Это было и хорошо, и плохо. Всадники там не ездили, но если кто-то из нас сорвется и упадет, он напорется на арматуру и прочий хлам не хуже, чем на гвардейские клинки.

Дабы свести риск к минимуму, Сандаварг прыгал налегке, без своих иностальных братьев. Из оружия он прихватил с собой только тесак, который сейчас был нужен ему не для самообороны, а как инструмент для сооружения переправы. Материал для нее северянин намеревался раздобыть на месте и был уверен, что придуманный им мост позволит-таки нам пересечь пропасть.

Прикинув на глаз расстояние до цели, Убби отошел на другой край крыши общежития, чтобы оттуда получше разогнаться. После чего сделал несколько разминочных приседаний, встряхнул руками и, проверив напоследок, не выпадет ли из-за ремня нож, рванул к пропасти. Промчавшись скачками через всю крышу, он оттолкнулся ногой от невысокого парапета и взмыл в воздух с удивительной для своей коренастой, коротконогой фигуры легкостью.

Затаив дыхание и боясь даже моргнуть, мы следили за тем, как прыгун взмывает над пропастью, а потом устремляется вниз. Причем последнее происходит гораздо раньше, нежели я ожидаю. Сандаварг не дотянет до крыши цеха, а врежется в стену и упадет – это становится очевидно уже в следующую секунду. Все мы успеваем одновременно ужаснуться и выругаться, прежде чем...

...Прежде чем северянин достигает стены и хватается за парапет, подобный тому, что ограждает крышу общежития.

Повезло наемнику? Похоже, что нет и он изначально все именно так задумывал. Убби нарочно не стал приземляться на ноги, поскольку это вызвало бы грохот, который могли слышать и кабальеро, и работающие в цеху артельщики.

Крыши мастерских были перекрыты не каменными плитами, а иностальной жостью. В ней тут и там зияли большие круглые отверстия-световоды. Под ними, у самого цехового потолка, были установлены огромные вращающиеся зеркала из начищенной до блеска иностали. Посредством их рабочие Синклера направляли солнечные лучи в тот или иной ответственный участок цеха – туда, где даже днем требовалось усиленное освещение. Ночью, естественно, зеркальная иллюминация бездействовала, и на световодах были установлены заслонки. Я не видел их, но догадался об этом, ведь иначе отверстия, как и окна, тоже выдавали бы себя проникающим в них светом.

Подтянувшись, Убби перебрался через парапет и прислушался, не вызвало ли его вторжение переполох. Убедившись, что нет, северянин махнул нам рукой – дескать, все в порядке, ждите – и крадучись направился к торчащему в центре крыши громоотводу.

Грозовой метафламм был не в состоянии пробить иностальную жость, но его напор мог просто-напросто проломить и обрушить кровлю. Дабы свести вероятность этого к минимуму, Синклер возвел над каждым цехом высокие громоотводы из обычной стали. Именно из такой длинной трубы Сандаварг и собирался соорудить для нас мост.

Отцепив идущий к ней кабель заземления и выдрав громоотвод из гнезда, наемник открутил одну из проволочных растяжек и при поддержке двух других аккуратно повалил тяжелую трубу на кровлю. Затем избавился еще от одной растяжки, а последнюю открепил только от крыши. Подтащив будущую переправу к парапету, Убби сначала перебросил нам только проволоку. И когда мы, уцепившись за нее втроем, взялись страховать трубу от падения, наш «инженер» принялся осторожно, мало-помалу толкать ее с цеха на общежитие.

Не сказать, что эта работа была изнурительной. Но поскольку во избежание лишнего шума мы делали ее нарочито медленно, то и умаялись намного больше, чем она того требовала. Зато мост получился превосходный. Можно было не опасаться, что труба сорвется вниз – ее края лежали на парапетах с хорошим запасом. Вдобавок бывшая растяжка была привязана мной к торчащему неподалеку столбу для бельевых веревок, что послужило для нашей переправы дополнительным креплением.

Первой по ней отправилась Долорес. Натерев ладони пылью, она уцепилась за громоотвод и без особых усилий перелезла к северянину, который, ухватив ее за руку, перетянул верхолазку через парапет. Испытание прошло успешно, разве что поначалу труба с ползущей по ней Малабонитой взялась предательски вибрировать и дребезжать. Но стоило той немного сбавить скорость, как тряска сразу утихла и больше не возникала.

Тихоходу Гуго она была и подавно не страшна. Ему угрожали опасности иного рода, но мы могли предугадать их еще до того, как он приступил к своим «акробатическим экзерсисам». Ныне измученный и избитый Сенатор и по земле-то передвигался с трудом, а мы заставили его еще и верхолазанием заниматься. Само собой, что без страховки он не продержался бы на шаткой переправе и полминуты. Пришлось Сандаваргу перекинуть ему свой длинный кожаный пояс-пращу. Им я помог де Бодье привязаться за талию к трубе, после чего он, неловко суча руками и ногами, отправился покорять препятствие.

Дело у Гуго шло не так споро, как у его предшественницы. Но все-таки шло, и то хорошо. Втащив кое-как запыхавшегося и обессиленного механика на крышу, товарищи сразу наострили уши. И, вновь не услышав ничего подозрительного, перебросили страховочный пояс мне.

Я мог бы обойтись и без него, кабы не ноющее от многочисленных ушибов тело. Однако крепкая страховка и не такой большой, как у Сенатора, упадок сил позволили мне прихватить с собой дополнительный груз – брата Ярнклота. Обмотав цепь вокруг пояса, я подсунул шипастое ядро под ремень, заранее ослабив его побольше, и, стараясь не глядеть вниз, пересек пропасть. Получилось это у меня не так быстро, как у Малабониты, но и не так медленно, как у де Бодье, даже несмотря на то, что мне пришлось ползти с пудовым отягощением.

Изящнее всех переправу преодолел Физз. Не желая оставаться в одиночестве, он дождался, пока меня снимут с трубы и ее шатание прекратится, а потом просто-напросто перебежал по ней к нам. Потратил он на это от силы пять секунд,

чем красноречиво убедил Убби, что к хранителю Чистого Пламени определение «слабак» совершенно не применимо.

Оставив нас переводить дыхание, Сандаварг вернулся по мосту на крышу общежития и перенес оттуда на спине брата Ярнскида. И когда вся наша компания опять воссоединилась, первое, что мы обсудили, это дальнейшую участь переправы.

Оставлять ее здесь было неразумно. Могло статься, что к рассвету мы еще не проберемся на «Гольфстрим», а переброшенная между зданиями труба будет отлично видна на фоне светлеющего неба и переполошит кабальеро. Но убрать ее с глаз долой, не уронив, было нельзя. Как и аккуратно опустить громоотвод на кучу сваленного внизу металлолома. В этом случае железяке пришлось бы маячить на фоне освещенных окон, а это было для нас еще более рискованно.

Пришлось скрепя сердце оставить трубу лежать на парапетах в ожидании, когда на нее обратят внимание гвардейцы. Мы не разрушили за собой этот последний мост, но он уже не давал нам надежды на отступление, поскольку являлся пропуском в один конец. Шатким и труднопроходимым, как и весь наш путь, на который мы ступили два месяца назад в Аркис-Сантьяго. И с которого, что поразительно, до сих пор не сошли...

Достигнув нужной крыши, мы решили не отдирать от обрешетки жесть, а поступили проще – приоткрыли один из световодов. Убби сдвинул ножом заслонку настолько, чтобы можно было рассмотреть, что творится внизу, и мы разлеглись вокруг отверстия, чья ширина позволяла нам смотреть в него всем сразу. Расположенное под ним зеркало немного загораживало обзор, но это были мелочи. Все, что нам требовалось увидеть, мы увидели.

Поскольку других бронекатов в главном цеху не было, отыскать в нем «Гольфстрим» оказалось несложно. Он занимал собой четверть просторного помещения и стоял именно там, где его обнаружил Мизгирь. И если бы Савва не описал, как выглядит сегодня мой бывший буксир, я точно замешкался бы с его опознанием. Неизменными на нем остались лишь колеса (скрытый в моторном отсеке Неутомимый Трудяга был отсюда не виден). Их законченная, примитивная конструкция не нуждалась ни в каких переделках. Все остальное – от носа до кормы и от корпусного днища до марсовой площадки – претерпело радикальные изменения.

Имени у новорожденного истребителя тоже пока не было. И я знал почему. По рассказам перевозчиков-гербоносцев, Владычица Льдов обожала лично придумывать названия своим бронекатам. Этому новичку, надо полагать, в скором времени будет оказана такая же честь. Что стало с украшавшей нос «Гольфстрима»

табличкой с его именем, неизвестно, но крепления под новую Вик уже предусмотрительно навесил. Что ж, поглядим, для кого он так старался: для меня или для королевы Юга.

Смотреть на безымянного иностального монстра без боли было нельзя. Надо все-таки отдать Синклеру должное: несмотря на спешку, он придал очередному своему творению мало-мальски эстетический вид. Но оснащенный носовым тараном и кормовой сепиллой, а также увеличенный в размерах, двупалубный корпус был не чета прежнему корпусу буксира.

Разнились они примерно так же, как потертая, но все еще элегантная туфля и усиленный иностальными накладками солдатский ботинок – пусть новый, но вряд ли достойный считаться произведением обувного искусства. И ни расширенное полезное пространство трюма и палуб, ни более просторная рубка, ни грозное бортовое вооружение не умаляли отталкивающее впечатление, которое начало складываться у меня о новом «Гольфстриме» еще после рассказа Мизгиря. Теперь же, когда я узрел этого мутанта воочию, оно не развеялось, а, наоборот, лишь укрепились.

Клетки со взятыми у церковников напрокат нетопырями были развешаны вокруг истребителя, но шуму эти кровососы почти не создавали. Их главной задачей было давать как можно больше света, ради чего для них не жалели пищи. А сытый нетопырь не только сверкает ярче, но и ведет себя не в пример спокойнее оголодавшего собрата.

Убби догадался верно: клепальщики и резчики уже оставили истребитель в покое. Звуки, которые доносились в эту ночь из главного цеха, были шумом погрузки, экстренно начатой, судя по всему, сразу после объявления грозовой тревоги.

При взгляде на погрузочные работы становилось понятно: Кавалькаде предстоял долгий путь на Юг. По трапу туда-сюда сновали грузчики, таскающие в трюм бронеката коробки с продуктами, ящики с боеприпасами и запчасти. К горловине главного резервуара был подсоединен шланг. По нему из городского водопровода велась закачка воды. Какое ее максимальное количество мог взять на борт истребитель, я точно не знал. Но поскольку раньше на «Гольфстриме» стоял водяной бак повышенной емкости, вряд ли спешащий Вик тратил время на его модернизацию. Вместо этого артельщики Синклера предпочли нарастить бронекату боевую мощь, в чем они и по сей день оставались непревзойденными мастерами.

Контейнеры Макферсона уже находились на борту, сложенные в устойчивую четырехъярусную пирамиду между шкиперским мостиком и марсовой мачтой. Очевидно, дон Балтазар приказал погрузить драгоценные ящики в первую очередь.

Прицепить к истребителю трейлер было нельзя – мешала кормовая сепилла, – поэтому новый шкипер и разместил крупногабаритный груз прямо на верхней палубе. Да и не было больше у «Гольфстрима» трейлера. Его изрезали на части, а их пустили на переделку буксира. Все, кроме колес. Они лежали в стороне и либо входили в полученный Виком гонорар за работу, либо ему предстояло соорудить на их базе для Владычицы еще один транспорт.

У меня было время свыкнуться с мыслью о том, что прежнего «Гольфстрима» больше нет. И потому я воспринял открывшуюся мне сейчас горькую правду со стоическим спокойствием. Подумал лишь о том, что ежели вскоре провалюсь в рай, мои предки не станут хлебать со мной из одного котла, а утопят меня в нем в отместку за все мои фатальные ошибки. Утопят и даже не выслушают мои оправдания в том, что я погиб, отстаивая наше поправное фамильное достоинство и ценности...

– Взгляни-ка на это дерьмо, Проныра, – попросил Убби, ткнув меня локтем в бок и указав на сооруженную под потолком цеха систему зеркальной иллюминации. – Что скажешь? Готов рисковать дальше или у тебя есть другое предложение?

Полтора десятка вращающихся на специальных кронштейнах зеркал соединялись между собой узкими мостиками, подвешенными к стропилам на иностальные штанги. Эти переходы были сделаны для того, чтобы осветитель мог, не спускаясь, обойти и отрегулировать за раз все зеркала или перекрыть заслонки на световодах. Сеть эстакад протянулась практически через весь потолочный ярус цеха. А одна из них пролежала настолько близко от мачты истребителя, что даже де Бодье перепрыгнул бы с этого мостика на марсовую площадку.

Ближайший к нам переход располагался аккурат под зеркалом, нацеленным на наш световод. Свесившись в отверстие, Сандаварг осторожно, дабы его не заметили снизу, повернул кронштейн и, сдвинув отражатель вбок, освободил для нас путь. Иного, более удачного плана никто из нас так и не родил, а значит, пришлось вновь поддерживать инициативу северянина и вторгаться в цех этим путем.

Перил на метровой ширины мостиках не было. Их роль играли штанги, за которые те были прицеплены к стропилам. Убби придержал меня и остальных за шиворот, пока мы слезали на эстакаду, после чего передал нам Физза, свое оружие и спустился внутрь сам.

Отныне медлить было нельзя. Нас могли обнаружить в любую секунду, и чем позже это случится, тем лучше. Мы переживали последние спокойные мгновения, хотя какое, к чертовой матери, это было спокойствие? Лишь Сандаварг и Физз не

дрожали от нервного напряжения. Меня же и прочих колотило так, что, казалось, еще немного, и мостик под нами начнет дребезжать и ходить ходуном.

– Как только окажешься на «Гольфстриме», первым делом поднимай трап, – отдал я северянину последний наказ. – Справа от него увидишь на борту большой красный штырь – это то, что тебе нужно. Дергай его что есть силы. Там стоит регулятор скорости, поэтому чем ниже ты опустишь рычаг, тем быстрее заработает подъемник. А дальше поступай как знаешь. Не нам тебя учить, кого убивать, а кому даровать пощаду...

Красться по высотным переходам было необязательно. Теперь нас мог запросто заметить всяк, кто задерет голову к потолку. Держась за штанги, мы поспешили к нужной эстакаде за идущим впереди северянином. По пути Малабонита сняла со спины лук, готовясь прикрыть Сандаварга с марсовой площадки, если у того вдруг возникнут затруднения.

В цеху ошивалось около дюжины гвардейцев, но погрузку контролировали всего двое. Один из них с важным видом прохаживался по палубе, второй топтался внизу у трапа и пересчитывал вносимые по нему ящики. Таскающие их артельщики также представляли для Убби угрозу. Обычно не воинственные, в присутствии кабльеро они могли исполниться героизма и наброситься на злоумышленника скопом. Равно как и члены нынешнего экипажа «Гольфстрима», которые, занятые своими делами, не принимали участия в погрузке. Узанный мной издалека знаменитый шкипер-гербоносец Чеслав Бобровски находился в рубке и, склонившись над раструбом коммуникатора, вел с кем-то переговоры; это на буксире шкипер мог запросто докричаться до механика или бортстрелка, а на двухпалубном бронекате им приходилось общаться друг с другом через специальные переговорные трубы – коммуникаторы.

Марсовая площадка истребителя тоже стала попросторнее, поскольку предназначалась для двух человек – на случай, если шкипер пожелает лично удостовериться в том, о чем доложил ему вперёдсмотрящий. Она находилась тремя метрами ниже эстакады, и Убби перескочил на нее, даже не выпустив из рук щит и кистень.

В этот момент нас и заметил какой-то артельщик, сразу же поднявший крик, немедля подхваченный другими взволнованными голосами. Мы были давно к этому готовы, но все равно поневоле вздрогнули. Одно дело бояться, когда враг тебя не видит, и совсем другое, когда ты обнаружен им и осознаешь, что, ступив на землю, сию же минуту окажешься трупом.

Расхаживающий по палубе гвардеец обладал хорошей реакцией. Еще не сообразив толком, что стряслось, он выхватил шпагу и только потом, заметив, как обеспокоенные рабочие тычут пальцами в потолок, задрал голову. Однако разглядеть нас надзиратель не успел. В следующий же миг его накрыло нечто большое, тяжелое и твердое.

Глянь кабальеро вверх чуть раньше, он мог бы узнать падающий на него громадный щит, метко сброшенный Убби с мачты сразу, как только в цеху раздались крики. Но даже успей первая жертва северянина вовремя увидеть опасность, это ее уже не спасло бы. Сегодняшней ночью брату Ярнскиду было суждено открыть кровавый счет раньше своего шарообразного родственника.

Насмотревшись ранее, как ловко спускается с мачты Малабонита, Сандаварг решил последовать ее примеру. Он тоже не стал пользоваться ступеньками, а съехал по вертикальной лестнице как заправский перевозчик: уперся стопами во внешние стороны круглых стоек и, придерживаясь за них же руками, заскользил вниз. Чем отыграл у противника несколько лишних секунд. Грохот от упавшего на голову гвардейцу щита еще не утих, а Убби уже стоял на палубе, готовый раскроить череп следующему врагу, который преградит ему путь.

О моем наказе Сандаварг, разумеется, не забыл. Сшибив с ног попавшихся ему на пути двух артельщиков, он подскочил к рычагу подъемника и, как учили, рванул тот вниз до упора. Поднимавшиеся по трапу грузчики бросились врассыпную, видимо решив, что возникший откуда ни возьмись головорез с кистенем обрушит тот на их головы. Навстречу возмутителю спокойствия бежал только гвардеец-счетовод. Отбросив карандаш и бумагу, он выхватил шпагу, как и его пришибленный наемничьим щитом соратник, и решил противостоять Убби в одиночку.

Кабальеро был отважен, но слишком безрассуден, и это его погубило. Останься он снаружи, вряд ли кто-то из товарищей обвинил бы его потом в трусости. Даже когда трап поднялся, многие окружившие бронекат гвардейцы все еще не понимали, что творится в цеху. Просчитавшийся счетовод – простите за невольный каламбур – не устоял на поднимающейся платформе и скатился прямо к ногам северянина. Который хоть и относил себя к благородным воинам, был не в той ситуации, чтобы дать споткнувшемуся врагу подняться и снова взяться за оружие...

Крики и грохот поднятого без предупреждения трапа выгнали на верхнюю палубу всех грузчиков и членов команды, какие остались на «Гольфстриме». Их оказалось не меньше двух десятков, и многие догадались прихватить с собой способные послужить оружием инструменты и запчасти. Парней явно известили о том, что нынешней ночью их мастерские могут подвергнуться налету, но стоящий у мачты

Сандаварг (противники гурьбой высыпали перед ним, когда он подбирал щит) явился для людей Синклера и Бобровски неожиданностью. Судя по всему, они намеревались застать здесь мифическое чудовище, а не агрессивно настроенного северянина. Который, ко всему прочему, встречал их пусть и с оружием на изготовку, но в гордом одиночестве.

Воспользовавшись замешательством врага, Убби решил не дать тому опомниться и, шарахнув со всего маху кистенем по палубе, рявкнул:

– Стой, где стоишь! Я – Убби Сандаварг, сын Эйнара, Бьорна и Родерига Сандаваргов. Я – воин и дерусь только с воинами! Но если вы – чумазные молотобойцы – не оставите мне выбора, клянусь, я перебью вас всех до единого! Мое слово! А теперь проваливайте отсюда к песьей матери, пока я не размазал о палубу ваши мозги! Живо!

– Чего встали?! А ну взять пирата! – раздался с мостика громкий, но не слишком уверенный окрик. – Немедленно выполнять приказ шкипера!

Артельщики и перевозчики переглянулись, но тут же дружно отпрянули назад, испугавшись стрелы, что внезапно вонзилась между ними и Убби. Следующий выстрел Малабониты предназначался торчащему на мостике Бобровски, которого она также не собиралась убивать, а просто хотела припугнуть. Стрела влетела в окно рубки и воткнулась в пол рядом с ногой Чеслава – я видел это, поскольку уже перелез на марсовую площадку и стоял рядом с Долорес. Шкипер-гербоносец шарахнулся в сторону и испуганно уставился вверх. Он только теперь заметил, что ворвавшийся на палубу истребителя пират явился не один, а с приятелями.

– Бобровски! – зычным голосом прокричал я, внося свою лепту в запугивание противников, деморализовать которых было не в пример легче, чем кабальеро. – С тобой говорю я – настоящий шкипер этого бронеката Еремей Проныра Третий! Не знаю, что наплел тебе дон Балтазар, но я до сих пор жив и пришел предъявить ему свои права на «Гольфстрим»! И, как видишь, мы с моей командой настроены идти до конца! Это не твоя война, Чеслав! Так что не советую тебе вставать между мной и команданте! Раз ты дорожишь жизнями своих людей, делай так, как говорит северянин, потому что если он начнет драку, мне его уже не остановить! А вам и подавно – он передавит вас как щенков! Сейчас я сойду на палубу, Чеслав! И когда это случится, ты дашь нам свой окончательный ответ! Время пошло!

Ступив на лестницу, я начал спускаться с мачты. Бравировать, скатываясь вниз подобно Убби, не стал. Просто хотел подарить гербоносцу время на раздумья, да и не в той я был форме, чтобы проделывать такие трюки.

Мое дерзкое заявление и два мертвых гвардейца у подножия мачты являлись красноречивыми аргументами в пользу того, что мы не блефуем. Бобровски был достаточно здравомыслящим человеком, чтобы не вступать в этот конфликт. Тем более что в утрате истребителя все равно обвинят не его, а Кавалькаду, которая обеспечивала безопасность бронеката и перевозимого им груза.

Как и ожидалось, Чеслав меня не подвел. Не успел я ступить на палубные доски, как он прокричал:

– Ладно, Проньра, твоя взяла! Владычица прислала меня сюда не затем, чтобы драться с тобой и твоей чокнутой бандой! Для этого здесь гвардейцев полно! Вот с ними и разбирайтесь! А мы, так уж и быть, проваливаем... – И обратился к явно обрадованным его ответом грузчикам и перевозчикам: – Слышали, парни, что сказано? Это не наша война, так что бросайте свои железяки, и пошли отсюда!.. Опускай трап, Проньра! Мы уходим!

– Ишь чего захотел: трап ему подавай! – рассердился я. – Обойдешься! Мы его не для того подняли, чтобы открывать его по вашему первому требованию! Если решили бежать, значит, чешите на нос, перелезьте через борт и скатывайтесь по броне на землю. Или вас что, даже таким элементарным вещам учить надо?

– А как же! – угрюмо проронил Чеслав, присоединяясь к сложившим оружие «молотобойцам». – Меня, к твоему сведению, еще никогда с моего бронеката не изгоняли, поэтому откуда мне знать, как с него убегать?

– Да пошевеливайтесь! – напутствовал я двинувших на носовую палубу капитулянтов. – Не успеете удрать до того, как истребитель тронется, пеняйте на себя!

И, наскоро осмотревшись, с превеликим удовольствием вернулся к исполнению своих шкиперских обязанностей...

Глава 18

Ну здравствуй, стало быть, мой старый иностальной друг! Вот и возвратился твой блудный шкипер! И неважно, что теперь ты изменился до неузнаваемости, а я превратился из перевозчика в отъявленного корсара. Несмотря ни на что, Еремей Проньра Третий все равно рад тебя видеть. Как, надеюсь, и ты – меня. А раз так, значит, нам с тобой будет легко заново обрести взаимопонимание...

Между тем за пределами бронеката поднялась нешуточная суета. Наиболее лаконичное и емкое определение ей дал Убби, когда, глянув в бортовые бойницы, злорадно процедил:

– Забегали, песьи дети!

И не только забегали, но и заорали, а также запрыгали и забренчали оружием. Опростоволосившиеся гвардейцы пустили в ход все доступные им средства, начиная от банальных угроз и заканчивая попытками взять истребитель штурмом. Делалось это с помощью приставных лестниц, под прикрытием влезших на осветительные эстакады стрелков с карабинами и пистолетами.

Спустившийся с мачты следом за мной Гуго был без промедления отправлен в моторный отсек. Ему поручалось, не дожидаясь моей команды, дать Неутомимому Трудяге полный ход сразу, как только Сенатор разберется со всеми незнакомыми тягами и рычагами.

Долорес и Физз остались на марсовой площадке, чье ограждение было укреплено и приспособлено для защиты от стрел. Так что прячась за ним, Малабонита уже не представляла собой легкую мишень, какой она была прежде, сидя на открытом всем ветрам марсе буксира. Ей предстояло по мере сил отстреливаться от взбирающихся на эстакады кабальеро, а также наблюдать, с какого борта они приставляют к бронекату стремянки, и сообщать об этом Сандаваргу. Варан мешался под ногами у своей «хоспоши», но снимать его с мачты было некогда, а сам он не мог спуститься по такой крутой лестнице.

Высокие, в полтора человеческого роста, борта истребителя не позволяли проникнуть к нему на палубу с наскока, однако создавали определенные трудности и для Убби. Наблюдая в бойницы за тем, что творится снаружи, он был не в состоянии уследить в одиночку за всеми врагами. А они реквизировали у артельщиков все имеющиеся в мастерских переносные лестницы и, узнав от Бобровски, что захватчиков совсем немного, решили отбить «Гольфстрим» массивным штурмом. Цех заполнялся спешившимися всадниками, проникающими сюда через проделанные в воротах двери. От мелькания обнаженных гвардейских клинков у меня зарябило в глазах, а доносившиеся снизу угрожающие крики сливались в один грозный рев.

Первые три атаки, проведенные до того, как гвардейцы взялись их координировать, Убби успешно отразил. Долорес вовремя предупредила его, с какой стороны подступают противники, и северянин отделался от них без особых усилий.

Две лестницы с карабкающимися по ним противниками он опрокинул просунутым в бойницы багром, брошенным на палубе кем-то из грузчиков. Третью группу нападавших такой тактикой было не взять. Найденная ими стремянка оказалась слишком длинной и достала до верхнего края борта, даже приставленная к нему под большим углом. Пришлось Сандаваргу прицеплять к борту лесенку из нашего инструментального набора, лезть по ней навстречу гвардейцам, пока они не прорвались к нам, и знакомить их с братом Ярнклотом.

Сшибив со стремянки первых штурмовиков, северянин точными ударами кистеня отломал ей верхний конец. Под весом нескольких кабльеро укороченная на четверть лестница с треском ухнула вниз, но, не долетев до пола, снова уперлась в корпус бронеката. От резкой остановки оставшиеся на ней вояки посыпались с нее, как перезрелые яблоки со встряхнутой ветки. А Убби, убедившись, что некоторое время эти враги нас не побеспокоят, вернулся на палубу дожидаться следующего предупреждения Малабониты.

Сверху на «Гольфстрим» то и дело сыпались пули, выпущенные по нас поднявшимися на потолочные эстакады стрелками. Долорес не подпускала их близко, успев легко ранить двоих или троих самых рискованных из них. Меня от пуль защищала крыша рубки, а вот Сандаваргу приходилось посматривать не только в бойницы, но и вверх, дабы какой-нибудь меткий гвардеец не прострелил ему череп.

– Десять... нет, одиннадцать лестниц сразу! – оповестила Малабонита нашего главного защитника спустя пять минут после того, как команда Бобровски покинула истребитель. – Пять с правого борта, шесть – с левого!.. *Caramba, Mio Sol*, почему мы до сих пор стоим?

– Мсье де Бодье, что там у вас? – гаркнул я в раструб переговорного устройства, переадресовывая вопрос Гуго.

– Дайте мне еще три минуты, мсье шкипер! – донесся из коммуникатора искаженный металлическим дребезжанием голос Сенатора. – Надо еще кое с чем разобраться!

– У нас нет трех минут, мсье! – Орать в иностальную трубу приходилось столь же громко, как отдавать приказы на буксире, пусть даже эта механизация должна была, по идее, облегчать шкиперу общение с экипажем. – Срочно полный вперед, а иначе нам будет очень плохо!

– Две минуты, мсье! – взмолился Гуго. – Раньше не смогу, хоть убейте!

– Ладно, работайте! – Я прекратил спорить, поскольку этим лишь отнимал у механика драгоценное время. Де Бодье не станет пререкаться по пустякам. Раз он сказал, что ему нужно время, значит, Сенатор и впрямь в нем позарез нуждается.

Что же делать? Отправить Убби на нижнюю палубу и, когда враги приблизятся, дать залп из обоих «Сембрадоров»? Но северянину понадобится куда больше двух минут, чтобы разобраться в устройстве сложных оружейных комплексов. Да и гвардейцы не дураки и наверняка остерегутся приставлять лестницы к бронекату напротив бойниц. Баллестирады на верхней палубе также сейчас бесполезны. Двум стрелкам – по одному на каждый борт – ни за что не сдержать натиск такого количества атакующих.

Какое у нас еще есть оружие?

Сепилла.

Она являла собой установленный на корме огромный – во всю ширину заднего моста, – вращающийся от раздаточного вала барабан, словно щетка-ерш весь утыканный лентообразными иностальными пластинами. Каждая из них имела в длину три метра и была сделана из пружинистой оружейной иностали – той, что идет на производство наиболее мощных баллестирад, в том числе комплекса «Сембрадор».

Для чего же истребителю нужна такая огромная иностальная щетка, спросите вы? Уж надо думать, не для того, чтобы заметать за собой следы.

История не сохранила имени ее изобретателя, хотя его вклад в военное дело нового мира был попросту неоценим. К сепилле как к никакому другому оружию подходило определение «Все гениальное – просто». Стрельба из нее не требовала наличия на борту никаких боеприпасов – все свои снаряды роторная щетка сама подцепляла с земли. Подцепляла и сей же миг выстреливала их назад посредством пружинящих пластин-катаapult. Учитывая их количество и скорость вращения барабана, разогнанная сепилла взрывала землю и накрывала позади себя шквалом камней внушительное пространство. Вдобавок к этому она образовывала плотную пылевую завесу, что также усиливало защиту бронеката при его уходе от погони.

Но чем сепилла могла сейчас помочь нам – атакованным со всех бортов похитителям истребителя? Да хотя бы тем, что она поднимет в цеху пыль и учинит хаос. Этого вполне хватит, чтобы напугать кабальеро, стремящихся прорваться на «Гольфстрим» до того, как он поедет.

Чтобы запустить сепиллу, не обязательно было связываться с Гуго через коммуникатор. Ее пусковой рычаг находился в шкиперской рубке. Все, что мне потребовалось, это лишь протянуть руку и дернуть за нужную рукоятку.

Гул разгоняющегося «ершистого» барабана произвел на врага именно то впечатление, на какое я рассчитывал. Первое, о чем подумали окружившие истребитель гвардейцы, это, разумеется, не о сепилле, а о том, что мы трогаемся с места. Они кинулись прочь от многотонных колес, которые вот-вот завращаются и, как тогда, в предгорьях Хребта, примутся давить всех, кто окажется у них на пути. Я видел, как падают на пол стремянки, а побросавшие их впопыхах кабальеро отбегают к стенам, справедливо полагая, что мы не станем кружить по цеху, а рванем напрямик к воротам.

– Что, *cabrones*, обделались? – злорадно прокричала с мачты Долорес, показывая шарахнувшимся врассыпную гвардейцам непристойные жесты. – А еще с вактами собирались драться! Бегите, стирайте штаны, потому что здесь вам больше ничего не обломится!

В принципе, уже одного раскручивания щетки было достаточно, чтобы на некоторое время удержать кабальеро от штурма. Однако я не смог устоять перед искушением потянуть за соседний рычаг и опробовать запущенную сепиллу в действии.

Синклер нарочно не застилал пол мастерских каменными плитами, поскольку колеса бронекатов попросту ломали бы их и крошили. Шипы роторной катапульты вонзились в утрамбованный грунт и взметнули из-под себя земляные комья вперемешку со щебнем. Они фонтаном ударили в заднюю стену цеха, и не будь она такой крепкой, то наверняка развалилась бы в считанные секунды. Однако булыжная кладка выдержала. Врезавшаяся в нее искусственная стихия разбилась о преграду на более мелкие «брызги», которые рикошетом разлетелись по цеху, круша оборудование и настигая разбежавшихся гвардейцев.

Яростная брань и вопли вклинились в учиненный нами грохот и кавардак. Но поскольку я намеревался любой ценой отстоять завоеванный нами «Гольфстрим», то и имя мне сейчас было Беспощадный. А это значит, что крики угодивших под обстрел врагов меня совершенно не трогали. Это они, а не я, превратили мой бронекат в машину смерти и вот теперь пожинали горькие плоды своего произвола.

В считанные секунды все вокруг застила непроглядная туча пыли. Условия для штурма истребителя сложились практически идеальные, но кабальеро было уже не до этого. Теперь им было трудно скоординировать силы для атаки, да и град камней хоть и не убивал одетых в легкие доспехи гвардейцев, но все равно доставлял им уйму неприятностей.

Незадолго до того, как мы волею Авось и смекалки де Бодье тронулись в путь, сверху на палубу брякнулось тело еще одного врага. Я проморгал момент, когда Долорес с ним разделалась. Очевидно, под завесой пыли ублюдок подобрался совсем близко к марсовой площадке, где и нарвался на стрелу, пронзившую ему насквозь шею. Плохая видимость не позволяла мне отчетливо видеть маячившую наверху Малабониту. Но, судя по тому, как она безостановочно отстреливалась из лука, кабальеро не оставляли попыток подступить к ее позиции. Разбрасываемые сепиллой камни им не грозили, поэтому безопасность наших «верхних» рубежей целиком зависела от меткости Долорес.

Запас стрел у нее был невелик. Провозись Сенатор у себя в отсеке чуть дольше, боюсь, Малабоните пришлось бы оставить Физза и поспешно удирать вниз под вражескими пулями. На наше счастье, Гуго сдержал свое обещание и разобрался со свалившимися на него трудностями до того, как Долорес в буквальном смысле свалилась бы с мачты.

Мне тоже предстояло приспособливаться к усложнившемуся на порядок управлению, но я не мог этого сделать, пока мы торчали на месте. Однако стоило лишь нам тронуться, как я моментально заполучил свой комплект трудностей. Никто не мог помочь мне разобраться с ними. Шкиперские проблемы касаются исключительно шкипера. И уж коли он не совладеет с ними, пиши пропало, как бы при этом остальной экипаж ни лез вон из кожи, делая свою работу.

Знакомиться с истребителем следовало постепенно, на малом ходу и имея на борту полноценную команду. Иными словами, вести себя с ним как при ухаживании за благородной дамой: безукоризненно соблюдать весь приличествующий этикет – условие, без которого трудно будет добиться от нее взаимности. Я же взялся овладеть этим сложным механизмом будто едва вышедший на свободу каторжник – снизошедшей до него трактирной шлюхой. То есть впопыхах и с такой беспардонностью, что даже сам диву давался, как только я на подобное способен.

Понятия не имея, как поведет себя перерожденный «Гольфстрим» на полном ходу, я тем не менее приказал Гуго дать необкатанному бронекату жесткий старт. Благо после доклада механика о готовности у меня хватило времени проорать Убби и Долорес, чтобы они приготовились к рывку и не попадали с ног. После чего удостоверился, что истребитель переносит рывки увереннее буксира – давали о себе знать возросший вес транспорта и отсутствие прицепа. «Гольфстрим» сорвался с места без надсадного скрежета и лязга, что всегда издавала при таких нагрузках коробка скоростей буксира. Что ни говори, а Вик Синклер был в своем деле лучшим из лучших.

Расстояние до ворот мы преодолели при практически нулевой видимости. Я и не подумал отключить сепиллу – вот еще! Пробороздив цех, она окатила его на прощание таким шквалом земли и щебня, что те гвардейцы, которые не догадались попрятаться за укрытия или плюхнуться ниц, вряд ли отделались лишь синяками и шишками. Пыль мешала мне оценить нанесенный врагу урон, но наверняка количество лишившихся седоков рапидо в Кавалькаде опять прибавилось.

Цеховые ворота не были рассчитаны на то, чтобы сдержать разогнавшегося иносталяного монстра весом под три сотни тонн. Когда мы приблизились к воротам, они уже открывались. Озабоченные их сохранностью артельщики решили расчистить нам выезд, теша себя надеждой, что у них хватит на это времени. К сожалению, возлагать на нас такие надежды было нельзя. Напоминающий по форме тупой птичий клюв, таран «Гольфстрима» угодил промеж приоткрытых воротных створ и не повредил те, но его передние колеса сокрушили их, разворотив вместе с ними и воротную раму, и лебедочный механизм, и даже часть примыкающей к воротам стены.

Честь и слава гвардейским командирам, что успели предугадать опасность и отвести своих бойцов от ворот. Вылетевшие из проема смятые створы обрушились не на кабальеро и их рапидо, а уже на пустое пространство, которое открылось перед нами, едва истребитель с грохотом и лязгом вырвался на городскую улицу.

Ожидая вновь узреть море крови и раздавленные тела, я был немного обескуражен и даже не знал, радоваться их отсутствию или огорчаться. Война была мне отродясь ненавистна, и я испытывал отвращение от любых убийств, не обязательно массовых. Но сегодня, когда на нашей совести висела жизнь не одного гвардейца, для нас больше не имело значения, сколько их мы еще отправим к праотцам. С каждым днем я относился к объявленной нам Владычицей войне все более цинично и жалел врагов ровно настолько, насколько они жалели нас. Все просто: каждый уничтоженный нами противник увеличивал наши шансы выжить, ведь ему уже было не суждено добраться ни до меня, ни до моих товарищей.

Кавалькада не отступила далеко, а лишь отхлынула к домам и в соседние переулки. Но теперь, когда мы вывели «Гольфстрим» из мастерских, кабальеро стали нам не страшны. Им не удалось отбить у нас на ходу буксир, так что про истребитель и говорить нечего. И стоя на месте, он представлял собой натуральный бастион. А теперь, когда помимо высоких бортов нас защищали вращающиеся колеса и сепилла, мы могли даже не отстреливаться от преследователей. Разве только те снова откроют стрельбу «би-джи»-пулями. Но для этого гвардейцам придется приблизиться к «Гольфстриму», что при нашем усовершенствованном бортовом вооружении было для них чертовски опасно.

Угроза гвардейской контратаки миновала, и по выезде на улицу мне пришлось вступить в борьбу не с кабальеро, а с непривычным управлением истребителя. Маршрут, которым нам предстояло добраться до городских ворот, был несложен, но и те несколько поворотов, каковые на нем имелись, заставляли меня беспокоиться. Аркис-Грандбоул и без того натерпелся сегодня от нас бед. Не хватало еще, чтобы на исходе этой безумной ночи мы взялись крушить дома и причинять страдания ни в чем не повинным горожанам.

Не успели еще колеса «Гольфстрима» переехать выбитые ворота, а я уже вращал штурвал вправо, поскольку прямо по курсу у нас маячила гостиница «Под Зеленым Змеем». Определив, куда мы двинемся, гвардейцы пришпорили коней и начали убираться с нашего пути. Мысленно похвалив их благоразумие, я вырулил на улицу и остановил сепиллу. Но не потому, что сжалился над противником. Вгрызаясь в землю, она ограничивала ходовые качества истребителя, а мне хотелось опробовать его маневренность без каких-либо помех.

Мой первый сегодняшний вираж вышел неуклюжим, но, к счастью, точным. Наехав левыми колесами на тротуар, я провел грохочущую махину в опасной близости от фасадов зданий, после чего выровнял курс параллельно улице и подумал, что на следующем повороте нам не помешает сбросить скорость. Или лучше вместо торможения испытать поворотный синхронизатор? Тот самый, что управляет задними колесами истребителя, позволяя ему крутиться на месте, словно гоняющаяся за своим хвостом собачонка, и объезжать небольшие встречные препятствия, не изменяя положение корпуса.

Пульт синхронизатора располагался рядом со штурвалом. Дергая за рычаги, я не управлял непосредственно самой колесной парой, а всего лишь подключал ее к основному рулевому механизму. Сделать это можно было двумя способами. В одном случае при каждом вращении штурвала задние колеса поворачивались в противоположную передним сторону, во втором – меняли курс параллельно с ними. Я намеревался воспользоваться первым вариантом, поскольку таким образом значительно уменьшал «Гольфстриму» радиус поворота.

Из-за его возросших габаритов мы были вынуждены двигаться лишь по главным улицам – наиболее широким и прямым. Которые, в отличие от специальных грунтовых проездов для тяжеловесного транспорта, были для этого не предназначены, ибо в противном случае город попросту разорился бы на ремонт мостовых. Колесные шипы мчащегося во весь опор бронеката пробивали в них ямы, за каждую из которых мне по закону полагался штраф. Вот только кто бы выписал нам такую квитанцию, если даже сам дон Балтазар не имел теперь над нами никакой власти?

Предрассветные сумерки позволили мне разглядеть следующий поворот метров за сто. К этой минуте Долорес спустилась с мачты, а Убби снял оттуда Физза. После чего Сандаварг остался не у дел и хотел было вышвырнуть за борт трупы, дабы те не мешались под ногами, но я велел ему и Малабоните срочно подняться на мостик. Время уборки еще не настало. Сейчас эти двое были нужны мне на другом, более ответственном посту.

– Идите на оружейную палубу! – приказал я им. – Вдвоем вы быстрее разберетесь с «Сембрадором». И как только сделаете это, сразу же бегом к коммуникатору и докладывайте!.. – После чего, глянув на наморщившего лоб северянина, указал на раструб переговорной трубы и уточнил: – То есть орите вот в эту штуку, что орудия к стрельбе готовы. Все ясно?

– Мне – да, – отозвалась Долорес. – За юнгу не ручаюсь.

– Разберусь, не вчера родился, – огрызнулся «юнга», пропустив сарказм Малабониты мимо ушей. Либо попросту не зная, кем она его обозвала. – Я от своих слов не отказываюсь! Раз сказал, что помогу вам управлять этой развалюхой, значит, так и будет. Пусть даже ты пошлешь меня дерьмо из сортира голыми руками вычищать!

Отрадно было это слышать. Хотя в последнем заверении Убби я все же усомнился. И тем паче не рискнул бы проверять, как он запоет, если я вдруг поручу ему подобную работу...

Включение синхронизатора прошло без проблем. Но маневрирование с ним дало мне понять, что скорость было бы лучше все равно сбросить.

– Держи-и-ись! – проорал я сразу в оба коммуникаторных раструба на подходе к перекрестку. После чего принялся аккуратно вращать штурвал влево, дабы загодя определить, насколько возросла управляемость истребителя на виражах.

Возросла весьма ощутимо. Теперь «Гольфстрим» вписался в поворот по такой крутой траектории, что даже буксир, который был почти в три раза легче его, не повторил бы на аналогичной скорости этот маневр. Правда, я опять просчитался и повернул слишком рано, сойдя с проезжей части и разгромив палисадник углового дома по левому борту от нас.

С главным недостатком такого рода лихачества – инерцией – также пришлось считаться. Раньше при резких поворотах штурвала я обычно упирался правой или левой ногой в соответствующую стену рубки и таким образом удерживал равновесие. Этот прием был заложен во мне на уровне инстинктов. Вот и сейчас,

едва бронекат начал менять направление, я без раздумий выставил правую ногу, полагая, что это, как всегда, обезопасит меня от падения.

Я забыл учесть одно немаловажное обстоятельство: то, что шкиперская рубка на истребителе была гораздо просторнее той, к которой я привык за десятилетия езды на буксире. И когда моя нога не наткнулась на привычную опору, искать новую было слишком поздно. Инерция швырнула меня вбок, и я, выпустив штурвал, грохнулся на пол. А затем, прокатившись по нему, пребольно стукнулся головой о стену. Да еще той самой шишкой, какой наградила меня ременная пряжка одного из площадных дебоширов!

Хорошо, что я не лишился сознания, хотя повторный удар по одному и тому же месту запросто мог заставить меня отключиться. Причем повезло не столько мне, сколько проживающим на этой улице горожанам. Помутись мой рассудок хотя бы на полминуты, и неуправляемый истребитель понаделал бы тут немало бед. К чему я, само собой, отнюдь не стремился. Превозмогая боль в затылке, я поднялся на ноги и вернул «Гольфстрим» на середину мостовой до того, как он с нее сошел.

Несмотря на то что я предупредил экипаж о резком маневре, оба коммуникатора звенели почти в унисон потоками ругательств. Труба, что связывала мостик с оружейной палубой, чихвостила меня уличной бранью Аркис-Сантьяго вперемешку с грубыми северными проклятьями. Второй раструб звучал гораздо тише и издавал витиеватые оскорбления, коими осыпают друг друга во время жарких дебатов сенаторы Аркис-Капетинга. Вообще-то, бранить шкипера в глаза не принято даже в таком демократичном экипаже, как наш. Стало быть, Долорес и Гуго еще не догадывались, насколько коварен коммуникатор и что, даже находясь на другой палубе, я могу запросто их подслушать. Вот пусть себе и дальше не догадываются! В конце концов, шкиперу полезно знать, о чем болтает у него за спиной команда, пускай она и состоит на треть из его близких родственников.

Однако когда я, борясь с головокружением, поспешно выровнял курс, мне вмиг стало не до коммуникатора, поскольку перед нами возникла новая проблема. Не сказать, чтобы неожиданная, но, узрев ее, я все равно изрядно перепугался.

Улица, на которую мы свернули, вскоре должна была вывести нас на главный проспект. Который, в свою очередь, пролегал через всю Великую Чашу и упирался в городские ворота. Гвардейцы опасались, что я опять запущу сепиллу и обстреляю их мостовыми булыжниками, и потому держались от нас вдалеке. Еще немного, и нам можно будет до поры до времени забыть о Кавалькаде. Остановить истребитель в хамаде ей и подавно не удастся, а взять штурмом крепость Гексатурм, куда мы планировали отправиться, дону Риего-и-Ордасу не по зубам. В настоящий момент у

нас оставался один серьезный враг. Тот самый, с каким мы разминулись по дороге к мастерским, и вот теперь наши пути вновь пересеклись.

И явно не случайно. Мы добрались до «Гольфстрима» раньше стражей Полярного Столпа, но едва покинули мастерские, как один из монстров вмиг учуял добычу и рванул к нам, будто собака за отобранной у нее костью. Я еще таращился на него, пытаюсь разобраться, что вижу в полумраке именно вакта, а тот уже скачками несся навстречу истребителю.

– Ну подходи, паскудник, налетай! Это тебе не ящики из прицепа воровать! – злорадно прокричал я, нацеливая таран на пса Вседержителей. Спущенный с мачты Физз заметался в неистовстве по палубе, но его предупреждение запоздало. В этот раз мое зрение сумело опередить хваленое чутье варана.

Лобовое столкновение разогнавшегося истребителя со значительно уступающим ему в весе монстром должно было закончиться не в пользу последнего. Но за миг до удара тот оттолкнулся от мостовой, перелетел через таран и запрыгнул на носовую обшивку корпуса. И быть бы твари отброшенной прямо под колеса, но когти ее передних лап зацепились за верхний край борта словно крючья и не позволили ей сорваться.

Самого повисшего на бронекате вакта я не видел. Но судя по тому, как громко и судорожно его задние конечности царапали броню, а передние дрожали от напряжения, псу стоило немалых усилий удержаться на весу. Его болтающийся из стороны в сторону шипастый хвост громыхал по обшивке, но сейчас он не помогал, а, напротив, лишь мешал твари взбираться вверх.

Нельзя было допустить, чтобы чудовище нащупало задними лапами точку опоры, потому что в этом случае оно сразу перемахнет через борт. У меня в запасе было всего одно средство борьбы такой угрозой, и я применил его не раздумывая.

– Срочно: схема «четыре-три-четыре»! – что есть мочи гаркнул я в трубу, связывающую меня с моторным отсеком. И, покрепче уцепившись за штурвал, крикнул уже в другой коммуникатор: – Держи-и-ись!..

Гуго тоже не мог не слышать удары песьего хвоста по корпусу. И, полагаю, догадался, что за дрянь прицепилась к нам балластом, который я приказал сейчас Сенатору стряхнуть. Переключив коробку скоростей на пониженную передачу, а затем снова на повышенную, механик заставил «Гольфстрим» проделать рывок, избавиться от опасного попутчика и при этом почти не потерять набранную скорость. Вакт не удержался на содрогнувшейся машине и сорвался с борта, на

котором висел. Скребя когтями по броне, тварь пронзительно заверещала и покатила вниз.

Двигайся мы на буксире, она наверняка угодила бы в просвет между колесами и, не исключено, даже уцелела. Но форма носа истребителя была сконструирована так, чтобы любой ошарашенный тараном крупный противник, будь то всадник или змей-колосс, неминуемо попадал затем под какое-либо из колес и перемалывался им.

Пес Вседержителей тоже не стал в этом плане исключением. Съехав по покатоному корпусу на таран, вакт соскользнул с него на мостовую и был немедля проутюжен сначала передним, а потом задним левым колесом. Раздался хруст, скрежет, бронекат дважды слегка подбросило, как будто он переехал огромный валун, и на этом тряска прекратилась.

Я пространно выругался, выражая таким образом радость от одержанной победы. Которая, однако, была омрачена тем фактом, что примерно через час этот район города будет накрыт бурей метафламма. И все живущие тут горожане, кто не спустился по тревоге в грозное убежище, подвергались из-за нас смертельной опасности...

Впрочем, бросив взгляд назад, я заметил, что страж Полярного Столпа не окоурился, а, усиленно загребая передними лапами, ползет за удаляющимся «Гольфстримом». Задние лапы и хвост пса были сильно изувечены... или, вернее, деформированы и волочились по брусчатке, не позволяя ему вскочить и броситься в погоню. Мы не ведали, грозит ли механическому калеке самовозгорание. Хотелось бы верить, что нет. Хотя кто скажет, что для жителей Аркис-Грандбоула менее опасно: черный всполох, к которому поднятый по грозной тревоге город был готов, или сражение с раненым вактом. Зверь лишился своего главного оружия, но еще мог дотянуться до врагов зубами и боеспособными лапами.

Верещание покалеченного монстра становилось все тише. Он не терял остаток сил (по крайней мере, мне так казалось) – просто это мы отъезжали от него все дальше и дальше. Кабальеро расступились и объехали беснующегося пса на почтительном расстоянии, не предпринимая никаких попыток добить чудовище. Кое-как приноровившись к синхронизированному управлению, я вывел истребитель на проспект и не без гордости сообщил товарищам, что теперь тоже имею полное право именоваться победителем вакта. После чего осведомился, как успехи у наших стрелков.

– Мало-помалу разбираемся, – доложила Малабонита. – Как стрелять и за что хвататься при качке, уже выяснили. Как пользоваться дальномером, целиться и

перезаряжать – еще нет. Этот *hijo de puta* Синклер тут такого нагородил, что сам вакт ногу сломит...

Спустя пару минут раздавленный мной вакт остался далеко позади, но Физз все не мог угомониться, продолжая носиться по палубе и без умолку шипеть.

– Все, что угодно, только не это! – взмолился я, подозревая, что до сих пор беспокоит ящера, и суматошно огляделся по сторонам. – Всемиловитая Авось, сделай так, чтобы эта тварь была здесь одна, хорошо? В Великой Чаше так много северян, которые всю жизнь мечтают сразиться с вактом! Вот и сведи их вместе, а с нас достаточно на сегодня героизма!..

Либо в это утро моя богиня отвлеклась на спасение другого перевозчика и не смотрела в мою сторону, либо я все-таки прогневал ее своими частыми за последнее время просьбами и она решила меня проучить. Так или иначе, но моя мольба к Авось исполнилась с точностью до наоборот. И когда я в очередной раз обернулся, то не заорал от страха лишь потому, что у меня в этот миг просто-напросто перехватило дыхание.

Теперь за нами гнались сразу три стража Полярного Столпа, очевидно сбежавшиеся сюда на крик раненого собрата. Задрав хвосты, псы мчались по проспекту, намереваясь, судя по всему, обойти «Гольфстрим» с обоих бортов и наброситься на него скопом. И удирать от таких противников было бесполезно – они настигнут нас задолго до того, как мы доберемся до ворот.

Да и за пределами города от вактов не скрыться. Они не отстанут, пока не утратят способности атаковать. Остается один выход: лишить их этой способности, дав им яростный отпор. Страх страхом, но куда деваться? Раз назвался шкипером истребителя, кровь из носу, но постигай военное ремесло, пусть даже методом проб и ошибок.

– Ну все, достали! – в сердцах бросил я, после чего велел Гуго сбавить ход наполовину, а стрелкам – готовить оба «Сембрадора» к залпу.

– У нас тут проблемы с прицелом!.. – начала было оправдываться Малабонита, но я ее перебил:

– К черту прицел! Бейте прямой наводкой по моей команде, и все дела!.. Так вы готовы стрелять или нет?

– Один момент!.. Да, готовы!

– Отлично! – подытожил я, вращая штурвал вправо и разворачивая замедляющий ход «Гольфстрим» поперек дороги. – Правое орудие – к бою! Левое – на очереди!.. Внимание!..

Перспект был достаточно широк и позволял при необходимости развернуться на нем не только истребителю, но и танкеру-водовозу. В центре проспекта располагался бульвар, тянувшийся по нему из конца в конец. Псы Вседержителей бежали следом за нами по той же стороне улицы, по какой двигался истребитель. Сойдя с прямого курса, мы въехали на бульвар, проделали брешь в кипарисовой аллее и очутились на другой половине проспекта, повернувшись кормой к городским воротам.

Преследователи без промедления на это среагировали и дружно ринулись нам наперерез. Но, исполнив свой финт, я сделал два нужных дела: нацелил на бегущих стражей один из «Сембрадоров» и почти вдвое уменьшил между нами дистанцию. Это превратило их в более удобные цели и упростило задачу нашим стрелкам. Выждав, пока тройка псов приблизится настолько, что угодит в зону поражения всего оружейного комплекса, я повернулся к коммуникатору и гаркнул:

– Пли!..

Я не однажды встречал в южной Атлантике истребители Владычицы и общался с их шкиперами, но видеть, как они пускают в ход свои зловещие «Сембрадоры», мне не доводилось. Впрочем, наяву этот процесс мало чем отличался от того, каким я его себе представлял. Выстрел оружейного комплекса прозвучал так, как и должны звучать стреляющие залпом двенадцать огромных баллестирад. Внушительно, одним словом. Выпущенные ими двухметровые гарпуны устремились к целям по настильным траекториям, оптимальным для ведения боя на такой дистанции. Даже со сбитым прицелом Малабонита или Убби – не знаю, кто из них дернул спусковой рычаг «Сембрадора», – никак не могли сейчас промахнуться. Я об этом позаботился. И, похоже, весьма своевременно.

Лишь одному стражу – тому, что бежал последним, – посчастливилось проскользнуть между летящими снарядами. Прочие твари оказались не такими везучими. Скачущий впереди пес нарвался сразу на четыре гарпуна, пронзивших ему шею и бок. Следующему за ним собрату досталось на одну дырку в шкуре меньше. Мы поразили его также в бок и в заднюю ногу. Остальные пять гарпунов, к сожалению, не нашли себе жертву и либо воткнулись в стволы бульварных кипарисов, либо перелетели аллею и угодили в фасады зданий по ту сторону улицы.

Оценивать результат нашего превентивного удара мне пришлось краем глаза. Едва правый борт отстрелялся, как я опять крутанул штурвал, наводя на противников

орудия левого борта. Я заметил, что гарпуны не отскочили от иностальных чудовищ, а застряли в них на глубину своих массивных наконечников. Я также не упустил из виду, что ровный бег раненых стражей тут же сбился. Однако говорить о том, насколько эффективен против них «Сембрадор», можно будет лишь после второго залпа.

Средняя скорость, с которой сейчас двигался истребитель, оказалась наиболее подходящей для маневрирования на синхронизаторе. Я развернул «Гольфстрим» на таком малом пространстве, что мне даже почудилось, будто это не он совершил оборот, а мир вокруг нас вдруг взял и резко поменял полярность. Хорошо, что я не зевал и повторно скомандовал «Пли!» до того, как бронекат закончил вращение. Отданный с упреждением приказ позволил стрелкам дать залп тогда, когда замедлившие бег вакты очутились напротив левого борта, и второй шквал снарядов накрыл их удачнее, чем первый.

Никто не отвертелся – на сей раз под раздачу угодила вся троица монстров. Лишь два или три гарпуна умчались в сторону аллеи. Остальные впились в тварей, отчего в сумерках стало казаться, будто у вактов мгновенно выросли лишние шипы. Которые, в отличие от уже имеющихся, были тоньше и торчали на боках, шеях и ляжках в полном беспорядке.

– Заряжай! – не на шутку разошелся я, налегая на штурвал и собираясь угостить вактов третьей, а если повезет, и четвертой порцией снарядов. – Правое орудие – к бою!..

– Не так быстро, *Mio Sol*! – прокричала мне в ответ Долорес. – Автозарядка за тобой не поспевает! Готовность к стрельбе примерно через семь секунд!

– Поздно, черт побери! – отозвался я и стукнул в досаде кулаком по штурвалу. – Слишком поздно!..

Да, со стрельбой и впрямь придется повременить. Утыканные гарпунами стражи резво разбегались врассыпную, расхотев служить нам мишенями. Пропадите вы пропадом! Наблюдая, как «Сембрадоры» поражают цели, я рассчитывал, что хотя бы одна из них будет обездвижена. Ни хрена подобного! Вакт, в котором торчало больше всего снарядов, хромал, спотыкался, качался из стороны в сторону, но упрямо держался на ногах. И отступал он явно лишь затем, чтобы взять разбег и снова наброситься на нас. Остальные, судя по всему, готовились к тому же, да и скакали не в пример шибче. Их мне вряд ли догнать, а вот хромоногого – стоит попробовать!

При виде недобитого улепетывающего врага во мне пробудился инстинкт охотника. Выйдя из виража, я рванул за этим вактом, стараясь оттеснить его к домам. Выстроенные впритык друг к другу, они не позволяли чудовищу прошмыгнуть на соседнюю улицу. Преследуемое нами, оно очутилось зажатым между фасадами и колесами истребителя, и я со злорадством наблюдал, как коридор, по которому бежал пес, становится все теснее и теснее.

Упоенный азартом, я едва не допустил фатальную ошибку, недооценив прыть подстреленного врага. Когда мне стало казаться, что вот теперь ему точно конец, хромающая тварь вдруг шарахнулась вправо и вскочила на фасад ближайшего дома. А затем, пока тот не обвалился под ее нешуточным весом, оттолкнулась и перемахнула на борт верхней палубы «Гольфстрима», будто запрыгнувший на забор кот! Стражу оставалось лишь перевалиться через ограждение, после чего он одним мановением хвоста сметет меня с мостика вместе с рубкой...

Наверняка правый «Сембрадор» уже перезаряжен. Но скомандовать стрелкам «Пли!», дабы они засадили стражу в брюхо еще два-три гарпуна, я не мог: он сидел на броне выше оружейных бойниц. Хорошего рывка, какой сбросил бы его под колеса, тоже не получится. Скорость маловата, да и этот вакт вцепился в корпус всеми четырьмя конечностями. Все, что я был в силах предпринять, – это обрушить на врага несколько строений. И уповать на то, что их обвал сшибет его на землю.

Ангелы – свидетели: я не хотел подвергать их священный город разрушениям, но, увы, пришлось. Резкий поворот штурвала, и «Гольфстрим», преодолев узкий промежуток между ним и зданиями, вгрызается в те правыми колесами. Которые тут же начинают срезать с них фасады подобно тому, как нож соскабливает корочку с зачерствевшего куска сыра.

Недостатка в обвалах при таком злостном вандализме я не испытывал. Крупные и мелкие, они один за одним обрушились на правый борт и сидящего на нем вакта. Обломки долбили его нещадно, но чудовищу, как нарочно, хоть бы хны! Хорошо, что дома по эту сторону проспекта были ненамного выше бортов истребителя, а иначе верхняя палуба быстро наполнилась бы до краев горами битого камня и прочего хлама.

Пса погубил не я, а его же собственное оружие! Сиганув на обшивку, он начал было в ярости лупить по ней хвостом, но вызванная мной лавина сделала это слишком затруднительным. Однако не успел монстр побереечь свой «кистень», как за него зацепился массивный обломок, который вмиг утянул конец хвоста вниз и уронил прямо на колесо. От столкновения с ним обломок разлетелся на части, только это не принесло вакту облегчения. От удара его хвостовые шипы сцепились с шипами

колеса, да так основательно, что вырваться из неожиданной ловушки псу оказалось попросту невамоготу.

Вместо того чтобы перепрыгнуть через борт, вакт был утянут вниз за намотанный на колесо хвост, да с такой силой, что, сорвавшись с брони, обломал о нее несколько когтей. Само собой, я не дремал. Едва смекнув, во что вляпался враг, я скомандовал Гуго: «Полный вперед!» – и вырулил обратно на проспект.

Прежде чем хвост твари отцепился от колеса, оно успело сделать полдюжины оборотов с налипшим на него балластом. Страж при этом отчаянно боролся за свою жизнь. Стараясь не угодить под методично утюжащий его каток, он верещал и извивался, словно пришпиленная стрелой к земле змея. И, можно сказать, легко отделался. Также можно добавить, что я остался верен своему стилю боя, вновь раскурочив у механического существа его заднюю часть и оставив в целости переднюю. Хотя, конечно, это получалось у меня непредумышленно, тем паче что вакты фактически сами на это напрашивались.

«Гольфстрим» опять развернулся носом к воротам и шел полным ходом, кроша колесами бульжники мостовой. Выехав из поднятой мной тучи пыли, я взялся суматошно озираться, но заметил позади лишь одного бегущего за нами пса. Второго же и след простыл.

Чертыхнувшись, я присмотрелся повнимательнее. Нет, мне не почудилось – все именно так и было. Проклятье! Поди-ка угадай, что на уме у запропадившейся невесты куда твари!

Вряд ли монстр оказался нечаянно погребен под завалами. Для роющего норы во льду и в коралловой «терке» вакта выбраться из-под груды камней – вопрос считанных секунд. Стало быть, потрепанные мной хищники готовили нам сюрприз и, убедившись, что с наскока нас не взять, явно пошли на охотничью хитрость.

Что ж, пусть попробуют! Я тоже еще не исчерпал свой запас коварных шкиперских штучек и был готов удивить ими врагов.

Ранее я мимоходом отметил, что проспектовая аллея лишь ненамного шире колеи «Гольфстрима». Выиграв в битве с псами Вседержителей очередной раунд, мы нуждались в небольшой передышке, и потому, отделавшись от второго противника, я направил истребитель к бульвару. А достигнув его, въехал на аллею и покати́л промеж кипарисовых рядов, круша подворачивающиеся под колеса лавочки и каменные скульптурки.

Мелькающие по обе стороны от нас деревья мешали скачущему за нами чудовищу. Возраст здешних кипарисов исчислялся доброй сотней лет. Их полуметровой

толщины стволы являлись для стража такой же преградой, как для меня – та живая изгородь, через которую мы с товарищами перелезали прошлым вечером, прячась от гвардейцев. Вакт мог бы протиснуться сквозь древесную стену, но атаковать движущийся за ней бронекат ему не удавалось.

Ткнувшись в деревья с разбегу так и эдак, раздосадованный монстр бросил в итоге эти безуспешные наскоки и сменил тактику: прибавил ходу и пошел на обгон «Гольфстрима».

Хитер, стервец! Решил отыскать впереди широкий просвет и, дождавшись, когда мы с ним поравняемся, броситься с разбегу на корпус. Правильно мыслит иностальная образина! И из «Сембрадора» по ней не выстрелить. Деревья за бортом проносятся с такой частотой, что больше половины гарпунов вонзятся в них и не вылетят за пределы бульвара. А те, которые вылетят, не факт, что попадут в противника, добить коего одним-двумя снарядами вряд ли получится.

А что, если?..

Мелькающий за кипарисовыми стволами вакт уже почти обогнал нас, когда мне пришла на ум любопытная мысль. Любопытная и, главное, простая: я мог воплотить ее в жизнь одним-единственным поворотом штурвала. Что немедля и проделал, пока враг не ушел от нас в отрыв.

Крепкие для пса, бронекату кипарисы были не преграда. Приняв чуть влево и наехав на них краем переднего колеса, я взялся один за другим валить их на проспект – прямо на спину бегущему по ту сторону деревьев вакта. Едва стихший грохот рушащихся фасадов сменился оглушительным треском. «Гольфстрим» ломал вековые стволы словно змей-коLOSS – кости угодившей ему в пасть антилопы. Страж не успел ни отпрыгнуть, ни увернуться, как на него упало сразу несколько деревьев. И каждое из них лишь усугубляло придавившее его к мостовой бремя.

Спинные шипы в нашем бою оказались для вакта не только бесполезны, но и сослужили ему отвратительную службу. Упав промеж этих наростов, древесные стволы застряли в них, будто в столярных кóзлах. После чего монстр был не только остановлен, но и не мог повернуться ни влево, ни вправо...

...В отличие от нас! Завалив пса кипарисами, я не намеревался останавливаться на достигнутом и, как только понял, что тот обездвижен, нанес ему сокрушительный добивающий удар.

Промчавшись мимо угодившего в ловушку вакта, «Гольфстрим» свернул с аллеи и, описав по мостовой окружность, вновь поравнялся с ним. Остальное было делом техники. Зная, как выводить из строя пса Вседержителей, не убивая его (по крайней

мере мгновенно), я прицелился и переехал правыми колесами торчащие из-под поваленных деревьев хвост и задние ноги чудовища. А затем, слушая верещание поверженного врага, направил истребитель к воротам. До них оставалось всего ничего – полкилометра по пустынной улице, – однако на душе у меня было тревожно.

Куда все-таки подевался последний вахт? Я думал, что он в ярости набросится на нас, как только мы уничтожим его собратьев, но скрывшийся в каком-то из проулков страж не торопился. И я буквально загревком чуял на себе лютый взгляд его черных искусственных глаз...

На верхней палубе было все еще небезопасно, и я вызвал себе в помощь Убби, а Долорес оставил у «Сембрадоров». Пускай она разбиралась в устройстве баллестирад лучше северянина, он, пока вингорцы не отобрали у нас буксир, тоже успел познакомиться с нашими «Плаксами» и «Сморкачами». На истребителе стояли легкие палубные орудия классом повыше. И было их значительно больше: по четыре вдоль каждого борта, два на носу и одно на корме – на случай, если откажет сепилла. Все как на подбор – «Эстанты», на чьи ложах были установлены «этажеркой» по три лука. Каждый из них перезаряжался автономно от других, что позволяло стрелять из них по очереди и без остановки. И всю нашу сокрушительную боевую мощь обслуживали лишь два бортстрелка! Да и Гуго тоже нуждался в помощнике. Это было понятно по ругательствам, что непрерывным потоком доносились из моторного отсека. Измученный и избитый Сенатор едва успевал справляться со своими обязанностями, которые на буксире отнимали у него куда меньше сил и нервов.

Сандаварг был приставлен к «Эстантам» неспроста. Запертые по тревоге городские ворота перекрывались помимо опускающейся решетки еще и подъемным мостом. Протаранить их с ходу у истребителя не получится. Для этого нам потребуется не один и даже не два удара. За это время нас могут обстрелять со стены из луков и арбалетов сбежавшиеся к месту прорыва жандармы. Наши баллестирады должны были отпугнуть жандармских стрелков, а «Сембрадоры», у которых дежурила Малабонита, оставались наготове на случай приближения вахта. Я не сомневался, что он еще о себе напомним. Не в городе, так за его чертой, где, возможно, тварь и намеревалась устроить на нас засаду.

Мое мнение о жандармах Великой Чаши изменилось в лучшую сторону, когда я понял, что они вовсе не планируют вставать у нас на пути. Заметив со стены, какой разгром оставляет за собой несущийся по проспекту истребитель, командир привратников принял своевременное и мудрое решение: распорядился срочно поднять решетку и опустить мост. Закрытые, они все равно нас не остановят. А

будучи сломанными, потребуют затем дорогостоящего ремонта и надолго оставят главный въезд в город незащищенным.

Взяв было разгон, я увидел, что стерегущие стену жандармы не целятся в нас из луков и арбалетов, а машут руками, сигнализируя на языке жестов перевозчиков, чтобы мы сбавили ход. Ну а движущаяся вверх решетка и открывающийся мост давали понять, что просьба о снижении скорости уже не повлечет за собой требования о нашей полной остановке и сдаче в плен.

Как благородный корсар, я не мог не уважить это дипломатическое предложение и приказал Гуго переключить коробку скоростей на малую передачу. Однако все равно велел Убби пребывать начеку и держать жандармов на прицеле «Эстанты». Поди разберись, что в действительности у них на уме. Может, это всего лишь уловка, цель которой – задержать нас в воротах для того, чтобы при переезде через них высадить нам на палубу десант.

Оправданы были мои подозрения или нет, мы так и не узнали. Стоило лишь «Гольфстриму» въехать на ведущую к воротам насыпь, как дозорных внезапно обуяла паника. Бросив жестикулировать, они начали тыкать пальцами на запад, а затем дружно развернулись и бросились бежать. Кто – по стене на восток, а кто – к лестницам и по ним – на землю. Из помещения, где стояли вращаемые лошадьми подъемные лебедки, также выскочили и пустились наутек несколько привратников. После чего мост и решетка, которые и без того двигались медленно, и вовсе замерли, успев приоткрыться всего на четверть.

Угроза, что повергла в бегство жандармов, пришла оттуда, куда они и показывали. Да уж, им было с чего перетрусить! Я бы и сам на их месте стал заикой, увидев спешащего ко мне по стене вакта. Взобравшись на нее, он выглядел особенно жутко, поскольку казался на верхотуре чуть ли не вдвое огромнее, чем на земле.

Безусловно, это была иллюзия. Просто на вершине стены отсутствовали крупные объекты, рядом с которыми можно было бы оценить истинные габариты стража. Но даже зная, что стал жертвой обмана зрения, я все равно тарасился на пса так, будто видел его впервые. Что ни говори, а иногда размер и впрямь имеет значение! Особенно когда подобная туша маячит у вас над головой, да еще испытывает к вам отнюдь не дружеские чувства.

Мы ехали по пологой насыпи в гору, и на возобновление разгона у нас не оставалось ни времени, ни места. Выманивать вакта обратно на улицы и пытаться навязать ему наши условия боя тоже не резон. Наверняка жандармы уже привлекли к нашей поимке шкиперов всех находящихся в черте города бронекатов. Других истребителей здесь вроде бы сегодня нет, но пара танкеров и полдюжины

сухогрузов способны, объединив усилия, заблокировать «Гольфстрим» в уличных лабиринтах.

У нас оставался единственный выход: опередить тварь, пока та не добежала до ворот, с которых она могла прыгнуть к нам на палубу. Брошенные приоткрытыми, мост и решетка были уже не такие неприступные, как будучи запертыми. Тем более нам предстояло таранить их изнутри, что также облегчало нашу задачу.

Мечущийся по моторному отсеку как белка в колесе, де Бодье вновь взялся выжимать из Неутомимого Трудяги всю его далеко не беспредельную мощь. Убби развернул «Эстанту» и сделал по вакту подряд несколько выстрелов, но был вынужден оставить это бестолковое занятие. Болты баллестирады тоже пробивали псу шкуру и увязали в ней, но, в отличие от двухметровых гарпунов, не причиняли ему никакого вреда.

Вакт приближался к воротам быстрее «Гольфстрима», но нам оставалось преодолеть до них намного меньшее расстояние. Трудно сказать, кто из нас достигнет цели первым и хватит ли истребителю сил вышибить с одного удара решетку и мост. Сандаварг тоже не мог угадать этого наверняка и потому приготовился к худшему: вытащил из турелей носовых баллестирад ограничительные штифты. И теперь обе они стали вращаться на триста шестьдесят градусов, обретя способность расстреливать врага не только за бортом, но и если он вдруг прорвется на палубу.

Хорошо, что привратники успели поднять решетку всего на четверть, а не выше, на уровень бортов или мостика, где она неминуемо повредила бы нам рубку и погнула бы мачту. А так весь удар принял на себя таран, который был рассчитан и не на такие потрясения.

До последнего момента оставалось неясным, кто кого опередит: мы – вакта или он – нас. И лишь когда «Гольфстрим» въехал в ворота, стало понятно, что мы все-таки отыграли у врага пару секунд. Впрочем, фора эта была спорной. Заскочив на арку, страж опоздал прыгнуть на палубу истребителя, когда тот приблизился к воротам. Однако тварь еще могла напасть на нас по выезде из них. Ей стоило лишь перемахнуть через зубцы, которые ограждали арочную площадку, и все дела.

Набрать нужную скорость, двигаясь в гору, нам, конечно, не удалось. Но для сноса решетки хватило и такого разгона. Я приготовился к толчку, но он оказался слабее, нежели ожидалось. Устранив преграду, бронекат затем смял ее колесами, и я, обрадовавшись этому, почти не сомневался: мост тоже поддастся нам с первой попытки.

Я ошибся. Врезавшись в него, мы лишь заставили платформу опуститься ниже, и только. Разгонись мы посильнее, и истребитель додавил бы ее передними колесами, но второй толчок заставил нас остановиться, не наехав на мост.

– Малый-три назад! – скомандовал я Гуго, велев ему дать «Гольфстриму» на три секунды задний ход. Пока механик переключал передачи, я успел расслышать, как позади нас, за аркой, обрушилось что-то тяжелое. Очевидно, дернувшиеся при таране мостовые цепи своротили с места какой-то подъемный механизм. Как ни старались жандармы предотвратить разгром, ничего у них не вышло. Впрочем, винить в нем следовало уже не меня, а пса Вседержителей. Не появись он так некстати и не распугай привратников, уверен, мы разминулись бы с ними полюбовно и без ущерба для городской собственности.

Откатившись назад, к самому выходу, Гуго по моему приказу вновь дал истребителю полный ход. Но едва тот тронулся с места, как на мост посыпались обломки парапета арочной площадки. А еще через мгновение на опущенную не до конца платформу спрыгнул сам виновник этих разрушений.

Механическая тварь мыслила рационально: оттуда ей было проще всего заскочить на приближающийся бронекат. Прыгая с арки, она могла ошибиться с расчетом и промахнуться либо напороться брюхом на мачту. А так вакту нужно было лишь оттолкнуться от наклоненной платформы и сигануть на истребитель за миг до того, как его колеса долбанут мост.

Это был, пожалуй, самый хитрый из всех проникших в Аркис-Грандбоул вактов. Впрочем, и он оказался не застрахован от ошибок. Монстр соскочил с арки, но «Гольфстрим» повторно врезался в платформу раньше, чем он изготовился для атаки. Врезался и въехал на нее, окончательно сломив сопротивление удерживающих ее цепей. Сорвавшись с лебедек, они лишили мост своей поддержки, и тот всей своей массой ухнул на расположенную по другую сторону рва, врытую в насыпь опору.

Величина допущенной стражем ошибки равнялась в буквальном смысле длине кончика его хвоста. Монстр зацепился им за край наклонной платформы, дабы не соскользнуть с нее, и в итоге этот кончик оказался зажат между опорой и рухнувшим на нее мостом. Мы же, въехав на него, лишь еще крепче прищемили вакту хвост «довеском» в виде трехсоттонного бронеката.

Вырваться из такой ловушки стражу оказалось не под силу. Я разразился злорадным хохотом, предвкушая, как таран вот-вот пропорет острием бок чудовища, а колеса довершат расправу над ним. Но обреченный на неминуемую гибель вакт вовсе не желал гибнуть подобно угодившей в капкан крысе. Не дожидаясь, пока это

случится, он плюхнулся брюхом на мост и припал к нему. При этом тело пса на глазах взялось делаться плоским, а шипы пригнулись к самой спине.

Прежде я не замечал за вактами подобных метаморфоз. А впрочем, чему тут удивляться? Механическое существо может подвергнуть себя, поди, и не такой телесной трансформации. За считанные секунды оно сплющилось настолько, что сумело поднырнуть под таран и днище наехавшей на него махины. Я слышал, как кончики его шипов царапают днище бронеката, но ни нам, ни псу это не причинило ни малейших повреждений.

– Ах ты паскудник! – обозлился я, не сомневаясь, что мост-капкан ненадолго удержит этого незадачливого хищника. Да он скорее оторвет себе хвост и продолжит погоню, чем смирится со своей нынешней участью. – А как насчет причесаться?

И рванул рычаг запуска сепиллы...

Сколько усилий, помнится, приложил Убби, чтобы срезать с лапы вакта полоску его сверхпрочной кожи! Огромная раскрученная щетка с визгом и скрежетом располосовала спину и макушку монстра, враз содрал с него сотни таких полосок, оголив иностальные мускулы и показав, откуда у пса растут шипы. Его и без того уродливый облик после частичного ошкуживания стал еще отвратнее. Но ужасаться им нам предстояло недолго. Пройдясь по нему, сепилла упала на насыпь, после чего начала кромсать и ее, обдав тварь пылью и выдранными из дорожного покрытия булыжниками.

Но прежде чем пылевое облако полностью окутало врага, я увидел, как он извернулся и вонзил зубы в защемленный конец хвоста! А затем принялся отгрызать его с тем же остервенением, с каким его ныне мертвый собрат пытался стянуть контейнеры Макферсона из прицепа нашего буксира.

– Стоп колеса! – приказал я механику, пока мы не отъехали слишком далеко. – Малый-четыре назад!..

Насыпь за мостом расширялась, и на всем ее протяжении не было ни единого препятствия. Мы могли быстро набрать на ней скорость, но страж разгонится и настигнет нас еще до того, как «Гольфстрим» въедет в пригород. Проткнутый гарпунами, изодранный сепиллой и лишившийся четверти хвоста, вакт был тем не менее готов продолжать охоту, ибо летящими в морду камнями его не испугать. А вот вращающейся щеткой – вполне вероятно.

Когда боевая иносталь бьет изо всех сил по другой боевой иностали, выдерживает удар, как правило, наиболее крепкое оружие. Однако и победителю при этом

достаётся так, что шансы пережить еще одно столкновение у него катастрофически падают. Даже если вакт совладеет с сепиллой, вряд ли после такой стычки он будет в состоянии штурмовать истребитель. Смог бы передвигаться, и то ладно.

Пес тоже это чуял, но обойти мечущую булыжники щетку он не мог ни справа, ни слева. Сдав назад, «Гольфстрим» перегородил чудовищу путь на насыпь и загнал его обратно на мост. А я, не доехав до его края, остановил бронекат так, что катапульта стала кромсать мостовую опору и землю вокруг нее.

Пыль и хлещущий вакта шквал булыжников мешали ему понять, что происходит. Монстр не убегал, а застыл посередине моста металлической статуей, словно выказывая тем самым пренебрежение выбранному мной стилю боя. Страж хладнокровно выжидал, когда сепилла зароется глубже, скорость ее вращения ослабнет и мы волей-неволей будем вынуждены двигаться дальше. Туда, где дорога расширится и вакт сможет напасть на нас, минуя эту проклятую «шкуродерку».

Вакту было невдомек, что сейчас моей приоритетной целью был не он, а опора моста, которую я упорно подкапывал и подпиливал. Рухнувшая на нее после отрыва цепей платформа наделала в ней множество трещин. Наша щетка выдирала из опоры целые куски, но пес был не в состоянии догадаться, что именно за булыжники бьют его по морде.

Вакт понял, что вот-вот произойдет, когда мост под ним содрогнулся и накренился в нашу сторону. Не желая скатиться под сепиллу, страж развернулся и рванул обратно в город. Но стоило лишь платформе покачнуться, как остановить ее падение было уже нельзя. Подточенная мной опора окончательно развалилась, и соскользнувший с нее мост, оторвав шарниры, ухнул в ров вместе с чудовищем, так и не успевшим достичь спасительной арки.

Дно рва было сплошь усеяно похожими на китовые скелеты остовами кораблей Брошенного мира. Грохнувшись на торчащие вверх шпангоуты, вакт нанизался на них тем же боком, который был пробит нашими гарпунами. Причем нанизался так основательно, что мог лишь сучить в воздухе лапами, мотать головой да размахивать хвостом. Судя по яростной агонии пса и жидкому иногазу, что стекал по шпангоутам из его пробитого желудка-легкого, твари предстояло в скором времени издохнуть. Что ж, да будет так! По крайней мере, глубина рва и иностальной бок Великой Чаши не позволят большей части метафламма прорваться в город. А тот, который прорвется, не станет для него слишком большой катастрофой – Аркис-Грандбоул повидал на своем веку и не такие разрушительные «би-джи»...

А, впрочем, пора бы мне уже перестать терзаться подобными мыслями. Отныне мы – одни из самых опасных преступников Атлантики, и мы слишком завязли в этом дерьме, чтобы беспокоиться, как выйти из него чистенькими.

Это не сказка о борьбе Добра и Зла. Это самый что ни на есть реальный мир, где даже лежа на смертном одре и то не разберешься, на чьей стороне ты всю жизнь воевал. В сказках все просто и понятно: одна справедливость, одни герои, одни негодяи. У нас же порой и глазом моргнуть не успеешь, как тебя – добропорядочного человека – могут объявить злодеем. Причем зачастую, что характерно, имея на то все основания. И пример Еремея Проныры Третьего в этом плане более чем показателен.

Минувшей ночью мы натворили в священном городе немало бед. И их станет еще больше, если гвардейцы и жандармы прикончат недобитых нами вактов и, сами того не желая, устроят в Аркис-Грандбоуле метафламмовый шторм. Но обвинят в нем не команданте, а нас – это уж наверняка. Что тоже будет достаточно справедливо, ведь мы принимали в этой вакханалии самое непосредственное участие.

Было слишком поздно спасать тех, кого увлек за собой летящий в тартарары мой привычный мир. И что теперь? Да, в общем-то, ничего! Остановить череду порождаемых нашими подвигами трагедий я мог лишь одним способом – сунув голову в петлю. После этого, бесспорно, натерпевшееся от меня страданий человечество сразу вздохнет с облегчением.

Однако сейчас, когда я вновь стоял за штурвалом «Гольфстрима», мысль о самоубийстве мне и в голову не приходила. Возможно, вчерашний Проныра-бродяга еще был на такое способен. Но только не сегодняшний Проныра-шкипер. Я возвращался в Атлантику таким, каким выехал в это утро из ворот Аркис-Грандбоула: избитым, усталым, озлобленным и имеющим за душой десятки загубленных жизней, чей счет был явно еще не окончен. И тем не менее я ощущал себя счастливым. Я все еще бороздил хамаду и был по-прежнему окружен людьми, которым мог доверять. И с которыми нам предстояло в скором времени завершить одно крайне важное дело.

– Счастливо оставаться! – обернувшись, прокричал я столпившимся под аркой и провожающим нас глазами гвардейцам. – Не поминайте лихом, *compaseros* ! Надеюсь, больше не свидимся, потому что хуже от этого будет только вам!

Вряд ли, конечно, они меня расслышали. Да и от новой встречи с ними мы тоже были не застрахованы. Но пока все, что мог предпринять против нас дон Риго-и-Ордас, это идти по нашим следам и выяснить, куда мы направляемся. Ну а

выяснив, поскрипеть зубами от бессильной злобы, проклясть нас на веки вечные и отправляться восвояси на Юг вместе со своей армией.

А что еще он станет делать, когда Кавалькада подступит к Гексатурму? Не брать же его штурмом, в конце концов? Нет, подобно мне, команданте тоже не являлся самоубийцей – уж в чем, в чем, но в этом мы с ним были и оставались единомышленниками...

Часть четвертая

Конец «Бесконечности»

Глава 19

Множество слухов гуляет по Атлантике о том, какие тайны хранятся за неприступными стенами крепости Гексатурм.

В любом трактире или на караванной стоянке всегда найдется болтун, который поклянется, будто бы ему доводилось бывать в обители монахов-табуитов, стерегущих Гибралтарский перевал, и видеть там совершенно удивительные вещи. Например, безостановочно растущую из земли огромную ледяную скалу. Ту самую, которая якобы снабжает Гексатурм водой с тех пор, как монахи обосновались на перевале и отрезали нам единственный путь в Червоточину – равнину, по которой, согласно древним картам, можно пробраться далеко в глубь Великого Восточного плато.

Церковь Шестой Чаши и вовсе уверяет, что члены этого монашеского ордена якшаются со Вседержителями, а за Гибралтаром находится ни много ни мало циклопическая лестница, ведущая прямоком в Небесный Ад. Но с септианами все ясно. Для них любая другая религия – несусветная ересь и порождение Багряного Зверя. Однако «свидетелям», коим, по их словам, табуиты демонстрировали свои секреты, тоже нельзя верить. Потому что никаких растущих ледяных скал, негасимых источников Чистого Пламени и прочих чудес в Гексатурме нет. Мой отец лично убедился в этом, когда побывал там полвека назад, выполняя для ордена кое-какую работенку, и взглянул на крепость изнутри.

Ее западная стена полностью перегородила Гибралтарский перевал в самом узком его месте – на вершине. Пригодная для проникновения в Червоточину горловина имела всего километровую ширину, и обойти ее, чтобы попасть туда иначе,

являлось невозможно из-за отсутствия альтернативных путей. Огромное пространство, чья площадь равнялась одной тридцатой площади всей Атлантики, было связано с ней лишь этой лазейкой. Вот почему табуитам не составило труда перекрыть ее и взять Червоточину под свой контроль. Только монахи решали, кого впускать за восточную стену Гексатурма, на подвластные им земли. И я не был знаком ни с одним побывавшим там перевозчиком, хотя знал многих колесивших по Атлантике шкиперов.

О самом ордене Табуитов обыватели знают очень мало, поскольку его члены, странствуя по миру, никогда не проповедуют свою веру, а крупные города и вовсе обходят стороной. Религия этих монахов вообще не пересекала Гибралтарский перевал, отчего доподлинно и неизвестно, во что или в кого конкретно они верят.

Мой отец, конечно, не преминул задать им такой вопрос. И получил на него лаконичный, обтекаемый ответ: «В исцеление мира».

«Какое совпадение: я тоже в это верю! – рассмеялся тогда Проныра Второй. – Да и каждый ныне живущий на Земле человек не прочь, чтобы вернулись старые времена. Значит, получается, все мы тоже являемся табуитами?»

«Одно дело хотеть и надеяться на лучшее, – просветил отца допытываемый им монах, – и совсем другое – всецело посвятить себя поиску лекарства от убивающей планету болезни».

На закономерный же папашин вопрос, в чем именно состоят и насколько успешно продвигаются эти поиски, табуит предпочел не отвечать. Лишь заметил, что он и его братья никогда не свернут с избранного ими пути и готовы в любой момент умереть за свою благородную веру.

Многие скептики и вовсе считали, что, окружая свой орден ореолом тайны, табуиты просто-напросто набивают себе цену, а в действительности у них вообще нет никакой веры. Единственная цель табуитов – не подпускать чужаков к несметным богатствам Червоточины. Ведь, если верить легендам, некогда заполнявшее ее море находилось в самом центре цивилизованного мира. А значит, в отличие от «большой» Атлантики, эта закрытая территория должна прямо-таки кишеть залежами всевозможного добра. Ну а разбросанные по Червоточине Столпы с лихвой удовлетворяли монахам потребность в иносталях.

Подобная версия имела один существенный логический изъян. Все «хранители сокровищ» вели подчеркнуто аскетический образ жизни. Хотя, казалось бы, при их-то богатстве они могли бы успешно торговать со всеми городами и жить не хуже, чем граждане Аркис-Грандбоула. Но нет, обитатели Гексатурма практически не

занимались внешней торговлей и обходились лишь минимумом доступных им благ. Их быт обуславливался орденом уставом и больше походил на деревенский, чем на городской. Кроме, пожалуй, наличия у табуитов профессиональной, хорошо вооруженной армии. Но это было вполне естественно. Без нее они вряд ли сумели бы столь долгое время властвовать над Гибралтарским перевалом и Червоточиной.

Правда, аскетизм табуитов проявлялся лишь в их нелюбви к роскоши и в железной самодисциплине, помогающей монахам смириться с их укладом жизни. В остальном же эти отшельники были не чужды нормальным человеческим радостям и удовольствиям. В ордене на равных правах с мужчинами состояло множество женщин, и целомудрие у обитателей крепости было не в чести. Семей здесь обычно никто не заводил. А для притока свежей крови отец каждого рожденного ребенка был обязан исполнить обет – привести в Гексатурм беспризорного и непременно здорового мальчика или девочку – того, кого велят. Все дети табуитов воспитывались в интернате, где их с младых ногтей приучали к дисциплине и тренировали во владении оружием. А также преподавали иные науки, которые могли им пригодиться в жизни.

Стать хранителем Гибралтарского перевала в более старшем возрасте можно было лишь с позволения орденой элиты – капитула или руководящего им генерала. Они, разумеется, постригали в монахи не каждого добровольца, и не каждый неопит оставался в крепости по истечении отведенного ему испытательного срока. Что и делало многочисленную семью табуитов такой сплоченной и закаленной.

Мифы о растущей в Гексатурме из земли ледяной скале родились не на пустом месте. После того как иссякли гренландские льды и северные водяные короли канули в Лету, никто больше не видел, чтобы к Гибралтарскому перевалу приближался хотя бы один водовоз. Я нередко беседовал со шкиперами-гербоносцами, что работали на восточной гидромагистрали. Все они заверяли меня, что табуиты точно не заключали с Владычицей Льдов никаких договоров. Но раз монахи не грабили ее и не гоняли свои танкеры на дальний Север (да никто отродясь и не видел у табуитов собственных танкеров), значит, у них имелся свой источник, в котором хватало воды, чтобы орден не испытывал в ней недостатка. И находился этот загадочный колодец не в крепости, а где-то за ее пределами, в Червоточине...

Вот в такое прелюбопытное место мы прибыли спустя пять суток, что миновали с того дня, как я снова напялил на себя фуражку шкипера; ее весьма кстати забыл впопыхах на мостике изгнанный нами с «Гольфстрима» Чеслав Бобровски. Мы подошли к финалу нашего злосчастного двухмесячного рейда через Атлантику, но

это был еще не конец истории, в которую втравил нас покойный Макферсон. Напротив, все самое интересное в ней только начиналось...

В Атлантике осталось мало мест, где я еще не бывал. И Гибралтарский перевал являлся как раз одним из них. Соваться сюда перевозчику, если он не работает на табуитов, не было никакой нужды. Разве что из чистого любопытства, дабы увидеть своими глазами легендарные шесть башен Гексатурма. Будто гигантские сточенные клыки, они торчали в «пасти» перевала и делили на равные промежутки западную стену крепости.

Впрочем, вряд ли наш прагматичный брат-перевозчик станет тратить время на досужие экскурсии. Вместо этого он лучше поедет напрямик в ближайший город, где засядет в свой излюбленный трактир и будет присматривать себе очередного нанимателя. А раскатывать порожняком там, где нельзя подыскать работу, зато можно огрести уйму неприятностей, – это, извините, занятие не для нас.

И вот сегодня, когда на меня ополчился едва ли не весь мир, я и моя команда были вынуждены бежать в Гексатурм. Несомненно, нас туда впустят. Однако у меня имелись основания думать, что после разгрузки нам сразу вежливо предложат покинуть крепость. Табуиты поддерживали с наемниками исключительно деловые отношения и не проявляли к гостям особого радушия. А особенно к тем гостям, которые приезжают к монахам на грозной боевой технике.

Вряд ли кораблестроители Брошенного мира предполагали, что их далекие потомки будут использовать сконструированные прадедами подводные лодки как крепостные башни. Врытые в землю на треть и усиленные столповым металлом, ныне шесть огромных субмарин древности продолжали нести боевую вахту у табуитов в таком удивительном качестве. По мере приближения к этим выстроившимся в ряд стометровым колоссам я испытал тот же трепет, что и при виде приснопамятного «Оазиса морей». И пусть сегодня «Гольфстрим» выглядел внушительнее себя прежнего, рядом с военной техникой эпохи Чистого Пламени он по-прежнему казался смехотворно ничтожным.

Наше появление было замечено издалека. И когда мы достигли защитного рва, прорытого в полукилометре от крепостной стены, на ней уже царило оживление. Монахи были в курсе скорого прибытия гостей и ценного груза, но они явно не ожидали, что те прикатят к ним на истребителе. Поэтому табуиты и переполошились, завидев на горизонте боевой бронекат Владычицы Льдов, даром что на нем отсутствовали герб и флаг.

Дабы успокоить хозяев и продемонстрировать наши мирные намерения, мы не стали пересекать возведенную надо рвом переправу и остановились, не доезжая до него.

Его глубина была примерно такой же, как у оборонительного рва Аркис-Грандбоула, но шириной здешняя траншея превосходила ту втрое.

Я обратил внимание на хитрое устройство моста. Он не был подъемным, поскольку экономные монахи решили не сооружать при нем лебедку, которая будет использоваться очень редко. Но в случае нападения этот большой и устойчивый мост мог быть разрушен буквально за считанные минуты. Жесткость его каркаса обеспечивалась тремя массивными продольными балками, продетыми в имеющиеся на всех поперечинах петли: две по краям и одну в центре. На восточном конце каждой балки также имелась петля, но уже для иной цели. Стоило лишь табуитам подогнать сюда бронекат, прицепить его цепью за эти кольца, а потом дать ему полный ход, и машина выдирала не склепанные с поперечинами балки из проушин. После чего конструкция, утратив несущие детали каркаса, тут же рассыпалась. А ее прочие части падали на дно рва словно бусины, соскочившие с лопнувшей нити.

Когда мы подкатили к мосту, встречающие нас на бронекате-строймастере монахи только что привязали к нему цепями мостовые балки. Оборудованные на нем подъемный кран и грейдерный нож указывали на его мирное предназначение: он не только разрушал переправу, но и восстанавливал ее. Впрочем, сегодня это ей не грозило. Монахи лишь подстраховались на случай, если вслед за нами на горизонте вдруг появится армия. Но поскольку мы прибыли в одиночестве и не проявляли враждебных намерений, значит, с уничтожением моста можно было повременить.

Остановив «Гольфстрим», я расчехлил сигнальное зеркало и послал шкиперу строймастера свои позывные, хотя и усомнился, знает ли мой собрат-табуит кодекс перевозчиков. На наше счастье оказалось, что знает. Получив сигнал, он расшифровал его по справочнику, понял, кто управляет истребителем, и отправил мне ответное приветствие.

Как и ожидалось, шкипер, представившийся нам как альт-селадор Рубнер, был мне незнаком и в последнем издании Атласа не фигурировал («Селадор» – так монахи обращались друг к другу, а приставки перед этим обращением обозначали ранги в их полувоенном ордене). Не фигурировал там и бронекат под названием «Зигфрид». Отсюда следовало, что либо Рубнер примкнул к ордену очень давно и с той поры ни разу не выезжал в Атлантику, либо он был табуитом по рождению, а транспорт свой получил в наследство от того шкипера, который заодно обучил монаха нашему кодексу.

У Рубнера возник ко мне закономерный вопрос, почему шкипер Проньера Третий прибыл сюда не на том бронекате, какой указан напротив его имени в справочнике. Объяснять подробности этой истории при помощи сигналов световой азбуки у меня

отвалилась бы рука. Поэтому я сообщил селадору, что покидаю «Гольфстрим» и выдвигаюсь к табуитам на переговоры. Разумеется, без оружия, ведь мы прибыли сюда с миром и привезли давно ожидаемый в Гексатурме груз...

Опуская подробности этой дежурной встречи, замечу лишь, что когда монахи увидели рядом со мной Сандаварга, у них вмиг исчезли к нам все подозрения. Убби здесь действительно знали как облупленного. И более того – безмерно уважали, что для наемника в Гексатурме было неслыханным достижением. «Гольфстрим» беспрепятственно пропустили через переправу и сопроводили в крепость. А там нас уже ожидал ее комендант, командующий армией табуитов и член орденового капитула – супремо-селадор Кэрю.

Встречу с ним также нет смысла расписывать в деталях, хотя она продлилась до самого вечера и разговор на ней шел серьезный и в какой-то степени даже судьбоносный. Узнав о смерти Макферсона, комендант нахмурился и покачал головой: ну да, мол, бывает – все мы смертны, и с этим ничего не поделать... Иных признаков огорчения это известие у него, как в свое время и у Сандаварга, не вызвало. Что ж, выходит, я правильно угадал. Орден ждал Томаса, но сам по себе, без своих сокровищ, он был табуитам малоинтересен.

По ходу беседы также выяснилось: капитулу ничего не было известно о том, что наш груз может привлечь к нам псов Вседержителей. И, судя по озадаченному этой новостью лицу супремо-селадора, он не солгал. Она и впрямь стала для него неприятным откровением.

Кэрю наверняка был в курсе того, что находится в контейнерах, но нам он сказал совершенно обратное. Табуиты вообще плохие лжецы. Это выяснил еще мой отец, и сегодня я в этом тоже убедился. Оторванность от мира, отсутствие тяги к обогащению и простота быта не способствуют совершенствованию у человека искусства лицемерия. Кэрю говорил нам одно, но его выдавали глаза. Он не привык лгать и, делая это вынужденно, явно испытывал угрызения совести. И злился про себя, поскольку понимал, что мы ему не верим.

Но куда деваться? Его не уполномочили сказать нам правду, а мы – гости – не могли открыто выказать супремо-селадору свое недоверие. Тем паче что я еще собирался попытаться счастья и предложить ордену свои услуги перевозчика.

Нет, конечно, я не намеревался постригаться в монахи – вот еще! Для таких вольнолюбивых бродяг, как мы, монашеская жизнь ничуть не лучше рабства на водохранилищах Владычицы. Идея, которая засвербела у меня в мозгу после того, как я обнаружил, каким авторитетом здесь обладает Убби, состояла в другом. Его поручительство могло помочь нам заключить с недоверчивыми табуитами

долгосрочный контракт, поскольку истребителей у них на службе точно не состояло. А если даже вдруг имелись один-два таковых, наличие третьего – вольнонаемного – ордену тем более не повредит.

Угроза вторжения вактов – чем не повод усилить оборону крепости нашими орудиями? Все, что нам сегодня необходимо – жизненно необходимо! – это поработать несколько лет вдали от цивилизации, пока не уляжется молва о наших подвигах. Неважно, чем нам тут придется заниматься: патрулировать подступы к крепости или совершать рейсы в Червоточину. Главное, остаться при деле и надолго исчезнуть с глаз наших врагов. Пускай нам даже платят вполтину меньше, чем мы получали бы за подобную работу в любом другом месте. В крайнем случае я готов пойти и на такую уступку, хотя обычно табуиты не скупилась и оплачивали труд наемников по общепринятым расценкам.

В общем, когда Кэрю перешел к обсуждению предстоящей разгрузки «Гольфстрима», я собрался с духом и высказал ему свое предложение. Не забыв, естественно, напомнить ему о псах Вседержителей, что могут в любой момент нарисоваться у стен Гексатурма.

Северянин, коего я не успел посвятить в свой новорожденный план, уставился на меня с не меньшим интересом, чем супремо-селадор. Было очевидно, что для них обоих мои слова явились неожиданностью. Еще бы! Независимые перевозчики славились своим свободолюбием и никогда не нанимались к строгим отшельникам-табуитам на долговременную службу. После всего, что с нами приключилось, я должен был, по мнению Кэрю и Убби, рвануть напрямик к каньону Чарли Гиббса, как изначально планировал. Подальше от всех этих проклятых контейнеров, вактов и Кавалькады; в земли щедрых северян, которые за работу в холодном климате всегда платили хорошие деньги.

Но я вдруг категорически передумал и предпочел иной вариант. Кабальный и не такой прибыльный, зато избавляющий нас от нужды закупать тонну теплых вещей. А также спасающий Физза от впадения в анабиоз, который грозил ему на суровом Севере.

– Не думайте, супремо-селадор, что у меня – мирного перевозчика – не хватит сил совладать с боевой машиной, – заверил я коменданта крепости. – Убби не даст соврать: у нас уже есть кое-какой опыт борьбы с вактами. И скоро вы наверняка услышите, каких дел мы натворили в Великой Чаше.

– Вот это была ночка, загрызи меня пес! – поддакнул Сандаварг, сверкнув глазами. – Мы опозорили ублюдка Нуньеса перед всем городом, утерли нос Кавалькаде, расправились с четырьмя псами и на прощание устроили у городской стены черную

бурю! А может, и не одну – об этом нам пока неизвестно... Провалиться мне на этом месте, если до той ночи я когда-либо участвовал в подобной оргии! Проныра вам дело говорит: сегодня его развалюха может оказать ордену огромную услугу. Ящики Макферсона притягивают к себе такие неприятности, с какими я доселе даже не сталкивался, а уж Убби Сандаварг повидал в жизни немало, вы знаете... И раз на то пошло, я бы тоже хотел задержаться в Гексатурме и по старой дружбе помочь вам разобраться со всеми неприятностями, если без них не обойдется. Теперь все мы – я, вы, и Проныра со своей бандой – крепко повязаны, так почему бы нам не объединить усилия и не выпутаться из этой беды сообща?

– Я ценю ваши предложения, господа, – кивнул Кэрю. – Равно как и то, что вы выполнили свой договор даже несмотря на риск, которому при этом подверглись. Но наем боевого бронеката, да еще угнанного у Владычицы, – это для ордена нетипичный и щекотливый вопрос. Я не вправе решить его, не посоветовавшись с капитулом и гранд-селадором. Однако, как комендант крепости, я не могу оставить без внимания угрозу нападения вактов. И потому на грядущем заседании коллегии буду выступать на вашей стороне.

– И когда же состоится это заседание? – полюбопытствовал я.

– Доставленные вами новости и груз помогут мне собрать капитул в течение сегодняшнего дня, – уточнил супремо-селадор. – А вы пока отдохните с дороги, поешьте, помойтесь и выспитесь. К сожалению, трактиров и постоянных дворов у нас нет, но я распоряжусь, чтобы вам выделили места в гостевой казарме. Хотя, подозреваю, господин Убби предпочтет остановиться там, где он всегда это делает.

Где именно гостит в Гексатурме северянин, Кэрю не уточнил. Но по тем многозначительным взглядам, какими они обменялись, я догадался: в крепости Сандаварга дожидается какая-нибудь полненькая монашка, а то и не одна. И табуиты никоим образом не мешают им встречаться. Напротив, всячески это приветствуют. Не удивлюсь, если наш краснокожий друг уже подарил ордену пару-тройку будущих воинов, в чьих жилах течет гремучая северная кровь наивысшей пробы.

– Покорнейше благодарю, но мы с командой, пожалуй, останемся на борту «Гольфстрима», – ответил я на предложение коменданта поселить нас в казарме. – Надо еще провести кое-какое техническое обслуживание, да и ночевать на палубе нам гораздо привычнее, чем на казарменных нарах.

– Как пожелаете, – не стал возражать супремо-селадор и добавил: – Однако, полагаю, вы не откажетесь принять от меня в подарок бочонок вина? В знак, так

сказать, глубокой признательности за все то, что вы для нас сделали? Готов дать руку на отсечение: такого превосходного портвейна вы еще в жизни не пробовали...

Хорошо, что я не стал спорить с Кэрю, а иначе мне пришлось бы завтра вращать штурвал одной рукой. Подаренный нам портвейн действительно оказался чудесен. В сравнении с ним даже изысканные вина Аркис-Капетинга вмиг обесценились в моих глазах до уровня кактусидра.

Во-первых, монашеское вино было на удивление крепким. Более убойного веселящего напитка мне и впрямь еще не приходилось дегустировать (до пресловутого виски Сенегальца Фаруха мы, как вы помните, не добрались, а брагу, какую настаивали некоторые любители этой вонючей хмельной дряни, я на дух не переносил). Во-вторых, он обладал непривычным, но при этом исключительно приятным вкусом и ароматом. Это отметил даже такой знаток вин, как де Бодье. И в-третьих портвейн табуитов неслабо разжигал аппетит. Вкусив его, мы набросились на еду так, словно всю минувшую неделю жили впроголодь, хотя гвардейцы набили в трюм «Гольфстрима» столько провизии, что ее на неделю хватило бы целой Кавалькаде.

– Будь у меня возможность, мсье шкипер, клянусь: я отдал бы три четверти своего состояния за секретную технологию, по которой эти отшельники готовят свой восхитительный нектар. А на оставшуюся четверть построил бы себе винодельческий заводик и уже через год с лихвой окупил бы все расходы, – мечтательно признался Гуго, глядя, как лучи закатного солнца переливаются в наполненном до краев бокале. За возможность любоваться тем, что мы пьем, следовало поблагодарить шкипера Бобровски. Помимо своей фуражки, любитель роскоши Чеслав оставил нам также набор хрустальных бокалов на пять персон. Лишь их непомерная стоимость помешала мне выбросить за борт эту хрупкую и непрактичную для перевозчика посуду. И не думал, что когда-нибудь она нам пригодится. Пить из такого антиквариата мутный кактусидр было как-то несолидно, а вот изысканный, благородный портвейн – самое оно.

– Превосходная мечта, *mon ami*, – уплетая на пару с Физзом трофейный курадо, поддержал я разморенного вином и ничегонедельным механика. – Жаль только, что невыполнимая... Впрочем, если у нас все срастется и табуиты заключат с нами контракт, у вас появится шанс выведать их винодельческие тайны... Так что смотрите, лет через десять-пятнадцать – ежели доживем, конечно, – мы еще хлебнем с вами на вашей винодельне отменного молодого «Шато де Бодье».

– Нет-нет, мсье шкипер! – решительно запротестовал Сенатор. – Никакого «Шато де Бодье»! Сами знаете: репутация этой фамилии в Аркис-Капетинге моими

стараниями сильно подпорчена, чтобы писать ее на винных этикетках. Я угощу вас и мадам Проньера «Шато Гольфстрим»! Да-да! Если моя мечта и впрямь однажды осуществится, я нареку свой сорт вина только «Шато Гольфстрим» и никак иначе! Надеюсь, вы не возражаете?

– Звучит, конечно, красиво, но... – Малабонита, однако, оценила широкий жест винодела-утописта без особого энтузиазма. – Все же вам восстановить подпорченную репутацию вашей фамилии будет гораздо проще, чем нам – доброе имя нашего «Гольфстрима». Боюсь, ни за десять лет, ни за двадцать, ни даже за полвека Атлантика не забудет о том, что мы натворили в Великой Чаше. Разве только вы воздержитесь от громких названий и начнете производить что-нибудь более скромное и традиционное. Игристое шипучее вино «Шато де Физз», к примеру. А девизом вашего винодельческого дома станет ну, скажем...

– На холени, херьмо! Сфопоту прату Куко тэ Потье! – напомнил о себе ящер, видимо до сих пор не отошедший от своего недавнего приключения – ярчайшего события за всю его однообразную жизнь пресмыкающегося.

– О-о-о, точнее и не скажешь, дорогой мсье Физз! Именно это с вашего позволения я и начертаю на своем новом гербе, как только его займею. И пусть первосвященник Нуньес поперхнется от злобы, когда ему однажды попадетсся на глаза бутылка «Шато де Физз» с моим девизом и ликом священного зверя на этикетке! *Viva la bête sacré!* Будьте здоровы и живите еще сто лет! – Сенатор отсалютовал своему хвостатому спасителю полупустым бокалом и подчеркнуто неторопливо, как истинный француз, осушил его. После чего уже не столь благородно икнул, отер губы и произнес: – Что ж, спасибо вам за прекрасный вечер, мадам и мсье, однако, полагаю, мне пора откланяться и отправляться на боковую. Утром нас ожидает разгрузка, и заниматься ею с больной головой мне бы очень не хотелось.

– Пожалуй, вы правы, – согласился я, тоже чувствуя, что еще бокал, и назавтра все впечатление от сегодняшнего праздника будет для меня безнадежно испорчено. С крепкими напитками шутить не стоит, особенно с устатку и накануне важного рейса. И пускай он обещал быть спокойным и смехотворно коротким – вряд ли разгрузочный пункт располагался вне пределов Гексатурма, – все это время на нас будут глядеть наши вероятные будущие наниматели и покровители. И раз уж мы задались целью произвести на них хорошее впечатление, я не имел права встречать их с опухшей похмельной рожей и вертеть перед ними штурвал трясущимися с перепоя руками.

Бочонок портвейна был не только нашей премией за добросовестно выполненную работу. Вторая цель, какую преследовал Кэрю, вручив нам свой дар, – выяснить, насколько строги порядки на борту моего бронеката.

Я понял это, когда на следующее утро супремо-селадор ступил к нам на палубу с явным намерением застать нас врасплох после вчерашней пьянки. Для помешанных на дисциплине табуитов являлось нормой устроить проверку кому угодно, даже тем, кому они доверяли. И обнаружь сейчас комендант у нас бардак, какой мог бы здесь быть, не закупорь мы вчера вовремя недопитую бочку, это вряд ли способствовало бы развитию наших деловых отношений с Гексатурмом.

Но не тут-то было! Нам не сообщили, на какой час назначена разгрузка «Гольфстрима». Поэтому мы проснулись согласно нашему рейсовому распорядку – перед восходом – и, позавтракав, принялись привычно готовиться к выезду. И когда с первыми лучами солнца нас почтил визитом супремо-селадор, он мог упрекнуть меня лишь в одном: в том, что, опуская перед ним грохочущий трап, мы перебудили в близлежащих казармах монахов, привыкших подниматься в такую рань лишь по тревоге.

– У меня есть для вас хорошие новости, шкипер Проныра, – известил меня Кэрю после того, как осмотрел палубу, но так и не нашел, к чему бы придраться. – Капитул согласился на ваше предложение. Восемь голосов за и лишь три – против. Это неплохой результат.

– А что сказал гранд-селадор? – полюбопытствовал я, зная со слов Убби, что глава ордена может накладывать вето на решения капитула и аннулировать итоги любого голосования.

– Гранд-селадор Тамбурини обеспокоен странным поведением вактов, – ответил комендант, – и не возражает насчет того, чтобы укрепить нашу обороноспособность вольнонаемным истребителем. Для начала – на три месяца, в течение которых, мы полагаем, ситуация с псами Вседержителей окончательно прояснится. Ну а дальше будет видно, продлить нам с вами контракт или же к тому моменту надобность в ваших услугах отпадет.

– Премного благодарен. Я и мой экипаж перед вами в неоплатном долгу, – раскланялся я. Три месяца были, конечно, не тем сроком, на какой я планировал здесь задержаться, но пока сойдет и такой. Будем считать его нашим испытанием на благонадежность – условие, без которого заслужить к себе доверие хозяев Гибралтара являлось невозможно.

– Что же касательно контейнеров, – продолжал Кэрю, – то я затем сюда и прибыл, чтобы решить этот вопрос. Тамбурины поручил мне лично сопроводить вас к разгрузочной площадке, где он тоже будет присутствовать. Так что, уверен, вам удастся с ним пообщаться. Я уже распорядился послать за господином Сандаваргом, поскольку было бы несправедливо лишать его возможности встретиться с гранд-селадором, о чем наш друг-северянин не раз меня просил.

Убби не заставил себя ждать и примчался на «Гольфстрим», не успев я подняться на мостик. Арсенал наемника хранился у нас, так что ему не приходилось расхаживать по крепости в компании своих грозных, но совершенно не предназначенных для мирных прогулок братьев. Которые еще вчера были поставлены в оружейную пирамиду, и сегодня для них работы также явно не намечалось.

Сюрпризы начались сразу, как только мы подняли трап и тронулись в путь. Вместо того чтобы указать мне маршрут в хозяйственную зону крепости, Кэрю велел нам двигаться напрямик к ее восточным воротам. Это моментально заинтриговало всех нас, включая Убби. Он также понятия не имел, где в Гексатурме расположен пункт приема важных грузов, хотя, в отличие от меня и остальных, гостил здесь не впервые. Лишь я и Гуго находились сейчас на своих постах. Все прочие собрались в шкиперской рубке, которая стараниями Вика Синклера стала вдвое просторнее и комфортнее прежней. И потому, когда супремо-селадор указал нам курс, эту неожиданную новость услышали, все кроме механика. Ему предстояло узнать об этом позже, через коммуникатор и уже от меня.

Восточная – тыловая – стена Гексатурма (северную и южную стены в нем заменяли крутые склоны Гибралтарской горловины) выглядела не менее любопытно, чем фасадная западная. В сравнении с последней она была гораздо ниже, и вместо устрашающих монументальных башен табуиты усилили ее обычными выступами и карнизами для стрелков. Мой отец рассказывал, что эта стена – самое древнее сооружение в крепости, существовавшее еще до ее постройки. Оно возникло в эпоху Чистого Пламени и изначально представляло собой вовсе не стену и вообще никакое не ограждение, а... железнодорожный тоннель!

Проложенный под водами Гибралтара, что в древности считался главнейшими Средиземноморскими воротами, тоннель этот соединял собой Европу и Африку. И изначально пересекал самую глубокую – срединную – часть пролива не по дну, а по бетонным опорам. Однако после высыхания океана они не удержали на себе вес огромного сооружения и обрушились, уронив его центральный фрагмент во впадину, над которой он прежде располагался. Тоннельная труба при этом непременно развалилась бы на части, если бы на момент ее обрушения в той впадине еще не плескалась вода. Это позволило вырванному из магистрали участку

упасть достаточно плавно, с незначительными повреждениями. И в итоге он улегся на дно так, что, когда океан окончательно отступил, растрескавшаяся многокилометровая труба перегораживала новообразованный Гибралтарский перевал, изгибаясь сообразно его поперечному рельефу. Почти как та легендарная циклопическая стена, которую древние легенды называют Великой Китайской. И которая, согласно им же, до сих пор находится где-то на востоке Великого Восточного плато.

Не окажись здесь этого искусственного барьера, Гексатурм мог бы и вовсе никогда не возникнуть. Все, что сделали в свое время основатели цитадели и ордена Табуитов, это отгрохали западнее еще одну, параллельную и более неприступную преграду. После чего закрепились между стенами на вершине Гибралтарского перевала и одновременно – в горловине между нависающими с севера Европейским и с юга Африканским плато. И если проникнуть за фасад крепости мог в принципе любой не враждующий с Гексатурмом человек, то выйти на ее «задний двор», коим по сути являлась вся Червоточина, давался шанс лишь избранным. Даже закадычный друг табуитов Сандаварг, и тот, как оказалось, никогда прежде не удостоивался столь высокой чести.

Видать, и впрямь в Средиземноморской котловине сосредоточены несметные сокровища, которыми монахи не намерены делиться ни с кем и ни за какие деньги. Удастся ли нам хоть одним глазком взглянуть на эти богатства? Или тот факт, что «Гольфстриму» дали добро на проезд в Червоточину, еще не дает нам такого права?.. Впрочем, к чему гадать? Все это так или иначе выяснится уже в ближайшие часы.

Открывшийся нам за восточными воротами вид поверг меня в разочарование. Это была все та же выжженная солнцем хамада, ничем не отличающаяся от хамады за западной стеной Гексатурма. Конечно, с моей стороны было по-детски наивно жаждать узреть здесь что-то экстраординарное. Но все-таки, когда тебе вдруг позволяют приобщиться к чему-то загадочному, хочется, чтобы оно хотя бы чуть-чуть соответствовало возложенным на него надеждам...

А, да ладно, нашел о чем сокрушаться! Еще вчера, удирая от Кавалькады, я радовался любому пейзажу за бортом, лишь бы он был совершенно безлюден. А сегодня ишь ты – расслабился, откушал превосходного вина и сразу начал привередничать! На экзотику его, гляньте-ка, потянуло! Забыл, что ли, кто ты теперь такой и сколько у тебя осталось в этом мире свободы? Давай, крути штурвал и не брюзжи, а довольствуйся тем, что видишь. Или, вернее, тем, что тебе разрешено видеть. В этой закрытой части Атлантики мы были лишены права

самостоятельно выбирать маршрут и двигались только туда, куда указывал перст супремо-селадора Кэрю.

А указывал он в основном на северо-восток, веля нам ехать вдоль склона Европейского плато по известным коменданту ориентирам. Восточная стена, опознать в которой фрагмент бывшего глубоководного тоннеля ныне являлось невозможно, через час пропала за горизонтом, растворившись в утренней дымке. Лишь торчащие из нее верхушки стометровых башен напоминали о том месте, которое мы недавно покинули. И куда, доделав работу по контракту покойного Макферсона, вскоре вернемся.

Сошедшиеся у перевала склоны Европейского и Африканского плато снова стали расходиться. Причем так быстро, что спустя еще час последнее отодвинулось от нас на добрых полсотни километров. В то время как первое продолжало возвышаться по левому борту, тоже удаляясь от нашего курса, но понемногу и потому не так заметно. Возможно, еще через два-три часа мы выедем из узкого Гибралтара на просторы Червоточкины, которые, если верить старинным картам, было уже не охватить глазом. Вот тогда-то я и взгляну на настоящую Средиземноморскую котловину, а не на ее тесную западную оконечность, которая покамест ничем, кроме башен Гексатурма, меня не впечатлила.

Однако Кэрю не заставил нас углубляться слишком далеко в неведомые земли. Достигнув очередного ориентира, мы заметили на востоке нечто странное и выделяющееся на фоне невзрачной хамады.

Сама по себе торчащая над ней верхушка высокого купола меня не удивила. Что я, в самом деле, больших куполов никогда не видел? Во многих городах Атлантики есть подобные сооружения – рынки, цирки, крытые ипподромы... Причем некоторые из них достигают куда более внушительных размеров, чем обнаруженная нами по курсу полусфера.

А вот материал, из какого она была сделана, оказался действительно уникальным. Стекло! И не отдельные, скрепленные друг с другом куски – купол был полностью стеклянным. А также он обладал идеальными пропорциями, соблюсти которые при наших технологиях строительства попросту нереально. Ни один современный архитектор не согласится возводить грандиозные здания такой формы и из такого доисторического, а посему ненадежного стройматериала.

Сегодня в мире уже не выдувают стекло, а значит, этот «пузырь» появился здесь еще в эпоху Чистого Пламени. И то, что тогда на этом самом месте плескалось море, сполна объясняло, почему купол дожил до наших дней. Дабы не быть раздавленным

морской толщей, подводное сооружение должно отличаться исключительной прочностью. Тем более если на дне строится вот такая громадина.

Еще до того, как Кэрю указал на нее, я понял, что мы никак не проедем мимо купола. К тому же он стоял там не один. Его окружали пять аналогичных по форме стеклянных выпуклостей. Только каждая из них была вдвое ниже главного сооружения и, соответственно, имела меньший объем. Все сателлиты соединялись с ним и между собой полукруглыми галереями. Они тоже были из стекла, и по ним запросто могла бы проехать конная повозка.

Внешняя оболочка комплекса по сию пору сохраняла прозрачность. Но ни полусферы, ни их коммуникации не просвечивали насквозь, поскольку пространство под ними не пустовало. Они накрывали собой всевозможные объекты, среди которых преобладали здания, в том числе многоэтажные. А еще там виднелась растительность. Ее было так много, что она фактически задавала цвет всему комплексу. В безлюдном мире скал, камнеила и песка шесть темно-зеленых куполов и десять связующих их галерей казались еще более чужеродными, чем Столпы Вседержителей. Коих, впрочем, в этом районе Червотчины не наблюдалось.

– Загрызи меня пес, если это не храм Чистого Пламени! – восхищенно проронил Убби, едва заметив показавшуюся вдали верхушку главного купола. – Я всегда верил, что он существует! Но никогда не думал, что однажды увижу его наяву собственными глазами!

– Вы правы, господин Сандаварг, – подтвердил супремо-селадор. – Так и есть. Перед вами – именно то, что легенды Атлантики называют храмом Чистого Пламени. Однако мы зовем его иначе: проект «Инфинито». И он – единственная причина, по которой был основан наш орден и перекрыт Гибралтар.

– Проект «Бесконечность»? – переспросила Долорес. Название главной святыни табуитов прозвучало на ее родном языке, и это ее удивило. – И что в нем такого «бесконечно» ценного, что вы бережете свою святыню как зеницу ока?

– Угомонись, Моя Радость! Вряд ли господин комендант уполномочен посвящать нас в такие секреты, – одернул я Малабониту, чья нескромность объяснялась не недостатками ее воспитания, а была обратной стороной ее врожденного любопытства.

– Отчего же? – развел руками Кэрю. – Напротив, гранд-селадор Тамбурины наказал мне вчера, чтобы перед вашей встречей с ним я по мере возможности ответил на те вопросы, какие возникнут у вас по дороге сюда. Для экономии, так сказать, времени.

Ведь в противном случае генералу капитула придется отвечать на них самому. А у него, сами понимаете, иных дел по горло и весь день по минутам расписан. Конечно, я тоже вряд ли буду с вами полностью откровенным, так что заранее извините. Но раз уж вы оказались невольными жертвами нашей войны с остальным миром и погубили из-за нас свое доброе имя, было бы несправедливо держать от вас в секрете, ради чего вы претерпели столько страданий, верно?

– Вернее не бывает, – согласился я и, вроде как получив от Кэрю разрешение, повторил за Малабонитой ее вопрос: – Так куда же на самом деле, если не в храм Чистого Пламени, мы сейчас направляемся?

– На бывшую глубоководную научно-исследовательскую станцию «Инфинито», созданную за десять лет до года Всемирного Затмения, – пояснил проводник. – Главная особенность этой станции – раньше она могла существовать автономно от остального мира. По сути, «Инфинито» сама являлась отдельным маленьким миром, уникальным и вполне самодостаточным.

– Но разве такое возможно: наглухо запереться в стеклянной банке и жить в ней безвылазно долгие годы? – округлила глаза Долорес.

– Вполне, – ответил монах. – Я ведь не сказал, что станция была полностью отрезана от мира. Я имел в виду, что энергию для своей жизнедеятельности она черпала лишь из тех природных ресурсов, какие ее окружали. И не зависела от поставок энергосырья откуда-либо еще.

– А воздух? – спросил я. – Его что, качали с поверхности моря через трубу?

– В незначительных количествах, – уточнил Кэрю, – и лишь тогда, когда расход кислорода превышал критическую норму. На «Инфинито» стояла самая высокотехнологичная на тот момент система очистки и рециркуляции воздуха. Которая, между прочим, исправно функционирует поныне. Собственно говоря, для испытания и дальнейшего совершенствования этой системы станция изначально и создавалась. Так что сегодня ее обитатели дышат таким же воздухом, каким дышали наши предки в конце эпохи Чистого Пламени.

– Тот самый воздух, в котором может гореть огонь и в котором можно без опаски пользоваться электричеством! – добавил Убби важным тоном знатока. – Если это не величайшее чудо в мире, то тогда что, Проныра?

– Как что? Источник энергии, от которого работает система рециркуляции «Инфинито». – Я, в отличие от Сандаварга, являлся прагматичным технарем. И там, где северянину мерещились чудеса, мой наметанный глаз видел другие, более приземленные вещи. – Воздушные фильтры, очистные центрифуги, насосы,

анализаторы, многоуровневые шлюзы... Откуда вы берете электричество, чтобы вся эта прорва оборудования делала из века в век свою энергоемкую работу? И вода! Кто снабжает Гексатурм водой, если не Владычица Льдов?

– Правильные вопросы, господин шкипер, – похвалил меня комендант. – Я знал, что они у вас непременно возникнут. И потому проконсультировался с гранд-селадором, насколько подробные ответы мне вам на них давать. Начну с последнего. Воду мы берем там же, где и весь остальной мир. Только у нас свои каналы и способы поставок, которые никак не пересекаются с интересами Владычицы. А энергию мы производим путем обычного сжигания водорода...

– Который, готов поспорить, вы добываете из воды! – воскликнул я.

– Лучше не спорьте, потому что проиграете, – с победным видом улыбнулся супремо-селадор. – Добывать водород из воды для создателей «Инфинито» было невыгодно, а для нас и подавно. Это слишком непрактичный процесс, который едва окупал бы сам себя. Не говоря об энергообеспечении прочих систем глубоководной станции. Нет, она получает водородное топливо по той же технологии, по какой его получали во всем мире на закате эпохи Чистого Пламени. В данном районе Червоточины, на глубине порядка километра есть небольшие залежи магния. Этот фактор в свое время и определил, что «Инфинито» будет находиться здесь, а не где-либо еще. В одном из ее отсеков имеются две пробуренные скважины. В одну из них мы подаем воду, которая вступает в реакцию с магнием, а из другой скважины выкачиваем выделяющийся при этом водород. Разумеется, мы добываем его не в промышленном объеме, а экономично. Исключительно столько, чтобы удовлетворять наши насущные нужды и поддерживать работу систем жизнеобеспечения.

– Ладно, с водой и топливом разобрались... – Я подводил «Гольфстрим» к станции, которая теперь открылась перед нами во всей своей красе, и уже мог рассмотреть, как за стеклом куполов и галерей суетятся люди, тоже заметившие наше приближение. – С запчастями для вашего оборудования мне тоже в принципе все ясно. Еще мой папаша возил для вас артефакты Брошенного мира, которые вы скупаете задешево крупными партиями по всей Атлантике. Осталось прояснить вопрос с воздухом. То, что он проходит у вас внутри постоянную рециркуляцию и очистку, я понимаю. То, что внешние стены «Инфинито» абсолютно герметичны, – тоже. Но вот привезу я вам сегодня контейнеры, и вам понадобится много электричества, чтобы их разрезать. Вы, соответственно, начинаете добывать и сжигать много водорода. Однако я читал о природе Чистого Пламени, поэтому знаю: где сгорает водород, там сгорает и кислород, правильно? Причем сгорает в довольно больших объемах. Разложением воды на водород и кислород вы не

занимаетесь – сами признались, что это нерентабельно. Так что единственным источником пополнения кислорода для вас остается атмосфера. Но какой такой магией вы ее перед этим заклинаете, что после вашего колдовства она перестает убивать вас метафламмом?

– А вы вполне достойный сын своего отца, господин шкипер, – уважительно кивнув, польстил мне Кэрю. – Господин Проныра Второй, помнится, тоже обожал засыпать нас вопросами, на большинство из которых мы, увы, не могли дать ему ответы.

– Но ведь Проныра Второй никогда не удостоивался чести пересекать восточные ворота Гексатурма и понятия не имел ни о каком «Инфинито», – возразил я, видя, что коменданту не особо хочется раскрывать передо мной все карты сразу. – Стало быть, у меня есть перед папашей неоспоримое преимущество, разве не так?

– Ну да, конечно, – не стал отрицать табуит, затем посмотрел на часы, видимо прикидывая, хватит ли ему времени на ответ, и вернулся к прерванному разговору: – Разгадка нашей «кислородной магии» намного проще, чем вам кажется. После Всемирного Затмения, в начале новой эры «Инфинито» долгое время не пополнял запасы воздуха из атмосферы. Обитатели станции, что жили на ней в годы глобального хаоса, имели связь с внешним миром и собрали немало сведений обо всем, что творилось на планете. Даже когда на ней уже всюду свирепствовал метафламм и электронные средства коммуникации бездействовали, со станцией поддерживался контакт посредством парусных лодок, ныряльщиков и бумажной почты. Зная о том, что прорвавшийся под купола новый воздух уничтожит «Инфинито», оказавшаяся в заточении научная группа была вынуждена отменить все энергоемкие работы и сократить свой штат, отправив на берег треть сотрудников. Было сделано все возможное, чтобы система жизнеобеспечения справлялась с рециркуляцией имеющегося объема воздуха без подпитки извне. И это продолжалось более тридцати лет...

Задав Кэрю, казалось бы, чисто технический вопрос, я не ожидал, что услышу от него в ответ целую историческую лекцию. Впрочем, он прочел мне ее не потому, что жаждал одарить меня новыми знаниями. Отнюдь. Комендант сделал это лишь за тем, чтобы предупредить новую череду моих вопросов. Которые непременно последовали бы, ограничься он одной технологической стороной интересующей меня темы.

Как бы то ни было, а даже в сокращенном изложении история станции «Инфинито» оказалась крайне интересной и познавательной. Будь сейчас на моем месте мой охочий до таких рассказов папаша, он и вовсе пришел бы в восторг, даром что все услышанное им здесь предназначалось бы исключительно для его ушей...

Лишенные возможности использовать ресурсы станции по максимуму, оставшиеся на ней ученые тем не менее не сидели без дела. Не забывали о них и те их друзья, которые доставляли им с поверхности информацию и образцы инопланетных материалов. В итоге все эти люди объединились в сообщество, связанное не только научными интересами, но и родственными узами. Великая смута и лишения закалили дух переживших ее коллег-исследователей, сплотив их с годами в сильный и многочисленный клан. И клан этот стремился не только выжить. Второй целью основателей будущего ордена Табуитов было любой ценой сохранить чудом уцелевшую частицу прежнего мира, которая скрывалась на дне Средиземного моря.

Подводные затворники также в полной мере осознавали, какая на них лежит ответственность. Ведь кто еще сегодня, кроме них, обладал исследовательскими мощностями для изучения постигшей Землю катастрофы на прежнем высокотехнологичном уровне? Не исключено, что где-то на планете остались подобные «Инфинито», научные заповедники-изоляторы. Но всемирный хаос и полное отсутствие связи с удаленными уголками планеты не позволяли «европейцам» отыскать своих единомышленников.

Живя в режиме жесткого – практически монашеского – аскетизма, ученые станции не ограничивали себя лишь в одном – в доступе к своей вычислительной технике. Кроме систем жизнеобеспечения лишь она функционировала в полной мере. Даже опреснители морской воды и кухонное оборудование включались строго по графику, не говоря об остальных поддерживающих комфорт устройствах. Иногда на смену не выдерживающим условий спартанского быта сотрудникам прибывали их коллеги с берега – наиболее одаренные и желающие спасти мир собратья по клану. Несение вахты на станции стало считаться среди его членов почетной обязанностью. И дети переживших конец света ученых – дети, что знали о погибшем мире Чистого Пламени лишь понаслышке, – перенимали от отцов сохраненные теми знания и мечтали, что однажды их тоже отправят с почетной миссией в легендарный подводный храм.

За три десятилетия – то есть до тех пор, пока Средиземное море окончательно не пересохло, – на «Инфинито» было сделано немало открытий и собрана электронная база данных едва не утраченных технологий погибшей человеческой цивилизации. А также изучены тысячи образцов инопланетных материалов, что собирались по всей Европе хранителями станции. В их клан принимали всех желающих, кто в той или иной степени мог принести ему пользу. И когда к храму Чистого Пламени стало возможно добраться посуху и он ощутил острую потребность в воде, у ученых уже был сконструирован шлюз, надежно отсекающий новую земную атмосферу от атмосферы станции.

Что еще, помимо иностали, служило непреодолимой преградой для метафламма? Правильно: иногаз! Он же Слезы Фрейи и Плевки Вседержителей. То самое вещество, которое, будучи тяжелее воздуха, заливало в сжиженном виде тектонические разломы и жерла некогда активных вулканов. На оголившемся океанском дне их было на несколько порядков больше, чем на материковых плато. И если бы не иногаз, черная пелена «би-джи» затащила бы сегодня две трети планеты. Однако Вседержителей такое положение дел явно не устраивало, и они погасили все крупные источники черных всполохов, разлив над ними озера своего жидкого газа.

Проходящий под давлением через изобретенные на «Инфинито» иногазовые затворы воздух лишался «би-джей»-примесей, которые выбрасывали в атмосферу Столпы Вседержителей. Эта фильтрационная система успешно прошла испытания и была установлена везде, где в ней имелась необходимость. После чего храм Чистого Пламени наконец-то, фигурально выражаясь, смог вдохнуть полной грудью. И заработал так, как доселе работал лишь до года Всемирного Затмения.

Атмосфера истончалась, океаны высыхали, и люди шли вслед за отступающей водой. Шли и постепенно расселялись на океанском дне, формируя тот мир, каким мы его сегодня знаем. Спустившийся с берегов вымершей Европы к своей святыне, разросшийся клан хранителей «Инфинито» оказался самым могучим в Средиземноморской котловине. И по праву сильного быстро навел в ней свои порядки, изгнав всех неугодных за Гибралтар, в Большую Атлантику. А затем возвел на входе в Червоточину крепость и на том ограничил свои амбиции. Хотя мог бы при желании отвоевать себе еще территории и превратиться в очень влиятельную политическую силу восточной окраины нашего света.

Но нет, не превратился. Просто нарек себя орденом Табуитов и встал на защиту своего храма и поддерживающих в нем жизнь технологий прошлого. И по сию пору, спустя несколько столетий, работающие под куполами люди продолжали искать ответы на вопросы, которые поставили перед Человечеством Вседержители. Объявить им войну табуиты не могли – ни открытую, ни партизанскую, – но разработка плана ведения этой войны не прекращалась. Да что там – она шла полным ходом даже сейчас, когда мы подъезжали к «Инфинито» с очередным необходимым ей для исследований стратегическим грузом...

Глава 20

– Проклятье! Похоже, это теперь надолго затянется, – поморщился я, пронаблюдав, сколько времени тратят табуиты на разгрузку одного контейнера. А их, если вы вдруг запамятовали, на борту «Гольфстрима» наличествовало аж три десятка. – Управились бы до завтра, и то хорошо.

– Херьмо рапота! – согласился со мной греющийся на солнце Физз. – Хрупкий тофар! Берешнее, сухины тети! Берешнее! Не кантофать! Хрус не састрахофан!..

Впрочем, присланная к нам со станции бригада грузчиков не слышала из-за грохота советы хвостатого консультанта. Да они табуитам и не требовались, ибо те знали о грузе куда больше нашего. И кантовали трехтонные ящики при помощи домкратов, не беспокоясь о том, что с их содержимым что-то случится.

Ситуацию осложняло отсутствие на станции разгрузочного оборудования для такого тяжелого и крупногабаритного товара. Вышедший на эту работу, наверное, весь свободный от службы персонал «Инфинито» обходился лишь при помощи подручного инструмента: домкратов, ломов, веревок и обрезков труб. Последние подкладывались под днища ящиков, дабы те легче волочились по палубе, трапу и разгрузочной площадке.

Супремо-селадор Кэрю рассказал нам, что на вчерашнем заседании капитула прозвучала мысль, что если оперативно спрятать наследие Макферсона внутри станции, возможно, это собьет со следа вактов. Каким бы острым чутьем они ни обладали, им будет сложно унюхать контейнеры сквозь герметичные купола и в чужеродной для псов Вседержителей атмосфере. Ведь не находили же они раньше эти ящики, пока одна из тварей случайно не очутилась от них на близком расстоянии?

Так оно на самом деле или нет, можно было проверить лишь одним способом. Но в целом идея выглядела здоровой. И потому табуиты спешили сейчас как могли, работая посменно и почти без передышек.

Прежде чем укрыть громоздкий груз в «Инфинито», его следовало протащить через иногазовый затвор, чья пропускная способность также оставляла желать лучшего. Как именно функционировал шлюз, мы не видели. Но, судя по скорости, с какой проходил через него первый контейнер, становилось понятно: затвор и станет главным тормозом в этой работе. Разгрузочная площадка была тесной и тоже не приспособленной для больших партий товара. Она могла вместить в себя лишь четыре наших ящика. Из чего следовало, что мы будем стоять под разгрузкой, пока через шлюз не пройдут двадцать шесть контейнеров. А случится это, если хозяева не найдут способ ускорить ее процесс, где-то за полночь.

Я посмотрел на часы: полдень... Ну что ж, так тому и быть. Мы свою задачу выполнили: прибыли на место, и теперь от нас уже ничего не зависит. Зато у меня и экипажа будет время засвидетельствовать свое почтение гранд-селадору Тамбурини, который, помнится, обещал поприсутствовать на разгрузке и прогуляться вокруг «Инфинито». А то когда еще выпадет шанс взглянуть на чудо и прикоснуться к стенам великой святыни. Причем реальной святыни, имеющей огромное значение для человечества, а не надуманной, вроде храма Семи Ангелов, единственная ценность коего – камни и иностальные балки, из которых он сложен.

Оставив нас наблюдать за разгрузкой, Кэрю удалился на доклад, заметив перед этим, что если у Тамбурини нет сейчас срочных дел, то генерал капитула непременно к нам выйдет. Но минул час, а ни он, ни сам супремо-селадор так и не появились. Дабы не торчать на палубе и не слушать грохот, мы всей командой сошли на землю. И, рассевшись на камнях неподалеку от «Гольфстрима», продолжили разглядывать храм Чистого Пламени, обмениваясь впечатлениями и от всего увиденного, и от недавнего рассказа Кэрю.

Только эти впечатления и не позволяли мне впасть в апатию, что обычно охватывала меня, когда я достигал очередной цели и еще не выбрал себе следующую. Та самая блаженная ленивая апатия, о какой я мечтал как о награде в изнурительных рейсах. И какая начинала нервировать меня уже на третий день бесцельного, а значит, не приносящего мне прибыли времяпрепровождения.

Все мои бывшие «оседлые» жены, у которых я редко задерживался больше чем на неделю, называли меня работоголиком. И поскольку они, живя в разных концах света, не могли сговориться между собой в такой моей оценке, стало быть, это была чистейшая правда. И то, что сегодня я был рад работать даже за полцены, только бы не забиваться в нору и не сидеть без дела (трофейные запасы Кавалькады позволяли мне и Малабоните с чистой совестью отправиться в долгосрочный отпуск), лишний раз подтверждало этот мой диагноз...

– Господа перевозчики! Прошу прощения, господа перевозчики! – неожиданно окликнул нас табуит, что стоял на посту у грузового шлюза. – Супремо-селадор Кэрю просит вас срочно пройти ко второму входу в главный корпус! Этот вход, если вы не в курсе, находится на южной стороне большого купола!

Махнув монаху в знак благодарности, мы оторвали задницы от камней и пошагали в указанном направлении. Физза, правда, пришлось оставить, поскольку его на встречу с Тамбурини явно не приглашали. На что ящер вовсе не оскорбился. Все равно он не любил дневные прогулки, предпочитая им сладкую дрему на ярком солнышке.

У входа в главный купол нас ожидал очередной приятный сюрприз. Гранд-селадор не вышел нам навстречу, а, наоборот, приглашал нас войти внутрь «Инфинито». На что мы, признаться, не возлагали до этого особых надежд, ибо не являлись членами ордена Табуитов. Для нас было честью уже то, что мы въехали в Червоточину и просто осмотрели храм Чистого Пламени снаружи. Мечтать о большем нам не позволяло элементарное здравомыслие. Как оказалось, зря не позволяло. Тамбурини был сегодня настолько добр, что явил нам даже такую милость.

Больше всех радовался, естественно, Сандаварг. Столь одухотворенное лицо, с каким он шагнул вместе с нами в шлюз, раньше на моей памяти бывало у северянина лишь тогда, когда он готовился ввязаться в драку. Под сводами храма, куда мы вступали как гости, никакого мордобоя не намечалось. Но глаза у Убби все равно возбужденно сверкали. Казалось, он вот-вот разразится своим боевым кличем и пойдет колошматить всех, кто подвернется ему под горячую руку, невзирая на чины и звания.

Нет, не пошел. И даже не хлопнул от избытка чувств по плечу мне или Гуго, хотя было заметно, что краснокожего аж распирает от желания стукнуть кого-нибудь на радостях. Но как бы то ни было, Убби сумел проникнуться значимостью момента и обуздал свои низменные порывы. Более того, он даже ни разу не чертыхнулся, что было для этого грубияна и вовсе немыслимо.

Описывать ритуал вхождения в «Инфинито» как некое торжество было бы глупо, поскольку ничем подобным он и не пах. А пах он обычным иногазом – так, как пахнут ветры, дующие со стороны погашенных Вседержителями вулканов. Так же пахло из пасти вакта, который едва не порвал меня на коралловой «терке» и которого затем подстрелила из лука Малабонита. Холодный горьковатый запах, который вкупе с замкнутым пространством шлюза и принудительностью процедуры раздражал меня больше обычного. Папаша еще в детстве настрого наказал мне не приближаться к вулканам и заполняющим их кратера озерам. И потому неудивительно, что пока табуиты подвергали нас иногазовой обработке, мой инстинкт самосохранения настойчиво этому протестовал.

Шлюзовый коридор разделялся герметичными заслонками на три камеры, и в каждой из них нас продержали около пяти минут. Судя по длительности процедуры, на которую наверняка расходовалась драгоценная энергия, обитатели станции не бегали наружу и обратно когда им это в голову взбредет, а выбирались из-под куполов лишь по уважительным причинам. Поскольку нам не выдали дыхательных масок, стало понятно, что концентрация иногаза в камерах безвредна для здоровья. Однако слишком частый контакт с летучим инопланетным веществом вряд ли мог

принести человеку пользу, что также вынуждало хозяев «Инфинито» не покидать свою обитель без особой надобности.

Слезящиеся глаза и перхота в горле – вот и все негативные последствия, какие мы ощутили, выйдя из шлюза под главный купол храма. Хотя вряд ли кто-то из нас обращал сейчас внимание на эти мелкие неудобства. Гораздо интереснее было прислушиваться к иным собственным ощущениям. Ранее неизведанным и оттого вызывающим в равной степени и любопытство, и опаску.

Дышалось под куполом иначе, чем снаружи. Изобилие растений, что были рассажены повсюду, даже под сводами, на подвесных карнизах, делало воздух похожим на тот, каким он обычно бывает после дождя – редкого и оттого хорошо запоминающегося нынче явления. Но не только избыток влаги и кислорода отличал атмосферу внешнего мира от атмосферы «Инфинито». Было в ней нечто такое, отчего, несмотря на легкость, какую я здесь ощущал, меня терзал также подсознательный страх. Мне казалось, что с непривычки я вот-вот начну задыхаться. И за те четверть часа, пока меня выведут наружу, успею задохнуться насмерть. Малабонита и Гуго тоже то и дело озирались на оставшийся позади шлюз, а значит, их обуревал аналогичный страх. Из нас четверых лишь Сандаварг не выказал в эту минуту признаков паники, а, поведив ладонью перед собой, словно бы разгоняя невидимую нам пыль, осведомился:

– Вы тоже чувствуете, что в воздухе чего-то не хватает, или я один так думаю? Все равно что жуешь хлебную пасту без соли. Вроде бы жрать можно и желудок доволен, а приятного мало.

– А по-моему, здесь не только всего хватает, но и присутствует что-то лишнее, – не согласилась с ним Долорес. – По крайней мере, мне именно так кажется. Воздух как будто... живой, что ли? Напоминает стаю мелких прозрачных мошек, которые не кусают, а просто летают без остановки туда-сюда, вверх-вниз... А при каждом вдохе они набиваются мне в легкие и продолжают летать там. Не скажу, что это приятно, но отвращения тоже не вызывает.

– Какой интересный разброс мнений, – заметил де Бодье. – А я вот, кстати, ничего подобного не замечаю. Разве что голова слегка кружится да в ушах позванивает. Но со мной всегда так, когда я захожу в оранжереи. Непривычные запахи, много кислорода и все такое... А вы что скажете, мсье шкипер?

Поделиться своими впечатлениями я не успел, поскольку в этот момент из ближайшей аллеи нам навстречу вышли два табуита. Один из них являлся уже знакомым нам супремо-саладором Кэрю. Второй, судя по более изысканному

мундиру и крупным знакам отличия, был не кто иной, как сам гранд-селадор Тамбурини.

Рядом со статным комендантом Гексатурма маленький, полненький, сутуловатый и плешивый генерал капитула выглядел не слишком авторитетно. И кабы не его красноречивая форма, а также скованность, с какой держался рядом с ним супремо-селадор, я бы ни за что не определил, с кем именно идет по аллее Кэрю.

При виде Тамбурини я и прочие гости тоже невольно подобрались и примолкли. Кроме него, Кэрю и дежурящего у шлюза привратника, иных табуитов поблизости не наблюдалось. Единственный долетающий до нас шум был пением птиц, что порхали в ветвях растущих повсюду кустов и деревьев. Поэтому мы без труда расслышали негромкий голос гранд-селадора, когда тот обратился к нам еще на подходе:

– Добро пожаловать, господа, в святая святых не только нашего ордена, но и, без преувеличения сказать, всего человечества! – Глава ордена выразительно кивнул и развел руками, давая понять, что он не только радушный хозяин, но и потомок той темпераментной нации, для сынов которой вести беседу, не подкрепляя ее жестикуляцией, было все равно что пить воду не открывая рта. – Премного обязан вам за отличную работу, господин Проныра! Имею честь наконец-то увидеться с вами лично, господин Сандаварг! Наслышан о вашем невероятном таланте механика, господин де Бодье! Весьма польщен вашей красотой, госпожа Проныра! – пожимая нам по очереди руки, протараторил Тамбурини. Как оказалось, в нем напрочь отсутствовало высокомерие, что должно было бы отличать от других человека его ранга. Кэрю во время приветствия тактично отшагнул назад, дабы нам не мешать. – Вижу, вы впечатлены тем, что открылось здесь вашим глазам. Прекрасно вас понимаю. Всем, кто впервые переступает порог станции, кажется, что они попали в другой мир. Что не так уж далеко от истины, ибо мир, чья крохотная частица заключена под этими куполами, давным-давно не существует. А на легкий дискомфорт, какой вы испытываете, не обращайтесь внимания. Это нормальная реакция организма, давно утратившего связь со средой, которая вряд ли может теперь считаться для него родной... Однако не будем топтаться у входа. Раз капитул согласился с моей просьбой разрешить вам посетить «Инфинито», значит, было бы крайне невежливо не угостить вас обедом. Прошу вас, пройдемте в столовую. Отведаем райской по вашим понятиям пищи и заодно побеседуем...

Кэрю посмотрел на меня и сдержанно ухмыльнулся. Сообщая мне утром итоги вчерашнего заседания коллегии супремо-селадоров, он ни словом не обмолвился о том, что они рассматривали и одобрили также этот вопрос. Видимо, нас должен был ожидать приятный сюрприз. Хотя причина комендантской недомолвки могла

крыться и в обычной мнительности табуитов, остерегшихся разглашать нам раньше времени главный секрет своего ордена.

– Райская пища! – в один голос вымолвили с придыханием Убби и Гуго. Приглашение отобедать с Тамбурины ошарашило их намного сильнее, чем меня и Малабониту. Далекому от науки, а тем паче от науки прошлого северянину посещение храма Чистого Пламени виделось лишь как почетный ритуал, вникать в смысл которого у Сандаварга не было никакой нужды. А для Сенатора – большого любителя плотно и вкусно поесть – знакомство с райской пищей обещало стать главным гастрономическим приключением в его жизни.

Долорес тем временем интересовала не здешняя еда как таковая, а способ, каким она была приготовлена.

– Извините за нескромность, господин гранд-селадор, – набравшись храбрости, обратилась Моя Радость к главе табуитов, – но раз уж мы присутствуем в храме Чистого Пламени, то не могли бы вы дать нам хотя бы одним глазком взглянуть на него? Я, конечно, видела его на старинных картинках, но вы ведь понимаете, что картинки – это одно, а настоящий огонь – совсем другое...

Каждому из нас хотелось попросить Тамбурины о том же самом. Но лишь у Малабониты хватило наглости заговорить об этом с гранд-селадором прямо с порога. Впрочем, оно и к лучшему. Прояви мы – серьезные взрослые люди – подобное нетерпение, это выглядело бы несолидно и невежливо. Но для отметившей лишь свой двадцать пятый день рождения дочки алькальда Сесара подобная дерзость была вполне извинительна.

Ведущий нас в столовую, что располагалась где-то в многоэтажном комплексе зданий, выстроенных в центральной части купола, Тамбурины всплеснул руками и рассмеялся. Чем снова доказал, что являет собой незаурядную по меркам суровых табуитов личность. Вон, Кэрю при виде смеющегося босса позволяет себе разве что скупую ухмылку, и все. В то время как смех главы ордена был достаточно искренен и заразителен. По крайней мере, глядеть на него, сохраняя серьезные лица, у нас не получалось.

– Простите меня великодушно, госпожа Проныра, если вдруг моя реакция вас обидела, – вымолвил Тамбурины, продолжая улыбаться. – Постоянно забываю, какое значение имеет огонь для наших гостей из открытого мира. А особенно тех гостей, которые посещают нас впервые. Все дело в том, что для обитателей станции так называемое Чистое Пламя никогда не являлось предметом культового поклонения. Оно для нас – важный, но вполне обычный инструмент. Такой же, как, например, для господина Проныры – его Атлас или штурвал. И когда со мной

начинают говорить об огне в таком торжественном тоне, это кажется мне крайне забавным... Не удивляйтесь: все мы, живущие и работающие под этими куполами, немного сумасшедшие. Между нами – добровольными отшельниками – и реальным миром пролегает гигантская пропасть. И чем дальше, тем она становится все шире и шире. Увы, но такова дань, которую мы платим за жизнь в оазисе Брошенного мира и возможность заниматься своими исследованиями. Сегодня такие, как я и мне подобные – фактически те же инопланетяне, что и Вседержители. Разве только они ее целенаправленно губят, а мы все еще лелеем надежду отыскать лекарство, которое спасет Землю... Впрочем, я отхожу от темы. Говорите, вам не терпится взглянуть на настоящий огонь? Пожалуйста! Нет ничего проще.

Гранд-селадор остановился, сунул руку в боковой карман мундира и вынул оттуда начищенную до блеска плоскую металлическую коробочку.

– Для того чтобы увидеть нашу главную святыню, не нужно совершать скучные молебны и проводить глупые ритуалы, – продолжил он, зажав приборчик в вытянутой нам навстречу руке. – Для этого лишь стоит пошевелить одним-единственным пальцем. Вот так!

Легким движением большого пальца он откинул на коробочке звякнувшую крышечку, после чего тем же пальцем крутанул спрятанное под ней маленькое колесико. Оба этих элементарных действия отняли у гранд-селадора всего секунду, а в следующий миг...

Пропасть, на одном краю которой стояли мы, а на другом – вхожие в «Инфинито» табуиты, – оказалась вовсе не придуманной Тамбурины фигурой речи. Она существовала на самом деле. Генералу капитула даже не пришлось уточнять, что он имел тогда в виду. Смысл его слов дошел до нас сразу, как только в руке у него возникло самое настоящее, незамутненное «би-джи» пламя...

Говоря начистоту, это было даже не пламя, а лишь его дрожащий язычок высотой с палец, что высек его из зажигалки; название этой штуковины мы выяснили чуть погодя от ее же владельца. Но эффект, который произвел на нас трюк Тамбурины, был таков, будто перед нами вспыхнул не маленький оранжевый всполох, а черный. Что и впрямь случилось бы, произойди это за пределами «Инфинито». Причем порожденного таким огоньком метафламма хватило бы для уничтожения всего живого в радиусе десяти шагов.

Но здесь, на заповедном островке древности, зажигалка гранд-селадора даже не опалила ему пальцы. Не говоря о том, чтобы причинить какой-либо вред нам. Правда, поняли мы это не сразу, а после того, как в страхе шарахнулись от табуитов.

Так, словно они не зажгли перед нами искру чистого пламени, а дунули на нас ураганным порывом ветра.

Даже воплощение боевой доблести Севера – Убби Сандаварг, – и тот утратил невозмутимость, отпрянув от огонька. Про нас и говорить нечего. И пускай в следующее мгновение всем нам стало чертовски неловко, поздно было делать вид, что мы не испугались, а просто пошутили. И потому нам оставалось лишь признать, что разверзшаяся меж нами и табуитами пропасть действительно существует. И что мы страшимся ее гораздо сильнее, нежели «немного сумасшедшие» Тамбурины и Кэрю.

Я бы не удивился, посмейся гранд-селадор над нашей нервозностью так, как он посмеялся над просьбой Малабониты. Но в этот раз он даже не улыбнулся. Генерал капитула продолжал как ни в чем не бывало держать перед собой зажженную зажигалку и демонстрировать нам это чудо из чудес. А мы, устыдившись своей дикости и взяв себя в руки, вернулись обратно, подступили поближе и уставились на огонь словно замороженные.

Меня все еще трясло от выброса адреналина, и все мои инстинкты вопили о том, чтобы я бежал отсюда прочь сломя голову. Но теперь, когда я одержал над ними верх, следовать их животному позыву было неразумно. Мы и так показали себя с неприглядной стороны, и нам срочно требовалось реабилитироваться в глазах хозяев.

Да, огонь на древних картинках действительно походил на настоящий огонь ровно настолько, насколько портрет человека похож на свой живой оригинал. Настоящий огонь тоже был живым. Он двигался, мерцал и источал тепло. А когда Убби рискнул поднести к нему ладонь, он тут же ужалил чересчур осмелевшего северянина. Тот отдернул руку, но, судя по его реакции, враждебность безобидного на вид огонька не удивила Сандаварга.

– Воистину правы легенды: всяк, кто притронется к Чистому Пламени, будет неминуемо им отмечен, – проговорил крепыш-коротыш, потирая ожог. – Вы гляньте: такое маленькое, а как яростно защищается! Как же, интересно, бороться с ним, если оно вдруг вырастет величиной с этот купол?

– Гораздо проще, чем с метафламмом, – заверил его Тамбурины. – Во-первых, все постройки на станции сооружены из негорючего материала. А во-вторых, у нас есть система пожаротушения, за исправностью которой мы следим не менее строго, чем за прочим оборудованием... Ну что, посмотрелись?

Мы, все еще смущаясь, закивали головами и стали благодарить гранд-селадора за оказанную нам любезность. Он в ответ лишь отмахнулся – мол, да бросьте, сущие пустяки, – вновь звякнул крышечкой зажигалки и, накрыв ею огонек, загнал тот обратно в его карманное хранилище.

– Не переживайте, – подытожил генерал капитула преподанный нам, дикарям, урок. – То, как вы отреагировали на пламя, даже такое маленькое, вполне нормально. Ничего постыдного в таком поведении нет. Оно – это совершенствующийся от поколения к поколению, естественный защитный механизм человека, вынужденного сегодня не дружить с огнем, а спастись от него, как от злейшего врага. Не удивлюсь, если через сто или двести лет человек и вовсе научится чутить потенциальные источники метафламма там, где они могут возникнуть. Однако пробудь вы на «Инфинито» хотя бы три-четыре месяца, ваши защитные инстинкты сильно бы притупились, а то и вовсе сошли бы на нет. Здесь они причиняли бы вам сплошные неудобства и мешали бы нормально жить и работать в реалиях эпохи Чистого Пламени. Вторжение Вседержителей как никакая другая глобальная катастрофа доказало: мы – люди – окончательно вымерем лишь тогда, когда на планете полностью исчезнут вода и воздух. Прочие же лишения, как учит нас новая история, мы вполне можем пережить...

Отдельного кабинета для главы ордена в столовой предусмотрено не было. Он принимал пищу в том же скромно обставленном помещении, что и прочий персонал станции, включая, очевидно, членов капитула. Разве что сегодня в связи с нашим визитом Тамбурины перенес свой обед на более позднее время. Такое, когда в столовой уже никого не осталось и мы могли беседовать, не обращая на себя внимание и не отвлекаясь на посторонние разговоры.

Обеденный зал наполняли незнакомые, но приятные ароматы. И пусть в моем представлении райская пища должна была пахнуть иначе (как именно, я не знал, но полагал, что от ее запаха человек и вовсе сразу впадал в эйфорию), желание отведать экзотические блюда во мне не исчезло. Даже несмотря на то, что я, как перевозчик, не привык думать о еде до заката солнца, унюхав здешние запахи, я вдруг почувствовал непривычный мне дневной голод. Который при виде уже сервированного для нас стола разыгрался еще больше.

Мы были не настолько важными гостями, на которых гранд-селадор пытался бы произвести впечатление разнообразием деликатесов. Да и откуда вообще взяться деликатесам у экономных и аскетических монахов? Наверняка сотрудники «Инфинито» баловали себя изысканной кулинарией лишь по большим праздникам, а их у табуитов насчитывалось от силы два или три в году.

Меню было скромным, но питательным: салат из вареных яиц и овощей, куриная похлебка, бифштекс с гарниром из жареного картофеля и напиток со странным названием «кофе». Лишь салат подавался холодным, хотя все его компоненты также были приготовлены на огне. Остальные же блюда повара разогрели на нем до такой степени, что от них валил пар. И выглядело это, доложу я вам, просто восхитительно! Куда там до Чистого Пламени лучам полуденного солнца, которое не сделает по-настоящему горячей даже ложку воды, не говоря о целой кастрюле.

А еще на нашем столе лежал хлеб! Да-да, тот самый испеченный на огне хлеб, который легенды называют главной пищей человечества всех времен и народов. Несмотря на то что наша хлебная паста, которую мы густо замешиваем из муки и воды, является по сути тем же хлебом, только недоделанным, разница между этими, казалось бы, близкородственными продуктами была просто огромная. И на вид, и на ощупь, и на аромат, и уж тем более на вкус. Поэтому неудивительно, что едва мы сели за стол и Тамбурины предложил нам отведать его угощение, все гости перво-наперво не сговариваясь потянулись к хлебу.

Испуг при виде огня был простителен для всех нас, кроме Сандаварга. Но вот незнание правил хорошего тона на званом обеде могло, наоборот, быть вполне естественным для Убби, но никак не для нас. Впрочем, надо отдать ему должное, в храме он не стал пренебрегать столовыми приборами, как делал это, путешествуя на «Гольфстриме». И пускай неуклюже, но пользовался ими весь обед, стоически борясь с искушением плюнуть на дурацкие светские манеры, которым его никто отродясь не учил. И лишь из уважения к хозяевам северянин продолжал портить себе удовольствие от поедания райской пищи тоскливой обязанностью соблюдать этикет. Это был первый на нашей памяти случай, когда Убби старательно перенимал у «проклятых южан» опыт и при этом не бранил нас последними словами.

Описывать вкус того или иного блюда человеку, который их ни разу не пробовал, – дело в высшей степени неблагодарное. Я и не буду заниматься этой бестолковой работой. Опишу лишь свои итоговые ощущения, да и то вкратце, ибо они имеют лишь косвенное отношение к нашей истории.

Дабы не обжечь с непривычки горло, мы вняли предостережению гранд-саладора, взявшись поглощать пищу не спеша и понемногу. Отведав хлеба и найдя его во много раз вкуснее, чем паста, которую мы замешивали сегодня себе на завтрак, мы перешли к салату. Который меня, мягко говоря, уже не восхитил. Хотя виду я, естественно, не подал и, как и прочие гости, также отметил любопытный вкус сваренных в кипятке яиц и овощей. После чего, дабы мои слова не расходились с делом, прилежно доел свою порцию, разве что добавки, как Малабонита и Гуго, просить не стал.

К счастью, с мясными блюдами все оказалось не так мрачно. И похлебка, и бифштекс вернули мне едва не испорченное салатом настроение. А также дали дельный совет на будущее: если я попаду-таки когда-нибудь в рай, то сразу же напрямик побегу к тем котлам, где великие повара готовят яства из мяса. И никогда не стану тратить время – даже с учетом того, что впереди у меня будет целая вечность, – посещая те уголки рая, где нашего покойного брата угощают вареными яйцами и подобными салатами.

Обещанный нам Тамбурины обеденный разговор состоялся, когда мы перешли ко второму блюду. В отличие от похлебки – мне с детства не нравилась вяленая курятина, но в такой гастрономической обработке я был готов ее просто боготворить – бифштекс остывал не так быстро. Да и расплескать его было уже нельзя. Так что теперь, когда мы перестали целиком сосредоточиваться на том, как аккуратнее донести горячую пищу до рта, у нас появилась возможность делать это и беседовать одновременно.

– Не стану утверждать, что я пригласил вас сюда только потому, что вы выполнили для нас эту сложную и опасную работу, господин шкипер, – заговорил наконец генерал капитула, не отвлекаясь от разрезания бифштекса. Следящий украдкой за хозяевами Сандаварг явно сомневался в том, что его ручищи сумеют управиться маленьким столовым ножичком с той же быстротой и ловкостью, с какой он орудовал своим боевым ножом. – Буду откровенен: мысль встретиться с вами именно здесь пришла мне на ум после того, как супремо-саладор Кэрю огласил вчера капитулу ваше предложение о сотрудничестве с нашим орденом. Но условия этого сотрудничества мы оговорим чуть позже. А сначала, я считаю, мне необходимо ответить на кое-какие интересующие вас вопросы. И тоже, как вы догадываетесь, не в качестве одной лишь благодарности за ваш труд. Рассматривайте ваш визит в «Инфинито» и мое решение посвятить вас в детали наших дел с покойным господином Макферсоном как кредит доверия, который я выписываю вам накануне заключения нашей сделки. Однако имейте в виду: этот кредит вы получаете не от ордена, а лично от меня. И просьба, с какой я к вам обращаюсь, также будет по большей части личного характера. Итак, господин шкипер, теперь, когда вам известны в общих чертах мои грядущие намерения, я весь внимание, о чем вы меня спросите...

Глава 21

Честность, с которой гранд-селадор обрисовал свое истинное – и вполне справедливое – отношение к нам, также, видимо, входила в полученный нами кредит доверия; надо заметить, очень щедрый для хозяев Червоточкины жест. И обижаться на Тамбурины за такую честность было бы верхом неблагодарности. Напротив, отныне, когда наш статус в ордене четко определился, я обрадовался, поскольку терпеть не мог недомолвок. А особенно недомолвок, что возникали в отношениях между мной и моими деловыми партнерами.

– Вы отлично знаете, гранд-селадор, о чем всем нам не терпится вас спросить, – сказал я, попробовав бифштекс и отметив про себя, что распространяемый им аппетитный запах вполне соответствует его не менее дивному вкусу. – Что находится в контейнерах, которые мы вам доставили? И почему их содержимое свело с ума не только Владычицу Льдов, но и самих Вседержителей? Не знаю, как у остальных, но у меня к вам других вопросов больше нет.

– Проныра... прав. Расскажите хотя бы... про ящики. Насчет всего остального... сами, если надо, додумаемся, – поддакнул Убби. Говорить ему было неудобно. Экономя себе нервы, он разрезал бифштекс всего на три части, и теперь челюсти северянина, в отличие от наших, работали в форсированном режиме и практически без остановки.

Прочие гости промолчали. Но их молчание объяснялось отнюдь не равнодушием к затронутой теме, а тоже являло собой согласие со мной.

– Ну что ж, ничего удивительного. Именно этого я от вас и ожидал... – Тамбурины отложил нож и вилку, отер губы салфеткой, отпил из стоящего перед ним бокала немного воды, вновь отер губы, после чего огорошил нас неожиданным вопросом: – Вам что-нибудь известно о Марсе, господа?

– Это вы о каком Марсе? – попросил уточнения Сандаварг. Он только что прожевал и проглотил первый кусок своего бифштекса и сейчас прицеливался вилкой ко второму, гадая, каким боком проще всего затолкать его в рот. – О красной полуденной звезде, что названа в честь древнего бога войны? Или о той мачте, на которую Проныра каждое утро заставляет влезать свою женщину? – И, сообразив, что второй вопрос прозвучал довольно двусмысленно, добавил: – Я про мачту, что на палубе их развалюхи торчит, а не о... э-э-э... В общем, неважно.

Краснеть от стыда северяне не умеют по двум причинам: из-за своего свирепого, неотесанного нрава, а также потому, что на их краснокожих физиономиях румянец все равно незаметен. Как, впрочем, и нас оговорка Сандаварга ничуть не смутила. У Долорес хватило чувства юмора над ней посмеяться, а я так и вовсе просиял от такого комплимента в мой адрес. Еще бы, ведь Убби ненароком сравнил мое

достоинство с гордо устремленной ввысь марсовой мачтой, когда оно, сказать по правде, тянуло максимум на средней величины бушприт.

– Я имею в виду, конечно же, полуденную звезду, – пояснил глава ордена, – которая на самом деле вовсе не звезда, а соседняя с нашей Землей, похожая на нее размерами планета.

– Вон как даже! Кто бы мог подумать! – подивился Убби, для которого это известие стало настоящим откровением.

– На том Марсе нет ни воды, ни воздуха, ни жизни, – не преминула блеснуть эрудицией Малабонита, разбирающаяся не только в мачтах, но и в астрономии. – А в эпоху Чистого Пламени туда летали люди. И не только летали, но и вроде бы даже построили там город. Хотя что они там забыли, ума не приложу. Зачем нужно лететь в такую несусветную даль, чтобы селиться на совершенно пустой планете посреди голой хамады?

– Не город, госпожа Проныра, а лишь несколько станций вроде «Инфинито», – поправил всезнайку гранд-селадор. – Только рассчитаны они были не на подводные, а на марсианские условия. Все эти станции строились, разумеется, исключительно в научных целях, поскольку добывать там полезные ископаемые и переправлять их на Землю было катастрофически дорого. Однако для артефактов, на какие однажды наткнулись работающие на Марсе ученые, было сделано исключение. И все эти крупногабаритные находки, коих набралось тридцать три единицы, были в итоге оттуда вывезены.

– Контейнеры Макферсона! – моментально догадался я. – Так, значит, их доставили на Землю не Вседержители, а люди!

– Истинно так, – подтвердил Тамбурины. – Но люди всего лишь отыскали и присвоили себе то, что им изначально не принадлежало. Настоящими же хозяевами этого груза были и фактически остаются по сию пору Вседержители. Это они бросили на Марсе контейнеры, которые затем пробыли там неизвестно сколько времени: возможно, века, возможно, тысячи лет, а возможно, миллионы. Одно мы знаем абсолютно точно: когда-то четвертую планету от Солнца усеивали такие же Столпы, но со временем все они исчезли. Был ли Марс до их появления подобен цветущей Земле или это не они уничтожили на нем жизнь – ныне этот вопрос подавно неразрешим. А вот пролить свет на причину, которая уничтожила сами марсианские Столпы, мы, вероятно, сможем. И она, как хочется надеяться, сокрыта в доставленных вами контейнерах.

– Но если люди знали об их разрушительной силе еще до года Всемирного Затмения, почему они не предприняли попыток снести Столпы сразу, как только те вонзились в Землю? – полубопытствовал Гуго.

– Потому что на тот момент у людей попросту не было знаний, какими сегодня располагаем мы, – ответил главный табуит. – Более того, исследователи Марса вообще понятия не имели, на что они наткнулись. Случилось это примерно за полтора века до года Всемирного Затмения. Сначала они обнаружили странный кратер, который был доверху завален грунтом. И вокруг которого не было характерного для метеоритных кратеров кольцеобразного вала. Зондирование показало, что это идеально круглое углубление и впрямь пробил не метеорит. И к тому же впоследствии оно не однажды подвергалось искусственному расширению и обработке. Даже одна такая яма являлась поводом для сенсации. Но когда аналогичные засыпанные кратеры начали обнаруживать на одинаковом расстоянии друг от друга везде, где только велись научно-исследовательские работы, открытие марсианских колодцев произвело в ученом мире настоящий фурор. Человечество получило первое неоспоримое свидетельство того, что когда-то наш сосед по Солнечной системе был обитаем. И каких масштабов свидетельство! Весь изрытый колодцами Марс представлял собой по сути одно гигантское доказательство существования инопланетной жизни.

– Одни лишь колодцы, и только? – Я недоуменно вскинул брови. – А как же обломки? Неужели вокруг оставленных Столпами дыр не обнаружилась иностасть?

– Резонное замечание, – кивнул Тамбурины. – В том-то и дело, что да – не обнаружилась! Ни кусочка, ни малюсенькой заклепки, можете себе представить? Но кое-что исследователи все-таки откопали. То самое «кое-что», которое как раз в эту минуту разгружается с вашего бронеката. В центре каждого колодца, на глубине около полукилометра находился такой контейнер. Техника марсианских станций позволяла извлечь артефакты на поверхность, и их было добыто столько, до скольких ученые сумели добраться. В электронных архивах «Инфинито» сохранилось достаточно документов, где описана технология вскрытия контейнеров и опыты, какие проводились над их содержимым, после того как их переправили на Землю. Вскрываются они в принципе не сложно и без применения режущего инструмента. Надо лишь знать систему встроенных в них замков, схему их отпираания и иметь подходящие ключи, набор которых для всех артефактов одинаков. Однако усилие, какое нужно для этого приложить, и порядок использования ключей не позволяют добраться до содержимого контейнеров вручную. Для их вскрытия было изобретено специальное устройство, воссоздание которого мы, кстати сказать, завершим со дня на день.

– Как это интригует! – заерзал от возбуждения Сенатор и даже отложил вилку, поскольку наш разговор переключился на обожаемую им техническую тему. – Погодите минутку, мсье гранд-селадор, позвольте мне самому догадаться! Раз порядок открывания контейнеров столь энергоемок, а ключ для этого универсален, значит, они являются элементом некоего технологического процесса. Который, в свою очередь, не уникален, а стандартизирован для энного количества одинаковых мощностей, в коих сей процесс протекает. И если допустить, что эти мощности – Столпы, что наиболее вероятно, – значит, контейнеры представляют собой их непосредственные функциональные узлы, заложенные в конструкцию Столпа еще на стадии его производства. И эти узлы, могу ручаться, имеют для башен Вседержителей далеко не второстепенное значение.

– Ну дорвался конь до поилки! – пробормотал под нос Убби, болезненно скривив лицо. – Опять толстяк за свое, загрызи его пес! Даже здесь не может не умничать!

– Все правильно, господин де Бодье. – В отличие от северянина, главный жрец святилища науки понял, о чем поведал ему Гуго. – Но ведь это мы с вами догадываемся, деталью какого механизма может служить этот артефакт. А ученые эпохи Чистого Пламени могли лишь строить на сей счет предположения. Тем более что когда они вскрыли контейнеры, их ожидало сильнейшее разочарование.

– Неужели те оказались пусты?! – вырвалось у Малабониты.

– Отнюдь, – помотал головой табуит. – Но назвать эти емкости полными тоже было нельзя. Больше всего они походили на опорожненную, но не вычищенную тару, у которой на стенках налипли остатки вещества, какое в ней прежде хранилось. Этих остатков вполне хватило для их комплексного исследования. Но составить по ним представление о загадочных хозяевах контейнеров и об их цивилизации, увы, не представлялось возможным. Стало очевидно, что при всей уникальности и исторической ценности находки мы привезли с Марса обычный мусор. Нечто вроде выброшенных за ненадобностью грязных инопланетных кастрюль.

– И что же это была за грязь, доставка которой на Землю обошлась в такие сумасшедшие деньги? – спросил я.

– Она имеет черный цвет и напоминает мягкую глину или густую хлебную пасту. Обладает крайне сложной, но очень устойчивой структурной формулой, воссоздать которую в земных условиях совершенно невозможно. Равно как и определить возраст грязи. Она инертна ко всем видам химического и радиационного воздействия. Как, впрочем, и сама не излучает никакой радиации, не горит, тонет в воде и вообще абсолютно безвредна для человека. Только мнется и режется. Однако что характерно: назад, как глина или тесто, уже не слипается. И это – все! Поэтому

было решительно непонятно, почему для ее хранения применяются столь крепкие и герметичные контейнеры.

– О, я предчувствовал, что тара в нашем случае окажется многократно интереснее, нежели ее содержимое! – вновь оживился де Бодье.

– Пожалуй, что так, – согласился гранд-селадор. – Контейнерный металл и покрывающий его изнутри толстый изоляционный слой керамики были похожи на свои земные аналоги, хотя и имели в своем химическом составе уйму непонятных присадок и примесей. Благодаря им первый материал выглядел как многократно улучшенная по всем показателям, но при этом не проводящая ни тепло, ни электричество сталь, а второй не уступал по крепости алмазу. Но поскольку и тот и другой можно было с успехом резать, три контейнера в итоге попросту распилили на образцы и разослали по всему миру. А оставшиеся тридцать были отправлены в один из научно-исследовательских центров, расположенных на полуострове Флорида, в городе Майами. Где эти емкости, пережив все последующие катаклизмы, хранились до той поры, пока их не отыскал бывший вожак Стервятников Столпа Гаттераса, ныне покойный Томас Макферсон и его друг – шкипер Пьяница Хань, также, по слухам, давно покинувший сей бранный мир... Хотя не будем забегать вперед. Современная история этих артефактов берет начало вовсе не с Макферсона и Ханя, а с того дня, как на «Инфинито» был впервые разобран двигатель безостановочного вращения...

– *C'est impossible!* – воскликнул Гуго, вытаращив глаза и уронив от неожиданности вилку на стол. – Я не могу в это поверить! Еще никому в мире не удавалось проникнуть внутрь Неутомимого Трудяги! Гораздо проще долбить киркой новый каньон через Срединный хребет, чем разбить корпус ДБВ!

– И все же, господин де Бодье, я бы не стал на вашем месте высказываться столь категорично, – снисходительно улыбнулся генерал капитула. – Главная причина, по которой клепальщики Атлантики до сих пор не разобрали Трудягу, элементарна: каждый такой двигатель стоит нескольких состояний, и владельцы ДБВ не соглашаются добровольно подвергать свое богатство разбору на запчасти. К тому же в тех единичных попытках взлома, о каких вы слышали, не использовались технологии эпохи Чистого Пламени. А без них разрезать корпус столбового двигателя действительно нереально.

– Прошу вас: позвольте мне самому на это взглянуть! – взмолился механик, разве что на колени при этом не пал. – Клянусь: я по гроб жизни никому не выдам вашей страшной тайны! Если надо, я готов даже вступить в табуиты и отрезать себе язык!

Но только не говорите мне, что я умру, так и не узнав устройство Неутомимого Трудяги!

– Да полноте, господин де Бодье! – Тамбурини посмотрел на Сенатора таким взором, с каким отцы укоряют сыновей, когда те дают в горячке необдуманные обеты. – Вам вовсе не нужно идти ради своей мечты на такое самопожертвование. Обещаю, что вскоре вы непременно побываете в технической лаборатории «Инфинито», где, возможно, окажете нам честь и дадите нашим сотрудникам какие-нибудь весьма полезные рекомендации. Но пока вам придется узнать об устройстве ДБВ с моих слов, поскольку это также имеет прямое отношение к моему текущему рассказу...

Судя по восторженному блеску глаз Гуго, он только что обрел для себя новый смысл жизни. Счастливец! А вот я был бы рад и дальше ничего не знать об анатомии Неутомимого Трудяги, лишь бы это блаженное неведение позволило мне вернуться к прежней жизни мирного перевозчика.

– ...Принцип работы двигателя безостановочного вращения довольно прост, – продолжал между тем гранд-саладор. – Иносталь – уникальный металл, способный при определенном способе воздействия на него распадаться на атомы, выделяя при этом огромное количество энергии. Если направить эту энергию в нужное русло, она может в буквальном смысле своротить горы. Или, как в случае с ДБВ, раскрутить залитый в него жидкий иногаз до умопомрачительной скорости. Набрав ее, наполнитель приводит в движение расположенный в центре этого вихря вал. Который вкупе с надетым на него маховиком вращается с гораздо меньшей скоростью. На поддержание нужных оборотов и, соответственно, рабочей мощности Трудяги тратится уже не так много энергии – свойства разогнанного до такого предела иногаза радикально меняются, и он обретает невероятную инерционность. Так что если, к примеру, для старта двигателя вашего бронеката нам потребовалось бы мгновенно разложить на атомы центнер иностали, то за счет медленного и планомерного разложения следующего ее центнера ваш ДБВ сможет функционировать без остановки около полувека. Вот почему Трудяги никогда не требуют дозаправки. В них изначально заложено столько твердого топлива, сколько его должно хватить до полной выработки двигателем своего рабочего ресурса. Отсюда следует закономерное недоумение: почему тогда Вседержители избавляются от них, когда они находятся, казалось бы, еще в работоспособном состоянии? Точного объяснения этому у нас тоже пока нет. Но мы считаем, что постоянно меняющаяся структура Столпа делает некоторые ДБВ ненужными там, где они до этого были установлены. И те из них, какие перестают вписываться в схему дальнейших технологических преобразований башни, попросту

выбрасываются наряду с прочим отслужившим свое строительным материалом. Ведь это для нас Трудяги обладают громадным стратегическим значением. А для Вседержителей они вполне могут быть всего лишь обычным и дешевым расходным материалом. Иной мир – иная шкала ценностей...

– Святой Фидель Гаванский! – вымолвила Малабонита. – Кажется, я начинаю понимать, что заставляет иносталь разлагаться, а затем с легкостью перемещать сотни тонн другой «иностали», к которой приделаны колеса!

– Неужели та самая черная грязь, которая содержалась в марсианских контейнерах? – торопливо осведомился де Бодье. Он тоже догадался об этом, еще не рассекреченном нам ключевом компоненте ДБВ. Чем и поспешил со всеми поделиться, пока выскочка Долорес его не опередила.

– Приятно иметь дело с людьми, которые понимают меня с полуслова, – любезно раскланялся перед смекалистой публикой Тамбурины. – Так и есть: в каждом Неутомимом Трудяге присутствует это вещество. Правда, в очень небольшом количестве – порядка пятидесяти грамм. Но его вполне хватает для полноценной работы ДБВ в течение всего отведенного ему срока. И когда мы обнаружили в нем «черную грязь» и выяснили, на что она способна, заодно раскрыли и тайну артефактов с Марса, над которой наш орден ломает головы чуть ли не с года Всемирного Затмения. Даже налипшей к стенам одного контейнера грязи хватило бы на производство невероятного количества ДБВ. Двенадцать же тонн этого вещества – именно столько его должно было содержаться в полностью заправленной емкости – могут, по нашим расчетам, разорвать на атомы миллиарды тонн иностали.

– Например, Столп, – заметил я.

– Именно Столп! – подчеркнул глава ордена. – Для чего эти контейнеры изначально и предназначались. Очевидно, Вседержителям нерентабельно демонтировать свое циклопическое оборудование и эвакуировать ее с обработанной ими планеты. Но бросать его, предварительно не утилизовав, хозяева космоса тоже не желают. Для чего заряжают в каждую башню емкость с «черной грязью». А ее неизрасходованные остатки вместе с пустой тарой оказываются затем похороненными в планетных недрах.

– Но позвольте, – возразил Гуго, – а как же быть с выделенной при утилизации энергией? И один-то испарившийся Столп породит такой энергетический выброс, что он накроет собой целое Великое плато. Что же тогда останется на планете после утилизации без малого двухсот Столпов? А если они вдобавок испарятся все разом?

– На сей счет у нас тоже мнение, – ответил Тамбурини, – что энергетический выброс в момент уничтожения башни происходит не радиально, а бьет направленным потоком вертикально вверх. На примере ДВБ видно, что его творцы умеют задавать вектор тока этой энергии без участия проводов и излучателей. Так что вряд ли контроль над выбросом станет для Вседержителей большой проблемой. Впрочем, это всего лишь наша гипотеза. Не исключено, что в действительности все происходит иначе – так, как предполагает господин де Бодье. Возможно, разрушение башен и всепланетная энергетическая буря являются собой финальную стадию захватнического процесса, который проводят на Земле Вседержители. Нечто вроде ее глобальной стерилизации от жалких остатков прежней жизни, что еще ползают и копошатся у подножия Столпов...

Финальную часть откровений гранд-селадора мы слушали, попивая тот самый кофе, о котором я уже упоминал. Растения, из чьих зерен он якобы был сварен, на «Инфинито» не росли. Хозяева готовили его из консервированных запасов, которые, как оказалось, они продолжали пополнять, наведываясь в города, стоящие на краю Европейского плато. Для чего у монахов имелись специальные дыхательные маски и баллоны со сжатым воздухом. Эти простые на вид, но довольно сложные в изготовлении устройства позволяли табуитам по нескольку часов кряду находиться в высотных районах с разреженной атмосферой. Ушлые ребята, что ни говори. Учитывая, что сегодня в этом занятии у них не было конкурентов, промысловики ордена всегда возвращались с добычей.

Не сказать, чтобы кофе мне понравился. Но и такой неприязни, как к салату, он у меня не вызвал. Этот темно-коричневый, терпкий напиток был... своеобразен, но не более. Хотя, возможно, я его просто не распробовал. Как ни берег я не привыкшие к горячей пище рот и горло, все равно к концу обеда чувствовал себя так, словно вся пища, какую мы здесь ели, была сверх меры приправлена перцем. И поскольку кофе также подавался горячим, ощущение, что на сегодня с меня хватит экзотических блюд, быстро переросло в твердую уверенность.

Однако, как бы то ни было, местная телесная пища вызывала у меня куда меньше интереса, чем пища духовная, которой хозяева потчевали нас столь же щедро. И которую нам наравне со съеденным обедом также предстояло тщательно переварить...

Открытие табуитами свойств «черной грязи», чей контакт с иносталью уничтожал последнюю без остатка, стало очередной вехой в истории станции. До этого момента поиски затерянных где-то по ту сторону Атлантики марсианских контейнеров не являлись для ордена ни приоритетной, ни даже второстепенной задачей. Его лаборатории были завалены множеством требующих изучения

артефактов, собранных уже здесь, на Земле. И потому монахи не тратили понапрасну силы и средства, разыскивая на другом конце света инопланетный хлам, чье существование к тому же стояло нынче под большим вопросом. Слишком долгий срок миновал с дня, коим была датирована последняя хранящаяся на «Инфинито» информация о находках с Марса. Всякое могло случиться с ними за последние столетия. Мир с тех пор изменился до неузнаваемости, и уж коли на Земле бесследно исчезли даже океаны, что тогда говорить о каких-то тридцати стальных ящиках.

Вскрытие Неутомимого Трудяги заставило орденский капитул пересмотреть тактику войны, которую табуиты вели со Вседержителями едва ли не с года Всемирного Затмения. Выскобленные из трех десятков контейнеров остатки «черной грязи» могли, теоретически, наполнить один контейнер доверху. Это означало, что после такой операции у ордена появится оружие, способное, опять-таки теоретически, уничтожить Столп.

Негусто, учитывая, что на Земле стояло ни много ни мало сто девяносто пять башен. И в то же время даже одна подобная бомба являла собой грозную силу. Силу, что при грамотном и точном ее приложении нанесет Вседержителям удар, какой человечество еще никогда им не наносило.

У рассредоточенного по планете комплекса башен существовали лишь два известных людям стратегически важных центра: Северный и Южный Полярные Столпы. О первом информации было собрано значительно больше. Много отчаянных северян добиралось до него и было вынуждено затем уносить ноги, поскольку количество стерегущих тот Столп вактов исчислялось сотнями. Предки и сородичи Сандаварга, коим удавалось возвратиться из полярных походов живыми, составили с годами подробное описание главной башни северного полушария планеты. И в целом эти сведения совпадали с теми, которые изредка поступали с другого конца света.

Вряд ли треплющие по трактирам языками перевозчики-гербоносцы ввали о том, что Владычица Льдов частенько посылает экспедиции к Южному Полярному и прочим разбросанным по Антарктике Столпам. Королева Юга наверняка надзирает за своими богатствами, даром что они по сию пору считаются несметными. Ее наблюдатели утверждали, что вокруг второй главной башни также бродят несметные стаи вактов, а у ее вершины крутится столько кораблей Вседержителей, сколько их нельзя увидеть зараз ни у какого другого Столпа. Кроме, естественно, Северного. В небе над ним царит то же самое столпотворение. Причем в буквальном смысле слова, ибо чем еще, как не поставкой строительного материала, занимались пилоты тех летающих машин?

Монахи не стали раньше времени озадачиваться вопросами, как дотащить бомбу до одного из Полярных Столпов, как эффективнее его взорвать и нанесет ли это Вседержителям хоть сколько-нибудь ощутимый урон. Сначала это оружие требовалось создать. А до того, как создать, – разыскать его компоненты. Что также являлось весьма нелегкой задачей.

Лучшими знатоками Флоридского Клина – последнего известного табуитам местонахождения марсианских артефактов – были, естественно, Стервятники. Те, которые обитали у подножия Великого Западного плато, в долине Гаттераса, возле одноименного с ней Столпа. Верховодил ими тогда еще вполне здоровый и не страдающий от юкатанской чахотки Томас Макферсон. К нему и обратился за помощью орден, отправив к Томасу официальную делегацию. Она же заодно являлась экспедицией, которой предстояло заняться поисками хранилища стратегических контейнеров.

Табуиты – дисциплинированные солдаты и верные служители науки. Но, будучи оторванными от мира, они, увы, плохо разбираются во многих его законах. Даже в элементарных. Еще до того, как Тамбурины признался нам, какую ошибку допустил орден в первых переговорах с Макферсоном, я понял, в чем она заключалась. Жажда во что бы то ни стало заполучить артефакты, посланники Гексатурма с порога предложили Томасу огромную сумму, на чем сами же прокололись. Посули они ему вдвое меньше, он начал бы яростно торговаться и в итоге, набив цену, остался бы доволен собственной победой и полученным вознаграждением. И без задней мысли помог бы ордену, снабдив его проводниками, а также водой и прочими нужными экспедиции вещами.

Однако хитрый и расчетливый, как и все Стервятники, Макферсон живо унюхал, чем пахнет чрезмерная щедрость богатых гостей с Востока. И, выведав, где именно они намерены вести поиски, решил провернуть аферу, чтобы в итоге заставить орден раскошелиться не один раз, а дважды.

Войдя в сговор с двумя своими приятелями, Томас представил одного из них монахам как толкового проводника и поручил ему провести поисковую экспедицию по нужному ей маршруту. Технология обмана состояла в следующем: Стервятники знали Майами, чьи руины находились на восточной стороне Флоридского Клина, лучше пришельцев с другого края Атлантики. И знали, что научный центр, который они ищут, имел в свое время несколько филиалов, располагавшихся в том же городе. О последнем обстоятельстве табуиты не подозревали, поскольку в их базах данных подобная информация отсутствовала. А Макферсон смекнул, что вряд ли хранилище крупногабаритного исследовательского материала будет оборудовано в главном – представительском – здании этой организации. После чего велел своему проводнику

отвести монахов именно туда. И – ни под каким видом не упоминать о других подразделениях научного центра.

Сам же вожак общины и его второй приятель – тот самый Пьяница Хань – в это время организовали собственные поиски и в итоге наткнулись на то, что искали. Все тридцать ящиков действительно обнаружилось целыми и невредимыми в подвалах одного из филиалов. Само собой, те хранилища были давным-давно разграблены. Но невзрачные, неподъемные и ничем не прошибаемые металлические контейнеры по-прежнему лежали на своем месте, оставленные в покое предшественниками Макферсона и Ханя. Эти двое также не стали пока трогать свою находку. Проторив к ней путь на бронекате Пьяницы, они спустились обратно, в долину Гаттераса, и стали ждать, когда экспедиция ордена завершит свои поиски и уберется восвояси несолоно хлебавши.

Дабы надувательство не выглядело чересчур откровенным, Макферсону и его подельникам требовалось выждать некоторое время. И лишь потом отсылать в Гексатурм весточку, что они нашли-таки нужные монахам артефакты. За которые, разумеется, тем придется заплатить. Деньги, что были получены Томасом за помощь экспедиции, он честно внес в казну общины. Но награда за найденные ящики должна была до последней монеты достаться ему, Ханю и их третьему компаньону-проводнику.

Однако пока аферисты выдерживали тактическую паузу, у пожилого Макферсона начались проблемы со здоровьем, которые могли в любой момент обернуться для него изгнанием с поста вожака. Впрочем, накануне ожидаемого им крупного куша последнее обстоятельство его не слишком пугало. И потому он предпочел заблаговременно и добровольно уйти в отставку, а затем покинуть долину Гаттераса на бронекате Пьяницы Ханя...

Финальная глава биографии Томаса была нам в общих чертах известна. Но Тамбурины оказался посвящен в доселе неведомые нам детали этой биографии, без которых в ней зияли большие пробелы.

Вытащив на буксире контейнеры из подвала, где они хранились, затем Томас и Хань лебедкой втянули их на борт бронеката. И покатали на юг, в Аркис-Сантьяго, с алькальдом коего их обоих связывало давнее доброе знакомство. А вот с третьим членом своей банды – тем, который водил табуитов по ложному следу, – аферисты, похоже, не слишком дружили. А иначе с чего бы вдруг они исключили его из бизнеса, втайне от него спустив артефакты с Флоридского Клина и укрыв их у Сесара Железная Рука?

Подельники были уверены, что бывший их собрат не вытребует у них причитающуюся ему долю, и потому не боялись мести, на какую он мог бы пойти. Так оно, в общем-то, и случилось. За время, что Макферсон прожил в Аркис-Сантьяго, никто не покушался на его жизнь и не предъявлял алькальду Сесару жалоб, что в его городе скрывается злостный мошенник (по крайней мере, мой тесть наверняка рассказал бы мне о таких случаях). И тем не менее обделенный Томасом Стервятник нашел способ с ним поквитаться. Вот только возмездие это обрушилось не на одного Макферсона, но и на нас – не причастных к его грехам, невинных людей...

Впрочем, случится это лишь спустя три года. А пока осевший у подножия Кубинского плато больной, но по-прежнему амбициозный старик вступает в переписку с Гексатурмом и начинает обсуждать условия, на которых Томас отдаст табуитам интересующий их товар. И заодно пытается вылечиться от юкатанской чахотки у местных докторов, которые по праву сльвут одними из лучших в западной Атлантике. И, разумеется, одними из самых высокооплачиваемых.

Переговоры, как и лечение, затягиваются надолго. Помимо голубиной почты орден периодически присылает в Аркис-Сантьяго переговорщиков, но все тщетно. Макферсон стоит на своей цене, которую гранд-селадор образно назвал нам как «предельно запредельная». Понять продавца можно: пособие, выплаченное ему его преемником-Стервятником, тает на глазах, почти целиком уходя на дорогостоящее лечение. А после продажи артефактов Томасу ведь еще придется делиться с Пьяницей Ханем, обделить которого уже не выйдет, ибо он сам может обвести вокруг пальца кого угодно. Хань, конечно, не сидит с компаньоном на месте в ожидании результата торгов, а продолжает раскатывать по миру, занимаясь перевозками. Но после каждого рейса он всегда возвращается в Аркис-Сантьяго, надеясь, что там его уже ждет награда за флоридскую работу.

К несчастью для Ханя и, надо полагать, к невероятному облегчению Макферсона, первый так и не дождался дележа этих денег. Спустя полтора года Пьяница бесследно пропал где-то за каньоном Чарли Гиббса, оставив подельника единоличным хозяином их совместной добычи. Прождав еще полгода и поняв, что Хань больше не объявится, Томас вмиг поумерил аппетиты и отослал ордену сообщение, что готов, так уж и быть, сбросить цену на двадцать процентов.

Причина тому крылась не только в набивших продавцу оскомину затянувшихся переговорах. Лечение старика проходило ни шатко ни валко, ему постоянно требовались деньги на лекарства, а после смерти Пьяницы, даже снизив цену, Макферсон все равно оказывался в выигрыше. Так что ему больше не имело смысла упорствовать, и он пошел на уступку.

И хоть цена по-прежнему оставалась для табуитов высокой, они скрепя сердце согласились на нее, поскольку их тоже утомила эта тягомотина. И предупредили Томаса, что к нему отправлен очередной посланник, обязанный доставить аванс и осмотреть товар, который до этого мнительный продавец показывал потенциальным покупателям лишь издали.

Однако прежде, чем эта новость достигла адресата, Макферсон получил еще одно неожиданное письмо. Которое, в отличие от вестей из Гексатурма, проделало совсем короткий путь и старика отнюдь не обрадовало.

Как оказалось, вероломно обманутый компаньон Томаса и Ханя о них не забыл. И, не имея возможности поквитаться с ними лично, поведал в подробностях обо всех их делах с орденом Табуитов самой Владычице Льдов. А дабы Макферсон непременно узнал, кто обратил на него всевидящее око – а в перспективе и карающую длань, – королевы Юга, мститель счел нужным уведомить об этом свою будущую жертву.

Не фигурируй в афере Макферсона табуиты, вряд ли она привлекла бы внимание великих мира сего. Но когда единственная непокорная Владычице в Атлантике сила, которая, по слухам, владела собственным источником воды и секретом Чистого Пламени, затеяла какую-то подозрительную игру, королева Юга не могла не насторожиться. А вдруг коварный орден вздумал посягнуть на ее могущество и лишит ее монополии на торговлю водой? Тревогу Владычицы усугублял и размер награды, которую монахи выплатили за возможность исследовать руины Майами. И которую монахи, как нетрудно догадаться, также выплатят аферистам, отыскавшим нужные им артефакты.

Макферсон был не дурак и сразу понял, какой коварный удар нанес ему исподтишка бывший подельник. Вряд ли, конечно, Владычица Льдов подвергнет чахоточного старика наказанию за его деловые контакты с Гексатурмом. Но интересующий ее груз она конфискует безо всяких вопросов. И Томас не на шутку запаниковал. Кому он будет нужен в этом мире, старый, больной и без монеты за душой? Он продолжал сидеть на целой куче денег, но уже знал, что теперь она ему фактически не принадлежит. И что ему – пока еще уважаемому гражданину – самое время начать присматривать себе местечко на одной из городских папертей.

От обрушившегося на старика потрясения его болезнь вновь обострилась. Прибывший в Аркис-Сантьяго представитель ордена застал Томаса вконец разбитым и едва волочащим ноги. И даже привезенный ему аванс не взбодрил больного, над головой коего уже висел дамоклов меч королевы Юга...

Как я уже отмечал, табуиты – плохие торговцы и переговорщики (о чем также красноречиво свидетельствуют их многолетние безрезультатные торги с Макферсоном). Однако этот посланник с Востока оказался находчивее своих предшественников. Выяснив, чем именно болен Томас, монах живо смекнул, какую из этого можно извлечь выгоду. И предложил: если продавец согласится еще снизить цену и сам доставит товар до Гибралтара, то в качестве ответной благодарности монахи будут лечить его совершенно бесплатно. К тому же в Гексатурме юкатанская чахотка не считается настолько серьезным заболеванием, к каким ее относят врачи остальной Атлантики, и успешно исцеляется даже в запущенной форме.

Предложение хитрого монаха разило не в бровь, а в глаз. И сломленный духом Макферсон капитулировал. Подписав соглашение и заручившись тем самым гарантией, что ему предоставят убежище в Гексатурме, он сознался, что об этой сделке известно Владычице, и покаялся во всех своих грехах. Такие новости огорчили табуита, но теперь, когда артефакты наконец-то перешли в собственность ордена, тот мог позволить себе быть великодушным со стариком-обманщиком. Который и без того уже расплачивался за свой грех по самой высокой цене.

Мешкать с отъездом было нельзя. Но у монаха имелся в западной Атлантике еще ряд срочных и неотложных дел, поэтому он не смог сопровождать Томаса в его путешествии на Восток. Однако отправлять контейнеры без охраны было нельзя. И посланник разослал голубиной почтой две депеши: одну – в Аркис-Парамарибо, где в этот момент находился старый друг ордена Убби Сандаварг, а другую – в Гексатурм, чтобы супремо-селадор Кэрю выслал навстречу грузу отряд всадников. Им предписывалось присоединиться к нам сразу за Срединным хребтом и сопровождать нас до Гибралтара, но, в отличие от северянина, с этими защитниками нам не суждено было пересечься.

А пока табуит рассылал сообщения и ожидал на них ответ, Макферсон истратил почти весь свой аванс на наем лучшего из шести обнаружившихся в Аркис-Сантьяго перевозчиков. И я, несомненно, был бы польщен выбором Томаса, не сделай он меня в итоге врагом Владычицы Льдов. Причем врагом куда более злостным, нежели был для нее сам Томас. Дорожащий каждым днем, он спешил изо всех сил. И все-таки дон Риго-и-Ордас оказался расторопнее, чем ожидалось. А здоровье Макферсона – не настолько крепким, чтобы пускаться с ним даже в короткие путешествия на бронекатах, не говоря уже о переездах через Атлантику...

К сожалению, конец нашего великолепного обеда в храме Чистого Пламени омрачило одно досадное обстоятельство. Ничьей вины в этом не было, хотя Тамбурины и корил себя за то, что он должен был предвидеть нечто подобное и

сократить срок нашего пребывания на станции ради нашей же пользы. Но, увлекшись беседой, гранд-селадор утратил чувство времени и заставил нас вновь удостовериться, какая пропасть пролегла между нами и Брошенным миром.

Первому об этом пришлось вспомнить Гуго. Еще не допив кофе, Сенатор нервно заерзал, покрылся потом и болезненно поморщился. Но едва я собрался поинтересоваться, все ли с ним в порядке, как он бросил нам «*Excusez-moi!* », торопливо встал из-за стола и, зажимая рот ладонью, поспешил в уборную, мимо которой мы проходили на пути в столовую.

«А нечего было просить добавки после каждого блюда, мсье любитель пировать на халяву! – подумал я, провожая глазами де Бодье. – Ну да ладно, с кем не бывает. Никто от такой беды не застрахован».

Последняя моя мысль оказалась пророческой. Не прошло и минуты, как подобная неприятность постигла Убби. Стойкий к боли и лишениям, это мучение он терпеть не захотел. И, также попросив у хозяев прощения, направился вслед за механиком. Правда, в отличие от него, северянин покинул столовую с подчеркнутым достоинством: без спешки и с невозмутимым лицом.

Нездоровая, однако, тенденция.

Я посмотрел на Долорес. Она нахмурила брови, поджала губы и нервно барабанила пальцами по столешнице. Моя Радость – женщина благородного происхождения, но она – не жеманная барышня и не станет сидеть, скрипя зубами, если ей вдруг приспичит в туалет. И все же, судя по скованности Малабониты, рассказ Тамбурины волновал ее все меньше, а мысли об уборной – все больше. Да и я, глядя на товарищей, тоже начал ощущать в животе подозрительное бурчание, вряд ли сулившее мне спокойный послеобеденный отдых. А когда оно усилилось, меня бросило в жар и мой лоб покрылся испариной, пришлось признать, что мне тоже не придется гордиться перед экипажем своей стойкостью к райской пище.

– Кажется, господа, я начинаю злоупотреблять вашим терпением и нам с вами пора ненадолго прерваться, – заметив нашу неловкость, предложил Тамбурины, чем позволил нам выйти из этой деликатной ситуации с честью. – Продолжим нашу беседу вечером, снаружи станции. Не подумайте, что я вас прогоняю, вовсе нет! Но ваше болезненное состояние можно прекратить лишь одним способом: поскорее вернуться в естественную среду. Жар и расстройство желудка – явные признаки того, что вашу первую экскурсию по эпохе Чистого Пламени пора завершать. Всего доброго, господа, и до скорой встречи, на которой нам с господином Пронырой придется обсудить еще кое-что крайне важное...

Глава 22

Рассказывая мне полмесяца назад о своем восемнадцатилетнем сыне Дарио, перед тем как нас с ним познакомить, гранд-селадор описал его характер достаточно правдиво. Тамбурини-старший не преувеличил достоинств Тамбурини-младшего и не преуменьшил его недостатки, что для отца было бы простительно. Но нет, глава ордена отзывался о своем отпрыске без прикрас, с прямоотой истинного табуита, чем поначалу слегка меня обескуражил. Впрочем, когда выяснилось, зачем он вообще завел об этом речь, его внезапное откровение перестало выглядеть странным и неуместным.

И вот по прошествии двух недель я стоял на мостике и глядел, как сын гранд-селадора и пятеро других монахов стаскивают с «Гольфстрима» разрезанные на части двадцать девять пустых иностальных контейнеров. Не знай я доподлинно, кто из этой шестерки Дарио Тамбурини, средю не догадался бы, что он здесь присутствует. И не потому, что он работал наравне со всеми рука об руку. Даже внешне этот парень не походил на коротышку-отца. Худой и высокий, с большим орлиным носом, коротко остриженными темно-русыми волосами и синими глазами, Дарио явно весь пошел в мать (если, конечно, гранд-селадор нам не солгал и это был его родной сын). О которой мне было сообщено лишь то, что она скончалась во время его трудных родов.

Братьев и сестер у него не имелось. И поскольку мальчик родился под куполом «Инфинито», по закону ордена этому ребенку предстояло посвятить свою жизнь служению в храме Чистого Пламени. Против чего Тамбурини-старший, разумеется, не возражал. Наоборот, делал все возможное, чтобы в будущем Дарио оправдал оказанную ему по праву рождения честь. Воспитание из сына высокообразованного жреца науки превратилось для его отца в дело чести, с чем он, на мой взгляд, в целом справился.

Парень и впрямь был умен не по годам и впитывал новые знания как губка. Что доказал практически сразу же, как только очутился на «Гольфстриме» согласно распоряжению отца.

– Прошу меня простить, если моя просьба противоречит вашему уставу, шкипер, – обратился ко мне Тамбурини-младший после того, как он и пять других селадоров взошли на палубу и доложили о своем прибытии, – но пока мы не отправились в путь, мне очень хотелось бы изучить ваш Атлас. – После чего счел нужным пояснить, зачем ему это понадобилось: – Видите ли, все те шкиперские карты, какие

имеются в Гексатурме, устарели как минимум лет на пятнадцать. А вы наверняка располагаете сегодня самым последним изданием Атласа, ведь, по вашим словам, переоснащение этого бронеката велось по приказу самого дона Риего-и-Ордаса.

– Не вижу, в чем проблема, – ответил я, протягивая Дарио интересующую его книгу. Его просьба не нарушала никаких запретов, поскольку в уставе шкипера Проныры Третьего таковых не существовало. За всю историю моего хождения по Атлантике еще никто из моей команды не выказывал любопытства к такому скучнейшему чтиву, как навигационные карты. – Однако имей в виду: мы отправляемся сразу после обеда, и к тому времени Атлас должен уже лежать у меня в рубке.

– Не беспокойтесь, я верну его за полчаса до отправления, – пообещал табуит, бережно взяв у меня Атлас, как будто он мог рассыпаться в прах от одного неловкого движения. – Сами карты меня не интересуют, потому что я читал их уже несчетное количество раз. Мне нужно всего лишь изучить те изменения и дополнения, какие отсутствуют в наших Атласах.

«Давай-давай, дерзай! – мысленно напутствовал я его. – Сколько, думаешь, там поправок за последние годы накопилось? Пять? Десять? Да только в последнем издании тридцать с лишним ключевых – маршрутных – поправок. А есть ведь еще десятки мелких технических исправлений: справочные, координатные, временные...»

Тамбурини-младший сдержал свое слово и принес Атлас на мостик, как мы и договаривались, минута в минуту. Само собой, я не отказал себе в удовольствии проэкзаменовать самоуверенного «картографа», задав ему проверочные вопросы. Не сложные, а из разряда базовых знаний. На такие вопросы знаток шкиперской документации должен отвечать без запинки в любое время дня и ночи.

Именно так – без запинки – Дарио на них и отвечал. И прежде чем допустил первую ошибку, расщелкал не менее двадцати моих задачек. Но даже когда оказался не прав, взялся спорить со мной, убеждая меня в обратном.

– А вот это ты зря, – ехидно заметил я, листая Атлас, дабы доказать спорщику свою правоту. – Таких-то вещей, братец, шкиперу стыдно не знать. Еще мой отец учил меня, что, когда пересекаешь Срединный хребет с востока на запад, быстрее всего добраться до Щедрого Столпа по каньону Вима, а не Зеленого Мыса. И в Атласе нет поправки, которая бы это опровергала.

– Есть такая поправка, – не согласился новобранец. – Раздел «Примечания», ссылка сорок четыре. В ней сказано, что максимальная скорость, которую может развить в каньоне Зеленого Мыса бронекат вашего класса при нынешнем состоянии

каньонного дна, примерно в одну целую две десятых раза выше, чем та скорость, какую вы разовьете в «сквозняке» Вима. Из чего следует, что, имея на борту груз весом в сто тонн, вышедший из Аркис-Грандбоула «Гольфстрим» прибудет к Щедрому Столпу на полтора часа раньше, если он предпочтет первый маршрут второму.

– Полтора часа! – рассмеялся я. – Ты шутишь?! Да ни один шкипер не будет гнать на предельной скорости три тысячи километров, когда он может ехать вдвое медленнее и прибыть к цели лишь на полтора часа позднее, чем в первом варианте. Каким бы гладким ни было сегодня дно каньона Зеленого Мыса, каньон Вима был и остается единственно правильным выбором при расчете подобного маршрута.

– Но в вашем вопросе ничего не говорилось о нежелании шкиперов ехать на Запад с максимальной скоростью, разве нет? – продолжал стоять на своем Дарио. – А значит, по условиям задачи я дал вам абсолютно правильный ответ, и вы не можете этого отрицать.

– Ну, допустим, счетовод из тебя и впрямь лучший, чем из меня, – пошел я на попятную, но счел нужным добавить: – Однако ты ведь уже взрослый и отлично понимаешь: в нашем деле на одной лишь картографии и математических способностях далеко не уедешь. И если бы я ориентировался в первую очередь на указания Атласа, а не на собственное чутье, вряд ли вообще дожил бы до сегодняшнего дня.

– Вы говорите про пересечение вами коралловой «терки»? – осведомился Тамбурины-младший. Перед тем как влиться в мой экипаж, он, похоже, изучил не только Атлас, но и историю наших недавних злоключений.

– Совершенно верно, – подтвердил я и признался: – Хотя вряд ли я по собственной воле рискну когда-нибудь повторить этот подвиг. Может, я и впрямь сумасшедший, но не до такой же степени...

Зачем вообще гранд-селадор попросил меня зачислить его сына в мой экипаж, вы легко поймете по вышеупомянутому разговору между мной и Дарио. Парень действительно был для своих лет феноменально образован. Но, проведя большую часть своей жизни под куполами «Инфинито», он имел весьма скромный жизненный опыт. В отличие от отца, который был приведен в Гексатурм беспризорным подростком и пробился на свой высокий пост с самых низов, Тамбурины-младший не обладал такой хваткой и целеустремленностью. Его главной жизненной страстью была наука, но не стремление к власти. Глава же ордена мечтал видеть сына своим преемником, ради чего и старался выработать у него задатки лидера.

Но как добиться этого, не закалив характер юноши в суровых условиях реального мира? У Тамбурины-старшего такая закалка была: до своего прихода в Гексатурм он вдоволь поскитался по Атлантике и хлебнул лиха. Но не выгонишь ведь Дарио насильно за ворота крепости, дабы он набирался уму-разуму таким же жестоким способом? Поэтому отец старался почаще отправлять его в орденские экспедиции – какая-никакая, но школа. Однако в них парню приходилось по большей части все так же возвращаться в обществе братьев-селадоров, а они не слишком охотно общались с прочими обитателями Атлантики. Воспитательная стратегия гранд-селадора раз за разом спотыкалась о всяческие препоны и не давала нужный ему результат.

Наше появление в крепости и мое предложение о сотрудничестве натолкнуло генерала капитула на дельную мысль. Которую он выложил мне вечером того же дня, когда мы впервые посетили храм Чистого Пламени. Став членом моего экипажа, Дарио, во-первых, получит шанс более тесно пообщаться с людьми не из орденского круга. Причем с теми людьми, которые однозначно не научат парня ничему дурному. И во-вторых, странствуя по миру с нами, он будет защищен от многих напастей. Особенно тех, знакомиться с которыми, глядя на них из бойниц истребителя, куда предпочтительнее, чем любыми другими способами.

Сами понимаете, что я не посмел отказать гранд-селадору в его просьбе. С одной стороны, я шел на риск, ведь если на борту «Гольфстрима» с Дарио что-либо случится, мы наживем себе еще одного весьма серьезного врага. Но с другой стороны, устроив для отпрыска на «Гольфстриме» университет, Тамбурины-старший становился нашим высоким покровителем. А при успешном обучении сына – еще и влиятельным другом, способным хоть как-то уравновесить количество наших могущественных недругов.

Вдвойне замечательно, что самого Дарио отцовская идея привела в неописуемый восторг. И я его прекрасно понимал. Для молодого человека, ни разу в жизни не ходившего на бронекате по Атлантике, даже часовая поездка на нем запомнится на всю оставшуюся жизнь. И будь его воля, Тамбурины-младший, наверное, отправился бы с нами в дальние странствия сразу, едва гранд-селадор нас познакомил. Но нам пришлось задержаться в «Инфинито» еще на девять дней, дожидаясь, пока монахи вскрыют артефакты, вычистят из них остатки «черной грязи», переложат их в один контейнер, а потом разрежут остальные на части и погрузят те на «Гольфстрим».

Это и было нашим первым поручением от ордена: убрать ненужный мусор. Хранить его на станции не имело смысла – он только занимал бы лишнее место, которого под куполами и так недоставало. Использовать эти отходы в качестве сырья тоже не представлялось возможным. Дабы противоударная оболочка контейнера не

вступила в контакт с его содержимым, она являла собой не обычную иносталь, а специальный сплав. Фактическая стоимость такого материала была значительно меньше тех денег, что пошли бы на его обработку. И табуиты приняли решение выбросить остатки двадцати девяти артефактов, которые сначала разрезали на сто семьдесят четыре куска. Затем, чтобы упростить их погрузку и разгрузку, а также спрятать их в трюм. Монахи, как и мы, предполагали, что вактов привлекает не начинка герметично закрытых контейнеров, а непосредственно они сами. Что, видимо, объяснялось уникальностью сплава, из какого они были сделаны.

Избавляться от компрометирующих всех нас улик вблизи «Инфинито» было недопустимо. Их следовало вывезти за пределы Червоточины и сбросить в какой-нибудь глубокий провал, где если не вакты, то по крайней мере люди уже никогда не отыщут этот груз.

Ближайшая такая пропасть, до которой мы, не привлекая к себе внимания, могли добраться за считанные дни, имелась в Бискайской долине. Будучи таким же краем света, как Гибралтар, она находилась вдали от караванных троп и гидромагистралей, а ближайший к ней Столп возвышался тремястами километрами северо-западнее. Чтобы достичь ее, нам следовало обогнуть Пиренейскую оконечность Европейского плато, на что, по моим расчетам, должно было уйти порядка пяти-шести дней. Взяв груз на борт, а также восполнив численность экипажа помимо Дарио еще пятью селадорами, уже имевшими опыт работы с перевозчиками, на девятый день нашего пребывания на станции «Гольфстрим» отправился в путь. А на следующий день мы, переночевав в Гексатурме, всю грохотали колесами по окраине Атлантики, постепенно меняя курс с западного на северный.

Памятуя о наказе гранд-селадора не давать Тамбурини-младшему спуска и в то же время не желая, чтобы новобранец с непривычки перетрутился, я составил для него обучающую программу, какой он должен был неукоснительно придерживаться.

Каждое утро Дарио в качестве разминки начинал с подметания верхней палубы, за порядком на которой я поручил ему присматривать, и выслушивания надоедливых понуканий Физза. Ящер не без основания полагал, что у него есть на это право, поскольку он разбирается в уборке лучше молодого табуита. Еще бы, ведь Физз наблюдает за тем, как она проводится, почти семьдесят лет и видел размахивающим метлой еще моего деда Проныру Первого. Новобранец внимал хвостатому советчику, помалкивал и продолжал делать свое дело с благосклонной улыбкой интеллектуального превосходства человека над менее разумным зверем, даром что священным. А ломтик курадо, каким по окончании уборки Дарио всегда угощал Физза, давал понять варану, что новый член экипажа чтит наши традиции столь же свято, как свой орденский устав.

Далее, пока голова ученика была свежей, а сам он не растерял силы, парень шел в моторный отсек, где до полудня поступал в распоряжение де Бодье. Наставник из него, правда, был не ахти, но Дарио не требовал к себе персонального внимания. Первые таланты, какие Гуго в нем открыл, – парень не задавал глупых вопросов, не путался под ногами и в то же время без напоминания оказывался именно там, где Сенатору требовалась помощь. И тот, не питавший доселе приязни к генеральскому сыну, вскоре изменил свое предвзятое к нему отношение. И уже на второй день нашего пути заметил мне с глаза на глаз, что не будет возражать, если я надумаю зачислить Тамбурины-младшего в команду постоянным помощником механика.

– Весьма толковый и воспитанный юноша, – так охарактеризовал при этом Гуго новобранца. – Всегда записывает в блокнот все мои ответы на свои вопросы. А сегодня, вы представляете, раньше меня обнаружил люфт на одной из штурвальных тяг, хотя до этого ни разу не бывал в трюме и не видел нашу трансмиссию. Что ни говорите, мсье шкипер, а приятно иметь дело с человеком, которому не надо разжевывать одни и те же элементарные вещи...

Между полуднем и обедом – я не стал заставлять табуитов подчиняться нашему жесткому распорядку и разрешил им принимать пищу в привычное для них время – Дарио взбирался на марс, где перенимал от Долорес навыки впередсмотрящего. Однако в этом искусстве парень не слишком преуспел, пусть и не жаловался на остроту зрения. И через неделю практики так и не научился предсказывать перемену ветра по характеру оседающей за бронекатом пыли. А также никак не мог даже приблизительно прикинуть на глаз расстояние до объектов, на которые указывала Моя Радость. По мнению Дарио, во всех этих занятиях отсутствовала логика и потому относить их к точным наукам было нельзя. Из-за чего ему якобы и не удавалось постичь принципы, коими руководствовалась в работе Малабонита.

Зато Тамбурины-младшему удалось на две головы превзойти ее в другом ремесле. Потеряв свой старый дельтаплан в окрестностях Столпа Трех Галеонов, Долорес взялась на досуге сооружать себе новый. Но чертежница из нее была такая же аховая, как из Гуго – воспитатель, а конструирование искусственных крыльев требовало самых точных величин и расчетов. Тут-то ей и пришел на помощь ее ученик. Для него вычислить размеры, форму, жесткость каркаса и прочие параметры дельтаплана исходя из веса его пилота оказалось вопросом получаса. Ошарашенная летунья сразу же простила Дарио все его неуспехи на поприще впередсмотрящего. И, махнув рукой, призналась, что будь она таким же крутым математиком, тоже вряд ли торчала бы днями на марсовой площадке и срывала голос, докладывая мне обстановку.

После обеда за обучение новобранца брался я. Как и ожидалось, в чтении карт и вычислении нашего местонахождения по полуденным звездам с помощью секстанта Дарио показал себя на высоте. Возможно, и в остальном он бы меня не разочаровал, но я пока поостерегся подпускать его к рычагам и штурвалу. Пускай для начала научится твердо стоять на ногах и уверенно передвигаться по шаткой палубе. А то он чуть ли не ежечасно теряет равновесие и уже набил себе столько шишек, сколько, наверное, не набивал, когда учился в детстве ходить.

Дарио осознавал, чем вызваны мои опасения, и потому для начала знакомился с наукой управления лишь в теории. Держась за поручень, он становился возле Атласа так, чтобы не мешать мне, после чего, глядя то вперед, то на карту, то на меня, пытался предугадать мои дальнейшие действия. Как и в моторном отсеке, под рукой у Тамбурини-младшего всегда лежал блокнот, в котором он периодически делал пометки. И задавал вопросы. Вот только меня, в отличие от Гуго, они не слишком радовали, пусть я и не подавал вида.

Не знаю, о чем Дарио спрашивал у Сенатора, но мне приходилось отвечать не на умные, а скорее на заумные вопросы, которые раздражали меня еще больше глупых. Ну а как, скажите на милость, объяснить новобранцу, по какой формуле я рассчитываю плотность камня, когда решаю, которую из встречных глыб объехать, а которую можно просто раздавить колесом? Или на сколько градусов больше обычного нужно повернуть штурвал, если мне требуется объехать препятствие не по ровной плоскости, а по пологому склону? А также каков у «Гольфстрима» коэффициент пропорциональной зависимости между увеличением угла поворота и нашей поперечной устойчивостью?..

И что мне нужно было отвечать? Само собой, только правду и ничего кроме правды. И я признавался, что при расчете подобных маневров я отродясь не пользуюсь формулами и коэффициентами, поскольку элементарно их не знаю. А чем пользуюсь, так это своим профессиональным опытом, навыками и интуицией, выработанными за годы шкиперской практики. Ибо это они подсказывают мне, что делать в той или иной ситуации, после чего именно так я и поступаю. И обычно оказываюсь прав. А вот если я начну просчитывать свои действия по математическим формулам, тогда точно ничего путного из этого не выйдет – слечу в яму или врежусь в скалу еще до того, как сформулирую в уме подобное уравнение...

И вообще, не устал ли ты, братец, от своих коэффициентов и этих... как их там?... логарифмов? Кажется, самое время тебе пойти размять мышцы и попрыгать по палубе с нашим заядлым любителем физкультуры, господином Сандаваргом...

Финальным этапом каждодневной учебной программы Дарио были физические тренировки. А в передышках между ними северянин показывал ученику устройство нашего бортового вооружения. Подобно всем табуитам его возраста, Тамбурини-младший прошел в Гексатурме курс военной подготовки, был достаточно крепок, проворен и владел основными видами холодного и метательного оружия. Но, как и в случае с прочими науками, парню и здесь недоставало банального жизненного опыта. А также кое-чего еще, о чем посетовал мне Убби, когда я забеспокоился, не сильно ли он лупцует на тренировках отпрыска нашего покровителя.

– Не бойся, шкипер, – ответил северянин. – Даже если я иногда переусердствую, Дарио никому не станет на меня жаловаться. Прежде всего он – табуит и только потом – занудный, тошнотворный умник. Этот парень способен вытерпеть боль и постоять за себя, однако настоящим воином ему не стать – мое слово. Его смелость в чем-то сродни твоей, Проныра. Ее хватит на то, чтобы преодолеть трудности, пойти, если нужно, на риск или дать обидчику сдачи, но в настоящей битве с такой смелостью много не навоюешь. Парень неплохо защищается, но в бою ему не хватает напора и дерзости. За счет чего он постоянно проигрывает. Он много думает и сомневается тогда, когда лишние раздумья и сомнения не только не нужны, но и играют на руку врагу. И от этого недостатка Дарио, к сожалению, избавиться не в силах, сколько ни вдалбливай я в него палкой эту очевидную истину. В наших краях подобные ему юноши становятся фермерами, ремесленниками, скальдами или охотниками. Но уж точно не воинами и тем более не вожаками кланов. Я, конечно, не скажу об этом гранд-селадору и поучу его сына уму-разуму, раз так надо. Вот только пусть парень не ждет от меня ни похвал, ни большого уважения...

Отвесив новобранцу учебным посохом очередную порцию тумачков, Сандаварг объявлял перерыв, в ходе которого объяснял Дарио и другим селадорам принцип работы «Сембрадоров» и «Эстант». На стенах и башнях Гексатурма стояло множество похожих орудий, поэтому разобраться с нашими монахам было несложно. А для лучшего усвоения урока мы сделали внеплановую остановку и провели стрелковые учения.

Упражнялись и стоя на месте, и в движении, маневрируя вокруг мишеней – их роль играли скопления камнеиловых наростов – и ведя стрельбу по моей команде. Пускали снаряды по баллистическим траекториям – на дальность – и били по целям прямой наводкой. После чего остановились, чтобы передохнуть, подвести итог и собрать разлетевшиеся по округе гарпуны. Они прошивали хрупкий камнеил насквозь и застревали в нем, не тупясь, не сгибаясь и не ломаясь, что позволяло нам

использовать их повторно. Кроме, естественно, тех, которые залетели слишком далеко в дебри и которые мы попросту не нашли.

Время было потрачено не зря. Все мы на этих стрельбах одновременно и поработали, и неплохо развлеклись. Так что в конце концов учения пошли на пользу не только табуитам, но и моему экипажу, включая меня, все еще продолжающего приравниваться к новому «Гольфстриму» и его оснащению.

В общем, мы отнеслись к наказу Тамбурини-старшего со всей ответственностью и не давали скучать его сыну практически ни минуты. И пускай на закате очередного дня пути тело Дарио ныло от побоев, а голова пухла от свежих открытий, он неизменно благодарил нас за уроки и засыпал довольный, как будто вдобавок к знаниям мы выплачивали ему солидное вознаграждение. Для полного счастья Тамбурини-младшему не хватало лишь одного: не учебного, а самого настоящего приключения.

– Как жаль, что меня не было с вами, когда вы везли нам контейнеры, – сокрушался он всякий раз, когда я объяснял ему на примерах из собственной жизни, как действует шкипер в той или иной ситуации. – Конечно, у вас остались не самые приятные воспоминания о том рейсе – это понятно. Но поскольку он вас не сломил и вы не отказываетесь говорить о нем, значит, сегодня вы считаете его неотъемлемой частью своего прошлого и кладезем нового, бесценного опыта. В этом плане вы очень похожи на табуитов, ведь у нас тоже принято извлекать уроки и из собственных побед, и из поражений.

– Ну бы их псу под хвост, такой кладезь и такую победу! – без обиняков отвечал я, вместо того чтобы состроить умудренное жизнью лицо и важно кивнуть в знак согласия. – Все, что мы делали в том рейсе, это сначала удирали от Кавалькады, а после того, как она нас перехитрила, – пытались вернуть себе то, что принадлежит нам по праву. Ради чего нам пришлось перевернуть вверх дном Великую Чашу и нарушить столько законов, сколько их не нарушил сам дон Балтазар, когда отобрал у нас бронекат и груз. Если мы и извлекли из этой истории какой-то опыт, это явно не тот опыт, который тебе нужно перенимать. Разве только в качестве назидательного примера, чтобы ты сам не допускал в будущем подобных ошибок.

– И все-таки для меня было бы честью проделать с вами путь от Аркис-Сантьяго до Гексатурма, – не унимался Дарио, наотрез отказываясь соглашаться с моей точкой зрения. – Одно дело – читать о чьих-то подвигах и совсем другое – слышать о них от тех людей, которые их совершали. Вот скажите, сколько раз за вашу жизнь вы встречались в хамаде со змеями-колоссами?

– Да разве я их считал? – усмехнулся я. – Но три-четыре раза в год мы с ними, наверное, сталкиваемся.

– Ага! – оживился Тамбурини-младший. – Звучит неплохо! Стало быть, у нас есть реальный шанс встретить змея-колосса в этом рейсе?

– Теоретически такой шанс вполне реален. Так же, как шанс наткнуться на вакта, – обнадежил я жаждущего приключений парня. Хотя, в отличие от него, меня не радовала такая перспектива и я молил, чтобы этого не случилось. Мне не хотелось связываться ни со змеями-колоссами, ни с вактами даже при нашем нынешнем вооружении.

– Отлично! – блеснул глазами отпрыск главы ордена. – Пусть только появятся – у нас есть чем им ответить! Не затем ведь на «Гольфстриме» стоит столько орудий, чтобы мы боялись каждой встречной твари. Кому здесь и надо бояться, так это им, а не нам. Я правильно говорю, господин шкипер?..

Тому, кто видел Пуэрто-Риканскую бездну, провал в Бискайской долине покажется просто смехотворным. Взрослый змей-колосс и личинка мухи – вот самое точное сравнение для этих двух разломов. Последний протянулся лишь на десяток километров у самой границы Атлантики – вдоль подножия Европейского плато – и был настолько безвестен, что у него даже отсутствовало название. На карте рядом с ним стояла лишь одна отметка – его предполагаемая глубина: две тысячи – две тысячи триста метров. Да и этот замер был сделан очень давно, так что сегодня он мог не соответствовать действительности.

Впрочем, даже этой скупой информации было достаточно, чтобы понять: для наших целей Бискайская пропасть вполне подходит. Она по праву могла называться бездонной, поскольку лучи солнца не достигали ее дна и оно терялось во мгле. К тому же рядом с отметкой глубины не стояло условное обозначение, что в разломе есть иногаз. И если его не было там поныне, значит, это место не служило кормушкой для вактов, которые могли бы спуститься в провал и наткнуться на сокрытые нами в нем улики.

Разгрузка и сброс мусора с отвесного склона заняли у селадоров весь день. Трехсоткилограммовые стенки разрезанных контейнеров следовало сначала положить на тележку, затем вытолкать ее по грузовому трапу из трюма на палубу, а с палубы – скатить по сходням на землю. Я не рискнул остановить истребитель слишком близко к краю провала, и перед тем, как отправить в него фрагмент артефакта, тот приходилось буксировать на тележке еще около ста шагов. После чего табуиты дружными усилиями опрокидывали ее набок и, довольные,

наблюдали, как обломок столбового металла, ударяясь о камни, с грохотом падает вниз и исчезает в непроницаемом мраке.

А мы с экипажем тем временем отдыхали от трудов праведных, свято соблюдая закон перевозчиков, который гласил: погрузочные и разгрузочные работы – обязанность клиента, а наш долг состоит лишь в том, чтобы его богатство благополучно добралось до места назначения. Дабы не мешать табуитам, мы разбили бивак с теневой стороны «Гольфстрима» и предались блаженному ничегонеделанию, попивая портвейн и поедая подаренные нам в дорогу «райские» деликатесы, от которых лишь Физз почему-то брезгливо воротил морду.

Кстати о портвейне, чей вкус восхитил нас еще в первый день нашего пребывания в Гексатурме. Главный секрет этого напитка, делающий его изысканнее и крепче лучших вин Аркис-Капетинга, был на удивление прост. На его производство шел виноград, выращенный только под куполами «Инфинито». А само вино крепилось затем до нужной кондиции чистым спиртом, получить который нынче можно было также лишь в храме Чистого Пламени и больше нигде.

Узнав про эту подробность, де Бодье пригорюнился. Его мечта открыть в будущем свой винодельческий заводик, чтобы создавать на нем вина по рецептам табуитов, пошла прахом. Огонь являл собой неотъемлемую часть технологии возгонки и очистки спирта, без которых использовать тот для производства крепленых вин было нельзя. Ладно хоть гранд-селадор сдержал свое слово и за те дни, что мы гостили на станции, показал нашему механику внутренности Неутомимого Трудяги, а также «черную грязь» из контейнеров Макферсона. Приобщение Гуго к великой тайне повергло того в эйфорию и заставило забыть о винодельческих прожектах. Разве что когда Сенатор вкушал портвейн, после каждого выпитого стакана он качал головой и издавал печальный вздох, вспоминая невзначай о несбыточных светлых грезах...

В обратный путь «Гольфстрим» двинулся, став легче почти на шестьдесят тонн, и потому катился заметно резвее, нежели груженный. Тамбурини-младший продолжал всматриваться в даль с марсовой мачты, но так и не видел ни змеев-колоссов, ни вактов, ни вообще сколько-нибудь достойной цели для наших орудий. Что ж поделать – самый что ни на есть настоящий край света. Вон они, склоны Великого Восточного плато: тянутся по левому борту нескончаемой стеной и видны невооруженным глазом. Все, что здесь можно обыскать, давно обыскано вплоть до границ Брошенного мира, и все ценное, что при этом было найдено, вывезено отсюда еще пару веков назад.

Зверье также не жаловало бесплодные окраины мира. Оно обитало в основном там, где приходящие из Антарктики ливни сбирались на склонах плато в бурные потоки, а затем стекали вниз, заполняя мутной водой впадины и котловины – места традиционного водопоя атлантической фауны. По пути в Бискайскую долину мы не наткнулись ни на одно такое место. И теперь, возвращаясь в Гексатурм по собственным следам, я мог бы даже заключить с Дарио пари насчет того, что в этом рейсе нам вряд ли посчастливится увидеть тварь крупнее обычной змеи или черепахи.

Хороший выдался рейс, что ни говори. В эти дни я, Долорес, Гуго и Физз практически вернулись в старые добрые времена, когда мы были по-настоящему свободны и колесили по миру, зная, что в любом из его уголков нас встретят как друзей. И сколько теперь осталось таких уголков? Раз-два и обчелся. Но как бы то ни было, они еще существовали, а значит, не все для нас было потеряно...

Так думал я, вращая штурвал и приближая тот час, когда на горизонте вновь покажутся башни Гексатурма, который сегодня мы имели право называть своим домом и убежищем. Думал и не знал, что на самом деле единственное убежище, которое у нас осталось, находилось здесь, на «Гольфстриме». И что некогда неприступная крепость табуитов больше не могла служить нам защитой...

Глава 23

Тревожный окрик Малабониты прозвучал так внезапно, что я, умиротворенный погожим утром и неторопливой ездой, не сразу уразумел, что стряслось. «Заснула и сорвалась с мачты!» – первое, что промелькнуло у меня в мыслях, хотя, если бы это было так, я непременно увидел бы, как наша впередсмотрящая брякнулась на палубу. Но этого не произошло. Долорес продолжала стоять на марсе и кричать... нет, вовсе не ругательства, а призывала меня остановиться. И я, естественно, не имел права ей не подчиниться.

– Стоп колеса! – крикнул я в коммуникатор моторного отсека и, застопорив штурвал, поспешил на палубу...

– Что стряслось? – задрав голову, спросил я Долорес полминуты спустя, когда истребитель остановился и грохот колес умолк.

– Живо лезь сюда, *Mio Sol*! – отозвалась она, не сводя взора с горизонта. – На это тебе надо самому посмотреть!

– Вот дерьмо! – пробормотал я и, отерев потные руки о комбинезон, покарабкался на мачту так быстро, как только мог...

Судя по карте, Моя Радость должна была вот-вот узреть башни Гексатурма. Именно их верхушки она только что и заметила. И хотя извещать меня об этом было необязательно – все мы и так знали, что к полудню доберемся до крепости, – тем не менее Малабонита не только сделала это, но и подняла тревогу.

И, надо думать, неспроста, раз у нее даже не нашлось слов, чтобы описать то, что она увидела на горизонте...

Все до единой башни были на месте и маячили на фоне затянутого рассветной дымкой далекого склона Африканского плато. Однако что за ерунда: две из них – вторая и четвертая – изменились совершенно невероятным образом! Та ненормальная башня, что была ближе к нам, стала на целую четверть короче и выглядела так, словно ее верхушку откусил какой-то исполинский монстр. А другая, будучи надломленной в верхней трети, накренилась на запад. И теперь она выступала из некогда стройного ряда знаменитых на всю Атлантику символов Гексатурма, словно сильно расшатанный зуб из череды здоровых зубов.

Дымка, что окутывала крепость, тоже была довольно странная. Не голубоватая – та, что затягивает горизонт и манит в дальние странствия романтиков вроде Дарио, – а грязно-серая и сносимая ветром в Червоточину. Но если метаморфозы с башнями я пока объяснить не мог (на мираж это явно не походило), то витающая над ними муть была не чем иным, как огромным облаком пыли. Оно поднялось чуть ли не вровень со склонами Гибралтарского прохода и лишь над крепостью, а значит, виноват в этом был явно не ветер. И не Кавалькада, о которой я подумал во вторую очередь. Чтобы она так напылила, дону Балтазару пришлось бы долго и непрерывно гонять свой отряд кругами по равнине у стен Гексатурма. Что, сами понимаете, вряд ли можно считать разумной версией того, что творилось там в эти минуты.

Присмотревшись, я также заметил мелькающие в пылевой завесе стремительные тени. А прислушавшись, уловил сквозь мерный гул работающего на холостом ходу Трудяги далекий раскатистый грохот. Он то стихал, то вновь нарастал, но не прекращался ни на мгновение.

Такой же шум можно порой слышать, находясь поблизости от какого-нибудь Столпа, когда от него начинают отваливаться не один и не пять, а сразу не менее полусотни обломков. Инострань, содрогающаяся от наносимой по ней череды мощных ударов, – спутать подобные звуки с другими нельзя даже на большом расстоянии. И поскольку перед нашим отбытием из крепости нас не предупреждали

ни о каких намечающихся в ней ремонтно-строительных работах, становилось очевидно: все, что мы сейчас видим и слышим, есть отзвуки не созидательного, а, напротив, разрушительного процесса. И его немалые масштабы было нетрудно оценить уже отсюда.

– Пропади все пропадом, да ведь там идет самая настоящая война! – ошарашенно проговорил я. – И не просто война, а...

Я не договорил, отказываясь озвучивать очевидную догадку, и вместо меня это сделала Долорес:

– По-моему, нет сомнений в том, что войска Владычицы Льдов осадили Гексатурм и начали штурм его западной стены. Святой Фидель Гаванский, это ж какие силы они туда подтянули?

– Наверняка всю эскадру адмирала Чарльза Дирбонта, – нахмурившись, предположил я. – Или по крайней мере большинство его ударных дивизионов. Без Дирбонта и его техники взять крепость табуитов невозможно в принципе. Да и Кавалькада, могу поспорить, эту войну также не пропустит. Не говоря о простой пехоте, которая прибыла туда на борту бронекатов. И разрази меня метафламм, если южане, проделав такой путь, не настроены воевать до победного конца!

И будто вторя моим словам, вершину одной из еще не поврежденных башен окутал черный всполох. Довольно крупный и тоже заметный издалека. Такой выброс метафламма мог быть порожден источником пламени, многократно большим, чем огонек зажигалки гранд-селадора и те коварные пули, какими обстреливали нас в предгорьях Хребта кабальеро. Стало быть, армия Владычицы располагала не только такими пулями, но и «би-джи»-снарядами помощнее. И раз так, значит, моя догадка начет эскадры адмирала Дирбонта была верной. У него имелись самоходные метательные машины-дальнобой, способные зашвырнуть такой заряд на расстояние, на котором он станет безопасным для метателя. А пробив обычными камнями иностальную обшивку башен, Дирбонту затем не составит труда подточить их метафламмом. Что, видимо, и произошло с теми из них, какие уже начали разваливаться.

С башней, возле которой разразился черный всполох, ничего не случилось; по крайней мере, отсюда она не выглядела поврежденной. Однако, судя по легкости, с какой дальнобой южан добил до башенной верхушки, они обстреливали метафламмом и камнями не только стену, но и внутреннюю территорию крепости. Разве только, как стало понятно в ходе наблюдения, «би-джи»-снаряды падали на нее редко, а значит, их количество у осаждающих было ограничено. Чего нельзя сказать о каменных глыбах, добыть которые они могли буквально повсюду. Добыть

и забрасывать ими Гексатурм до тех пор, пока тот не падет или пока у адмирала не сломается последнее дальнобойное орудие.

За время, что мы с Малабонитой изучали горизонт, внизу у мачты собрались все, кто присутствовал на «Гольфстриме», включая де Бодье и Дарио, которые до этого находились в моторном отсеке. Застопорив колеса, механик и его ученик также не захотели томиться в неведении и выбрались на палубу, дабы выяснить, чем вызвана внезапная остановка.

Молчать о том, что происходит в Гексатурме, не имело смысла. И мы, вкратце обрисовав ситуацию, предложили всем желающим взобраться на марс и лично удостовериться в том, что я и Моя Радость не перегрелись на солнце и не бредим.

Само собой, такое желание изъявили все без исключения, и лишь у Сенатора оно, к сожалению, не совпадало с его физическими возможностями. Поэтому ему пришлось довольствоваться моим рассказом да возбужденными комментариями, что долетали с мачты всякий раз, когда на нее поднималась очередная пара наблюдателей. Особенно жутко звучали те выкрики, что извещали нас о новом «би-джи», чьи всполохи возникали над крепостью с интервалами где-то от десяти до пятнадцати минут. Камни же продолжали летать по воздуху без перерыва – как бросаемые южанами, так и сбрасываемые на них со стены монахами.

Продолжать путь, не обсудив увиденное, было неразумно, и мы собрались на экстренный совет прямо у подножия мачты. Как я и предчувствовал, дальнейшие планы табуитов не совпали с нашими. Монахи и Дарио пришли в немалое возбуждение. Они махали руками и рвались на помощь братьям, в то время как я, Долорес и Гуго призывали их не спешить, сначала все обдумать и лишь потом решать, как нам теперь быть.

Один лишь Сандаварг набычился и молчал, поскольку впал в нетипичное для себя состояние: он колебался. Звериное естество северянина влекло его на битву. Но разум, коего он также не был лишен, протестовал: глупо идти сегодня на поводу у этого самоубийственного желания. Пускай редко, но подобные озарения на Убби все-таки нисходили. В чем, как он сам признавался мне тогда, в Дельгадо, было отчасти виновато его общение со мной – человеком, чья патологическая осторожность заразила даже такого сорвиголову, как Сандаварг.

Если у ордена и существовали секретные пути в Червоточину, наши селадоры о них понятия не имели. А попасть в Гексатурм через западные ворота у нас не выйдет, даже прорвись мы к ним через штурмовые порядки врага по наведенной им через ров переправе (надо полагать, табуиты успели уничтожить свой быстро разрушаемый мост до подхода противника). Никто не откроет нам наглухо

запечатанные проходы, ведь у нас на хвосте будет висеть Кавалькада и половина эскадры Дирбонта. Кидаться же на них в атаку лишь ради того, чтобы геройски погибнуть, я отнюдь не собирался. Ради каких таких убеждений, спрашивается?

Находишь «Гольфстрим» в настоящий момент на территории крепости, я отрабатывал бы свой контракт, делая все, что прикажет наниматель. Но сейчас передо мной стояло лишь два контрактных обязательства: вернуться в Гексатурм и присматривать за Тамбурини-младшим. Первое по не зависящим от нас причинам мы выполнить не могли. Зато второе обязательство продолжали добросовестно выполнять. И намеревались делать это дальше, вплоть до поступления на сей счет новых распоряжений.

Спор между нами и табуитами разгорелся нешуточный. Все мы упрямо стояли на своем, наотрез отказываясь признать доводы оппонента. Еще немного, и разгневанные нашей строптивостью монахи, вполне вероятно, схватились бы за оружие и заставили нас везти их в бой силой. Это желание явственно читалось на их лицах. Но присутствие Сандаварга, чье колебание свидетельствовало о том, что пока он на нашей стороне – стороне разума, – удерживало селадоров от этого шага.

В конце концов именно Убби предложил компромиссный план, который в той или иной степени устроил и нас, и табуитов.

– А ну хватит орать, загрызи вас пес! – рявкнул северянин, чем разом остудил пыл всех спорщиков. – Нечего рвать глотки раньше времени! Давайте сначала доберемся до окрестностей Гексатурма, спрячемся за какой-нибудь скалой, разведаем, что к чему, а уже потом решим, как нам быть. Кто-нибудь из вас... – Убби повернулся к монахам, – ...знает неподалеку от крепости место, откуда мы могли бы незаметно наблюдать за битвой?

Селадоры переглянулись, после чего самый старший из них – кажется, его звали Левчев – утвердительно кивнул.

– На карте найдешь? – поинтересовался я.

Левчев ненадолго задумался, поскреб макушку и снова кивнул, правда уже не так уверенно.

– Тогда пошли на мостик, покажешь, куда ехать, – сказал я ему. – А остальных попрошу разойтись по боевым постам и пребывать начеку. Возможно, южане обнаружили у крепости наши следы и отрядили за нами в погоню какой-нибудь перехватчик. А то и не один. Адмирал Дирбонт и дон Балтазар наверняка в курсе, что мы находимся здесь, и явно захотят снова отбить у нас «Гольфстрим»... Мсье де

Бодье! Возвращайтесь в моторный отсек и – малый вперед. А ты, Убби, тоже загляни-ка на минуту в рубку. Хотелось бы кое о чем с тобой посоветоваться...

Простоватый, не слишком сообразительный Левчев не производил на меня впечатления человека, сведущего в топографии и разведке. И тем не менее место, куда он нас привел, идеально подходило для нашей цели. Это была одинокая, выветренная скала, имеющая форму перевернутого и воткнутого в землю вверх подошвой ботинка. Она торчала далеко в стороне от разыгравшихся событий и не интересовала в стратегическом плане нападающего на Гексатурм агрессора. В то время как с ее плоской вершины можно было видеть все, что происходит у западной стены крепости. Разве что вести наблюдение приходилось лежа на камнях, так как стоя в полный рост мы могли быть ненароком замечены противником. Впрочем, чего не стерпишь ради шанса быть в курсе исторических событий. Тем паче когда они имеют непосредственное отношение к твоей дальнейшей судьбе.

Склоны скалы были отвесными, и взобраться на них обычным способом было практически нереально. Но мы, подъехав к ней с невидимой врагу стороны, поступили проще: подогнали бронекат таким образом, что его правый борт вошел аккуратно под скальный козырек – мысок перевернутого «башмака». При этом мачта «Гольфстрима» очутилась так близко от козырька, что стало возможно перелезть на него с марсовой площадки. Что мы и проделали опять-таки всей компанией, кроме оставшегося на палубе де Бодье. После чего, расползшись по вершине возвышенности, смогли наконец-то увидеть картину происходящего во всех ее душераздирающих подробностях...

Прежде величие королевы Юга олицетворялось у меня с ее огромными танкерами-водовозами и рыскающей по Атлантике Кавалькадой. Первые были свидетельством безграничной доброты Владычицы Льдов, а вторая служила живым воплощением ее гнева и неотвратимого возмездия. Да и не я один, полагаю, так думал. Однако теперь, взглянув на эскадру адмирала Дирбонта и на то, что она вытворяет, я понял, что в действительности представляет собой символ южного могущества и ярости. Второй в мире после Аркис-Грандбоула с его цельнометаллической стеной оплот несокрушимости – Гексатурм – стонал под натиском штурмующей его механизированной армии.

Ничего подобного ни по размаху, ни по жестокости я в своей жизни еще не видывал. Зрелище было столь грандиозным, что даже выдавший виды Сандаварг присвистнул от удивления и пожелал бронекатам адмирала Чарльза, чтобы их загрыз пес. Какого размера должен быть этот пес, Убби не уточнил, но вряд ли в Атлантике существовали подобные вакты. Разве только они сбегутся сюда со всего мира, дабы

растерзать бронированную армаду скопом, но и то сомнительно, что она окажется им по зубам.

Как я и предполагал, вряд ли эскадра собралась здесь в полном составе, оставив без охраны переправы через Фолклендский разлом и подступы к антарктическим льдам. За без малого месяц, что миновал со дня нашего бегства из Великой Чаши, южане успели бы подтянуть сюда по накатанным гидромагистралям лишь те войска, какие базировались в восточной половине Атлантики. Их мы, судя по всему, перед собой и наблюдали. Также не исключено, что на подходе у Дирбонта были подкрепления. Но, по мне, он неплохо справлялся со своей задачей и с той армией, какая имелась у него сейчас в распоряжении.

Ее главной ударной силой служили пять чудовищных полуавтоматических дальнебоев, чье шасси не уступало по крепости и устойчивости шасси водоналивных танкеров. На широких палубах этих бронекатов были установлены орудия, напоминающие древний требушет: массивная станина, поддерживающая сорокаметровый метательный рычаг. На его коротком конце висел на толстых тросах противовес весом никак не меньше трехсот тонн. А на длинном конце – сплетенное из тех же тросов приспособление, напоминающее пращу Сандаварга, только способное метать глыбы величиной с контейнер Макферсона. Передвигалось и взводилось это орудие также танкерным ДБВ. А расстояние, на какое оно пускало снаряды, позволяло южанам педантично рушить крепость, почти не опасаясь ответного обстрела с ее стен.

Все махины выстроились в растянутую вдоль всей стены линию и составляли арьергард осадных порядков южан. Катапульту обслуживали две команды: стрелковая и заряжающая. В состав последней входило три строймастера – инженерных бронеката, что долбили на куски окрестные скалы, подвозили обломки к дальнебою и загружали те в пращу. От звука, который она издавала при стрельбе – лязг в сочетании с жутким воем, – у меня волосы на голове вставали дыбом. Или, вернее, они как встали, так больше и не ложились, ибо попросту не успевали это сделать. Четыре орудия работали не переставая и вразнобой, каждое – со скорострельностью примерно один выстрел в пять минут. Пятое в данный момент бездействовало. От усердной стрельбы на нем оборвалась праща, и обе его команды совместными усилиями торопливо прилаживали ее обратно к рычагу.

Даже находясь в стороне от поля битвы, я инстинктивно вжимал голову в плечи, когда очередная брошенная гигантским дальнебоем глыба врезалась в цель. Как же тогда ощущали себя под такой бомбардировкой монахи, которые не отсиживались в укрытиях, а отважно отстреливались из всего, из чего только могли? На стене и башнях было размещено множество баллестирад, а внутри крепости стояли похожие

катапульти, только менее габаритные и не самоходные. Им приходилось наносить удары вслепую, по наводке наблюдателей, и швырять камни через стену в загодя пристрелянные квадраты, как только там оказывался неприятель. Дальность боя этих орудий регулировалась так же, как у вражеских исполинов: либо весом снаряда, либо длиной тросов пращи.

Имелись у адмирала Дирбонта дальнобои и поменьше. Именно они бросали на Гексатурм помимо простых снарядов более компактные и легкие, но и более разрушительные «би-джи»-бомбы. Эти бронекаты вели стрельбу, находясь уже в зоне поражения крепостных орудий. Поэтому, пока главная палубная катапульта перезаряжалась, капитан дальнобоя либо маневрировал, либо отступал на безопасное расстояние.

На легких и средних штурмовых бронекатах орудия являли собой уже не требушеты, а обычные баллестирады. Только размеры их луков достигали до десяти метров, и стреляли они уже не гарпунами, а пудовыми каменными ядрами. Легкие дальнобои несли на себе один вращающийся на турели ядромет, средние – два или три. На последних баллестирады располагались каждая на отдельном палубном уступе. С них орудийные расчеты поражали цели, не мешая друг другу. Правда, при этом возможностью кругового обстрела обладало лишь расположенное выше всех самое мощное орудие. Оно, как правило, било по крепости, когда дальнобой отступал и был повернут к ней кормой, а обе его вспомогательные катапульти перезаряжались.

Счесть точное количество «кусачей мелочи» южан мешали ее неустанное мельтешение и пыль, которую она при этом поднимала. Однако лишь неопытный наблюдатель мог подумать, что эти стрелки действуют хаотично. Нет, они подчинялись единой тактике: умудрялись не сталкиваться между собой в пылевой завесе и вели безостановочный огонь, отвлекаясь на передышку, мелкий ремонт и пополнение боеприпасов не более двух-трех машин зараз. Все указывало на то, что капитаны дальнобоев знают свое дело и имеют опыт работы в команде.

На этот час табуиты полностью вывели из строя три маневрирующие машины противника. Они так и торчали на поле боя с раскуроченными бортами, палубными надстройками и разбитой ходовой частью. Выжившие члены их экипажей – если, конечно, таковые остались, – похоже, покинули свои бронекаты. Но сама поврежденная техника не была эвакуирована, поскольку все не занятые у дальнобойных катапульти строймастеры трудились на наиболее опасном участке штурма – в авангарде.

Армада южан не могла приблизиться к Гексатурму незаметно, и монахи успели разломать мост через ров, прорытый в полукилометре от крепости. Но адмирал Дирбонт был к этому готов. Он привел с собой достаточно инженерной техники, чтобы ее хватило на возведение двух переправ. Их постройка, судя по всему, началась не слишком давно – после того, как дальнобои хорошенько потрепали позиции защитников Гексатурма и организовали инженерам более-менее надежное прикрытие.

Два дивизиона бронированных бронекатов по полудюжине машин в каждом уже обвалили многоковшовыми землеройными роторами и грейдерными ножами берег траншеи, укатали колесами получившийся съезд, спустились на дно рва и теперь вгрызались в его противоположный склон. Ядра и булыжники табуитов сыпались на инженеров в гораздо больших количествах, чем на прикрывающие их дальнобои. И кабы не прочные и закрытые, подобно черепашьим панцирям, корпуса строймастеров, а также защитные решетки и жалюзи на их окнах, вряд ли южане продвинулись бы в рытье переправы так далеко, да еще не потеряв ни один бронекат.

С момента, как мы заметили на горизонте неладное, и до сей поры прошло около трех часов. Давал ли в течение них адмирал Чарльз стрелкам передышку, мы не знали. Но состояние крепостных башен, а также наверняка стены, которую мы тогда не видели, серьезно ухудшилось. Накренившаяся верхушка четвертой башни полностью обрушилась, и теперь она сравнялась по высоте со второй, которая за это время не претерпела значительных изменений. Зато они в той или иной степени постигли прочие башни. Ни одна из них больше не выглядела так, какими мы запомнили их, покидая Гексатурм двенадцать дней назад. А ведущийся по ним сокрушительный обстрел и не думал утихать.

Привезя с собой ограниченное число «би-джи»-снарядов, дальнобои метали их прицельно лишь в те участки стены и башен, с которых им удавалось сбить иносталь. Пристреляв орудия, набравшиеся опыта южане стали бить по крепости метче и, как следствие этого, эффективнее.

Надломленная в середине первая башня дала крен вбок и нависла над участком стены, что протянулся между ней и северным склоном Гибралтарского прохода. Засевшие там монахи поспешно снимали с турелей баллестирады и перебирались на другие позиции, которые освобождались на стене практически после каждого удачного выстрела дальнобоев. В третьей и шестой башнях зияли такие бреши, что на них можно было уже не тратить метафламм – по десятку точных попаданий из дальнобойных катапульта в каждую, и те завалятся так же, как это случилось с пятой. Она была подрублена у самого основания и рухнула внутрь крепости, отчего в

некогда сплошном барьере образовался широкий просвет. Прорваться в него, правда, могла лишь пехота, да и то небольшими группами – лежащая громадина перегораживала пролом и позволяла обойти себя лишь по краям. Саму стену также испещряли трещины и пробоины. Они возникали там, где снаряды противника сорвали иностальные плиты и оголили каменную кладку, которую те прежде усиливали.

Построенная несколько веков назад, западная стена Гексатурма некогда считалась такой же вершиной прогресса, как бронекаты и прочие созданные на основе ДБВ механизмы. Ее ворота, подъемные краны, лифты и автозарядные системы баллестирад также работали за счет энергии Неутомимых Трудяг. А иностальной панцирь, покрывающий снаружи каменную стену и металлические башни, мог обезопасить их от любых осадных орудий той поры. Однако шли годы, в Атлантике менялся расклад сил и политические порядки, и прогресс не стоял на месте. Со временем были истреблены орды кочевников, что перемещались по миру и грабили плохо защищенные поселения. Многие из этих поселений, наученные горьким опытом, превратились затем в укрепленные города и начали давать отпор захватчикам не хуже Гексатурма. Его стены по-прежнему считались неприступными, но лишь потому, что уже давно никто не объявлял ордену войну и не рисковал брать его цитадель приступом. Настолько давно, что даже сами табуиты стали воспринимать это обстоятельство как догму.

И вот, когда в Гибралтар вступила армия, оснащенная не допотопными стенобитными орудиями, лестницами и осадными башнями, а мощной техникой, способной штурмовать современные города, неожиданно выяснилось, что от былой неприступности Гексатурма не осталось и следа. Она не выдержала первой же дотошной проверки, и миф о ней был развеян Владычицей Льдов буквально в один день.

Монахи готовились обстреливать лезущего на стены врага из луков, арбалетов и баллестирад. Но вражеская пехота была не дура и не желала приближаться к крепости, пока дальнобой не завершат свою разрушительную работу. Истребители, перехватчики и штурмовики южан, а также Кавалькада держались пока в стороне от боевых действий. Все они выстроились позади исполинских катапульти в ожидании приказа к штурму и заодно прикрывая их от возможной контратаки защитников. Надумай они осуществить вылазку из крепости по каким-нибудь тайным тоннелям, дабы обойти противника и напасть на его главные орудия с тыла, табуитам пришлось бы сначала пробиваться через вышеупомянутую армию. Что у них вряд ли получилось бы, поскольку нападающие предвидели такой их ход и пребывали настороже.

Пыль, вой, лязг, грохот; взмывающие вверх рычаги катапульта с привязанными к ним пращами; мельтешащие по воздуху глыбы и ядра; кружащие по полю бронекаты; падающие со стен крепости оторванные иностальные плиты; стонущие от перегрузки, покореженные каркасы башен; редкие и всегда неожиданные всполохи метафламма и разлетающиеся во все стороны обломки каменной кладки... В этом кромешном хаосе я практически не видел людей, кроме тех далеких, мечущихся по стене и башням монашеских фигурок; о всадниках Кавалькады умолчу, поскольку они еще не ввязались в драку. Это была механическая война, война движущейся иностали против иностали неподвижной. И хоть вторая многократно превосходила первую по весу, энергия, упорство и безостановочное движение являлись теми факторами, за счет которых в этой битве мелкий противник одолевал более крупного.

Оторвать взор от их схватки было решительно невозможно. Меня и прочих распластавшихся на скале наблюдателей сковало оцепенение, продлившееся невесть сколько – я не смотрел на хронометр, – но явно больше часа. От размаха эпического батального полотна и от свербевшей в мозгу мысли, что это происходит с нами наяву, а не во сне, я не мог вымолвить ни слова. И даже на время забыл, что нам самим ежеминутно угрожает смертельная опасность.

Взирая на осаду Гексатурма, я жил только настоящим моментом, напрочь забыв о прошлом и не загадывая наперед. Наверное, подобные ощущения испытывали наши далекие предки, когда глядели, как Вседержители сначала окружают Землю своими гигантскими космическими кораблями, а затем сбрасывают на нее Столпы. Глупо, конечно, сравнивать масштабы этих двух разделенных бездной веков трагедий. Но поскольку о Всемирном Затмении я знал лишь понаслышке, то в моем воображении оно было вполне сопоставимо с катастрофой, какая разворачивалась здесь и сейчас на наших глазах.

Сколько еще мы провалялись бы на камнях, словно соревнуясь, кто из нас дольше всех сохранит молчание и неподвижность? Кто знает. Бушующей рядом с нами буре не было до нас никакого дела. Но меня не покидало чувство, что стоит лишь мне пошевелиться, как она сразу заметит меня и сей же миг сотрет в порошок. Причем вместе со скалой, на которой мы расположились.

Из оцепенения нас вывела башня номер один, крен которой достиг-таки критического угла и которая рухнула на северную оконечность стены. Развалив ее почти наполовину, громадина пролежала на ней четверть минуты, будто раздумывала, в какую сторону скатиться. И в итоге прямо как пышнотелая северная мадонна, лениво, с неохотой перевалилась наружу, к подножию крепости.

На этом падение колосса не завершилось. Лишенная брони, башня вновь стала тем, чем фактически являлась – древней подводной лодкой, – и покатила по перевалу дальше, набирая разгон и раскатисто грохоча на ухабах. Торчащая прежде на лодочном корпусе рубка, которую строители крепости переоборудовали под балкон для стрелков, была смята многотонным снарядом дальнобоя-исполина. И теперь ничто не мешало этому катку кувыряться по склону с невиданной для такой махины легкостью.

Вышло бы очень кстати, попадись ей навстречу идущие на приступ враги. Но, увы, те еще не перебрались через ров, и потому башня не нанесла им никакого урона. Напротив, после своего падения она оказала южанам еще одну неоценимую услугу. Докатившись до рва, громадина с разгона ухнула в него севернее возводимой строймастерами переправы. Диаметр башни оказался чуть меньше ширины траншеи и чуть больше ее глубины. И когда вздыбленная от толчка махины земля осыпалась, мы глядели лишь на торчащий изо рва покатый и усеянный вмятинами башенный бок. Который с нашей наблюдательной точки напоминал широкий – метров шестьдесят или даже семьдесят – горбатый мост.

И этот мост был замечен не только нами. Не прошло и полминуты после его возникновения, как над мачтой одного из стоящих в резерве штурмовиков взметнулся яркий вымпел. Но не с гербом Владычицы Льдов, а с изображением двух перекрещенных лопат. Что означает этот сигнал, я понял, когда все двенадцать роющихся в траншее строймастеров выбрались обратно на берег и, развернувшись, дружно покатали в тыл. Туда, где находилась ставка адмирала Чарльза.

– Надо срочно что-то делать!.. – Падение башни также всполошило Тамбуруни-младшего и вновь заставило его вспомнить о священном долге табуита. – Нам надо как-то помочь братьям! Нельзя просто сидеть и смотреть, как они гибнут! Каждая минута нашего бездействия, возможно, убивает кого-то из наших близких друзей! Хватит выжидать! Потому что это!.. это!..

Он, вероятно, хотел сказать «Это – трусость!». Но вперивший в него грозный взор Сандаварг дал понять, чтобы парень хорошенько подумал, прежде чем договорить свою фразу. Дарио молчаливый намек северянина понял и остерегся продолжать. А тот отвернулся от новобранца и посмотрел на меня. Правда, уже не грозно, а с вопросительным выжиданием. Это тоже был намек, но на сей раз он был адресован мне, и вряд ли кто-то еще мог догадаться, что за ним кроется.

А крылось тут вот что. После того как селадор Левчев показал мне утром на карте скалу-«башмак» и мы продолжили путь, на мостик поднялся Убби, с которым мы провели важное для всех нас оперативное совещание. Оно касалось не столько

нападения южан на Гексатурм, сколько того, каким образом нам соблюсти теперь наш контракт. Тот самый контракт, который был заключен между нами и гранд-селадором накануне этого рейса. И никто другой из моей команды, кроме Сандаварга, не мог помочь мне разрешить этот щекотливый вопрос.

– По-моему, все здесь совершенно очевидно, – начал я, убедившись, что нас никто не может подслушать. – Наш парень умен как энциклопедия, но стоит ему увидеть то, что творится в крепости, и он, ручаюсь, опять впадет в героическое безрассудство. А оно у него, сам знаешь, не чета твоему безрассудству. Если тебе оно обычно помогает, то Дарио – точно погубит. И что из этого следует?

– Если папаша парня выживет в заварухе, а он – нет, то всем нам очень и очень не поздоровится, – догадался Убби, вполне способный предсказать развитие грядущих событий.

– Может, и поздоровится, а Тамбурины-старший даже нас поймет и простит, – подсластил я пилюлю, но не настолько, чтобы она перестала горчить. – Но осадок у него на душе все равно останется. И тогда о нашей дружбе с орденом придется навсегда забыть.

– Что верно, то верно, загрызи тебя пес. – Убби нахмурился. – Ты-то со своей бандой это как-нибудь переживешь. Но я дружу с орденом уже десятков лет, и для меня ссора с ним – несмываемый позор до самой смерти. А ссора из-за гибели сына главы ордена – вдвойне заслуженный несмываемый позор. Мы поклялись присматривать за парнем и в итоге не сдержали клятву... За такое с меня спросит не только орден, но и мои братья-северяне. И что я им на это отвечу?

– Но если мы просто свяжем Дарио по рукам и ногам, запрем его в трюме, – продолжал я, – а потом удерем подальше от Гексатурма и станем выжидать, чем закончится война, это тоже обернется для нас проблемами. Само собой, не такими катастрофическими, как в первом случае. Но и не теми, от которых можно будет взять и отмахнуться.

– Если гранд-селадор погибнет, а его сын останется в живых, – вновь взялся рассуждать Сандаварг, – он непременно спросит нас, почему мы трусливо сбежали с поля боя и ничего не предприняли для спасения его отца. А перед этим парень разболтает о нашем постыдном бегстве на всю Атлантику. И тогда мне придется найти и убить его, потому что никому не дозволено называть Убби Сандаварга трусом. И каков тогда смысл увозить Тамбурины-младшего от смерти, если после этого он сам будет искать встречи с братом Ярнклотом?

– Возможно, если дела у табуитов пойдут хуже некуда и Гексатурм падет, есть смысл рискнуть спасти обоих Тамбурины, – предложил я компромиссный выход из нашего нелегкого морального тупика. – Но не бросаться очертя голову в битву с адмиралом Дирбонтом, в которой у нас нет ни единого шанса выжить, а попытаться сначала влиться в состав его эскадры. И уже потом, заполучив себе такое прикрытие, решать, как быть дальше.

– Либо ты, Проныра, повредился рассудком, либо я чересчур туп, но что-то у меня не получается врубиться в твой гениальный план, – заметил северянин, наморщив лоб. – Так что ты, смотри, поаккуратнее! Обозвать меня тупым совсем не то, что трусом, но проделывать такое на людях я бы тебе очень не советовал.

– Гениальности в моем плане не больше, чем в других авантюрах, которые мы с тобой успели провернуть, – ответил я, пропустив слова крепыша-коротыша мимо ушей. За время, что мы с ним были знакомы, он ежедневно стращал меня всевозможными членовредительствами, но пока не привел в исполнение ни одну свою угрозу. Впрочем, в случае с Убби не было гарантии, что такой день никогда не настанет. – Будет здорово, если Гексатурм выстоит. Однако, судя по тому кошмару, что мы видели, я не стал бы делать на это ставку. Едва стены крепости падут, армада Дирбонта и Кавалькада ворвутся в нее, а затем – и в Червоточину, после чего там разразится грандиозная неразбериха. В которой мы могли бы выдать себя за южан, благо нынче «Гольфстрим» почти неотличим от их техники. Осталось лишь навесить на него немного камуфляжной мишуры, что завалилась у нас в трюме среди трофеев, и дело сделано.

– Ты полагаешь, в суматохе у нас появится шанс добраться первыми до храма Чистого Пламени, чтобы вывезти оттуда гранд-селадора и всех, кого он еще захочет спасти?

– У нас будет такой шанс, если в Гексатурме «Гольфстрим» ничто не задержит. Ну а нет – уйдем в глубь Червоточкины той тропой, по какой в Гексатурм поставляется вода. Все равно бежать обратно в Атлантику, когда на ее восточной половине хозяйничают и эскадра Владычицы, и Кавалькада, нам категорически противопоказано...

Вот почему сейчас, когда скорое падение Гексатурма не вызывало сомнений и Дарио снова заговорил о долге табуита и самопожертвовании, Убби своим красноречивым взглядом дал мне понять, что пока селадоры не наделали глупостей, самое время посвятить их в наш план.

Я не возражал. И, оставив Малабониту следить за развитием событий, велел остальным наблюдателям вернуться на «Гольфстрим», сказав им, что у меня есть

идея, как помочь защитникам крепости. Тамбурини-младший и прочие, естественно, не возражали и поползли обратно, к ведущей на скальную вершину нашей импровизированной лестнице.

Спустившись с мачты, монахи застали де Бодье за странным занятием. Он цеплял к подъемному тросу мачты новенький флаг, взятый из груды отбитых нами у Кавалькады трофеев. На флаге красовался герб Владычицы Льдов – синий щит с белой волнистой линией. Точно такой же, судя по испачканным в краске рукам Гуго, был уже наскоро нарисован им на обоих наших бортах. Так, как я и приказал ему, прежде чем мы отправились созерцать битву. Помимо флага и гербов механик заодно поменял название истребителя, прикрепив на носу справа и слева поверх старого имени листы жести с новым: «Мицар».

Взято оно было, естественно, не с бухты-барухты. Именно так назывался один из известных мне истребителей, который патрулировал подступы к Фолклендскому разлому на юго-западе Атлантики. И который, как я предполагал, не должен был сейчас здесь находиться. А даже и участвуя он в осаде, вряд ли в пыли и суматохе южане обратят внимание на два одинаковых бронеката. Тем более что я не планировал кидаться в гущу битвы, врываясь в Гексатурм вместе с ударными дивизионами Дирбонта, а, напротив, был намерен держаться подальше от них.

Гуго нарочно разбавил краску, чтобы сделанные им рисунки выглядели блеклыми, словно бы покрытыми пылью и выцветшими на солнце. Неплохо постарался, надо заметить. Хотя тут нужно сказать спасибо не только ему, но и Владычице Льдов. За ее непритязательные художественные вкусы и простенький герб, воспроизвести который оказалось по силам даже не сведущему в изобразительном искусстве де Бодье.

Дабы табуиты не подумали о творчестве Сенатора дурного, я поспешил объяснить им, чем вызвана эта переделка «Гольфстрима» в «Мицар». И довел до них наш хитрый стратегический замысел. После чего, однако, не сорвал аплодисменты, как ожидал. Более того – наткнулся на стену такого глухого непонимания, что ее, наверное, не сокрушили бы даже дальнобой южан.

«Вы ошибаетесь, думая, что полчища захватчиков ворвутся в Гексатурм! Да, крепость сильно пострадала, но она ни за что не падет! По крайней мере до тех пор, пока каждый из нас готов без раздумий отдать за нее свою жизнь!» – так можно вкратце передать смысл героической тирады Левчева, горячо поддержанной остальными селадорами, включая, разумеется, Дарио. Судя по их исполненным решимости взглядам, они действительно в это верили. Верили истово, наотрез не

желая признать очевидное: их «неприступная» цитадель разваливалась буквально на глазах, а враг продолжал ей в этом всячески способствовать.

В данную минуту передо мной стояли уже не те табуиты, каких я знал еще нынешним утром, а натуральные фанатики. Они признавали лишь одну стратегию: ринуться без оглядки в бой и с честью погибнуть во имя их общего священного дела. И, как любых впавших в раж фанатиков, призвать селадоров к здравомыслию, образумив их аргументами, являлось теперь невозможно.

Впрочем, я и Убби не растерялись. После нашего утреннего спора с монахами мы получили представление, чего от них можно ожидать. И знали, что делать, если наши ожидания все-таки оправдаются.

– Мы отказываемся поддерживать ваш план! – подытожил Левчев свое темпераментное выступление. – Для нас он – кощунство! Вы требуете, чтобы мы признали свое поражение в самый разгар битвы! Этому не бывать! Но мы уважаем и ваш выбор и не вправе осуждать вас за такое недопустимое для нас предложение. Мы просто говорим: с этой минуты нам с вами не по пути! Откройте выход! Мы идем на помощь нашим братьям с открытым забралом и под нашим, а не вражеским гербом!

– Хорошо. Как скажете. Ваше право, – не стал я пререкаться и, подойдя к рычагу подъемника, опустил для селадоров трап.

– Не так быстро, парень! – пророкотал Сандаварг, хватая за шиворот Тамбурины-младшего, устремившегося к выходу вслед за братьями по оружию. – Уходят только они! Ты остаешься!

– Что?! – не понял Дарио, оторопев и от неожиданности, и от бесцеремонности, с какой северянин его остановил. – В чем дело?! Да как вы смеете?! Вы хоть знаете, что с вами будет, если я!..

– Да наплевать! – Убби не волновало, как он ответит за свою грубость перед орденом. Не волновало настолько, что крепыш-коротыш зашел еще дальше: взял и «гуманным» ударом – основанием кулака – двинул парню по макушке и оглушил его. Затем, чтобы его протесты не отвлекали Сандаварга от выяснения отношений с прочими табуитами, которым его поступок, само собой, пришелся не по нраву.

– Даже не вздумайте! – предостерег их северянин, набывшись и стиснув кулаки. Он стоял над телом лишившегося сознания Дарио и сверлил лютым взглядом схватившихся за рукояти мечей монахов. Они рванулись было на выручку сыну главы ордена, но рык Убби осадил их, будто удар плети. Сам он за оружие не хватался – очевидно, чувял, что до драки дело все-таки не дойдет. Но селадоры

видели, что брат Ярнклот лежит в трех шагах от Сандаварга, и не сомневались, что, если потребуется, наемник не колеблясь пустит оружие в ход.

– Ну чего встали? Раз решили идти, значит, проваливайте отсюда! – поторопил Убби замешкавшихся табуитов. – Но одни, без парня! Ему с вами тоже не по пути! Мы поклялись его отцу присмотреть за ним и не намерены отступить от своей клятвы! Мое слово, загрызи вас пес!

Левчев перевел взгляд с северянина на оглушенного Дарио, шумно вздохнул, молча покивал головой и оставил в покое меч. Потом снова посмотрел на Сандаварга и ответил:

– Что ж, согласен: да будет так. Возможно, это даже правильно. Я и сам думал, не лучше ли оставить Дарио с вами, ведь для ордена его жизнь куда ценнее, чем пять наших жизней, вместе взятых... – И обратился ко все еще готовым выхватить оружие селадорам: – Господин Убби говорит справедливо. Нам и правда не стоит брать с собой этого парня. Час его битвы еще не пробил. Ему предстоит умереть не здесь и не сегодня... Идемте, братья. Настало наше время показать южанам, чего мы стоим и какую жестокую ошибку они допустили, явившись в наши края!

И, развернувшись, сбежал не оглядываясь вниз по сходням. Четверо товарищей Левчева, не сказав ни слова, направились за ним. Я дождался, когда последний из них сойдет на землю, переключил лебедку на реверс и, мысленно пожелав храбрецам удачи, поднял трап.

Больше мы с ними никогда не встречались и могли лишь догадываться, какой смертью храбрых они пали. Видевшая их последней, Долорес сказала, что прежде чем монахи скрылись за завесой пыли, они повернули в сторону ближайшей исполинской катапульты – наверное, решили попытаться вывести ее из строя. Но поскольку этот дальнобой продолжал швырять глыбы до последнего, надо полагать, мое мысленное напутствие табуитам оказалось напрасным...

– Что ты намерен с ним делать? – спросил я Сандаварга, который, зажав в зубах веревку, перевернул бесчувственного Дарио со спины на живот.

– Отнесу его в трюм и там запру, – ответил северянин, взявшись опутывать парню сведенные за спиной руки. – Сегодня он для нас больше не помощник. Будет только мешаться под рукой и досаждать нам своими воплями.

– Пожалуй, – согласился я. И, оставив Убби заниматься пленником, покарабкался обратно на мачту. Теперь, когда наши разногласия с табуитами были утрясены, нам оставалось лишь сидеть в укрытии и ждать. И это было, наверное, самое удивительное ожидание в моей жизни. Судите сами: разве кто-либо еще из Проныр

до меня вывешивал на мачте «Гольфстрима» флаг Владычицы Льдов, намереваясь по собственной воле коварно влиться в ряды ее армии?..

Глава 24

Адмирал Чарльз Дирбонт отозвал строймастера от недостроенных переправ, чтобы перебросить их на новый фронт работ: к скатившейся в ров башне. Чем в итоге и ускорил приближение собственной победы, подтвердив лишним раз свою репутацию опытного стратега и военачальника.

Дюжина инженерных бронекатов взялись за новую работу гораздо шибче, чем занимались прежней. Все, что от них теперь требовалось, это выровнять подъезды к внезапно возникшей перед южанами переправе и проверить ее на прочность, прокатившись по ней взад-вперед. Вдобавок после обрушения северного фрагмента стены, напротив которого трудились сейчас строймастера, на них теперь сыпался не такой сильный шквал камней, что также сказывалось на их работоспособности.

Миновал лишь час, как рухнула башня номер один, а южане уже превратили ее в широкий и достаточно крепкий мост. И когда он был готов и испытан, в стене зияло столько пробоин, что я не переставал удивляться, как она до сих пор окончательно не обвалилась. Сквозь эти дыры можно было разглядеть, каких бед натворили в Гексатурме перелетающие через стену снаряды. И разгром, который мы там наблюдали, удрочал не менее сильно, чем вид самой рушащейся стены и башен.

Дирбонт отдал приказ атаковать, когда строймастера завершили работу на переправе и образовали на ее противоположном краю клиновидный строй. Дальнейшие намерения бронированных инженеров были очевидными. Они не отступали в тыл, а готовились войти в Гексатурм во главе эскадры, расчищая ей путь грейдерными ножами. В строй первопроходцев влились и те иностранные трудяги, которые до этого обслуживали гигантские катапульты. Израсходовав последние снаряды, они прекратили стрельбу как раз к тому времени, когда дивизионы истребителей, штурмовиков и перехватчиков преодолели переправу. Мелкие дальнебой пристроились в арьергард эскадры и, продолжая метать на ходу ядра, прикрывали прочую технику. А она вдобавок везла на себе пехотные подразделения, коим предстояло вступить в бой уже на территории цитадели.

Кавалькада не спешила. В этой «механической» войне ей выпала не слишком почетная роль чистильщика, скачущего по следам адмирала Чарльза и добывающего остатки противника. Впрочем, если зоркий команданте вдруг раскроет раньше

времени наш блеф и натравит на нас эскадру, это наверняка улучшит дону Балтазару настроение. И, безусловно, значительно увеличит его вклад в победу над орденом Табуитов.

Адмиральский вымпел развеялся над основной группой атакующих. Дирбонт вдохновлял своим присутствием войско и планировал вступить в крепость вместе с ним. Похвальная самоотверженность командующего южан играла на руку и нам. Не хотелось бы мне, чтобы догоняющий эскадру наш мнимый «Мицар» привлек внимание адмирала. Что могло запросто случиться, наблюдай он за приступом со стороны. Попасться же на глаза дону Риго-и-Ордасу было не так страшно. Сомневаюсь, чтобы он знал поименно все участвующие в битве бронекаты. И потому приехавший со стороны гигантских катапульта (именно так должно было показаться команданте, когда он заметит нас со своей нынешней позиции) отставший от главных сил истребитель вряд ли вызовет у Кавалькады подозрение.

Ну вот и настал наш черед ввязываться в драку! Образно говоря, разумеется. Драться с южанами в прямом смысле слова я отнюдь не собирался. Но как бы то ни было, переход к активным действиям – самый волнительный момент между ними и предшествующим им долгим ожиданием. Волнительный и в то же время принесший мне немалое облегчение.

Наконец-то началось! Для меня пытка сомнениями в преддверии какой-либо работы всегда была мучительнее, чем непосредственно сама эта работа. Хотя, конечно, все будет зависеть от ее финала. В случае неудачи он также грозил обернуться для нас пытками. Только уже не моральными, а физическими.

Как бы ни относились к нашей «доблести» Левчев со товарищи – да и живы ли они сейчас? – мы рисковали не меньше этих храбрецов, заложников своего орденового долга. Разве что, в отличие от них, мы шли на продуманный риск и не собирались сложить свои головы в этой мясорубке.

Клубы пыли, что подняла движущаяся на Гексатурм армада, послужили «Мицару» отличной дополнительной маскировкой. Видимость при этом, правда, была отвратительной, и я ориентировался по следам прошедшего здесь тремя минутами раньше арьергарда эскадры. Отпечатки ее колес вели прямоком к переправе и при всем желании не позволили бы мне заблудиться.

Что подумал о нас орудийный расчет гигантской катапульта, мимо которой мы проехали, неизвестно, но тревоги он, кажется, не поднял. А может, вовсе не обратил на нас внимания: экая невидаль – отставший от войска бронекат! Меня больше беспокоили не те южане, которые остались позади, а те, в которых мы могли сослепу врезаться. Поэтому я пока не торопился. Пускай эскадра вторгнется в

крепость, начнет повальный разгром и поднимет еще больше пыли. Сейчас она – пыль – наш главный союзник. И повязанные нами на лица платки выглядят вполне естественно, хотя дышать через них не слишком удобно.

После ухода табуитов наш экипаж снова ощутил недостаток живой силы. В связи с чем я отправил Долорес вниз, к «Сембрадорам». Толку от впередсмотрящего в такой пыли все равно немного, да и опасно торчать на открытой всем ветрам мачте, когда вокруг свистят стрелы и камни. Физза, несмотря на его шипучие протесты, я спровадил в моторный отсек к Гуго. А Сандаварг остался дежурить на верхней палубе, где мне могла потребоваться его помощь не только как бортстрелка. Какие-нибудь ошалелые табуиты могли запросто запрыгнуть на «Мицар» с крыш крепостных зданий. И попробуй докажи им, что на самом деле мы – свои, а развевающийся над нами флаг – всего лишь маскировка. Само собой, Убби не станет убивать защитников Гексатурма, не попытавшись вразумить их, но если это окажется бесполезно, что ж поделать: война есть война. С теми, кто категорически отказывается признавать в северянине друга, у него, как правило, разговор короткий.

О том, что «Мицар» преодолел переправу, мы поняли по гулкому стуку, донесшемуся из-под колес, когда они проехали по утопленной во рву башне. Самой ее видно уже не было. Эскадра забросала и укатала ее землей, а стены траншеи сыграли роль опалубки, не позволив измятой махине расплющиться под весом десятков бронекатов. Съехав с нее, я продолжил двигаться по следам южан, которые, по моим расчетам, аккуратно сейчас достигли крепостной стены.

На этом берегу рва мы впервые почувствовали, что называется, атмосферу войны. Конечно, не в полной мере, но мне – человеку, прежде не участвовавшему в настоящих войнах, – вполне хватило и такой малости.

С одной стороны, хорошо, что нас окутывала пыль. Я не видел тех ужасов, какие творились в эти минуты у ворот Гексатурма, и мы не привлекали к себе внимания оставшихся на стене монахов. Но с другой стороны, они все равно заметили наш торчащий из пылевой завесы флаг и использовали его как ориентир для стрельбы по нас из луков, арбалетов и баллестирад.

Благо я заранее установил над окнами рубки защитные козырьки, а Убби спрятался вместе со мной под ее крышей. И когда до нас стала долетать всякая остроконечная дрянь, повредить нам она уже не могла. Но все равно было жутковато. Особенно когда помимо стрел на палубу грохался сброшенный со стометровой высоты булыжник, и мы с северянином понимали – угоди такой каменюка в кого-нибудь из нас, от нас бы только мокрое место осталось.

Впрочем, все, что сыпалось сейчас на «Мицар», являлось лишь мелкими брызгами того ливня камней и стрел, который пролился на эскадру. Вскоре на нашем пути стали попадаться первые обломки бронекатов и трупы. Пыль мешала определить, в какие мундиры одеты последние. Но защитники не могли упасть так далеко от стен, а значит, это были южане, которым не посчастливилось укрыться от обстрела и затем, будучи уже мертвым, свалиться с бронеката.

Спереди до нас доносился такой грохот и лязг, что даже упавшая час назад башня, по-моему, гремела тише. И я вел истребитель не абы куда, а прямо навстречу этому шуму, который не сулил нам абсолютно ничего хорошего.

На это нам также прозрачно намекнул поврежденный перехватчик, который я вовремя заметил прямо по курсу и был вынужден обогнуть. Защитники цитадели подбили этот бронекат, метнув в него со стены многотонную иностальную балку. Угодив точно в просвет между правым задним колесом и корпусом, она сломала перехватчику ось, после чего он накренился и встал как вкопанный. На его палубе не было ни души, но вряд ли его команда успела эвакуироваться и пересесть на другой транспорт. Скорее всего, она отсиживалась в трюме, дожидаясь окончания или хотя бы ослабления обстрела, дабы потом добраться до крепости пешим ходом и с наименьшими потерями.

Ее стена выросла перед нами довольно неожиданно даже несмотря на то, что я был к этому готов. Следы, по которым я ориентировался в пыли, вывели меня не к главному входу, а к тому, что находился между второй и третьей башней. Его ворота были выбиты катапультами, как и все остальные. Я похвалил свою интуицию: когда мы подъехали к воротам, строймастера уже расчистили их и пропустили в Гексатурм часть эскадры, что шла за этими первопроходцами; дабы не создавать затор у одного прохода, на подступах к стене армада разделилась на три потока, ускорив тем самым свое вторжение и расширив его фронт.

Гексатурм еще не был завоеван, а в воротах уже несли караул представители новой власти. Они загнали свой штурмовик под арку, чтобы не подставлять головы под все еще летящие со стены стрелы и камни, и, очевидно, намеревались не выпускать отсюда монахов, если те надумают прорываться наружу. Мы двигались в правильном направлении, да к тому же под флагом Владычицы, и потому были пропущены в крепость без вопросов. Спешившийся со штурмовика отряд караульных расступился, давая нам дорогу, а их лейтенант несколько раз раздраженно махнул рукой: мол, давайте-давайте, проезжайте, не задерживайтесь!

Ну разве я мог не уважить его справедливое требование? И вскоре мы всю грохотали колесами по раздолбленной эскадрой брусчатке крепости; прежде эти

ворота и улица за ними не предназначались для бронекатов – правило, которое южане, разумеется, проигнорировали.

Несколько булыжников, что были сброшены со стены все еще не сброшенными оттуда табуитами, громыкнули по палубе, заставив меня и Убби в очередной раз вздрогнуть и разразиться бранью. Здесь пыль сгустилась не так плотно, поэтому видимость заметно улучшилась. Что, правда, вряд ли могло нас обрадовать. В пыли я ощущал себя почти невидимкой, а без нее мне чудилось, что на «Мицар» обращены взгляды всех без исключения южан. А также селадоров, что сейчас не имело для меня принципиальной разницы. И пусть это было, разумеется, не так и наша маскировка пока что нас выручала, отделаться от этой панической мысли было невозможно.

Я и Сандаварг поступили предусмотрительно, заперев Тамбурины-младшего в трюме. От вида охваченного хаосом Гексатурма впечатлительный Дарио если бы не рехнулся, то точно пережил бы рецидив самоубийственного героизма и бросился бы с пеной у рта на бронекаты южан. Мы же, глядя на этот разгром – который, по большому счету, еще и не начинался, – лишь нахмурились и стиснули зубы. А чему, спрашивается, удивляться? Мы с самого утра наблюдали за здешним побоищем, и потому было бы глупо уповать на то, что в Гексатурме нам откроется нечто иное.

Практически все западные кварталы крепости лежали в руинах. Не пострадавшие при обстреле здания остались разве что в ее восточной половине. Но и их в скором времени ожидала печальная участь. Засевшие там наиболее самоотверженные селадоры готовились дать последний бой топчущим их обитель южанам. А они не станут напрасно жертвовать пехотой и пошлют на расправу с непокорными не ее, а все те же строймастеры и дальнобои.

Мое знакомство с табуитами и их нравами было весьма поверхностным. Однако я мог предугадать, что вряд ли все обитатели Гексатурма от мала до велика полягут костями на разбомбленных улицах. Едва Кэрю понял, что падение цитадели неотвратимо, он наверняка принял меры, чтобы спасти от расправы женщин, детей и самых ценных членов ордена. Когда состоялась их эвакуация и не запоздала ли она, мы не ведали. Но я был почти уверен, что остатки монашеской армии, которые забаррикадировались у восточной стены, готовились погибнуть не за одни свои красивые убеждения. Эти герои вдобавок прикрывали отступающих в Червоточину братьев и сестер, планируя сдерживать врага столько, на сколько у них хватит сил.

Вся восточная половина крепости напоминала в эти минуты огромный муравейник. Или, точнее, огромный организованный и грохочущий муравейник. Вошедшая в Гексатурм с трех направлений эскадра дробилась на мелкие колонны и разъезжалась

по улицам. Стихийно возведенные укрепления табуитов, которые нельзя было снести колесами, истребители накрывали залпами из «Сембрадоров» и баллестирад. Более мобильные перехватчики и штурмовики высаживали десантные группы у тех объектов, которые Дирбонт не намеревался разрушать: комендатура, денежное хранилище, склады, механические мастерские... Возле них суетились уже не бронекаты, а люди, летали стрелы, гарпуны, сверкали клинки, лебедки выдирали крючьями оконные решетки и железные двери...

Однако сейчас меня интересовали не маневры южан и не судьба оставшихся здесь монахов. Чтобы обнаружить то, в чем мы отчаянно нуждались, мне пришлось остановить «Мицар», покинуть рубку, взобраться на мачту и, рискуя нарваться на шальную стрелу, осмотреться. Даже экстренная эвакуация такого крупного поселения, как Гексатурм, – дело не одного часа. Убегающим в хамаду людям нужно много воды, провизии, фуража и прочих вещей, и потому они будут вывозиться из крепости до последнего...

Так и есть! Нашел! Именно то, что нам нужно! И если мы поспешим, нам повезет не застрять в гибнувшей крепости и избежать участи рассекреченных шпионов.

Трое из пяти ворот на восточной стене были заперты. Одни в этот момент как раз закрывались, но последние – крайние с севера – пока что оставались открытыми. Причина, почему табуиты их еще не заблокировали, дабы задержать южан и дать беженцам лишнюю фору, была проста: возле одного из имеющихся в том районе складов стоял под погрузкой бронекат. Это ему предстояло вскорости покинуть цитадель через северные ворота, после чего, надо полагать, защитники запрут и их.

Этот бронекат – строймастер «Зигфрид» – был мне знаком. Именно он встречал нас на подступах к Гексатурму, когда мы прибыли сюда с контейнерами Макферсона. Лишенная мощной брони, машина альт-селадора Рубнера не смогла бы противостоять даже одному истребителю Дирбонта. Поэтому табуиты направили ее в помощь эвакуирующимся для вывоза из крепости необходимого им груза. Трап строймастера был опущен, монахи бегом таскали ему на борт какие-то ящики, а следовательно, еще несколько минут он там простоят. Ровно столько же будут открыты северные ворота, прежде чем и они преградят путь захватчикам.

Поспешно вернувшись на мостик, я приказал Гуго дать «Мицару» полный ход и повел его в северную часть крепости. Скоро там окажутся и южане. Но не раньше нас, это очевидно. Во избежание неразберихи они рассредоточивались по Гексатурму подобно гонимым ветром пескам хамады, заполняющим собой камнеиловые дебри – неудержимо и единым фронтом. Дивизионы Дирбонта оккупировали поочередно квартал за кварталом и, по всем законам облавы,

планомерно сгоняли противника к восточной стене. Нам соблюдать адмиральские порядки не было никакого резона. И я, наплевав на все, рванул напрямик туда, где мое появление вряд ли будет встречено дружелюбно.

Служи я и впрямь в армии Владычицы капитаном, меня за такое поведение нещадно выпороли бы перед строем кнутом, а затем, лишив наград и звания, сослали бы на каторгу. А как еще прикажете поступать с солдатом, который начинает самовольничать в боевой обстановке?

«Мицар» понесся по крепости, сметая со своего пути обломки зданий и прочий вываленный на улицу хлам. Скорость, с какой мы двигались, была раза в три выше средней скорости колонн Дирбонта. Пользуясь тем, что в нас еще не признали самозванцев, я обогнал одну вереницу бронекатов, едва не цепляясь с ними колесами. А другую, что преградила нам путь на одном из перекрестков, и вовсе проскочил насквозь промеж двух едущих друг за другом перехватчиков.

Последнее выглядело натуральным сумасбродством, поскольку я до последнего не был уверен, что у меня это получится. И, возможно, не получилось бы, кабы капитан второго перехватчика мне не подыграл. Завидев «Мицар», он живо смекнул, что с нами не все в порядке и что мы неминуемо протараним строй. После чего отдал приказ об экстренной остановке, благо скорость колонны это позволяла. Торможение перехватчика сразу увеличило интервал между ним и впереди идущей машиной, что поспособствовало мне точнее вписаться в расширившийся просвет. Знал бы этот расторопный капитан, что мы – враги, – он, разумеется, обстрелял бы нас затем из палубных орудий. Но он, похоже, решил, что на «Мицаре» случилась какая-то неполадка, и потому нам в корму не ударило ни одного болта или гарпуна.

Табуитам нашу личину было подавно не раскрыть. Как только мы вторглись на еще не завоеванную Дирбонтом территорию, из окон и с крыш домов на нас обрушился такой дождь болтов, гарпунов и камней, что мне пришлось в спешном порядке задраить боковые окна рубки, а на передних опустить козырьки так, что я едва мог видеть дорогу. К снарядам, что упали на «Мицар» со стены, добавилась уйма новых, и теперь весь палубный настил был истыкан и усыпан ими. Дерзни какой-нибудь табуит соскочить к нам на палубу с крыши, ему будет очень сложно не напороться на торчащие повсюду стрелы и копыя и не подвернуть ноги на разбросанных тут и там булыжниках.

Когда мы, вырвав на нужную улицу, заметили «Зигфрид», на его борту уже знали о нашем приближении. Видимо, до шкипера Рубнера эта новость донеслась по воздуху – с помощью криков обстреливающих нас табуитов. После чего альт-селадор приказал отставить погрузку – об этом свидетельствовали

разбросанные в беспорядке не донесенные до трапа ящики и разбежавшиеся кто куда грузчики – и принял решение спешно уезжать.

У стоящего кормой к воротам строймастера не было времени развернуться. Дорожа каждой секундой, он врубил задний ход и, поднимая на ходу трап, начал пятиться к выезду.

Но пятился «Зигфрид» гораздо медленнее, чем мы сокращали с ним дистанцию. Что стало для Рубнера и других находящихся с ним на борту беженцев суровым испытанием. Вряд ли кто-то из них сомневался в том, что истребитель южан идет на таран. «Мицар» был почти в три раза тяжелее инженерного бронеката и, перед тем как высадить на него абордажную команду, вполне мог ошеломить противника лобовым столкновением. Палубных орудий у него не имелось, и потому на носу, а также вдоль бортов «Зигфрида» выстроились стрелки, готовые встретить нас залпом из арбалетов.

Глупые люди! Им бы не торчать сейчас на строймастере, а прыгать через борт на землю и убегать, пока есть время. Иди я и вправду на абордаж, после тарана лишь единицы из них будут способны подняться на ноги и оказать нам сопротивление... Впрочем, если Рубнеру не повезет удрать от настоящих южан, они еще преподадут ему такой горький урок.

Я видел вскинувших арбалеты стрелков «Зигфрида». Это означало, что они тоже видят нас с Убби и, пустив болты поверх нашего борта, попадут ими в смотровую щель моей рубки. Пришлось нам поспешно пригнуться и ехать вслепую, благо я уже нацелил «Мицар» на ворота и мне не требовалось в ближайшие полминуты маневрировать.

Табуиты выказали неплохую меткость. Из выпущенных по истребителю двух десятков стрел примерно дюжина угодила в смотровую щель и, врезавшись в заднюю стену рубки, разлетелась по ней рикошетами. Три снаряда при этом огрели меня, оставив на моем едва зажившем после драки в Великой Чаше теле новые ссадины и кровоподтеки. Хорошо, наконечники болтов затупились от удара об иносталь и не нанесли мне серьезных ран, а иначе я действительно не на шутку разозлился бы на табуитов. А так пришлось лишь выругаться и простить им их выходку, ибо она была лишь малым отмщением за тот страх, который я нагнал на этих в целом славных ребят.

Что, интересно, подумали они, когда увидели, как идущий под флагом Владычицы истребитель пролетает в считанных метрах от «Зигфрида», не причинив тому ни малейшего вреда? И вообще ведет себя так, будто в упор не замечает обстрелявший его вражеский бронекат. А затем несется дальше, к воротам. Которые мы также

вскоре оставили позади и, не сбавляя скорости, вырвались на просторы Червотчины...

Когда мы удалились от Гексатурма на безопасное расстояние и, открыв окна, оглянулись, северные ворота были уже закрыты. А выехавший из них сразу за нами «Зигфрид» шел полным ходом на юго-восток, практически перпендикулярным нашему курсом. Мы же сразу нацелились на первый ориентир, который надо было придерживаться, чтобы достичь храма Чистого Пламени. И которые я, естественно, запомнил все до единого во время нашего первого путешествия этим маршрутом.

Я был почти уверен, что Рубнер не свернет потом к «Инфинито», а направится своим, неведомым мне курсом. Сейчас уже не имело смысла петлять по хамаде, пытаясь сбить со следа южан, поскольку Владычице Льдов наверняка было известно о станции. По крайней мере, гранд-селадор Тамбурины в этом почти не сомневался. И когда в одной из наших последующих бесед я задал ему такой вопрос, он ответил, что если среди его окружения вряд ли есть шпионы королевы Юга, то в Гексатурме они явно отыщутся. И раз так, стало быть, велика вероятность, что местонахождение храма Чистого Пламени давно не является для нее загадкой. И как только не пересекающиеся ранее интересы ордена и Владычицы войдут в первое же серьезное противоречие, конфликт станет неизбежен, и она не откажет себе в удовольствии разорить главную святыню единственной не подчиняющейся ей силы Атлантики.

Стоит ли считать серьезным конфликт Востока и Юга из-за контейнеров Макферсона, генерал капитула тогда затруднился ответить. А может, он попросту не захотел посвящать меня в свои страхи и сомнения. Заметил лишь, что до сего дня случаев нападения Кавалькады на грузы ордена не случалось. И то, что при этом нападении дон Риго-и-Ордас потерпел фиаско, вряд ли дает повод надеяться, что он благополучно забудет о своем позоре...

Короче говоря, мы ехали к «Инфинито», не беспокоясь о том, что наши следы наведут на нее разрушителей Гексатурма. Их прибытие на станцию являлось вопросом ближайшего времени. И я полагал, что в эти минуты гранд-селадор обсуждает с капитулом – или, вернее, с теми супремо-селадорами, которые не пали в битве, – план спасения сокровищницы ордена. Или хотя бы наиболее ценных ее частей. У храма имелась собственная линия укреплений, но чисто символическая, рассчитанная на отражение разве что банд кочевников, но никак не боевых бронекатов. Так что вряд ли капитул примет решение держать оборону. Для уничтожения куполов «Инфинито» не потребуются гигантские катапульты – вполне хватит и дивизиона обычных дальнобоев.

– Флаг и фальшивое название – долой! – приказал я Убби и поднявшейся с орудийной палубы Малабоните. – Гербы с бортов содрать! И освободите наконец Дарио. Теперь ему бежать от нас некуда.

И, обернувшись, в отчаянии посмотрел на краешек почти закатившегося за Гибралтарский перевал солнца. В узкой западной оконечности Червоточины, огороженной с севера и юга склонами Европейского и Африканского плато, смеркалось быстро. И ночи здесь были также чертовски темными. Не такими темными, как в «сквозняках» Хребта, но достаточно непроглядными, чтобы я перестал ориентироваться на местности, а тем паче малознакомой.

Нет, не добраться нам сегодня до храма Чистого Пламени, даже гони я на полной скорости до тех пор, пока будет позволять видимость. Как ни крути, а придется делать остановку и ждать, когда рассвет позволит мне обозреть округу в радиусе хотя бы километра...

Сказать, что Дарио был на нас рассержен, значит ничего не сказать. Однако за время заточения в темном трюме он малость остыл и обдумал свое безрассудное поведение. И потому, когда вновь очутился на свободе, не закатил нам скандал, а осмотрелся, понял, где мы находимся, и, узнав наши планы, лишь кивнул в знак согласия. Потом ушел на корму. И оттуда глядел в угрюмом молчании на удаляющийся Гексатурм, пока окончательно не стемнело и мы не были вынуждены остановиться где-то на полпути между крепостью и «Инфинито».

Спать в эту тревожную ночь практически не пришлось. Досюда не долетал грохот войны, и потому раздавшийся около полуночи низкий дрожащий гул мы уловили еще до того, как он усилился и заглушил собой все прочие звуки ночной хамады. Гул нарастал медленно, и его источник был скрыт во мраке, но из нас лишь Тамбурины-младший не слышал прежде ничего подобного. Мне же и прочим этот шум накрепко врезался в память до конца наших дней, ибо сегодня он олицетворял собой не что иное, как поступь охотящейся за нами смерти.

Грозный топот сотен копыт лучших в мире скакунов, что заставлял содрогаться не только землю, но и всех врагов Владычицы Льдов...

Кавалькада двигалась сквозь ночь быстро и целеустремленно. Это означало, что демерарские рапидо чуяли «Инфинито» так же, как чуяли они любое другое отдаленное от них за сотни километров поселение. А видящие во мраке глаза этих уникальных животных позволяли дону Риго-и-Ордасу не дожидаться утра и прибыть к станции раньше эскадры Дирбонта. Что позволяло спесивому команданте взять у того реванш за свое неучастие в штурме крепости и отхватить хороший кусок от адмиральской славы.

Знали кабальеро о нашем прорыве через захваченную цитадель или нет, неизвестно. Но наши следы они наверняка видели и уж точно не забыли, кому они принадлежат. Однако вряд ли Кавалькада рискнет атаковать нас под покровом ночи. Если мы начнем кружить на месте, врубив сепиллу и паля наугад из орудий, разразится хаос, в котором гвардейцы вновь понесут потери. На что дон Балтазар явно не согласится, особенно в преддверии атаки на храм Чистого Пламени. И тем не менее я не стал уповать на это и, разогнав экипаж по боевым постам, поднялся на мостик, дабы быть готовым к отражению штурма.

...Который все-таки не состоялся. Топочущая лавина не снижая скорости пронеслась севернее «Гольфстрима» и еще долго сотрясала воздух, отбив у нас остатки и без того неважного сна. Надежда успеть к «Инфинито» до прихода южан растаяла бесследно. И хоть у Кавалькады было меньше, чем у эскадры, шансов захватить станцию с ходу, на мирную ее эвакуацию рассчитывать больше не приходилось.

Что ж, да будет так. В конце концов, мы знали, на что шли и чем все это для нас может закончиться...

Восход солнца мы наблюдали тогда, когда его лучи уже вовсю играли на стеклянных куполах храма. Но их жизнерадостный блеск никак не вязался с тем, что творилось у их подножия. А творилось там такое бесчинство, что при взгляде на него Дарио затрясся от бессильного гнева и, потрясая кулаками, заметался по палубе под неодобрительные взгляды Сандаварга.

Убби понимал, какие чувства обуревают сегодня Тамбурины-младшего, и потому не рывкал на него, требуя успокоиться. Но все равно многоопытному вояке, умеющему держать свою ярость под контролем и спускать ее с цепи только когда это необходимо, было неприятно находиться рядом с юнцом, который еще не выработал в себе столь полезное качество.

Внешняя линия защиты «Инфинито» на этот час уже пала, и кабальеро заполонили собой все прилегающее к ней пространство. Однако внутрь станции они пока что не прорвались, чем в данный момент и занимались, пытаясь проломить перегородки на иногазовых шлюзах. На каменных редутах, верках, кронверках, брустверах и прочих оборонительных сооружениях, названия коих я мимоходом выучил, пока мы гостили на станции, лежали тела табуитов. Многие – растерзанные на куски. Выживших монахов среди них вроде бы не наблюдалось. Или при отступлении защитники успели уволочь всех раненых в храм, или нападающие, прорвав оборону, добились их, что было бы неудивительно для безжалостного дона Риго-и-Ордаса.

Почти все укрепления испещряли выбоины, слишком характерные, чтобы их можно было спутать со следами ядер. Да и не имелось у Кавалькады на вооружении баллестирад, способных оставить такие крупные и глубокие отметины. Их явно сотворили «би-джи»-пули, которыми осыпали монахов южане и которые, похоже, на эту войну выдавались каждому из них не поштучно, а горстью. Стандартный для гвардейской пули радиус поражения черным всполохом составлял примерно полметра. Но это на открытом пространстве. При попадании же в камень метафламм встречал сопротивление и оставлял уже не такие большие дыры, какие одно время красовались в палубном настиле прежнего «Гольфстрима».

«Би-джи»-стрелки, которые находили себе цель, могли вывести зараз из строя не одного, а двух-трех табуитов, особенно если те обороняли храм плечом к плечу. Этим и объяснялось большое количество лежащих на бастионах трупов, что были не заколоты пиками и шпагами и не застрелены обычными пулями, а разорваны на части, словно побывав перед этим в когтях свирепых хищников.

Гвардейцы предпринимали попытки стрелять и по «Инфинито» – разве они могли устоять перед таким искушением? Однако здесь строительные технологии древности показали себя не в пример лучше современных. Насквозь ни один купол вроде бы пробит не был. А свежие щербины, сколы и уродливые потертости, что теперь покрывали станцию снизу доверху, всего лишь изрядно попортили ей внешний вид. Который отныне стал, пожалуй, наиболее точно соответствовать ее фактическому почтенному возрасту.

Команданте также понес сегодня потери, но вряд ли их стоило считать значительными. Все до единого мертвые *comrasceros*, какие валялись на земле наряду с телами табуитов, были убиты при прорыве храмовой обороны. С отступлением хозяев в храм все радикально переменилось. Они уже не могли отстреливаться непосредственно из-под герметичных куполов. И оттого гвардейцы осмелели настолько, что, спешившись, расхаживали вокруг них в открытую и без опаски тарасились внутрь станции сквозь ее прозрачные стены.

Очередное явление Кавалькаде ее иностального кошмара – то бишь нас – вызвало в рядах кабальеро вполне предсказуемое смятение. Уже считающие себя полноправными победителями, они не могли спутать наш истребитель с одним из бронекатов Дирбонта, поскольку со вчерашнего вечера мы перестали маскироваться. При виде нарисовавшегося на горизонте грозного силуэта «Гольфстрима» гвардейцы вновь забегали, начали вскакивать на коней, сбиваться в отряды и разъезжаться, перестраиваясь в боевые порядки. Чем, как всегда, вызвали у Сандаварга злорадный смех и оскорбительные выкрики в свой адрес.

Я же, будучи уверенным, что команданте не пошлет своих *compaseros* на верную гибель под наши «Сембрадоры» и «Эстанты», повел себя откровенно вызывающе: развернулся правым бортом к станции и загнал бронекат на вершину холма всего в полукилометре от нее. Где и остановился, намереваясь получше осмотреться и позволить заточившим себя в храме табуитам нас заметить. А дабы избавить тех от сомнений, я нацелил на «Инфинито» сигнальное зеркало и взялся подавать ей повторяющийся световой код. Такой, по которому гранд-саладор, если он еще жив, сразу определит: мы – это мы, а не южане, захватившие знакомый ордену бронекат.

«Нагрелась ли куриная похлебка?» – раз за разом спрашивал я у осажденной станции на сигнальном языке перевозчиков. Глупый, на первый взгляд, вопрос, но именно в этом крылся его смысл. Сообщил я генералу капитула что-нибудь о его сыне или о контейнерах Макферсона, Тамбурини-старший подумает, что мы угодили в плен и выдали врагам эти подробности под пытками. В то время как детали нашего приснопамятного обеда с гранд-саладором были известны лишь нам и ему и не имели стратегической ценности, чтобы южане их у нас выпытывали.

Солнце всходило все выше, и отражающиеся от куполов солнечные зайчики множились и становились ярче. Однако когда один из них вдруг замерцал, да не просто так, а вполне осмысленно, отвечая мне на мой вопрос, стало понятно: наше обращение заметили и истолковали совершенно правильно.

«Как парень?» – лаконично поинтересовалась в свою очередь «Инфинито», используя вместо зеркала, очевидно, мощный электрический фонарь. Судя по медленному и неровному темпу его мерцания, сигнальщик-табуит не знал кодовую азбуку наизусть, а считывал ее с таблицы или работал под диктовку кого-то из товарищей. Догадавшись об этом, я тоже стал дергать за рычаг «сигналки» реже, дабы нерасторопные монахи за мной поспевали.

«Парень в порядке, – успокоил я гранд-саладора, который, скорее всего, и задал мне этот вопрос. После чего перешел к делу: – Чем могу помочь?»

Следующее послание из осажденной станции пришло спустя три минуты. Мне пришлось его записать, а потом дать прочесть Дарио, чтобы он его окончательно растолковал.

«Разгонитесь и пробейте Четвертый корпус с севера, – говорилось в переданной нам инструкции. – У вас получится. Въедете внутрь насколько возможно. Остальное узнаете по прибытии. Будьте осторожны – падающее стекло!»

– Четвертый корпус – это северо-восточный купол. Там у нас механические мастерские, – напомнил Тамбурини-младший. – Вообще, пробить его очень сложно.

Но раз отец говорит, что у вас получится, значит, он в этом уверен. И про стекло он не зря предупреждает. Один квадратный метр защитной оболочки станции весит почти центнер. И если купол расколется, нас неминуемо засыплет его обломками.

– А перед этим нас еще закидают метафламмом, – мрачно заметил я, указав на Кавалькаду. – Так что живо дуйте с Сандаваргом к Долорес на орудейную палубу, задраивайте все бойницы и сидите там не высываясь до моего приказа. Как задраите – сразу же доложите. И учтите: пока вы этого не сделаете, я с места не тронусь...

Глава 25

Давно ли прошли те времена, когда я трясся в страхе перед доном Риго-и-Ордасом и готов был валяться у него в ногах, умоляя, чтобы он даровал нам пощаду? И вот сегодня, спустя два месяца с того момента, как команданте приговорил нас к смерти, я сам, без чьего-либо принуждения, вел, стиснув зубы, «Гольфстрим» на бой с Кавалькадой.

Что, интересно, сказали бы мои предки, выгляни они из Подземного Рая и увидь, чем я тут занимаюсь? По меркам Проньр, сейчас я являл собой образец неслыханной отваги и одновременно столь же невообразимого безрассудства. Было совершенно очевидно, что на мне наша славная династия прекратит свое существование, но конец ее будет таков, что он непременно войдет в историю. Разве к этому стремились всю свою сознательную жизнь мой прадед, дед и отец? Наверняка нет. И все-таки я был уверен, что, осудив меня на словах, в глубине души они непременно мною бы гордились...

Кабальеро не имели возможности обстрелять нас «би-джи»-пулями с возвышения. Наиболее крупные оборонительные сооружения «Инфинито» не достигали в высоту даже колеса «Гольфстрима», а взобраться на гладкие купола не сумел бы и самый проворный гвардеец. Высокие борта защищали верхнюю палубу истребителя от обстрела с земли. Разве что особо меткие стрелки могли изловчиться и попасть в видимую им снизу крышу рубки. Поэтому я вновь закрыл на ней боковые окна, а на передних отрегулировал козырьки так, чтобы пули, попадая в них, рикошетили вверх. Возможно, думал я, они детонируют лишь при ударе кончиком, а при касательном просто отскакивают и черного всполоха не происходит.

Впрочем, как узнать об этом наверняка, пока враги сами не подтвердят или не опровергнут мою теорию на практике?

Не подтвердили. Но и разочарования, которое в моем случае было бы предсмертным, я тоже не испытал. Те несколько пуль, что помимо прочих перелетели через борт и, задев вскользь козырек, умчались дальше, извергли метафламм с короткой задержкой. Ее хватило на то, чтобы «би-джи» вырвался на свободу не над козырьком, а выше, стеганув смертоносными нитями уже по крыше и вынудив меня вздрогнуть и инстинктивно присесть.

Остальные пули кабальеро безостановочно долбили нам в оба борта. А несколько были зачем-то выпущены в верхушку мачты, хотя, полагаю, стрелки прекрасно видели, что марсовая площадка пуста. Заходя на цель, я был предельно сосредоточен и не смотрел по сторонам, но все же не мог не замечать распускающиеся справа и слева от «Гольфстрима» бутоны черных всполохов. Которые могли бы расцвести и на орудийной палубе, не прикажи я экипажу задрать бойницы. Малабонита известила меня по коммуникатору, что если не приближаться к ним, то опасности нарваться на «би-джи», просачивающийся кое-где в бойничные щели, нет. Однако голос Моей Радости звучал неуверенно. Видимо, она не желала давать мне – рискующему сейчас больше всех нас – лишний повод для волнения и потому, докладывая обстановку, слегка преуменьшала угрозу.

Дабы не представлять собой легкую мишень, я врубил сепиллу и взялся двигаться к «Инфинито» не по прямой, а зигзагом. А также периодически исполнял полный разворот, чтобы круговым обстрелом держать южан на расстоянии и мешать им точно прицеливаться. Отстав, они могли начать пускать в нас пули по навесной траектории. Это было довольно просто сделать при их не слишком дальнобойных пистолетах и карабинах. Но это становилось на порядок труднее, когда мы выписывали петли, создавая вокруг себя завесу из разлетающихся камней и песка.

Указанное нам место прорыва на станцию – северный сектор Четвертого корпуса-сателлита – было испещрено сколами и трещинами больше, чем какой-либо другой участок этого купола. Похоже, именно здесь кабальеро пытались пробиться внутрь храма, сконцентрировав «би-джи»-обстрел в одной точке. Не вышло. Напор метафламма оказался недостаточен, купольное стекло не поддалось, и южане, оставив это занятие, решили поискать другой, менее трудоемкий способ вторжения. И все же оболочка «Инфинито» получила достаточные повреждения, чтобы таран трехсоттонной махины мог доделать за гвардейцами их варварскую работу. Только на сей раз не с захватнической, а со спасательной целью.

За десять секунд до столкновения я отдал Гуго команду «Стоп колеса!». Согласно моему расчету, это позволит нам прокатиться остаток пути по инерции и остановиться сразу после столкновения с куполом. Въезжать внутрь Четвертого корпуса на полном ходу я опасался. Если пролом получится недостаточно большим,

«Гольфстрим» обломает себе мачту о его край. Табуиты также были обязаны это предвидеть и запастись лестницами, поскольку трап у торчащего в брешу бронеката мог оказаться заблокированным.

– Держи-и-ись!!! – проорал я в оба коммуникатора и сам покрепче вцепился в штурвал, чтобы не свалиться с ног при таране. Мне раньше не доводилось врезаться в подобные строения, и потому я не мог предугадать, насколько сильным выдастся удар. Сепилла продолжала расшвыривать позади «Гольфстрима» песок с булыжниками, и, если нам повезет, она прикроет выживших табуитов во время посадки.

Результат нашей атаки выдался одновременно и удачным, и неудачным. Нам посчастливилось вломиться на станцию с первой попытки, что избавило меня от необходимости отъезжать назад и разгоняться для повторного удара. Это, как вы понимаете, было хорошо. Плохо же то, что таран не пробил в полусфере дыру, а обвалил зараз целый фрагмент Четвертого корпуса. И не просто обвалил, а, повредив целостность конструкции, запустил процесс, который тоже являл собой разрушение, но не стремительное, а растянутое во времени.

Оглушительный раскатистый треск, что раздался вслед за ударом, напугал меня не меньше черных всполохов, безостановочно стегавших «Гольфстрим» последние десять минут. Преградившая нам путь стеклянная стена вмиг утратила остатки прозрачности, покрывшись густой сетью трещин. После чего рассыпалась на огромные осколки, похожие на глыбы льда, только гораздо более прочные.

Мой расчет оказался верен. Врезавшись носом в купол, истребитель сразу остановился, и последовавший за этим обвал разразился не над нами, а впереди. Едва ли не четверть всего строения вплоть до самой вершины ухнула вниз сверкающим стеклопадом, звеня, грохоча и круша все, что он собой накрыл. Еще несколько секунд пролом продолжал расширяться, роняя откалывающиеся с краев «льдины». Мне показалось, что таким вот образом через минуту-другую вся полусфера развалится до основания. Но чем больше разрасталась брешь, тем медленнее это происходило. И в итоге от порожденной нами лавины остались лишь единичные обломки, что падали на пол мастерской уже на безопасном от нас расстоянии.

Масштабы пролома дали нам возможность въехать в него, не повредив мачту и не опасаясь получить по голове обломком купола. Здесь он над нами больше не нависал, однако мы стали и более уязвимы, поскольку, находясь внутри станции, не могли теперь полагаться на сепиллу. Сектор ее обстрела был значительно уже брешу, что позволяло южанам подобраться к нам сзади одновременно с двух

сторон. После чего враги сразу попадали в не простреливаемое нашими баллестирадами пространство, чем осложняли задачу и нам, и табуитам. Мы не могли производить посадку, давя при этом гвардейцев колесами, а монахи – успеть взойти к нам на борт до того, как захватчики им в этом воспрепятствуют.

Все складывалось отвратительнее некуда. Но, несмотря на это, я все равно скомандовал механику: «Малый вперед!» И, с хрустом давя осколки, провел «Гольфстрим» внутрь станции. Где нас уже встречали хозяева, стянувшие в Четвертый корпус, похоже, все свои оставшиеся силы – шестьдесят или семьдесят вооруженных и облаченных в доспехи селадоров. Переждав стеклопад за пределами купола и осознавая, что без боя им храм не покинуть, табуиты с ходу разбились на два отряда и бросились блокировать проходы, к которым снаружи подтягивались гвардейцы. Они не могли перебраться через завалы стекол на лошадях и потому закидывали разряженные карабины и пистолеты в седельные кобуры, дружно спешили, брались за пики и выхватывали шпаги. С обеих сторон слышались воинственные крики и бряцанье оружием, готовым вот-вот быть пущенным в ход.

Я попытался высмотреть среди заполонивших мастерскую табуитов гранд-селадора. Но прежде чем мне удалось это сделать, мое внимание привлекло еще кое-что. Массивный кран-балка, который перемещался по проложенным над мастерской рельсам и сейчас находился в самом ее центре, удерживал на тросах в двадцати метрах от пола крупный иностальной контейнер. Тот самый, хорошо знакомый нам марсианский артефакт, который селадоры наполнили доверху выскобленными из прочих контейнеров остатками «черной грязи». И с которым у них было связано так много надежд и стратегических планов на будущее.

Едва увидев проклятый ящик, я моментально смекнул, зачем Тамбурини-старший приказал нам вторгаться именно сюда. Неизвестно, какие еще ценности беженцы хотели забрать с собой из храма, но артефакт, за который орден уплатил чудовищную цену, гранд-селадор оставлять южанам не намеревался. Вот только как теперь опустить груз к нам на палубу? Кран работал от электричества, но поскольку мы разгерметизировали купол, значит, запуск электродвигателей их сразу же уничтожит. А то и не их одни – смотря сколько метафламма будет выброшено при этом в воздух...

Тамбурини-старший и двое сопровождающих его супремо-селадоров появились в мастерской позже всех. Я заметил их, когда они взбирались по приделанной к крану лестнице на подвижную балку. В руках у них было не оружие, а ломы и монтировки. Поднимающийся последним глава ордена обернулся и помахал мне рукой. После чего, дождавшись, когда я махну ему в ответ, указал на контейнер и жестом дал понять, чтобы я подъезжал под погрузку.

Я оглянулся, быстро оценил обстановку и, приподняв сепиллу над землей – все равно сейчас она стреляла впустую, – выключать ее тем не менее не стал. Чтобы, во-первых, не дать гвардейцам взобраться по ней на истребитель, а во-вторых, позволить монахам выстроить оборону так, что рядом с атакующими южанами будет все время вращаться многотонная щетка-ерш. Это доставит им массу неудобств и сузит фронт их наступления по обоим флангам.

Опасность угодить под обвал миновала, и я свистал всех товарищей наверх, поскольку мне могла потребоваться их помощь. Остановив бронекат так, чтобы подвешенный на кране контейнер очутился над носовой палубой, я спустился с мостика и поспешил к трапу. Как долго селадоры были намерены сдерживать натиск южан, мне неизвестно. Но к моменту, когда хозяева решат отходить на истребитель, я должен сделать все возможное, чтобы их отступление прошло оперативно и без задержек.

Остатки самой могучей армии Востока и спешившаяся гвардия королевы Юга сошлись у бортов «Гольфстрима» в своей последней, решающей битве, когда я дернул за рычаг управления трапом. Обменявшись залпами из луков, арбалетов и пневматического оружия – на сей раз кабальеро обошлись без «би-джи»-пуль, коими они, видимо, опасались воевать в тесном пространстве, – непримиримые враги ринулись врукопашную. Против длинных пик Кавалькады монахи выставили свои копья и щиты. Но поскольку защитникам пришлось разделиться, каждый их отряд в отдельности проигрывал по численности ударным группам южан. Это было заметно даже беглым взглядом, стоило мне выглянуть из бойницы. И лишь ограниченная ширина проходов между краями пролома и сепиллой позволяла табуитам сдерживать ошестинившегося пиками противника.

Еще до того, как Убби поднялся на верхнюю палубу, он расслышал доносящиеся снаружи взбудоражившие его звуки битвы. Когда же северянин увидел, что возле «Гольфстрима» разыгралась не одна битва, а целых две, он и вовсе впал в нечто среднее между яростью и экстазом. И не успел еще трап опуститься, а Сандаварг уже в нетерпении подпрыгивал возле него с кистенем в одной руке и со щитом в другой.

– Даже не вздумай меня останавливать, Проныра! – пророкотал крепыш-коротыш, перехватив мой хмурый взгляд, осуждающий его самовольство. – Сейчас мое место там, внизу, и ты об этом прекрасно знаешь! Вчера, пока мы чесали задницы, а селадоры в это время воевали, я задолжал им не меньше двух десятков жизней проклятых южан. А такие долги я привык возвращать в срок и с процентами... В общем, ты меня понимаешь. И если вы будете готовы уезжать до того, как я

вернусь, то уезжайте, не ждите меня. Убби Сандаварг закончит эту драку лишь тогда, когда мерзкие южные псы начнут хором вопить о пощаде!.. Мое слово!

И, проревев свой боевой клич, бросился по еще не коснувшемуся пола трапу на подмогу тем селадорам, что держали оборону у правого борта истребителя. Я проследил, как рыжая макушка северянина мелькает среди монашеских шлемов, после чего ухватил за плечо рванувшего было за Сандаваргом Тамбурини-младшего, который, очевидно, решил, что Тамбурини-старший также бьется где-то среди защитников «Инфинито».

– А ну стой! – осадил я прыткого парня и, пока он не начал протестовать, указал на висящий над носовой палубой контейнер: – Вон там твой отец, видишь? Беги к нему и узнай, возможно, ему требуется твоя помощь! – И, поручив Дарио задание, повернулся к Долорес: – А ты вставай к кормовым «Эстантам» и, как только увидишь подходящую цель, стреляй! Да не высывайся зазря из-за щитка – хватит нам одного героя на борту!..

Последнее предупреждение являлось, в общем-то, необязательным. Малабонита была осторожнее Убби и не считала, что у нее есть невыплаченный долг табуитам. Высунувшийся из моторного отсека де Бодье вопросительно посмотрел на меня – мол, не нужно ли ему тоже, пока мы стоим, занять пост у баллестирады? Но я велел Сенатору вернуться обратно и быть готовым исполнить команду «Полный назад!». А также не спускать глаз с Физза. Привлеченный шумом, он мог ненароком выползти на верхнюю палубу, где сейчас и без него забот хватало.

Сам я остался дежурить у трапа, держа под рукой два заряженных арбалета и стараясь поменьше маячить на виду, поскольку в обшивку то и дело ударял какой-нибудь шальной болт или пуля. С моей позиции нельзя было видеть то, что творилось снаружи у левого борта. Но за идущей там дракой наблюдала с кормы Малабонита, и если на том фланге защитникам придется совсем туго, она меня об этом известит.

Зачем генерал капитула и два супремо-селадора полезли на верхотуру, выяснилось, когда они, встав поустойчивее на балках, приладили свой инструмент к крановым шестерням и начали вращать те вручную. Это позволяло крановщикам стравливать мало-помалу тросы с лебедок и опускать подвешенный на них контейнер. Между ним и палубой «Гольфстрима» было уже не двадцать метров, а намного меньше, но просто обрубить трос и уронить артефакт на палубу табуиты все равно не могли.

Наполненный доверху, он стал весить уже не три тонны, а все двенадцать. И хоть его прочность была исключительной, никто прежде не проверял, выдержит он падение или лопнет, излив свое содержимое наружу. А ведь по теории табуитов

такого количества «черной грязи» должно было хватить на то, чтобы обратить в прах Столп, не говоря про истребитель. Который, если следовать их же логике, уничтожат и вовсе несколько капель этого вещества, упади они на любую иностальную поверхность.

Тамбурини-старший тоже не хотел, чтобы его сын бросался в гущу битвы, поэтому приказал ему находиться внизу и следить, чтобы спуск контейнера проходил без перекосов и нагрузка на тросы сохранялась равномерной. При ручном вращении лебедок было легко нарушить баланс груза, а сверху заметить это вовремя не представлялось возможным. И то, что селадоры вдобавок торопились, сказывалось на их аккуратности не лучшим образом.

Увы, но несмотря на обнадеживающее начало битвы, вскоре ее ход был переломлен не в нашу пользу. Виной тому стали края купольной брешы. Они продолжали трескаться и осыпаться, но уже не на пол, а на головы сражающихся. И чем с большей высоты падали обломки, тем больший вред они причиняли. И с этой точки зрения диспозицию монахов нельзя было назвать удачной. Полусфера, что веками ограждала их от превратностей внешнего мира, отныне не только перестала защищать своих хозяев, но и фактически потворствовала их врагам, коим обвал угрожал значительно меньше.

На моих глазах два сорвавшихся с высоты обломка заметно проредили строй табуитов, что бились у правого борта истребителя. Последняя глыба рухнула всего в шаге от Сандаварга, который, выставив щит и перепрыгивая через изувеченные тела монахов, тут же бросился затыкать брешь в обороне. А южане не преминули воспользоваться моментом и, пока защитники вновь не сомкнули ряды, ринулись на прорыв.

Копья были отброшены, и в ход пошли клинки. За считанные секунды темп битвы набрал максимальные обороты. Раз за разом над шлемами и шляпами дерущихся взмывал, разбрызгивая кровь, и падал обратно брат Ярнклот. И пока он неистовствовал, было очевидно, что брат Ярнскид также усердно исполняет свой долг, не позволяя кинжалам и шпагам кабальеро уязвить северянина.

Обломки купола падали и по другую сторону от «Гольфстрима». Судя по также усилившимся там крикам, грохоту и лязгу, гвардейцы теснили орден и на том фланге. Сколько еще продержатся табуиты? Попробуй спрогнозируй это, когда очередной рухнувший на них кусок стекла может в мгновение ока свести на нет все их старания.

После того как южане ринулись в пролом, они перестали стрелять «би-джи»-пулями, и я понадеялся, что так будет продолжаться дальше. И когда

неподалеку от меня вдруг разразились подряд три черных всполоха, я изрядно струхнул. А Дарио, который оказался к ним еще ближе, шарахнулся от метафламма так, что даже споткнулся и загремел спиной на палубу.

Кабальеро, выпустивший по нам карабинную обойму, палил не наугад. Захватчики поняли, с какой целью мы вломились в Четвертый корпус, и вознамерились нам помешать. Изначально стрельба велась по крановщикам – простейший способ задержать погрузку. Но в суматохе битвы стрелок ошибся с прицелом, послал пули ниже – в контейнерный бок – и учинил то, на что явно не рассчитывал: перебил один из тросов.

Казалось бы, не слишком значительная неприятность на фоне всего того, что здесь творилось. Но она повлекла за собой целый каскад непредвиденных событий, определивших в итоге участь «Инфинито» и всех, кто на ней находился.

От метафламма как такового никто не пострадал. Но из-за обрыва троса контейнер резко перекосялся, после чего остальные стропы взялись рваться уже одна за другой. Я с ужасом наблюдал, как двенадцатитонный ящик раскачивается над бронекатом под оглушительные щелчки лопающихся тросов, и осознавал, что его неизбежное падение – вопрос ближайших секунд. И что потом наша судьба будет зависеть лишь от прочности корпуса этого инопланетного артефакта.

И все-таки первым на палубу упал не он, а спускавшие его табуиты. Обрывок одного из тросов взвился вверх, описал в воздухе полукруг, хлестанул по балке, на которой расположились люди, и смел с нее их всех.

Супремо-селадор, которому не повезло угодить под удар первым, погиб мгновенно: он сидел на корточках, и стальная плеть снесла ему голову. Второй крановщик – им также оказался спутник Тамбурини-старшего – заработал мощнейший удар поперек поясницы и был практически переломлен пополам, словно мягкая тряпичная кукла. Сам гранд-селадор в этот момент как раз поддевал ломом лебедочный барабан, и потому сначала трос шибанул по лому, а уже потом достал до человека. Его инструмент сыграл роль защитной прокладки и не позволил генералу капитула лишиться ноги. Что, впрочем, все равно его не спасло. Сила, с которой трос выбил у него из рук лом и припечатал его к генеральскому телу, была по-прежнему сокрушительной. Тамбурини-старший слетел с крана вместе с изувеченными телами собратьев и грохнулся на палубу в пяти шагах от споткнувшегося, но уже встающего на ноги сына.

...Которому, однако, вновь пришлось упасть. Не успел он обрести равновесие, как на «Гольфстрим» обрушился сорвавшийся с последнего троса контейнер.

Низвержение на нас этой махины можно было по праву назвать судьбоносным. Случались, бывало, в моей шкиперской практике неприятности с крупногабаритным грузом, но подобные – ни разу. Раскачавшись перед падением, иностальной куб повернулся в полете одной из своих вершин вниз, да так и врезался ею в носовую палубу. Она подпрыгнула у меня под ногами, а гром от удара разнесся такой, что он перекрыл собой шум битвы. Истребитель содрогнулся, и мне, чтобы не упасть, пришлось ухватиться за борт. И когда встряска прекратилась, марсианский артефакт, пробив корпус бронеката подобно молоту-чекану, вонзился в палубу примерно на треть и торчал из нее, словно обелиск.

Я замер, боясь даже пошевелиться. Что мы увидим и почувствуем в тот миг, когда вырвавшаяся из контейнера свирепая энергия распылит окрест него на атомы все живое и неживое?..

Но секунды тикали, а я все стоял и паниковал, хотя, казалось бы, не должен был уже ни о чем думать и вообще существовать.

Неужто пронесло и контейнер таки не раскололся? Или все же треснул, но «черная грязь» еще не вступила в контакт с иносталью и наше распыление просто отсрочилось на минуту-другую? Ладно, поживем – увидим. Если, конечно, нас не прикончат раньше этого эпохального события.

Я бросился было к распластавшемуся у мачты телу гранд-саладора, но стоило мне глянуть вверх, как я опять застыл на месте, пораженный очередным грандиозным явлением.

Сорвавшийся с крана груз серьезно повредил нам палубу, но еще больший урон он нанес тому, к чему даже не прикоснулся, – куполу. Едва стихло эхо этого удара, как оно сменилось другим грохотом, раздавшимся буквально отовсюду. Сотрясение истребителя не прошло бесследно для и так рассыпающейся на осколки полусферы. Все новые и новые трещины пробегали по ней, хотя никто больше не обстреливал ее метафламмом и не таранил бронекатами. Замедлившийся было после нашего вторжения процесс ее разрушения ширился и ускорялся лавинообразным манером. Если прежде купол обваливался лишь по краям бреши, то теперь во всех его секторах из него выпадали целые фрагменты. И чем дальше, тем скорый конец стеклянной крыши Четвертого корпуса становился все очевиднее.

Как вы помните, над «Гольфстримом» обрушаться было уже нечему и нам эта напасть не угрожала. Зато ее в полной мере ощутили на себе те, кто сражался снаружи. Причем теперь, когда дерущиеся сошлись вплотную и их ряды перемешались, обломки карали всех без разбору: и хозяев, и южан. Правда, командиры последних, смекнув, что происходит, принялись наперебой выкрикивать

приказы об отступлении и успели вывести часть своих бойцов из опасной зоны, благо им было куда отступать. Табуитам в принципе тоже – трап истребителя оставался опущенным. Но их осталось слишком мало, и они слишком завязли в битве, чтобы организовать собственный отход.

Создавалось впечатление, что над нами рушится само небо или же солнце разбилось на осколки и тысячами сверкающих искр осыпалось на землю. Мощь стеклопада нарастала плавно, а достигнув своего пика, сошла на нет всего за четверть минуты. За треском, грохотом и звоном не было слышно предсмертных криков тех несчастных, кто был погребен под многотонными глыбами. Но когда катаклизм отгремел, я опять не расслышал их криков и стонов, поскольку все они потонули в реве множества глоток собравшихся у купола кабальеро. Вот только рев этот почему-то не походил на победный, а скорее напоминал трагический вопль отчаяния, усиливающийся с каждой секундой.

Станный и более того – донельзя жуткий вой... Особенно беря во внимание, что оборона монахов была окончательно сломлена. Прежде на моей памяти гвардейцы никогда не сокрушались так из-за гибели своих *compaceros*. Даже когда вдобавок к этому получали от нас трепку. Сейчас же, после того как станция фактически перешла к ним в руки, они не ликовали, а голосили так, словно вдруг дружно пожалели о содеянном кровопролитии.

Завалы вокруг бронеката выросли почти вдвое и были обильно забрызганы кровью. Повсюду из-под них торчали покалеченные конечности, многие из которых дергались в конвульсиях, разможенные головы, а также измятые шлемы и сломанное оружие. Лишь кое-где над этим месивом из стекла и растерзанной плоти стояли, пошатываясь, редкие фигуры табуитов и южан, коим чудом довелось уцелеть под стеклопадом. Что, впрочем, для первых вряд ли могло считаться удачей. Скорее наоборот, ибо теперь на них готовилась хлынуть другая лавина – живая и не менее беспощадная.

И где-то под этими грудями стекла нашел свой славный конец один из лучших головорезов Атлантики, неустрашимый и бесшабашный северянин Убби Сандаварг, да поднесут ему теперь райские повара самую большую ложку...

– Шкипер Проньра! – вывел меня из замешательства дрожащий крик Дарио. – Шкипер Проньра, скорее сюда! На помощь! Отец зовет!..

Удивительно, но переживший удар лопнувшего троса и падение с верхотуры гранд-саладор был еще жив. Но вот чем мы могли ему помочь, я понятия не имел. Подобные тяжкие и множественные травмы умели лечить разве что в эпоху Чистого Пламени, да и то, наверное, лишь в лучших госпиталях. Возможно, на «Инфинито»

с ее фантастическим по нынешним меркам оборудованием Тамбурини-старшего также сумели бы выходить. Но поскольку этот островок Брошенного мира сам готовился вот-вот стать историей, у отца Дарио не было ни малейшего шанса.

Он был еще в сознании, когда я склонился над ним, но жизненные силы утекали из него, как вода из прохудившегося бурдюка. На губах гранд-селадора пузырилась кровавая пена, и каждый вздох давался ему ценой невероятных усилий. И все же я понял, о чем он, хрипя и кашляя кровью, мне сказал:

– Уходите!.. Быстро!.. Восток!.. Станция!.. Конец!.. Водород!.. Огонь!.. Скоро!..

А затем отвернулся от меня, схватил сына своей единственной непокалеченной рукой за плечо, с силой притянул к себе и взялся сбивчиво о чем-то говорить ему на ухо. О чем именно, я уже не слушал. Но не потому, что последние слова Тамбурини-старшего предназначались не мне, а по причине упомянутых им только что двух элементов: водорода и огня. И то, что генерал капитула перечислил их друг за другом, было отнюдь не случайностью. Я имел представление, что случается при воспламенении даже небольшого объема водорода. А учитывая, какое его количество хранилось на «Инфинито», и сколько еще его можно было накачать под оставшиеся купола из станционной скважины, грядущему самопожертвованию табуитов предстояло стать воистину грандиозным финальным аккордом падения Гексатурма.

– Полный назад! – прокричал я выглядывающему из моторного отсека Сенатору и бросился поднимать трап, по которому к нам на борт так и не поднялся ни один защитник храма. Гранд-селадор не уточнил, когда именно здесь разразится метафламмовая буря. Но, надо полагать, пока кабальеро не захватили другие корпуса станции, табуит, обязанный ее взорвать, этого не допустит. Ведь он наверняка следит за всем происходящим здесь и увидит убегающий «Гольфстрим» с погруженным – или, вернее, сброшенным – ему на палубу ценным артефактом.

Трап следовало убирать незамедлительно. Огибая торчащие из фундамента остатки купольного основания, к нам устремилась чуть ли не вся спешившаяся Кавалькада. Вопли, которые она при этом издавала, не стали ни на йоту радостнее и были все так же исполнены гнева и отчаяния. Гвардейцев сдерживали груды обломков, которые тем приходилось преодолевать, и отчасти – выжившие селадоры, что вступали с врагом в свою последнюю схватку и гибли, пронзенные одновременно десятком клинков. Эти возникающие на пути южан препоны давали нам время на то, чтобы успеть поднять сходни. Однако когда моя рука взялась за рычаг, я не дернул его, поскольку мой взгляд упал на согбенную ковыляющую фигуру, неожиданно нарисовавшуюся возле правого заднего колеса.

Этот тип сгорбился и хромал, потому что был ранен да вдобавок тащил на себе громоздкую ношу. Только по этой ноше – а точнее, лишь по ее половине – я смог опознать странного человека, спешащего, несомненно, к трапу «Гольфстрима»...

Какая опасность должна была гнаться за Убби Сандаваргом, чтобы он, удирая от нее, бросил своих братьев Ярнклота и Ярнскида, если даже остервенелая Кавалькада не являлась для этого достаточно веским поводом? Более того, залитый кровью с ног до головы северянин ухитрился нести свое богатство в одной руке: намотав кистень на руку, а щит зажав под мышкой. Другая рука крепыша-коротыша удерживала на плече груз, который я поначалу принял за продолговатый тюк. Но, присмотревшись и обнаружив на «тюке» доспехи, я понял, что на самом деле это вовсе не тюк, а человеческое тело.

И не было бы в героическом поступке Убби ничего удивительного, принадлежи это тело какому-нибудь табуиту. Но нет, судя по одежде и доспехам, наш бесстрашный друг тащил на себе... кабальеро! Причем довольно упитанного и выглядевшего заметно выше и тяжелее самого Сандаварга.

Неуклюже скользя ороговевшими босыми пятками по стеклу, северянин находился в нескольких шагах от нас, когда Сенатор дал «Гольфстриму» задний ход. И так едва не падающему от ран и изнеможения Убби пришлось поднажать, дабы настичь удаляющийся от него край сходней. Взревев, он рывком преодолел оставшееся расстояние и буквально рухнул на трап ниц, уронив на него свои иностальную и живую (сомнительно, чтобы наемник стал рисковать из-за трупа) ноши. А затем покатился вместе с ними по наклонной плоскости на палубу, поскольку я не стал дожидаться, пока Сандаварг встанет на ноги, и рванул рычаг лебедки вниз, включив максимальную скорость подъема.

Вставшая вертикально тяжелая плита трапа отрезала нас от галдящей Кавалькады. Теперь, когда мы рванули прочь от станции, мне следовало срочно возвращаться на мостик. Однако в эти мгновения я был не в силах сделать даже шага. Моя оторопь объяснялась просто и была бы понятна любому обитателю Атлантики. Прямо передо мной, распластавшись на палубе, лежала единственная причина того, почему кабальеро оглашали округу не победными кличами, а воплями гнева и отчаяния. И причина эта представляла собой то самое тело, которое ценой адских усилий доставил к нам на борт Убби.

Тело это могло считаться лучшим добытым им в своей жизни боевым трофеем. Таким, в сравнении с которым даже убийство Сандаваргом вакта выглядело бы уже не так впечатляюще. И впрямь, кому еще из ныне живущих земляков нашего

северянина доводилось похищать из-под носа у Кавалькады ее команданте, дона Балтазара Риго-и-Ордаса?..

Эпилог

Увидеть на горизонте черный всполох – откровенно плохая примета. А когда это вдобавок происходит в самом начале долгого и опасного путешествия, можно запросто разувериться в его благополучном исходе...

Как видите, по злой иронии судьбы мне приходится завершать это повествование теми же словами, с каких я его начал. Разве что теперь наше новое путешествие на восток начиналось не в Аркис-Сантьяго, а на противоположном конце света, и выброс метафламма разразился у нас не прямо по курсу, а за кормой. Выброс, о котором знал каждый присутствующий на борту Гольфстрима человек и который вызвал у всех нас разные, но вполне понятные эмоции...

Не испытал их лишь один из нас – гранд-селадор Тамбурины. Он скончался от травм за полтора часа до того, как весь западный небосклон застила гигантская клякса «би-джи», а долетевший до «Гольфстрима» оттуда треск напоминал близкую грозу.

Заслышав его раскаты, горяющий над телом отца Дарио (останки прочих упавших к нам на палубу табуитов мы упаковали в мешки и уложили на носу бронеката) вскочил и, подбежав к мачте, вскарабкался по лестнице до ее середины. И пробыл там, созерцая черную пелену на горизонте, пока она не рассеялась и вместо нее не осталась лишь туча вздыбленной метафламмом пыли. После чего, ни слова не говоря, парень вновь вернулся на свой траурный пост и продолжил скорбеть в не по-юношески суровом молчании. А также, возможно, обдумывать слова, которые Тамбурины-старший сказал сыну незадолго до своей смерти. О чем говорилось в тех словах? Об этом нам было по-прежнему неизвестно. Но, полагаю, они напрямую касались и нас и вскоре Дарио раскроет нам последнюю волю покойного гранд-селадора.

Наблюдая с мостика за парнем, я видел, насколько сильно он изменился и повзрослел всего за какие-то сутки. Это прослеживалось не только в его поведении, но и во взгляде, где помимо скорби читалась также крайне нетипичная для Дарио мрачная, холодная решимость. Она была, конечно, намного предпочтительнее страха и отчаяния, что также наверняка его обуревали и каких он, к своей чести, не выказывал. И тем не менее нынешнее настроение Тамбурины-младшего меня немного пугало. Что он мог натворить в горячке, мы себе примерно представляли.

Каких сюрпризов ожидать от него в таком состоянии, было известно лишь всевидящей Авось.

Второй очутившийся у нас на борту невольный гость – дон Балтазар Риго-и-Ордас, – напротив, отреагировал на черный всполох весьма бурно. Сыпля проклятьями и бешено вращая глазами, он начал вырываться из цепей, какими мы приковали его к левому борту, но все его потуги были тщетны. Еще толком не оклемавшись от контузии, команданте, однако, сообразил, что за участь постигла «Инфинито». И, главное, какие потери понесла при этом штурмующая станцию Кавалькада. Это стало для него вторым после его пленения потрясением за минувшие часы. Потрясением настолько тяжким, что на свои физические страдания – а без них встреча лицом к лицу дона Балтазара и Убби не могла обойтись в принципе – он уже не обращал внимания.

Как вообще мог случиться такой вселенский конфуз, какой постиг в финале сегодняшней битвы посланника королевы Юга?

Все просто. Отвага команданте была известна всей Атлантике так же хорошо, как его легендарные свирепость и высокомерие. Поэтому неудивительно, что при историческом штурме храма Чистого Пламени дон Риго-и-Ордас не отсиживался в тылу, а находился в рядах своих *compaceros*. Завидев неподалеку от себя воистину достойного противника, Убби впал в еще больший кураж и взялся подначивать того на драку. А поскольку наш краснокожий забияка был в этом большой специалист, опять-таки неудивительно, что главный кабальеро в конце концов откликнулся и сошелся с ним прямо на поле брани.

Чье смертоносное искусство выиграло бы в итоге при, скажем так, спортивных условиях этого поединка, история в этот день не узнала. Зато способность быстро ориентироваться в боевой обстановке оказалась выше у Сандаварга. Оно и понятно: при всей грозности Кавалькады она нечасто ввязывается в подобные баталии из-за отсутствия у нее достойных соперников. Чего нельзя сказать об Убби, который, бывало, со скуки сам провоцировал драки, даже если соотношение сил складывалось не в его пользу. Вот почему, когда на головы сражающихся обрушилась лавина обломков, битый жизнью северянин и благородный команданте повели себя так, как подсказывал им их личный боевой опыт.

Главный вывод оба они сделали правильный: их бойцовские навыки не помогут им выжить при обвале, и потому поединок следует прервать, а дальше будет видно. После чего каждый из них поступил уже по-своему. Дон Балтазар решил отойти за пределы купола вместе со своими кабальеро, а Сандаварг – кинуться к бронекату.

До него было рукой подать, а прочие табуиты слишком увязли в сражении, чтобы удрать за наемником в укрытие до падения основной массы осколков.

Два матерых воина приняли решение об обоюдном отступлении буквально за секунду. Однако уже в следующее мгновение произошло то, что сам Убби коротко и емко обрисовал северной присказкой: «Бьешься с северянином – не щелкай клювом!» Отступив на пару шагов, дон Балтазар имел неосторожность глянуть вверх, дабы вовремя заметить падающий на него обломок и уклониться. Чем и воспользовался хитрый северянин, не упустивший из виду, что его враг на миг отвлекся и смотрит в другую сторону.

Подскочив к нему, Сандаварг с ходу ошарашил команданте щитом – коварным ударом, коим на моей памяти Убби повергал наземь не только противников-пехотинцев, но и всадников вместе с лошадьми. Вдобавок наемничий выпад был проведен под таким углом, что дон Риго-и-Ордас отлетел не вслед отступающим *contraceros*, а к истребителю. Иными словами, туда, куда собирался броситься сам северянин.

Не исключено, что Сандаварг даже спас команданте жизнь, поскольку тот мог запросто погибнуть под стеклопадом, что накрыл поле битвы спустя еще пару мгновений. Но за колесом бронеката, где очутились оглушенный дон Балтазар и крепыш-коротыш, катаклизм им был уже не страшен. И когда он отгремел, кабальеро, которые не разглядели из-за спин товарищей, что же стряслось с их предводителем, решили, что тот угодил под обвал. А поднятый ими по этому поводу рев отчаяния усугубил неразбериху, перекрыв крики тех гвардейцев, кто знал правду и пытался донести ее до собратьев...

Дальнейшее я видел собственными глазами. Убби сам не ожидал, что его враг проворонит эту атаку и, лишившись сознания, окажется в полной власти северянина. Впрочем, как бы ни был тот опьянен битвой, мозжить команданте голову он повременил. Разве винный гурман вроде де Бодье выхлебает торопливо из горлышка бутылку дорогущего вина, когда та вдруг попадет ему в руки? Вот и Сандаварг смутился: а к лицу ли потомственному воину убивать такого авторитетного противника беспомощным, да еще второпях, словно какому-нибудь грабителю? Только что же прикажете с ним делать, если не убивать?

Перед тем как отправиться на битву, разгоряченный Сандаварг пообещал нам завершить ее лишь тогда, когда, цитирую, «мерзкие южные псы начнут хором вопить о пощаде». Битва закончилась: отгремевший обвал прекратил ее независимо от желания северянина. Псы-южане также всю вопили сейчас хором. Пускай не о

пошаде, но и победными их крики при всем желании назвать было нельзя. А раз так, значит...

«Великолепно! – рассудил Убби. – Я не только выжил и сдержал клятву воина, но еще и захватил одного из самых почетных пленников в Атлантике! Покажу ублюдка братьям, те разнесут обо мне славу по всему свету, и наши скальды будут воспевать мои подвиги до скончания времен! Не этого ли я – потомок Эйнара, Бьорна и Родерига – добивался всю свою жизнь?»

Мысль эта так воодушевила Сандаварга, что он, невзирая на раны, взвалил бесчувственного команданте на плечо, подобрал оружие и кинулся к трапу «Гольфстрима», пока я, памятуя наказ северянина, не пустился наутек, не дожидаясь его возвращения...

Кто бы сомневался, что после такого оскорбления все кабальеро, какие могли держаться в седле, вскочат на рапидо и пустятся за нами в погоню! Похищение команданте вызвало в их рядах сумятицу. Наиболее отчаянные гвардейцы предприняли несколько попыток запрыгнуть на скаку к нам на броню, но быстро отказались от своей затеи, стоило лишь мне описать по хамаде круг с включенной сепиллой. Впрочем, когда через полчаса офицеры навели-таки в рядах осиротевшей Кавалькады порядок, она поумерила пыл, сбавила ход, после чего, остановившись, разделилась на два неодинаковых отряда. Первый из них, небольшой – примерно полсотни всадников, – продолжил погоню. А второй – вся оставшаяся конная армия южан – развернулся поводья и помчался обратно.

Стратегия офицера, заступившего на место плененного команданте, была ясна. Какой смысл гнать за нами войско целиком, если будет разумнее отдать всю имеющуюся при нем воду и провиант небольшой группе гвардейцев и отправить их по нашим следам? В то время как прочие преследователи смогут вернуться к храму и завершить штурм при поддержке ожидаемых там вскорости бронекатов Дирбонта. В какой бы край Червоточкины мы ни направились, дозорные-кабальеро не упустят «Гольфстрим» из виду, отправляя по мере надобности гонцов с докладами назад, в Гексатурм. А при первом благоприятном моменте – захватят нас. Или на худой конец вступят с нами в переговоры, если мы вдруг до них снизойдем.

Решение это было здравым, но оно же и погубило возвратившихся на «Инфинито» южан. Которые являли собой ни много ни мало девяносто процентов всей Кавалькады. Конечно, это было лишь наше предположение и часть ее по какой-либо причине вполне могла не угодить в черный всполох. Но так или иначе, а подобная мысль не утешала беснующегося и гремящего цепями дона Балтазара. Как, очевидно, и движущихся в километре позади нас кабальеро. Наверняка они уже

отрядили на запад гонца, который еще до заката должен был вернуться и принести дозорным известия о том, что стряслось на станции и как им теперь быть дальше...

Угомонить разбушевавшегося пленника мог лишь его хозяин – Сандаварг. Все остальные, включая меня, продолжали инстинктивно побаиваться одиозного команданте, даром что закованного в цепи. Но Убби было пока не до него. Заштопанный, перевязанный бинтами и облепленный с ног до головы компрессами, он только что выхлебал в качестве обезболивающего полбочонка портвейна и теперь сидел в полудреме, прислонившись к мачте и, казалось, не замечая никого и ничего вокруг.

Что на самом деле было вовсе не так. Черный всполох заставил северянина приподняться и доковылять до кормы, где уже топтался, утоляя любопытство, выбежавший из моторного отсека Гуго. С задней палубы открывался не такой хороший вид, как с мачты, но на нее израненный Сандаварг попросту не взобрался бы.

– Загрызи всех их пес! – задумчиво подытожил он увиденное, хотя, как и я, явно сомневался в том, что на «Инфинито» еще остались люди, которых его гипотетический пес мог бы загрызть. После чего, шумно вздохнув, отвернулся и похромал обратно к мачте допивать портвейн и промывать свои кровоточащие раны.

– Я видел Чистое Пламя. Я видел разобранный ДБВ. Я видел много других уникальных и диковинных вещей. Я дышал настоящим чистым воздухом. Я вкушал райские вино и пищу. Я беседовал с самыми умными людьми на планете. Я познал истину... – глубокомысленно изрек Сенатор, покачав головой. Он говорил сам с собой, но говорил громко, и его голос был хорошо слышен с мостика. – Все мы познали истину. И мы же приложили свои руки к тому, чтобы ее уничтожить. Не Вседержители – мы сами погасили последнюю искорку Чистого Пламени, что еще светила во мраке нашей черной эпохи. И пускай мы сделали это по незнанию и дорого заплатили за свое преступление, но так или иначе история никогда нам этого не простит. Пропади пропадом наша дремучесть, и мы вместе с ней!

– Херьмо! – лаконично согласился с Сенатором разлегшийся на своем посту Физз. «Би-джи» разбудил его и вынудил повернуться мордой на запад. При этом хвост взбудораженного ящера молотил по крыше рубки, словно тревожный набат, и действовал мне на нервы наряду с проклятьями дона Балтазара.

Что сказала насчет черного всполоха Долорес после того, как предупредила нас с марса о далекой опасности, я уже не расслышал. Наверное, помянула по традиции

святого Фиделя Гаванского и выругалась, ведь выражать свои мысли столь же поэтично, как де Бодье, она не умела.

Однако едва пелена мрака над горизонтом развеялась, как Малабонита вновь напомнила о себе, окликнув нас и указав куда-то на север. Это не был сигнал о приближении неминуемой угрозы – в таком случае Моя Радость сразу подняла бы тревогу. Но волнения в ее голосе было не меньше, чем когда она извещала нас о выбросе метафламма.

– Смотрите! – кричала с марсовой площадки Долорес, продолжая тыкать пальцем в северном направлении. – Ориентир – высокий утес на восемь часов! Видите?!

Там, куда она показывала, возвышалась небольшая – полкилометра в длину – Г-образная скальная гряда. Ее излом был выгнут на юг и действительно являл собой крутой, похожий на трамплин утес. Расстояние между нами и утесом было довольно велико, но, даже не влезая на мачту, я сумел рассмотреть того, кто вдруг на нем обнаружился.

Вакт!

Он стоял на вершине скалы недвижимый, будто статуя, и глядел вслед «Гольфстриму» и скачущему за ним отряду кабальеро. Какие мысли крутились при этом в иностальной башке чудовища, одному ему известно, но пускаться за нами в погоню оно явно не спешило. Просто стояло и провожало нас взглядом так, словно мы его не интересовали, а всего лишь отвлекли от кормежки или иных его песьих дел. Физз также сохранял спокойствие. Как и все ночные охотники, днем он был подслеповат и не видел дальше полусотни человеческих шагов. И учуять этого пса Вседержителей ящер не мог – слишком уж далеко тот от нас находился.

Одинокий вакт так и маячил на утесе, пока мы могли различать его на фоне багровеющего закатного небосклона. Все это время я ежеминутно оборачивался, переводя обеспокоенный взгляд со стража Полярного Столпа на марсианский артефакт. Пробив насквозь корпус истребителя, он по-прежнему торчал наперекосяк в палубе, словно застрявший в чешуе змея-колосса гарпунный наконечник. И будет торчать там еще невесть сколько, потому что я совершенно не представлял, как в полевых условиях выдернуть оттуда эту махину.

Заметило чудовище наш контейнер или нет? А если заметило, то когда оно намерено явиться за ним? Сейчас эти вопросы не имели для меня ответов, равно как любые другие вопросы, касающиеся нашего ближайшего будущего.

И тем не менее, несмотря ни на что, вѣдомый мной старичок «Гольфстрим» продолжал углубляться все дальше и дальше в неизведанные земли, ведь иного пути ни у него, ни у нас сегодня попросту не было...